ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

Включен в Перечень ВАК

ISSN 2225-756X

Научный диалог

2021. № 3

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • Международная база ERIH PLUS с 11 июня 2015 года • Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • EBSCO • Index Copernicus • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Импакт-фактор РИНЦ 2019	0,357
ICV 2019 Index Copernicus	98.91
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки 10.01.00 Литературоведение 10.02.00 Языкознание
География авторов выпуска	Барнаул, Вологда, Екатеринбург, Елабуга, Елец, Кемерово, Киев (Украина), Комсомольск-на-Амуре, Курск, Магадан, Минск (Беларусь), Москва, Одинцово, Санкт-Петербург, Симферополь, Тобольск, Улан-Удэ, Уфа, Челябинск, Якутск, Ярославль
Авторы, имеющие ученую степень	67 %

Дата выхода в свет 24.03.2021

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2021. № 3

Impact factor RSCI 2019	0,357
ICV 2019 Index Copernicus	98.91
	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web (www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/) • Science Index (Rus) • Index Copernicus • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the journal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет

10.02.00 Языкознание

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефтимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоськина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Science Editors

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

Editorial board

Linguistics

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)
Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

Literary studies. Journalism. Folklore

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)
Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

History. Ethnography. Ethnology

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)
Yuri Dmitrievich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Содержание

Языкознание

Авдеенко И. А. Контент-анализ текстов рок-поэзии при описании семантики символов ПУТЬ и ДОРОГА 9

Биюмена А. А. Конструирование солидарности в белорусской прессе советского периода 26

Бородина Н. А. Образные средства репрезентации Млечного Пути в русской художественной литературе XIX — начала XXI веков 42

Зарипов Р. И., Будаев Э. В. Метафорический образ будущего России в контексте конституционной реформы 2020 года (на материале СМИ Франции) 57

Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ) ... 69

Нестерова О. Б. Концепт AMERICA как фрагмент концептосферы языковой личности Барака Обамы 86

Степыкин Н. И. Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») 106

Тимко Н. В. Современные диссертационные исследования лингвокультурологических факторов в теории и практике перевода : подходы, лакуны, перспективы 121

Щетинина А. В. Ватник, брексит и крымнаш: к вопросу о лексикографировании новых слов с семантикой единения и вражды 139

Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Волкова И. И., Проскурнова Е. Л., Чан Тхи Тхуи Зунг. О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью 157

Демченко П. Н., Мальцев И. В. Медиатизация как фактор повышения интереса к современным научно-популярным СМИ (на примере журналов «Наука и жизнь» и «Популярная механика») 171

Дякина А. А. Публицистика и публицистичность в творческой практике И. А. Бунина 190

Кихней Л. Г., Тулушева Е. С. Ономастический код в произведениях Дины Рубиной «Наполеонов обоз» и «Белая голубка Кордовы» 206

Львова С. Д., Герасимова Л. Н. Из опыта разработки базы данных о сказителях якутского эпоса 231

Пинковский В. И. Лирическое творчество Элизы Меркёр: к типологии поэтов французского романтизма 244

Сейбель Н. Э., Шастина Е. М. Нарративная структура воспоминаний в текстах Ф. Верфеля и А. Окопенко 259

Филипповский Г. Ю. А. С. Пушкин — Н. А. Некрасов : аспекты диалогической поэтики 276

Худенко Е. А., Глазинская Е. Т. Потустороннее пространство в романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» 291

Исторические науки

Белоусов М. С., Белоусов А. С., Куру А. И. Создание Царства Польского в дискурсе российской прессы 309

Бессилин Н. А., Санжарова Г. Ф. Р. А. Маслов о франко-бургундских отношениях второй половины XV века 328

Валов Т. В. Влияние экономического кризиса 1998 года на динамику рыночных реформ и приватизационный процесс в России (на примере Санкт-Петербурга) 347

Дашиева Н. Б. Генеалогический миф бурят племени Хори : календарь и обряд 363

Дворниченко А. Ю. «Литва» и «Руссии» в отражении травелогов : от Карпини до Герберштейна 380

Сафин Ф. Г., Абрамова С. Р., Ишемгулов М. Н. Этнодемография башкир в регионах России (1970—2010) 397

Столетова А. С. Советская торговля в 1960—1980-е годы: базовые принципы и их искажение 416

Тао Цзинхун, Кузьмин В. А. Развитие китайско-турецких отношений в рамках инициативы «Один пояс, один путь» 438

Татарникова А. И. Противоэпидемические мероприятия органов городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков 452

TO AUTHORS 469

CONTENTS 474

Языкознание
Linguistics

Анна Александровна Биюмена, канд. филол. наук (Минск)
Анна Викторовна Щетинина, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Иван Анатольевич Авдеенко, канд. филол. наук (Комсомольск-на-Амуре)
Надежда Анатольевна Бородина, канд. филол. наук (Елец)
Наталья Валерьевна Тимко, канд. филол. наук (Одинцово)
Николай Иванович Степыкин, канд. филол. наук (Курск)
Олеся Борисовна Нестерова, старший преподаватель (Москва)
Ольга Николаевна Кондратьева, д-р филол. наук (Кемерово)
Руслан Ирикович Зарипов, канд. филол. наук (Москва)
Эдуард Владимирович Будаев, д-р филол. наук (Нижний Тагил)
Юлия Сергеевна Игнатова, магистрант (Кемерово)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Авдеенко И. А. Контент-анализ текстов рок-поэзии при описании семантики символов ПУТЬ и ДОРОГА / И. А. Авдеенко // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-9-25.

Avdeenko, I. A. (2021). Content Analysis of Rock Poetry Texts when Describing the Semantics of the WAY and ROAD Symbols. *Nauchnyi dialog, 3:* 9-25. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-9-25. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-9-25

Контент-анализ текстов рок-поэзии при описании семантики символов ПУТЬ и ДОРОГА

Авдеенко Иван Анатольевич
orcid.org/0000-0002-1575-1742
кандидат филологических наук, доцент,
iavdeenko@mail.ru

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет»

(Комсомольск-на-Амуре, Россия)

Content Analysis of Rock Poetry Texts when Describing the Semantics of the WAY and ROAD Symbols

Ivan A. Avdeenko
orcid.org/0000-0002-1575-1742
PhD in Philology, Associate Professor,
iavdeenko@mail.ru

Amur State University of Humanities and Pedagogy

(Komsomolsk-on-Amur, Russia)

© Авдеенко И.А., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о методах описания лексической семантики. Особое внимание уделяется символам — языковым знакам, выражающим мировосприятие культуры. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки объективной методики описания, соответствующей как современным представлениям о семантике слова, так и природе символа. Выполнен обзор современных представлений о значении слова. Поднимается вопрос о возможности описания семантики символа на основе анализа контекстуального окружения языкового знака. Представлена авторская разработка методики качественно-количественного контент-анализа репрезентативной выборки текстов при описании семантики символа. Предлагается классификация уровней анализа состава слов, образующих контекст использования символа. Автор останавливается на этапах и процедурах извлечения семантики символа из контекста, в котором он используется. Представлены результаты сопоставительного анализа семантики символов ПУТЬ и ДОРОГА в языке русской рок-поэзии. Доказано, что представленная методика позволяет описывать семантику символа, опираясь не на абстрактную логику соотношения понятий, а на смысловые отношения, зафиксированные в тексте. Новизна исследования видится в том, что данная методика позволяет рассматривать символ не как окказиональную, а как языковую, регулярно воспроизводимую носителями соответствующих представлений единицу.

Ключевые слова:
лексическая семантика; лексическая сочетаемость; контент-анализ; символ; распреде-ление ассоциаций; сопоставительный семантический анализ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the question of methods for describing lexical semantics. Special attention is paid to symbols — linguistic signs expressing the worldview of culture. The relevance of the study is due to the need to develop an objective description methodology that meets both modern concepts of the semantics of a word and the nature of a symbol. A review of modern concepts of the word meaning is carried out. The question is raised about the possibility of describing the semantics of a symbol based on the analysis of the contextual environment of a linguistic sign. Attention is paid to cases of direct, figurative, symbolic and regular arbitrary use of the word. The author's development of a methodology for qualitative and quantitative content analysis of a representative sample of texts in describing the semantics of a symbol is presented. The classification of the levels of analysis of the composition of words that form the context of the use of the symbol is proposed. The author dwells on the stages and procedures for extracting the semantics of a symbol from the context in which it is used. The results of a comparative analysis of the semantics of the WAY and ROAD symbols in the language of Russian rock poetry are presented. It is proved that the presented methodology allows describing the semantics of a symbol, relying not on the abstract logic of the relationship of concepts, but on the semantic relations fixed in the text. The novelty of the research is seen in the fact that this technique allows us to consider a symbol not as an occasional, but as a linguistic unit, regularly reproduced by the carriers of the corresponding representations.

Key words:
lexical semantics; lexical compatibility; content analysis; symbol; distribution of associations; comparative semantic analysis.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’373.612.2+82-192

Контент-анализ текстов рок-поэзии при описании семантики символов ПУТЬ и ДОРОГА

© Авдеенко И.А., 2021

1. Введение

Актуальность разработки методики качественно-количественного контент-анализа репрезентативной выборки текстов при описании семантики символов определяется рядом факторов. Во-первых, до настоящего времени семантика символа описывалась на основе исследовательской интуиции, в том числе в отношении представлений различных культур. Несмотря на то, что создание словарей символов ведется активно [Керлот, 1994; Похлебкин; Тресиддер, 1999; Форти, 2005 и др.], авторам этих словарей приходится верить на слово, верификация остается возможной только через сопоставление с другими словарями. Во-вторых, современное языкознание исходит из восходящего к идеям Ф. де Соссюра отождествления означаемого слова и понятия [Соссюр, 2004], хотя значение слова как символа выходит далеко за пределы понятия, поэтому традиционные методики описания семантики слова, основанные на логических процедурах, оказываются неприменимыми к анализу символа. В-третьих, методика качественно-количественного контент-анализа, которая могла бы обеспечить описание семантики символа на основе статистических процедур, до настоящего времени остается неадаптированной к анализу собственно языковых явлений и используется преимущественно для получения данных о содержании тех или иных текстов в социологии, психологии, политологии. При этом в квантитативной и корпусной лингвистике методы семантизации слова, опирающиеся на контекст, показали свою эффективность [Bullinaria, 2007].

Контент-анализ понимается как исследование состава (содержания) текста. Логика его применения обусловлена семантической структурой самого текста, представляемой в виде денотатной структуры [Новиков, 1983]: тематика текста так или иначе выражается в соотношении семантически однородных языковых единиц. Например, в функциональной стилистике отношение текста к стилю определяется использованием в нём стилистически маркированных слов, синтаксических структур; определение типа речи включает в себя показатели количества имен существительных, прилагательных, глаголов и т. д. Вместе с тем методика контент-анализа до настоящего времени не имеет общепринятого описания. В первую оче-

CC BY

редь это касается противопоставления «количественного» и «качественного»: с одной стороны, количественное и качественное рассматриваются как множественное и единичное; с другой — как фактическое и интерпретационное [Богомолова и др., 1992]. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой количественные показатели являются основой для качественных выводов (интерпретации). Методика контент-анализа художественных текстов, релевантных для субкультуры с точки зрения описания семантики символов, представляется эффективной, поскольку она позволяет индуктивным методом выявить скрытое, не выраженное буквально, но присутствующее в тексте [Кирпиков, 2018] представление о мире, свойственное субкультуре и зафиксированное в символах.

Цель настоящей работы состоит в обосновании, формализации, описании и демонстрации возможностей использования методики изучения семантики символа на основе качественно-количественного контент-анализа репрезентативной выборки текстов.

В качестве материала для демонстрации возможностей данной методики использована выборка репрезентативных текстов русской рок-поэзии. Рок-поэзия в данном случае показательна, поскольку представляет собой относительно самостоятельное направление русской поэзии, опирающееся на общие для всех представителей эстетические установки. В их числе — активное использование возможностей слова как символа, выражающего мировосприятие субкультуры [Авдеенко, 2020].

2. Контент-анализ текста как метод описания семантики символа: обоснование применения

В. П. Руднев в «Словаре культуры XX века» отмечает, что слово *анализ* в гуманитарных науках XX столетия понимается иначе, чем то же слово в естественных и точных науках. Основное отличие состоит в возможности и необходимости верификации и контроля в естественных и точных науках и невозможности и ненужности этих процедур в случае анализа текста (исключение — некоторые строгие области филологии: ритмика стиха, математическая лингвистика), поскольку структура семиотического объекта, такого как художественный текст, неисчерпаема и бесконечна [Руднев, 1999].

Однако такая ситуация в гуманитарной науке не предполагает невозможности описания языка путем анализа текста. Так, Л. В. Щерба считал, что источник единства языка общественной группы необходимо искать в языковом материале (текстах), поскольку индивидуальные речевые системы формируются под его влиянием. Если группа составляет единство, то деятельность её членов находится в одинаковых условиях, в том чис-

CC BY

ле — коммуникативных. Следовательно, языковой материал этой группы является единым, а значит, любая фраза любого члена группы создается одновременно для всех её членов [Щерба, 1974].

Единство языкового материала той или иной группы предполагает возможность рассмотрения совокупности текстов разных авторов как выборки из «сверхтекста», то есть языкового материала безотносительно его авторства, так как в языковом (а не речевом) аспекте каждая из фраз, входящих в состав текстов выборки, потенциально могла быть сказана любым членом группы. Это не отрицает индивидуально-образного нюансирования семантики символов в рамках индивидуальных эстетических систем авторов, однако позволяет выявить инвариантную, общую часть семантики символов как языковых (социальных) единиц.

Мы исходим из понимания слова как знака с билатеральных позиций, то есть как единицы, «замещающей» собой некоторый объект, признак, процесс, представления о них и без значения не существующей [Колшанский, 1960; Нарский, 1969]. Однако это не предполагает, что значение слова не способно к развитию в практике применения.

В современной лексической семантике выделяются семемный и семный подходы, отличающиеся пониманием значения слова, соответственно, как целостного и как внутренне структурированного объекта [Попова и др., 2009]. Предлагаемая автором статьи методика в этом отношении имеет признаки обоих подходов. В частности, семемный подход выражается в том, что природа символического значения ставится в один ряд с предложенными академиком В. В. Виноградовым типами лексических значений: номинативным, производно-номинативным и фразеологически связанным, где первые два типа являются денотативными, а третий — коннотативным (с разной степенью ассоциативности) [Виноградов, 1977]. Символическое значение противопоставлено всем этим типам, поскольку в отличие от них обладает ненормированной сочетаемостью. В то же время символическое значение продолжает этот ряд, поскольку еще дальше, чем фразеологически связанное, отодвигается от прямого обозначения понятия.

В результате семемного анализа разграничиваются разные (прямые, переносные и фразеологические значения слова), фиксирующиеся в словарях. Причем в ряде случаев словари описывают значения слова, актуальные для ограниченного круга носителей языка (пометы «обл.», «проф.» и т. п.). Использование предлагаемой методики, поскольку совокупность контекстов употребления слова-символа извлекается из текстов субкультуры, предполагает получение дефиниции с отражением символического значения, характерного для представителей данной субкультуры в пределах национального языка и национальной культуры.

CC BY

Семный подход предполагает выделение внутри семемы компонентов — сем. Они выявляются и дифференцируются внутри значения, зафиксированного в словарной статье, и дополняются семами на основе анализа употреблений слова в текстах. Семы классифицируются по роли в составе семемы. В частности, выделяются семы ядерные (основные, обязательные) и периферийные (ассоциативные, факультативные). Исходя из изложенной ранее идеи о том, что специфика символа как знака состоит в нивелировании понятийного значения слова и переносе внимания на ассоциативное поле [Авдеенко, 2014, с. 9—21], при исследовании семантики символа методом качественно-количественного контент-анализа не предполагается такого разграничения, поскольку демаркационная линия ядерности / периферийности размыта.

Вместе с тем диффузия ядерных и периферийных компонентов значения ведет к тому, что категории интегральных и дифференциальных сем наблюдаются не в ядерной, а в ассоциативной зоне семантики. На основе сопоставления этих категорий сем в использованной методике осуществляется как описание семантики отдельных символов, так и моделирование их систем.

Исследователи семантики слова различают языковое значение и актуальный смысл, при этом отмечая, что языковое значение всегда шире, в конкретном употреблении отражается лишь часть семантического потенциала. Качественно-количественный анализ репрезентативной выборки текстов позволяет обнаружить те модуляции неисчерпаемо многозначного символа, которые актуальны именно для данной культуры (субкультуры) и выделяют её язык в составе более общих семиотических систем.

Описание значения лексемы традиционно осуществляется посредством компонентного анализа, направленного на выявление интегральных и дифференциальных сем. В результате анализа предполагается создание дефиниций на семантическом (естественном или универсальном) метаязыке [Вежбицкая, 1996]. В этом направлении уже существуют значительные достижения, например, в виде идеографических словарей Уральской семантической школы [Большой толковый словарь русских существительных, 2005 и др.], опытов системной лексикографии Московской семантической школы [Языковая картина мира и системная лексикография, 2006]. Вместе с тем исследования в этой области направлены на детальную дифференциацию семантической сферы языка, в силу чего практически не применимы в области диффузной по своей природе символической семантики. Однако сам механизм таких исследований, встроенный в методику качественно-количественного контент-анализа, позволяет выявлять структуру символических систем, устанавливать отношения между их составляющими.

CC BY

В основе предлагаемой методики качественно-количественного контент-анализа лежит представление о семантической валентности, то есть способности слова присоединять к себе зависимые слова, синтаксически и семантически соотносящиеся с его значением. При этом полагается, что «семантические валентности вытекают непосредственно из лексического значения слова, характеризуют его как конкретную, отличную от других лексическую единицу» [Апресян, 1995, с. 120].

Семантическая валентность обеспечивает правильное понимание текста: «выбирается такое осмысление данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума» [Апресян, 1995, с. 14]. Из этого, в частности, следует, что контекст (высказывание), в котором используется слово, транспортирует в значения окружающих его слов некоторый значимый для анализируемой единицы компонент. Эта идея позволяет формализовать методику описания семантики символа на основе качественно-количественного контент-анализа репрезентативной выборки текстов.

3. Описание методики качественно-количественного контент-анализа семантики символа

Изучение символической номинации в совокупности текстов посредством методики контент-анализа предполагает многоуровневое применение семантического анализа слов, способных использоваться в тексте вместе с символом. При этом может реализовываться полный компонентный анализ, хотя это не представляется необходимым, поскольку общие закономерности сочетаемости выявляются уже при использовании минимального сопоставительного семантического анализа, суть которого состоит в выделении общих и отличающихся компонентов групп или подгрупп слов.

Поскольку общность семантики слов может наблюдаться на разных уровнях анализа, предлагаемая методика основывается на многоуровневой систематизации слов. Такое исследование требует определения состава логических категорий для первичного распределения слов, употребляющихся в контекстах (первый и второй уровень).

Первый уровень анализа связан с распределением ассоциаций (слов, способных использоваться в одном контексте с символом) в соответствии с логическими категориями объектности, атрибутивности и процессуальности с учетом неизосемичности. При этом интегральными семами являются, соответственно, ‘объектность’, ‘атрибутивность’ и ‘процессуальность’.

Второй уровень анализа — распределение объектных, атрибутивных и процессуальных ассоциаций по семантическим группам в соответствии

CC BY

с классами объектов, атрибутов, процессов. При этом интегральными семами являются компоненты, образующие общие черты объектов, атрибутов и процессов данных классов.

В результате анализа первого и второго уровней образуется матрица ассоциаций [Авдеенко, 2014, с. 22—29], которая анализируется далее.

Третий уровень анализа — выявление подгрупп в составе групп и обнаружение общих компонентов этих подгрупп (горизонталь матрицы).

Четвертый уровень анализа — выявление повторяющихся общих компонентов в составе других групп в соответствии с классами (вертикаль матрицы).

Пятый уровень анализа — выявление повторяющихся общих компонентов классов в составе других классов.

Качественно-количественный анализ предполагает учет на каждом уровне не только общности семантики слов, образующих группы, но и их квантитативной характеристики, так как общие компоненты значений слов могут конкурировать в плане не только содержания (противоречить, модифицировать), но и частоты актуализации.

Выделенные уровни анализа соответствуют определенным этапам. Их последовательное прохождение в процессе анализа обеспечивает полноту описания семантики символа.

В результате образуется набор основных и дополнительных компонентов, из которых синтезируется дефиниция символического значения слова в совокупности текстов. При этом наличие общих объектных, процессуальных и атрибутивных компонентов позволяет представить дефиницию не в кластерной (архисема — дифференциальная сема, род — вид), а в нарративной форме, как протоповествование, протоописание, проторассуждение, которые лежат в основе содержания текстов, опирающихся на семантику символа.

4. Семантика символов ДОРОГА и ПУТЬ в текстах русской рок-поэзии

Качественно-количественный контент-анализ многократно использовался в наших исследованиях [Авдеенко, 2014]. Поскольку детальная демонстрация его применения выходит за пределы журнальной публикации, покажем, как данная методика может быть использована при дифференциации семантики символов ДОРОГА и ПУТЬ в языке русской рок-поэзии.

О. А. Черепанова рассматривает концепты ДОРОГА и ПУТЬ совместно, считая их синкретичными в пространственно-временном плане. При этом автор отмечает, что символика пути определяется христианско-религиозным видением мира, а символика дороги — языческим. Вместе с тем

CC BY

ДОРОГА и ПУТЬ понимаются как медиаторы жизни и смерти, при этом кодируют преимущественно смерть [Черепанова, 2000].

Н. А. Санцевич также не видит принципиальных различий в символах (концептах) ДОРОГА и ПУТЬ. Автор отмечает, что мифопоэтическая и религиозная модели мира включают в себя путь / дорогу как указатель связи точки отсчета и конечной цели во времени и пространстве [Санцевич, 2002], при этом ДОРОГА не исключает трудностей, преград так же, как и ПУТЬ.

В результате классификации контекстных ассоциаций было выявлено, что символы ДОРОГА и ПУТЬ в текстах русской рок-поэзии имеют сходство в численном составе наиболее актуальных групп ассоциаций, возникающих в связи с их использованием (табл. 1).

Таблица 1

Количественный состав наиболее актуальных групп ассоциаций символов ПУТЬ и ДОРОГА в выборке текстов русской рок-поэзии

Вид ассоциаций	**Группа ассоциаций**	**ДОРОГА (% от состава вида ассоциаций)**	**ПУТЬ (% от состава вида ассоциаций)**
Объектные	предметы	20	25,6
	географические объекты	30	25,6
Атрибутивные	горизонтальные и вертикальные характеристики	17,6	14,3
	признаки времени	14,7	15,7
	идентификационные характеристики	19,1	18,6
Процессуальные	перемещение	14,1	16,9

Качественный состав этих групп разнороден. Результат классификации и сопоставления подгрупп приведен в следующей таблице (табл. 2).

Из приведенных данных видно, что между символом ДОРОГА и символом ПУТЬ в языке русской рок-поэзии есть сходство, которое проявляется как в формальных, так и в семантических признаках. К формальным признакам можно отнести: а) перекрестное ассоциирование ПУТИ и ДОРОГИ; б) общие ассоциации с краем, страной, поездом.

К семантическим признакам сходства относятся: а) ориентация по отношению к началу (признаки времени и вертикальных / горизонтальных ориентиров); б) протяженность, продолжительность (признаки времени и вертикальных / горизонтальных ориентиров); в) пошаговость, поэтапность (номинации географических объектов и процесса перемещения).

CC BY

Таблица 2

Качественный состав наиболее актуальных групп ассоциаций символов ПУТЬ и ДОРОГА в выборке текстов русской рок-поэзии

Группа (вид) ассоциаций	**ДОРОГА**	**ПУТЬ**
Географические объекты (объектные)	— населенные пункты (город) — урбанистический характер; — не населенные пункты: путь (3 асс.) — соотношение с путем; родник, этап, поворот, кладбище — этапы земной жизни; утес — наличие границы; — территории: край, страна — соотношение с путем; рай, Россия, земля — патриотизм, конкретизация места	— населенные пункты (нет) — неурбанистический характер; — не населенные пункты: дорога (3 асс.) — соотношение с дорогой; небо, поворот — этапы духовной жизни; — территории: край, страна — соотношение с дорогой; мир, сторона света, уголок, место — космополитизм, деконкретизация места
Предметы (объектные)	— дом и его части (нет) — нет связи с домом; — постельные принадлежности: одеяло — защита; — приборы и приспособления: тиски, плаха — стеснение, пытка; — транспортные средства: поезд — соотношение с путем; — обрядовые предметы: образ <икона>, свеча, венок — зависимость, связь с высшими силами; — постройки: острог, церковь, маяк — управляемость, подконтрольность	— дом и его части: дом, окно, стена, ворота — связь с домом; — постельные принадлежности (нет) — беззащитность; — приборы и приспособления: удила, флюгер — множественность направлений, свобода; — транспортные средства: поезд — соотношение с дорогой; — обрядовые предметы: крест — самостоятельность <нести свой крест>; — постройки: киоск — наличие выбора
Вертикальные и горизонтальные ориентиры (атрибутивные)	— вертикальные: наверх, вниз, крутой — связь земли с небом; — горизонтальные: обратный, вокруг, назад — ориентация по отношению к началу; дальний — протяженность; домой, короче, узкий — определенность, заданность	— вертикальные: наверху, высокий — параллельность неба земле; — горизонтальные: назад, вокруг, по кругу — ориентация по отношению к началу; неблизкий, дальше — протяженность; не по пути, навстречу — альтернативность

CC BY

Окончание табл 2

Признаки времени (атрибутивные)	— продолжительность: долгий, день за днем, век; — периодичность: час, сутки, год — высокая повторяемость; — начало: поутру — ориентация по отношению к началу; — завершение: осенний — конечность; — актуальность и устремленность в будущее (нет) — отсутствие ориентации на будущее	— продолжительность: долгий, день за днём, вечно, век, давно; — периодичность: год — низкая повторяемость; — начало: утром — ориентация по отношению к началу; — завершение (нет) — бесконечность; — актуальность и устремленность в будущее: теперь, завтра, скоро, когда-нибудь — ориентированность на будущее
Идентификационные характеристики (атрибутивные)	— несоответствие эталону: неверный, случайно — слабо выражено; — соответствие эталону: снова, вновь, новый, странный, старый, один и тот же, по себе — сильно выражено; — неопределенность: не пройден	— несоответствие эталону: невозможно, другой, чужой, чудо, неверный, другой, случайно — сильно выражено; — соответствие эталону: торный, один и тот же, снова, правда — слабо выражено; — неопределенность: не пройден
Перемещение (процессуальные)	— пешком: пойти, ходить, прийти, не пройти, выйти — пошаговость; — иное: ползти — придавленность к земле.	— пешком: ходить, пойти, не пройти, обойти — пошаговость; — иное: полететь, лететь — возвышенность, проехать, выезжать, мчать, дуть — интенсивность; отправляться — осознанность.

Вместе с тем анализ показывает, что существует ряд отличий, прослеживающихся в повторяемости антиномий:

ДОРОГА — земное, приземленное, ограниченное, конкретное, определенное, управляемое, подконтрольное, заданное, часто повторяемое, конечное, ориентированное на прошлое, преимущественно соответствующее эталону;

ПУТЬ — возвышенное, духовное, свободное, самостоятельное, неопределенное, беззащитное, множественное, альтернативное, независимое, бесконечное, преимущественно не соответствующее эталону, редко повторяемое, устремленное в будущее, осознанное, произвольное.

Рассмотрим соотношение ассоциаций в группах, в которых количественное соотношение отличается более чем наполовину (в относитель-

CC BY

ном выражении) и хотя бы в одном случае включает в себя более трех ассоциаций (в абсолютном выражении). В численном виде соотношение таких групп следующее (табл. 3).

Таблица 3

Количественный состав наиболее отличающихся групп ассоциаций символов ПУТЬ и ДОРОГА в выборке текстов русской рок-поэзии

Вид ассоциаций	**Группа ассоциаций**	**ДОРОГА (% от состава вида ассоциаций)**	**ПУТЬ (% от состава вида ассоциаций)**
Объектные	абстрактные сущности	10 %	4,7 %
Атрибутивные	цвет	5,9 %	0 %
Процессуальные	креационность	7 %	16,9 %
	восприятие	9,9 %	1,4 %

Качественный состав этих групп соотносится с качественным составом наиболее актуальных групп ассоциаций. Результат классификации и сопоставления различных по актуальности групп ассоциаций приведен в следующей таблице (табл. 4).

Как следует из приведенных данных, в этом случае мы обнаруживаем аналогичные интегральные и дифференциальные компоненты семантики символов ДОРОГА и ПУТЬ.

Интегральные компоненты: а) общие ассоциации в одном контексте (делать паузы) и в разных контекстах; б) сочетание возможностей и ограничений.

Дифференциальные компоненты: а) дорога — нечто определенное, понятное в жизни человека, путь человеку не понятен; б) дорога приземленна (отсюда черный, темный — цвета земли), путь с земным существованием связан мало; в) дорога чётко видна; путь практически неразличим.

При этом если рассмотреть общие ассоциации, то обнаруживается, что, во-первых, общая ассоциация с судьбой формальна, поскольку судьба в случае с дорогой понимается как удача, а в случае с путём судьба понимается как нечто предначертанное свыше:

ДОРОГА: *На ветру, с судьбою не в ладу / В тайный час назначенных свиданий / Снова очарованный пойду / По* ***дороге*** *разочарований* (Вос-

CC BY

Таблица 4

Качественный состав наиболее различающихся по актуальности групп ассоциаций символов ПУТЬ и ДОРОГА в выборке текстов русской рок-поэзии

Группа (вид) ассоциаций	**ДОРОГА**	**ПУТЬ**
Абстрактные сущности (объектные)	— *внутреннее*: душа, рассудок (2 асс.); — *внешнее*: судьба = удача (2 асс.)	— — *внешнее*: судьба = предначертание (2 асс.)
Цвет (атрибутивные)	— *контрастный светлому*: черный (2 асс.), темный (2 асс.).	—
Креационность (процессуальные)	— *отсутствие возможности*: несбывшийся, пауза; — *реализация внешней возможности*: произойти; — *реализация личной активности*: дело, делать паузы	— *отсутствие возможности*: несбывшийся, невозможно, нет (4 асс.), — *реализация внешней возможности*: быть, так было и так будет, суждено; — *реализация личной активности*: делать паузы, проложить, начинать
Восприятие (процессуальные)	— *зрительное*: глядеть, (по)глядеть (2 асс.), (по)смотреть (3 асс.), разглядеть — доступное зрительному восприятию; — *слуховое* (послушать) ограниченно доступное слуховому восприятию; — *обонятельное* (нет); — *осязательное* (нет)	— *зрительное*: смотреть — ограниченно доступное зрительному восприятию; — *слуховое* (нет) — недоступное слуховому восприятию; — *обонятельное* (нет); — *осязательное* (нет)

кресенье «По дороге разочарований»); *Ждали, что вот-вот произойдет счастливый поворот твоей **дороги**, / Судьбы твоей счастливый поворот* (Машина времени «Паузы»).

ПУТЬ: *Быть, быть на этом **пути** — наша судьба!* (ДДТ «Ты не один»). *Скоро в **путь**, я не в силах судьбу отыграть* (ДДТ «Черный Пес Петербург»).

Если рассматривать общие ассоциации в одном контексте, то обнаруживается противопоставление дороги и пути: *Давайте делать паузы в **пути**, смотреть назад внимательно и строго, / Чтобы случайно дважды не пройти одной и той неверною **дорогой*** (Машина времени «Паузы»).

CC BY

В приведенном примере дорога как нечто определенное (верная / неверная) может быть обнаружена, только если прервать неопределенность, случайность пути (сделать в нём паузу).

Следовательно, содержание символов ПУТЬ и ДОРОГА в языке русской рок-поэзии не назвать полностью совпадающим. При этом их семантические отличия не связаны с внешними, христианскими (религиозными) или языческими (мифопоэтическими), воззрениями, а маркируют представления о мире в субкультуре русского рока, регулярно манифестирующиеся в поэтических текстах через использование соответствующих символов.

6. Заключение

Итак, поскольку семантика слова является открытой структурой, что особенно ярко выражается в его способности обозначать иррациональные представления о мире, свойственные не только отдельно взятому художнику слова, но и совокупности носителей языка, включенных в ту или иную разновидность культуры, методики её описания предполагают альтернативность. В области анализа семантики слова в типичном или нетипичном переносном употреблении, а также в случае произвольной регулярной замены эффективны методики логического по своей природе семантического анализа (семемного, семного, компонентного). В области же анализа символической семантики слова как единицы не концептуальной, а языковой картины мира необходимы методики, опирающиеся не только на содержательные, но и на статистические процедуры. К ним относится качественно-количественный контент-анализ репрезентативной выборки текстов. Его применение соответствует не только современным лексикологическим теориям и подходам, но и природе символа как особой единицы языка, позволяет делать обоснованные текстовым материалом выводы.

В частности, применение предложенной нами методики демонстрирует сходство и различие семантики символов ПУТЬ и ДОРОГА в языке русской рок-поэзии. Сходство проявляется в их перекрестном ассоциировании, общих контекстных ассоциациях и затрагивает их протяженность по отношению к началу, пошаговый и поэтапный характер движения, сочетание возможностей и ограничений. Отличия связаны с противоположным отношением к категориям определенности, управляемости, повторяемости, эталонности, практичности (ДОРОГА) и неопределенности, независимости, уникальности, альтернативности, духовности (ПУТЬ).

Эти и другие инвариантные свойства русской рок-поэзии, специфическое понимание семантики символов, особенности их отбора, их системные отношения обнаруживаются при использовании описанной в статье

CC BY

методики контент-анализа и эксплицируют специфику языка русской рок-поэзии как семиотической системы, выражающей базовые для русской рок-культуры представления о мире — когнитивную основу индивидуального художественного творчества.

Источники

1. *Тексты* песен русского рока [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.rockk.ru/search.php. (дата обращения 21.10.2020).

2. *Большой* толковый словарь русских существительных : свыше 15 000 имен существительных, идеографическое описание, синонимы, антонимы / под общей редакцией Л. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-Пресс Книга, 2005. — 862, [1] с. — ISBN 5-462-00358-7.

3. *Керлот Х.* Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот. — Москва : «REFL-book», 1994. — 608 с.

4. *Похлебкин В.* Словарь международной символики и эмблематики [Электронный ресурс] / В. Похлебкин. — Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_ Buks/Culture/pohl. (дата обращения 21.10.2020).

5. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века : ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. — Москва : Аграф, 1999. — 381 с.

6. *Тресиддер Дж.* Словарь символов / Дж. Тесиддер. — Москва : ФАИР-ПРЕСС, 1999. — 448 с.

Литература

1. *Авдеенко И. А.* Актуализация инвариантной семантики символа ЗВЕЗДА в текстах русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко // Научный диалог. — 2020. — № 7. — С. 24—39. — DOI : 10.24224/2227-1295-2020-7-24-39.

2. *Авдеенко И. А.* Пространственные символы русской рок-поэзии / И. А. Авдеенко. — Комсомольск-на-Амуре : Издательство АмГПГУ, 2014. — 144 с.

3. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды, Том I. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. — Москва : Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — 472 с.

4. *Богомолова Н. Н.* Контент-анализ / Н. Н. Богомолова, Т. Г. Стефаненко. — Москва : Издательство Московского университета, 1992. — 60 с.

5. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — Москва : Русские словари, 1996. — 416 с.

6. *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1977. — 310 с.

7. *Гак В. Г.* К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Языковые преобразования. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — С. 272—297.

8. *Кирпиков А. Р.* Качественный контент-анализ как метод исследования / А. Р. Кирпиков // XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире : методология, опыт эмпирического исследования», 22—23 марта 2018 г., Екатеринбург. — Екатеринбург : УрФУ, 2018. — С. 67—74. — ISBN 978-5-91256-403-1.

9. *Колшанский Г. В.* В чем различие знаковых систем? / Г. В. Колшанский // Вопросы филологии. — 1960. — № 5. — С. 126—134.

10. *Нарский И. С.* Проблема значения «значения» в теории познания / И. С. Нарский // Проблема знака и значения / Под ред. проф. И. С. Нарского. — Москва : Издательство Московского университета, 1969. — С. 5—54.

11. *Новиков А. И.* Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. — Москва : Наука, 1983. — 214 с.

12. *Попова З. Д.* Лексическая система языка : внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : URSS, 2010. — 171 с. — ISBN 978-5-397-00853-2.

13. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. (Лингвистическое наследие XX века). — ISBN 5-8163-0005-9.

14. *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. — Ленинград : Наука, 1974. — 438 с.

15. *Языковая* картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян [и др.]. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — 910 с. — ISBN 5-9551-0135-7.

16. *Bullinaria J. A.* Extracting semantic representations from word co-occurrence statistics : A computational study / J. A. Bullinaria, J. P. Levi // Behavior Research Methods. — 2007. — № 39. — Pp. 510—526. DOI: 10.3758/BF03193020.

Material resources

Lyrics of Russian rock songs. Available at: http:// www.rockk.ru/search.php. (In Russ.).

Babenko, L. G. (ed.) (2005). *A large explanatory dictionary of Russian Nouns: over 15,000 nouns, ideographic description, synonyms, antonyms.* Moscow: AST-Press Kniga, 2005. 862, [1] p. ISBN 5-462-00358-7. (In Russ.).

Kerlot, Kh. E. (1994). *Dictionary of symbols.* Moscow: REFL-Buk. 608 p. (In Russ.).

Pokhlebkin, V. *Dictionary of international symbols and emblematics.* Available at: http:// www.gumer.info/bibliotek_ Buks/Culture/pohl. (In Russ.).

Rudnev, V. P. (1999). *Dictionary of culture of the XX century: Key concepts and texts*. Moscow: Agraf. 381 p. (In Russ.).

Tresidder, J. (1999). A dictionary of symbols. Moscow: FAIR-PRESS. 448 p. (In Russ.).

References

Apresyan, Yu. D. (1995). *Selected works, I. Lexical semantics*. Moscow: Languages of Russian Culture, Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences. 472 p. (In Russ.).

Avdeenko, I. A. (2014). *Spatial symbols of Russian rock poetry.* Komsomolsk-on-Amur: Publishing house of AmSPSU. 144 p. (In Russ.).

Avdeenko, I. A. (2020). Actualization of the invariant semantics of the STAR symbol in the texts of Russian rock poetry. *Scientific Dialogue, 7:* 24—39. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-24-39. (In Russ.).

Bullinaria, J. A., Levi, J. P. (2007). Extracting semantic representations from word co-occurrence statistics: A computational study. *Behavior Research Methods, 39:* 510—526. DOI: 10.3758/BF03193020.

Bogomolova, N. N., Stefanenko, T. G. (1992). *Content analysis*. Moscow: Moscow University Press. 60 p. (In Russ.).

Gak, V. G. (1998). On the problem of semantic syntagmatics. In: *Language transformations*. Moscow: Languages of Russian culture. Pp. 272—297. (In Russ.).

CC BY

Kirpikov, A. R. (2018). Qualitative content analysis as a research method. In: *Culture, identity and society in the modern world: methodology, empirical studies*. — Ekaterinburg: Urfu. Pp. 67—74. ISBN 978-5-91256-403-1. (In Russ.).

Kolshanskii, G. Q. (1960). What is the difference of sign systems? *Questions of philology, 5*. Pp. 126—134. (In Russ.).

Language picture of the world and system lexicography. (2006). Moscow: Languages of Slavic Cultures. 910 p. ISBN 5-9551-0135-7. (In Russ.).

Narsky, I. S. (1969). *The problem of the meaning of "meaning" in the theory of knowledge.* Moscow: Moscow University Press. Pp. 5—54. (In Russ.).

Novikov, A. I. (1983). *Text semantics and its formalization*. Moscow: Nauka. 214 p. (In Russ.).

Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2010). *Lexical system of language: internal organization, categorical apparatus and methods of description*. Moscow: URSS. 171 p. ISBN 978-5-397-00853-2. (In Russ.).

Saussure, F. de. (2004). *Course of general linguistics*. Moscow: Editorial URSS. 256 p. ISBN 5-8163-0005-9. (In Russ.).

Shcherba, L. V. (1974). On the threefold aspect of language phenomena and on the experiment in linguistics. In: *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka. 438 p. (In Russ.).

Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian dictionaries. 416 p. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1977). *Selected works. Lexicology and lexicography*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Биюмена А. А. Конструирование солидарности в белорусской прессе советского периода / А. А. Биюмена // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 26—41. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-26-41.

Biyumena, A. A. (2021). Constructing Solidarity in Belarusian Press during the Soviet Period. *Nauchnyi dialog, 3:* 26-41. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-26-41. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-26-41

Конструирование солидарности в белорусской прессе советского периода

Биюмена Анна Александровна
orcid.org/0000-0002-4599-7700
кандидат филологических наук, доцент,
a-mesyats@tut.by

учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет»

(Минск, Беларусь)

Constructing Solidarity in Belarusian Press during the Soviet Period

Anna A. Biyumena
orcid.org/0000-0002-4599-7700
PhD in Philology, Associate Professor,
a-mesyats@tut.by

Minsk State Linguistic University

(Minsk, Belarus)

© Биюмена А.А., 2021

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты исследования дискурса солидарности в советской русскоязычной прессе Беларуси послевоенного периода на материале публикаций газеты «Советская Белоруссия». Определены направления солидаризации в медиадискурсе в зависимости от включения объекта в группу «своих» или «чужих». Уделяется внимание конструированию солидарности как в публикациях о внутренней жизни страны, так и в статьях о «западных» государствах и странах социалистиеского лагеря. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения средств солидаризации аудитории СМИ в различные исторические периоды, в том числе во время кризисов. Новизна исследования видится в том, что объектом для анализа являются газетные тексты с прагматической целеустановкой конструирования солидарности. Выявлены ключевые слова медиадискурса солидарности советского периода: лексемы со значением совместности; слова, маркирующие «своих» по классовому прин-ципу; единицы, акцентирующие ответственность человека за совместное дело; номинации тематических групп «Борьба» и «Труд». Доказано, что конструируемая средствами массовой коммуникации солидарность была нацелена на осознание гражданами страны своей сопричастности общему делу и общим ценностям, на легитимацию политической власти и формирование взаимопонимания между членами общества.

Ключевые слова:
медиадискурс; пресса; солидаризация; солидарность; идеологема; интернационализм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a study of the discourse of solidarity in the Soviet Russian-language press of Belarus of the post-war period on the basis of the publications of the newspaper “Sovetskaya Belorussia” is presented in the article. The directions of solidarity in media discourse are determined depending on the inclusion of an object in the group of “friends” or “aliens”. Attention is paid to the construction of solidarity both in publications about the internal life of the country and in articles about the “Western” states and countries of the socialist camp. The relevance of the study is due to the need to study the means of solidarity of the media audience in different historical periods, including during crises. The novelty of the research is seen in the fact that the objects for analysis are newspaper texts with a pragmatic goal-setting of constructing solidarity. The key words of the media discourse of solidarity of the Soviet period are revealed: lexemes with the meaning of compatibility; words labeling “friends” according to the class principle; units emphasizing the responsibility of a person for a joint business; vocabulary of the semantic groups “Struggle” and “Labour”. It has been proved that the solidarity constructed by the mass media was aimed at the awareness of the citizens of the country of their involvement in the common cause and common values, at the legitimization of political power and the formation of mutual understanding between members of society.

Key words:
media discourse; press; solidarism; solidarity; ideologeme; internationalism..

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’42:070(476)“19”

Конструирование солидарности в белорусской прессе советского периода

© Биюмена А.А., 2021

1. Введение

Социальная солидарность уже несколько десятилетий входит в круг вопросов, интересующих представителей различных гуманитарных наук: философии, социологии, культурологии, политологии, правоведения, лингвистики. Данный феномен часто рассматривают как «механизм социальной саморегуляции, самосохранения и саморазвития коллективного организма, который позволяет максимально использовать возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага» [Окара, 2010, с. 11]. Ученые указывают на то, что солидарность представляет собой атрибутивный элемент общественного, одну из необходимых форм отношений между членами социума [Жалкиев, 2014; Исаев, 2014].

Определения солидарности акцентируют внимание на общности интересов и ценностей людей [Ксенофонтова, 2014; Кузьменко, 2016], кооперации и моральном и социально-политическом единстве [Бойцова, 2018], согласии и взаимопонимании [Хутыз, 2012]. Некоторые исследователи включают в объем данного понятия объединение группы «своих» для борьбы с «чужими» [Taylor]. Отмечая фундаментальную полисемию самого слова *солидарность*, А. Б. Гофман пишет, что различные трактовки этого понятия акцентируют определенные его аспекты, но одновременно сочетают в себе: 1) объективную функциональную взаимозависимость, взаимодополнительность и общность интересов индивидов, групп, обществ; 2) объективную взаимную симпатию, сочувствие, сопереживание, консенсус социальных акторов; 3) их приверженность одним и тем же нормам и ценностям; 4) их общую социальную (групповую) идентичность; 5) социальную связь в самом широком смысле; 6) социальную интеграцию; 7) общность взглядов и ответственности акторов; 8) совместную деятельность для достижения определенной цели; 9) альтруистическую помощь, взаимопомощь или поддержку социальных акторов; 10) моральную обязанность, основанную на ценности справедливости и предписывающую помощь другим людям (ближним, соратникам в общем деле, нуждающимся, обделенным судьбой); 11) различные формы социальной, экономической и политической поддержки, в том числе со стороны государства, направленные на улучшение положения определенных социальных групп и слоев, вклю-

CC BY

чая деятельность институтов социальной защиты и социального страхования; 12) совместную ответственность за что-либо [Гофман, 2015, с. 173].

Среди основных функций социальной солидарности выделяют, в первую очередь, формирование и сохранение целостности общества: «тенденция и подсознательная тяга к целостности, единству, корпоративности заложены в самой сущности социального: солидаризация оказывается первичной по отношению ко всем остальным процессам разделения, дифференциации и индивидуализации» [Исаев, 2014, с. 3]. Еще одной важной ее функцией является легитимация сложившегося политического порядка посредством объединения людей вокруг определенной системы взглядов [Миронов, 2010, с. 7].

Солидарность чаще всего трактуют как особое социальное состояние, влияющее на состояние общества в целом, в то время как под солидаризацией многие исследователи понимают процесс проявления единодушия или согласия с кем-нибудь, то есть солидаризация — это процесс выражения своей солидарности [Шкудунова, 2015, с. 4118].

Солидарность предполагает наличие общей символической составляющей, включающей идеологическую систему и общие ценности, которые разделяет большинство членов общества [Жалкиев, 2014; Зверев, 2009]. И поскольку дискурсы «формируются картиной мира носителей культуры и отражают ценности общества» [Хутыз, 2015, с. 78], а источником знаний аудитории о сложных социальных и политических явлениях, выходящих за рамки ее непосредственного опыта, обычно становятся средства массовой коммуникации, именно СМИ следует рассматривать как основную платформу, носитель символической среды солидарности.

Цель статьи заключается в выявлении векторов формирования солидарности и средств ее языковой экспликации в русскоязычной белорусской прессе советского периода на материале 1000 статей, опубликованных в центральной белорусской газете «Советская Белоруссия» в 1946—1988 годах. Автором использовались методы дискурсивного, контекстуального, контент-анализа.

2. «Свои» и «чужие» в медиадискурсе

Ведущую роль в определении векторов солидарности в средствах массовой коммуникации анализируемого периода играет разделение тех или иных субъектов и объектов на «своих» или «чужих». По словам Ю. С. Степанова, данное противопоставление «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов, 2001, с. 126]. Проведенный контент-анализ показал, что в прессе указанного времени такая демаркация носит как географический, так и классовый характер: в круг

CC BY

«своих» включаются не только все советские люди, но и граждане стран социалистического блока, а также трудящиеся (рабочие, пролетарии) и «угнетаемые» группы населения в любых других государствах. Выражение солидарности по отношению к каждой из указанных групп в материале исследования имеет свои особенности.

3. Конструирование солидарности в публикациях о жизни в СССР

В статьях, повествующих о жизни в СССР, были выявлены два направления формирования солидарности: объединение граждан страны на основе выполнения общей трудовой деятельности и одобрение народом решений руководства страны.

Большая часть материалов о внутренней жизни страны в проанализированном корпусе текстов освещает вопросы ударного т р у д а , выполнения и перевыполнения планов, добровольные трудовые обязательства и трудовые рекорды, победы в социалистическом соревновании. Советская идеология придает труду статус высшей ценности, посредством которой становится возможной реализация потребности в творческом самовыражении, общественном признании и славе, выражении патриотических порывов. Причем в медиадискурсе подчеркивается не только важность и почетность труда как такового, но и необходимость согласованной совместной деятельности в трудовом коллективе, каждый член которого разделяет совместные ценности и берет на себя ответственность за конечный результат. Идея ответственности передается в газетных статьях с помощью частотных субстантивных лексем *обязательство*, *норма*, *вахта, почин, инициатива, соревнование*: *Одной и первых* ***взяла повышенные обязательства*** *бригада машиниста коммуниста Е. Казакова* [СБ 1958б]; *У нас в смене работать по-ударному стало* ***нормой*** [СБ 1974]; *Верность идеалам зачинателей этого* ***почина*** *продемонстрировали 15 октября на своих рабочих местах тысячи производственников, тружеников села, представителей интеллигенции* [СБ 1983].

Среди способов акцентирования ценности совместного труда в проанализированном материале отметим разнообразные существительные, номинирующие трудовые коллективы (*завод*, *фабрика*, *колхоз*, *коллектив*, *звено*, *цех*, *бригада*, *экипаж*, *артель*, *предприятие*): *Им присуждено первенство в социалистическом соревновании среди локомотивных* ***бригад*** *депо* [СБ 1958а]; *О своих трудовых успехах сообщают* ***экипажи*** *судов Балтийского морского пароходства* [СБ 1964б].

По мнению И. В. Ерофеевой, российская культура, лежащая в основе культуры советской, относится к ярко выраженному коллективистскому типу, где социальная идентичность превалирует над личностной [Ерофеева, 2010]. На наш взгляд, множество материалов на трудовую тематику в печат-

CC BY

ных изданиях (в отдельных выпусках статьи на эту тему занимают более 50 % газетной площади), а также регулярное акцентирование в медиадискурсе советского времени идеи важности и почетности самоотверженного коллективного труда нацелены на то, чтобы заменить в массовом сознании традиционную православную ценность соборности, которая в русской философии выступает условным коррелятом солидарности [Зверев, 2009, с. 4].

Второй вектор создания солидарности в материалах о внутренней жизни страны направлен на формирование с о г л а с и я широкой коллективной аудитории с д е я т е л ь н о с т ь ю р у к о в о д с т в а с т р а н ы, преимущественно партии, одобрение принимаемых лидерами решений. Для достижения этой цели журналисты привлекают лексические единицы, имеющие семантику одобрения (*горячо поддерживать*, *большое внимание*, *большая радость*, *глубокое удовлетворение* и т. п.): *В своем выступлении строгальщик второго механического цеха т. Высоковский говорил о том, что весь народ* ***с глубоким удовлетворением*** *встретил тезисы ЦК КПСС и Совета Министров СССР о перестройке работы школ* [СБ 1958в].

Следует отметить, что максимальное количество подобных статей публиковалось во время сталинского правления, когда средствам массовой коммуникации отводилась ведущая роль в формировании культа личности руководителя страны. Соответственно, в материалах, опубликованных в период с 1946 по 1953 годы, основным объектом солидаризации выступает И. В. Сталин: *В связи с 70-летием товарища И. В. Сталина продолжают поступать многочисленные приветствия от партийных, советских и различных общественных организаций, коллективов трудящихся и отдельных граждан Советского Союза, от государственных, общественных организаций и отдельных лиц из-за границы* [СБ 1950]; *Партийная организация, — говорится в решении собрания, — примет все меры, чтобы с честью выполнить обязательства, взятые в письме великому Сталину* [СБ 1952].

Часто в одних и тех же статьях встречаются оба типа апелляции к солидарности — рабочие коллективы берут на себя повышенные обязательства, вдохновившись решениями партийных съездов, или посвящают свои трудовые победы памятным датам или очередным партийным мероприятиям: *Горячо обсуждая материалы февральского Пленума ЦК КПСС, рабочие, инженерно-технические работники говорят о тех задачах, которые предстоит решить им в шестом году семилетки* [СБ 1964а].

4. Конструирование солидарности в публикациях о других странах, входящих в группу «своих»

В материалах, освещающих события в странах социалистического лагеря и других государствах, входящих в группу «своих», дискурс соли-

CC BY

дарности охватывает такие вопросы, как совместный продуктивный труд, безвозмездная материальная помощь, одобрение лидерами и гражданами других государств политики СССР и стран социалистического блока, установление и поддержание дипломатических отношений между странами на основе общих ценностей.

Статьи на трудовую тематику описывают как профессиональные успехи коллективов в той или иной стране, так и результаты совместного труда местных и советских специалистов: *Большой производственной победой встретили новый год советские и индийские специалисты и рабочие-нефтяники штата Гуджарат* [СБ 1967а]; *Чехословакия и Советский Союз провели совместные исследования, позволившие создать межгосударственную полуавтоматическую телефонную линию* [СБ 1967г]; *Славными трудовыми делами готовятся встретить трудящиеся Монголии предстоящий XVI съезд МНРП* [СБ 1971в]; *Они подчеркнули, что совместный советско-румынский космический эксперимент еще раз продемонстрировал миру тесную дружбу и братскую солидарность между двумя народами, партиями и государствами* [СБ 1981б].

Еще одна группа текстов рассказывает об альтруистической помощи (материальной, технической и т. п.) различным странам, преимущественно со стороны СССР. В таких статьях часто используются слова и словосочетания *братская / безвозмездная / дружественная помощь*, *содействие*, *протянуть руку дружбы*: *Руководствуясь ленинскими принципами дружественного сотрудничества во всех областях с народами, борющимися против империализма и колониализма за свою свободу и независимость, советский народ* ***протянул руку дружбы*** *египетскому народу и оказал* ***братскую помощь*** *без каких-либо политических или иных условий в осуществлении проекта Асуанского гидроэнергетического комплекса* [СБ 1971а]; *Самые разнообразные игрушки передаются школам и детским садам в рамках* ***безвозмездной помощи****, оказываемой Советским Союзом населению* [СБ 1988б].

В 1980-е годы в газете встречаются материалы, повествующие о помощи, которую оказывают Советскому Союзу дружественные государства: *В Пекинском международном аэропорту завершилось формирование первой партии грузов с предметами первой необходимости, которые по решению Китайского Общества Красного Креста направляются населению советской Армении, пострадавшему от разрушительного землетрясения* [СБ 1988г].

В статьях на международную тематику часто упоминается одобрение лидерами и гражданами других государств политики СССР и стран социалистического блока, а также поддержка населением

CC BY

«верных» политиков в своих странах. Единство мнений журналисты подчеркивают с помощью лексем *единство*, *единодушно*, *целиком*: *Три тысячи избирателей, собравшись на митинги, **единодушно** решили отдать свои голоса за кандидатов объединенного прогрессивного блока* [СБ 1951]; *Председатель Президиума Верховного народного собрания КНДР Цой Ен Ген имел встречи и дружеские беседы с руководителями партии и правительства МНР, в ходе которых выявилось **полное единодушие** сторон по всем обсуждавшимся вопросам* [СБ 1959 г]; *Население ГДР **целиком** поддерживает новую мирную инициативу социализма, отмечает «Нейес Дейчланд»* [СБ 1963в]; *Около 68 процентов граждан ФРГ **одобряют** политику, проводимую Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева* [СБ 1988в].

Множество статей в материале исследования посвящено установлению и поддержанию отношений между странами на основе общих ценностей. В них идет речь о межгосударственных визитах, программных заявлениях официальных лиц, касающихся укрепления политических, экономических, культурных связей между странами. Ключевыми словами в таких текстах выступают имена существительные *отношения*, *связи*, *сотрудничество*, *сплоченность*: *... этот визит продемонстрировал монолитную **сплоченность** и братское **сотрудничество** обеих стран социалистического лагеря* [СБ 1959б]; *С большим удовлетворением вольтийская общественность восприняла установление дипломатических **отношений** между Верхней Вольтой и СССР* [СБ 1967е]; *САР, которая идет по некапиталистическому пути развития, сказал премьер-министр, будет и в дальнейшем укреплять торговые **связи** с социалистическими и другими дружественными странами* [СБ 1971г].

5. Конструирование солидарности в публикациях о странах, входящих в группу «чужих»

При освещении событий в странах, позиционируемых прессой как «чужие», основным концептом, организующим пространство дискурса солидарности в прессе, становится интернационализм. Пролетарский интернационализм, обоснованный К. Марксом и Ф. Энгельсом, являлся важным компонентом советской идеологии [Степанов, 2001, с. 144], в частности, он получил теоретическое осмысление в многочисленных научных исследованиях той эпохи. В одной из пропагандистских работ советского времени данная идеологема толкуется как «международное единство и солидарность рабочего класса в борьбе за освобождение всех трудящихся от капиталистического гнета, за построение социализма и коммунизма и их защиту» [Черняк, 1983, с. 9]. Как видно из приведенного определения,

CC BY

обязательным компонентом деятельности в рамках интернационализма является борьба против кого-либо (чего-либо) или за что-либо.

В пространстве послевоенного медиадискурса солидарности значимое место уделяется призывам к совместной борьбе против «вражеских» идеологий, режимов, войн, дискриминации и других негативных явлений: *Дружба советского и монгольского народов окрепла* ***в жестокой совместной борьбе с врагами Советского Союза и Монголии*** [СБ 1956]; *В этих целях необходимо крепить сотрудничество и взаимодействие марксистско-ленинских групп Эфиопии, единство всех прогрессивных сил страны* ***в борьбе против внутренней и внешней реакции*** [СБ 1977]; *Болгария и Афганистан будут последовательно* ***бороться против сил империализма и реакции, за окончательную ликвидацию колониализма и неоколониализма, расизма и апартеида*** … [СБ 1981в].

В то же время в указанных материалах выражается сочувствие народам, страдающим от угнетения, дискриминации, военных действий и т. п.: *Правительство СССР, все советские люди решительно поддерживают героический вьетнамский народ в его борьбе против империалистической агрессии* [СБ 1967б]; *В яркий митинг солидарности с народами, борющимися против империализма и реакционных военных диктатур превратилось открытие третьей встречи женщин Латинской Америки и Карибского бассейна* [СБ 1988а].

О. Ю. Бойцова разграничивает позитивный и негативный типы солидарности на основании принципа консолидации, который означает инклюзию в первом случае и исключение — во втором: «если позитивный солидаризм стирает границы, то негативный возводит барьеры, сплачивая людей на основе неприятия чего-либо — ценностей, социальных позиций, образа жизни, качеств, внешних особенностей, действий» [Бойцова, 2018, с. 65].

Кроме призывов к борьбе, в пространстве конфронтационного дискурса солидарности часто встречаются материалы, выражающие различные негативные эмоциональные и / или речевые реакции (осуждение, возмущение, гнев, негодование) по отношению к «чужим», стигматизируемым субъектам и объектам, ведь «именно тогда, когда негативная солидарность получает эмоциональное подкрепление, внутригрупповая сплоченность существенно возрастает» [Там же, с. 66]: *12 марта по всему Берлину прокатилась волна* ***возмущения*** *против террора американских властей* [СБ 1948]; *Советские люди* ***с гневом осуждают*** *агрессию США против вьетнамского народа* [СБ 1967д]. Многие из этих статей рассказывают о демонстрациях и митингах протеста: *В эти дни по всей стране проходят* ***митинги протеста****, участники которых* ***клеймят позором*** *бандитские действия США* [СБ 1971б].

CC BY

Следует отметить, что в данных статьях часто используются две манипулятивные коммуникативные тактики — «общая платформа» и «передовая группа». Первая тактика означает включение в неопределенный фантомный круг «своих» неопределенное количество субъектов [McCraw, 2019] (*все советские люди*, *вся страна*, *мировая общественность*, *греческий народ* и т. п.*): «Долой военные базы США из района Индийского океана!», «Превратить Индийский океан в зону мира!» — под такими лозунгами в Дели состоялась демонстрация протеста* ***индийской общественности*** *против наращивания американского военного присутствия в Азии* [СБ 1981а]. Средством создания фантомного множества при этом часто становятся местоимения *весь* / *вся* / *все*, которые позволяют объединить в единое целое говорящего и слушающего: *Гневная реакция греческого народа на убийство Ламбракиса всколыхнула* ***всю страну*** ... [СБ 1963г].

Тактика «передовая группа» подразумевает включение в число «своих» лучших представителей тех или иных групп: *Это решение вызвало глубокое возмущение моряков и* ***всей демократической общественности*** *страны* [СБ 1959а]; *Советский Союз, а вместе с ним* ***все миролюбивый люди*** *на протяжении 14 лет борются за предотвращение угрозы войны и обеспечение прочного мира* [СБ 1959в]; *Активная борьба против этой политики является делом* ***всех свободолюбивых народов*** [СБ 1963б].

6. Солидаризация с трудящимися разных стран

Еще одним вектором солидаризации в проанализированных материалах является единение с трудящимися различных стран, поскольку марксистская теория провозглашает принцип трансграничной инклюзии, уничтожающей государственные границы ради классовой сплоченности [Бойцова, 2018, с. 65]. Рамки коллективного «мы» в указанных статьях маркируются с помощью лексических единиц *трудящиеся*, *рабочие*, *рабочий класс*, идею солидаризации выражают слова *единение*, *солидарность*: ***Трудящиеся*** *Западной Германии солидарны с горняками, и вчерашняя волнующая манифестация* ***солидарности*** *рудокопов Лотарингии и парижан на площади перед дворцом инвалидов — один из ярких примеров* ***единства трудящихся*** [СБ 1963а]; *Успех кандидатов левых сил на последних выборах в Национальное собрание Франции свидетельствует о стремлении* ***рабочего класса*** *к* ***единству****, говорится в опубликованной вчера резолюции административной комиссии Всеобщей конфедерации труда* [СБ 1967в].

7. Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что ключевыми для медиадискурса солидарности в анализируемый период являются лекси-

ческие единицы со значением совместности (*солидарность*, *сплочение*, *сотрудничество*, *связь*, *отношение*, *единство*, *единение*, *единодушие*, *сплочение*, *содействие*, *поддержка*, *одобрение*, *дружба*, *дружественный*, *братский*, *общий*, *совместный*, *все*); слова, маркирующие «своих» по классовому принципу (*трудящиеся*, *рабочие*, *рабочий класс*); лексемы, акцентирующие ответственность человека за совместное дело (*обязательство*, *норма*, *вахта, почин, инициатива, соревнование*); лексика тематических групп «Борьба» и «Труд».

Дискурс солидарности играет важную роль в формировании целостного общества, разделяющего систему ценностей, взглядов и установок. Через совместный труд, одобрение политических решений, интернациональную поддержку и выражение сочувствия определенным группам за пределами страны в советском государстве осуществлялась солидаризация отдельных личностей в единое надличностное образование «советские люди». Конструируемая средствами массовой коммуникации солидарность была нацелена на осознание гражданами страны своей сопричастности общему делу и общим ценностям, на легитимацию политической власти и формирование взаимопонимания между членами общества.

Источники и принятые сокращения

1. СБ 1948 — *Население* Берлина протестует против террористических действий американской военной администрации // Советская Белоруссия : газета. — 1948. — № 55 (5254). — С. 3.

2. СБ 1950 — *Поток* приветствий // Советская Белоруссия : газета. — 1950. — № 5 (5721). — С. 2.

3. СБ 1951 — *Предвыборная* кампания в Индии // Советская Белоруссия : газета. — 1951. — № 190 (6168). — С. 4.

4. СБ 1952 — *Слово* сельских коммунистов // Советская Белоруссия : газета. — 1952. — № 152 (6401). — С. 2.

5. СБ 1956 — *Открытие* в Улан-Баторе монумента воинам Советской Армии // Советская Белоруссия : газета. — 1956. — № 156 (7639). — С. 4.

6. СБ 1958а — *Паровозная* колонна имена 40-летия БССР // Советская Белоруссия : газета. — 1958. — № 217 (8310). — С. 1.

7. СБ 1958б — *Повышенные* обязательства // Советская Белоруссия : газета. — 1958. — № 231 (8324). — С. 1.

8. СБ 1958в — *Родина* станет могущественнее // Советская Белоруссия : газета. — 1958. — № 271 (8364). — С. 1.

9. СБ 1959а — *Забастовки* в Италии // Советская Белоруссия : газета. — 1959. — № 145 (8543). — С. 4.

10. СБ 1959б — *Свидетельство* монолитной сплоченности и братского сотрудничества // Советская Белоруссия : газета. — 1959. — № 145 (8543). — С. 4.

11. СБ 1959в — *Митинг* протеста в Праге // Советская Белоруссия : газета. — 1959. — № 145 (8543). — С. 4.

12. СБ 1959г — *Братская* дружба // Советская Белоруссия : газета. — 1959. — № 145 (8543). — С. 3.

13. СБ 1963а — *Крепнет* единство трудящихся Франции // Советская Белоруссия : газета. — 1963. — № 64 (9683). — С. 3.

14. СБ 1963б — *Заявление* МИД МНР // Советская Белоруссия : газета. — 1963. — № 157 (9776). — С. 3.

15. СБ 1963в — *Праздник* нерушимой дружбы // Советская Белоруссия : газета. — 1963. — № 157 (9776). — С. 3.

16. СБ 1963г — *Греция* накануне выборов // Советская Белоруссия : газета. — 1963. — № 58 (9877). — С. 3.

17. СБ 1964а — *Тебе*, родная партия! // Советская Белоруссия : газета. — 1964. — № 40 (9965). — С. 1.

18. СБ 1964б — *На предмайской* трудовой вахте // Советская Белоруссия : газета. — 1964. — № 91 (10016). — С. 1.

19. СБ 1967а — *Успех* дружественного сотрудничества // Советская Белоруссия : газета. — 1967. — № 3 (10845). — С. 3.

20. СБ 1967б — *Заявление* ТАСС // Советская Белоруссия : газета. — 1967. — № 77 (10919). — С. 3.

21. СБ 1967в — *За единство* действий профсоюзов // Советская Белоруссия : газета. — 1967. — № 77 (10919). — С. 3.

22. СБ 1967г — *Магистраль* дружбы // Советская Белоруссия : газета. — 1967. — № 198 (11040). — С. 3.

23. СБ 1967д — *Заявление* ТАСС // Советская Белоруссия : газета. — 1967. — № 198 (11040). — С. 3.

24. СБ 1967е — *Национальный* праздник Верхней Вольты // Советская Белоруссия : газета. — 1967. — № 287 (11129). — С. 3.

25. СБ 1971а — *Подписание* декларации о вводе в действие Асуанского гидроэнергетического комплекса // Советская Белоруссия : газета. — 1971. — № 13 (12074). — С. 3.

26. СБ 1971б — *Провокации* продолжаются // Советская Белоруссия : газета. — 1971. — № 125 (12186). — С. 3.

27. СБ 1971в — *Навстречу* съезду // Советская Белоруссия : газета. — 1971. — № 125 (12186). — С. 3.

28. СБ 1971г — *18-я* международная дамасская выставка // Советская Белоруссия : газета. — 1971. — № 198 (12259). — С. 3.

29. СБ 1974 — *К 1977 году* — две пятилетки // Советская Белоруссия : газета. — 1974. — № 31 (13004). — С. 1.

30. СБ 1977 — *Заявление* ВВАС // Советская Белоруссия : газета. — 1977. — № 270 (14157). — С. 3.

31. СБ 1981а — *Демонстрация* протеста // Советская Белоруссия : газета. — 1981. — № 32 (15117). — С. 3.

32. СБ 1981б — *Награды* космонавтам // Советская Белоруссия : газета. — 1981. — № 134 (15219). — С. 3.

33. СБ 1981в — *Болгаро-афганский* договор // Советская Белоруссия : газета. — 1981. — № 297 (5254). — С. 3.

34. СБ 1983 — *Во имя* мира и труда // Советская Белоруссия : газета. — 1983. — № 239 (15924). — С. 1.

CC BY

35. СБ 1988а — *Встречи* // Советская Белоруссия : газета. — 1988. — № 230 (17411). — С. 1.

36. СБ 1988б — *Тревожные* будни // Советская Белоруссия : газета. — 1988. — № 239 (17420). — С. 3.

37. СБ 1988в — *Опросы* // Советская Белоруссия : газета. — 1988. — № 268 (17449). — С. 1.

38. СБ 1988г — *Китай :* помощь пострадавшим // Советская Белоруссия : газета. — 1988. — № 287 (17468). — С. 1.

Литература

1. *Бойцова О. Ю.* К вопросу о негативной солидарности» как концепте политической философии / О. Ю. Бойцова // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2018. — № 4. — С. 60—69.

2. *Гофман А. Б.* Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции / А. Б. Гофман // Традиция, солидарность и социологическая теория. Избранные тексты. — Москва : Новый Хронограф, 2015. — С. 160—248. ISBN 978-5-94881-293-9.

3. *Ерофеева И. В.* Аксиология медиатекста в российской культуре : репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в. : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.01.10 / И. В. Ерофеева. — Санкт-Петербург, 2010. — 51 с.

4. *Жалкиев В. Т.* Солидарность и аномия в современном российском обществе / В. Т. Жалкиев. — Краснодар : КрУ МВД России, 2014. — 141 с. ISBN 978-5-9266-0685-7.

5. *Зверев М. К.* Особенности социальной солидарности в современном российском обществе : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / М. К. Зверев. — Иркутск, 2009. — 163 с.

6. *Исаев И. А.* Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние / И. А. Исаев. — Москва : Проспект, 2014. — 176 с. ISBN 978-5-392-12357-5.

7. *Ксенофонтова И. В.* Интернет-солидарность : методологические основания подхода и практика изучения : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.01 / И. В. Ксенофонтова. — Москва, 2014. — 184 с.

8. *Кузьменко И. С.* Общие проблемы исследования процессов солидаризации в обществе / И. С. Кузьменко // Общество и право. — 2016. — № 1 (55). — С. 268—271.

9. *Миронов Р. В.* Категория «Солидарность» как фактор современного политического процесса России : автореферат диссертации ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Р. В. Миронов. — Нижний Новгород, 2010. — 23 с.

10. *Окара А. Н.* Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта / А. Н. Окара // Журнальный клуб Интелрос «Синергия». — 2010. — № 9. — С. 7—41.

11. *Степанов Ю. С.* Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Академ. проект, 2001. — 990 с. ISBN 5-8291-0007-X.

12. *Хутыз И. П.* Солидаризация : характеристики феномена и уровни его реализации / И. П. Хутыз // Язык. Текст. Дискурс. — 2012. — № 10. — С. 176—180.

13. *Хутыз И. П.* Особенности конструирования академического дискурса: ориентация на читателя / автора / И. П. Хутыз // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2015. — № 1. — С. 77—82.

14. *Черняк Н. И.* Интернационализм — это единство и солидарность / Н. И. Черняк. — Москва : Московский. Рабочий, 1983. — 136 с.

15. *Шкудунова Ю. В.* Экспликация понятий «солидарность» и «солидаризация» / Ю. В. Шкудунова // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 2 (ч. 18). — С. 4118—4122.

16. *McCraw B. W.* Appeal to the People / B. W. McCraw // Bad Arguments : 100 of the Most Important Fallacies in Western Philosophy. — John Wiley & Sons, 2019. — Pp. 112—114. ISBN 9781119165804.

17. *Taylor A.* Solidarity : Obligations and Expressions [Electronic resource] / A. Taylor. — Access mode : http://www.socialpolicy.ed.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0012/141330/JWI_Solidarity_Obligations_and_Expressions.pdf. (дата обращения 23.10.2020).

Material resources

SB 1948 — The population of Berlin protests against the terrorist actions of the US military administration. (1948). *Soviet Belarus: newspaper, 55 (5254):* 3. (In Russ.).
SB 1950 — Flow of greetings. (1950). *Soviet Belarus: newspaper, 5 (5721):* 2. (In Russ.).
SB 1951 — Election campaign in India. (1951). *Soviet Belarus: newspaper, 190 (6168):* 4. (In Russ.).
SB 1952 — Slovo selskikh kommunistov. (1952). *Soviet Belarus: newspaper, 152 (6401):* 2. (In Russ.).
SB 1956 — Opening of the monument to the soldiers of the Soviet Army in Ulaanbaatar. (1956). *Soviet Belarus: newspaper,* 156 (7639): 4. (In Russ.).
SB 1958a — Locomotive column names of the 40th anniversary of the BSSR. (1958). *Soviet Belarus: newspaper, 217 (8310):* 1. (In Russ.).
SB 1958b — Increased obligations. (1958). *Soviet Belarus: newspaper, 231 (8324):* 1. (In Russ.).
SB 1958v — The Motherland will become more powerful. (1958). *Soviet Belarus: newspaper, 271 (8364):* 1. (In Russ.).
SB 1959a — Strikes in Italy. (1959). *Soviet Belarus: newspaper, 145 (8543):* 4. (In Russ.).
SB 1959b — Evidence of monolithic cohesion and fraternal cooperation. (1959). *Soviet Belarus: newspaper, 145 (8543):* 4. (In Russ.).
SB 1959v — Protest rally in Prague. (1959). *Soviet Belarus: newspaper, 145 (8543):* 4. (In Russ.).
SB 1959g — Fraternal friendship. (1959). *Soviet Belarus: newspaper, 145 (8543):* 3. (In Russ.).
SB 1963a. — The unity of the working people of France is growing stronger. (1963). *Soviet Belarus: newspaper, 64 (9683):* 3. (In Russ.).
SB 1963b — Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the MNR. (1963). *Soviet Belarus: newspaper, 157 (9776):* 3. (In Russ.).
SB 1963v — Holiday of unbreakable friendship. (1963). *Soviet Belarus: newspaper,* 157 (9776): 3. (In Russ.).
SB 1963g — Greece on the eve of the elections. (1963). *Soviet Belarus: newspaper,* 58 (9877): 3. (In Russ.).
SB 1964a — To you, my dear party! (1964). *Soviet Belarus: newspaper, 40 (9965):* 1. (In Russ.).
SB 1964b — On the pre-May labor watch. (1964). *Soviet Belarus: newspaper, 91 (10016):* 1. (In Russ.).
SB 1967a — Success of friendly cooperation. (1967). *Soviet Belarus: newspaper, 3 (10845):* 3. (In Russ.).

SB 1967b — Statement of TASS. (1967). *Soviet Belarus: newspaper, 77 (10919):* 3. (In Russ.).
SB 1967v — For unity of actions of trade unions. (1967). *Soviet Belarus: newspaper, 77 (10919):* 3. (In Russ.).
SB 1967g — Magistral druzhby. (1967). *Soviet Belarus: newspaper, 198 (11040):* 3. (In Russ.).
SB 1967d — Statement of TASS. (1967). *Soviet Belarus: newspaper, 198 (11040):* 3. (In Russ.).
SB 1967e — National Holiday of the Upper Volta. *Soviet Belarus: newspaper, 287 (11129):* 3. (In Russ.).
SB 1971a — Signing of the declaration on the commissioning of the Aswan Hydropower Complex. (1971). *Soviet Belarus: newspaper, 13 (12074):* 3. (In Russ.).
SB 1971b — Provocations continue. (1971). *Soviet Belarus: newspaper, 125 (12186):* 3. (In Russ.).
SB 1971v — Towards the congress. (1971). *Soviet Belarus: newspaper, 125 (12186):* 3. (In Russ.).
SB 1971 — The 18th International Damascus Exhibition. (1971). *Soviet Belarus: newspaper, 198 (12259):* 3. (In Russ.).
SB 1974 — By 1977 — two five-year plans. (1974). *Soviet Belarus: newspaper, 31 (13004):* 1. (In Russ.).
SB 1977 — VVAS statement. (1977). *Soviet Belarus: newspaper, 270 (14157):* 3. (In Russ.).
SB 1981a — Protest demonstration. (1981). *Soviet Belarus: newspaper, 32 (15117):* 3. (In Russ.).
SB 1981b — Awards to cosmonauts. (1981). *Soviet Belarus: newspaper, 134 (15219):* 3. (In Russ.).
SB 1981v — Bulgarian-Afghan treaty. (1981). *Soviet Belarus: newspaper,* 297 (5254): 3. (In Russ.).
SB 1983 — In the name of peace and labor. (1983). *Soviet Belarus: newspaper, 239 (15924):* 1. (In Russ.).
SB 1988a — Meetings. (1988). *Soviet Belarus: newspaper, 230 (17411):* 1. (In Russ.).
SB 1988b — Disturbing everyday life. (1988). *Soviet Belarus: newspaper, 239 (17420):* 3. (In Russ.).
SB 1988b — Polls. (1988). *Soviet Belarus: newspaper, 268 (17449):* 1. (In Russ.).
SB 1988v — China: assistance to victims. (1988). *Soviet Belarus: newspaper, 287 (17468):* 1. (In Russ.).

References

Boitsova, O. Yu. (2018). On the question of negative solidarity as a concept of political philosophy. *Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy, 4:* 60—69. (In Russ.).
Chernyak, N. I. (1983). *Internationalism is unity and solidarity.* Moscow: Moscow worker. 136 p. (In Russ.).
Erofeeva, I. V. (2010). *Axiology of media text in Russian culture: representation of values in journalism of the beginning of the XXI century.* Author's abstract of Doct. Diss. Saint-Petersburg. 51 p. (In Russ.).
Hoffman, A. B. (2015). Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration. In: *Tradition, Solidarity and Sociological theory. A selection of the texts.* Moscow: New chronograph. 160—248. ISBN 978-5-94881-293-9. (In Russ.).

Isaev, I. A. (2014). *Solidarity as an imaginary political and legal state.* Moscow: Prospekt. 176 p. (In Russ.).

Khutyz, I. P. (2012). Solidarization: characteristics of the phenomenon and levels of its implementation. *Language. Text. Diskurs, 10:* 176—180. (In Russ.).

Khutyz, I. P. (2015). Features of the construction of academic discourse: orientation to the reader / authora. In: *Bulletin of the Maikop State Technological University, 1:* 77—82. (In Russ.).

Ksenofontova, I. V. (2014). *Internet-solidarity: methodological foundations of the approach and practice of study.* PhD Diss. Moscow. 184 p. (In Russ.).

Kuzmenko, I. S. (2016). General problems of research of solidarization processes in society. *Society and law, 1 (55):* 268—271. (In Russ.).

Mironov, R. V. (2010). *Category "Solidarity" as a factor of the modern political process in Russia.* Author's of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 23 p. (In Russ.).

Okara, A. N. (2010). Social solidarity as the basis of a new "peacebuilding" project. *Journal club Intelros "Synergy", 9:* 7—41. (In Russ.).

McCraw, B. W. (2019). Appeal to the People. In: *Bad Arguments: 100 of the Most Important Fallacies in Western Philosophy*. John Wiley & Sons. 112—114.

Stepanov, Yu. S. (2001). *Constants: Dictionary of Russian culture.* Moscow: Akadem the project. 990 p. ISBN 5-8291-0007-X. (In Russ.).

Studenova, V. (2015). Explication of the concepts of "solidarity" and "Association". *Fundamental research, 2 (18):* 4118—4122. (In Russ.).

Taylor, A. *Solidarity: Obligations and Expressions.* Available at: http://www.socialpolicy.ed.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0012/141330/JWI_Solidarity_Obligations_and_Expressions.pdf. (accessed 23.10.2020).

Zhalkiev, V. T. (2014). *Solidarity and anomie in modern Russian society.* Krasnodar: KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 141 p. ISBN 978-5-9266-0685-7. (In Russ.).

Zverev, M. K. (2009). *Features of social solidarity in modern Russian society.* PhD Diss. Irkutsk. 163 p. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Бородина Н. А. Образные средства репрезентации Млечного Пути в русской художественной литературе XIX — начала XXI веков / Н. А. Бородина // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 42—56. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-42-56.

Borodina, N. A. (2021). Figurative Means of Representing the Milky Way in Russian Fiction of XIX — Early XXI Centuries. *Nauchnyi dialog, 3:* 42-56. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-42-56. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-42-56

Образные средства репрезентации Млечного Пути в русской художественной литературе XIX — начала XXI веков

Бородина Надежда Анатольевна
orcid.org/0000-0002-9198-1080
кандидат филологических наук, доцент,
borodinanadezhda@yandex.ru

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

(Елец, Россия)

Figurative Means of Representing the Milky Way in Russian Fiction of XIX — Early XXI Centuries

Nadezhda A. Borodina
orcid.org/0000-0002-9198-1080
PhD in Philology, Associate Professor,
borodinanadezhda@yandex.ru

Bunin Yelets State University

(Yelets, Russia)

© Бородина Н.А., 2021

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагаемая статья представляет собой анализ языковых средств образной ре-презентации Млечного Пути в прозаических произведениях отечественных авторов XIX — начала XXI веков. Автором установлено, что основаниями для создания метафорических моделей, в которых в качестве одного из компонентов выступает номинация астрообъекта Млечный Путь, служат сходство внешних очертаний, параметрических показателей, тождество световых и структурных характеристик, при этом привлечение только перцептивных признаков существенно ограничивает возможности для сопоставления. Показано, что протяженность звездной системы обусловливает ее метафорическое представление как водного объекта, дороги, ткани или волокна, моста или составной его части, дуги, параболы, дроби, крестного хода, переулка, пояса, следа от лыж, разлитого молока, хвоста. Отмечается, что взаимное расположение небесных тел, формирующих Млечный Путь, приводит к его уподоблению туману, облаку, дыму или пыли; в светимости звезд, входящих в галактику, видится сходство с блеском серебра и золота, а большое их количество подчеркивается метафорой «Млечный Путь — множество мелких предметов или частиц». Автор приходит к выводу, что возникающие при метафоризации астрообъекта образы различаются частотой употребления, при этом продуктивными являются гидронимная, метеорологическая, артефактная метафоры, а также метафора пути-дороги.

Ключевые слова:
поэтическая ономастика; космоним; Млечный Путь; репрезентация; образные выражения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is an analysis of the linguistic means of figurative representation of the Milky Way in the prose works of Russian authors of the XIX — early XXI centuries. It is established that the basis for the creation of metaphorical models, in which the astroobject Milky Way is one of the components, are the similarity of external outlines, parametric indicators, the identity of light and structural characteristics, while the attraction of only perceptual signs significantly limits the possibilities for comparison. It is shown that the length of the stellar system determines its metaphorical representation as a water body, road, fabric or fiber, a bridge or its component part, an arc, a parabola, a fraction, a procession, a lane, a belt, a ski track, spilled milk, a tail. It is noted that the relative position of the celestial bodies that form the Milky Way leads to its assimilation to fog, cloud, smoke or dust; the luminosity of the stars entering the galaxy resembles the brilliance of silver and gold, and their large number is emphasized by the metaphor “Milky Way — many small objects or particles”. The author comes to the conclusion that the images that arise during the metaphorization of an astroobject differ in the frequency of use, while hydronymic, meteorological, artifact metaphors, as well as the metaphor of a path-road, are productive.

Key words:
poetic onomastics; heavenly body; Milky Way; representation; figurative expressions.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’373.227+821.161.1“18/20”

Образные средства репрезентации Млечного Пути в русской художественной литературе XIX — начала XXI веков

© Бородина Н.А., 2021

1. Введение

В настоящее время отмечается рост научного интереса к исследованию проблем поэтической ономастики, которая, определяя семантический, стилистический, эстетический и экспрессивный потенциал поэтонимов, раскрывает специфику использования имен собственных мастерами слова и позволяет приблизиться к осознанию авторского замысла. Однако работы, которые рассматривают наименования объектов космического пространства и отдельных небесных тел (космонимов и астронимов): звезд и планет, комет и астероидов, галактик и туманностей — в текстах художественных произведений, изучают индивидуально-авторские ассоциации, связанные с ними, немногочисленны [Абдуллина и др., 2015; Абодуллоева, 2015; Биль, 2011; Бородина, 2018; Волкова, 2012; Ковалев, 2003; Полянічко, 2017; Фомина, 2015].

В данной статье нами была предпринята попытка проанализировать средства образной репрезентации астрономического объекта Млечный Путь в русской литературе, охватывающей период с XIX до начала XXI века.

Сбор авторской картотеки примеров был произведен с помощью поискового запроса в информационно-справочной системе «Национальный корпус русского языка».

При интерпретации фактического материала были использованы следующие методы:

— описательно-аналитический, включающий приемы наблюдения, интерпретации, систематизации;

— контекстного анализа, представленного приемом выявления условий, специфики употребления языковой единицы в тексте;

— компонентного анализа, заключающегося в выделении элементарных смысловых составляющих в лексическом значении слова;

— количественного анализа, направленного на статистическую обработку полученных результатов исследования;

— лингвокультурологического анализа, рассматривающего языковые явления сквозь призму материальной и духовной культуры народа.

Млечный Путь — пересекающая небосвод беловатая полоса слабосветящихся звезд — издавна привлекала внимание людей, будила их во-

ображение. Мифопоэтическое сознание древнего человека видело в нем знакомые реалии, что находило отражение в образной номинации данного космического объекта в разных языках и диалектах:

— пролитое молоко, например, англ. *Milky Way,* датск. *Mælkevejen,* итал. *la Via Lattea*, латин. *Via lactea*, нем. *Milchstrasse,* словац. *Mliečna cesta*, франц. *Voie lactée,* белорус. *Млечны Шлях*, армян. *Ծիր Կաթին* (‘молочный след’), греч. *Κύκλος γαλαξίας* (‘молочный круг’) и др. [Владимирова и др., 2016, с. 169; Яковлева, 2014, с. 75; Яковлева, 2015а, с. 79];

— рассыпанную солому, например, серб. *Кумовска слама* (‘кумова солома’), словен. *Kumova slama,* макед. *Кумова слама,* серб. *Сламни пут* (‘соломенный путь’), турец. *Samanyolu* (‘соломенный путь’), гагауз. *Saman yolu*, киргиз. *Саманчынын жолу* (‘путь соломенщика’), казах. *Сабан жолы* (‘мякинная дорога’) и др. [Рут, 1970, с. 102; СД-2004, с. 266; Яковлева, 2015а, с. 77—78];

— водный поток, например, кит. 银河 [yinhe] (‘серебряная река’), 星河 [xinghe] (‘звездная река’), 天河 [tianhe] (‘небесная река’), вьетнам. *Sông Ngân* (‘серебряная река’), *Tinh Hà* (‘звездная река’), *Thien Hà* (‘небесная река’) и др. [Карпенко, 1981, с. 16; Руденко и др., 2018, с. 141; Рут, 1970, с. 103];

— дорогу или путь, например, фин. *Linnunrata* (‘птичья дорога’), туркм. *Ḳuślar joli* (‘дорога птиц’), коми *Сарыдзӧ лэбзян туй* (‘дорога, по которой (птицы) летят в теплые края’), швед. *Vintergatan* (‘зимняя дорога’), хакас. *Хыро чолы* (‘дорога инея’), польск. *Droga do Częstochowy* (‘дорога в Ченстохову’), тув. *Сылдыс Оруу* (‘звездная дорога’), словен. *Rimska cesta* (‘Римская дорога’), турец. *Haci yolu* (‘путь паломника’), укр. *Чумацький Шлях* (‘путь солеторговцев’), венгер. *A Hadak Útja* (‘путь войск’) и др. [Айбабина и др., 2013, с. 98; Карпенко, 1981, с. 17—19; СД-2004, с. 266];

— живых существ, например, туамоту *Vaero-o-te-moko* (‘хвост ящерицы’), маори *Mango-roa* (‘длинная акула’), гавайск. *Kuamoo* (‘позвоночник ящерицы’) и др. [Яковлева, 2014, с. 74];

— неодушевленные предметы, например, калм. *Теңгрин Уйдл* (‘небесный шов’), бурят. *Огторгойн Оёдол, Тэнгэриин зүйдэл, Тэнгэриин оёдол* (‘небесный шов’), тув. *Дээр Тии* (‘небесная трещина’), якутск. *Халлаан сīрä* (‘небесный канат’), нен. *Нув’пуд* (‘опора неба’), осетин. *Ӕрфæны фæд* (‘след Арфана’), хакас. *Ах чібек* (‘белая шелковая нитка’) и др. [Абдуллина, 2016, с. 299; Карпенко, 1981, с. 23; Рут, 1970, с. 103; Яковлева, 2014, с. 75; Яковлева, 2015б, с. 77].

В данной статье автор обращается к текстам русской художественной литературы XIX — начала XXI веков с целью выявить средства образной репрезентации астрообъекта Млечный Путь.

CC BY

2. Метафорическая модель «Млечный Путь — водный объект»

В 15,7 % высказываний от общего количества собранных примеров Млечный Путь метафорически интерпретируется как водный объект:

(1) *Блещет Медведица,* ***струится*** *серебряный* ***Млечный путь****, робко сверкают Плеяды* (Савинков Б. Конь бледный) [НКРЯ].

В метафорической модели «Млечный Путь — водный объект» обнаруживаются отголоски мифопоэтических воззрений славян, согласно которым небесный свод предстает «всесветным морем», «воздушным океаном» [Афанасьев, 2008, с. 542, 553].

Галактика Млечный Путь в проанализированных произведениях уподоблена реке. Движение водного потока передают предикаты *разлиться, струить, струиться, течь*. По семантике данные глаголы различаются обозначаемыми способом и направлением перемещения вод: *струить, струиться* указывают на движение сверху вниз, стекая (пример 1), *разлиться* — на движение по горизонтали (пример 2), выход из естественных границ, а глагол *течь* в зависимости от контекста может быть синонимичен глаголу *струиться* или обозначать перемещение в определенном направлении, в частности, если речь идет о реке или сравнении с ней (пример 3). Ср.:

(2) *В темном небе* ***широкой рекой разлился*** *блестящий* ***Млечный Путь****, и от ярких звезд его еще темнее кажется в степи* (Гарин-Михайловский Н. Гимназисты) [НКРЯ].

(3) *В глубине* ***безбрежной рекой тек Млечный Путь*** (Мусатов А. Стожары) [Там же].

К гидронимным признакам Млечного Пути как объекта образного описания относятся стремительность течения, большая глубина и ширина, наличие разветвлений русла, чистота воды, ее низкая температура. Например:

(4) *Конопус блестит как брильянт, и в его блеске тонут другие бледные звезды корабля Арго, а все вместе* ***тонет в пучине Млечного Пути*** (Гончаров И. Фрегат «Паллада») [Там же];

(5) ***Он*** [*Млечный Путь*] ***струит холодные, прозрачные волны****, и лунные колоннады танцуют, как водоросли* (Иванов А. Победитель Хвостика) [Там же].

Колоративный признак Млечного Пути как реки представлен адъективами *золотой* (‘блестяще-желтый’) и *серебряный* (‘блестяще-белый’):

(6) ***Золотой речкой*** *струился в небе* ***Млечный Путь*** (Бубеннов М. Белая береза) [Там же].

Стихия воды метафорически представляет рассматриваемое звездное скопление и в твердом агрегатном состоянии. В далеких, холодных небес-

CC BY

ных светилах видится сходство со слоем льда, появившегося на поверхности земли или воды (один пример в авторской картотеке):

(7) *В великолепной, бездонной черноте ночи, на твердых, как литое зеркало, небесах,* ***широким слоем наледи зависал Млечный Путь****, обнаженная и безгрешная луна жгла потусторонним холодом* (Алешковский П. Жизнеописание Хорька) [Там же].

3. Метафорическая модель «Млечный Путь — дорога»

В 13,7 % примеров использования образа Млечного Пути реализуется метафорическая модель «Млечный Путь — дорога»:

(8) *Широко через все небо парчовою* ***дорогою протянулся Млечный Путь****, и таинственные дрожали звезды* (Краснов П. От Двуглавого Орла к красному знамени) [Там же].

Основанием для метафорической проекции в данном случае становится то впечатление, «какое производит на глаз зрителя его длинная, тянущаяся по всему небесному своду полоса» [Афанасьев, 2008, с. 1072].

Параметрические показатели Млечного Пути как дороги в собранном материале передаются лексемами *шлях* (‘большая, наезженная дорога’) и *тропа* (‘узкая, протоптанная дорожка’). Ср.:

(9) *А посредине, над древней псковской землей, неусыпным напоминанием,* ***широким углящимся шляхом вычеканен Млечный Путь*** (Шолохов М. Тихий Дон) [Там же];

(10) ***По мглистым нехоженым тропам Млечного Пути*** *в смятении бежали звезды* (Фадеев А. Разгром) [Там же].

Представление Млечного Пути как дороги является традиционным для русской культуры и восходит к народной астрономии. Проиллюстрировать это утверждение можно наименованиями, зафиксированными в словаре астронимов, который подготовлен представителем уральской ономастической школы М. Э. Рут: *Батыева Дорога, Белая Дорога, Божий Путь, Гусиная Дорога, Дорога в Иерусалим, Дорога к Краю, Дорога Татарская на Святую Русь, Заячья Тропинка, Мамаева Дорога, Млечный Шлях, Моисеева Дорога, Мышиные Тропки, Путик, Птичий Путь, Райская Дорога, Светлый Путь, Чумацкий Шлях* и др. [СА-2010, с. 123—144].

В нашей картотеке примеров образного переосмысления Млечного Пути мы также находим соответствия распространенным мотивам вторичной номинации описываемого космического объекта, см. подробнее [СД-2004, с. 264—265]:

— дорога Бога и дорога к святым местам:

(11) *Темнеет июльское небо, чистое и далекое, ласково смотря на нас миллионами лучистых глаз, горят Стожары, искристо улыбается* ***Млечный***

CC BY

***Путь — божья дорога в святой город Иерусалим**, невидимая благословляющая рука трепетно держит Петров Крест над нашими головами; шуршат по берегу сухими метелками серые камыши, будто старики на завалинке разговаривают о прошлом* (Вольнов И. Повесть о днях моей жизни) [НКРЯ];

— дорога птиц и дорога душ:

(12) *Пермяки говорили, что **Млечный Путь — это Путь Птиц**, по которому на свое неведомое земле небо улетают птицы-души умерших* (Иванов А. Сердце Пармы) [Там же];

— молочная дорога:

(13) *Ветер, который гулял высоко в небе, рассеял облака, и стало видно, как из ковылкинского оврага выливается на небо **Млечный Путь — молочная дорога*** (Коваль Ю. Недопесок) [Там же].

4. Метафорическая модель «Млечный Путь — ткань или нить»

В 8,8 % изученных контекстов Млечный Путь уподобляется текстильному полотну или тонко скрученным волокнам, из которых это полотно изготавливается. Например:

(14) *На безоблачном небе **широким блещущим холстом разостлался Млечный Путь*** (Вольнов И. Повесть о днях моей жизни) [Там же];

(15) ***Нить Млечного Пути*** ... (Велтистов Е. Миллион и один день каникул) [Там же].

В сопоставлении рассматриваемого астрообъекта с тканью отражаются, с одной стороны, верования русского народа, согласно которым ткань и нить (как исходный материал для ткачества) являются символами пути-дороги, символами связи мира живых с миром мертвых [СД-2009, с. 150; СД-2004, с. 402]; с другой стороны, знания реалий крестьянского быта, хозяйственного уклада, когда домотканое полотно при отбеливании и дальнейшей сушке расстилают на траву.

В метафорической модели «Млечный Путь — ткань» характеристика светимости звездной системы подчеркивается путем включения в описание лексем со значением вида ткани: *парчовый*, *шелк*, — в содержательной структуре которых присутствует сема ‘блеск’, а также посредством атрибутивных конкретизаторов *искрящийся, блещущий, серебристый*; неравномерность распределения звезд в Галактике передается с помощью лексем *газовый* (от *газ* — ‘шелковая прозрачная ткань’), *тюль:*

(16) *А над ними в торжественном спокойствии висят прямо над головой бесчисленные, сияющие алмазным холодным блеском миры, и **вытканная из тончайшего шелка газовая ткань Млечного Пути** развешана через весь небесный свод длинной белесой полосой* (Шляпентох Д. Конец Истории: благословенный Иов) [НКРЯ];

(17) *Засыпая на крыше «шестьдесят шестого», ты видишь сквозь полусомкнутые веки только глубину за* ***тюлем Млечного Пути*** (Соломатина Т. Отойти в сторону и посмотреть) [Там же].

5. Метафорическая модель «Млечный Путь — мост или его конструктивная часть»

Примеры, в которых репрезентирована артефактная метафора «Млечный Путь — мост или его конструктивная часть», в нашей картотеке немногочисленны (7,8 % от общего количества примеров):

(18) ***Млечный Путь****, потухая на одном конце, имел вид* ***разбитой арки гигантского моста*** (Степняк-Кравчинский С. Андрей Кожухов) [Там же].

Выбор данного вида сооружения в качестве сферы-источника метафорической экспансии продиктован его изофункциональностью; представлениями о том, что это «сооружение и локус, которые <…> соединяют земное и потустороннее пространство; место контактов человека с мифическими существами; один из наиболее опасных и ответственных участков пути» [СД-2004, с. 303]. Так, например, в Тульской губернии бытовало поверье, что Млечный Путь — это небесный мост, по которому души умерших перемещаются из ада в рай [СМ-2002, с. 305]. Сравним:

(19) *По этому же* ***адовому мосту*** [Млечному Пути], *гневливо и беспокойно клубясь,* ***уходили к русскому богу души*** *зарубленных и сожженных в Покче* (Иванов А. Сердце Пармы) [НКРЯ].

В репрезентациях анализируемого астрообъекта как моста могут содержаться указания на небольшую ширину, огромный размер и нечеткие, размытые очертания:

(20) ***Дуга Млечного Пути*** *перекидывалась таким же, как и на родине, серебряным* ***мостом через весь небосвод****, но она была* ***более узкой*** (Ефремов И. На краю Ойкумены) [Там же].

6. Метафорическая модель «Млечный Путь — туман / дым»

«Клочковатое» строение Млечного Пути, неравномерное распределение образующих его звезд, когда выделяются зоны наибольшей их концентрации и участки с меньшей плотностью, позволяют отождествлять галактику со взвесью гетерогенных частиц в воздушной среде. Возникающие при этом метафоры-конкретизаторы разнообразны.

В проанализированных нами текстах изучаемый астрообъект чаще соотносится со скоплением водяных капелек или ледяных кристаллов (12,7 % примеров), реже — с совокупностью пылинок, носящихся в воздухе (9,8 % примеров).

CC BY

Метафорическая модель «Млечный Путь — туман» (зафиксирована в 11,8 % контекстов) реализуется посредством слов, имеющих разную частеречную принадлежность: имен существительных (*туман, туманность*), имени прилагательного (*туманный*), наречия (*туманно*), а также глагола *разостлаться* со значением ‘стелясь по поверхности, распространяться’. Например:

(21) ***Разостлался*** *светящимся* ***туманом Млечный Путь*** (Толстой А. Детство Никиты) [Там же];

(22) ***Млечный Путь изгибался туманным хвостом*** *на бархатном звездчатом покрывале* (Бабаян С. Ротмистр Неженцев) [Там же].

В описании Млечного Пути как тумана задействованы адъективы *белый, серебристый, светящийся*, соответствующие традиционному изображению звезд и созвездий:

(23) ***Млечный путь*** *спускался ниже, чем следует.* ***Белым туманом свисал*** *над их головами* (Белый А. Симфония) [Там же].

Вербализация метафоры «Млечный Путь — дым» (5,9 % примеров) осуществляется путем использования однокорневых лексем *дым, дымный, дымиться*:

(24) ***Млечный Путь шел*** *через двор,* ***как полоса*** *белого* ***дыма*** *из трубы* (Панова В. Сестры) [Там же];

(25) ***Млечный Путь*** *сильней и сильней* ***дымится****, течет яснее* (Шмелев И. Солнце мертвых) [Там же].

Народным сознанием дым трактуется как «медиатор, связующее звено между небом и землей», этим миром и тем миром [СД-1999, с. 168; СМ-2002, с. 342], что перекликается с идеями, которые положены в основу метафорических моделей «Млечный Путь — дорога», «Млечный Путь — ткань», «Млечный Путь — мост».

7. Метафорическая модель «Млечный Путь — множество мелких предметов или частиц»

Большое количество звезд, формирующих космический объект, удаленность его от наблюдателя влекут за собой появление образных параллелей между Млечным Путем и неисчислимым множеством мелких предметов или частиц (5,9 % высказываний). Млечный Путь соотносится:

— с чем-то высыпанным или рассыпанным:

(26) *Широкий* ***Млечный Путь*** *таинственной звездной* ***россыпью*** *тускло* ***блестел*** *над головой* (Кузнецова Г. Зыгмусь) [Там же];

— с крупинками твердых минералов или кусочками ископаемых металлов:

CC BY

(27) ***Млечный Путь, весь в самородках****, лег под их ногами* (Шишков В. Угрюм-река) [Там же];

— с цветными бусинами:

(28) *Она показывала на* ***Млечный Путь****. — ...* ***вон там шла девица из Питера, несла кувшин бисера, споткнулась и рассыпала*** (Мариенгоф А. Бритый человек) [Там же].

Отметим, что в русских народных загадках, содержащих иносказательное описание звездного неба, такое уподобление встречается регулярно, например: *Серебряна* ***россыпь*** *по голубому полю*; *Вся дорожка усыпана* ***горошком*** и др.

Светимость звезд, составляющих Млечный Путь, часто ассоциируется с блеском благородных металлов: серебра или золота (9,8 % примеров от общего количества):

(29) *Звездная* ***пыль Млечного Пути светилась*** *раскаленным* ***серебром*** (Ефремов И. Обсерватория Нур-и-Дешт) [Там же];

(30) *И вскоре в темном небе* ***блеснул золотой песок Млечного пути*** (Шишков В. Угрюм-река) [Там же].

Подобное восприятие Млечного Пути согласуется с русской фольклорной традицией наделения объектов космического пространства характеристиками ценных металлов. Ср.: *Голубое поле* ***серебром*** *усыпано; По синему пологу* ***золотое*** *просо рассыпано.*

8. Математическая метафора в образном представлении Млечного Пути

Конфигурация Млечного Пути кодируется посредством математической метафоры. В отличие от рассмотренных выше тропеических средств, которые уже закрепились в языке, она характеризуется относительной новизной, поскольку зафиксирована в 4 % контекстов, созданных в конце XX — начале XXI веков. Выпуклая форма звездного скопления эксплицируется лексемами *дуга*, *парабола*:

(31) *Там через все небо дерзкой* ***параболой размахнулся Млечный Путь*** (Гансовский С. Млечный путь) [Там же].

Опоясывающая небосвод полоса интерпретируется как дробная черта:

(32) *Ты знаешь,* ***это*** [*Млечный Путь*] *похоже на какую-то* ***гигантскую дробь*** (Шишкин М. Письмовник) [Там же].

9. Индивидуально-авторские метафорические модели репрезентации Млечного Пути

Охарактеризовав метафорические модели, получившие распространение в текстах художественной литературы XIX — начала XXI веков, далее

CC BY

обратимся к индивидуально-авторским, спорадически встречающимся образным средствам репрезентации рассматриваемого астрообъекта.

В проанализированных контекстах можно выделить авторские сравнения, в основе которых находится признак скученности звезд на отдельных участках, что позволяет провести аналогию между Млечным Путем и

— скоплением летающих насекомых:

(33) *Наконец, за этими ближайшими светилами тянется белою полосою и* ***Млечный Путь, рой тех звездочек****, которые сияют теперь там выше, над нашими головами: это незримые, многочисленные обитательницы здешнего храма* (Гончаров И. Хорошо или дурно жить на свете?) [Там же];

— группой лиц:

(34) ***Млечный Путь — как большое общество*** (Пастернак Б. Охранная грамота) [Там же].

Кроме того, визуальное восприятие рассматриваемого объекта звездного неба (вытянутая форма, цвето-световая характеристика) лежит в основе его отождествления:

— с совершающимся ночью торжественным шествием с крестами, иконами, зажженными свечами:

(35) ***Крестным ходом*** *стройно и торжественно* ***тек над землей Млечный Путь*** (Иванов А. Сердце Пармы) [Там же];

— с небольшой улочкой:

(36) *И если брать космические масштабы, то в одной только нашей, так называемой галактической системе,* ***в маленьком переулочке Вселенной, именуемом Млечным Путем****, столкновения происходят, вероятно, не реже, чем столкновения автомобилей на улицах большого города* (Беляев А. Продавец воздуха) [Там же];

— с глубоким следом на снегу, оставленным лыжами:

(37) *А* ***Млечный путь — это лыжный след*** *охотника* (Шишкин М. Венерин волос) [Там же];

— с поясом, украшенным серебряными бляшками:

(38) *Над степью* ***наборным казачьим поясом-чеканом лежал*** *нарядно перепоясавший небо* ***Млечный Путь*** (Шолохов М. Тихий Дон) [Там же];

— с разлитым молоком:

(39) *Кто это, кстати, сказал, что он [Млечному Пути]* ***похож на пролитое молоко****?* (Крыщук Н. Отступление) [Там же];

— с хвостом живого существа:

(40) ***Млечный Путь изгибался*** *туманным* ***хвостом*** *на бархатном звездчатом покрывале* (Бабаян С. Ротмистр Неженцев) [Там же].

CC BY

10. Выводы

В результате проведенного анализа средств образной репрезентации галактики Млечный Путь в произведениях русской художественной литературы XIX — начала XXI веков мы пришли к следующим выводам:

1. Набор объективных признаков, которые легли в основу метафорического осмысления рассматриваемого астрообъекта, невелик. К ним можно отнести такие физические характеристики, как форма и размер звездной системы, светимость и взаимное расположение образующих ее небесных тел.

2. Продуктивными источниками для метафорической проекции становятся водная и воздушная стихии, путь-дорога, предметный мир.

3. В образных описаниях Млечного Пути находят отражение устоявшиеся мотивы его номинации в русской народной астронимии, а также мифологические преставления славян о мироустройстве.

4. Наряду с традиционными сопоставлениями используются редкие и единичные индивидуально-авторские тропы. Млечный Путь уподобляется рою, человеческому обществу, крестному ходу, лыжному следу, наледи, дуге, параболе, дроби, поясу, хвосту, пролитому молоку.

Источники и принятые сокращения

1. *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ruscorpora.ru/new/. (accessed 25.09.2020).

2. СА-2010 — *Рут М. Э.* Словарь астронимов. Звездное небо по-русски / М. Э. Рут. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. — 288 с. — ISBN 978-5-462-01038-5.

3. СД-1999 — *Славянские* древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1999. — Т. 2. Д — К (Крошки). — 687 с.

4. СД-2004 — *Славянские* древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2004. — Т. 3. К (Круг) — П (Перепелка). — 704 с. — ISBN 5-7133-1207-0.

5. СД-2009 — *Славянские* древности : Этнолингвистический словарь в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2009. — Т. 4. : П (Переправа через воду) — С (Сито). — 656 с.

6. СМ-2002 — *Славянская* мифология : Энциклопедический словарь. — Москва : Международные отношения, 2002. — 512 с. — ISBN 978-5-7133-1392-0.

Литература

1. *Абдуллина Г. Р.* Башкирские космонимы в фольклорных образцах и в художественной литературе / Г. Р. Абдуллина, С. Р. Каранаева // Dil və Ədəbiyyat. — 2015. — № 3 (95). — С. 140—144.

2. *Абодуллоева С. Ю.* Космонимы как средство отражения религиозно-мистических концепций в суфийской поэзии / С. Ю. Абодуллоева // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. — 2015. — № 1 (42). — С. 178—182.

3. *Айбабина Е. А.* О некоторых народных космонимах и астронимах в коми языке / Е. А. Айбабина, Л. М. Безносикова // Известия Коми научного центра УрО РАН. — 2013. — № 2 (14). — С. 96—100.

4. *Афанасьев А. Н.* Славянская мифология / А. Н. Афанасьев. — Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Мидгард, 2008. — 1520 с. — ISBN 978-5-699-27982-1.

5. *Биль О. Н.* Образ космоса в поэтическом слове К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. Н. Биль. — Белгород, 2011. — 26 с.

6. *Бородина Н. А.* Описание объектов звездного неба в произведениях И. А. Бунина / Н. А. Бородина // ФИЛОLOGOS. — 2018. — № 4. — С. 18—23. — DOI: 10.24888/2079-2638-2018-39-4-19-23.

7. *Владимирова Т. Е.* Космогонические представления о мифах народов мира / Т. Е. Владимирова, С. В. Яковлева // Метафизика. — 2016. — № 1 (19). — С. 162—173.

8. *Волкова С. Н.* Космонимы в романе Олега Ермакова «Знак зверя» / С. Н. Волкова // Ономастика Поволжья : материалы XIII международной научной конференции (Ярославль, 13—14 сентября 2012 г.) / отв. ред. Р. В. Разумов, В. И. Супрун. — Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. — С. 351—356.

9. *Карпенко Ю. А.* Названия звездного неба / Ю. А. Карпенко. — Москва : Наука, 1981. — 184 с.

10. *Ковалев Г. Ф.* Небеса поэтов. Астронимы в русской литературе / Г. Ф. Ковалев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2003. — № 1. — С. 109—132.

11. *Руденко Е. Н.* Универсальное и специфическое в астронимии / Е. Н. Руденко, А. К. Путилина // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сборник по итогам III Международной научно-практической конференции (Минск, 26—27 октября 2017 г.) : в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. О. И. Уланович. — Минск : Белорусский государственный университет, 2018. — С. 138—145. — ISBN 978-985-553-491-5.

12. *Рут М. Э.* Принципы номинации некоторых астрономических объектов / М. Э. Рут // Ученые записки Уральского государственного университета. № 90. Серия. Филологическая. Выпуск 13. — Свердловск : УрГУ, 1970. — С. 102—107.

13. *Фомина Л. Ф.* Тайный смысл их царственных имен / Л. Ф. Фомина. — Одесса : Астропринт, 2015. — 168 с.

14. *Яковлева С. В.* Мифопоэтическое сознание и образные номинации в картине звездного неба / С. В. Яковлева // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. — 2014. — № 3. — С. 73—77.

15. *Яковлева С. В.* Космоним «Млечный путь» в индоевропейской картине мира / С. В. Яковлева // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. — 2015а. — № 2. — С. 79—83.

16. *Яковлева С. В.* Образ соломенного пути в мифопоэтической картине народов мира / С. В. Яковлева // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. — 2015б. — № 1. — С. 76—79.

17. *Полянічко О. Д.* Особливості функціонування космопоетонімів у художньому мовленні / О. Д. Полянічко // Мова. — 2017. — Вип. 27. — С. 92—96.

Material resources

National Corpus of the Russian language. Available at: https://ruscorpora.ru/new/. (accessed 25.09.2020). (In Russ.).

SA-2010-Ruth, M. E. (2010). *Dictionary of astronomers. Starry sky in Russian.* Moscow: AST-PRESS KNIGA. 288 p. ISBN 978-5-462-01038-5. (In Russ.).

SD-1999-*Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary, 5 (2 D-K (Crumbs)).* (1999). Moscow: International relations. 687 p. (In Russ.).

SD-2004-*Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary, 5 (3 K (Circle) — P (Perepelka)).* (2004). Moscow: International Relations. 704 p. ISBN 5-7133-1207-0. (In Russ.).

SD-2009-*Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary, 5 (4 P (Crossing the water) — S (Sieve)).* (2009). Moscow: International Relations. 656 p. (In Russ.).

SM-2002-*Slavic Mythology: An encyclopedic dictionary.* (2002). Moscow: International Relations. 512 p. ISBN 978-5-7133-1392-0. (In Russ.).

References

Abdullina, G. R., Karanaeva, S. R. (2015). Bashkir cosmonyms in folklore samples and in artistic literature. *Dil və Ədəbiyyat, 3 (95):* 140—144.(In Russ.).

Abodulloeva, S. Yu. (2015). Cosmonyms as a means of reflecting religious and mystical concepts in Sufi poetry. *Scientific notes of the Khujand State University. academician B. Gafurov. Series of humanitarian and Social Sciences, 1 (42):* 178—182. (In Russ.).

Afanasyev, A. N. (2008). *Slavic mythology.* Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Midgard. 1520 p. ISBN 978-5-699-27982-1. (In Russ.).

Aibabina, E. A., Beznosikova, L. M. (2013). On some folk cosmonyms and astronyms in the Komi language. *News of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2 (14):* 96—100. (In Russ.).

Biel, O. N. (2011). *The image of the cosmos in the poetic word of K. Balmont, V. Bryusov, M. Voloshin, N. Gumilyov.* Author's abstract of PhD Diss. Belgorod. 26 p. (In Russ.).

Borodina, N. A. (2018). Description of the objects of the starry sky in the works by I. A. Bunin. *FILOLOGOS, 4:* 18—23. DOI: 10.24888/2079-2638-2018-39-4-19-23. (In Russ.).

Fomina, L. F. (2015). *The secret meaning of their royal names.* Odessa: Astroprint. 168 p. (In Russ.).

Karpenko, Yu. A. (1981). *Names of the starry sky.* Moscow: Nauka. 184 p. (In Russ.).

Kovalev, G. F. (2003). Heaven of poets. Astronomy in Russian literature. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Humanities, 1:* 109—132. (In Russ.).

Polanco, O. D. (2017). Features of functioning of cosmopoetonyms in artistic speech. *Language, 27:* 92—96. (In Ukrain.).

Rudenko, E. N., Putilina, A. K. (2018). Universal and specific in astronomy. In: *Language personality and effective communication in the modern multicultural world, 2 (2).* Minsk: Belarusian State University. 138—145. ISBN 978-985-553-491-5. (In Russ.).

Ruth, M. E. (1970). Principles of nomination of some astronomical objects. *Scientific notes of the Ural State University, 90. Series. Philological, 13.* Sverdlovsk: USU. 102—107. (In Russ.).

Vladimirova, T. E., Yakovleva, S. V. (2016). Cosmogonic ideas about the myths of the peoples of the world. *Metaphysics, 1 (19):* 162—173. (In Russ.).

Volkova, S. N. (2012). Cosmonyms in the novel "The Sign of the Beast" by Oleg Ermakov. In: *Onomastics of the Volga Region.* Yaroslavl: YaGPU Publishing House. 351—356. (In Russ.).

Yakovleva, S. V. (2014). Mythopoetic consciousness and figurative nominations in the picture of the starry sky. *Bulletin of the Center for International Education of the Moscow State University. Philology. Cultural studies. Pedagogy. Methodology, 3:* 73—77. (In Russ.).

Yakovleva, S. V. (2015). Kosmodem "Milky Way" in Indo-European world picture. *Bulletin of the Center for International Education of the Moscow State University. Philology. Cultural studies. Pedagogy. Methodology, 2:* 79—83. (In Russ.).

Yakovleva, S. V. (2015). The image of the straw path in the mythopoetic picture of the peoples of the world. *Bulletin of the Center for International Education of the Moscow State University. Philology. Cultural studies. Pedagogy. Methodology, 1:* 76—79. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Зарипов Р. И. Метафорический образ будущего России в контексте конституционной реформы 2020 года (на материале СМИ Франции) / Р. И. Зарипов, Э. В. Будаев // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 57—68. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-57-68.

Zaripov, R. I., Budaev, E. V. (2021). Metaphorical Image of Future of Russia in Context of Constitutional Reform of 2020 (French Media). *Nauchnyi dialog, 3:* 57-68. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-57-68. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-57-68

Метафорический образ будущего России в контексте конституционной реформы 2020 года (на материале СМИ Франции)

Зарипов Руслан Ирикович [1]
orcid.org/0000-0001-9980-7928
кандидат филологических наук,
lieutenant-en-chef@ya.ru

Будаев Эдуард Владимирович [2]
orcid.org/0000-0003-2137-1364
доктор филологических наук, доцент,
aedw@mail.ru

[1] федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образо-вания «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
(Москва, Россия)

[2] Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
(Нижний Тагил, Россия)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31622.

Metaphorical Image of Future of Russia in Context of Constitutional Reform of 2020 (French Media)

Ruslan I. Zaripov [1]
orcid.org/0000-0001-9980-7928
PhD in Philology,
lieutenant-en-chef@ya.ru

Eduard V. Budaev [2]
orcid.org/0000-0003-2137-1364
Doctor of Philology, Associate Professor,
aedw@mail.ru

[1] Federal State Public Military Educational Institution of Higher Education «Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

[2] Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute (branch) of the Russian State Vocational Pedagogical University
(Nizhny Tagil, Russia)

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISR within the framework of a scientific project № 20-011-31622.

© Зарипов Р.И., Будаев Э.В., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются когнитивные закономерности репрезентации образа будущего России во французских СМИ (Le Monde, L'Express, Le Point, RFI, Libération, Le Nouvel Observateur). Выполнен анализ корпуса из 140 французских метафор, актуализированных в контексте конституционной реформы, проведенной в России в 2020 году, и выполняющих прогнозирующую функцию в процессе концептуализации будущего России. Отмечается, что для достижения поставленной цели целесообразно использовать методику когнитивного исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии. Представлены результаты анализа ведущих метафорических моделей образа будущего России: «Будущее России — это прошлое / СССР / старость / упадок», «Россия в будущем — это абсолютная монархия / ограниченное пространство / укрепленный военный объект». Показано, что образ будущего России формируется во французских СМИ исключительно негативными метафорическими словоупотреблениями. Сделан вывод о том, что метафорические выражения, используемые при описании конституционной реформы, состоявшейся в России в 2020 году, актуализируются французскими политическими элитами для формирования образа России как недемократической страны, лишенной позитивного будущего.

Ключевые слова:
метафорический образ; будущее России; французские СМИ; конституционная реформа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the cognitive patterns of the representation of the image of the future of Russia in the French media (Le Monde, L'Express, Le Point, RFI, Libération, Le Nouvel Observateur). The analysis of a corpus of 140 French metaphors, updated in the context of the constitutional reform in Russia in 2020 and performing a predictive function in the process of conceptualizing the future of Russia, is carried out. It is noted that in order to achieve the set goal of the work, it is advisable to use the method of cognitive research of metaphors, united by the target sphere of metaphorical expansion. The results of the analysis of the leading metaphorical models of the image of the future of Russia are presented: "The future of Russia is the past / USSR / old age / decline", "Russia in the future is an absolute monarchy / limited space / fortified military facility". It is shown that the image of the future of Russia is formed in the French media exclusively by negative metaphorical word usage. It is concluded that the metaphorical expressions used to describe the constitutional reform in Russia in 2020 are being updated by the French political elites to form the image of Russia as an undemocratic country devoid of a positive future.

Key words:
metaphorical image; the future of Russia; French media; constitutional reform.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.133.1’373.612.2

Метафорический образ будущего России в контексте конституционной реформы 2020 года (на материале СМИ Франции)

© Зарипов Р.И., Будаев Э.В., 2021

1. Введение

Россия и Франция имеют многовековую и противоречивую историю двусторонних отношений. Несмотря на давнюю память о кровопролитных войнах и периоды ослабления связей и напряженности, чередовавшиеся с военно-политическими союзами и укреплением сотрудничества, эти два государства объединяют глубокие социально-культурные контакты, чувство ответственности за судьбу Европы, лидерская роль в решении сложных вопросов международной повестки.

Исследованию образа современной России, сложившегося в публицистическом дискурсе Франции, посвящен ряд публикаций отечественных специалистов. Одну из первых попыток изучить метафорический образ России во французском информационном пространстве предприняла О. А. Шаова [Шаова, 2005; Шаова, 2006]. В ее работах впервые были описаны доминантные для французского дискурса массмедиа метафорические модели, типичные с точки зрения образной характеристики России, а также констатировалось, что большинство рассмотренных автором концептуальных метафор апеллируют к отрицательным для французов эмоциям и укрепляют в сознании адресата устойчивый комплекс представлений о «чуждости» России французскому миру. Результаты многоаспектного рассмотрения образа России в СМИ Франции изложены в сборнике статей ИНИОН РАН [Образ современной России …, 2012], объединившем исследования известных историков, политологов и социологов.

Анализ сложившегося образа России в современном французском политическом дискурсе 2010—2015 годов позволил установить, что использование метафорических выражений, которые обеспечивают негативное восприятие реципиентом российских реалий, в течение длительного времени представляет собой неотъемлемую черту французского политического дискурса [Зарипов, 2016]. Во французском медиаполе негативные метафорические образы России значительно преобладают над положительными: широко представлены образы болезней, которые призваны отражать социальные и политические проблемы нашей страны, а также милитарные, криминальные, спортивные (игровые) и монархические об-

CC BY

разы, пронизанные концептуальными векторами опасности, тревожности, агрессивности, непредсказуемости [Там же].

Анализ работ российских лингвистов начала XXI века, посвящённых исследованию метафорического образа современной России в массмедиа Западной Европы и США, позволяет говорить о том, что формирующиеся в них метафорические модели, как правило, привносят в осмысление образа современной России негативные смыслы [Бабкина, 2016; Будаев, 2009; Иванова, 2013; Илюшкина и др., 2019; Красильникова, 2007; Моисеева, 2007; Орлова, 2012].

Однако остается неизученным образ будущего России, который в условиях нарастания геополитического противостояния и перманентной информационно-психологической войны приобретает особую актуальность для отечественных ученых и широкой общественности. Важные внутриполитические процессы начала 2020 года в Российской Федерации, в частности, обновление ее Конституции, носящее социально-ориентированный и патриотический характер, вызвали живую реакцию французских СМИ, которые интерпретировали эти события предвзято и искаженно. Это не может остаться без внимания российских ученых и широкой общественности, поскольку позволяет вскрыть основные концептуальные установки в отношении нашей страны, персуазивно и суггестивно транслируемые аудитории.

Изучение метафорического образа будущего России, сложившегося во французском медиапространстве, с одной стороны, способствует дополнению выявленных метафорических моделей образа России настоящего, с другой стороны, позволяет определить новые концептуальные элементы, которые до этого не фигурировали в дискурсе массмедиа и потенциально могут формировать когнитивные структуры. Таким образом, цель исследования состоит в том, чтобы установить когнитивные закономерности репрезентации образа будущего России во французском массмедийном дискурсе.

Материалом для настоящего исследования послужили 140 метафор, извлеченных из текстов СМИ Франции (Le Monde, L'Express, Le Point, RFI, Libération, Le Nouvel Observateur) и выполняющих прогнозирующую функцию в процессе концептуализации будущего России.

Методология настоящего исследования сложилась под влиянием теории метафорического моделирования, получившей широкое применение в практике исследования метафор в различных видах дискурса по всему миру, см. обзоры [Будаев и др., 2018; Будаев и др., 2020; Musolff, 2016]. Когнитивные методики лингвистического анализа дискурса массмедиа позволяют выявить общие и специфические закономерности употребления метафорических единиц, репрезентирующих объект исследования, сформировать метафорические модели, отражающие общую семантику

CC BY

информационных сообщений, определить манипулятивные посылы их отправителей.

В работе используется методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии. Данная методика исследования подразумевает анализ метафор, задействованных для описания определённого концепта. Методика используется в тех случаях, когда необходимо изучить особенности осмысления определённого фрагмента действительности, но исследователь заранее не знает, какие сферы-источники ему предстоит анализировать. Определение сфер-источников, актуализированных в СМИ для описания некоторой сферы-мишени, и их анализ являются при таком подходе основными задачами.

2. Образ российского президента во французских СМИ

Одним из главных факторов активизации дискуссии во французских СМИ относительно политического и социально-экономического будущего России стала инициатива президента РФ по разработке и внесению поправок в действующую конституцию страны, которые были приняты на всенародном голосовании 1 июля 2020 года. В рамках этого политического сегмента французские источники называли В. В. Путина *пожизненным президентом* / *président à vie*, *президентом до скончания веков* / *ad vitam æternam* (Le Monde. 01.06.20) [АА], *власти которого нет конца* / *le pouvoir sans fin* (Le Monde. 11.03.20) [Там же]. В контексте этих метафор фигурируют образы счетчика или часов, на которых *сдвигают стрелку часов (счетчика) к нулю* / *remise (de la pendule, des compteurs présidentiels) à zéro* (Le Monde. 11.03.20) [Там же]. Президента России при этом называют повелителем времени, который проводит конституционную реформу лишь с целью *увековечить* свою систему / *pérenniser* и *переводит часы* по своему усмотрению: *En vrai maître des horloges, Vladimir Poutine remet donc la pendule "à zéro"* (L'Express. 10.03.20) [Там же]. В вопросе преемственности власти французские СМИ заявляют либо о *пожизненном Путине* / *Poutine à vie* (L'Express. 20.06.20) [Там же], либо о его некоем *клоне* / *clone*, который идеально бы подошел для сохранения *значительного наследства* / *héritage considérable* и территориальной целостности страны (France Inter. 25.06.20) [Там же]. В целом можно говорить о появлении во французском дискурсе массмедиа метафорической модели «Путин — это вечный правитель» с недостаточно отчетливыми на данный момент контурами и развивающейся фреймово-слотовой структурой.

Неограниченный срок правления, о котором преувеличенно заявляют французские медиа, присущ странам с монархической формой правления и авторитарной политической системой; к ним в данном случае завуали-

CC BY

рованно приравнивается Россия. Этот посыл дополняется традиционным для репрезентации российской власти образом царя, который по-прежнему фигурирует во французских текстах массмедиа. Таким образом, указанная модель может рассматриваться как часть более обширной и детализированной модели «Россия — это абсолютная монархия», образуя фрейм (слот) «Срок правления», который в контексте модели образа России настоящего конструирует метафорические смыслы образа России будущего.

В контексте обновления Конституции РФ французские субъекты массовой коммуникации не видят в будущем кардинальных изменений в рамках существующей российской «монархической» системы. Заявляется, что президент России по-прежнему остается *царем с неограниченной властью / tsar sans limite* (Le Monde. 01.07.20) [Там же], *всемогущим правителем / dirigeant tout puissant*, *монархом / monarque*, *самодержцем* / *autocrate* (RFI. 22.01.20) [Там же], власть которого *пожизненна / à vie* (Le Nouvel Observateur. 02.07.2020) [Там же].

Во французской прессе правление главы государства преподносится как беспрерывное царствование: *двадцать лет безраздельного царствования Путина / vingt ans de règne poutinien sans partage* (Boulevard Extérieur. 28.01.20) [Там же]. Его намерение провести конституционную реформу определяется как *дворцовый переворот / révolution de palais* (Le Monde. 11.03.20) [Там же], при этом после проведения плебисцита он будет *коронован* / *couronné* и сохранит *бразды правления / rênes du pouvoir* после 2024 года (Liberation. 10.03.20) [Там же]. Единственное, что его беспокоит, по мнению СМИ, — это необходимость оставить достойного *наследника / successeur*, чтобы его *наследство / héritage* не пропало после ухода из Кремля (Liberation. 15.01.20) [Там же]. Таким образом, вся конфигурация российской власти осмысливается французами сквозь призму лексических единиц сферы-источника «монархия». Ближайшее будущее России представляется французской прессе в той же парадигме абсолютной власти царя со всеми вытекающими негативными коннотациями.

3. Метафорический образ будущего России

По мнению французских СМИ, процесс принятия поправок в Конституцию есть не что иное, как *театральная постановка, фарс / mise en scène, farce, coup de théâtre* (Le Monde. 25.03.2020) [Там же] или *ловкий обман, трюк / tour de passe-passe* (RFI. 17.01.2020) [Там же]. Все общественные обсуждения, голосование парламента определяются как *хорошо спланированный номер, игра главных действующих лиц которого, тем не менее, оставляет жесть лучшего / Numéro bien préparé, même si le jeu et le naturel des protagonistes laissaient à désirer* (Liberation. 10.03.20) [Там же]. Подоб-

CC BY

ная метафорическая репрезентация призвана подчеркивать фиктивный характер всего процесса реформы.

Театральные (цирковые) метафоры традиционно применяются во французском дискурсе массмедиа с целью дискредитации российской власти, осмеивания ее действий и выражения авторской иронии. Они дополняются криминальными метафорами, которые создают еще более негативный образ конституционной реформы и подразумевают ее незаконный характер: *правовая махинация* / *mictac juridique*, *государственный переворот* / *coup d'Etat*, *узурпация власти* / *usurpation du pouvoir* (L'Express. 25.06.2020) [Там же]. Все политические процедуры российской власти целенаправленно преподносятся как противоправные, что заранее ставит реципиента в рамки возможного понимания и представления будущего политического устройства России как построенного незаконно, преступными действиями, то есть недемократического.

Будущая жизнь в России описывается французскими СМИ как лишенная правовых основ и вписывается в систему метафорической модели «Россия — это преступное сообщество», описанной в монографии Р. И. Зарипова [Зарипов, 2016]. Кроме того, в текстах французских газет выявляется связь криминальных метафор с образами катастрофы, распада, отсутствия гуманности и каких-либо перспектив. Настоящее и будущее России оказываются в одном контексте, изображаются практически неотделимыми и контекстуально отождествляются: все будет так, как сейчас, и даже хуже [Там же]. В статье Le Monde через образ разделенной на два лагеря страны автором намеренно строится концептуальный вектор конфронтации, неблагополучия. Бинарная оппозиция образов «свой — чужой» создает впечатление противостояния, отсутствия единства в российском обществе. *Разделительная линия* / *ligne de partage*, в свою очередь, вызывает образ ограниченного пространства или запретной границы (ограничительная метафора). Ни одна из сторон при этом не выглядит благополучной. По сути, отрицается сама возможность какого-то будущего (*aucune perspective*, *aucun avenir*). Вместо него — *сплошной кошмар* / *cauchemar* (Le Monde. 27.06.2020) [AA].

Именно таким подбором многочисленных метафорических выражений, которые относятся к различным сферам-источникам, но создают исключительно отрицательные коннотации и таким образом дополняют друг друга, формируется последовательная линия дискредитации и пейоратизации образа России. Налицо признаки языкового насилия как неаргументированного вербального воздействия на реципиентов, цель которого состоит в формировании (изменении) их личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т. д.) [Копнина, 2008, с. 159]. Сам факт того, что статья публикуется в ведущем государственном источнике информа-

CC BY

ции, позволяет сделать вывод об общем негативном настрое французских политических элит.

В условиях внешней враждебной среды Россия может стать *нерушимой крепостью* / *forteresse indestructible*, но, вовремя не остановившись, способна превратиться в отрезанный от мира *бункер* / *bunker*. Главное отличие двух этих объектов состоит в том, что обитатели последнего *подчинены строгой дисциплине, приближающей их существование к жизни заключенных* / *soumis à une stricte discipline, rapprochant leur existence de celle des prisonniers* (Le Courrier de Russie. 13.07.2020) [АА]. Этим описанием привносится метафорический оттенок заточения, заключения в бункере как месте лишения свободы. Ограничительный характер данной комплексной метафоры, имеющей в своей основе военный компонент, подтверждается развернутыми авторскими пояснениями, контрастирующими с образом *величественной цитадели* / *noble citadelle*: бункер герметичен, отрезан от мира, часто находится глубоко под землей, в него очень сложно попасть, из него затруднительно выйти, а *в его уродстве легко можно пропасть* / *se perdre dans les laideurs d'un bunker* (Le Courrier de Russie. 13.07.2020) [Там же].

Анализ перечисленных метафорических образов позволяет выявить две основные концептуальные установки текста. Во-первых, РОССИЯ в настоящем — это КРЕПОСТЬ / ЦИТАДЕЛЬ, из чего следует, что страна находится в состоянии обороны, внутренней мобилизации. Действительно, режим санкций и атмосфера геополитического противостояния порождают в массовой коммуникации образ России, борющейся *против всех в одиночку* / *seule contre tous* (RFI. 24.06.2020) [Там же]. Текст обновленной Конституции, по мнению автора указанной статьи, наводит на мысли о самоокапывании (*l'esprit de retranchement*) как фортификационных окопных работах войсками на месте своего расположения и самоизоляции (*l'esprit de repli sur soi*), как психологическом приеме «ухода в себя», ограждения от внешней среды, что несет в себе ограничительный метафорический смысл (RFI. 24.06.2020) [Там же].

Во-вторых, РОССИЯ будущего — это БУНКЕР, то есть отрезанный от внешнего мира, укрепленный и изолированный военный объект. Концептуально этот метафорический образ моделирует дальнейшее развитие внешней политики страны, а именно ее отдаление и затем полное обособление от западного мира.

Такое развитие событий несет в себе риски возвращения в прошлое. Этот образ также успешно культивируется французскими СМИ, которые в контексте президентских выборов 2018 года в России заявили о ее возвращении в СССР и вступлении в «брежневскую эпоху»: *Présidentielle russe 2018: back in the USSR. À l'heure où Poutine s'apprête à entamer un 4e mandat,*

CC BY

la Russie entre dans une ère brejnévienne (Le Point, 16.03.18) / *Президентские выборы 2018 года в России: назад в СССР. В то время как Путин готовится к своему четвертому сроку, Россия вступает в брежневскую эпоху* [Там же]. Они транслируют наиболее стереотипные представления, которые подкрепляют и без того укоренившиеся в сознании французского общества исторические реминисценции. Продолжают этот ряд нередкие сравнения с Брежневым и Сталиным, руководителями СССР, срок правления которых теоретически может оказаться короче, чем у действующего президента: *Vladimir Poutine aura alors régné trente-six ans sur la Fédération russe. C'est-à-dire plus longtemps que le dirigeant soviétique momifié Léonid Brejnev (dix-huit ans), plus longtemps que Staline lui-même (trente ans)* (Le Nouvel Observateur. 02.07.2020) / *Владимир Путин тогда будет править страной уже 36 лет. То есть больше, чем советский мумифицированный вождь Леонид Брежнев (18 лет), больше, чем сам Сталин (30 лет)* [Там же].

В целом сравнение России с Советским Союзом стало распространенным приемом иностранных журналистов и политтехнологов. Образ СССР вызывает в сознании западного обывателя типичные, стереотипные образы недемократического, опасного государства-агрессора, «империи зла» и «тюрьмы народов», которые volens nolens экстраполируются на образ будущего России. Властные полномочия в авторитарных государствах не передаются по наследству, как при монархии, однако они также пожизненны. Задача Путина, по мнению L'Express, состоит в «склеивании» этих разных «кусочков российской истории» — царской и советской, чтобы обеспечить преемственность сегодняшней России и подчеркнуть главную общую характеристику всех эпох — *мощь государства и армии / puissance de l'Etat et de l'armée* (L'Express. 30.09.2020) [Там же].

Откат России в историческое прошлое, отсылка к предыдущим, старшим поколениям эффективно эксплуатируется французскими СМИ для продвижения образа ее будущего как заката, упадка и старости: *La Russie est un pays vieillissant, où l'âge moyen est plus proche de quarante ans. À cet âge-là, l'avenir c'est la vieillesse et la décrépitude…* (Le Courrier de Russie. 11.02.2019) / *Россия — стареющая страна, в которой средний возраст жителей приближается к сорока годам. В таком возрасте будущее — это старость и дряхлость* [Там же]. Среди характеристик президента страны фигурируют такие определения, как *usé et vieillissant / изношенный и стареющий*, а демографическую проблему России иллюстрируют образом опасного, но больного медведя: *La Russie, un ours dangereux, mais malade* (Le Point. 27.08.2015) / *Россия, опасный, но больной медведь* [Там же]. Такие метафорические образы формируют манипулятивные смыслы постепенного ослабевания, умирания России и неизбежности ее конца. К этому добавляется отсутствие

CC BY

«стратегии на будущее» и страха перед ним. Наглядно демонстрирует движение России во времени визуальный образ антропоморфной метафоры: *… la Russie se prépare à embrasser l'avenir à reculons* (Libération. 06.03.2020) / *… Россия готовится встретить будущее, пятясь назад* [Там же].

4. Заключение

В ходе исследования выявлены элементы следующих метафорических моделей образа будущего России, отражающие основные концептуальные установки (манипулятивные посылы) французского дискурса массмедиа в контексте принятия поправок в главный закон страны:

— будущее России — это прошлое / СССР / старость / упадок;

— Россия в будущем — это абсолютная монархия / недемократическое (авторитарное) государство / преступное сообщество / ограниченное пространство / укрепленный военный объект;

— Путин — это вечный правитель / царь.

По результатам исследования печатных и электронных текстов французских массмедиа можно заключить, что в контексте обновления Конституции Российской Федерации образ ее будущего формируется в СМИ Франции исключительно негативными метафорическими образами. Анализ метафорических выражений, объединенных сферами-мишенями «Россия» и «Будущее России», показывает, что западные политические элиты формируют через французские средства массовой информации пейоративные образы России как недемократической страны, лишенной будущего и обреченной на исчезновение. Французские журналисты и политтехнологи извращают смысл поправок, которые были приняты с целью обеспечить суверенитет государства и соблюдение его национальных интересов. Они считают, что этим Россия изолирует себя от внешнего мира, переходит в глухую оборону против коллективного Запада и ужесточает режим внутри страны. Информация подается аудитории предвзято, гипертрофированно, в том числе путем использования значительного количества субъективно-оценочных и эмоционально-экспрессивных единиц, формирующих метафорические образы будущего России в неделимой связи с образами ее настоящего. Они способствуют дальнейшему расширению комплекса уже выявленных метафорических моделей, углубляя и дополняя их концептуальные смыслы.

Метафоры образа будущего России во французском дискурсе массмедиа носят ярко выраженный амбивалентный характер: они, с одной стороны, отражают исторически сформировавшиеся стереотипы о России, которые носят устойчивый негативный характер, с другой стороны, сами обладают значительным стереотипогенным потенциалом и способствуют закреплению формирующихся моделей в сознании французской аудитории.

CC BY

Источники

1. АА — *Архив* автора.

Литература

1. *Бабкина В. А.* Роль морбиальных метафор в создании образа России в немецких СМИ на современном этапе развития российско-немецких отношений / В. А. Бабкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2016. — № 765. — С. 9—16.

2. *Будаев Э. В.* Литературные персонажи как сфера-источник прецедентных имен в СМИ Великобритании / Э. В. Будаев // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 52–68. — DOI : 10.24224/2227-1295-2020-8-52-68.

3. *Будаев Э. В.* Метафорический образ России в современном мире / Э. В. Будаев. — Екатеринбург : УрГПУ, 2009. — 276 с.

4. *Будаев Э. В.* Методологические инновации в педагогической метафорологии / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Филологический класс. — 2018. — № 2. — С. 88—94. — DOI : 10.26170/fk18-02-15.

5. *Зарипов Р.* И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе / Р. И. Зарипов. — Москва : Р. Валент, 2016. — 220 с. — ISBN 978-5-93439-516-3.

6. *Иванова Е. В.* Метафорический образ Родины (на примере монархической и театральной метафор в немецкой прессе) / Е. В. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 8 (26). — С. 73—76.

7. *Илюшкина М. Ю.* Метафорическое моделирование образа России в СМИ (на материале американской прессы) / М. Ю. Илюшкина, А. П. Чудинов // Язык и культура. — 2019. — № 45. — С. 20—30. — DOI : 10.17223/19996195/45/2.

8. *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование / Г. А. Копнина. — Москва : Флинта, 2008. — 176 с. — ISBN 978-5-9765-0060-0.

9. *Красильникова Н. А.* «Заложники русского медведя» : метафорическое представление современной России в британских и американских СМИ / Н. А. Красильникова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 1. — С. 42—49.

10. *Моисеева Т. В.* Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.20 / Т. В. Моисеева. — Екатеринбург, 2007. — 235 с.

11. *Образ* современной России во Франции : Опыт междисциплинарного анализа : сборник статей ; ответственный редактор Н. Ю. Лапина. — Москва : ИНИОН РАН, 2012. — 200 с.

12. *Орлова Е. Л.* Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. Л. Орлова. — Иркутск, 2012. — 190 с.

13. *Шаова О. А.* Метафорическая модель «Президент России — это монарх» во французском дискурсе масс-медиа : источники и причины метафорической экспансии / О. А. Шаова // Политическая лингвистика. — 2006. — № 18. — С. 134—146.

14. *Шаова О. А.* Россия и Франция : национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация : на материале французских и российских газет : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.20 / О. А. Шаова. — Екатеринбург : УрГПУ, 2005. — 207 с.

15. *Musolff A.* Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios / A. Musolff. — London : Bloomsbury Academic, 2016. — 194 p. — ISBN 978-1-4411-6066-0.

Material resources

AA — *The author's archive.* (In Russ.).

References

Babkina, V. A. (2016). The role of morbial metaphors in creating the image of Russia in the German media at the present stage of the development of Russian-German relations. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 765:* 9—16. (In Russ.).

Budaev, E. V. (2009). *A Metaphorical image of Russia in the modern world.* Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 276 p. (In Russ.).

Budaev, E. V. (2020). Literary Characters as a Source Domain of Precedent Names in the UK Media. *Nauchnyi dialog, 8:* 52—68. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-52-68. (In Russ.).

Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2018). Methodological innovations in pedagogical meteorologii. *Philological class, 2:* 8—94. DOI: 10.26170/fk18-02-15. (In Russ.).

Ilyushkina, M. Yu., Chudinov, A. P. (2019). Metaphorical modeling of the image of Russia in the media (based on the material of the American press). *Language and Culture, 45:* 20—30. DOI: 10.17223/19996195/45/2. (In Russ.).

Ivanova, E. V. (2013). Metaphorical image of the Motherland (on the example of monarchical and theatrical metaphors in the German press). *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 8 (26):* 73—76. (In Russ.).

Kopnina, G. A. (2008). *Speech manipulation.* Moscow: Flint. 176 p. According to ISBN 978-5-9765-0060-0. (In Russ.).

Krasilnikova, N. A. (2007). "Hostages of the Russian Bear": metaphorical representation of modern Russia in the British and American media. *Questions of cognitive linguistics, 1:* 42—49. (In Russ.).

Moiseeva, T. V. (2007). *Metaphorical modeling of the image of Russia in the American media and the image of the United States in the Russian media.* PhD Diss. Yekaterinburg. 235 p. (In Russ.).

Musolff, A. (2016). *Analysis of a Political Metaphor. Discourse and scenarios.* London: Bloomsbury Academic. 194 p. ISBN 978-1-4411-6066-0.

Orlova, E. L. (2012). *Metaphorical images of Russia, America and Germany in the political discourse of the German media.* PhD Diss. Irkutsk. 190 p. (In Russ.).

Shaova, O. A. (2005). *Russia and France: national stereotypes and their metaphorical representation: on the material of French and Russian newspapers.* PhD Diss. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 207 p. (In Russ.).

Shaova, O. A. (2006). Metaphorical model "The President of Russia is a monarch" in the French discourse of mass media: sources and reasons of metaphorical expansion. *Politicheskaya lingvistika, 18:* 134—146. (In Russ.).

The image of modern Russia in France: The experience of interdisciplinary analysis: a collection of articles; executive editor N. Yu. Lapina. (2012). Moscow: INION RAS. 200 p. (In Russ.).

Zaripov, R. I. (2016). Metaphorical modeling of the image of Russia in modern French political discourse. Moscow: R. Valent. 220 p. ISBN 978-5-93439-516-3. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Кондратьева О. Н. Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ) / О. Н. Кондратьева, Ю. С. Игнатова // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 69—85. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-69-85.

Kondratyeva, O. N., Ignatova, Yu. S. (2021). Strategies for the Mediatization of Legal Concepts in Russian Mass Media of XXI Century (Concept LEGITIMACY). *Nauchnyi dialog, 3:* 69-85. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-69-85. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-69-85

Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ)

Кондратьева Ольга Николаевна orcid.org/0000-0001-9469-3634
доктор филологических наук, профессор, Olnik25@mail.ru

Игнатова Юлия Сергеевна
orcid.org/0000-0002-3771-1346
магистрант,
ign976@mail.ru

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

(Кемерово, Россия)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

Strategies for the Mediatization of Legal Concepts in Russian Mass Media of XXI Century (Concept LEGITIMACY)

Olga N. Kondratyeva
orcid.org/0000-0001-9469-3634
Doctor of Philology, Professor,
Olnik25@mail.ru

Yulia S. Ignatova
orcid.org/0000-0002-3771-1346
Master's student
ign976@mail.ru

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University"

(Kemerovo, Russia),

This work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-012-00522 "The problem of legitimization in political discourse: linguo-personalological aspect".

© Кондратьева О.Н., Игнатова Ю.С. 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о роли массмедиа в процессах интерпретации и оценки различных фрагментов действительности. Поднимается проблема вхождения юридических концептов в медийный дискурс. Ставится задача изучения происходящих при этом изменений, приводящих в итоге к формированию новых концептуальных единиц — медиаконцептов. Обозначенная задача решается в процессе анализа одного из ключевых юридических концептов ЛЕГИТИМНОСТЬ. Продемонстрировано, что российские массмедиа существенно модифицируют каждую из трех составляющих юридического концепта, то есть медиавирус «вживляется» в понятийный, образный и ценностный слои, что позволяет говорить о трех стратегиях медиатизации: дефиниционной, метафорической и оценочной. Показано, что дефиниционная стратегия способствует появлению в понятийном слое концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ новых признаков (‘доверие’, ‘одобрение’, ‘поддержка’, ‘уважение’, ‘справедливость’, ‘феномен сознания’ и ‘субъективное ощущение’). Отмечается, что метафорическая стратегия формирует дополнительно такие лингвокультурно-специфичные признаки, как ‘дефектность’ и ‘объект политических манипуляций’, оценочная стратегия придает положительно воспринимаемому концепту ЛЕГИТИМНОСТЬ негативную коннотацию (развиваются концептуальные признаки ‘сомнительность’ и ‘мнимость’), что является тревожным маркером, отражающим сложившуюся в российском обществе ситуацию. Указывается, что зафиксированные изменения свидетельствуют о значимости дискурсивного фактора в исследовании концептов.

Ключевые слова:
медиатизация; медиаконцепт; юридический концепт; легитимность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The role of mass media in the processes of interpretation and assessment of various fragments of reality is discussed in the article. The problem of the entry of legal concepts into the media discourse is raised and the task is set to study the changes occurring in this process, which ultimately lead to the formation of new conceptual units — media concepts. The designated task is solved in the process of analyzing one of the key legal concepts LEGITIMACY. It has been demonstrated that the Russian mass media significantly modify each of the three components of the legal concept, that is, the media virus is “implanted” into the conceptual, figurative and value layers. It allows us to speak of three strategies of mediatization: definitional, metaphorical and evaluative. It is shown that the definitional strategy contributes to the emergence of new features in the conceptual layer of the LEGITIMACY concept (‘trust’, ‘approval’, ‘support’, ‘respect’, ‘fairness’, ‘the phenomenon of consciousness’ and ‘subjective feeling’). It is noted that the metaphorical strategy additionally forms such linguo-culturally specific features as ‘defectiveness’ and ‘object of political manipulation’, the evaluative strategy gives the positively perceived concept of LEGITIMACY a negative connotation (conceptual signs of ‘doubtfulness’ and ‘imaginary’ develop), which is an alarming marker reflecting the current situation in Russian society. It is pointed out that the recorded changes indicate the importance of the discursive factor in the study of concepts.

Key words:
mediatization; media concept; legal concept; legitimacy.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’37:070“200/201”

Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ)

© Кондратьева О.Н., Игнатова Ю.С. 2021

1. Введение

Для современных средств массовой информации главным становится не столько информирование, сколько комментирование и интерпретация, во многом определяющиеся корпоративной политикой издания. По метафорическому высказыванию Д. Рашкоффа, при подобном подходе к здоровому информационному гену прикрепляется медиавирус, несущий модифицированную информацию [Рашкофф, 2003]. В итоге массмедиа оказывают воздействие не только на сознание читателей, но и на различные сферы общественной жизни, то есть происходит медиатизация — «процесс качественных изменений социальных коммуникаций, вызванный воздействием медиа, которые из институции, отражающей жизнь, становятся фактором, определяющим существенные моменты жизни общества и современной личности» [Шмелёва, 2015, с. 145—146].

Массмедиа имплицитно влияют на различные виды дискурсов: политический, экономический, медицинский, юридический и др. В связи с этим медиатизация приобретает стилистическую значимость, так как области взаимодействия медиадискурса с иными институциональными дискурсами создают особую стилистическую ситуацию: «В пространстве медиадискурса сосуществуют контексты из различных сфер деятельности. Но все эти контексты не просто сосуществуют как фрагменты внешнего мира — в едином пространстве медиадискурса фрагментарность внешней жизни преобразуется в целостный медиамир, в котором различные контексты призваны усиливать его достоверность, его реальность» [Клушина, 2014, с. 68].

Способность медиадискурса влиять на семантику отдельных лексем неоднократно отмечалась российскими исследователями [Валгина, 2003; Вепрева, 2005; Клушина, 2014 и др.]. Более того, медиадискурс способен превращать термины в медиаконцепты, «окружив слово новыми контекстами и усложнив его смысловую структуру» [Силанова, 2016, с. 6], а сформировавшиеся в иных институциональных видах дискурса концепты при попадании в медиасреду также существенно усложняют свою

CC BY

концептуальную структуру, «обрастают» новыми смыслами и оценками, превращаясь тем самым в медиаконцепты, что позволяет говорить и о концептуальной значимости процесса медиатизации.

Цель предлагаемой статьи — рассмотреть механизмы «вживления медиавируса» в структуру юридических концептов, иными словами, исследовать способы трансформации юридического концепта в юридический медиаконцепт, проанализировав стратегии медиатизации, используемые при этом современными российскими средствами массовой коммуникации.

Для достижения обозначенной цели проведено исследование юридического концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ в российском медиадискурсе XXI века. Материалом исследования послужили тексты российских массмедиа, извлеченные из «Национального корпуса русского языка» (2000— 2018), а также данные портала «Медиалогия» (2018—2020). Всего проанализировано 1637 контекстов, содержащих основной репрезентант исследуемого концепта — юридический термин *легитимность*.

Выбор для исследования концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ обусловлен рядом факторов. Во-первых, легитимность — важнейший показатель состояния правовой системы общества, что определяет интерес к феномену легитимности специалистов в области права, политологии, социологии, философии, истории, а с относительно недавних пор — и лингвистов [Cap, 2005; Doudaki, 2015; Liguori et al., 2017; Голубева, 2016; Колмогорова, 2018; Савельева, 2019 и др.].

Во-вторых, надо отметить неоднозначное понимание термина *легитимность* в пределах «родного» для него юридического дискурса. Отсутствие единого подхода к пониманию легитимности объясняется тем, что она «проявляется комплексно: в доверии к нормам, в законодательном подтверждении прав, в правовой подотчетности власти, в идеологической прозрачности (оправданности верованиями) и в исполнении взятых на себя обязательств» [Завершинский, 2001, с. 130]. В итоге легитимность зачастую отождествляется с легальностью, что несколько искажает юридическую однозначность и приводит к конфликту интерпретаций.

В-третьих, концепт ЛЕГИТИМНОСТЬ достаточно свободно проникает в иные виды дискурсов — бытовой, политический, медийный, в итоге «со временем юридическая интерпретация утрачивает тотальное влияние на дефиницию легитимности» [Ромашова, 2013, с. 393]. Например, как отмечает российский политолог и журналист В. М. Коровин, в политическом дискурсе репрезентирующий изучаемый юридический концепт термин *легитимность*, «судя по тому, как его применяют наши политологи, ***сливается воедино в нечто связанное с законностью***, некоторое интуитивное подразумевание, что всё прошло в рамках установленных правил <…>

CC BY

Вот именно такое, ***в некотором смысле, бытовое смысловое смещение скрывает от нас подлинный смысл понятия легитимность*** (выделено нами. — *О. К., Ю. И.*) [Коровин, 2019]. Еще более существенные изменения концепт ЛЕГИТИМНОСТЬ приобретает в медийном дискурсе, что и делает его благодатным материалом исследования.

2. Стратегии медиатизации юридического концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ в современном российском медиадискурсе

Проведенное исследование позволило констатировать, что российские массмедиа в публикациях, посвященных проблеме легитимности, посредством использования определенного набора коммуникативных стратегий и тактик, а также с помощью языковых средств существенно модифицировали каждую из трех составляющих юридического концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ, то есть «медиавирус вживлялся» в понятийный, образный и ценностный слои исследуемого концепта, формируя тем самым новый медиаконцепт. Под медиаконцептом мы вслед за Н. В. Орловой понимаем «вербально-ментальный феномен особого рода, отличающийся медийной <…> природой, вошедший в миросознание носителей языка с началом формирования информационного общества и ставший средством ментально-психологической и эмоциональной адаптации к новой реальности» [Орлова, 2014, с. 12].

Соответственно, в зависимости от зоны медиавоздействия можно выделить три стратегии медиатизации: дефиниционную (видоизменяющую понятийный слой), метафорическую (воздействующую на образный слой) и оценочную (модифицирующую ценностную составляющую концепта).

2.1. Дефиниционная стратегия

Названная стратегия медиатизации ориентирована на выявление корреляции между содержанием языковой единицы (репрезентанта концепта) и отображаемой реальностью. В процессе дефинирования происходит расчленение эксплицируемого содержания, перечисление концептуальных признаков. Российские массмедиа в материалах, посвященных теме легитимности, попутно дают определения данного явления, стремясь вскрыть его специфику. Зачастую предлагаемые дефиниции существенно отличаются от содержащихся в словарях, что приводит к трансформации юридического концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ в одноименный медиаконцепт. Сопоставим дефиниции легитимности в юридических словарях и российских массмедиа.

В «Энциклопедии юриста» легитимность определяется следующим образом: «обязательный признак законной власти любого цивилизованного государства, обозначающий признание ее как внутри страны, так и на международной арене» [Энциклопедия юриста, 2005]. Таким образом,

CC BY

в юридической дефиниции легитимности центральными являются семы ‘законность’ и ‘признание’.

Схожее определение представлено в «Большом юридическом словаре», трактующем легитимность как «политико-правовое понятие, означающее положительное отношение жителей страны, больших групп, общественного мнения (в т. ч. и зарубежного) к действующим в конкретном государстве институтам власти, признание их правомерности» [Большой юридический словарь, 2014]. В данном случае дополнительно акцентируется внимание на функционировании термина на стыке двух институциональных сфер — юридической и политической.

В похожем ключе интерпретируют легитимность современные российские массмедиа: *А **легитимность** — это не только **законность власти**, это еще и **признание за властью права распоряжаться и руководить страной*** (Kazanfirst.ru, 2017) [НКРЯ]; ***Легитимность — это признание политической системы**. Признания политической системы всем обществом все равно не будет* (Комсомольская правда, 2012) [Там же]; ***Легитимность — это когда люди признают определенный порядок и подчиняются ему, полагая, что он справедлив*** (Известия, 2004) [Там же]; ***Легитимность — это добровольное признание народом права власти на власть*** (Агентство политических новостей, 2011) [Там же]. В массмедиа также присутствуют определения легитимности, основанные не только на юридических, но и на религиозных законах: *Что касается понятия «легитимности», то по большому счёту **легитимно лишь то, что не противоречит Закону Божиему*** (Русская народная линия, 2020) [Медиалогия].

Однако при этом представители массмедиа обращают внимание на то, что на современном этапе понятие легитимности выходит за границы правовой сферы: ***Легитимность — это не только правовое, но и ментальное понятие*** (Труд-7, 2007) [НКРЯ]; ***Легитимность — категория не юридическая, это категория массового сознания*** (Новый регион 2, 2004) [Там же]; ***Легитимность — это же не просто скрупулёзное следование букве закона*** (Весьма, 2018) [Медиалогия].

В приведенных выше определениях также эксплицируется роль сознания в формировании представлений о легитимности (ср. *ментальное понятие* и *категория массового сознания*). Аналогичную характеристику находим в следующей дефиниции: ***Легитимность** власти — **это феномен нашего сознания**, **это социопсихологическая категория**, отражающая, насколько народ считает власть справедливо занимающей ее место* (Эхо Москвы, 2018) [Медиалогия].

Подобные дефиниции, с одной стороны, подчеркивают значимость осознания в феномене легитимности, с другой стороны, создают эффект раз-

CC BY

мытости и субъективности характеризуемого понятия, сводя его к некоему субъективному ощущению: ***Легитимность** — **это** преобладающее в обществе **почти метафизическое ощущение**, что тот или иной человек (или группа людей) справедливо и по полному праву управляют всеми остальными* (Хартия 97, 2018) [Медиалогия]; *Понимаете, **легитимность** — **это ощущение.** Если Путин получит больше, чем он получил в 12-м году, конечно, **это** будет плохо* (Эхо Москвы, 2018) [Там же]; ***Легитимность — это** не механическое явление, **а скорее иррациональное, лежащее на уровне ментальности, скрытых механизмов восприятия, которые у разных народов складываются по-разному*** (Родина на Неве, 2019) [Там же].

Подобная ситуация приводит к появлению в определении легитимности дополнительных, неюридических признаков, к числу которых относятся ‘согласие’, ‘поддержка’, ‘доверие’, ‘одобрение’, ‘уважение’ и ‘справедливость’.

Важным аспектом легитимности, акцентируемым в современных российских массмедиа, является согласие граждан с деятельностью представителей власти, и зачастую этот признак становится даже более значимым, чем исконный юридический признак ‘законность’: *И **легитимность — это не легальность, законность — это, прежде всего, согласие*** (KM.ru, 2020) [Медиалогия]; ***Легитимность — это ведь не соответствие кем-то где-то написанным непонятным и часто неизвестным людям законам**. **Легитимность** — это когда люди понимают, на каком основании они должны соблюдать установленные правила, кто устанавливает правила. **И согласны с тем, что именно эти люди — да, имеют право правила устанавливать*** (ForPost, 2020) [Там же]; *В этом и заключен **смысл легитимности — согласия народа с властью*** (Выбор народа, 2020) [Там же].

Также легитимность в современных массмедиа регулярно оказывается сопряжена с доверием: ***Легитимность — это доверие со стороны общества** как к избирательной системе в целом, так и к результатам конкретных выборов* (Вечерняя Рязань, 2018) [Медиалогия]; *Мероприятие прошло легитимно, а **легитимность — это фактор доверия.** Ключевое в голосованиях, выборах — это **доверие, то есть легитимность*** (Говорит Москва, 2020) [Там же].

Ещё одной значимой характеристикой легитимности, не зафиксированной в юридическом дискурсе, является одобрение народом деятельности политиков: *Но **легитимность — это прежде всего одобрение народом*** (Orengrad.ru, 2020) [Медиалогия]; … ***легитимность — это степень одобрения этой политики*** (Русская планета, 2013) [НКРЯ]; *Это государство уже получило **высшую степень легитимности — одобрение своего народа*** (Агентство политических новостей, 2011) [Там же].

Логическим продолжением согласия с действующей властью и одобрения ее деятельности становится поддержка. И чаще всего (в связи с тем, что наиболее частотным объектом легитимности выступают политические процессы) это поддержка обществом власти: ***Легитимность*** *в моём понимании —* ***это уровень общественной поддержки*** (НикВести, 2018) [Медиалогия]; ***Легитимность*** *—* ***это*** *же не просто скрупулёзное следование букве закона. Если на выборы пришло, к примеру 30 % избирателей, то формально такая власть законна.* ***Но велика ли степень её поддержки****?* (Весьма, 2018) [Там же]; *А вот* ***легитимность — это такая незримая поддержка****, одобрение со стороны масс того, что делает власть* (pravda.ru, 2019) [Там же]; ***Легитимность — это мера народной поддержки*** (Независимая газета, 2010) [НКРЯ].

Достаточно часто при дефинировании легитимности акцентируется внимание на такой значимой для русской лингвокультуры этической характеристике, как справедливость. В некоторых случаях данный признак упоминается в одном ряду с законностью, отмечается, что власть должна быть не только законной, но и справедливой: *Потому что* ***легитимность — это законность*** *и* ***справедливость*** *чего-то в чьих-то глазах* (ТАСС, 2014) [НКРЯ]; ***Легитимность*** *власти —* ***это*** *... насколько* ***народ считает власть справедливо занимающей ее место*** (Эхо Москвы, 2018) [Медиалогия]; ***Легитимность — это юридическая законность и социальная справедливость*** (Радио свобода, 2013) [НКРЯ].

Периферийным признаком понятийного слоя медиаконцепта ЛЕГИТИМНОСТЬ в российском медиадискурсе становится уважение: *А* ***легитимность****,* ***признание*** *и* ***уважение*** *большинства —* ***это*** *залог* ***легитимности*** *главы государства в России, как и залог* ***легитимности*** *системы власти в целом* (Actualpolitics.ru, 2018) [Медиалогия]; *Сила и* ***уважение к власти*** *—* ***это легитимность*** *всех решений, от момента их принятия до исполнения* (ФедералПресс, 2012) [НКРЯ]; *Это неготовность считать ее властью, которая заслуживает подчинения* ***и уважения****, — то, что называют потерей* ***легитимности*** (Газета.ru, 2016) [Там же].

Приведенные дефиниции, представленные в российских массмедиа, убедительно демонстрируют расширение понятийной составляющей юридического концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ. Так, помимо традиционных для юридического дискурса признаков ‘законность’ и ‘признание’, в ядерную зону структуры медиаконцепта входят признаки ‘согласие’, ‘доверие’, ‘одобрение’, ‘поддержка’, в периферийную — ‘уважение’, ‘справедливость’, ‘феномен сознания’ и ‘ощущение’.

Большинство новых признаков, с одной стороны, коррелирует с признаком ‘признание’, но не тождественны ему: можно признавать власть,

CC BY

но не обязательно при этом уважать и одобрять ее, считать ее действия справедливыми и тем более активно поддерживать ее.

Таким образом, в процессе формирования медиаконцепта происходит расширение понятийной составляющей исходного концепта, при этом объективный по своей природе концепт дополняется оценочностью, в результате важнейшее понятие юридической сферы приобретает достаточно субъективный характер. Эта новая субъективность, намеченная в понятийном слое, получает дальнейшее развитие в образном и оценочном слоях медиаконцепта.

2.2. Метафорическая стратегия

Данная стратегия медиатизации направлена на модификацию и трансформацию образной составляющей концепта. На языковом уровне образный слой медиаконцепта формируется при помощи экспрессивно-эмоциональных средств языка, наиболее эффективным среди которых является метафора как способ интерпретации и оценки, а потому активно задействованная массмедиа в процессе формирования определенного отношения общества к разнообразным объектам действительности.

Анализ метафорических репрезентаций медиаконцепта позволяет выявить взаимосвязи между метафорами и факторами, обусловившими их востребованность. Выбор из всего богатства метафорического инструментария определенной метафорической модели позволяет массмедиа имплицитно передать отношение издания к легитимности, актуализировать в сознании читателей соответствующий эмоциональный фон, сформировать отношение к обсуждаемой проблеме.

В процессе медиатизации юридического концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ в российском медиадискурсе чаще всего используются метафоры, восходящие к сферам-источникам «строительство», «экономика», «игра» и «гастрономия».

Строительные метафоры. Основополагающий характер легитимности, ее значимость для функционирования государства демонстрируется посредством строительной метафорики. Наиболее активно для этой цели задействованы в переносном значении лексемы *фундамент, основа* и *опора*: ***Легитимность — это фундамент любой власти, любого политического действа*** (ИА REX, 2017) [НКРЯ]; *Законы, госпрограммы, депутаты и чиновники — это кирпичики, из которых строится здание власти. Но* ***без прочного фундамента строение рано или поздно рухнет****. Какими бы классными ни были стены, крыша или внутренняя отделка.* ***Фундамент власти*** *—* ***это легитимность*** (МК в Кузбассе, 2011) [Там же]; *Эксперты посмели усомниться в* ***легитимности — одной из несущих опор*** *современной российской государственности* (Ведомости, 2013) [Там же].

CC BY

Показательно, что в современных российских публикациях строительная метафора, традиционно обладающая позитивной созидательной семантикой, используется преимущественно в своем деструктивном варианте. Востребованными при медиатизации концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ оказываются строительные метафоры, обладающие негативным прагматическим потенциалом и представляющие легитимность как разрушающееся строение. В метафорическом значении выступают лексемы *разрушение, обрушение, обвал* и др.: *Нельзя допускать дальнейшего* ***разрушения легитимности*** *государства, ещё большего его отрыва от граждан России* (Новые известия, 2020) [Медиалогия]; *Он выполняет западный заказ* ***по разрушению легитимности существующей власти и политической системы*** (ФАН, 2017) [НКРЯ]; *На деле —* ***полное обрушение основ путинской легитимности*** (Красная строка, 2016) [Там же]; *Речь идет об* ***обрушении легитимности*** *российских границ в случае, если Южные Курилы отойдут японцам* (РБК daily, 2008) [Там же]; *Режиму надо срочно поднять собственную* ***легитимность, пошатнувшуюся*** *после думских и президентских выборов* (Радио свобода, 2012) [Там же].

Экономические метафоры. На страницах российских массмедиа XXI века легитимность регулярно представляется в качестве объекта товарно-денежных отношений, то есть в виде товара: ***Одного нельзя сделать в глобальном супермаркете — купить легитимность, этот товар там не продается*** (Polit.ru, 2011) [НКРЯ].

При характеристике легитимности в метафорическом значении выступает не только лексема *товар*, но и глаголы, обозначающие различные аспекты товарно-денежных отношений: *продать, купить, обменять* и др.: *Эти режимы не просто покупают оружие, они также* ***покупают политическую поддержку и легитимность*** (Правда, 2016) [НКРЯ]; *Нужно превратиться в легитимного для Запада лидера,* ***купив*** *эту* ***легитимность невиданной доселе игрой на антироссийской струне*** (Украина.ру, 2020) [Медиалогия]; *Это все результаты политической международной коррупции путинской ОПГ, которая пытается* ***купить*** *себе* ***легитимность*** (Факты и комментарии, 2020) [Там же].

Посредством экономических метафор легитимность также представляется в виде финансов, а процессы легитимизации и делегитимизации описываются в СМИ как различные финансовые операции, например, обесценивание легитимности в метафорической интерпретации отождествляется с девальвацией: *Произошло открытое публичное обсуждение законности высоких результатов «Единой России»,* ***девальвация легитимности*** *института выборов в Российской Федерации* (Сибкарй.ру, 2011) [НКРЯ]. Изменения в мире политики, оцениваемые массмедиа с точки зрения их ле-

CC BY

гитимности или нелегитимности, регулярно сопоставляются в российской прессе с конвертированием валюты: *И* ***легитимность производная была им конвертирована в фактическую****. Но, как оказалось, не навсегда* (ВНовгороде.ру, 2017) [НКРЯ]; *Поэтому является ли он легитимным президентом, сегодня не имеет значения, потому что эту* ***легитимность*** *нельзя во что-то* ***конвертировать*** (Русская служба новостей, 2014) [Там же].

Легитимность государственных органов власти отождествляется с кризисом в экономической сфере, а также регулярно отмечается дефицит легитимности. Метафоры подобного плана актуализируют нарушения правомерности и легитимности: *Доверие к выборам и их результатам довольно низкое, и значительная часть избранных органов власти испытывает* ***дефицит легитимности*** (Московский комсомолец, 2020) [Медиалогия]; *Национализм расцветает тогда, когда для него создаются благоприятные условия —* ***дефицит*** *демократической* ***легитимности*** *...* (Независимая газета, 2018) [НКРЯ]; ***Серьезному дефициту легитимности*** *российских элит как минимум 20 лет* (REGNUM, 2013) [Там же].

Игровые метафоры. В современных российских массмедиа легитимность выступает в качестве атрибута карточной игры, становится объектом разнообразных не вполне законных манипуляций: *Не удалось* ***разыграть карту легитимности*** *нового руководства республики* (Комсомольская правда, 2003) [НКРЯ]; *Самое опасное здесь —* ***соблазн сыграть на легитимности*** *новой власти* (Комсомольская правда, 2003) [Там же]; *И на сегодняшний день свою партию,* ***на кону которой стоят народное доверие и пресловутая легитимность****, обитатели протестных трибун, похоже, проиграли* (Московский комсомолец, 2012) [Там же].

Гастрономические метафоры. В рамках данной метафорической модели легитимность представляется российскими массмедиа как некачественный продукт или несвежее блюдо, тем самым подчёркивается неидеальное состояние легитимности на современном этапе развития общества: *Глава президентской республики, обладающий при этом* ***легитимностью второго сорта****, сталкивается с многими проблемами* (Известия, 2007) [НКРЯ]; *Но* ***легитимность*** *столичного парламента тоже* ***второй свежести*** (ИА Альтаир, 2019) [Медиалогия]; ***Легитимность второй свежести****: к итогам выборов в Москве и Петербурге* (SeldonNews, 2019) [Там же].

Таким образом, большая часть метафор указывает на дефектное состояние легитимности (*разрушенное строение* или *несвежее блюдо*), а также на различные манипуляции, связанные с легитимностью власти в стране (метафоры *товара* и *карточной игры*), что свидетельствует о вживлении в структуру юридического концепта новых концептуальных признаков: ‘дефектность’ и ‘объект политических манипуляций’. В итоге создается

CC BY

достаточно негативный образ современного состояния российской легитимности.

2.3. Оценочная стратегия медиатизации

Указанная стратегия связана с изменениями ценностного слоя концепта и имеет особую значимость для медиадискурса, поскольку социальная оценочность традиционно называется одной из его основных стилевых особенностей. Транслируемая национальными массмедиа «в эксплицитной или имплицитной форме оценка способна формировать и регулировать отношение общества к освещаемым феноменам» [Кондратьева, 2016, с. 41].

Оценочный характер медиаконцепта ЛЕГИТИМНОСТЬ фиксируется уже на стадии дефинирования (легитимность оценивается с позиций справедливости, одобрения, уважения и т. д., то есть речь идет об этической оценке). Помимо этого, представители массмедиа прямо говорят об оценочной природе феномена легитимности и о ее субъективности: *Потому что* ***легитимность*** *—* ***штука оценочная*** *(хотя и измеряемая), а законность —* ***это*** *триггер* (Новые известия, 2018) [Медиалогия]; *У нас нет в законе — не связана явка с легитимностью,* ***это понятие*** *такое* ***субъективное, оценочное*** (РИА Новости, 2018) [НКРЯ]; *В глазах наблюдателя* ***легитимность*** *— более* ***призрачный*** *и* ***субъективный критерий****, нежели "законность"* (Око планеты, 2014) [Там же].

Сам по себе феномен легитимности, предполагающий законность и признание основных политических и социальных институтов, безусловно, оценивается положительно. Языковыми маркерами подобных оценок выступают прилагательные и наречия *хороший / хорошо, важный / важно, значимый / значимо* и др.: *Одна из* ***самых важных вещей*** *в политике —* ***это легитимность*** (АС Радио свободы, 2018) [Медиалогия]; ***Легитимность*** *власти —* ***это самое важное****, что вообще существует в строении государства* (Novaukraina.org, 2018) [Там же]; ***Легитимность — это хорошо****, нужно больше, чтобы люди ходили на выборы* (REGNUM, 2018) [Там же]; ***Легитимность — важнейший показатель состояния правовой системы общества*** (Журнал правовых и экономических исследований, 2017) [НКРЯ].

Однако российская легитимность на данном этапе развития общества оценивается достаточно негативно, в частности, ее главной характеристикой в российских массмедиа является сомнительность, что определяется особенностями политической и социальной ситуации в обществе, то есть в данном случае можно говорить о лингвокультурной специфике медиаконцепта. На языковом уровне данный признак реализуется с помощью лексемы *сомнительный*, глаголов *сомневаться*, словосочетаний с суще-

CC BY

ствительным *сомнение* и фразеологизма *высосать из пальца: … можно будет говорить о* ***сомнительной легитимности*** *выборов* (Независимая газета, 2019) [Там же]; *Критика выборов может заставить россиян* ***сомневаться в легитимности*** *всех победивших кандидатов вне зависимости от партийной принадлежности* (ТАСС, 2019) [Там же]; ***Сомнения в легитимности*** *власти стали детонатором социально-политического противостояния* (Независимая газета, 2019) [Там же]; *Даже если удастся продавить того же Кожемяко, то никто не будет воспринимать его как свободно избранного,* ***это*** *будет* ***высосанная из пальца легитимность*** (Ведомости, 2018) [НКРЯ]. Из приведенных примеров видно, что качеством сомнительности наделяется легитимность целого ряда объектов: власти, режима, результатов выборов, кандидатов, — то есть можно говорить о некоем системном кризисе российской легитимности.

Подобная негативная оценка легитимности также создается посредством использования прилагательных *призрачный, иллюзорный, мнимый, фальшивый* и др.: *Путем использования ничего не подозревающих лиц, имеющих хорошую репутацию, достигается* ***иллюзорная легитимность*** *и беспристрастность мероприятий* (REGNUM, 2010) [НКРЯ]; *… нынешнее поколение «адептов лоялизма» со своей* ***мнимой «легитимностью»*** *достигло по уровню лицемерия сторонников Явлинского* (Росинформбюро, 2017) [Там же]; *Именно вопрос явки сейчас и является ключевым для Смольного: если на участки придут менее 10 % горожан, то Полтавченко не будет обладать даже* ***призрачной легитимностью*** (АПН «Северо-Запад», 2014) [Медиатека]; *Многие считают, что проект на самом деле “мертвый” и призван лишь создавать* ***фальшивую легитимность*** *тем или иным решениям мэрии и Мосгордумы* (Газета.Ru, 2019) [Там же].

4. Выводы

Медиадискурс, обладающий огромным воздействующим потенциалом, обогащает попадающие в его пределы концепты, усложняет их концептуальную структуру, порождает ее многочисленные модификации и трансформации, затрагивающие все три составляющие (понятийную, образную и ценностную), формируя в итоге новый медиаконцепт. Юридический концепт ЛЕГИТИМНОСТЬ также претерпевает подобные изменения.

Исследование показало, что в российском медиадискурсе зафиксировано три стратегии, используемых в процессе медиатизации феномена легитимности: дефиниционная, метафорическая и оценочная, — каждая из которых обогащает и видоизменяет соответствующую составляющую концептуальной структуры: дефиниционная — понятийную, метафорическая — образную, оценочная — аксиологическую.

Дефиниции легитимности в массмедиа содержат большее количество признаков, чем лексикографические источники. В юридических словарях нами были выявлены концептуальные признаки ‘законность’ и ‘признание’, в медиадискурсе ядерную зону пополняют новые признаки ‘согласие’, ‘доверие’, ‘одобрение’, ‘поддержка’, также формируются периферийные признаки — ‘уважение’, ‘справедливость’, ‘феномен сознания’ и ‘субъективное ощущение’.

Метафорическая стратегия медиатизации позволяет эксплицировать основные характеристики легитимности и дать ее оценку. Образные признаки легитимности, репрезентируемые посредством метафорической стратегии, включают в свой состав такие лингвокультурно-специфичные признаки, как ‘дефектность’ и ‘объект политических манипуляций’, отражая сложившуюся на данный момент, по мнению авторов медиатекстов, в российском обществе ситуацию.

Положительно оцениваемый по своей природе концепт ЛЕГИТИМНОСТЬ в современном российском медиадискурсе приобретает негативную оценочность (развиваются концептуальные признаки ‘сомнительность’ и ‘мнимость’), что является тревожным маркером, требующим внимания политической и социальной элиты страны.

Таким образом, термин *легитимность* и стоящий за ним юридический концепт претерпевают в российском медиадискурсе существенные модификации, что свидетельствует о значимости дискурсивного фактора в исследовании терминологии и концептологии.

Источники и принятые сокращения

1. *Большой* юридический словарь [Электронный ресурс]. — 2014. — Режим доступа : https://determiner.ru/slovari/bolshoi-yuridicheskii-slovar1.html (дата обращения 22.10.2020).

2. *Медиалогия* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.mlg.ru (дата обращения 22.10.2020).

3. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ruscorpora.ru/new (дата обращения 22.10.2020).

4. *Энциклопедия* юриста [Электронный ресурс]. — 2005. — Режим доступа : https://www.rulit.me/books/enciklopediya-yurista-read-288260-411.html (дата обращения 22.10.2020).

Литература

1. *Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003. — 304 с. — ISBN 5-94010-092-9.

2. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. — Москва : Олма-Пресс, 2005. — 384 с. — ISBN 5-224-05307-2.

3. *Голубева Т. М.* Лингвистические параметры стратегии легитимизации Евросоюза и делегитимизации Б. аль-Ассада в британском политическом дискурсе / Т. М. Голубева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. — 2016. — Т. 16. — Выпуск 4. — С. 392—396.

4. *Завершинский К. Ф.* Легитимность : генезис, становление и развитие концепта / К. Ф. Завершинский // Полис. — 2001. — № 2. — С. 21—34.

5. *Клушина Н. И.* Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль / Н. И. Клушина // Русская речь. — 2014. — № 1. — С. 66—73.

6. *Колмогорова А. В.* Легитимизация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа / А. В. Колмогорова // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1 (67). — С. 33—40.

7. *Кондратьева О. Н.* «Словарь политических терминов в СМИ» как новый лексикографический продукт / О. Н. Кондратьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2016. — № 6 (44). — С. 38—49. — DOI : 10.17223/19986645/44/3.

8. *Коровин В. М.* Не только легальность [Электронный ресурс] / В. М. Коровин // Газета «Завтра». — Режим доступа : https://zavtra.ru/ blogs/ne_tol_ko_ legal_nost (дата обращения 22.10.2020).

9. *Орлова О. В.* Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта : жизненный цикл и миромоделирующий потенциал : диссертация … доктора филологических наук : 10.02.01 / О. В. Орлова. — Томск, 2014. — 425 с.

10. *Рашкофф Д.* Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф. — Москва : Ультра. Культура, 2003. — 368 с. — ISBN 5-98042-012-6.

11. *Ромашова И. П.* Легитимность как когнитивно-прагматическая дискурсивная категория / И. П. Ромашова // Речевая коммуникация в современной России : материалы III Международной конференции : в 2 томах. — Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2013. — С. 390—401.

12. *Савельева И. В.* Механизмы легитимизации в медиадискурсе (на материале интернет-СМИ) / И. В. Савельева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2019. — Т. 18. — № 6. — С. 188—198. — DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6- 188-198.

13. *Силанова М. А.* Медиатизация юридических терминов в дискурсе современных СМИ: дисертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / М. А. Силанова. — Москва, 2017. — 260 с.

14. *Шмелёва Т. В.* Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования / Т. В. Шмелева // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. — 2015. — № 7 (90). — С. 145—148.

15. *Cap P.* Language and legitimization : Developments on the proximization model of political discourse analysis / P. Cap // Lodz Papers in Pragmatics. — 2005. — № 1. — Pp. 7—36.

16. *Doudaki V.* Legitimation Mechanisms in the Bailout Discourse / V. Doudaki // Javnost — The Public. — 2015. — № 22 (1). — Pp. 1—17. — DOI: 10.1080/13183222.2015.1017284.

17. *Liguori M.* The power of language in legitimating publicsector reforms : When politicians “talk” accounting / M. Liguori, I. Steccolini // The British Accounting Review. —2017. — DOI: 10.1016/j.bar.2017.09.006.

Material resources

Encyclopedia of the lawyer. (2005). Available at: https://www.rulit.me/books/enciklopediya-yurista-read-288260-411.html (accessed 22.10.2020). (In Russ.).

Large legal dictionary. (2014). Available at: https://determiner.ru/slovari/bolshoi-yuridicheskii-slovar1.html (accessed 22.10.2020). (In Russ.).

Medialogy. Available at: https://www.mlg.ru (accessed 22.10.2020). (In Russ.).

NKRYA — *National Corpus of the Russian Language.* Available at: https://ruscorpora.ru/new (accessed 22.10.2020). (In Russ.).

References

Cap, P. (2005). Language and legitimization: Developments on the proximization model of political discourse analysis. *Lodz Papers in Pragmatics, 1:* 7—36.

Doudaki, V. (2015). Legitimation Mechanisms in the Bailout Discourse. *Javnost — The Public, 22 (1):* 1—17. DOI: 10.1080/13183222.2015.1017284.

Golubeva, T. M. (2016). Linguistic parameters of the strategy of legitimization of the European Union and delegitimization of B. al-Assad in the British political discourse. *Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Philology. Journalism, 16 (4):* 392—396. (In Russ.).

Klushina, N. I. (2014). Mediatization of modern culture and Russian national style. *Russkaya rech, 1:* 66—73. (In Russ.).

Kolmogorova, A. V. (2018). Legitimization as a sociopolitical phenomenon and object of discourse analysis. *Politicheskaya lingvistika, 1 (67):* 33—40. (In Russ.).

Kondratyeva, O. N. (2016). "Dictionary of political terms in the media" as a new lexicographic product. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 6 (44):* 38—49. DOI: 10.17223/19986645/44/3. (In Russ.).

Korovin, V. M. Not only legality. *Newspaper "Tomorrow"*. Available at: https://zavtra.ru/blogs/ne_tol_ko_ legal_nost (accessed 22.10.2020). (In Russ.).

Liguori, M., Steccolini, I. (2017). The power of language in legitimating publicsector reforms: When politicians "talk" accounting. *The British Accounting Review.* DOI : 10.1016/j.bar.2017.09.006.

Orlova, O. V. (2014). *Discursive-stylistic evolution of the media concept: the life cycle and the world-modeling potential.* Doct. Diss. Tomsk. 425 p. (In Russ.).

Rashkoff, D. (2003). *Mediavirus! How pop culture secretly affects your consciousness*. Moscow: Ultra. Kultura. 368 p. ISBN 5-98042-012-6. (In Russ.).

Romashova, I. P. (2013). Legitimacy as a cognitive-pragmatic discursive category. In: *Speech communication in modern Russia.* Omsk: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky. 390—401. (In Russ.).

Salanova, M. A. (2017). *Mediatization of legal terms in the discourse of modern mass media.* PhD Diss. Moscow. 260 p. (In Russ.).

Saveleva, I. V. (2019). Mechanisms of legitimization in the media discourse (based on the material of the Internet media). *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology, 18 (6):* 188—198. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-188-198. (In Russ.).

Shmeleva, T. V. (2015). Mediatization as a phenomenon of modern culture and the object of research. *Bulletin of the Novgorod State University. Yaroslav the Wise, 7 (90):* 145-148. (In Russ.).

Valgina, N. S. (2003). *Active processes in the modern Russian language: A textbook for university students.* Moscow: Logos. 304 p. ISBN 5-94010-092-9. (In Russ.).

Vepreva, I. T. (2005). *Linguistic reflection in the post-Soviet era*. Moscow: Olma-Press. 384 p. ISBN 5-224-05307-2. (In Russ.).

Zakonchinsky, K. F. (2001). Legitimacy: genesis, formation and development of the concept. *Polis, 2:* 21—34. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Нестерова О. Б. Концепт AMERICA как фрагмент концептосферы языковой личности Барака Обамы / О. Б. Нестерова // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 86—105. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-86-105.

Nesterova O. B. (2021). AMERICA Concept as a Fragment of the Concept Sphere of Barack Obama's Linguistic Personality. *Nauchnyi dialog, 3:* 86-105. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-86-105. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-86-105

Концепт AMERICA как фрагмент концептосферы языковой личности Барака Обамы

Нестерова Олеся Борисовна
orcid.org/0000-0001-5159-0651
старший преподаватель,
olesyas13@mail.ru

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

(Москва, Россия)

AMERICA Concept as a Fragment of the Concept Sphere of Barack Obama's Linguistic Personality

Olesya B. Nesterova
orcid.org/0000-0001-5159-0651
Senior Lecturer,
olesyas13@mail.ru

Federal State Autonomous Institution of Higher Education "Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation"

(Moscow, Russia)

© Нестерова О.Б., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается концепт AMERICA как часть концептосферы языковой личности Барака Обамы. Особое внимание уделяется структуре концепта AMERICA в выступлениях Б. Обамы и номинативным признакам данного феномена. В качестве материала для исследования послужили публичные политические речи, с которыми выступал Обама на разных этапах своей карьеры. Используются методы концептуального, семантического и дискурсивного анализа для выявления средств объективации данного концепта в речах исследуемой языковой личности и построения его номинативного поля. Доказывается, что концепт AMERICA является одним из центральных компонентов в концептосфере Барака Обамы на протяжении всей его политической карьеры. Показано, что концепт AMERICA у Барака Обамы имеет сложную структуру с разветвленной системой признаков. Отмечается, что она включает в себя ассоциации, актуализируемые концептом AMERICA, который является частью национальной картины мира. Выявлено, что структура данного концепта включает в себя также набор индивидуально-авторских ассоциаций, отражающих картину мира языковой личности 44-го президента США. Описывается структура концепта AMERICA с выделением ядра, ближней и дальней периферии.

Ключевые слова:
концепт; концептуальный анализ; Барак Обама; концепт AMERICA.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The concept of AMERICA is considered as a part of the concept sphere of Barack Obama's linguistic personality. Special attention is paid to the structure of the AMERICA concept in B. Obama's speeches and the nominative features of this phenomenon. The material for the study was the public policy speeches delivered by Obama at different stages of his career. Methods of conceptual, semantic and discourse analysis are used to identify the means of objectification of this concept in the speeches of the studied linguistic personality and to construct its nominative field. The AMERICA concept is proven to be one of the central components in the Barack Obama concept sphere throughout his political career. It is shown that Barack Obama's AMERICA concept has a complex structure with a branched system of features. It is noted that it includes associations actualized by the AMERICA concept, which is part of the national picture of the world. It is revealed that the structure of this concept also includes a set of individual-author's associations reflecting the world picture of the linguistic personality of the 44th President of the United States. The structure of the AMERICA concept with the allocation of the core, near and far periphery is described.

Key words:
concept; conceptual analysis; Barack Obama; AMERICA concept.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.111’42:82-94

Концепт AMERICA как фрагмент концептосферы языковой личности Барака Обамы

© Нестерова О.Б., 2021

1. Концепт, концептосфера и концептуальный анализ

В современной лингвистике существенное внимание уделяется исследованиям концепта. Значительный вклад в отечественные исследования концептов внесли Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1999], Н. Ф. Алефиренко [2002, 2008], А. П. Бабушкин [Бабушкин, 1996], Н. Н. Болдырев [Болдырев, 2001], С. Г. Воркачев [Воркачев 2004, 2007], В. И. Карасик [Карасик, 2002], В. В. Красных [Красных, 2003], Е. С. Кубрякова [Кубрякова, 2004], З. Д. Попова, И. А. Стернин [Попова и др., 2001, 2007], В. Н. Телия [Телия, 1996] и другие.

Традиционным стало определение, данное Е. С. Кубряковой, которая пишет, что концепт — это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996, с. 90]. Концепт часто определяется как «квант знания» [Алефиренко, 2002; Кубрякова, 1996; Юсупова и др., 2014]. Лингвокультурологи, например Ю. С. Степанов, понимают концепт как «сгусток культуры» [Степанов, 1997], согласно их мнению, не имеющая лингвокультурной специфики ментальная единица не может считаться концептом [Воркачев, 2004; Степанов, 1997].

Концепты чаще всего формируются в процессе познания мира как чувственные образы, которые в дальнейшем вербализуются, либо возникают в результате освоения слова носителем языка [Юсупова и др., 2014, с. 156]. Большинство концептов имеют языковое выражение. Языковые реализации концептов воспринимаются как ключ к мышлению, познанию, как средство хранения и передачи информации о мире. Изучая их, мы можем получать информацию о содержании концептов, которое закладывается в них определенной языковой личностью, получать представление о картине мира интересующего исследователя носителя языкового сознания.

Совокупность концептов, находящихся в арсенале языковой личности, составляет ее концептосферу. Ю. Н. Караулов утверждает, что концептосфера языковой личности организована по иерархически-координативному принципу, предполагающему «выстраивание всей совокупности единиц тезауруса в пирамидальную фигуру» с одной или несколькими вершинами

CC BY

[Караулов, 1987, с. 171]. Описание концептосферы языковой личности на основе анализа лексической составляющей ее речевых произведений предполагает выявление наиболее значимых фрагментов дискурса.

Концептуальный анализ подразумевает применение как семантических, так и культурологических методов исследования, а также учет широкого культурного, философского и исторического контекста для адекватного и наиболее полного раскрытия содержания концепта [Вежбицкая, 2001; Карасик, 2002; Караулов, 2010; Степанов, 1997].

В. И. Карасик для описания концепта предлагает следующие шаги: 1) дефинирование; 2) анализ контекста; 3) этимологический анализ; 4) паремиологический анализ; 5) анкетирование, интервьюирование [Карасик, 2002, с. 131]. В нашем исследовании анализ концепта включает в себя этапы, обозначенные В. И. Карасиком, за исключением анкетирования и интервьюирования.

Объектом нашего исследования послужили речи 44 президента США Барака Обамы. Прежде всего следует отметить, что дискурс Б. Обамы изучается достаточно широко. Мы наблюдаем, что большинство зарубежных ученых, исследующих дискурс Обамы, стремятся дать философское обоснование его взглядов, а также объяснить его успешность как оратора с позиции риторики, философии и критического дискурс-анализа [Alime et.al, 2012; Frank, 2009; Kloppenberg, 2010; Leake, 2016; Leanne, 2009; Leeman, 2012; Rowland et al., 2011; Wise, 2009;].

Современная отечественная лингвистика также не обошла стороной изучение речей данного оратора. Существует множество лингвистических работ, посвященных этому дискурсу, при этом объектом исследования становятся преимущественно публичные речи [Асланова, 2015; Липко и др., 2014; Рыбачук, 2017; Садуов, 2011; Эргашев, 2015]. Труды отечественных авторов содержат результаты исследований в области когнитивной лингвистики, изучаются характерные особенности политического дискурса Обамы [Садуов, 2010], языковые средства и способы отражения национально-культурной ценностной ориентации субъекта инаугурационного обращения [Асланова, 2015], речевое поведение Обамы [Липко и др., 2014], метафоры в речах Обамы как средство отражения общественных и политических процессов [Эргашев, 2015] и т. д.

Данное исследование представляет собой попытку описания концепта AMERICA в составе концептосферы Барака Обамы.

2. Реконструкция ядра концепта AMERICA

Нами был проведен анализ 67 публичных политических речей Б. Обамы, с которыми он выступал на разных этапах политической карьеры,

CC BY

начиная с предвыборной гонки 2008 года. Общий объем речей составил 177 589 слов. В ходе анализа мы реконструировали основные концепты, составляющие концептосферу языковой личности 44 американского президента, путем исследования особенностей их объективации в публичных политических речах и описали рассматриваемый концепт и его признаки. В данной работе мы сконцентрировали внимание на концепте AMERICA как на одном из наиболее объемных и богатых в содержательном плане концептов языковой личности Барака Обамы.

З. Д. Попова и И. А. Стернин утверждают, что концепт имеет многослойную организацию, которая может быть выявлена через анализ языковых средств его репрезентации. Ученые выделяют в структуре концепта ядро и периферию. К ядру относят прототипические слои с наибольшей степенью чувственно-наглядной конкретности, в то время как периферия содержит более абстрактные признаки концепта [Попова и др., 2001]. Периферия состоит из слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, созданных в данной культуре менталитетом разных людей. Этот слой содержания концепта был обозначен З. Д. Поповой и И. А. Стерниным как «интерпретационное поле концепта» [Там же].

Чтобы выявить ядро концепта AMERICA в концептосфере Б. Обамы, необходимо определить самые частые средства референции к нему в его дискурсе. Тезаурус Роже приводит следующий синонимический ряд к слову *America*: *America, Columbia, Land of Liberty, New World, U.S., U.S.A., US of A, the States, land of opportunity, melting pot* [R21CT, 2005]. В выбранных речах Б. Обамы мы выявили употребление слова *America* (597 раз), *the United States* (230), *the U.S.* (36), *land of opportunity* (1). Как известно, каждая языковая личность использует свой набор средств актуализации того или иного концепта, представляющий собой смесь из общенациональных и индивидуально-авторских единиц. Средствами объективации концепта могут служить лексические единицы разных частей речи, что подтверждается на материале анализа языковой репрезентации концепта AMERICA. Помимо одноименной лексемы и синонимических единиц, указанных в тезаурусе, основными средствами объективации данного концепта в дискурсе Б. Обамы являются прилагательное *American* — 335 случаев апелляции (из которых наиболее частотными коллокациями являются: *American people* — 103 раза, *American leadership* — 14, *American workers* — 10, *American family* — 12), *Americans* — 235, *this country* — 164, *our country* — 48, *this nation* — 21, *our nation* — 23.

С точки зрения научного сознания, слово *Америка* / *America* обозначает часть света, объединяющую два материка, Северную Америку и Юж-

CC BY

ную Америку, а также близлежащие острова, подтверждение чему находим в первых двух значениях слова, зафиксированных в словаре Merriam-Webster: 1) either continent (North America or South America) of the western hemisphere / один из континентов западного полушария (Северная или Южная Америка)[1]; 2) the lands of the western hemisphere including North, Central, and South America and the West Indies / земли в западном полушарии, включающие Северную, Центральную и Южную Америку, а также Карибский регион) [MWALD, 2010]. Однако эти значения по частотности употребления в ненаучном дискурсе уступают третьему значению: 3) United States of America / Соединенные Штаты Америки [Ibid.]. Таким образом, в ненаучном дискурсе слово *America* часто используется как референция к государству Соединенные Штаты Америки, и именно данное значение лексемы актуализирует Б. Обама в своих речах в ста процентах случаев.

Всего в 67 речах 44 президента США мы насчитываем 1690 средств референции к концепту AMERICA. Тот факт, что говорящий так часто обращается к указанному концепту, свидетельствует о занимаемой им центральной роли в концептосфере языковой личности Барака Обамы. На наш взгляд, это легко поддается объяснению с учетом особенностей биографии оратора: смешанное происхождение, длительный процесс определения и принятия своей идентичности и своего места в культурном пространстве США. Помимо прочего, не следует забывать и об основной цели публичной политической речи, а именно — воздействии на адресата. Частая актуализация концепта AMERICA при помощи словосочетаний *our nation* (наша нация) и *our country* (наша страна) оказывает эмоциональное воздействие на аудиторию, создавая ощущение общности целей и причастности говорящего и слушающих к общему делу, а также вызывает чувство патриотизма и «работает» на имидж оратора.

На наш взгляд, перечисленные выше средства апелляции оратора к концепту AMERICA можно отнести к его базовому слою или ядру как самые частотные и непосредственным способом именующие исследуемый концепт.

3. Периферия концепта AMERICA. Концептуальные признаки

Далее с целью раскрытия содержания периферии концепта, или его интерпретационного слоя, нам представляется необходимым выделить те признаки, которые Барак Обама отмечает в качестве характерных для Америки. В анализируемых речах были выделены все контексты, в которых Обама описывает США, американцев или традиционные американские

1 Здесь и далее перевод наш. — *О. Н.*

CC BY

ценности, нас интересовало все, с чем у оратора ассоциируется его страна. Приведем следующий пример: <...> *a great gift that our Founders gave to us: the freedom to chase our individual dreams through our sweat and toil and imagination, and the imperative to strive together, as well, to achieve a common good, a greater good* [Obama, 2017] (… великий дар, оставленный нам отцами-основателями: свобода следовать за мечтой, сквозь труд, и пот, и изобретательность, потребность стремиться вместе, достигать общего блага). Такие черты, как трудолюбие, упорство, стремление к общему благу видятся оратору культурными доминантами, передаваемыми из поколения в поколение и определяющими поведение американского народа. Подобные характеристики являются компонентами концепта AMERICA в представлениях исследуемой языковой личности. Далее назовем выявленные концептуальные признаки (КП) и средства их выражения (СВ).

AMERICA:

(1) КП *democracy* (демократия), СВ: *democracy* (демократия), *democratic* (демократический).

(2) КП *power* (сила / власть), СВ: *powerful* (сильный); *power* (сила, власть); *fighting force* (боевая сила); *strong* (сильный).

(3) КП *economic prosperity* (экономическое процветание), СВ: *the strongest, most durable economy* (самая сильная и крепкая экономика); *the most prosperous nation* (самая процветающая нация); *has more wealth than any nation* (страна имеет больше богатства, чем любая другая страна).

(4) КП *leadership* (лидерство), СВ: *leading* (ведущий); (American) *leadership* (американское лидерство); *America leads the world* (Америка ведет за собой мир); *ready to lead* (готовы вести за собой); *the world looks to us to help solve these problems* (весь мир смотрит на нас и ждет, чтобы мы решили эти проблемы); *we will mobilize the world to work with us* (мы мобилизуем весь мир на сотрудничество с нами).

(5) КП *diversity* (разнообразие), СВ: *diversity*; *(the most) diverse nation* (самая разнообразная нация); *our patchwork heritage* (наше наследие, словно собранное из лоскутов); *we are a nation of Christians and Muslims, Jews and Hindus, and non-believers* (мы нация христиан и мусульман, евреев и индуистов, и атеистов); *young and old* (молодые и старые); *black, white, and brown* (чернокожие, белые и мулаты); *shaped by every language and culture* (сформировались под воздействием разных языков и культур); *drawn from every end of this Earth* (притянутые со всех уголков нашей планеты); *populated by people from around the globe* (населенная народами со всего света).

(6) КП *seeking peace* (стремление к миру), СВ: *a friend of each nation, man, woman, child who seeks peace* (друг каждой нации, мужчины, или жен-

CC BY

щины, или ребенка, стремящихся к миру); *play its role in ushering in a new era of peace* (сыграть свою роль, вводя новую эру, эру мира).

(7) КП *equality* (равенство), СВ: *equal* (равны); *that no matter who you are or what you look like …* (неважно, кто ты или как ты выглядишь); *it does not matter who you are or what you look like or where you come from, everybody has got a chance at the American Dream* (не важно, кто ты, или как ты выглядишь, или откуда ты родом — у каждого есть шанс воплотить американскую мечту); *everybody can still make it if they try* (каждый может преуспеть, если попытается); *everyone gets a fair shot, does their fair share and plays by the same rules from Main Street to Wall Street* (ко всем относятся одинаково, каждый вносит свой справедливый вклад и играет по общим правилам от Мэйн Стрит до Уолл Стрит); *everybody has a chance to succeed* (у каждого есть шанс на успех); *everybody is / has …* (у каждого есть…); *every (worker)* (каждый (рабочий));

(8) КП *unity* (единство), СВ: *that truth has bound us together* (правда связала нас вместе); *as one people* (как одна нация); *united* (объединенный); *union* (союз); *the imperative to strive together to achieve a common good* (императив — стремиться вместе к достижению общего блага); *common hopes* (общие мечты); *bonds that hold together* (узы, которые связывают нас вместе); *our destinies are bound together* (наши судьбы сплетены).

(9) КП *freedom* (свобода), СВ: *the constitutional freedoms* (конституционные свободы); *a beacon of freedom* (маяк свободы); *the freedom to chase our individual dreams* (свобода идти за своей мечтой).

(10) КП *courage* (смелость, храбрость), СВ: *courage* (отвага); *It says America will always act, alone if necessary* (Америка всегда будет действовать, в одиночку, если понадобится)*, to protect our people and our allies* (защищать наш народ и наших союзников); *a bold America* (дерзкая Америка).

(11) КП *innovation* (инновации), СВ: *the world's most innovative economy* (самая инновационная экономика в мире); *the American spirit of innovation and exploration* (американских дух инноваций и исследования);

(12) КП *clear thinking* (здравое мышление), СВ*: that's the America I know: Clear-eyed …* (американцы, насколько я их знаю, все видят четко); *vision* (видение).

(13) КП *progress* (прогресс), СВ: *progress, the spirit of progress* (дух прогресса позволяет).

(14) КП *opportunity* (возможность), СВ: *opportunity*.

(15) КП *the American dream* (американская мечта) (идея, заключающаяся в том, что через великие усилия можно добиться перемен к лучшему), СВ: *the American Dream; the American myth; have a chance to succeed* (иметь шанс преуспеть); *a faith in simple dreams* (вера в простые мечты); *the American*

CC BY

promise (зд. — американская мечта); составляющие элементы *the American Dream*: *a job with wages to support a family* (работа и зарплата, чтобы содержать семью); *health care that we can count on and afford* (здравоохранение, на которое можно рассчитывать и которое можно позволить себе); *a retirement that is dignified and secure* (достойная и гарантированная пенсия); *education and opportunity for our kids* (образование и возможности для детей); *the insistence that with sweated brow and calloused hands and focused will we can recast the wilderness of the American landscape and the American heart into something better, something finer* (упорная вера в то, что с потом на лбу и мозолями на руках, не упуская цель из виду, мы можем превратить дикий американский пейзаж и американское сердце в нечто лучшее).

(16) КП *exceptionalism* (американская исключительность, вера в особое положение и роль американской нации в истории человечества), СВ: *exceptional* (исключительный); *exceptional nation* (мы исключительная нация); *we do exceptional things* (мы делаем исключительные вещи); *what makes us exceptional* (что делает нас исключительными); *the highest of standards — our own* (наивысшие стандарты — наши собственные); *special* (особенный); *A magical place, a beacon of freedom and opportunity* (волшебное место, маяк свободы и возможностей); *the envy of the world* (на зависть всему миру).

Многие из представленных выше черт отражают национальную концептосферу американцев. Так, например, вера в американскую мечту, в демократию, а также готовность тяжело трудиться, восприятие своей страны как дарующей равные возможности каждому, вера в свободу являются чертами национального американского характера, о чем говорят многие американские исследователи [Datesman et al., 2014; Inkeles, 2016; Lipset, 1963; Stearns, 2018]. Но стоит также отметить, что те же американские ученые единогласно выделяют и другие черты американского характера, которых мы не наблюдаем в составе концепта AMERICA у Барака Обамы. Объем и содержание концепта зависят от индивидуального когнитивного опыта языковой личности, который в свою очередь зависит от множества факторов: условий жизни, уровня интеллекта, национально-культурных особенностей, индивидуально-личностных характеристик и т. п., поэтому содержание концептов отдельно взятой языковой личности может существенно отличаться от общепринятых представлений. К тому же описание концепта со стопроцентной полнотой и точностью не представляется возможным, так как для этого как минимум понадобилось бы исследовать все когда-либо произнесенные индивидуумом тексты, не говоря о том, что некоторые составляющие концептов не могут быть выражены средствами языка. Тем не менее такие, казалось бы, американские черты, как *self-reliance* (самодостаточность, опора только на самого себя), *competition* (дух

CC BY

соперничества), *individualism* (индивидуализм) либо совсем отсутствуют, либо упоминаются единично в анализируемом объеме текстов. На наш взгляд, это можно объяснить частично целями, которые ставит перед собой политический оратор (сплотить аудиторию, призвать к совместному действию), а частично принадлежностью Барака Обамы к Демократической партии с более либеральными взглядами. Почитание таких черт, как индивидуализм, самодостаточность и дух соперничества более характерны для представителей Республиканской партии США.

И напротив, некоторые составляющие концепта AMERICA у Барака Обамы являются индивидуально-личностными, во многом обусловленными его социальной ролью главы государства, речь которого призвана оказать воздействие на аудиторию. Таким, например, мы считаем концептуальный признак *unity* (единство). Беспорядки в США на фоне убийств афроамериканцев или во время предвыборных кампаний, расходящиеся мнения американцев по поводу необходимости вмешиваться в международные конфликты свидетельствуют об отсутствии в реальности тотального чувства единения, о котором говорит оратор. Но Бараку Обаме как публичной политической личности необходимо было сплотить нацию для принятия выгодных ему решений, поэтому он часто оперировал словом *unity* в своем дискурсе. Например: *On this day, we gather because we have chosen hope over fear, unity of purpose over conflict and discord* [Obama, 2008] (В этот день мы собрались здесь, потому что сделали свой выбор в пользу надежды, а не страха, ***единства*** цели, а не конфликта и разногласий). В данном примере концепт UNITY (ЕДИНСТВО) выражается одноименной лексемой *unity.* В следующем примере концепт UNITY (ЕДИНСТВО) актуализируется всем приведенным отрывком: *<…> there's not a liberal America and a conservative America; there's the United States of America. There's not a black America and white America and Latino America and Asian America; there's the United States of America* [Obama, 2004] (<…> не существует либеральной Америки или консервативной Америки — существуют Соединенные Штаты Америки. Не существует черной Америки или белой Америки, мексиканской или азиатской Америки — существуют Соединенные Штаты Америки).

Схожую картину актуализации концепта COURAGE (СМЕЛОСТЬ, ХРАБРОСТЬ) можно наблюдать в следующем высказывании: *America will always act, alone if necessary, to protect our people and our allies* [Obama, 2016] (Америка всегда будет действовать в одиночку, если это необходимо, чтобы защитить наш народ и наших союзников). В данном примере Обама говорит о том, что у Америки достаточно отваги, чтобы при необходимости действовать на международной арене в одиночку, без поддержки союзников. Появление у концепта AMERICA в концептосфере Б. Обамы таких

CC BY

компонентов, как UNITY (ЕДИНСТВО) и COURAGE (СМЕЛОСТЬ, ХРАБРОСТЬ) можно объяснить положением оратора в обществе как национального лидера, объединяющего общество и смело ведущего его за собой.

Таким образом, мы видим, что в содержание концепта AMERICA входит множество признаков, которые выражаются лексемами, словосочетаниями и предложениями исключительно с положительной коннотацией. Америку в концептуальной картине мира Барака Обамы отличает сила (в том числе военная мощь), экономическое благополучие, роль лидера на мировой арене, многообразие (национальностей и культур), стремление к миру, равенство всех граждан, сплоченность, свобода, смелость / дерзость, инновации, стремление к прогрессу, способность ясно мыслить и иметь четкое видение, вера в американскую мечту и в исключительность своей страны (рис. 1).

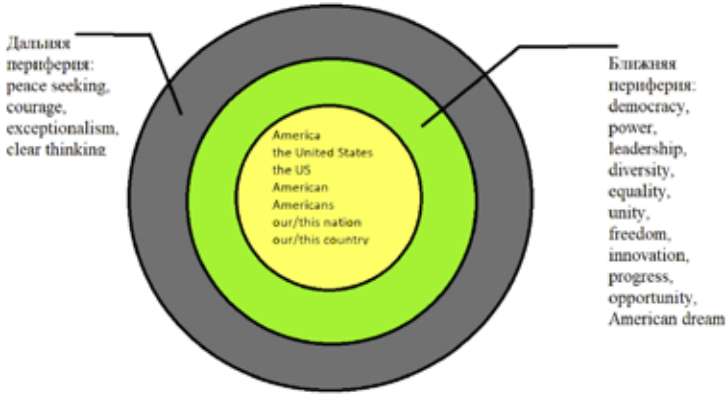

Рис. 1. Структура концепта AMERICA

Отдельно в структуре концепта AMERICA мы рассматриваем объемный концепт AMERICANS, который включает в себя положительные качества американцев, составляющие основу их системы ценностей.

В некоторых случаях крайне сложно однозначно сказать, относится ли определенная характеристика к Америке или американцам, а некоторые признаки характеризуют и саму страну, и ее народ. Нам удалось выделить следующие концептуальные признаки (КП) концепта AMERICANS и их средства выражения (СВ):

(1) КП *Spirit of discovery* (стремление к открытиям), СВ: *spirit of discovery* (дух открытий); *innovation* (инновации); *exploration* (исследование).

(2) КП *Changing for the better* (изменение к лучшему), СВ: *to shape a better world* (построить лучший мир); *constantly remake ourselves to fit our*

larger dreams (постоянно меняться, чтобы соответствовать нашим растущим мечтам); *a gift for reinvention* (талант к преобразованию).

(3) КП *Active role in life* (активная позиция в жизни), СВ: *Americans have to work hard to get ahead and they want to* (американцам приходится много работать, чтобы чего-то достичь и они хотят работать); *they don't expect the government to solve their problems* (они не ждут, что правительство решит их проблемы); *our destiny is never written for us, it's written by us* (наша судьба никогда не пишется за нас, она пишется нами); *persuit of happiness* (поиски счастья); *the doer* (творец); *the maker of things* (создатель).

(4) КП *Hard work* (тяжелый труд), СВ: *our work ethic* (наша рабочая этика); *through our sweat and toil* (нашим потом и трудом); *to strive together* (стремиться вместе); *to work hard* (много работать); *hard work* (тяжелый труд); *they take pride in their labor* (они гордятся своим трудом).

(5) КП *Consideration for others* (забота о других), СВ: *commitment to others* (преданность другим); *we look out for each other* (мы приглядываем друг за другом); *compassionate* (сострадательный: I am my brother's keeper, I am my sister's keeper / Я приглядываю за своим братом и приглядываю за своей сестрой); *we want (those dreams) for others* (мы хотим исполнения этих надежд для других); *they lend a hand to their neighbors* (они протягивают руку соседу); *shared responsibility* (общая ответственность).

(6) КП *Generosity* (щедрость), СВ: *generous* (щедрый); *generosity* (щедрость).

(7) КП *Hope* (надежда), СВ: *hope* (надежда); *faith* (вера); *belief* (вера); *American dream* (американская мечта).

(8) КП *Optimism* (оптимизм), СВ: *optimism* (наш оптимизм); *optimistic America* (оптимистичный); *we saw opportunity where others saw only peril* (мы увидели возможность там, где другие видели только опасность); *America has had a faith in the future — a belief that where we're going is better than where we've been* (Америка всегда имела веру в будущее — веру в то, что там, куда мы движемся, лучше, чем там, где мы есть).

(9) КП *Personalities* (личности, воспринимаемые как типичные представители американцев), СВ: *(we are) Thomas Eddison, the Wright brothers, George Washington Carver, Grace Hopper, Katherine Johnson, Sally Ride*.

(10) КП *Abidance by law* (законопослушность), СВ: *commitment / fidelity to the rule of law* (приверженность главенству закона); *abide by law* (подчиняться закону).

(11) КП *Patriotism* (патриотизм), СВ: *patriotism* (патриотизм); *love of the country* (любовь к стране).

(12) КП *Kindness* (доброта), СВ: *Big-hearted* (с большим сердцем); *kindness* (доброта).

CC BY

(13) КП *Good humor* (благодушие), СВ: Good humor (благодушие).

(1) КП *Determination* (решительность), СВ: *Determination* (решительность); *grit* (упорство); *focused will* (сфокусированная воля).

(14) КП *Ingenuity* (изобретательность), СВ: *ingenuity* (изобретательность); *imagination* (воображение); *the American spirit of innovation and exploration* (американский дух инноваций и исследований).

(15) КП *Fairness* (справедливость), СВ: *fighting injustice* (борьба с несправедливостью); *fairness* (справедливость).

(16) КП *Decency* (приличие), СВ: *decent* (приличный); *decency* (приличие).

(17) КП *Tolerance* (толерантность), СВ: *tolerance* (толерантность); *tolerant* (толерантный);

(18) КП *Readiness to take risks* (готовность рисковать), СВ: *we honor the businessmen and the strivers, the dreamers, the risk-takers* (мы чтим предпринимателей и борцов, мечтателей, тех, кто не боится рискнуть); *an endless capacity for risk* (неограниченный потенциал брать на себя риски).

(19) КП *Politeness* (вежливость), СВ: *polite* (вежливый); *courteous* (с хорошими манерами); *civility* (учтивость).

(20) КП *Responsibility* (ответственность), СВ: *responsibility* (ответственность); *responsible* (ответственный).

Между отдельными признаками концепта наблюдаются тесные связи. Например, концептуальные признаки *hope* (надежда) и *optimism* (оптимизм) тесно связаны между собой, так как оптимизм — это и есть способность надеяться на лучшее. А также признаки *active role in life* (активная жизненная позиция), *changing for the better* (изменение к лучшему), *spirit of discovery* (дух открытий), *ingenuity* (изобретательность), *readiness to take risks* (готовность принимать на себя риски), *hard work* (зд. трудолюбие) и *determination* (целеустремленность) объединены идеей активной жизненной позиции личности. *Consideration for others* (внимание к другим) и *generosity* (щедрость) являются смежными и близкими друг другу в смысловом отношении признаками, поскольку внимание к людям предполагает способность оказать им бескорыстную помощь.

Если попытаться составить портрет среднего американца в представлении Барака Обамы, то это будет человек трудолюбивый, с активной жизненной позицией, стремящийся меняться к лучшему, целеустремленный, готовый идти на риски ради достижения целей, изобретательный, добрый, щедрый и внимательный к другим, приличный и учтивый, оптимист с хорошим чувством юмора, толерантный и ответственный и, конечно, патриот своей страны.

CC BY

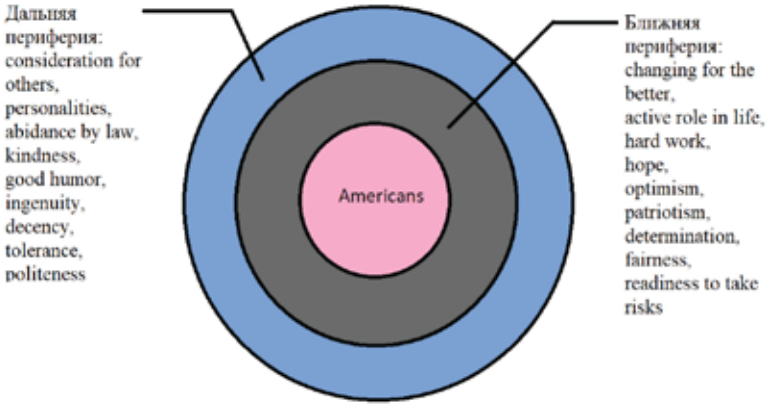

Рис. 2. Структура концепта AMERICANS

Итак, мы установили, что концепт AMERICA у Барака Обамы в содержательном плане богат и разнообразен, а также занимает центральное место в концептосфере данной языковой личности (1690 актуализаций признаков, составляющих только его ядро).

В составе данного концепта мы выделили ядро, а также ближнюю и дальнюю периферии. В ядро концепта входят понятия, актуализируемые лексическими единицами: *America* (567 случаев употребления в анализируемых текстах), *American* (335), *Americans* (235), *the United States* (230), *this country* (164), *our country* (48), *our nation* (23), *this nation* (21). Ближнюю периферию концепта AMERICA составят единицы, объединенные признаками: *democracy* (демократия), *power* (сила, власть), *leadership* (лидерство), *diversity* (разнообразие), *equality* (равенство), *unity* (единство), *freedom* (свобода), *innovation* (инновации), *progress* (прогресс), *opportunity* (шанс, возможность), *the American dream* (американская мечта). Дальнюю периферию составят номинации, объединенные признаками: *peace seeking* (стремление к миру), *courage* (смелость, отвага), *exceptionalism* (исключительность), *clear thinking* (способность ясно мыслить). Отнесение тех или иных признаков к ближней или дальней периферии зависит от частоты их актуализации в дискурсе языковой личности.

В составе ядра концепта AMERICA мы также выделили концепт AMERICANS, но сам по себе последний сложен, он образует отдельный концептуальный слой и имеет свою структуру со своим ядром (*Americans* и *American people*), ближней и дальней периферией. Ближнюю периферию

CC BY

концепта AMERICANS составят концепты, объединенные признаками: *changing for the better* (стремление меняться к лучшему), *active role in life* (активная жизненная позиция), *hard work* (готовность много трудиться), *hope* (надежда), *optimism* (оптимизм), *patriotism* (патриотизм), *determination* (целеустремленность), *fairness* (справедливость), *readiness to take risks* (готовность рисковать). К дальней периферии мы относим концептуальные признаки: *consideration for others* (забота о других), *personalities* (отдельные личности), *abidance by law* (законопослушность), *kindness* (доброта), *good humor* (благодушие), *ingenuity* (изобретательность), *decency* (приличие), *tolerance* (терпимость), *politeness* (вежливость).

4. Заключение

AMERICA, безусловно, является одним из главнейших концептов в концептосфере Барака Обамы, что подтверждается многократным обращением к нему в речах бывшего президента. Анализируемый концепт представляет собой сложную, разветвленную систему знаний, находящих свое отражение в сложной системе языковых средств объективации как зафиксированных в словарях, так и авторских, ситуативных. В его состав неотъемлемой частью входит и концепт AMERICANS, содержащий признаки, отражающие типичные черты характера американцев в видении автора. Основными средствами референции к концепту AMERICA служат следующие языковые единицы: *America, the United States, the U.S., this / our country, Americans, American people, American, this / our nation*, которые и составляют ядро концепта. Периферия концепта представляет собой разветвленную сеть признаков, выраженных различными средствами языка (словами, словосочетаниями или же целыми предложениями) и имеющих между собой смысловые связи. Результаты анализа не только позволяют лучше понять составляющие картины мира исследуемой единичной языковой личности, но и дают представление о культурных доминантах американцев в целом, так как в речах президента, возможно, в наиболее лаконичном и сжатом виде предстают ценности американского общества.

Источники и принятые сокращения

1. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — Москва : Изд-во МГУ, 1996. — 245 с. ISBN 5-89042-018-1.

2. MWALD — *Merriam-Webster's* Advanced Learner's Dictionary. — Springfield : Federal Street Press, 2010.

3. *Obama B.* Keynote Address. July 27, 2004 [Electronic source] / B. Obama. — Access mode : http://obamaspeeches.com/002-Keynote-Address-at-the-2004-Democratic-National-Convention-Obama-Speech.htm (accessed 28.09.2020).

4. *Obama B.* Inaugural Address. January, 2008 [Electronic source] / B. Obama. — Access mode : http://www.whitehouse.gov/the_press_office/President_Barack_Obamas_Inaugural_Address (accessed 28.09.2020).

5. *Obama B.* State of the Union Address. January 12, 2016 [Electronic resource] / B. Obama. — Access mode : https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/01/12/remarks-president-barack-obama-—prepared-delivery-state-union-address (accessed 28.09.2020).

6. *Obama B. Remarks* by the President in Farewell Address. January 10, 2017 [Electronic resource] / B. Obama. — Access mode : https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/10/remarks-president-farewell-address (accessed 28.09.2020).

7. R21CD — *Roget's* 21st Century Thesaurus. Third Edition (21 century references), Edited by the Princeton Language Institute. — Publisher : Dell, 2005. — 976 p.

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. — Москва : Academia, 2002. — 394 с. — ISBN 5-87444-158-1.

2. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология и когнитивистика : в аспекте лингвистического постмодернизма / Н. Ф. Алефиренко. — Белгород : Изд-во Белгородского ун-та, 2008. — 151 с. — ISBN 978-5-9571-0330-1.

3. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с. ISBN 5-7859-0027-0.

4. *Асланова М. Г.* Средства создания позитивного имиджа в речи политика (на материале текста второго инаугурационного обращения Барака Обамы) / М. Г. Асланова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 1 (51). — С. 74—82.

5. *Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексическо-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. — Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1996. — 104 с. ISBN 5-7455-0916-3.

6. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Изд-во Тамбовского ун-та, 2001. — 123 с.

7. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — Москва : Рус. слов., 1996. — 411 с. — ISBN 5-89216-002-5.

8. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / В. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

9. *Воркачев С. Г.* Любовь как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2007. — 248 с. — ISBN 5-7333-0162-7.

10. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-7333-0143-0.

11. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с.

12. *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2003. — 375 с. — ISBN 5-94244-004-2.

13. *Кубрякова Е. С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 13—35.

14. *Липко Ю. Г.* Языковая личность Барака Обамы : взлет политической карьеры / Ю. Г. Липко, И. Н. Антипьева // Известия Иркутской Государственной Экономической Академии. — 2014. — № 2. — С. 186—191.

15. *Попова З. Д.* Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Культура общения и ее формирование. — Воронеж : Полиграф, 2001. — Выпуск 8. — С. 34—56.

16. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 314 с. ISBN 978-5-17-045103-6.

17. *Рыбачук К. Ю.* Особенности реализации интертекстуальности в публичных выступлениях Обамы / К. Ю. Рыбачук // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2017. — Т. 14. — Выпуск 2. — С. 238—247. — DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.208.

18. *Садуов Р. Т.* Политический дискурс Барака Обамы в преломлении лингвокультурологического и семиотического аспектов / Р. Т. Садуов // Политическая лингвистика. — 2011. — Выпуск 3 (37). — С. 147—161. ISBN 978-5-7477-2936-0.

19. *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры : Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 990 с. ISBN 5-8291-0007-X.

20. *Телия В. Н.* Русская фразеология : Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с. ISBN 5-88766-047-3.

21. *Эргашев А. А.* Отражение общественных и политических процессов в США в военных метафорах Барака Обамы / А. А. Эргашев // Вестник Томского Государственного Университета. — 2015. — № 393. — С. 48—54. — DOI: 10.17223/15617793/393/7.

22. *Юсупова Л. Г.* Концепт как квант структурированного знания / Л. Г. Юсупова, С. А. Песина // Фундаментальные и прикладные исследования : проблемы и результаты : сборник материалов XV Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. С. Чернова. — Новосибирск : Издательство ЦРНС, 2014. — № 15. — С. 155—159. — ISBN 978-5-00068-183-1.

23. *Alim H. S.* Articulate While Black : Barack Obama, language, and race in the US / H. S. Alim, G. Smitherman. — Oxford University Press, 2012. — 205 p. — ISBN 0199812985.

24. *Datesman M. K.* American Ways. An Introduction to American Culture / M. K. Datesman, J. Crandall, N. E. Kearny. — 4th ed. — Pearson Education Inc., 2014. — 340 p. ISBN 978-0-13-304702-8.

25. *Frank D. A.* The Prophetic Voice and the Face of the Other in Barack Obama's «A More Perfect Union» Address, March 18, 2008 / D. A. Frank // Rhetoric & Public Affairs : Michigan State University Press. — 2009. — Volume 12. — № 2. — Pp. 167—194. — DOI: 10.1353/rap.0.0101.

26. *Inkeles A.* National Character : A Psycho-Social Perspective / A. Inkeles. — New Brunswick, NJ : Transaction Publishers, 1997. — 392 p. — ISBN 978-1-4128-5496-2.

27. *Kloppenberg J. T.* Reading Obama : Dreams, Hope, and the American Political Tradition / J. T. Kloppenberg. — Princeton : Princeton University Press, 2011. — 320 p. — ISBN 978-0-691-1-15433-6.

28. *Leake E.* Empathizer-in-Chief : The Promotion and Performance of Empathy in the Speeches of Barack Obama / E. Leake // Journal of Contemporary Rhetoric. — 2016. — Vol. 6. — № 1 / 2. — Pp. 1—14.

29. *Leanne S.* Say it Like Obama : The Power of Speaking with Purpose and Vision / S. Leanne. — New York : McGraw-Hill, 2009. — 224 p. — ISBN 9780071615891.

30. *Leeman R. W.* The Teleological Discourse of Barack Obama / R. W. Leeman. — Lanham, MD : Lexington Books, 2012. — 275 p. ISBN-10 0739174088. ISBN-13 978-0739174081.

31. *Lipset S. M.* The First New Nation : The United States in Historical and Comparative Perspective / S. M. Lipset. — NY : Garden City, 1967.

32. *Rowland R. C.* One Dream : Barack Obama, Race, and the American Dream / R. C. Rowland, J. M. Jones // Rhetoric and Public Affairs. Michigan State University Press. — Vol. 14. — № 1. — Pp. 125—154. — DOI: 10.1353/rap.2011.0007.

33. *Stearns P. N.* American Selfie / P. N. Stearns // Journal of Social History. Oxford University Press. — 2018. — Vol. 51. — № 3. — Pp. 500—525.

34. *Wise T.* Between Barack and a Hard Place : Racism and White Denial in the Age of Obama / T. Wise. — San Francisco : City Light Books, 2009. — 161 p.

Material resources

Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). *Short dictionary of cognitive terms.* Moscow: MSU Publishing House. 245 p. ISBN 5-89042-018-1. (In Russ.).

MWALD — *Merriam-Webster's Advanced Learner's Dictionary.* (2010). Springfield: Federal Street Press.

Obama B. (2004). *Keynote Address*. July 27. Available at: http://obamaspeeches.com/002-Keynote-Address-at-the-2004-Democratic-National-Convention-Obama-Speech.htm. (accessed 28.09.2020).

Obama B. (2008). *Inaugural Address.* January. Available at: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/President_Barack_Obamas_Inaugural_Address (accessed 28.09.2020).

Obama B. (2016). *State of the Union Address*. January 12. Available at: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/01/12/remarks-president-barack-obama-—prepared-delivery-state-union-address (accessed 28.09.2020).

Obama B. (2017). *Remarks by the President in Farewell Address.* January 10. Available at: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/01/10/remarks-president-farewell-address (accessed 28.09.2020).

R21CD — *Roget's 21st Century Thesaurus, Third Edition (21 century references), Edited by the Princeton Language Institute.* (2005). Publisher: Dell. 976 p.

References

Alefirenko, N. F. (2002). *Poetic energy of the word. Synergetics of language, consciousness and culture.* Moscow: Academia. 394 p. ISBN 5-87444-158-1. (In Russ.).

Alefirenko, N. F. (2008). *Phraseology and cognitivistics: in the aspect of linguistic postmodernism.* Belgorod: Publishing house of the Belgorod University. 151 p. ISBN 978-5-9571-0330-1. (In Russ.).

Alim, H. S., Smitherman, G. (2012). *Articulate While Black: Barack Obama, language, and race in the US.* Oxford University Press. 205 p. ISBN: 0199812969. ISBN-13(EAN): 9780199812967.

Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the world of man.* Moscow: Languages of Russian Culture. 896 p. (In Russ.). ISBN 5-7859-0027-0.

Aslanova, M. G. (2015). Means of creating a positive image in the speech of a politician (based on the material of the text of the second inaugural address of Barack Obama). *Political Linguistics, 1 (51):* 74—82. (In Russ.).

Babushkin, A. P. (1996). *Types of concepts in lexical and phraseological semantics of language.* Voronezh: Voronezh State University Publishing House. 104 p. ISBN 5-7455-0916-3. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2001). *Cognitive semantics: A course of lectures on English philology.* Tambov: Publishing house of the Tambov University. 123 p. (In Russ.).

Datesman, M. K., Crandall, J., Kearny, N. E. (2014). *American Ways. An Introduction to American Culture.* Pearson Education Inc. 340 p. ISBN 978-0-13-304702-8.

Ergashev, A. A. (2015). Reflection of social and political processes in the United States in the military metaphors of Barack Obama. *Bulletin of Tomsk State University, 393:* 48—54. DOI: 10.17223/15617793/393/7. (In Russ.).

Frank, David A. (2009). The Prophetic Voice and the Face of the Other in Barack Obama's «A More Perfect Union» Address, March 18, 2008. *Rhetoric & Public Affairs: Michigan State University Press, 12 (2):* 167—194. DOI: 10.1353/rap.0.0101.

Inkeles, A. (1997). *National Character: A Psycho-Social Perspective.* New Brunswick, NJ: Transaction Publishers. 392 p. ISBN 978-1-4128-5496-2.

Kloppenberg, James T. (2011). *Reading Obama: Dreams, Hope, and the American Political Tradition.* Princeton: Princeton University Press. 320 p. ISBN 978-0-691-1-15433-6.

Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse.* Volgograd: Peremena. 477 p. ISBN 5-7333-0143-0. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (2010). *Russian language and language personality.* Moscow: LKI Publishing House. 264 p. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2003). *«Your own» among «strangers»: myth or reality?* Moscow: Gnosis. 375 p. ISBN 5-94244-004-2. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (2004). On the attitudes of cognitive science and actual problems of cognitive linguistics. *Questions of cognitive linguistics, 1:* 13—35. (In Russ.).

Leake, E. (2016). Empathizer-in-Chief: The Promotion and Performance of Empathy in the Speeches of Barack Obama. *Journal of Contemporary Rhetoric, 6 (1/2):* 1—14.

Leanne, S. (2009). *Say it Like Obama: The Power of Speaking with Purpose and Vision.* New York : McGraw-Hill. 224 p. ISBN 9780071615891.

Leeman, Richard W. (2012). *The Teleological Discourse of Barack Obama.* Lanham, MD: Lexington Books. 275 p. ISBN-10 0739174088. ISBN-13 978-0739174081.

Lipko, Yu. G., Antipyeva, I. N. (2014). The linguistic personality of Barack Obama: the rise of a political career. *Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy, 2:* 186—191. (In Russ.).

Lipset, S. M. (1967). *The First New Nation: The United States in Historical and Comparative Perspective.* NY: Garden City.

Popova, Z. D. (2001). *The interpretative field of the national concept and methods of its study, 8.* Voronezh: Polygraph. 34—56. (In Russ.).

Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Cognitive linguistics.* Moscow: AST: Vostok-Zapad. 314 p. ISBN 978-5-17-045103-6. (In Russ.).

Rowland, Robert C., Jones, John. M. One Dream: Barack Obama, Race, and the American Dream. *Rhetoric and Public Affairs. Michigan State University Press, 14 (1):* 125—154. DOI: 10.1353/rap.2011.0007.

Rybachuk, K. Yu. (2017). Features of the implementation of intertextuality in Obama's public speeches. *Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature, 14 (2):* 238—247. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.208. (In Russ.).

Saduov, R. T. (2011). Political discourse of Barack Obama in the refraction of linguoculturological and semiotic aspects. *Political Linguistics, 3 (37).* Yekaterinburg: Politicheskaya lingvistika. 147—161. (In Russ.).

Stearns, Peter N. (2018). American Selfie. Journal of Social History. *Oxford University Press, 51 (3):* 500—525.

Stepanov, Yu. S. (1997). *Constants: dictionary of Russian culture: Research experience.* Moscow: Languages of Russian Culture. 990 p. ISBN 5-8291-0007-X. (In Russ.).

Telia, V. N. (1996). *Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects.* Moscow: Languages of Russian Culture. 288 p. ISBN 5-88766-047-3. (In Russ.).

Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Cognition.* Moscow: Rus. slov. 411 p. ISBN 5-89216-002-5. (In Russ.).

Vorkachev, S. G. (2004). *Happiness as a linguocultural concept.* Moscow: Gnosis. 192 p. ISBN 5-94244-002-6. (In Russ.).

Vorkachev, S. G. (2007). *Love as a linguocultural concept.* Moscow: Gnosis. 248 p. ISBN 5-7333-0162-7. (In Russ.).

Wise, T. (2009). *Between Barack and a Hard Place: Racism and White Denial in the Age of Obama.* San Francisco: City Light Books. 161 p.

Yusupova, L. G., Pesin, S. A. (2014). Concept as the quantum of structured knowledge. *Fundamental and applied research: problems and results: proceedings of the XV International scientific-practical conference, 15.* Novosibirsk: TSRNS Publishing House. 155—159. ISBN 978-5-00068-183-1. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Степыкин Н. И. Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») / Н. И. Степыкин // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 106—120. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120.

Stepykin N. I. (2021). Experience in Modeling Associative Fields (Project "Multilingual Associative Thesaurus of Politeness"). *Nauchnyi dialog, 3:* 106-120. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120

Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости»)

Степыкин Николай Иванович
orcid.org/0000-0002-2802-5686
кандидат филологических наук, доцент,
nick1086@mail.ru

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Юго-Западный государственный университет»

(Курск, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00160 А.

Experience in Modeling Associative Fields (Project "Multilingual Associative Thesaurus of Politeness")

Nikolay I. Stepykin
orcid.org/0000-0002-2802-5686
PhD in Philology, Associate Professor,
nick1086@mail.ru

Southwest State University

(Kursk, Russia)

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-012-00160 A.

© Степыкин Н.И., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена моделированию ассоциативных полей вежливая и вежливый по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости». Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления структуры и содержания ассоциативно-вербальной сети носителя языка, что представляется возможным при обращении к данным свободного ассоциативного эксперимента. Автор рассматривает сочетание «стимул — реакция» как речевое действие. Новизна исследования заключается в том, что анализ ассоциативных данных проводится с опорой на операциональную модель продуцирования речи распределительной активации, что позволяет объяснить наличие разнообразных реакций в структуре ассоциативного поля. При анализе каждого речевого действия и операции учитывается принцип подхода к слову как единству акустического образа и понятия. Это неразрывное единство проявляется в симультанном механизме речевых действий концептуализации и внутреннего артикулирования. Сопоставительный анализ ассоциаций респондентов мужской и женской групп с опорой на операциональную модель продуцирования речи распределительной активации позволил выявить универсальные и гендерно специфичные черты в структуре и содержании анализируемых ассоциативных полей. В заключение сделан вывод о возможности применения разработанной автором модели речепорождения при моделировании ассоциативных полей.

Ключевые слова:
ассоциативное поле; вежливость; мультилингвальный ассоциативный словарь; моделирование; речевое действие; речевая операция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to modeling associative fields vezhlivaya (f) and vezhlivyy (m) (polite) based on the materials of the project “Multilingual associative thesaurus of politeness”. The relevance of the study is due to the need to identify the structure and content of the associative-verbal network of a native speaker, which is possible when referring to the data of a free associative experiment. The author considers the combination of stimulus-response as a speech action. The novelty of the research lies in the fact that the analysis of associative data is carried out based on the operational model of speech production of distributive activation, which makes it possible to explain the presence of various reactions in the structure of the associative field. When analyzing each speech action and operation, the principle of approaching the word as a unity of the acoustic image and concept is considered. This indissoluble unity is manifested in the simultaneous mechanism of speech actions of conceptualization and internal articulation. A comparative analysis of the associations of the respondents in the masculine and female groups based on the operational model of speech production of distributive activation made it possible to identify universal and gender-specific features in the structure and content of the analyzed associative fields. It is concluded that it is possible to use the speech production model developed by the author in modeling associative fields.

Key words:
associative field; politeness; multilingual associative dictionary; modeling; speech action; speech operation.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’23+811.161.1’374.2::395.7

Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости»)

© Степыкин Н.И., 2021

1. Введение

Исследование специфики языкового сознания является одной из актуальных проблем, о чём свидетельствует значительное количество отечественных и зарубежных работ, так или иначе затрагивающих данную проблематику. Эффективным инструментом исследования языкового сознания с учётом его реальных психических компонентов выступает свободный ассоциативный эксперимент. По этой причине создание словарей ассоциативных норм стало одним из ведущих направлений антропоцентрического языкознания. Результаты, полученные с помощью ассоциативного метода, позволяют обнаружить структуру и содержание речевого действия, что имеет большой эвристический потенциал при изучении ассоциативных норм, то есть стандартов, в которых проявляются психически актуальные особенности семантики слова-стимула и специфика концептуализации стоящих за ним явлений.

Первые ассоциативные нормы были разработаны в США в начале XX века и включали всего 100 стимулов, большинство из которых составили наиболее распространенные и общеизвестные слова (существительные, прилагательные, глаголы) [Kent et al., 1910]. Ассоциаты использовались для изучения специфики устройства памяти и ментального лексикона [Jenkins et al., 1964], а также применялись при исследовании мозга испытуемых с психическими отклонениями. Необходимость расширения начального тестового списка слов-стимулов [Kent et al., 1910] отмечалась большинством исследователей, так или иначе работавших с ассоциатами. Представительная база ассоциативных норм американского варианта английского языка была собрана в словаре университета Южной Флориды [Nelson et al., 1999], составленном в результате свободного ассоциативного эксперимента и включающем более 750 000 реакций на 5019 слов-стимулов. В эксперименте приняли участие более 6000 испытуемых. По инструкции к проведению эксперимента респондентам запрещалось в качестве реакции вносить более одного слова. Большинство слов-стимулов составили существительные (76 %). Также словарные статьи тезауруса представлены

CC BY

прилагательными (13 %), глаголами (7 %) и другими частями речи (4 %). В 1986 году данные эксперимента были переведены в электронный вид и в настоящее время доступны в сети Интернет. Ассоциативные нормы британского варианта английского языка наиболее полно представлены в Эдинбургском ассоциативном тезаурусе [Kiss et al., 1973], который включает в себя 8400 слов-стимулов и считается одной из форм представления британского языкового сознания.

В отечественном языкознании развитие ассоциативной лексикографии берет начало с издания в 1977 году «Словаря ассоциативных норм русского языка» под редакцией А. А. Леонтьева [САНРЯ]. В настоящее время с целью выявления межпоколенной динамики языкового сознания исследователи сопоставляют ассоциативные поля САНРЯ с данными «Русского ассоциативного словаря» 1994 года [РАС], «Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса» 2014 года [ЕВРАС] и «Электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири» 2017 года [ЭАСПС]. Сопоставительный анализ ассоциативных полей, различных по месту и времени фиксации, позволяет выявить специфику обыденного языкового сознания носителей русского языка территориально ограниченной общности [Васильева, 2020].

2. Двуязычные и мультилингвальные словари ассоциативных норм

Инициатором создания первого мультилингвального ассоциативного словаря выступил Л. Постман, который объединил собранные ранее ассоциативные нормы на английском, французском и немецком языках [Postman et al., 1970]. После опубликования результатов этого исследования возрастает количество двуязычных ассоциативных словарей: появляются ассоциативные нормы киргизского и русского [Титова, 1975], латышского и русского [Ульянов, 1988], казахского и русского [Дмитрюк, 1998], испанского и русского [Санчез Пуиг и др., 2001], немецкого и русского языков [Уфимцева и др., 2004]. В 2004 году опубликован уникальный мультилингвальный ассоциативный тезаурус — «Славянский ассоциативный словарь», включающий 112 взаимно эквивалентных слов-стимулов белорусского, болгарского, русского и украинского языков, предварительно переведённых двуязычными экспертами [САС]. Количество испытуемых составило не менее 500 человек. Для гендерной сбалансированности состава респондентов были в равной степени задействованы как мужчины, так и женщины. Подробно проведение эксперимента описано в предисловии к словарю [Там же], который имеет прямой и обратный входы, что позволяет делать более глубокие выводы о сочетаемости слов в живой речи индивидов.

CC BY

Новые формы ассоциативной лексикографии представлены в основанном на Википедии персидско-английском словаре ассоциаций [Rahimi et al., 2011]. В настоящее время ведётся работа над переводным ассоциативным словарем сравнений на материале русского, калмыцкого и английского языков [Пюрбеев и др., 2019]. Также предпринимаются попытки создания мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости для интеграции языковых сообществ на материале психологически реальных структурно-содержательных компонентов лексемы *вежливость* в русском, армянском, китайском, английском и итальянском языках с последующим выявлением этнолингвокультурных стереотипов вежливости [Степыкин и др., 2020].

3. Проект «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости»: специфика составления словарных статей

Опубликованная в 2020 году русскоязычная часть проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» включает 96 ассоциативных полей, репрезентирующих концепт ВЕЖЛИВОСТЬ.

Разработка словарных статей ассоциативного тезауруса предполагала пошаговую процедуру отбора слов-стимулов с применением компонентного и дефиниционного анализа, свободного ассоциативного эксперимента (далее — САЭ), а также метода интеллект-карт.

На первом этапе были проанализированы лексикографические данные. Далее проведён САЭ. В качестве слов-стимулов мы использовали саму лексему *вежливость* и её дериваты (*вежливый* и *вежливая, вежливое* и *вежливо*). Третьим шагом стал метод интеллект-карт, позволивший уточнить и дополнить данные САЭ (см. рис. 1).

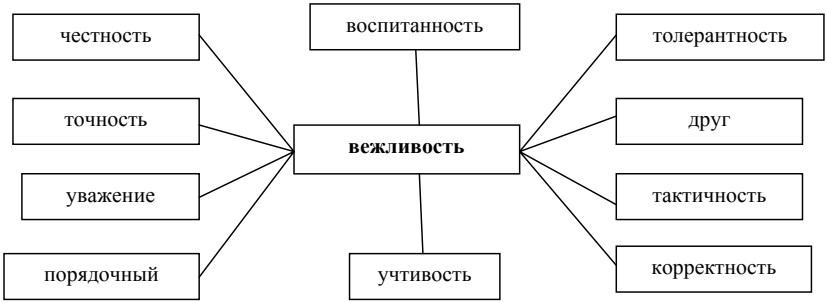

Рис. 1. Интеллект-карта «вежливость»

Обобщив данные анализа словарей, результаты САЭ и записи интеллект-карт, мы получили список слов-стимулов для последующего

CC BY

проведения САЭ и составления ассоциативных полей тезауруса вежливости.

Словарная статья ассоциативного тезауруса дана в форме таблицы. Приведём для наглядности фрагмент ассоциативного поля (далее — АП) *благовоспитанность* (см. табл. 1).

Таблица 1

Ассоциативное поле *благовоспитанность*

Реакции на стимул *благовоспитанность*	**Количество реакций респондентов женского пола**	**Количество реакций респондентов мужского пола**	**Общее количество реакций**
Воспитание	11	6	17
Вежливость	6	1	7
Манеры	6	—	6
Родители	5	1	6

В первом столбце даны реакции респондентов на стимул *вежливость*, упорядоченные по частоте. Второй и третий столбцы содержат информацию о количестве реакций респондентов женского и мужского пола соответственно. В чётвёртом столбце даны общие количественные показатели по данному ассоциативному полю.

4. Обоснование операциональной модели речепорождения распределительной активации для анализа ассоциативного поля

В предыдущем исследовании мы продемонстрировали эвристический потенциал уточнённой версии модели речепорождения А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой при анализе динамики АП *вежливый* [Степыкин, 2020]. Несмотря на объяснительную силу этой теории, учитывающей «конкуренцию» различных уровней синтаксирования, её модульный характер накладывает определённые ограничения и не позволяет полностью учитывать специфику распределительной активации смысла при анализе АП.

Разрабатывая модель продуцирования речи, мы опираемся на структуру речевой деятельности: «Строго говоря, речевой деятельности, как таковой, не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность — целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую. С одной речью человеку делать нечего: она не самоцель, а средство, орудие, хотя и может по-разному использоваться в разных видах деятельности. Но, несмотря на сказанное, мы будем далее

CC BY

все-таки говорить о речевой деятельности, помня при этом, что речь не заполняет собой всего "деятельностного" акта. Такая терминологическая неточность имеет свои преимущества: упоминание слова "деятельность" заставляет нас все время помнить о специфически "деятельностном" понимании речевых проявлений» [Леонтьев, 1969, с. 15]. Фундаментальное положение теории речевой деятельности, согласно которому речевая деятельность может быть осуществлена с помощью речевых действий, включающих набор различных речевых операций [Леонтьев, 1974], стало основой для разработки операциональной модели речепорождения распределительной активации. Продуцирование речи — это результат одновременной активации речевых действий концептуализации и внутреннего артикулирования. Условием осуществления этих действий является владение семантическими, морфологическими, синтаксическими и артикуляторными операциями, которые формируются в речевой деятельности. Образы этих операций присутствуют в нейронных структурах в рассредоточенном виде, в чём и проявляется принцип эвристичности речевого действия. При отсутствии образов этих операций порождение речевого действия и продуцирование речи в принципе невозможны. Т. Г. Визель полагает, что «для спонтанного произнесения слова необходимо иметь представление о его фонемном составе. Каждая артикулема в произносимом спонтанно слове играет смысловую роль, а значит, является эквивалентом фонемы. Фонему можно перевести и в букву, если слово реализуется не в устном, а в письменном варианте. Буква также эквивалент фонемы. Это позволяет констатировать: при повторении слова артикулемы являются единицами фонетики (условно — речи), при произнесении слова спонтанно артикулемы — единицы фонематики (условно — языка)» [Визель, 2018, с. 123]. В случае с продуцированием речи следует разграничивать спонтанное и повторное артикулирование. Опираясь на нейролингвистические данные, Т. Г. Визель отмечает, что «повторное артикулирование реализуется вторичной (гностико-праксической) корой мозга, спонтанное — третичной (символической, языковой). Соответственно первое относится к фонетическому уровню речевой функциональной системы, второе — к фонематическому (фонологическому)» [Там же]. Мы будем говорить о спонтанном артикулировании, которое выходит за рамки собственно артикуляционных движений. Чтобы избежать проблемы терминологической неясности, в нашем исследовании вводится термин *внутреннее артикулирование*, под которым понимается речевое действие по поиску языковых форм при передаче смысла.

Речевое действие концептуализации зависит от речевой ситуации, мотива и цели, которые определяют специфику реализации смысла. Мо-

CC BY

тив порождает смысл, опосредование которого в языковых компонентах требует определённых речевых операций. Речевое действие концептуализации предполагает операции смыслового (поиск слов по смысловой доминанте), семантического (выбор слов по семантической структуре) и поверхностного синтаксирования (выбор слов по форме). Так как языковой знак — это единство «понятия и акустического образа», речевые действия концептуализации и внутреннего артикулирования выполняются одновременно. Отметим, что при смысловом синтаксировании также важен синтаксический потенциал слова. При семантическом и поверхностном синтаксировании происходит оформление высказывания в соответствии с образами семантических структур и структур поверхностного синтаксиса. Семантическое синтаксирование также направлено на реализацию смысловой доминанты. Например, осуществляется выбор пассивной или активной конструкции, используется синтаксический параллелизм и т. д. Результатом речевых действий концептуализации и внутреннего артикулирования является смысл, репрезентированный во внутренней речи и подготовленный к овнешнению. Овнешнение смысла, то есть переход из внутренней речи во внешнюю, осуществляется с помощью собственно артикуляционных движений. Отметим, что в процессе продуцирования речи формирующееся содержание смысла и звукового комплекса (внутреннее артикулирование) соотносится с мотивом и речевой ситуацией: «переливая содержание внутреннего слова в цепочки слов, освобождая его от субъективной ситуативности, говорящий / пишущий “выслушивает” их с точки зрения слушающего / читающего, его готовности приписать объективным значениям слов контекстный смысл» [Ахутина, 2008, с. 19].

Для нас принципиально важно, что реализация смысла происходит при распределительной активации различных речевых операций. Такой подход позволяет обнаруживать актуализацию доминирующих структурных компонентов смысла в зависимости от используемых операций.

5. Структура и содержание ассоциативных полей *вежливая* и *вежливый:* гендерный аспект

Рассмотрим возможность применения операциональной модели продуцирования речи распределительной активации при анализе структуры и содержания ассоциативных полей *вежливая* и *вежливый* с учётом их гендерной специфики. Анализ структуры и содержания АП *вежливая* будет осуществляться с опорой на операциональную модель продуцирования речи распределительной активации (см. п. 4) с учётом гендерной специфики ассоциатов. Представим совокупность реакций респондентов женского пола на слово-стимул *вежливая* (табл. 2).

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Таблица 2

Ассоциативное поле *вежливая* как совокупность речевых операций респондентов женского пола

Речевые операции	**Механизмы**	**Продукт операции**
Смысловое синтаксирование	Артикуляторные Лексические	Добрая 12, учтивая 6, воспитанная 3, умная 3, любезность 2, обходительная, нежная, культурная, приятная, скромная, разумная, понятная, порядочная, начитанная, не порочная, не старушка, красивая, почтительная, правильность, поверхностность, привет, обходительность, редкость, нудная, по билету — ***63 %***.
Смысловое синтаксирование + Семантическое синтаксирование	Артикуляторные Лексические и грамматические	Было 2, книксен, элемент — ***6 %***.
Полный цикл операций синтаксирования		Девушка 5, просьба 3, подруга 3, дама, особа, улыбка, приторно, леди, где такую найти? нет таких, няня, 6 — ***31 %***.

Аналогичным образом представим структуру АП *вежливая* по реакциям мужской группы испытуемых (табл. 3).

Таблица 3

Ассоциативное поле *вежливая* как совокупность речевых операций респондентов мужского пола

Речевые операции	**Механизмы**	**Продукт операции**
Смысловое синтаксирование	Артикуляторные Лексические	Воспитанная 15, добрая 10, тактичная 5, обходительная 4, учтивая 3, правильная 3, милая 2, воспитанность 2, умная, нежная, культурная, приятная, скромная, культура, манеры, естественная, внимательная, знающая этикет, нескандальная, услужливая, привлекательная, добросовестная, спокойная, воспитание, хорошая, грубая — ***65 %***.
Полный цикл операций синтаксирования	Артикуляторные Лексические и грамматические	Девушка 9, дама 6, девочка 4, женщина 2, просьба, особа, улыбка, мама, продавщица, сестра, пора, собака, соседка, старушка, интонация, бабушка **35 %**

Структурно АП *вежливая*, составленное из реакций респондентов женского пола, сходно с соответствующим аналогом совокупности реакций мужской группы респондентов. Более 60 % ассоциатов в структуре АП *вежливая*

CC BY

активированы в результате речевой операции смыслового синтаксирования. Ассоциации с полным циклом синтаксирования незначительно преобладают в структуре АП женской группы респондентов (35 % по сравнению с 31 % у мужчин). Только в структуре АП *вежливая* мужской группы испытуемых обнаружены ассоциации с пропущенным поверхностным синтаксированием. Содержательно ассоциации мужской и женской групп испытуемых в основном совпадают, однако их количественный состав в структуре АП отличается.

Наиболее сильная предикативная связь для мужской группы респондентов *вежливая — добрая*. Преобладающей реакцией женщин на стимул *вежливая* стал понятийный ассоциат *воспитанная*. Среди реакций мужской группы испытуемых отметим ассоциаты, акцентирующие редкость или даже отсутствие такого качества, как вежливость (*где такую найти? нет таких, было, редкость*). Предикативная связь *вежливая подруга* актуализировалась только среди мужчин, а женской группой испытуемых подруга не воспринимается как носитель вежливости.

Представим ассоциативное поле *вежливый* как совокупность речевых операций респондентов женского пола (табл. 4).

Таблица 4

Ассоциативное поле *вежливый* как совокупность речевых операций респондентов женского пола

Речевые операции	**Механизмы**	**Продукт операции**
Смысловое синтаксирование	Артикуляторные Лексические	Воспитанный 22, добрый 7, культурный 6, учтивый 4, воспитание 3, любезный 3, приятный 2, умный 2, хороший 2, доброжелательный 2, милый 2, всегда говорит спасибо, красивый, услужливый, благовоспитанный, добро, культура, воспитанность, терпеливый, уступчивый, честный, уступчивый, аккуратный, внимание, спокойный, почтительный, приветливый — ***60 %***.
Смысловое синтаксирование + Семантическое синтаксирование	Артикуляторные Лексические и грамматические	Полиция — ***1 %***.
Полный цикл операций синтаксирования		Человек 20, мальчик 5, мужчина 3, тон 3, поступок 2, друг 2, старик 2, ребёнок, Саша, персонал, сын, интеллигент, характер, пассажир — ***39 %***.

Отметим, что АП *вежливый* включает те же операции, что и АП *вежливая*. Речевая операция смыслового синтаксирования доминирует в структуре

АП и составляет 60 % всех операций. Рассмотрим совокупность речевых операций респондентов мужского пола на примере АП *вежливый* (табл. 5).

Таблица 5

Ассоциативное поле *вежливый* как совокупность речевых операций респондентов мужского пола

Речевые операции	**Механизмы**	**Продукт операции**
Поверхностное синтаксирование	Артикуляторные Грамматические	Вежливость — ***1 %***.
Смысловое синтаксирование	Артикуляторные Лексические	Воспитанный 10, добрый 8, культурный 5, приятный 3, учтивый 2, аккуратный 2, порядочный 2, платок, воспитание, шляпа, умный, хороший, услужливый, красивый, благовоспитанный, воспитанность, приятный на общение, деликатный, послушный, благосклонный — ***63 %***.
Полный цикл операций синтаксирования	Артикуляторные Лексические и грамматические	Человек 7, мужчина 3, поступок, друг, ребёнок, водитель, учитель, смотря с кем, грубый, муж, дагестанец, я, ученик, джентльмен, привет, юноша, не очень, парень — ***36 %***.

Структурно АП *вежливый*, составленное из реакций респондентов мужского пола, сходно с АП *вежливая* и соответствующим аналогом совокупности реакций женской группы респондентов. Актуализация 63 % ассоциатов в структуре АП *вежливый* происходит в результате речевой операции смыслового синтаксирования. Речевые операции с полным циклом синтаксирования незначительно преобладают в структуре АП женской группы респондентов (39 % по сравнению с 36 % у мужчин). В структуре АП *вежливый* мужской группы испытуемых обнаружена ассоциация с поверхностным синтаксированием (*вежливость*), актуализирующая деривационную структуру слова-стимула. Большинство ассоциаций мужской и женской групп испытуемых совпадают, однако их количественный состав отличается.

Отметим, что предикативная связь *вежливый — добрый* более актуальна для испытуемых мужской группы. Ассоциаты *милый, любезный, доброжелательный, мальчик* и *старик* оказались характерны для женщин. Внешним атрибутом вежливости для женской группы испытуемых стала *шляпа*, а для мужчин — *платок*. Полагаем, ассоциаты *аккуратный* и *платок* являются взаимодополняющими, то есть слово *вежливый* в сознании мужской группы испытуемых соотносится с *аккуратностью* человека, имеющего при себе *платок*.

CC BY

6. Выводы

На основе анализа ассоциативных полей *вежливая*, *вежливый* по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» нами была апробирована операциональная модель продуцирования речи распределительной активации, а также выявлена гендерная специфика речевых действий и операций.

При рассмотрении сочетания «стимул — реакция» как речевого действия для нас важно прежде всего то, что именно концепция речевых действий и речевых операций позволяет моделировать продуцирование речи, а сама операциональная модель может быть использована для анализа предикативных компонентов АП.

В каждом речевом действии и речевой операции учитывается принцип подхода к слову как единству акустического образа и понятия. Это неразрывное единство проявляется в параллельном (симультанном) механизме речевых действий концептуализации и внутреннего артикулирования. Распределительный характер активации позволяет объяснить появление разнообразных реакций в результате свободного ассоциативного эксперимента.

Структура ассоциативных полей *вежливая* и *вежливый* представлена совокупностью речевых операций смыслового, семантического и поверхностного синтаксирования, а также внутреннего артикулирования. Более 60 % ассоциатов активированы с помощью операции смыслового синтаксирования.

В результате анализа ассоциативных полей *вежливая* и *вежливый* было выявлено незначительное преобладание речевых действий с полным циклом синтаксирования у женской группы испытуемых (35 % vs 31 % и 39 % vs 36 % соответственно).

Большинство ассоциаций мужской и женской группы испытуемых совпадают, однако их количественный состав отличается. *Добрая* — наиболее частотная реакция респондентов мужской группы на стимул *вежливая*. Для респондентов женской группы такой реакцией является *воспитанная*.

Таким образом, нами было обосновано применение операциональной модели продуцирования речи распределительной активации при анализе ассоциатов, а также выявлены общие и дифференциальные черты в структуре и содержании ассоциативных полей, составленных из совокупности реакций мужской и женской групп испытуемых.

Источники и принятые сокращения

1. ЕВРАС — *Черкасова Г. А.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус [Электронный ресурс] / Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. — Москва : Институт язы-

кознания РАН, 2014, Т. 1—2. — Режим доступа : https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras.

2. РАС — *Караулов Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь : ассоциативный тезаурус современного русского языка [Электронный ресурс] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. С. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — 1994—1998. — Режим доступа : http://it-claim.ru/ Projects/ASIS/.

3. САНРЯ — *Леонтьев А. А.* Словарь ассоциативных норм русского языка [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. — Москва : Московский университет, 1977. — Режим доступа : http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm.

4. САС — *Уфимцева Н. В.* Славянский ассоциативный словарь : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. — Москва : Институт языкознания РАН, 2004. — 792 с. — ISBN 5-7904-0366-2.

5. ЭАСПС — *Электронный* ассоциативный словарь Приенисейской Сибири [Электронный ресурс] / С. П. Васильева, А. Д. Васильев, Т. В. Мамаева, М. В. Шибаев. — Режим доступа : http://react.ftn24.ru/statistic.

Литература

1. *Ахутина Т. В.* Модель порождения речи Леонтьева — Рябовой : 1967—2005 / Т. В. Ахутина // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи / под ред. Т. В. Ахутиной, Д. А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2008. — С. 79—104.

2. *Васильева С. П.* Опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских по данным ассоциативных словарей XX—XXI веков / С. П. Васильева // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 27—44. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44.

3. *Визель Т. Г.* Артикуляция и ее нарушения (теоретический аспект с позиции нейропсихологии) / Т. Г. Визель // Специальное образование. — 2018. — № 3 (51). — С. 123—135. — DOI: 10.26170/sp18-03-11.

4. *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. — Москва : Просвещение, 1969. — 214 с.

5. *Леонтьев А. Н.* Общее понятие о деятельности / А. Н. Леонтьев // Основы теории речевой деятельности. — Москва : Наука, 1974. — 368 с.

6. *Пюрбеев Г. Ц.* Опыт создания ассоциативного словаря сравнений / Г. Ц. Пюрбеев, Е. В. Голубева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2019. — Том 12. — Выпуск 2. — С. 223—226. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.48.

7. *Санчез Пуиг М.* Ассоциативные нормы русского и испанского языков / М. Санчез Пуиг, Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова. — Москва ; Мадрид : Азбуковник, 2001. — 496 с. — ISBN 5-99744-035-X.

8. *Степыкин Н. И.* Ассоциативное поле вежливый : динамика психологически актуального содержания в лексиконе индивида / Н. И. Степыкин // Science for Education Today. — 2020. — № 2. — С. 151—166. — DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2002.10.

9. *Степыкин Н. И.* Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости / Н. И. Степыкин, Д. М. Миронова. — Курск : Университетская книга, 2020. — 205 с. — ISBN 978-5-907356-47-4.

10. *Титова Л. Н.* Киргизско-русский ассоциативный словарь / Л. Н. Титова. — Фрунзе : Илим, 1975. — 250 с.

11. *Ульянов Ю. Е.* Латышско-русский ассоциативный словарь / Ю. Е. Ульянов ; Академия наук Латвийской ССР. Институт языка и литературы. — Рига : Зинатне, 1988. — 186 с.

12. *Уфимцева Н. В.* Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н. В. Уфимцева, И. А. Стернин, Х. Эккерт, В. И. Милехина и др. — Воронеж : Истоки, 2004. — 130 с. — ISBN 5-88242-338-4.

13. *Kent G. H.* Study of association in Insanity / G. H. Kent, A. J. Rosanoff // American Journal of Insanity. — 1910. — № 67. — Pp. 317—390.

14. *Kiss G. R.* An associative thesaurus of English and its computer analysis. The computer and literary studies / G. R. Kiss, C. Armstrong, R. Milroy, J. Piper. — Edinburgh : University Press, 1972. — Pp. 153—165.

15. *Nelson D. L.* The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms [Electronic resource] / D. L. Nelson, C. L. McEvoy, T. A. Schreiber. — Access mode : http://w3.usf.edu/FreeAssociation.

16. *Palermo D. S.* Word association norms : Grade school through college / D. S. Palermo, J. J. Jenkins. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 1964. — 448 p.

17. *Playfoot D.* Are word association responses really the first words that come to mind? / D. Playfoot, T. Balint, V. Pandya, A. Parkes, M. Peters, S. Richards // Applied Linguistics. — 2016. — № 39 (5). — Pp. 607—624. — DOI: 10.1093/applin/amw015.

18. *Postman L. J.* Norms of word association / L. J. Postman, G. Keppel. — New York : Academic Press, Language arts & Disciplines, 1970. — 476 p.

19. *Rahimi Z.* Creating a Wikipedia-based Persian-English word association dictionary / Z. Rahimi, A. Shakery // 5th International Symposium on Telecommunications, IST 2010. — 2011. — Pp. 562—567. — DOI: 10.1109/ISTEL.2010.5734088.

Material resources

EASPS — Vasilyeva, S. P., Vasilyev, A. D., Mamaeva, T. V., Shibaev, M. V. *Electronic associative dictionary of the Yenisei Siberia.* Available at: http://react.ftn24.ru/statistic. (In Russ.).

EVRAS — Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V. (2014). *Russian regional associative dictionary-thesaurus, 1—2.* Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Available at: https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V., Sorokin, Yu. S., Tarasov, E. F. (1994—1998). *Russian Russian associative dictionary: associative thesaurus of the modern Russian language.* Available at: http://it-claim.ru/ Projects/ASIS/. (In Russ.).

SANRYA — Leontiev, A. A. (1977). *Dictionary of associative norms of the Russian language.* Moscow: Moscow University. Available at: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm/. (In Russ.).

SAS — Ufimtseva, N. V., Cherkasova, G. A., Karaulov, Yu. N., Tarasov, E. F. (2004). *Russian associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian.* Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 792 p. ISBN 5-7904-0366-2. (In Russ.).

References

Akhutina, T. V. (2008). Model of speech generation by Leontiev-Ryabova: 1967—2005. In: *Psychology, linguistics and interdisciplinary relations.* Moscow: Smysl. 79—104. (In Russ.).

Kent, G. H., Rosanoff, A. J. (1910). Study of association in Insanity. *American Journal of Insanity, 67:* 317—390.

Kiss, G. R., Armstrong, C., Milroy, R., Piper, J. (1972). An associative thesaurus of English and its computer analysis. In: *The computer and literary studies.* Edinburgh: University Press. 153—165.

Leontiev, A. A. (1969). *Language, speech, speech activity.* Moscow: Education. 214 p. (In Russ.).

Leontiev, A. N. (1974). The general concept of activity. In: *Fundamentals of the theory of speech activity.* Moscow: Nauka. 368 p. (In Russ.).

Nelson, D. L., McEvoy, C. L., Schreiber, T. A. *The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms.* Available at: http://w3.usf.edu/FreeAssociation.

Palermo, D. S., Jenkins, J. J. (1964). *Word association norms: Grade school through college.* Minneapolis: University of Minnesota Press. 448 p.

Playfoot, D., Balint, T., Pandya, V., Parkes, A., Peters, M., Richards, S. (2016). Are word association responses really the first words that come to mind? *Applied Linguistics, 39 (5):* 607—624. DOI: 10.1093/applin/amw015.

Postman, L. J., Keppel, G. (1970). *Norms of word association.* New York: Academic Press, Language arts & Disciplines. 476 p.

Pyurbeev, G. Ts., Golubeva, E. V. (2019). Experience of creating an associative dictionary of comparisons. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 12 (2).* Tambov: Gramota. 223—226. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.48. (In Russ.).

Rahimi, Z., Shakery, A. (2011). Creating a Wikipedia-based Persian-English word association dictionary. In: *5th International Symposium on Telecommunications, IST 2010.* 562—567. DOI: 10.1109/ISTEL.2010.5734088.

Sanchez, Puig M., Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A. (2001). *Associative norms of Russian and Spanish languages.* Moscow; Madrid: Azbukovnik. 496 p. ISBN 5-99744-035-X. (In Russ.).

Stepykin, N. I. (2020). Associative field polite: dynamics of psychologically relevant content in the lexicon of an individual. *Science for Education Today, 2:* 151—166. DOI: 10.15293/2658-6762.2002.10. (In Russ.).

Stepykin, N. I., Mironova, D. M. (2020). *Project of a multilingual associative thesaurus of politeness.* Kursk: Universitetskaya kniga. 205 p. ISBN 978-5-907356-47-4. (In Russ.).

Titova, L. N. (1975). *Kirghiz-Russian associative dictionary.* Frunze: Ilim. 250 p. (In Russ.).

Ufimtseva, N. V., Sternin, I. A., Eckert, X., Milekhina, V. I. (2004). *Associative norms of Russian and German languages.* Voronezh: Istoki. 130 p. ISBN 5-88242-338-4. (In Russ.).

Ulyanov, Y. E. (1988). *Latvian-Russian associative dictionary.* Riga: Zinatne. 186 p. (In Russ.).

Vasilyeva, S. P. (2020). Experience of Identifying the Specifics of Everyday Linguistic Consciousness of Russians according to Associative Dictionaries of the XX—XXI Centuries. *Nauchnyi dialog, 1:* 27—44. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44. (In Russ.).

Wiesel, T. G. (2018). Articulation and its disorders (theoretical aspect from the perspective of neuropsychology). *Special education, 3 (51):* 123—135. DOI: 10.26170/sp18-03-11. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Тимко Н. В. Современные диссертационные исследования лингвокультурологических факторов в теории и практике перевода : подходы, лакуны, перспективы / Н. В. Тимко // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 121—138. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-121-138.

Timko, N. V. (2021). Modern Thesis Research of Linguoculturological Factors in the Theory and Practice of Translation: Approaches, Gaps, Prospects. *Nauchnyi dialog, 3:* 121-138. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-121-138. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-121-138

Современные диссертационные исследования лингвокультурологических факторов в теории и практике перевода: подходы, лакуны, перспективы

Тимко Наталья Валерьевна
orcid.org/0000-0002-9983-5248
кандидат филологических наук, доцент,
n.timko@odin.mgimo.r.

Одинцовский филиал Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

(Одинцово, Россия)

Modern Thesis Research of Linguoculturological Factors in the Theory and Practice of Translation: Approaches, Gaps, Prospects

Natalia V. Timko
orcid.org/0000-0002-9983-5248
PhD in Philology, Associate Professor,
n.timko@odin.mgimo.ru

the branch of the Federal state autonomous institution of higher education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation” in the town of Odintsovo

(Odintsovo, Russia)

© Тимко Н.В., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются диссертационные исследования, выполненные за последние 11 лет в русле культурно-ориентированной концепции перевода. Обобщены основные взгляды на переводческую проблематику, изложенную более чем в 200 диссертациях по специальности 10.02.20 за 2009—2020 годы. Новизна данного исследования состоит в том, что впервые предпринимается попытка обзора диссертационных исследований по переводческой тематике, рассматривающих «культурный компонент» как фактор антикоммуникативного свойства, требующий нейтрализации при переводе. Актуальность изучения данной проблематики обусловлена необходимостью систематизировать разноплановые и порой противоречащие друг другу исследования в области перевода, а также выявить в переводческой парадигме научные лакуны, нуждающиеся в заполнении. В процессе работы методами обобщения и интерпретации результатов были выявлены основные подходы к изучению ключевых понятий переводоведения: сопоставительно-трансформационный и коммуникативно-функциональный. В качестве ключевых понятий, релевантных для изучения фактора «культура» в переводе, были выбраны «лингвоэтнический барьер», «без/эквивалентность», «не/переводимость», «стратегии лингвокультурной адаптации текста». Особое внимание уделяется определению проблемных областей науки о переводе, требующих дальнейшей разработки, что расширит представление о состоянии современных переводческих культурно-ориентированных исследований, а также внесет вклад в общую теорию перевода.

Ключевые слова:
переводческие исследования; лингвоэтнический барьер; культурологический аспект перевода; проблема переводимости; безэквивалентность; лингвокультурная адаптация при переводе.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The thesis research carried out over the past 11 years in line with the culturally oriented concept of translation is considered. The main views on the problems of translation presented in more than 200 thesis in the specialty 10.02.20 for 2009—2020 are summarized. The novelty of this study lies in the fact that for the first time an attempt is made to review thesis research on translation topics, considering the "cultural component" as an anticommunicative factor that requires neutralization during translation. The relevance of studying this issue is due to the need to systematize diverse and sometimes contradictory studies in the field of translation, as well as to identify scientific gaps in the translation paradigm that need to be filled. In the process of work, the methods of generalization and interpretation of the results revealed the main approaches to the study of key concepts of translation studies: comparative-transformational and communicative-functional. The key concepts relevant for the study of the factor "culture" in translation were "linguo-ethnic barrier", "without / equivalence", "non / translatability", "strategies for linguocultural adaptation of the text". Particular attention is paid to identifying problem areas of the science of translation that require further development, which will expand the understanding of the state of modern translation, culturally oriented research, as well as contribute to the general theory of translation.

Key words:
translation research; linguo-ethnic barrier; the cultural aspect of translation; the problem of translatability; lack of equivalence; linguocultural adaptation in translation.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’25+001.8(043.3)

Современные диссертационные исследования лингвокультурологических факторов в теории и практике перевода: подходы, лакуны, перспективы

© Тимко Н.В., 2021

1. Введение

Переводоведческие исследования в русле антропоцентрической парадигмы, ещё начиная с 70-х годов прошлого столетия, рассматривали переводческую деятельность в рамках коммуникативного подхода [Бархударов, 2008; Каде, 1978; Комиссаров, 2011; Латышев, 2000; Найда, 1978; Нойберт, 1978; Рецкер, 2010; Цвиллинг, 2010; Швейцер, 1988 и др.], в частности, как взаимодействие не только межъязыковое, но и культурное [Влахов и др., 2012 и др.]. В центре внимания находились также изучение перевода как деятельности, которая отличается от других видов языкового посредничества [Латышев и др., 2003; Швейцер, 1988 и др.], анализ механизмов создания языка текста как норм в процессе перевода [Брандес и др., 1999 и др.], исследование истории перевода и переводческой деятельности [Копанёв, 1972; Фёдоров, 1983 и др.], дидактика перевода [Миньяр-Белоручев, 1996 и др.]. В настоящее время теория перевода стала междисциплинарным явлением, она включает в себя аспекты лингвистики, психолингвистики [Пищальникова, 2007 и др.], лингвокультурологии [Хроленко, 2000 и др.], социолингвистики [Марковина и др., 2010 и др.] и других наук.

Развитие переводческой науки сопровождалось появлением новых проблемных вопросов и формированием соответствующих исследовательских задач. Цель настоящей статьи — изучить состояние диссертационных исследований, выполненных в русле культурно-ориентированной концепции перевода за последние 11 лет. Задачами нашего исследования стали (1) анализ основных подходов к раскрытию ключевых понятий переводоведения, (2) рассмотрение узловых моментов и принципов диссертационных исследований, (3) определение спектра вопросов, требующих разработки в будущем. Материалом для исследования послужили на первом этапе 1483 наименования диссертаций (докторских и кандидатских, защищённых в период с 2009 по 2020 годы по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание, теория перевода»), на втором этапе 202 диссертации, которые были выделены методом сплошной выборки, так или иначе затрагивающие, по нашему мнению, проблему культурологического фактора в переводе.

CC BY

В настоящий момент научно-исследовательская парадигма диссертационных переводческих исследований, выполненных в рамках семиотики культуры, неоднородна. Переводоведение, как и любая другая теоретическая дисциплина, не исключает возможности существования разных, и даже противоположных друг другу, подходов по отношению к объекту изучения. При этом перевод, конечно, изучается и осуществляется в рамках заявленной антропоцентрической парадигмы, однако представления о его основных понятиях уточняются и расширяются (вопросы безэквивалентности, культурно-прагматической адаптации, перевода цветообозначений и эвфемизмов, языковой репрезентации концептосфер, фреймов, семантических полей), появляются новые идеи (исследование лингвокультурных типажей и феминистского дискурса в аспекте перевода, передачи вербализованных в исходном тексте культурных ценностей и ценностных ориентаций).

В отобранных для данного исследования переводческих диссертациях, по нашему наблюдению, используются два основных подхода: сопоставительно-трансформационный (с учетом сопоставительного изучения языков переводческая деятельность суть процесс трансформирования совокупности характеристик исходного текста в совокупность характеристик переводного текста по определенным правилам) и коммуникативно-функциональный (рассматривает переводческую деятельность в рамках определённой коммуникативной ситуации, включает такие факторы, как целеполагание коммуникантов, цель перевода, характер и результаты переводческой деятельности).

Рассмотрим применение данных подходов в рамках основных проблемных областей, релевантных для культурно-ориентированных переводческих исследований: выявление лингвоэтнического барьера в переводе и понимание сути переводческой деятельности; трактовка и понимание центральной проблемы перевода — эквивалентности и связанной с этим проблемой переводимости / непереводимости; способы достижения эквивалентности в переводе (основные стратегии и используемые при этом трансформации / тактики).

2. Подходы к изучению лингвоэтнического барьера

Рассмотрим трактовку ключевого понятия, выражающего суть проявления фактора «культура» в переводе. В переводоведении существует устоявшийся термин *лингвоэтнический барьер* (термин Л. К. Латышева), который определяется как «расхождение лингвоэтнических коммуникативных ситуаций, включающих совокупность таких факторов, как расхождение систем ИЯ (исходного языка. — *Н. Т.*) и ПЯ (переводящего языка. — *Н. Т.*);

CC BY

норм ИЯ и ПЯ; узусов, действующих в коллективах носителей ИЯ и носителей ПЯ; расхождение коммуникативно релевантных преинформационных запасов у носителей ИЯ и носителей ПЯ» [Латышев и др., 2003, с. 35].

Авторы диссертационных работ рассматривают данное понятие в рамках используемых ими научно-исследовательских подходов. Ряд учёных применяют термин *лингвоэтнический барьер* в довольно узком значении, понимая под ним лишь расхождение языковых систем, узусов, фоновых знаний, внутриязыкового содержания [Алексейцева, 2009; Войнич, 2010]. Другие исследователи данный термин не используют, но говорят о лингвокультурной асимметрии в межкультурной коммуникации и переводческом пространстве [Гончар, 2009; Сардарова, 2016], о несовпадающем способе концептуализации и языкового выражения окружающей действительности [Макарова, 2011; Святова, 2016], о разнице в культурных и лингвистических феноменах [Георгиева, 2013], о языковой и культурной «лакунарности» [Бекасов, 2012; Коптева, 2009].

В рамках коммуникативно-функционального подхода лингвоэтнический барьер рассматривается не только с позиции сопоставления лингвокультур, но и как специфическая *ситуация* межъязыкового / межкультурного общения, в которой участники пользуются различными языковыми средствами выражения смысла [Васильев, 2010; Гусаров, 2013; Сдобников, 2015]. Подчёркивается теологическая двойственность произведений, составляющих «переводной дискурс» (языковой + культурный барьер) [Алексеева, 2016].

Разное понимание термина *лингвоэтнический* в переводческой деятельности приводит исследователей и к разным представлениям о сути перевода как средства межкультурной коммуникации. С позиции сопоставительно-трансформационного подхода учёные анализируют несовпадения в сопоставляемых языках для дальнейшего определения закономерных соответствий. На теорию перевода переносятся принципы теории речевой деятельности в плане различия прагматических потенциалов высказывания и перевода [Моторина, 2014; Тельминов, 2013]. Предлагается типология этнолингвокультурной асимметрии в процессе перевода, выявляются способы её воздействия на результат перевода [Гончар, 2009], исследуются лексические несовпадения в сопоставляемых лингвокультурах [Добровольский, 2009; Колосова, 2013; Метельская, 2012; Суровцева, 2009 и др.] для определения переводческих соответствий в процессе лингвокультурной адаптации текста [Гусаров, 2009; Перцев, 2009; Писковец, 2017].

«Осмысление “перевода” в рамках коммуникативно-функционального подхода предполагает его рассмотрение не как процесса преобразования текста на одном языке в текст на другом языке, а как *инструмента* (курсив

CC BY

наш. — *Н. Т.*) осуществления предметной деятельности разноязычными коммуникантами в рамках ситуации межъязыковой коммуникации с учётом функций, выполняемых оригиналом и переводом» [Сдобников, 2015, с. 23]. Данная парадигма позволяет выявить прямую взаимосвязь переводческого процесса (а также действий, осуществляемых переводчиком) и коммуникативной ситуации, в которой осуществляется перевод. В докторской диссертации В. В. Сдобникова приводится типология коммуникативных ситуаций с использованием перевода [Там же, с. 62—125], а также алгоритм анализа коммуникативной ситуации переводчиком. Создание подобной типологии позволило заполнить научную лакуну, которая существовала до этого в переводоведении.

В рамках коммуникативно-функционального подхода перевод также рассматривается как «пространство, как форма бытия межъязыкового, межкультурного и межличностного взаимодействия» [Георгиева, 2013, с. 5], как дискурс [Алексеева, 2016], анализируются внутренние и внешние обменные процессы, которые имеют место в коммуникативной ситуации перевода [Васильев, 2010], личность переводчика получает осмысление как вторичная языковая личность [Сардарова, 2016].

На наш взгляд, причиной развития разных подходов к сущности перевода и изучению лингвоэтнического барьера является множественность трактовок базовых понятий «язык» и «культура», неоднозначное понимание их взаимоотношения и взаимовлияния. С учетом «интеракциональной / деятельностной составляющей культуры» [Гришаева и др., 2004, с. 20] в рамках лингвоэтнического барьера как ситуации межъязыкового и межкультурного общения коммуникативно-функциональный подход (хотя не стоит отвергать возможность использовать подход сугубо лингвистический / сопоставительно-трасформационный) позволяет с наибольшей эффективностью выделить самые значимые характеристики и качества переводческой деятельности; определить зависимость общей стратегии перевода и средств реализации этой стратегии (технологическая составляющая) от структуры речевой ситуации.

Объединяющим диссертационные исследования фактором является общее понимание того, что лингвоэтнический барьер — это то объективно существующее препятствие (дисбаланс), который переводчику нужно нейтрализовать (гармонизировать) в предложенной ситуации общения. Переводчику надлежит нейтрализовать лишь тот барьер, который образуется из-за принадлежности участников общения к разным лингвокультурам. В этом смысле барьер — это некий инструмент (фильтр), трансформирующий нелингвистические знания в лингвистические компоненты смысла текста.

CC BY

3. Трактовки эквивалентности в переводе

Ключевым для переводческих исследований с самого начала становления переводоведения как науки является понятие эквивалентности. В устоявшемся научном понимании эквивалентность определяется как равноценность / тождественность / адекватность текстов оригинала и перевода, как основная задача, которую призван выполнить перевод, см. [Основные понятия …, 2010, 220—221]. На разных этапах развития переводоведения строились различные модели перевода, выделялись различные уровни эквивалентности, при этом подчёркивалось, что она не всегда тождественна адекватности.

Однако любое структурирование уровней эквивалентности в силу принципиальной сложности всякой системы всегда относительно, условно, так как описывает лишь определённый аспект. Ведь степень эквивалентности зависит от множества оснований, которые необходимо учитывать при переводе: от характера коммуникативной ситуации и целеполагания в переводе; от того, насколько лингвокультуры, в рамках которых осуществляется перевод, далеки друг от друга; от типов переводимых текстов и т. п. Видимо, именно это обстоятельство — огромное количество факторов, которые нужно учитывать при переводе, — не позволяет вывести «формулу» эквивалентности, определить единственно возможный критерий, лежащий в её основе.

Итак, понятие «эквивалентность» трактуется и осмысливается авторами рассматриваемых нами диссертационных исследований по-разному. В исследованиях, опирающихся на сопоставительно-трансформационный метод, особое внимание уделяется специфическим проблемам семантики и переносу семантического содержания из исходного языка в переводящий язык; авторы стремятся выявить лакуны или безэквиваленты и систематизировать все те пробелы, из которых такая лакуна складывается [Алексейцева, 2009; Писарихина, 2012; Самохина, 2012; Сардарова, 2016; Святова, 2016], описывают случаи асимметрии речевого поведения [Моторина, 2014; Тельминов, 2013], выявляют асимметрию в переводе художественного текста [Гончар, 2009; Добровольский, 2009].

С позиции коммуникативно-функционального подхода акцент уже делается не на выявлении культурно-языковых различий, а на поиске соответствий, релевантных для каждой конкретной ситуации перевода в зависимости от его целей. Таким образом, преодолевается ограниченность традиционного, сугубо лингвистического подхода к переводу. Например, когда речь идёт об эквивалентности художественных текстов, утверждается, что при переводе художественного произведения должна быть обеспечена эквивалентность не на языковом уровне, а на уровне художественных приёмов, которые рассматриваются не изолированно, а в рамках конкрет-

CC BY

ного культурного и временного контекста, в котором они используются [Васильев, 2010; Гусаров, 2013].

В некоторых работах «эквивалентность» отождествляется с «адекватностью» [Писарихина, 2012; Сардарова, 2016]. В других исследованиях, напротив, эти понятия не рассматриваются как идентичные, хотя эквивалентный и адекватный переводы представляются как тесно взаимосвязанные. Авторы таких работ трактуют перевод более широко — как результат лингвопрагматической адаптации текста — и рассматривают его как синоним «хорошего» перевода, который обеспечивает необходимую полноту межъязыковой и межкультурной коммуникации в конкретных условиях речевого общения [Васильев, 2010; Георгиева, 2013; Гусаров, 2013; Моторина, 2014; Цепков, 2015].

Мы разделяем мнение учёных, которые рассматривают эквивалентность не как тождество, а как «диалектическое отношение между знаками и структурами в текстах на ИЯ и ПЯ и вокруг них» [Липатова и др., 2011, с. 107]. Они являются ключевыми информационно-культурными характеристиками, которые, с одной стороны, определяют функциональную нагрузку исходного текста в оригинальной культуре, с другой стороны, служат опорными точками для создания функционально эквивалентного перевода в целевой культуре [Цепков, 2015]. «Словарная эквивалентность (как соответствие всех мельчайших элементов смысла, иначе говоря, тождественность) не играет критической роли для перевода, так как процесс перевода — формирование текста эквивалентного оригиналу, результат — сам эквивалентный текст» [Бекасов, 2012, с. 58]. В связи с этим необходимо учитывать не только смысловые пропозиции текста, но характер коммуникативной ситуации с использованием перевода и цель осуществления перевода, что в дальнейшем поможет переводчику определить выбор переводческих стратегий.

Несмотря на существенный вклад авторов диссертаций в разработку вопроса об эквивалентности, эту проблему нельзя считать окончательно решённой, поскольку, как было отмечено выше, в настоящий момент нет единой универсальной комплексной модели эквивалентности (как нет унифицированного подхода к определению языка и культуры). Перспективой будущих исследований может также стать выработка целостного рассмотрения принципов эквивалентности, что позволит существенно уточнить критерии оценки с учётом содержания конкретного высказывания и смысловой структуры произведения в целом.

4. Осмысление безэквивалентности и непереводимости

В рамках переводоведения отдельно от эквивалентности и адекватности изучаются противоположные категории — безэквивалентности и неперево-

CC BY

димости. Осмысление безэквивалентности предстаёт как единый непрерывный процесс в рамках дискуссии по не/переводимости. Научная дискуссия о непереводимости на протяжении долгого времени была сконцентрирована вокруг двух полярных позиций. Ряд исследователей считали, что адекватный перевод в принципе невозможен, приводя в пример случаи, когда лингвокультурная асимметрия практически исключала равенство коммуникативных реакций получателей оригинала и перевода на исходный и переводной тексты. В рамках данного отношения к переводу существовало два мнения: полноценный перевод невозможен и полноценный перевод возможен, но только для отдельных типов текстов и только на определённых участках текста. Другие учёные отстаивали позиции «принципиальной переводимости», ссылаясь на случаи эффективности и успешности опосредованной двуязычной коммуникации, что подтверждалось общественной практикой. С течением времени фокус исследователей смещался то в одну, то в другую сторону, стремился к поиску золотой середины.

Дискуссии по безэквивалентности и непереводимости находят своё отражение в диссертационных исследованиях. Во-первых, следует признать их полидисциплинарную и практическую направленность. Широкий полидисциплинарный подход, используемый в переводческих работах (с привлечением данных лингвокультурологии, психолингвистики, аксиоматики, лингвострановедения), даёт плодотворные результаты, позволяет учёным многостороннее осмыслить феномен непереводимости как объективно существующую невозможность передать текст вообще без каких-либо потерь (или, наоборот, приращений) в условиях межъязыковой коммуникации, но эти потери являются вполне естественными в силу расхождения языков и культур и требуют применения определённых стратегий (в этом авторы диссертационных исследований солидарны).

Непереводимость рассматривается ими с позиции безэквивалентности на основе сопоставления языков на лексическом уровне [Писарихина, 2012; Святова, 2016; Цепков, 2015], с позиции неодинакового выражения темпоральных и пространственных отношений в сопоставляемых лингвокультурах [Георгиева, 2010; Макарова, 2011], с позиции неравнозначного выражения в тексте этнокультурных норм поведения [Моторина, 2014], с позиции асимметрии (в переводческом пространстве) в широком смысле слова [Гончар, 2009], «с точки зрения лакунарности, которая трактуется как отсутствие в переводящем языке готового обозначения для понятия, выраженного в рамках текста или системы текстов на ИЯ, словом или устойчивым словосочетанием, входящим в лексико-тематическую сетку этого текста» [Бекасов, 2012, с. 15]. Мы разделяем точку зрения М. Д. Бекасова, который утверждает, что с уже выявленными лакунами чаще всего

CC BY

работает лингвокультурология, а теория перевода призвана эти лакуны обнаружить в процессе поиска в принимающей лингвокультуре соответствий единицам исходного языка [Там же].

Значительный вклад в осмысление феномена безэквивалентности внесло докторское исследование М. Л. Алексеевой [Алексеева, 2016]. Новой является сама форма представления феномена «безэквивалентность»: историко-философская дискуссия в рамках сменяющих друг друга постулатов переводимости / непереводимости. Автор утверждает, что «безэквивалентная лексика — это не единичные разрозненные случаи, специфичные для какого-то языка, типа текста или временного периода, а явления с ярко выраженным категориальным характером» [Там же, с. 25]. М. Л. Алексеевой также разработана методика выделения безэквивалентной лексики и предложена концепция словаря-справочника безэквивалентной лексики в диахроническом аспекте.

В рамках проблематики безэквивалентности и непереводимости остаётся, однако, ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения: выработка чётких критериев для определения безэквивалентной лексики (в реферируемых исследованиях наблюдается терминологическая разобщённость: безэквивалентная лексика трактуется как тождественное понятие реалиям, лингвокультуремам, лакунам, единицам лингвокультурной информации, культурно-маркированной, фоновой, коннотативной лексике и т. д.); создание и разработка классификационных оснований для систематизации случаев непереводимости (создание транслатологической классификации типов текстов, где учитывается степень не/переводимости текстов на основе наличия, сочетания и концентрации в исходном тексте так называемых «компонентов переводимости»; разработка типологии переводческих ошибок, связанных с переводом безэквивалентной лексики; установление объективных критериев отбора языковых единиц для словников и словарей безэквивалентной лексики).

5. Стратегии лингвокультурной адаптации текста при переводе

Заключительный вопрос, требующий освещения в данной работе в рамках поставленной цели, — вопрос о стратегиях перевода.

В теории перевода под стратегией понимают «план действий, который вырабатывает переводчик» [Крюков, 1989 и др.], «программу практических действий или технологию» [Латышев, 2003; Швейцер, 1988 и др.], «методы перевода» [Миньяр-Белоручев, 1996 и др.], «совокупность приёмов» [Волкова, 2010 и др.], «алгоритм действий переводчика, направленный на создание текста перевода» [Алексеева, 2006 и др.], «определённую генеральную линию поведения в соответствии с осознанной переводчиком конечной целью перевода» [Гарбовский, 2018 и др.].

CC BY

В ряде исследований стратегии лингвокультурной адаптации текста рассматриваются довольно прямолинейно: «Стратегия лингвокультурной адаптации текста реализуется за счет выбора переводчиком одной из стратегий перевода — буквального перевода (форенизации), смыслового перевода (доместикации) или “золотой середины”» [Войнич, 2010, с. 6]. Обобщения других исследователей по поводу переводческих стратегий сводятся либо к доместикации (элиминированию национально-культурной специфики) [Сардарова, 2016], либо к экспликации [Алексейцева, 2009]. В некоторых работах утверждается положение о разных типах трансляции: дисгармоничная трансляция — переводческая ошибка, точная трансляция — адекватность, тождественная трансляция — эквивалентность, гармоничная трансляция — гармония [Георгиева, 2013]. Подобные подходы, на наш взгляд, являются весьма ограничивающими и не дают комплексного представления о переводческой деятельности в рамках конкретной коммуникативной ситуации.

Есть, однако, ряд кандидатских диссертационных исследований, в которых предпринимаются серьёзные и значимые попытки исследовать стратегии перевода как зависящие от типа текста [Цепков, 2015]; выделить типы эквивалентности и соответствующие им переводческие приёмы [Гусаров, 2013]; обратить серьёзное внимание на лингвистический и культурологический анализ текста оригинала для перевода [Васильев, 2010]. Авторы предлагают стратегию коммуникативно-равноценного перевода, который включает в себя прагматическую адаптацию текста [Васильев, 2010; Гусаров, 2013], отражение индивидуального стиля автора, передачу стилистической специфики текста, использование тактик сохранения национального колорита и хронологической адаптации исходного текста [Алексеева, 2016], тактики сохранения образной системы, функций формально-структурных характеристик текста. Для перевода художественного текста подобные тактики должны использоваться комплексно.

Масштабному и комплексному анализу переводческие стратегии были подвергнуты в докторском исследовании В. В. Сдобникова, который под стратегией понимает «общую программу осуществления переводческой деятельности в условиях определённой коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемую специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода, и, в свою очередь, определяющую характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации» [Сдобников, 2015, с. 24]. Как уже было отмечено выше, В. В. Сдобниковым разработаны все типы коммуникативных ситуаций (включая и ситуацию устного перевода), которые достаточно однозначно определяют выбор той или иной стратегии: коммуникативно-рав-

CC BY

ноценного перевода; терциарного перевода (перевода в интересах третьих лиц); переадресации (сокращённый перевод, адаптация, которые автор рассматривает не как другие виды языкового посредничества, а как виды перевода в конкретной переводческой ситуации) [Там же, с. 130—198]. Подобная типология коммуникативных ситуаций и применимых к ним стратегий перевода (включающих в себя конкретные тактики / приёмы) открывает широкую перспективу дальнейших переводческих исследований для каждого конкретного типа текста.

6. Заключение

Анализ диссертационных культурно-ориентированных исследований по переводу показал, что существует два основных исследовательских подхода: сопоставительно-трансформационный и коммуникативно-функциональный. Переводчик имеет дело с целостным образом языка текста, в связи с чем исследование языковой и коммуникативно-смысловой форм в тексте перевода должно осуществляться в их взаимосвязи, поскольку языковая форма обеспечивает выразительность, а смысловая форма основывается на принципе её репрезентации.

Проблематика переводческих культурно-ориентированных исследований, хотя и в несколько обновлённом виде, затрагивает суть основные вопросы: сущность переводческой деятельности, достижение эквивалентности в переводе, нейтрализацию в переводе лингвоэтнических различий, стратегии и способы достижения эквивалентности.

Несмотря на новые грани в подходе к определению сущности переводческой деятельности, остается ряд вопросов, требующих уточнения, среди которых роль переводчика в современном многокультурном мире; требования, предъявляемые к его деятельности и продукту его деятельности, к процессу создания этого продукта в свете новых подходов к переводу. Более пристального рассмотрения требуют проблемы конструктивной организованности высказывания, выражающей текстовый смысл; выявления этого смысла и сохранения его в переводе в полном объёме; чёткого определения рамочных норм и вариантных правил перевода. Дальнейшему изучению должен быть подвергнут вопрос о языковой личности переводчика, его языковом сознании, обусловленном влиянием национальной картины мира.

Также в связи с тем, что в последние 10—20 лет условия осуществления переводческой деятельности претерпели значительные изменения (использование информационных технологий, платформ, сред, системы переводческой памяти), и в связи с распространением новых видов перевода (локализация, социальный перевод, трансадаптация и т. д.) крайне важным

CC BY

представляется появление новых, практико-ориентированных переводческих исследований, поскольку суть перевода, несмотря на всё многообразие его видов, одна — обеспечить соответствие результирующего текста ожиданиям и потребностям получателя / потребителя.

Источники

1. *Алексеева М. Л.* Проблема лексической безэквивалентности в науке о переводе : исторический, теоретический и лексикографический аспекты : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.20 / М. Л. Алексеева. — Екатеринбург, 2016. — 415 с.

2. *Алексейцева Т. А.* Экспликация как способ преодоления межъязыковой и межкультурной асимметрии в переводе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Т. А. Алексейцева. — Санкт-Петербург, 2009. — 26 с.

3. *Бекасов М. Д.* Переводческий аспект лакунарности : на материале английского и русского языков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. Д. Бекасов. — Москва, 2012. — 18 с.

4. *Васильев С. К.* Лингвистический и культурологический анализ текста оригинала для перевода : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / С. К. Васильев. — Москва, 2010. — 22 с.

5. *Войнич И. В.* Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / И. В. Войнич. — Пермь, 2010. — 20 с.

6. *Георгиева Н. Ю.* Адаптивные стратегии трансляции темпоральных смыслов : на материале англоязычного и русскоязычного делового дискурса : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Н. Ю. Георгиева. — Тюмень, 2013. — 24 с.

7. *Гончар Н. Г.* Асимметрия в переводе художественного текста : этнолингвокультурный аспект : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Н. Г. Гончар. — Тюмень, 2009. — 20 с.

8. *Гусаров Д. А.* Прагматика перевода : культурологический аспект : сопоставительный анализ на материале немецко-русских и англо-русских переводов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Д. А. Гусаров. — Москва, 2009. — 11 с.

9. *Гусаров Д. А.* Языковое выражение смысла в условиях лингвоэтнического барьера : прагматический аспект немецко-русских и англо-русских переводов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Д. А. Гусаров. — Москва, 2013. — 17 с.

10. *Добровольский Б. Д.* Лексические трудности перевода в лингвокультурном аспекте : на материале романа Кристы Вольф «Медея» и поэмы Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Б. Д. Добровольский. — Москва, 2009. — 10 с.

11. *Колосова М. В.* Лексические средства выражения желательности в английском и русском языках : сопоставительный анализ : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. В. Колосова. — Москва, 2013. — 15 с.

12. *Коптева О. В.* Лакунарность в английском языке на фоне русских соответствий : на материале английского перевода романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / О. В. Коптева. — Казань, 2009. — 15 с.

13. *Макарова М. В.* Лингвокультурная специфика репрезентации пространственных отношений в русском и немецком языках : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. В. Макарова. — Волгоград, 2011. — 10 с.

14. *Метельская Е. В.* Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах : на материале зоонимов английского и русского языков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. В. Метельская. — Пятигорск, 2012. — 12 с.

15. *Моторина Н. В.* Лингвокультурные скрипты традиционного коммуникативного поведения в России и Англии : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. В. Моторина. — Волгоград, 2014. — 12 с.

16. *Перцев Е. М.* Русская лексика в английском газетном тексте : способы передачи национально-культурного компонента : на материалах газеты «The Moscow Times» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. М. Перцев. — Москва, 2009. — 23 с.

17. *Писарихина А. С.* Проблема переводческой эквивалентности и безэквивалентности лексических единиц в переводах поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» на немецкий язык : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / А. С. Писарихина. — Москва, 2012. — 22 с.

18. *Писковец Т. А.* Национально-культурная специфика австралийских художественных текстов и ее межъязыковая передача : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Т. А. Писковец. — Москва, 2017. — 24 с.

19. *Самохина И. А.* Интерпретационный потенциал культурно-исторических реалий в разных видах перевода художественного текста : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / И. А. Самохина. — Тверь, 2012. — 18 с.

20. *Сардарова А. А.* Переводчески релевантная лингвокультурная специфика художественного текста : психолингвистический аспект : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / А. А. Сардарова. — Москва, 2016. — 22 с.

21. *Святова М. И.* Структурно-семантический состав культурно-маркированной лексики в сопоставительном аспекте : на материале произведений В. М. Шукшина и их переводов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / М. И. Святова. — Москва, 2016. — 20 с.

22. *Сдобников В. В.* Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.20 / В. В. Сдобников. — Москва, 2015. — 492 с.

23. *Суровцева И. Г.* Сопоставительный анализ лексики нравственных отношений в английском и русском языках : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / И. Г. Суровцева. — Москва, 2009. — 16 с.

24. *Тельминов Г. Н.* Коммуникативные тактики вежливости в американской и российской Интернет-рекламе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Г. Н. Тельминов. — Екатеринбург, 2013. — 10 с.

25. *Цепков И. В.* Лингвокультурологические и прагматические факторы перевода терминов-реалий : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / И. В. Цепков. — Москва, 2015. — 28 с.

Литература

1. *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2006. — 352 с. — ISBN 5-8465-0101-X.

2. *Брандес М. П.* Предпереводческий анализ текста / М. П. Брандес, В. И. Повторов. — Курск : Издательство РОСИ, 1999. — 224 с. — ISBN 5-89191-038-1.

3. *Влахов С.* Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — Москва : Издательство Р. Валент, 2012. — 406 с. — ISBN 978-5-93439-323-7.

4. *Волкова Т. А.* Дискурсивно-коммуникативная модель перевода / Т. А. Волкова. — Москва : Флинта, 2010. — 200 с. — ISBN 978-5-9765-1099-9.

5. *Гарбовский Н. К.* Теория перевода : учебник и практикум для академического бакалавриата / Н. К. Гарбовский. — Москва : Издательство Юрайт, 2018. — 387 с. — ISBN 978-5-534-07251-8.

6. *Гришаева Л. И.* Введение в теорию межкультурной коммуникации / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. — 424 с.

7. *Каде О.* Проблемы перевода в свете теории коммуникации / О. Каде // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сборник научных трудов. — Москва : Международные отношения, 1978. — С. 67—91.

8. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. — Москва : Издательство Р. Валент, 2011. — 408 с. — ISBN 978-5-93439-455-5.

9. *Копанёв П. И.* Вопросы истории и теории художественного перевода / П. И. Копанёв. — Минск : БГУ им. Ленина, 1972. — 294 с.

10. *Крюков А. Н.* Теория перевода. Курс лекций / А. Н. Крюков. — Москва : Военный краснознаменный институт, 1989. — 176 с.

11. *Латышев Л. К.* Перевод : теория, практика и методика преподавания / Л. К. Латышев, А. Л. Семёнов. — Москва : Академия, 2003. — 192 с. — ISBN 5-7695-2486-3.

12. *Латышев Л. К.* Технология перевода / Л. К. Латышев. — Москва : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. — 280 с. — ISBN 5-89191-022-5.

13. *Липатова В. В.* Понятия эквивалентности и адекватности в преподавании перевода в высшей школе на современном этапе / В. В. Липатова, А. В. Литвинов // Вестник РУДН. Серия : Лингвистика. — 2011. — № 4. — С. 105—113.

14. *Марковина И. Ю.* Культура и текст. Введение в лакунологию : учебное пособие / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. — Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2010. — 144 с. — ISBN 978-5-9704-1563-4.

15. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. — Москва : Московский лицей, 1996. — 207 с. — ISBN 5-7611-0023-1.

16. *Найда Ю.* К науке переводить / Ю. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сборник научных трудов. — Москва : Международные отношения, 1978. — 229 с.

17. *Нойберт А.* Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сборник научных трудов. — Москва : Международные отношения, 1978. — С. 185—201.

18. *Основные* понятия переводоведения : Отечественный опыт. Терминологический словарь-справочник / В. Н. Базылев и др. — Москва : ИНИОН РАН, 2010. — 260 с. — ISBN 978-5-248-00512-3.

19. *Пищальникова В. А.* История и теория психолингвистики / В. А. Пищальникова. — Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2007. — 228 с.

20. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. — Москва : Р. Валент, 2010. — 244 с. — ISBN 978-5-93439-238-4.

21. *Фёдоров А. В.* Основы общей теории перевода / А. В. Фёдоров. — Москва : Высшая школа, 1983. — 303 с.

22. *Хроленко А. Т.* Лингвокультуроведение : пособие к спецкурсу по проблеме «Язык и культура» / А. Т. Хроленко. — Курск : ГУИПП «Курск», 2000. — 168 с. — ISBN 5-88562-097-0.

23. *Цвиллинг М. Я.* О переводе и переводчиках / М. Я. Цвиллинг. — Москва : Восточная книга, 2009. — 286 с.

24. *Швейцер А. Д.* Теория перевода : Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. — Москва : Наука, 1988. — 215 с.

Material resources

Alekseeva, M. L. (2016). *The problem of lexical equivalence in the science of translation: historical, theoretical and lexicographic aspects.* Doct. Diss. Yekaterinburg. 415 p. (In Russ.).

Alekseitseva, T. A. (2009). *Explication as a way to overcome interlanguage and intercultural asymmetry in translation.* Author's abstract of PhD Diss. Saint-Petersburg. 26 p. (In Russ.).

Bekasov, M. D. (2012). *The translation aspect of lacunarity: on the material of English and Russian languages.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 18 p. (In Russ.).

Dobrovolsky, B. D. (2009). *Lexical difficulties of translation in the linguocultural aspect: on the material of Krista Wolf's novel "Medea" and Venedikt Erofeev's poem "Moscow-Petushki".* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 10 p. (In Russ.).

Georgieva, N. Yu. (2013). *Adaptive strategies for the translation of temporal meanings: on the material of the English-language and Russian-language business discourse.* Author's abstract of PhD Diss. Tyumen. 24 p. (In Russ.).

Gonchar, N. G. (2009). *Asymmetry in the translation of a literary text: ethnolinguocultural aspect.* Author's abstract of PhD Diss. Tyumen. 20 p. (In Russ.).

Gusarov, D. A. (2009). *The cultural aspect: comparative analysis on the material of German-Russian and English-Russian translations.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 11 p. (In Russ.).

Gusarov, D. A. (2013). *The pragmatic aspect of German-Russian and English-Russian translations.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 17 p. (In Russ.).

Kolosova, M. V. (2013). *Lexical means of expressing desirability in English and Russian: comparative analysis.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 15 p. (In Russ.).

Kopteva, O. V. (2009). *Lacunarity in the English language against the background of Russian correspondences: on the material of the English translation of the novel by A. S. Pushkin "Eugene Onegin".* Author's abstract of PhD Diss. Kazan. 15 p. (In Russ.).

Makarova, M. V. (2011). *Linguocultural specificity of the representation of spatial relations in the Russian and German languages.* Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 10 p. (In Russ.).

Metelskaya, E. V. (2012). *The image of a person in the English and Russian substandard linguocultures: on the material of zoonyms of the English and Russian languages.* Author's abstract of PhD Diss. Pyatigorsk. 12 p. (In Russ.).

Motorina, N. V. (2014). *Linguocultural scripts of traditional communicative behavior in Russia and England.* Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 12 p. (In Russ.).

Pertsev, E. M. (2009). *Russian vocabulary in the English newspaper text: ways of transmitting the national-cultural component: on the materials of the newspaper "The Moscow Times"*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).

Pisarikhina, A. S. (2012). *The problem of translation equivalence and non-equivalence of lexical units in translations of N. V. Gogol's poem "Dead Souls" into German.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).

Piskovets, T. A. (2017). *National-cultural specificity of Australian literary texts and its interlanguage transmission.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Samokhina, I. A. (2012). *Interpretational potential of cultural and historical realities in different types of translation of a literary text.* Author's abstract of PhD Diss. Tver'. 18 p. (In Russ.).

Sardarova, A. A. (2016). *Translation-relevant linguocultural specificity of a literary text: psycholinguistic aspect.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).

Sdobnikov, V. V. (2015). *The communicative situation as the basis for choosing a translation strategy.* Doct. Diss. Moscow. 492 p. (In Russ.).

Svyatova, M. I. (2016). *Structural and semantic composition of culturally marked vocabulary in the comparative aspect: on the material of V. M. Shukshin's works and their translations.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).

Surovtseva, I. G. (2009). *Comparative analysis of the vocabulary of moral relations in English and Russian.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 16 p. (In Russ.).

Telminov, G. N. (2013). *Communicative tactics of politeness in American and Russian Internet advertising.* Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 10 p. (In Russ.).

Tsepkov, I. V. (2015). *Linguoculturological and pragmatic factors of translation of terms-realities.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 28 p. (In Russ.).

Vasiliev, S. K. (2010). *Linguistic and cultural analysis of the original text for translation.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).

Voynich, I. V. (2010). *Strategies of linguistic and cultural adaptation of a literary text in translation.* Author's abstract of PhD Diss. Perm'. 20 p. (In Russ.).

References

Alekseeva, I. S. (2006). *Introduction to translation studies.* Saint Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 352 p. ISBN 5-8465-0101-X. (In Russ.).

Basic concepts of Translation Studies: Domestic experience. Terminological dictionary-reference. (2010). Moscow: INION RAS. 260 p. ISBN 978-5-248-00512-3. (In Russ.).

Brandes, M. P., Povotorov, V. I. (1999). *Pre-translation analysis of the text.* Kursk: ROSI Publishing House. 224 p. ISBN 5-89191-038-1. (In Russ.).

Fedorov, A. V. (1983). *Fundamentals of the general theory of translation.* Moscow: Higher School. 303 p. (In Russ.).

Garbovsky, N. K. (2018). *Theory of translation: textbook and practice for academic undergraduate studies.* Moscow: Yurayt Publishing House. 387 p. ISBN 978-5-534-07251-8. (In Russ.).

Grishaeva, L. I., Tsurikova, L. V. (2004). *Introduction to the theory of intercultural communication.* Voronezh: Voronezh State University. 424 p. (In Russ.).

Kade, O. (1978). Problems of translation in the light of the theory of communication. In: *Questions of the theory of translation in foreign linguistics: collection of scientific papers.* Moscow: International Relations. 67—91. (In Russ.).

CC BY

Khrolenko, A. T. (2000). *Linguocultural studies: A manual for a special course on the problem "Language and culture"*. Kursk: GUIPP "Kursk". 168 p. ISBN 5-88562-097-0. (In Russ.).

Komissarov, V. N. (2011). *Modern translation studies.* Moscow: Publishing house R. Valent. 408 p. ISBN 978-5-93439-455-5. (In Russ.).

Kopanev, P. I. (1972). *Questions of history and theory of literary translation.* Minsk: BSU. 294 p. (In Russ.).

Kryukov, A. N. (1989). *Theory of translation. Course of lectures.* Moscow: Military Red Banner Institute. 176 p. (In Russ.).

Latyshev, L. K. (2000). *Technology of translation.* Moscow: NVI-THESAURUS. 280 p. ISBN 5-89191-022-5. (In Russ.).

Latyshev, L. K., Semenov, A. L. (2003). *Translation: theory, practice and methodology of teaching.* Moscow: Akademiya. 192 p. ISBN 5-7695-2486-3. (In Russ.).

Markovina, I. Yu., Sorokin, Yu. A. (2010). *Culture and text. Introduction to lacunology: a textbook.* Moscow: GEOTAR-Media. 144 p. ISBN 978-5-9704-1563-4. (In Russ.).

Minyar-Beloruchev, R. K. (1996). *Theory and methods of translation.* Moscow: Moscow Lyceum. 207 p. ISBN 5-7611-0023-1. (In Russ.).

Nayda, Yu. (1978). *To translate science. Questions of translation theory in foreign linguistics: a collection of scientific papers.* Moscow: International Relations. 229 p. (In Russ.).

Neubert, A. (1978). Pragmatic aspects of translation. In: *Questions of the theory of translation in foreign linguistics: a collection of scientific papers.* Moscow: International Relations. 185—201. (In Russ.).

Pishchalnikova, V. A. (2007). *History and theory of psycholinguistics.* Moscow: Moscow State Linguistic University. 228 p. (In Russ.).

Retsker, Ya. I. (2010). *Theory of translation and translation practice.* Moscow: R. Valent. 244 p. ISBN 978-5-93439-238-4. (In Russ.).

Schweitzer, A. D. (1988). *Theory of translation: Status, problems, aspects.* Moscow: Nauka. 215 p. (In Russ.).

Tsvilling, M. Ya. (2009). *About translation and translators.* Moscow: Eastern book. 286 p. (In Russ.).

Vlakhov, S., Florin, S. (2012). *Untranslatable in translation.* Moscow: Publishing house R. Valent. 406 p. ISBN 978-5-93439-323-7. (In Russ.).

Volkova, T. A. (2010). *Discursive and communicative model of translation.* Moscow: Flinta. 200 p. ISBN 978-5-9765-1099-9. (In Russ.)

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Щетинина А. В. Ватник, брексит и *крымнаш* : к вопросу о лексикографировании новых слов с семантикой единения и вражды / А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 139—155. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155.

Shchetinina, A. V. (2021). Lexicography of New Words with the Semantics of Unity and Enmity. *Nauchnyi dialog, 3:* 139-155. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-139-155

Ватник, брексит и крымнаш: к вопросу о лексикографировании новых слов с семантикой единения и вражды

Щетинина Анна Викторовна
orcid.org/0000-0002-9085-8697
кандидат филологических наук, доцент,
anna-73.schetinina@yandex.ru

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

(Екатеринбург, Россия)

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс»).

Lexicography of New Words with the Semantics of Unity and Enmity

Anna V. Shchetinina
orcid.org/0000-0002-9085-8697
PhD in Philology, Associate Professor,
anna-73.schetinina@yandex.ru

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin”

(Yekaterinburg, Russia)

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project № 20-68-46003 “Semantics of unity and enmity in Russian vocabulary and phraseology: system-linguistic data and discourse”).

© Щетинина А.В., 2021

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о лексикографическом описании новых слов, которые появились в русском языке в период с 2000 по 2020 годы, тематических групп «Единение» и «Вражда». Представляется проспект толкового словаря неологизмов, а именно: принципы отбора номинаций для регистрации, структура словарной статьи, правила описания лексической единицы. Отмечается, что регистрации подвергаются языковые факты, в значениях которых семы единения и вражды содержатся в денотативной части значения, и не фиксируются слова, семантика которых обусловлена оценочным отношением говорящих. Обосновывается включение в словарь новых языковых единиц в связи с их отсутствием в других лексикографических источниках или описанием в меньшем объеме, нежели планируется в создаваемом источнике. Указывается, что ведущими принципами регистрации новых слов в создаваемом словаре являются активность их употребления, интегральность описания и установка на отражение языковой картины мира. На примере неологизмов разных частей речи описана структура словарной статьи, в которую входят, помимо заголовочного слова и значения, грамматические, стилистические характеристики, информация о происхождении и валентности, иллюстративный материал, демонстрирующий варианты употребления в речи, эквивалентные лексические единицы, антонимы и дериваты.

Ключевые слова:
неологизмы; лексикография; семантика; лексика единения и вражды.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the lexicographic description of new words that appeared in the Russian in the period from 2000 to 2020, the thematic groups “Unity” and “Enmity” is considered. A prospectus of an explanatory dictionary of neologisms is presented, namely: the principles of selecting nominations for registration, the structure of a dictionary entry, the rules for describing a lexical unit. It is noted that linguistic facts are registered, in the meanings of which the semes of unity and enmity are contained in the denotative part of the meaning, and words, the semantics of which is determined by the evaluative attitude of the speakers, are not recorded. The inclusion of new linguistic units in the dictionary is substantiated due to their absence in other lexicographic sources or a description in a smaller volume than is planned in the source being created. It is pointed out that the leading principles of registering new words in the dictionary being created are the activity of their use, the integrity of the description and the attitude towards the reflection of the linguistic worldview. Using the example of neologisms of different parts of speech, the structure of a dictionary entry is described, which includes, in addition to the heading word and meaning, grammatical and stylistic characteristics, information about the origin and valence, illustrative material demonstrating variants of use in speech, equivalent lexical units, antonyms and derivatives.

Key words:
neologisms; lexicography; semantics; vocabulary of unity and enmity.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1’374.3(038)=161.1

Ватник, брексит и крымнаш: к вопросу о лексикографировании новых слов с семантикой единения и вражды

© Щетинина А.В., 2021

1. Введение

При оценке информационного пространства, в котором живет человек XXI века, стала общим местом сентенция о том, что в современном мире речевая коммуникация организована таким образом, что допускается распространение ложных сведений, «токсичной» информации, оскорбительных высказываний и других явлений негативного характера. Данные экстралингвистические факторы воздействия на современного человека обусловили рождение в языке таких слов и выражений, как *фейк, хейтер, троллинг, абьюз, ресентимент, кремлебот, информационный шум, банить, канселить* и других единиц, появление которых связано с процессом заимствования из других языков, прежде всего английского (*газлайтинг*), или формирования новых значений на основе уже существующих (*ватник*).

В то же время человек всегда стремился к единению с себе подобными по принципу общности территории, профессии, классовой принадлежности, политических, общественных и личных интересов, что также обусловливало в разные исторические периоды появление соответствующих лексем. К новой лексике XXI века относится множество номинаций с семантикой единения / единства: *лайк, бодипозитив, крымнашевцы, лидер мнения, стэнить, вписка, коворкинг* и др. Рассматривая семантический объем концепта ЕДИНСТВО, М. В. Гаврилова делает вывод, что понятие, «являясь ключевым концептом русского политического дискурса начала XXI века, находится в состоянии “лексической эластичности”, объем понятия то расширяется, то сужается, и все эти лексические процессы находятся в постоянном движении» [Гаврилова, 2010, с. 18], что можно отметить и в отношении других сфер социокультурного назначения, в частности, медийного и интернет-дискурса.

Кроме того, анализ современных текстов выявляет новые слова и выражения, которые, обозначая объединения людей на определенных основаниях, например, их действиях, свойствах и других критериях, в то же время связаны с протестом, бунтом, уголовным преступлением и другими подобными коллективными действиями (собственно, такого рода номинации, как и отношения, которые они обозначают, были всегда, ср.: *шайка,*

CC BY

банда, подполье, фронда и др.). Среди новых лексем также есть такие, которые находятся на границе семантики единения и вражды, например, *желтые жилеты, диванные войска, кремлеботы, укры, упоротые оппы, митушность* и др. С одной стороны, они связаны с объединением людей на основании каких-то признаков, с другой — с проявлением протеста, враждебности по отношению к кому- или чему-нибудь.

Регистрация новых слов с семантикой единения и вражды позволит не только описать данный лексический фонд единиц, появившихся в последние десятилетия, но и путем применения квалиметрического метода определить, есть ли существенное количественное различие в продуцировании слов и выражений, относящихся к семантическим множествам «Вражда» или «Единение». По словам Н. З. Котеловой, «потребность в изданиях, знакомящих с лексическими новообразованиями, остро испытывают читатели современной литературы и прессы, все обучающиеся русскому языку, преподаватели и переводчики. Для специалистов-лингвистов пополнения лексики служат материалом для изучения путей развития языка, его связей с обществом, словообразовательных студий» [Котелова, 2015, с. 183]. Помимо этого, фиксирование значений и примеров употребления слов данных групп в текстах разных сфер позволит сделать определенные выводы о том, в каких видах дискурса чаще встречается та или иная лексика, каким интерпретациям подвергается значение каждой лексемы, что приобретает важность с точки зрения когнитивного исследования языка, поскольку «знаки языка не просто служат обозначением физической реальности, слова являются универсальными метафорическими ментальными знаками, вызывающими смоделированное в сознании представление о реальности. Это дает нам возможность конструировать новые реальности, погружаться в них и погружать других» [Одинцова, 2018, с. 76]. Таким образом, мы сможем представить, как современным «человеком пишущим» и «человеком говорящим» концептуально осмысляются и номинируются те фрагменты действительности, которые связаны с проявлением вражды или единения.

2. Принципы описания неологизмов со значением единения и вражды

Материалом для исследования послужили слова и выражения с семантикой единения и вражды, зафиксированные в письменных и звучащих текстах средств массовой информации, социальных сетей, блогов, форумов, то есть тех источников, которые связаны с массовым взаимодействием людей, поскольку в текстах этих сфер жизни фиксируется лексика, актуальная для настоящего времени. Сами неологизмы и их сущностные характеристики находятся в фокусе внимания современных исследовате-

CC BY

лей [Жданова, 2019; Иссерс, 2015; Кошкарова, 2016; Новые слова …, 2020; Шалина, 2007 и др.]. Ее регистрация видится необходимой, так как русский язык постоянно пополняется новыми словами, с одной стороны, а с другой — многие лексические единицы быстро выходят из употребления: «… появляется новое и непривычное, вытесняет старое на периферию, потом это новое автоматизируется, становится массовым и неинтересным и само смещается на периферию, вытесняемое еще чем-то более новым» [Левонтина, 2016, с. 19]. Их фиксирование в словарях дает возможность широкому кругу людей, чья профессиональная деятельность связана с языком, и всем интересующимся процессами, происходящими в языке, увидеть, что находилось в кругу интересов человека в определенный исторический период. В предисловии к «Словарю языка интернета. ru» М. А. Кронгауз, отмечая неизбежность изменений в языке, в частности в интернет-языке, справедливо говорит о том, «что на наших глазах разворачивается уникальный эксперимент над Языком и языками, который надо описывать немедленно и всерьез, потому что это как раз и есть передний край лингвистической науки, где объект исследования приходится все время догонять» [Словарь …, 2016].

Словарь новейшей лексики будет охватывать слова и выражения (идиоматические, составные неидиоматические), которые зафиксированы в письменных и устных текстах, созданных за последние 20 лет (2000—2020). Кроме того, регистрации подвергаются слова, которые отсутствуют в других современных толковых лексикографических источниках или описаны в объеме, существенно отличающемся от семантического объема, заданного параметрами разрабатываемого словаря. Принимая решение о включении лексических единиц в словарь, авторы обращаются к анализу ряда источников, в которых зафиксированы новые слова (все единицы репрезентируются как новые или часть из них), изданных в последние десятилетия [Григоренко, 2009; Жуков, 2009; Захаренко и др., 2003; Катлинская, 2008; Лопатин, 2009; Мокиенко и др., 2000, 2008; Морковкин и др., 2017; Музрукова и др., 2002; Новиков, 2018; Новые слова и значения …, 2014; Новый объяснительный словарь …, 2004; Окунцова, 2009; Русский идеографический словарь …, 2011; Скворцов, 2009; Словарь языка интернета.ru, 2016; Тезаурус русских идиом …, 2018; ТСРЯ XXI, 2008; Фразеологический объяснительный словарь …, 2009; Химик, 2004; Шагалова, 2011; Шведова, 2011 и др.]

Отметим, что большая часть толковых словарей русского языка, изданных в том числе в последние 20 лет, традиционно включает в лексикографическое описание собственно семантему и несколько примеров употребления слова [Лопатин, 2009; Скворцов, 2009; ТСРЯ XXI, 2008 и др.].

CC BY

Ряд словарей последних двух десятилетий реализует в лексикографировании слов и выражений относительно новую методику интерпретационного анализа значений слов в различных контекстах [Морковкин и др., 2017; Новые слова и значения …, 2014; Новый объяснительный словарь …, 2004; Русский идеографический словарь …, 2011 и др.]. Авторы разрабатываемого словаря придерживаются концепции интегрального описания лексики Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1995], опираясь на некоторые принципы, воплощенные в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [Новый объяснительный словарь …, 2004]

В подготавливаемом словаре новейшей лексики словарный материал отбирается, анализируется и описывается на основе принципов актуальности, поскольку для регистрации отбираются языковые единицы, появившиеся в русском языке в последние 20 лет, или ранее известные лексемы, у которых развились новые значения, не зафиксированные другими словарями или зафиксированные в меньшем семантическом объеме, нежели в представляемом словаре; тематического единства, которое определяет отбор лексем и идиоматических выражений, в денотативной части значения которых выявляются семы, относящиеся к сферам единения и вражды; изоморфизма между языковыми фактами и феноменами социальной действительности, в данном случае теми сферами, ситуациями, явлениями и т. п., которые обусловливают появление слов и выражений со значениями вражды и единения. Важно подчеркнуть, что подготавливаемый толковый словарь не относится к числу нормативных изданий, поскольку в нем фиксируется лексика, активно использующаяся в социальных сетях, блогах, на форумах и других платформах, для которых характерен «свободный» стиль общения, то есть больша́я часть новых слов находится за пределами литературного языка, обслуживает сферу неформального общения и принадлежит жаргону, в том числе сетевому, профессиональному и др. Заметим, что для языка средств массовой информации, из текстов которых также извлекается лексика, характерно включение новых жаргонизмов, а кроме того, им свойственно стремление к языковой игре, в результате которой создаются новые единицы пограничного статуса (ср. функционирование хештегов) вроде *крымнаш*, появившегося из частотно воспроизводимого выражения «Крым наш!».

Методика лексикографического описания новейшей лексики в планируемом словаре включает в себя фронтальный просмотр текстов из различных источников (газеты, журналы, форумы, блоги, посты в социальных сетях; материалы, представленные в Национальном корпусе русского языка; рекламные тексты; устный публичный дискурс); выявление значений новых слов осуществляется методом интерпретации контекстной семанти-

CC BY

ки, ассоциативного эксперимента; их описание и редактирование связано с методами семного, дефиниционного и классификационного анализа; для оценки употребительности слова используются количественные методы.

Существует семантическое ограничение материала, который планируется фиксировать в словаре. Авторы собирают слова и выражения, в значениях которых семантика единения и вражды фиксируется в денотативной части, то есть на первый план выступают предмет, явление, свойство, действие и другие понятия, связанные с враждой или единением, а не оценка феномена. Например, для нового слова *абьюз* как производного от *абьюзивные отношения / abusive relationship* можно сформулировать следующее определение: ‘физическое, психологическое, экономическое насилие, которое осуществляется одним человеком в отношении другого с целью подавления воли последнего’. В данном значении семы ‘насилие’ и ‘подавление’ входят в денотативную часть семантемы, поскольку вне зависимости от отношения людей к данному явлению и употребления слова в речи компоненты дефиниции указывают на то, что референтом для слова являются действия определенного свойства — насильственные (*Если человек нападает на вас, вашу внешность, опыт, интеллект, если даёт вам оценки — «ты плохой», «ты бесчувственная» — это уже* ***абьюз*** *и нарушение границ, объясняет Надежда Кутузова*. Не всякая ссора — абьюз. Что мы знаем о психологическом насилии // Profi.ru [АА]).

Приведем другой пример: лексема *краудсорсинг* имеет значение ‘привлечение широкого круга лиц, обладающих творческими способностями, знаниями и опытом в определенной сфере, на безвозмездной добровольной основе или за небольшую плату к решению каких-либо задач’ (*Такой механизм коллективного отбора оптимальных решений или, как называют его эксперты,* ***краудсорсинг —*** *должен стать нормой на всех уровнях*. С. Семушкин Владимир Путин: «Нам не нужна ситуация, когда демократия сводится к вывеске» // Комсомольская правда, 2012.02.05 [НКРЯ]). В данном определении значение объединения людей (репрезентировано семами ‘привлечение’, ‘широкого круга лиц’) ради совместного действия (‘к решению задач’) зафиксировано в денотативной части, безотносительно к оценке понятия.

В словарь не включаются лексемы, в значениях которых отсылка к вражде или единению репрезентируется только в коннотативных семах, то есть на первый план выдвинуто отношение к обозначаемому предмету (как правило, человеку), например, в словарь не входят оскорбительные прозвища людей, созданные на основе их оценки по различным признакам: национальности, политическим убеждениям, физической привлекательности или непривлекательности, свойствам интеллекта и др. (*колорады,*

CC BY

упоротые оппы, майданутые и т. п.), хотя эти слова маркируют (предполагаемую говорящим) принадлежность к числу сторонников какой-либо идеологии, приверженность каким-либо взглядам. Н. Д. Арутюнова отмечает: «Оценка выражает личные мнения и вкусы говорящего, а они различны у разных людей. Во внутреннем мире человека оценка отвечает мнениям и ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле. Это создает ее конфликтность: оценка, порожденная желанием, отлична и от оценки, вытекающей из долга, и от оценки, вызванной нуждой. <…> Оценка социально обусловлена. Ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его части. Мировоззрение и мироощущение, социальные интересы и мода, престижность и некотируемость формируют и деформируют оценки» [Арутюнова, 1988, с. 6]. Номинации, в ядре семантики которых находится субъективное значение оценки, не входят в круг лексики, которая предназначена для регистрирования в заявленном словаре.

3. Сложные случаи описания семантики неологизмов

Языковая игра свойственна участникам современной коммуникации, как неформальной, например, интернет-коммуникации (в мемах, демотиваторах, блогах и других жанрах), так зачастую и вполне официальной (вспомним выражение, которое использовал президент России в отношении представительниц древнейшей профессии, — девушки *с пониженной социальной ответственностью*, — которое получило распространение, в том числе в СМИ: *С его помощью глава государства прокомментировал возможную встречу американского президента Дональда Трампа с русскими девушками из эскорта. «Я с трудом могу себе представить, что он побежал в отель встречаться с нашими девушками* ***с пониженной социальной ответственностью****», — заявил Путин* (Пермский омбудсмен призвал девушек повышать свою социальную ответственность // lenta.ru, 2017.04.20); *Участники ток-шоу «Места встречи» так и говорили: «Это письмо компрометирует американскую журналистику, это скорее люди* ***с пониженной социальной ответственностью*** *(дружный понимающий смех в студии), Трампу нужно будет перевоспитывать журналистов»* (И. Петровская. Ничего сенсационного: просто Михаил Леонтьев указал журналистам их место // Новая газета, 2017.01.21) [НКРЯ].

В результате языковой игры нередко появляются новые слова и выражения, описания которых вызывает определенные трудности в связи с неочевидностью их лексико-грамматических характеристик. Так, например, выражение *«Крым наш!»* в результате языковой игры и функционирования в качестве хештега трансформировалось в лексему, которая оформляется

CC BY

как апеллятив *крымнаш*, чьи лексико-грамматические характеристики требуют специального изучения. Или номинация патриотически настроенного человека — *ватник*, — которая так же, как и лексема *крымнаш*, появилась в период российско-украинского конфликта наряду со словами *укроп, колорад, кастрюлеголовый* и т. п. Определение ее лексических характеристик вызывает затруднение, поскольку в словарях значение лексемы пока не зафиксировано, а анализ контекстов показывает, что оценочные семы могут выявляться как в денотативной части значения, так и в коннотациях, в том числе актуализирующихся в контекстах.

Особый интерес вызывают языковые единицы типа *брексит*, то есть заимствования, получившие широкое распространение в российских СМИ в связи с актуальностью реалии, которую данное слово обозначает. Указанный языковой факт представлен в текстах российской публицистики в разных вариантах: *Брексит, Брекзит, брекзит, брексит, Brexit* — следовательно, его лексико-грамматическое описание должно выполняться на основе обращения к контекстному анализу.

Таким образом, решение вопроса о включении единицы в словарь в ряде случаев требует предварительного всестороннего исследования особенностей функционирования того или иного языкового факта в разных дискурсах с целью выявления лексико-грамматических характеристик, сформировавшихся за время его употребления в разных типах дискурса. Здесь видится перспектива обстоятельного исследования ряда номинаций, в частности, осмысления приведенных в данном разделе слов и выражений с целью их описания в толковом словаре новой актуальной лексики.

4. Структура и содержание словарной статьи

Словарь ориентирован на читателя, заинтересованного в том, чтобы получить представление о том, какие новые именования, репрезентирующие единение и вражду в современной действительности, в XXI веке получают люди, предметы, события, процессы и другие реалии, существовавшие ранее или появившиеся в последние десятилетия. Лексикограф проводит сбор материала и разрабатывает описание новых лексем; при этом важно предложить читателю по возможности полный и точный комментарий их лексико-грамматических, семантических, стилистических, сочетаемостных характеристик, парадигматических связей. Словарная статья позволяет зафиксировать широкий круг признаков новой лексемы. Структура словарной статьи в планируемом словаре включает в себя следующие элементы: заголовочное слово, грамматические характеристики, справочные сведения о происхождении слова, стилистические пометы, дефиницию, иллюстрации, сведения о сочетаемости, информацию об эквивалентных

CC BY

данной лексеме единицах, синонимах, антонимах, родственных словах. Покажем на примере нескольких лексем разных частей речи особенности описания номинаций в представляемом словаре.

В начале словарной статьи в соответствии с традицией регистрации слов в толковых словарях представляется вокабула — заголовочное слово, которое сопровождается его грамматическими характеристиками. Так, если это имя существительное или прилагательное, то указывается начальная форма, окончание формы родительного падежа, частеречная принадлежность, а у субстантивов также род, если последний очевиден (особые комментарии даются в сложных случаях типа лексемы *крымнаш*), например: *амбассадор*, -а, сущ., м.; *абьюзивный*, -ого, прил. В случае регистрации глагола указывается в качестве заголовочного слова форма инфинитива, окончания определенного лица и числа, вида, времени, которые обнаружены в контекстах, например: *зайти*, зашёл, зашло, зашла, зайдёт, сов. в. В случае фиксации неизменяемых частей речи указывается только частеречная принадлежность, например: *лампово*, нар.

Далее указывается предполагаемое происхождение слова, если это заимствование (например, *буллинг* <...> Ср.: англ. *bullying* — запугивание), или краткая история появления, если это новое русское слово / выражение, происхождение которого имеет определенную историю, например, слово *белоленточник* появилось как номинация участника протестных выступлений, использующего белую ленту как символ; *антикафе* — согласно открытым интернет-источникам, автором идеи открыть такое заведение был Иван Митин, создавший сеть антикафе «Циферблат».

Включение в описание стилистических помет вызывает значительные затруднения в связи с тем, что подлежащие регистрированию слова появились в языке относительно недавно и их стилистическая принадлежность неочевидна, а некоторые из них уже утратили актуальность. Авторы словаря описывают стилистическую окраску слов на основе результатов анализа их употребления в разных типах дискурса, например, выражение *арабская весна* появилось и активно используется в текстах СМИ как номинация политического феномена (соответственно маркируется в словаре как принадлежащее языку СМИ — «политическое», «язык СМИ»); лексема *амбассадор* является маркетинговым термином и при этом активно представлено в текстах СМИ, поэтому маркируется в словаре так: «маркетинговое», «язык СМИ»; в стилистическое описание слова *батл* включается помета «жаргонное», поскольку слово появилось в рэп-культуре и т. п.

Дефиниция каждой лексемы формулируется авторами самостоятельно на основе анализа употребления слова в разных контекстах. Значение, представляемое в словарной дефиниции, включает в себя ядерную сему

CC BY

и семантические компоненты ближней и дальней периферии, например, *бодипозитив* ‘социальное движение (ядерная сема), отвергающее стандарты красоты (дифференциальная сема 1), пропагандирующее положительное отношение к своему телу (дифференциальная сема 2) вне зависимости от его особенностей (дифференциальная сема 3) — ***семы ближней периферии***, а также к внешнему виду вообще (дифференциальная сема 4), призывающее к свободе самовыражения и принятию любого внешнего вида других людей (дифференциальная сема 5) — ***семы дальней периферии***’.

Составленное авторами словарное значение иллюстрируется примерами употребления заголовочного слова в речи, при этом представляются разные варианты, в каждом из которых актуализируется семантика слова в разном объеме (например, в предложениях ***Бодипозитив — феминистское движение**, целью которого является побудить людей принимать тело таким, какое оно есть* (Феминистки раскритиковали постер и трейлер мультфильма с толстой Белоснежкой // lenta.ru, 2017.05.31) и *Группа активисток **движения за бодипозитив** появилась на неделе моды в Лондоне в нижнем белье, чтобы побудить дизайнеров использовать моделей всех размеров и типов фигуры в своих шоу, сообщает Metro* (Подвергавшийся насмешкам мужчина размера XXXXXL стал моделью // lenta.ru, 2018.02.27) актуализируется сема ‘социальное движение’); в другом высказывании *На подобные неврозы, связанные с внешностью, равнодушно не могут смотреть феминистки. Они весной тоже становятся активнее — все чаще говорят о **бодипозитиве**, движении, направленном на принятие собственного тела. Феминистки устраивают флэшмобы, акции протеста с лозунгами «Реальные люди далеки от журнальных красавиц», создают в интернете группы, которые легко найти по запросу «body positive». Они уверены, что свое тело нужно не истязать, а любить таким, какое оно есть: «Единственный человек, чье мнение по поводу твоей фигуры имеет значение, — это ты сама»* (Н. Радулова. Лето близко // Огонёк, 11.04.2016, с. 44) актуализируются семы ‘социальное движение’, ‘отвергающее стандарты красоты’, ‘любить свое тело’, ‘призывающее к свободе самовыражения’. Анализ контекстов и позволяет в конечном счете составить дефиницию для каждого слова.

Далее в словарную статью включается информация о сочетаемости слов, поскольку для пользователей словаря, впервые встретивших это слово, важно не только понять его значение, но и узнать лексико-грамматические характеристики, сориентироваться в отношении типичных для него коллокаций, например, лексема *бодипозитив* реализует следующие валентности: *тренд на бодипозитив, сторонники бодипозитива, идея /*

CC BY

идеология бодипозитива, движение за бодипозитив, на волне бодипозитива, в угаре бодипозитива, установка на бодипозитив, приветствовать бодипозитив и др.

Определение места слова в языковой системе обусловливает выявление и регистрацию единиц, эквивалентных заголовочному слову, однокоренных и антонимичных ему. Для каждого зафиксированного языкового факта количество таких единиц различается. Например, для слова *бодипозитив* сложно обнаружить антоним; в каком-то смысле на эту роль претендует, например, слово *фэтшейминг*, которое обозначает ‘дискриминацию людей с лишним весом, действия, направленные на их унижение, травлю’, хотя с большими допущениями, а также вовсе не выявлено слов, близких по значению; кроме того, от слова *бодипозитив* образуется прилагательное *бодипозитивный*. От существительного *буллинг* образуется сложное слово *кибербуллинг*, оно имеет ряд эквивалентных единиц (*абьюз, газлайтинг, неглект*), но не обнаружены антонимичные ему слова.

Таким образом, фиксация неологизма в заявленном словаре имеет характер развернутого описания, которое требует осуществления скрупулезного анализа лексико-грамматических характеристик новых слов, а также изучения прагматики их употребления в речи.

4. Заключение

Регистрация слов, появляющихся в русском языке, особенно в последние десятилетия, когда интенсивное межъязыковое взаимодействие обусловливает активное заимствование слов из других языков, часто вместе с новыми понятиями, как, например, *брексит, коворкинг, инфлюенсер* и др., является постоянной заботой лексикографов. Кроме того, активное освещение внутригосударственных и международных событий в СМИ и их обсуждение в Рунете обусловливают номинирование, в том числе жаргонное, новых явлений, например, *революция розовых шапок, небесная сотня, крымнаш, вежливые люди, белоленточники* и т. п. Ряд слов получил новые значения в результате изменения отношений в обществе и, как следствие, понятийного переосмысления явлений современной действительности, например, слова *адекватный, вменяемый, пафосный, площадка, зайти* и другие лексические единицы, зафиксированные толковыми словарями, приобрели в речи современников иные значения, нежели представлены в лексикографических источниках. Фиксирование новых значений, особенно в период интенсивного развития языка, необходимо как для того, чтобы показать важные фрагменты действительности, которые носитель языка фиксирует в слове или выражении в тот или иной исторический период (когнитивная функция), так и с точки зрения нормативного употре-

CC BY

бления для тех, кто не понимает, в каком контексте можно использовать то или иное слово, какую стилистическую окраску, лексическую и грамматическую сочетаемость оно имеет, а также какое место занимает в системе современного русского языка.

Принципы описания слов в лексикографических источниках могут различаться в зависимости от задач, которые ставят перед собой их авторы. Как отмечают И. А. Стернин и А. В. Рудакова, «одни и те же семантические единицы (значения, семантические компоненты, смыслы и др.) могут получить разное описание на естественном метаязыке, то есть могут быть описаны разными исследователями в разных языковых формулировках, “разными словами”. При этом все эти разные метаязыковые описания могут быть “правильными” — они выступают как метаязыковые варианты описания ментальной единицы» [Стернин и др., 2017, с. 3]. В подготавливаемом для печати словаре новой лексики последнего двадцатилетия авторы опирались на принципы интегральности, активности и отражения языковой картины мира, принятые в ряде современных толковых словарей русского языка. Особенностью представляемого словаря является тематическое ограничение регистрируемой лексики сферами «Вражда» и «Единение», а также репрезентация тех номинаций из названных сфер, которые отсутствуют в других современных словарях либо описаны в меньшем объеме.

Таким образом, авторы заявленного толкового словаря стремятся описать новые языковые единицы, называющие явления современной действительности, занимающие важное место в коммуникационных процессах как межличностного, частного, так и социально-политического характера, связанных с актуальными вопросами проявления враждебности и стремления к единению.

Источники

1. *Григоренко О. В.* Новые наименования лиц в современном русском языке : словарные материалы / О. В. Григоренко. — Воронеж : Научная книга, 2009. — 517 с. ISBN 978-5-98222-567-2.

2. *Жуков А. В.* Современный фразеологический словарь русского языка : около 1600 фразеологических единиц / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. — Москва : АСТ [и др.], 2009. — 444 с. ISBN 978-5-17-059525-9.

3. *Захаренко Е. Н.* Новый словарь иностранных слов : свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захарченко. — Москва : ООО ИФ «Азбуковник», 2008. — 1040 с. ISBN 5-93786-034-9.

4. *Катлинская Л. П.* Толковый словарь новых слов и значений русского языка : около 2000 слов : [слова, появившиеся в русском языке в конце XX — начале XXI века, толкование значений, грамматические формы, грамматические и стилистические пометы, словообразовательные гнезда, этимологическая справка у иноязычных слов, русские эквиваленты иноязычных слов, иллюстрации из художественной и публицистиче-

ской литературы, теле- и радиопередач] / Л. П. Катлинская. — Москва : АСТ : Астрель, 2008. — 380 с. ISBN 978-5-17-051240-9.

5. *Крысин Л. П.* 1000 новых иностранных слов : справочное издание / Л. П. Крысин. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. — 320 с. ISBN 978-5-462-00925-9.

6. *Левикова С. И.* Большой словарь молодежного сленга : собрание более чем 10 000 слов и около 3 000 выражений, относящихся к современному молодежному сленгу / С. И. Левикова. — Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2003. — 926 с. ISBN 5-8183-0673-9.

7. *Лопатин В. В.* Толковый словарь современного русского языка : активная, наиболее употребительная лексика русского языка конца XIX — XX века / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. — Москва : Эксмо, 2009. — 928 с. ISBN 978-5-699-46807-2.

8. *Мокиено В. М.* Большой словарь русского жаргона : 25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; С.-Петерб. гос. ун-т. Межкаф. слов. кабинет им. проф. Б. А. Ларина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 716 с. ISBN 5-7711-0091-9.

9. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских поговорок : более 40000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2013. — 783 с. ISBN 978-5-373-05079-1.

10. *Морковкин В. В.* Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая ; под ред. В. В. Морковкина. — Москва : Словари XXI века, 2017. — 1456 с. ISBN 978-5-9907385-0-8.

11. *Музрукова Т. Г.* Популярный словарь иностранных слов : Около 5 000 слов / Т. Г. Музрукова, И. В. Нечаева. — Москва : Азбуковник, 2002. — 494 с. ISBN 5-937860-04-7.

12. *Новиков В. И.* Словарь модных слов : языковая картина современности / Вл. Новиков. — Москва : Словари XXI века, 2018. — 351 с. ISBN 978-5-9909263-4-9.

13. *Новые* слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. / под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова ; Ин-т лингвистических исследований РАН. — Т. 3 : Паркомат — Я. — Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. — 1360 с. ISBN 978-86007-637-2.

14. *Окунцова Е. А.* Новейший словарь иностранных слов : около 5000 слов и словосочетаний / Е. А. Окунцова. — Москва : Айрис-пресс, 2009. — 510 с. ISBN 978-5-8112-3458-5.

15. *Русский* идеографический словарь : Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2011. — 1032 с. ISBN 978-5-91172-054-4.

16. *Скворцов Л. И.* Большой толковый словарь правильной русской речи : 8000 слов и выражений / Л. И. Скворцов. — Москва : Оникс : Мир и Образование, 2009. — 1104 с. ISBN 978-5-488-02273-7.

17. *Словарь* языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. — 288 с. ISBN 978-5-462-01853-4.

18. *Солганик Г. Я.* Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения / Г. Я. Солганик. — Москва : АСТ : Астрель, 2002. — 749 с. ISBN 5-17-012237-3.

19. ТСРЯ XXI, 2008 — *Толковый* словарь русского языка начала XXI века / под ред. Г. Н. Скляревской. — Москва : Эксмо, 2008. — 1136 с. ISBN 978-5-699-15913-0.

20. *Тезаурус* русских идиом : семантические группы и контексты / А. Н. Баранов, М. М. Вознесенская, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева, А. Д. Козеренко / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — Москва : ООО «ЛЕКСРУС», 2018. — 888 с. ISBN 978-5-905532-49-8.

21. *Фразеологический* объяснительный словарь русского языка / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. — Москва : Эксмо, 2009. — 704 с. ISBN 978-5-699-30033-4.

22. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной речи / В. В. Химик. — Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 762 с. ISBN 5-7711-0202-4.

23. *Шагалова Е. Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века : ок. 1500 слов / Е. Н. Шагалова. — Москва : АСТ : Астрель, 2011. — 413 с. ISBN 978-5-17-074754-2.

24. Шведова, 2011 — *Толковый* словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2011. — 1175 с. ISBN 978-5-91172-015-5.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений : Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова ; отв. ред. Г. В. Степанов ; АН СССР, Ин-т языкознания. — Москва : Наука, 1988. — 338 с. ISBN 5-02-010870-7.

2. *Гаврилова М. В.* Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX—XXI веков / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 4 (34). — С. 13—18.

3. *Жданова Е. А.* Словообразовательные неологизмы-существительные в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» : структурно-семантический и социокультурный аспекты : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. А. Жданова. — Нижний Новгород, 2019. — 265 с.

4. *Иссерс О. С.* От серьезного — до смешного : игровой потенциал российского слова года / О. С. Иссерс // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 25—31.

5. *Котелова Н. З.* Избранные работы / Н. З. Котелова. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. — 276 с. ISBN 978-5-4469-0705-2.

6. *Кошкарова Н. Н.* Новообразования русского языка как когнитивно-дискурсивный феномен / Н. Н. Кошкарова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2016. — Т. 13, № 4. — С. 40—45.

7. *Левонтина И. Б.* О чем речь / И. Б. Левонтина. — Москва : Аст : CORPUS, 2016. — 512 с.

8. *Новые* слова и значения. 2020 : сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2020. — 220 с. ISBN 978-5-6044838-6-2. DOI: 10.30842/9785604483862.

9. *Одинцова И. В.* Когнитивная лексикология и когнитивный синтаксис в лингводидактике / И. В. Одинцова // Мир русского слова. — 2018. — № 2. — С. 75—80. DOI:10.24411/1811-1629-2018-12075.

10. *Стернин И. А.* Словарные дефиниции и семантический анализ / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — Воронеж : Истоки, 2017. — 34 с. ISBN 978-5-4473-0149-1.

11. *Шалина Л. В.* К вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике / Л. В. Шалина // Известия ПГПУ. Гуманитарные науки. — 2007. — № 4 (8). — С. 73— 77.

Material resources

Baranov, A. N., Dobrovolsky, D. O. (eds.) (2018). *Thesaurus of Russian idioms: semantic groups and contexts*. Moscow: LEXRUS. 888 p. ISBN 978-5-905532-49-8. (In Russ.).

Baranov, A. N., Dobrovolsky, D. O. (eds.) (2009). *Phraseological explanatory dictionary of the Russian language.* Moscow: Eksmo. 704 p. ISBN 978-5-699-30033-4. (In Russ.).

Grigorenko, O. V. (2009). *New names of persons in the modern Russian language : dictionary materials*. Voronezh: Scientific book. 517 p. ISBN 978-5-98222-567-2. (In Russ.).

Katlinskaya, L. P. (2008). *Russian dictionary of new words and meanings: about 2000 words*. Moscow: AST: Astre. 380 p. ISBN 978-5-17-051240-9. (In Russ.).

Khimik, V. V. (2004). *Large dictionary of russian colloquial speech*. Saint-Petersburg: Norint, 2004. 762 p. ISBN 5-7711-0202-4. (In Russ.).

Krongauz, M. A. (ed.) (2016). *Language Dictionary Internet.ru.* Moscow: AST-PRESS KNIGA. 288 p. ISBN 978-5-462-01853-4. (In Russ.).

Krysin, L. P. (2009). *1000 new foreign words: reference edition.* Moscow: AST-PRESS KNIGA. 320 p. ISBN 978-5-462-00925-9. (In Russ.).

Levikova, S. I. (2003). *Big dictionary of youth slang: a collection of more than 10,000 words and about 3,000 expressions related to modern youth slang*. Moscow: FAIR-PRESS. 926 p. ISBN 5-8183-0673-9. (In Russ.).

Lopatin, V. V., Lopatina, L. E. (2009). *Russian dictionary of the modern Russian language: the active, most commonly used vocabulary of the Russian language of the late XIX — XX century.* Moscow: Eksmo. 928 p. ISBN 978-5-699-46807-2. (In Russ.).

Mokieno, V. M., Nikitina, T. G. (2000). *Large dictionary of Russian jargon: 25,000 words, 7,000 stable combinations.* Saint-Petersburg: Norint. 716 p. ISBN 5-7711-0091-9. (In Russ.).

Mokieno, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *Large dictionary of Russian sayings: more than 40,000 figurative expressions*. Moscow: OLMA Media Group. 784 p. ISBN 978-5-373-05079-1. (In Russ.).

Morkovkin, V. V., Bogacheva, G. F., Lutskaya, N. M. (2017). *Large universal dictionary of the Russian language*. Moscow: Dictionaries of the XXI century. 1456 p. ISBN 978-5-9907385-0-8. (In Russ.).

Muzrukova, T. G., Nechaeva, I. V. (2002). *Popular dictionary of foreign words: about 5 000 words.* Moscow: Azbukovnik. 494 p. ISBN 5-937860-04-7. (In Russ.).

New words and meanings: dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the 90s of the XX century: in 3 volumes, 3. (2014). St. Petersburg: DMITRY BULANIN. 1360 p. ISBN 978-86007-637-2. (In Russ.).

Novikov, V. I. (2018). *Dictionary of fashionable words: the linguistic picture of modernity.* Moscow: Dictionaries of the XXI century. 351 p. ISBN 978-5-9909263-4-9. (In Russ.).

Okuntsova, E. A. (2009). *The newest dictionary of foreign words: about 5000 words and phrases*. Moscow: Iris-press. 510 p. ISBN 978-5-8112-3458-5. (In Russ.).

Shagalova, E. N. (2011). *The newest explanatory dictionary of the Russian language of the XXI century: about 1500 words.* Moscow: AST: Astrel. 413 p. ISBN 978-5-17-074754-2. (In Russ.).

Shvedova, N. Yu. (ed.) (2011). *Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words.* Moscow: Azbukovnik. 1175 p. ISBN 978-5-91172-015-5. (In Russ.).

Shvedova, N. Yu. (ed.) (2011). *Russian ideographic dictionary: the world of man and man in the world around him (80 concepts related to the spiritual, mental and mate-*

rial spheres of human life). Moscow: Vinogradov Institute of Russian Language. 1032 p. ISBN 978-5-91172-054-4. (In Russ.).

Sklyarevskaya, G. N. (ed.) (2008). *Explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century.* Moscow: Eksmo. 1136 p. ISBN 978-5-699-15913-0. (In Russ.).

Skvortsov, L. I. (2009). *Large explanatory dictionary of correct Russian speech: 8000 words and expressions*. Moscow: Onyx: Peace and Education. 1104 p. ISBN 978-5-488-02273-7. (In Russ.).

Solganik, G. Ya. (2002). *Explanatory dictionary. The language of the newspaper, radio, television.* Moscow: AST: Astrel. 749 p. ISBN 5-17-012237-3. (In Russ.).

Zhukov, A. V., Zhukova, M. E. (2009). *Modern phraseological dictionary of the Russian language: about 1600 phraseological units*. Moscow: AST [et al.]. 444 p. ISBN 978-5-17-059525-9. (In Russ.).

Zakharenko, E. N. (2008). *New dictionary of foreign words: over 25,000 words and phrases*. Moscow: Azbukovnik. 1040 p. ISBN 5-93786-034-9. (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (1988). *Types of language meanings: assessment, event, fact.* Moscow: Nauka. 338 p. ISBN 5-02-010870-7.

Gavrilova, M. V. (2010). Development of content forms of the concept “unity” in the Russian political discourse of the XX—XXI centuries. *Political linguistics, 4 (34):* 13—18. (In Russ.).

Issers, O. S. (2015). From serious to funny: the game potential of the Russian word of the year. *Political linguistics, 4 (54):* 25—31. (In Russ.).

Koshkarova, N. N. (2016). New formations of the Russian language as a cognitive-discursive phenomenon. *Bulletin of SUSU. Series “Linguistics”, 13 (4):* 40—45. (In Russ.).

Kotelova, N. Z. (2015). *Selected works.* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 276 p. ISBN 978-5-4469-0705-2. (In Russ.).

Levontina, I. B. (2016). *What is it about*. Moscow: Ast: CORPUS. 512 p. (In Russ.).

New words and meanings. 2020: collection of scientific articles. (2020). Saint Petersburg: OR RAS. 220 p. ISBN 978-5-6044838-6-2. DOI: 10.30842/9785604483862.

Odintsova, I. V. (2018). Cognitive lexicology and cognitive syntax in linguodidactics. *The world of the Russian word, 2:* 75—80. DOI:10.24411/1811-1629-2018-12075.

Shalina, L. V. (2007). On the question of the essence of neologism in modern linguistics. *Izvestiya PSPU. Humanities, 4 (8):* 73—77.

Sternin, I. A., Rudakova, A. V. (2017). *Dictionary definitions and semantic analysis.* Voronezh: Istoki. 34 p. ISBN 978-5-4473-0149-1.

Zhdanova, E. A. (2019). *Word-forming neologisms-nouns in the dictionary “New words and meanings. Dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the 90s of the XX century”: structural-semantic and socio-cultural aspects: PhD Diss.* Nizhny Novgorod. 265 p. (In Russ.).

Литературоведение. Журналистика. Фольклористика
Literary Studies. Journalism. Folklore

Валерия Викторовна Курьянова, канд. филол. наук (Симферополь)
Виталий Иванович Пинковский, д-р филологических наук (Магадан)
Герман Юрьевич Филипповский, д-р филологических наук (Ярославль)
Евгения Леонидовна Проскурнова, соискатель (Москва)
Евгения Тимофеевна Глазинская, аспирант (Барнаул)
Елена Анатольевна Худенко, д-р филологических наук (Барнаул)
Елена Михайловна Шастина, д-р филологических наук (Елабуга)
Елена Сергеевна Тулушева, преподаватель (Москва)
Игорь Викторович Мальцев, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Ирина Ивановна Волкова, д-р филол. наук (Москва)
Лилия Николаевна Герасимова, научный сотрудник (Якутск)
Наталия Эдуардовна Сейбель, д-р филологических наук (Челябинск)
Полина Николаевна Демченко, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Любовь Геннадьевна Кихней, д-р филол. наук (Москва)
Наталья Александровна Сегал, д-р филологических наук (Симферополь)
Сахая Даниловна Львова, заведующий сектором (Якутск)
Чан Тхи Тхуи Зунг, аспирант (Москва)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Волкова И. И. О перспективах новостного телевидения : материалы глубинных интервью / И. И. Волкова, Е. Л. Проскурнова, Чан Тхи Тхуи Зунг // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 157—170. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-157-170.

Volkova, I. I., Proskurnova, E. L., Tran Thi Thuy Dung (2021). Prospects of News Television: Materials of In-Depth Interviews. *Nauchnyi dialog, 3:* 157-170. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-157-170. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-157-170

О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью

Волкова Ирина Ивановна
orcid.org/0000-0002-2693-1204
доктор филологических наук,
профессор
volkova_ii@rudn.ru

Проскурнова Евгения Леонидовна
orcid.org/0000-0002-2985-7898
соискатель
karikh.el@gmail.com

Чан Тхи Тхуи Зунг
orcid.org/0000-0002-6763-7503
аспирантка,
ladylun93@gmail.com

федеральное государственное
автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы
народов»

(Москва, Россия)

Prospects of News Televsion: Materials of In-Depth Interviews

Irina I. Volkova
orcid.org/0000-0002-2693-1204
Doctor of Philology, Professor
volkova_ii@rudn.ru

Evgeniya L. Proskurnova
orcid.org/0000-0002-2985-7898
Postgraduate student
karikh.el@gmail.com

Tran Thi Thuy Dung
orcid.org/0000-0002-6763-7503
Postgraduate student
ladylun93@gmail.com

Peoples' Friendship University of Russia

(Moscow, Russia)

© Волкова И. И., Проскурнова Е. Л., Чан Тхи Тхуи Зунг, 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы развития традиционного новостного телевидения в условиях единого информационного пространства. Цель — проверить, насколько совпадают в своих прогнозах о будущем ТВ создатели и потребители контента. В качестве эмпирического материала использовались данные глубинных интервью: опрошены профессиональные телевизионные журналисты (федеральные телеканалы) и студенты (отделение «Телевидение» РУДН). Выявлены противоречия между двумя базовыми типами медиапотребления, которые характерны для адресантов и адресатов телевизионных сообщений. Показано, что эти противоречия объясняют поколенческий разрыв в восприятии программ современного новостного телевидения, предопределяют снижение телепотребления новостного контента федеральных каналов, рассчитанных на массовую аудиторию. Актуальность работы обусловлена переосмыслением функций и перспектив развития традиционного ТВ как профессиональными вещателями, так и потребителями. Делается вывод о дальнейшем развитии новостного телевидения. Отмечается, что, с одной стороны (мнение профессионалов), традиционное телевещание сохранится при корректировке повестки дня, переосмыслении взаимодействия с аудиторией, смене вещательной парадигмы, освоении профессиональными журналистами новых компетенций и использовании возможностей онлайн-пространства. С другой стороны (мнение студентов), субъектно-объектное новостное вещание федеральных каналов прекратит своё существование при смене поколений зрителей и изменении модели финансирования.

Ключевые слова:
телевидение; новости; цифровизация; линейное телевещание; тележурналистика; медиапотребление; Интернет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issues of the development of traditional news television in the context of a single information space are considered. The goal is to look at how much content creators and consumers agree in their predictions about the future of TV. The data of in-depth interviews were used as empirical material: professional television journalists (federal TV channels) and students (PFUR “Television” department) were interviewed. The contradictions between the two basic types of media consumption, which are characteristic of addressers and addressees of television messages, are revealed. It is shown that these contradictions explain the generational gap in the perception of modern news television programs, predetermine the decrease in TV consumption of news content from federal channels designed for a mass audience. The relevance of the work is due to the rethinking of the functions and prospects for the development of traditional TV by both professional broadcasters and consumers. The conclusion is made about the further development of news television. It is noted that, on the one hand (the opinion of professionals), traditional television broadcasting will be preserved while adjusting the agenda, rethinking interaction with the audience, changing the broadcasting paradigm, mastering new competencies by professional journalists and using the opportunities of the online space. On the other hand (students’ opinion), subject-to-object news broadcasting of federal channels will cease to exist when the generation of viewers and the funding model change.

Key words:
television; news; digitalization; linear television broadcasting; TV journalism; media consumption; Internet.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 070.431.2:654.197.6

О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью

© Волкова И. И., Проскурнова Е. Л., Чан Тхи Тхуи Зунг, 2021

1. Введение

Современное российское телевидение находится под влиянием глобальных процессов, детерминированных стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий и общими тенденциями в медиасфере: это переосмысление журналистики как социального института [Вартанова, 2010; Серебрякова, 2016], трансформация социальных ролей журналиста [Аникина, 2019; Блохин, 2008], изменение природы новостей [Вартанов и др., 2016], падение доверия к журналистам [Ефанов, 2018; Лозовский, 2018].

Производство и распространение теленовостей качественно улучшается (переход на цифровую передачу сигнала, многоплатформенность, мультиэкранность), при этом новостное вещание федеральных телевизионных каналов России («Первый канал», «Россия-1», «НТВ», «ТВ Центр») из года в год теряет аудиторию (приметы кризиса обнаружились примерно двенадцать лет назад).

В цифровом медиапространстве сосуществуют две коммуникативные модели. Новостное ТВ федеральных каналов построено на трансляционной однонаправленной линейной коммуникативной модели традиционных медиа «субъект — объект» (без интерактивности и полноценной обратной связи, паттерн гомогенности аудитории) и ориентировано на пассивного зрителя. Конкурирующие потоковые разнонаправленные сервисы и видеохостинги цифровых медиа (например, *Netflix* или *YouTube*) основаны на принципиально иной модели медиапотребления «субъект — субъект» (индивидуальный выбор контента плюс вовлечённость в процесс, паттерн полиморфности аудитории) и предназначены активным медиапотребителям. Аудитория выбирает модель, соответствующую своим потребностям.

Данная статья — часть исследования поколенческих особенностей медиапотребления после так называемого «цифрового поворота» [Westera, 2012], изменившего медийное пространство и разделившего общество на «цифровых аборигенов» и «цифровых иммигрантов» [Prensky, 2001]. Цель работы состоит в том, чтобы выявить и сравнить поколенческое видение вывода из кризиса новостного линейного вещания: что предлагают сегодняшние профессионалы-вещатели и что думают об этом будущие журналисты ТВ (в нынешнем статусе студентов и телезрителей).

CC BY

Изучив теоретические работы, связанные с жанрово-тематическими изменениями телеконтента и его интеграцией в сетевое пространство [Мартьянов и др., 2020; Шацкая, 2019], работы по медиаповедению разных возрастных групп пользователей [Зверева и др., 2020; Tapscott, 2008], мы попытались дать свой прогноз относительно развития традиционного новостного ТВ. За основу было взято современное состояние и динамика двух значимых переменных — это аудитория новостей (активность адресата) и формально-содержательные характеристики контента (активность адресанта).

В настоящее время традиционное линейное телевещание (в режиме реального времени) является основной субъектно-объектной моделью медиапотребления для аудитории 1955—1982 годов рождения и старше: эти зрители, будучи свидетелями становления и развития интернет-коммуникаций, остаются верны многолетней привычке регулярно смотреть дома телевизор. Новые цифровые платформы они осваивают преимущественно в сервисных целях и для межличностного общения. Это «цифровые иммигранты». В консервативной Великобритании, к примеру, 92 % граждан в возрасте 65+ смотрят исключительно *телевизионные* новости. При этом 72 % их соотечественников от 16 до 24 лет узнают об актуальных событиях в мире из Всемирной сети, лишь эпизодически уделяя внимание телевидению [News …, 2020]. В России аудитория от 16 до 24 лет также ориентирована на новости по запросу, используя смартфоны и сервисы потокового видео в мобильном режиме [Медиапотребление …, 2020]. Что касается российских медиапотребителей, родившихся в XXI веке, телевизор они практически не смотрят. Таким образом, адресатами информационных выпусков, переданных по ТВ, являются представители старшего поколения. А значит, прогноз относительно целевой аудитории пессимистичный: она стареет, и, если ничего не изменится, линейное телевидение в том виде, которое оно имеет сейчас, прекратит своё существование через 15—20 лет.

Вторая значимая переменная — транслируемое содержание и форма новостей. В отличие от интернет-медиа, оперативно предлагающих удобные в использовании и легко, на ходу, воспринимаемые информационные форматы, новостные выпуски российских федеральных каналов сохраняют верность традиционной подаче. Как поставщик *новостного* контента, телевидение проигрывает интернет-ресурсам повсеместно. В апреле 2020 года респондентам из разных стран мира было предложено отметить средства массовой информации (телевидение, радио, Интернет и др.), которые они используют в качестве источника новостей. При этом можно было указать по несколько видов СМИ. Если сравнить статистику по ТВ и Интернету, обнаруживается следующая картина. В США 79 % опрошен-

CC BY

ных указали на онлайн-порталы как на используемый источник получения новостей, 59 % — на информационные телепрограммы. Оказалось, что получение новостей из Интернета более востребовано, чем просмотр новостных телепрограмм. Это утверждение справедливо для Швейцарии (77 % против 59 %), Греции (92 % против 67 %), Испании (79 % против 63 %), Турции (85 % против 68 %), Южной Кореи (83 % против 63 %), Австралии (76 % против 63 %), Мексики (86 % против 48 %), Канады (78 % против 60 %), Бразилии (87 % против 66 %) и целого ряда других государств [Digital …, 2020]. На протяжении последних пяти-семи лет в России и в других странах отмечается постоянное снижение доверия к содержанию информационных телепрограмм.

Телекомпании пытаются привлечь внимание к своим новостным выпускам с помощью официальных сайтов, аккаунтов в соцсетях и видеосервисах, но это, как правило, не даёт эффекта, поскольку медиапродукт, созданный для линейного просмотра, в интерактивной конкурентной среде, как показывает практика, не приживается. При этом информационная значимость социальных сетей и блогов повышается для веб-пользователей с каждым годом. В России с 2018 по 2020 годы этот показатель вырос на 40 % [Медиапотребление, 2020]. Россияне от 25 до 35 лет используют соцсети для получения новостей в 67 % случаев [Там же]. Таким образом, прогноз относительно телеконтента, формируемого адресантом, также пессимистичный: не прослеживается положительная динамика изменений. При этом, обслуживая целевую аудиторию, ТВ сохраняет приверженность традиционной вещательной парадигме как по форме, так и по содержанию.

2. Методология и ход исследования

Чтобы оценить перспективы традиционного новостного ТВ с позиций топ-менеджмента, авторы на первом этапе исследования провели мониторинг массива открытых публичных высказываний одного из главных идеологов федерального ТВ — генерального директора «Первого канала» К. Л. Эрнста (поисковые запросы по ключевым словам «Эрнст», «будущее», «телевидение», «новости», хронологические рамки — 2011—2020 годы). Совокупность высказываний показала приверженность главного медиаменеджера страны к конкретной модели коммуникации и, соответственно, выявила его оценку будущего развития традиционного ТВ.

Второй и третий этапы исследования — очные диалоги с респондентами (предварительно были получены разрешения на использование диктофона).

Сначала были изучены и обобщены экспертные мнения российских тележурналистов-новостников. Использовался метод полуформализован-

CC BY

ного интервью, который поощряет ход мыслей респондента по предложенным проблемам, обозначенным в форме вопросов. К интервью были привлечены действующие специалисты с десятилетним и более опытом работы в сфере производства и распространения теленовостей. В общей сложности опрошено 12 человек: продюсер новостной редакции, шеф-редактор информационной программы, телеведущие новостных программ, репортёры. Все они в разное время сотрудничали и продолжают сотрудничать с местными и федеральными российскими телеканалами, среди которых «Первый», «Россия 1», «НТВ», «ТВ Центр». С каждым респондентом отдельно проведены встречи (продолжительность от 55 до 90 минут), на которых интервьюируемые дали развёрнутые комментарии к следующим вопросам:

— Какие особенности теленовостей, по вашему мнению, вызывают нарекания у молодых зрителей, что им не нравится?

— Каким вам представляется среднестатистический телезритель?

— Есть ли будущее у новостных передач, выходящих в линейном эфире, сохранится ли традиционный их просмотр в реальном времени?

— Какие проблемы необходимо освещать в информационных программах для привлечения внимания аудитории? Какие темы, на ваш взгляд, будут интересны зрителям через 15—20 лет?

— Какой должна быть новостная телепрограмма (по форме), чтобы её смотрели представители аудитории до 30 лет?

Отметим, что интервьюером была Е. Л. Проскурнова (один из авторов статьи) — телевизионный журналист (стаж — 12 лет), — что создало благоприятный коммуникативный контекст интервьюирования, обеспечило взаимопонимание.

Третий этап — полуформализованные интервью студентов 2 и 3 курсов, обучающихся на отделении «Телевидение» Российского университета дружбы народов. Предварительно в рамках дисциплины «Особенности информационного вещания» студенты в течение двух недель смотрели по рабочим дням вечерние информационные выпуски федерального эфира «Время», «Вести», «Сегодня», «События» («Первый», «Россия 1», «НТВ», «ТВ Центр»), отмечая в специальной таблице тематику новостей и форму подачи информации. Затем с каждым из 12 респондентов были проведены встречи (от 30 до 60 минут), на которых студенты дали преподавателю-интервьюеру развёрнутые ответы на следующие вопросы:

— Как часто вы смотрите новостные выпуски федеральных телеканалов?

— Каким вам представляется их среднестатистический телезритель?

CC BY

— Есть ли будущее у новостных передач, выходящих в линейном эфире, сохранится ли традиционный их просмотр в реальном времени?

— Какие проблемы необходимо освещать в информационных программах, чтобы вы их смотрели регулярно? Какие темы, на ваш взгляд, будут интересны зрителям через 15—20 лет?

— Какой должна быть новостная телепрограмма (по форме), чтобы вы её смотрели?

При обработке информации, полученной в ходе второго и третьего этапа, использовался метод кодирования и сравнения: группировка полученных данных в концептуальные категории и сравнение ответов двух групп респондентов.

3. Борьба за телеаудиторию в контексте двух моделей медиапотребления

Смыслообразующие фразы К. Л. Эрнста, выявленные на первом этапе исследования: «ТВ остаётся окном в мир», «телеканал — это контентная команда», «главное — как мы делаем контент, а не как его доставляем», «ТВ не знает, как сегодня работать с молодой аудиторией», «новое телевидение будет вынуждено предлагать свои услуги каждому попавшемуся ему на глаза клиенту», «только ТВ объединяет людей и сохраняет общее пространство», «телевидение предписывает коды поведения», «преимущество ТВ — это переживание общей эмоции». Совокупность этих высказываний иллюстрирует традиционный для СМИ подход к однонаправленной коммуникации (телеканал — субъект, аудитория — объект влияния), отвергающий индивидуальный запрос. Но установка на то, что каждый должен видеть новости одинаково, как их выдают редакторы, потому что именно так работали масс-медиа [Jarvis, 2009], не подходит «цифровым аборигенам» — сетевому поколению, вписанному в многовариантную интернет-среду с рождения. Какова аргументация в защиту традиционной модели вещания периода цифровизации?

Сторонники линейного субъектно-объектного вещания, включая К. Л. Эрнста, акцентируют внимание на негативных моментах сетевых интернет-коммуникаций. Во-первых, новое поколение потребляет контент, подобранный в индивидуальном порядке (таргетинг с использованием поисковых систем), то есть тинэйджеры, по сути, получают информацию лишь о том, что им уже интересно, важные сведения могут оказаться вне поля их зрения. Во-вторых, «информационная избыточность у детей достигает максимума» [Вартанова, 2017], так как количество источников информации в Интернете безгранично. Находясь в условиях «информационного шума», сложно разобраться, кому доверять, легко подвергнуться манипуляции. За-

CC BY

дача профессионального журналистского ТВ-сообщества — оказать поддержку в соцсетях, «ребёнок должен учиться пользоваться сетями точно так же, как он учится переходить дорогу, чтобы не погибнуть под колёсами летящих автомобилей» [Там же]. Кроме того, у старшего и младшего поколений россиян, приобретающих знания о жизни из принципиально разных источников, без объединяющего семейного просмотра ТВ, больше нет общей «модели развития страны» [Дондурей, 2013, с. 10]. А это создаёт социальные риски на государственном уровне. Именно телевидение, объединяя аудиторию, обладает потенциалом решения обозначенных выше проблем.

Телевидение в условиях всеобщей нестабильности и тревожности задействует свой мощный интегрирующий потенциал. Самоизоляция населения в период пандемии коронавируса создала новую реальность, в условиях которой произошёл массовый переход к медиатизации [Уразова, 2020, с. 144]. Глобальная сеть с противоречивыми, подчас и взаимоисключающими данными стала вызывать раздражение. «В период затворничества ценность получаемой населением <…> информации не иссякала, потребность в ней только возрастала, о чем свидетельствует статистика» [Там же]. Линейный телеэфир не демонстрировал таких высоких цифр по просмотру уже несколько лет. В Великобритании, к примеру, трансляция телевизионного обращения премьер-министра Бориса Джонсона к народу стала одной из самых рейтинговых в истории [Digital …, 2020]. В России также наблюдался рост внимания к просмотру телепередач: уже в первую неделю самоизоляции (30 марта — 5 апреля 2020 года) люди в крупных городах на 73 % чаще включали новостные программы, чем в первой половине марта 2020 года. [Телеаудитория …, 2020]. Важно отметить, что скачок интереса к информационным телепередачам произошёл во всех возрастных категориях. У телеэкрана оказались даже те, кто обычно отдаёт предпочтение сетевым ресурсам.

Вот как прокомментировал этот процесс К. Л. Эрнст: «Люди, получая большое количество информации из Интернета, внутри себя сомневаются в её достоверности. Они знают, что на ТВ достоверность регулируется законодательством. Они знают, что информация, которую они получают из телевизора, гораздо более надёжная, чем та, которую они получают из Интернета» [Эрнст …, 2020]. Запрос на просмотр традиционных телевизионных выпусков новостей формируется в условиях всеобщего кризиса, подобно готовности больного к безальтернативному приёму лекарства. В рубежном революционном 1989 году глава советского телевидения М. Ф. Ненашев не случайно назвал «утешение» одной из базовых функций ТВ.

Итак, телевизионные профессионалы предположили, что зрителей в теленовостях не устраивает «чрезмерное количество политической ин-

CC BY

формации» (11 ответов), «отсутствие серьёзной экспертизы и альтернативных сведений» (12), «встречаются не проверенные или необъективные данные» (8), «телевизионная повестка дня не соответствует запросам» (12), «обслуживание интересов владельцев телекомпаний в формировании информационных выпусков» (11). Кроме того, респонденты отметили, что зрителей может не устраивать «недостаточная оперативность передачи информации» (7) и «речевые ошибки телеведущих и журналистов» (4).

Ответы на вопрос о среднестатистическом телезрителе оказались однотипными: новости смотрят, по мнению всех двенадцати экспертов, преимущественно женщины предпенсионного и пенсионного возраста старше 55 лет, доход средний и ниже среднего, образование — среднее и среднее специальное. При этом три человека выразили надежду на то, что возраст целевой аудитории снизится со временем, придут зрители, которым сейчас 30 и более лет («С возрастом у человека возникает потребность в стабильности, в повторяемости действий, а это может дать просмотр традиционного ТВ»). Шесть респондентов, наоборот, уверены, что через несколько лет ядро целевой аудитории составят зрители старше 65 лет.

Будущее традиционного новостного эфира не вызывает у опрошенных серьёзных опасений. Одиннадцать человек из двенадцати считают, что линейный эфир сохранится в обозримом будущем. Лишь один респондент предположил, что эфирное вещание будет упразднено через 7—10 лет. Девять человек из одиннадцати, высказавшихся за сохранение традиционного вещания, предположили, что будет развиваться производство эксклюзивного новостного контента для интернет-пространства с повесткой дня, ориентированной на активных молодых потребителей информации.

В контексте выбора важных и интересных для зрителя тем мнения респондентов разделились. Шесть телеспециалистов считают, что внимание во все времена (что сохранится в будущем) привлекают одни и те же новости: о политических и «звёздных» скандалах, геополитических проблемах, катастрофах, военных действиях. Остальные респонденты уверены, что публика, напротив, пресытилась подобного рода информацией, что аудитории интересны вопросы гражданского самоуправления, новости о развитии технологий, о решении реальных проблем, связанных с политикой, экологией и социальной сферой внутри страны.

Чтобы привлечь молодёжь, новостные передачи не должны повторять то, что уже известно из мобильных интернет-источников (так считают 8 экспертов), требует изменений структура подачи новостей, нужны новые динамичные жанры и форматы (мнение 7 респондентов). В разговоре с одним из тележурналистов была затронута опасность самоцензуры: боязнь федеральных каналов освещать наболевшие темы снижает доверие зрителей к ТВ.

CC BY

4. Будущее новостного телевещания глазами цифрового поколения

Результаты интервьюирования студентов (12 человек) таковы.

На вопрос «Как часто вы смотрите новостные выпуски федеральных телеканалов?» респонденты ответили: один-два раза в месяц, когда приезжаю в гости к родителям — 1 чел.; два-три раза в месяц — 1 чел.; никогда — 10 чел.

Образ среднестатистического телезрителя («Каким вам представляется их среднестатистический телезритель?») представляется студентам так: пенсионер, который не работает — 8 чел.; человек старшего и среднего возраста, который вспоминает СССР, живёт прошлым и не интересуется современными проблемами, — 2 чел.; человек без Интернета — 1 чел.; человек от 45 лет, который смотрит новости перед работой, или пенсионер, который по большей части проводит время дома — 1 чел.

Вопрос о будущем телевидения («Что будет с новостными передачами, выходящими в линейном эфире, сохранится ли традиционный их просмотр в реальном времени?») вызвал следующие реакции: смотреть их не будут, а значит, линейного вещания не будет — 8 чел.; новости в линейной ТВ-трансляции сохранятся там, где нет Wi-Fi, — 3 чел.; если появится мобильная платформа для выхода таких передач, может, сохранится — 1 чел.

На вопрос «Какие проблемы необходимо освещать в информационных программах, чтобы вы их смотрели регулярно? Какие темы, на ваш взгляд, будут интересны зрителям через 15—20 лет?» получены ответы: традиционное телевидение уже не удастся модернизировать так, чтобы моё поколение смотрело его регулярно — 3 чел.; в современных реалиях всю информацию гораздо легче узнать из интернет-СМИ, подкастов и т. д. — 9 чел.

Вопрос о форме телевизионного контента («Какой должна быть новостная телепрограмма (по форме), чтобы вы её смотрели?») выявил следующие мнения студентов: должна быть представлена на всех платформах — 6 чел.; живой и мобильной, чтобы хотелось отдать предпочтение ей, а не привычным интернет-ресурсам — 4 чел.; должна быть грамотная речь, представлено много позиций, а не только государственная — 2 чел.

Во время интервью студенты поделились с преподавателем своими мыслями по поводу новостных телепрограмм, но попросили не называть их фамилии: «Никогда раньше не смотрела новости по телевизору, трудно было выполнять задание, я пользовалась смартфоном, так удобнее» (Мария Н., 19 лет); «Родители рассказывали, что телебашню раньше называли шприцем для идеологических инъекций, а зрителей программы “Время” пациентами. А разве сейчас что-то изменилось?» (Кирилл Д., 19 лет); «Я не понимаю, зачем смотреть новости по ТВ в определённое время, когда есть другие источники и можно самому выбирать время» (Кристина В.,

CC BY

20 лет); «Было очень скучно смотреть федеральные новости, это какая-то архаика» (Вадим В., 19 лет); «Телевизоры будут использовать только в смарт-режиме, как большие смартфоны» (Вероника М., 20 лет).

Сопоставив ответы создателей новостных телепрограмм федеральных каналов и ответы потенциальных телезрителей молодого поколения, можно предположить, что у линейного новостного эфира в том виде, который существует сейчас, нет будущего. Вопрос в том, смогут ли телевизионные бренды («Первый канал», «Россия-1», «НТВ», «ТВ Центр») выдержать конкуренцию с интернет-ресурсами в виртуальном медиапространстве.

5. Заключение

Таким образом, обнаружено, что опрошенные создатели и потребители телевизионного новостного контента не совпадают в своих прогнозах о будущем ТВ. Если первые надеются на сохранение линейного эфира, то вторые с этим не согласны. Четверть века назад М. Кастельс писал: «Мир мультимедиа будет населён двумя различными популяциями: взаимодействующей и включенной во взаимодействие, то есть теми, кто способен выбирать свои мультинаправленные цепи коммуникации, и теми, кого будут снабжать ограниченным количеством заранее “упакованных” вариантов выбора» [Кастельс, 1996]. Телевизионное профессиональное сообщество может попытаться привлечь к линейному телепросмотру молодых медиапотребителей из числа тех, кто (в силу воспитания и особенностей характера) нуждается в агрегированных новостях, склонен доверять российскому телевидению и не настроен на самостоятельный выбор информации. При этом нет необходимости бороться за «включённую», по Кастельсу, активную аудиторию первого типа: в эпоху цифровизации она сама найдёт авторитетный для себя источник информации.

Алгоритмы использования СМИ старшим поколением остаются предсказуемыми, в то время как медиаповседневность молодёжи находится в постоянной динамике, что ставит перед телевидением, если оно хочет сохраниться как СМИ, задачу постоянно изучать медиапредпочтения детей и подростков. Коммуникация с «цифровым поколением», не имеющим привычки смотреть телепрограммы, для федеральных каналов затруднена. Именно поэтому телекомпании необходимо стать в онлайн-пространстве узнаваемым брендом для молодых людей. Логичен и перспективен переход от субъектно-объектной стратегии взаимодействия телевизионных редакций с аудиторией к субъектно-субъектной, интерактивной. В любом случае, даже не меняясь, телевидение будет существовать до тех пор, пока сохранится его аудитория.

Источники и принятые сокращения

1. *Медиапотребление* в России — 2020 [Электронный ресурс] // Deloitte. 2020. — Режим доступа : https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html. (дата обращения 23.12.2020).

2. *Телеаудитория* новостей во время самоизоляции увеличилась в полтора раза [Электронный ресурс] // MediaScope. 2020. — Режим доступа : https://mediascope.net/news/1125115/. (дата обращения 23.12.2020).

3. *Digital* news report — 2020 [Electronic resource] // Reuters Institute for the Study of Journalism. 2020. — Access mode : https://www.digitalnewsreport.org/. (дата обращения 23.12.2020).

4. *News* consumption in the UK : 2020 [Electronic resource] / Ofcom. 2020. — Access mode : https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0013/201316/news-consumption-2020-report.pdf. (дата обращения 23.12.2020).

Литература

1. *Аникина М. Е.* Институциональные роли российского журналиста в начале XXI века [Электронный ресурс] / М. Е. Аникина // Медиаскоп. — 2019. — Выпуск 4. — Режим доступа : http://www.mediascope.ru/2592 (дата обращения 23.12.2020).

2. *Блохин И. Н.* Социальные роли журналиста в освещении национальных отношений / И. Н. Блохин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. — 2008. — Выпуск 4 (2). — С. 304—310.

3. *Вартанов С. А.* Изменение природы новостей в цифровую эпоху : теоретическое осмысление / С. А. Вартанов, А. Н. Гуреева, Д. В. Дунас, Н. В. Ткачева // МедиаАльманах. — 2016. — № 6. — С. 12—24.

4. *Вартанова Е. Л.* О современном понимании СМИ и журналистики [Электронный ресурс] / Е. Л. Вартанова // Медиаскоп. — 2010. — Выпуск 1. — Режим доступа : http://www.mediascope.ru/o-современном-понимании-сми-и-журналистики (дата обращения 20.12.2020).

5. *Вартанова Е. Л.* Российская журналистика выполняет роль помощника маленькому человеку [Электронный ресурс] / Е. Л. Вартанова // Комсомольская правда — ЮГРА. 30.05.2017. — Режим доступа : https://www.ugra.kp.ru/daily/26684/3708018/ (дата обращения 20.12.2020).

6. *Дондурей Д. Б.* Граждане против гражданского общества. Телерейтинг как воспитатель нации / Д. Б. Дондурей // Искусство кино. — 2013. — № 4. — С. 5—15.

7. *Ефанов А. А.* Падение доверия к телевидению : социологический взгляд на проблему / А. А. Ефанов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. — 2018. — Выпуск 2 (18). — С. 89—94. — DOI: 10.14529/ssh180214.

8. *Зверева Е. А.* Поколения Y и Z : особенности медиапотребления / Е. А. Зверева, В. А. Хворова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2020. — Т. 19. — № 6 : Журналистика. — С. 131—140.

9. *Кастельс М.* Информационная эпоха : экономика, общество и культура [Электронный ресурс] / М. Кастельс. — Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php (дата обращения 18.09.2020).

10. *Лозовский Б. Н.* Журналистика : от чего зависит доверие тем, кто ей служит / Б. Н. Лозовский // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2018. — Выпуск 3 (29). — С. 174—183.

11. *Мартьянов Д. С.* Конвергенция телевидения и Интернета в России : политический аспект / Д. С. Мартьянов, Н. С. Подлесская // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭКС. — 2020. — Т. 16. — № 1. — С. 158—77. — DOI: https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.104.

12. *Серебрякова З. О.* Опыт качественного исследования деинституализации института журналистики / З. О. Серебрякова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. — 2016. — Выпуск 3. — С. 48—59.

13. *Уразова С. Л.* Медиатизация как модус бытия в свете самоизоляции / С. Л. Уразова // Вестник ВГИК. — 2020. — Т. 12. — № 2 (44). — С. 142—151. — DOI: 10.17816/VGIK122.

14. *Шацкая А. Д.* Контент российских телеканалов в Интернете : технологии размещения и монетизации / А. Д. Шацкая // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2019. — № 6. — С. 129—154. — DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2019.129154.

15. *Эрнст* рассказал о преимуществах телевидения перед Интернетом. Это достоверность, надёжность и «психологическое действие» [Электронный ресурс] // Фонтанка. 16.09.2020. — Режим доступа : https://www.fontanka.ru/2020/09/16/69470337/ (дата обращения 20.12.2020).

16. *Jarvis J.* What Would Google Do? / J. Jarvis. — New-York : Harper Business, 2009. — 272 p. ISBN 006-2-06-335-9.

17. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants Part 1 / M. Prensky // On the Horizon. — 2001. — Vol. 9 (5). — Pp. 1—6. — DOI: 10.1108/10748120110424816.

18. *Tapscott D.* Grown up Digital : How the Net Generation is Changing Your World / D. Tapscott. — New York : McGraw-Hill Education, 2008. — 384 p. — ISBN 978-0-07-164155-5.

19. *Westera W.* The Digital Turn : How the Internet Transforms Our Existence / W. Westera. — UK : Author House UK, 2012. — 310 p. — ISBN 978-1477250327.

Material resources

Digital news report — 2020. (2020). In: *Reuters Institute for the Study of Journalism*. Available at: https://www.digitalnewsreport.org/ (accessed 23.12.2020).

Media consumption in Russia-2020. (2020). In: *Deloitte*. Available at: https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html (accessed 23.12.2020). (In Russ.).

News consumption in the UK: 2020. (2020). In: *Ofcom*. Available at: https://www.ofcom.org.uk/__data/assets/pdf_file/0013/201316/news-consumption-2020-report.pdf. (accessed 23.12.2020).

TV audience of news during self-isolation increased by one and a half times. (2020). In: *Mediascope*. Available at: https://mediascope.net/news/1125115/ (accessed 23.12.2020). (In Russ.).

References

Anikina, M. E. (2019). Institutional roles of the Russian journalist at the beginning of the XXI century. *Mediascope, 4*. Available at: http://www.mediascope.ru/2592 (accessed 23.12.2020). (In Russ.).

Blokhin, I. N. (2008). Social roles of a journalist in the coverage of national relations. *Bulletin of the Saint Petersburg University, 9 / 4 (2):* 304—310. (In Russ.).

Castels, M. *Information epoch: economy, society and culture.* Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php (accessed 18.09.2020). (In Russ.).

Dondurei, D. B. (2013). Citizens against civil society. Telereiting as an educator of the nation. *Art of Cinema, 4:* 5—15. (In Russ.).

Efanov, A. A. (2018). The fall of trust in television: a sociological view of the problem. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and humanitarian sciences, 2 (18):* 89—94. DOI: 10.14529 / ssh180214. (In Russ.).

Ernst spoke about the advantages of television over the Internet. This is reliability, reliability and "psychological action". (2020). *Fontanka.* 16.09. Available at: https://www.fontanka.ru/2020/09/16/69470337/ (accessed 20.12.2020). (In Russ.).

Jarvis, J. (2009). *What Would Google Do?* New York: Harper Business. 272 p. ISBN 006-2-06-335-9.

Lozovsky, B. N. (2018). Journalism: what determines the trust of those who serve it. *Sign: the problem field of media education, 3 (29):* 174—183. (In Russ.).

Martianov, D. S., Podlesskaya, S. (2020). Convergence of television and the Internet in Russia: a political aspect. *Political expertise: POLITEKS, 16 (1):* 158—77. DOI: 10.21638/spbu23.2020.104. (In Russ.).

Prensky, M. (2001). Digital Natives, Digital Immigrants Part 1. *On the Horizon, 9 (5):* 1—6. DOI: 10.1108/10748120110424816.

Serebryakova, Z. O. (2016). Experience of qualitative research of deinstitutionalization of the Institute of Journalism. *Bulletin of the Saint Petersburg University, 12 (3):* 48—59. (In Russ.).

Shatskaya, A. D. (2019). Content of Russian TV channels on the Internet: technologies of placement and monetization. *Bulletin of the Moscow University. Journalism, 10 (6):* 129—154. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2019.129154. (In Russ.).

Tapscott, D. (2008). *Grown up Digital: How the Net Generation is Changing Your World.* New York: McGraw-Hill Education. 384 p. ISBN 978-0-07-164155-5.

Urazova, S. L. (2020). Mediatization as a mode of being in the light of self-isolation. *Bulletin of the VGIK, 12 / 2 (44):* 142—151. DOI: 10.17816/VGIK122. (In Russ.).

Vartanova, E. L. (2010). On the modern understanding of mass media and journalism. *Mediascope, 1.* Available at: http://www.mediascope.ru/о-современном-понимании-сми-и-журналистики (accessed 20.12.2020). (In Russ.).

Vartanova, E. L. (30.05.2017). Russian journalism plays the role of assistant to the little man. *Komsomolskaya Pravda — YUGRA.* Available at: https://www.ugra.kp.ru/daily/26684/3708018/ (accessed 20.12.2020). (In Russ.).

Vartanov, S. A., Gureeva, A. N., Dunas, D. V., Tkachev, N. V. (2016). Changing the nature of news in the digital age: theoretical understanding. *Media Almanac, 6:* 12—24. (In Russ.).

Westera, W. (2012). *The Digital Turn: How the Internet Transforms Our Existence.* UK: Author House UK. 310 p. ISBN 978-1477250327.

Zvereva, E. A., Khvorova, V. A. (2020). Generations M and Z: features of media consumption. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology, Journalism, 19 (6):* 131—140. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Демченко П. Н. Медиатизация как фактор повышения интереса к современным научно-популярным СМИ (на примере журналов «Наука и жизнь» и «Популярная механика») / П. Н. Демченко, И. В. Мальцев // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 171—189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-171-189.

Demchenko, P. N., Maltsev, I. V. (2021). Mediatization as a Factor in Increasing Interest in Modern Popular Science Media ("Science and Life" and "Popular Mechanics"). *Nauchnyi dialog, 3:* 171-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-171-189. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO host

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-171-189

Медиатизация как фактор повышения интереса к современным научно-популярным СМИ (на примере журналов «Наука и жизнь» и «Популярная механика»)

Демченко Полина Николаевна
orcid.org/0000-0002-1724-1439
кандидат филологических наук, доцент
Demchtnko_PN@pers.spmi.ru

Мальцев Игорь Викторович
orcid.org/0000-0002-4637-0707
кандидат филологических наук, доцент
Maltsev_IV@pers.spmi.ru

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский горный университет»

(Санкт-Петербург, Россия)

Mediatization as a Factor in Increasing Interest in Modern Popular Science Media ("Science and Life" and "Popular Mechanics")

Polina N. Demchenko
orcid.org/0000-0002-1724-1439
PhD in Philology, Associate Professor
Demchtnko_PN@pers.spmi.ru

Igor V. Maltsev
orcid.org/0000-0002-4637-0707
PhD in Philology, Associate Professor
Maltsev_IV@pers.spmi.ru

Saint Petersburg Mining University

(St. Petersburg, Russia)

© Демченко П. Н., Мальцев И. В., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению мультимедийных средств, которые используются при размещении контента в онлайн-версиях научно-популярных изданий. Актуальность вопроса обусловлена необходимостью использования в сфере массовых коммуникаций новых конвергентных форм продвижения печатных изданий. Новизна видится в том, что в исследовании впервые описывается процесс мультимедиатизации в научно-популярном сегменте средств массовой информации (СМИ). В работе показано, какую роль играют инструменты мультимедиа в процессе развития современных научно-популярных СМИ. Особое внимание уделяется актуальным проблемам функционирования научно-популярных журналов, возможным путям их решения, а также в этой связи потенциалу мультимедиатизации. Представлен контент-анализ и сравнительное исследование электронной и печатной версий научно-популярных журналов «Наука и жизнь» и «Популярная механика». Поднимается вопрос о том, как средства мультимедиа расширяют возможности продвижения бренда. На основе полученных результатов сформулированы выводы о более эффективном использовании мультимедийных средств в научно-популярных средствах массовой информации. Приводятся определения мультимедиатизации. Предлагается классификация функций мультимедийных элементов в публикациях интернет-СМИ. Доказано, что современные научно-популярные средства массовой информации используют в интернет-версиях не весь спектр мультимедийных элементов, что отрицательно влияет на их популяризацию.

Ключевые слова:
научно-популярные СМИ; мультимедийные средства; интерактивность; контент журнала; иллюстрация; видео; фотография; инфографика; лонгрид.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of multimedia tools that are used when placing content in online versions of popular science publications. The relevance of the issue is due to the need to use new convergent forms of promotion of printed publications in the field of mass communications. The novelty of the study is seen in the fact that for the first time the process of multimediaization in the popular science segment of the media is described. The role that multimedia tools play in the development of modern popular science media is shown. Particular attention is paid to topical problems of the functioning of popular science journals, possible ways to solve them, as well as, in this regard, the potential of multimedia. The content analysis and comparative research of electronic and printed versions of popular science magazines “Science and Life” and “Popular Mechanics” are presented. The question is raised about how multimedia expands the opportunities for brand promotion. On the basis of the results obtained, conclusions were formulated about the more effective use of multimedia in popular science media. The definitions of multimedia are given and the classification of the functions of multimedia elements in the publications of Internet media is proposed. It has been proven that modern popular science media does not use the entire range of multimedia elements in Internet versions, which negatively affects their popularization.

Key words:
popular science media; multimedia; interactivity; magazine content; illustration; video; the photo; infographics; longread.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 070.19:004.738.5

Медиатизация как фактор повышения интереса к современным научно-популярным СМИ (на примере журналов «Наука и жизнь» и «Популярная механика»)

© Демченко П. Н., Мальцев И. В., 2021

1. Введение

В начале XXI века научно-популярная журналистика встретила новые вызовы времени. Быстрое распространение информационных технологий и интернета в качестве платформы для массовых коммуникаций привело к качественным переменам в медиасфере: в частности, к цифровой глобализации и возникновению новых медиа, более быстрых, более открытых и более активных по сравнению с традиционными СМИ [Стинс и др., 2008, с. 98]. Резко увеличилась доля так называемого «экранного потребления» [Гатов, 2016], информационный поток значительно уплотнился, и жёсткая конкуренция за внимание аудитории вынудила издания (в том числе и в научно-популярной нише) пересмотреть редакционную политику и адаптироваться к условиям новой, конвергентной журналистики.

Первым шагом для традиционных медиа стало обозначение своего присутствия во Всемирной сети. Однако, как оказалось, недостаточно было предоставить онлайн-доступ к цифровому архиву, чтобы интернет смог существенно расширить возможности печатных СМИ и привлечь к данным ресурсам новых читателей. Лучшие интернет-сайты российских научно-популярных журналов превратились в самостоятельные информационные порталы со своей редакцией, частью уникального контента, не пересекающегося с основным содержанием издания, интерактивными опциями и мультимедийными элементами, которые при всём желании невозможно поместить на бумажную полосу.

Целью статьи является выяснение роли средств мультимедиа в процессе развития современных научно-популярных СМИ. В результате проведённого исследования планируется сформулировать выводы о более эффективном использовании средств мультимедиа в научно-популярных СМИ. Для этого используются методы типологического, сравнительного и контент-анализа.

2. Мультимедиатизация в СМИ: история вопроса

Активное внедрение в СМИ мультимедийных элементов и предложение потребителю одного информационного продукта через максимально

CC BY

возможное число каналов и носителей информации учёные назвали мультимедиатизацией контента. Данный термин можно назвать уже «прижившимся» в научной сфере: к примеру, его используют авторы учебника «Мультимедийная журналистика» А. Г. Качкаева и С. А. Шомова [Мультимедийная журналистика, 2017], авторы учебного пособия «История журналистики» К. Н. Тендит и Н. В. Шелковникова [Тендит и др., 2012] и др. Как отмечает известный российский социолог, журналист и педагог Е. Л. Вартанова, мультимедиатизация наравне с конвергенцией является важнейшей тенденцией современной журналистики, она обозначает умение создавать как вербальные, так и невербальные тексты, с картинками, звуками, движущимися изображениями [Вартанова, 2016].

Впрочем, процесс мультимедиатизации в научно-популярном сегменте СМИ и по сей день идёт неровно. Основная проблема, на наш взгляд, заключается в том, что часть отечественных изданий использует далеко не все существующие возможности мультимедиа. Недостаточно серьёзное отношение к данному потенциалу не позволяет им полноценно развиваться в интернет-среде, привлекать большее число пользователей и рекламодателей, а это две важнейшие категории, которые в условиях отсутствия системной государственной политики в сфере научно-популярных СМИ являются гарантом их существования и важным ресурсом для дальнейшего развития.

Обзор научной литературы показал, что проблема мультимедиатизации научно-популярных СМИ полноценно не рассматривалась исследователями. С одной стороны, существует ряд работ, посвящённых научно-популярной журналистике: её развитию в историческом контексте [Балашова, 2017, с. 680—690; Ваганов, 2016, с. 64—77], месту таких изданий в типологии СМИ [Лазаревич, 1979; Парафонова, 2016; Суворова, 2009], проблемам жанра и стиля [Воронцова, 2014], принципам популяризации науки на современном этапе [Константинова, 2009; Родионова, 2016; Тертычный, 2015]. С другой стороны, в последнее время вышло довольно много обзорных статей и исследований, посвящённых изменениям в медиасфере: явлению конвергентной журналистики [Карпенко, 2013; Лосева, 2010; Шестёркина, 2013], возникновению новых медиа и обновлению форматов подачи информации [Амзин, 2016; Асташева, 2012, с. 39—47; Гатов, 2016], дигитализации и мультимедиатизации традиционных СМИ [Кирия, 2010; Феткуллина, 2013]). Таким образом, касаясь научной новизны данной темы, подчеркнём, что это первое исследование, которое связывает данные явления между собой и рассматривает мультимедиатизацию как фактор развития современных научно-популярных СМИ и повышения к ним интереса пользователей.

CC BY

3. «Наука и жизнь» и «Популярная механика» как образцы научно-популярных изданий

В эмпирическую базу данного исследования мы включили научно-популярное издание «Наука и жизнь» [Наука и жизнь] — старейший отечественный журнал в данной типологической категории — и научно-популярный журнал «Популярная механика» [Популярная механика] — иностранный бренд, подхватывающий и внедряющий основные тренды.

Архив «Науки и жизни», издание которой было возобновлено в 1934 году, представляет собой летопись развития науки и технологий, а также наших представлений об устройстве мира.

Журнал позиционирует себя как семейное издание, в котором есть как серьёзный раздел «Наука на марше», популяризирующий достижения в разных областях научного знания, так и облегчённые рубрики (например, раздел для школьников «Ума палата», досуговое чтение, практические советы и рекомендации для домохозяек и др.). Концепция издания (в том числе его внутренняя структура и основные элементы оформления) была сформирована ещё полвека назад и с тех пор претерпела лишь незначительные изменения. Несмотря на консервативность журнала, которая расценивается как знак качества, его редакция старается отслеживать современные тенденции, в частности, бороться за внимание пользователей в социальных сетях и развивать мультимедийные возможности. Искать новые подходы к своему читателю вынуждает падение тиражей печатной версии: тираж, который некогда достигал трех миллионов, к 2019 году снизился до 28 020 экземпляров. Впрочем, у электронной версии «Науки и жизни» есть хорошие перспективы для развития: по статистике, интернет-портал журнала занимает первое место среди интернет-ресурсов, освещающих новости науки и техники.

«Популярная механика» (Popular Mechanics) — изначально американский научно-популярный журнал. Его первый номер вышел на английском языке в 1902 году. Впоследствии у журнала стали появляться международные версии. В 2002 году «Популярная механика» увидела свет на русском языке и существует в нашей стране по сей день.

Коллектив издания формулирует своё целевое назначение следующим образом: «“Популярная механика” — это журнал о том, как устроен этот мир». Основным адресатом журнала его редакция видит современного мужчину, активного, думающего и любознательного. Поэтому «Популярная механика» позиционируется сразу в двух журнальных сегментах: научно-популярной периодике и периодике для мужчин.

«Популярную механику» отличает широкий тематический набор рубрик (от «Науки» и «Технологий» до «Адреналина» и «Искусства»), инте-

CC BY

рес к новым форматам (например, формату лонгрид) и современный дизайн, который практически с нуля создаётся для оформления отдельного материала на журнальной полосе. Первое время в каждом номере «Популярной механики» было до восьми материалов, которые представляли собой переводы публикаций из американской версии журнала, но с 2006 года количество адаптированных заимствований не превышает двух статей в номере. Остальной контент создаётся российской редакцией журнала.

В выходных данных номеров «Популярной механики» за 2019 год упоминается о тираже в 183 000 экземпляров. Впрочем, показатель интереса к данному бренду значительно увеличивается благодаря интернет-аудитории: по данным сервиса статистики Liveinternet, за месяц портал «Популярная механика» (https://www.popmech.ru/) посещают около полутора миллионов пользователей.

В эмпирическую базу исследования включены материалы, выходившие на сайтах обоих журналов с 1 по 15 апреля 2019 года: на наш взгляд, это достаточный отрезок времени, чтобы выявить тенденции использования мультимедийных элементов в выбранных СМИ. В электронной версии журнала «Наука и жизнь» за этот период вышло 46 материалов, а в интернет-издании «Популярной механики» — 314, то есть почти в 7 раз больше. Чтобы избежать ошибки в обобщении (за указанный период нам встретился всего один материал, содержащий видео, на сайте первого журнала), мы дополнительно проанализировали все материалы с видеоконтентом, размещённые «Наукой и жизнью» в интернете за всю историю существования её сайта (46 публикаций).

4. Мультимедийность как способ представления информации

Использование мультимедийных инструментов оказывает позитивное влияние на решение сразу нескольких проблем, таких как «технологическое отставание традиционных научно-популярных СМИ от онлайн-версий соответствующей тематики, снижение интереса потенциальной аудитории и борьба с научными мифами» [Демченко и др., 2019, с. 203].

Основная часть исследования прошла в два этапа. На первом этапе был осуществлен контент-анализ мультимедийных элементов в материалах, опубликованных на официальных сайтах научно-популярных журналов «Наука и жизнь» и «Популярная механика». Данный метод применялся для того, чтобы оценить, насколько часто и многообразно используются такие мультимедийные средства. Второй этап — это сравнительный анализ электронной и печатной версий представленных журналов, который позволил определить, как расширяются возможности мультимедиатизации за счёт интернет-платформ, и предположить, как это влияет на аудиторию данных изданий.

CC BY

На основе проведённого анализа были выделены функции мультимедийных элементов в публикациях интернет-СМИ. Отметим, что в зависимости от критерия, положенного в основу классификации, можно выделить большое число функций: коммуникативную, оценочно-экспрессивную, эстетическую, аддитивную, аттрактивную и др. Мы же решили свести всё разнообразие к трём основным, взяв за основу критерий соотношения невербальных средств мультимедиа с вербальной частью публикации.

В зависимости от того, какую роль выполняет мультимедийный элемент внутри всего сообщения, мы выделили три функции: информативную, иллюстративную и интегративную. Информативная функция подразумевает, что в таком материале главная информация сосредоточена в невербальных средствах мультимедиа, а вербальный текст (при его наличии) лишь вносит некоторые пояснения для пользователя. Мультимедийный элемент может выполнять и иллюстративную функцию, если он второстепенен, менее значим в процессе передачи сообщения, чем текст. Как правило, мультимедийный компонент поясняет какой-либо аспект материала, изложенного с помощью текста. Наконец, с помощью интегративной функции средство мультимедиа и текст соединяются в неделимое, равнозначное целое, дополняют и поясняют друг друга. Без какого-либо из этих элементов сообщение не является полным.

Изначально было запланировано уделить большее внимание сравнительному анализу электронной и печатной версий журналов, но в ходе исследования выяснилось: хотя эти два ресурса и поддерживают друг друга, но с точки зрения контента практически не пересекаются. Наполнение бумажной версии «Науки и жизни» почти полностью закрыто для интернет-пользователей без оформления подписки или оплаты за доступ к pdf-файлу определённого номера. А контент электронного варианта журнала «Популярная механика» пересекается с материалами печатной версии одноимённого издания только в 6 % случаев, а в 94 % — это материалы, которые используются только на сайте. Как правило, такие публикации выходят в электронном виде позже, чем в аналоговом издании (часто с разницей в несколько месяцев, а иногда и лет).

В отличие от официально-деловых изданий, которые часто дублируют наполнение газеты и сайта, научно-популярные СМИ стараются разводить эти два ресурса. Содержание интернет-версии таких изданий по большей части дополняет, а не повторяет контент журнала, позволяет применять широкую палитру мультимедийных элементов. Впрочем, как показали результаты контент-анализа, не каждое СМИ готово использовать существующие возможности мультимедиатизации.

CC BY

5. Контент-анализ интернет-версии журнала «Наука и жизнь»

При анализе материалов из рубрик «Новости науки и техники», «События», «Факт дня» и «Открытый формат» интернет-издания «Наука и жизнь» оказалось, что редакция данного журнала и в интернете придерживается довольно консервативной позиции: основой публикаций здесь является текст, а из мультимедийных элементов чаще всего используются фотографии (3 материала не содержат мультимедийных компонентов, 4 — содержат инфографику, 1 — видео, 9 — рисунки, 32 — фотографии). Среднее количество средств мультимедиа на один материал — 1,1. Если иллюстративных элементов у текста несколько, они компонуются в одну галерею для того, чтобы публикация выглядела более лаконично и строго. Если содержание материала невозможно проиллюстрировать с помощью фотографии, то, как правило, на помощь приходят рисунки, например, художественное видение космических объектов или микропроцессов в живом организме. Впрочем, их использование также ограничено рамками стандарта. Не принято применять титульные изображения, фоновые рисунки, сложные комбинации мультимедийных элементов и другие средства: для данного издания характерный формат — это расширенная заметка на белом фоне с единственной иллюстрацией.

В процессе контент-анализа было обнаружено и несколько анонсовых материалов, в которых и вовсе нет мультимедийных элементов, хотя подобрать их по смыслу возможно. Инфографика как способ предоставления информации (одновременно вербальной и визуальной) встречается также редко, примерно в одном материале из 10 (при этом необходимо подчеркнуть, что инфографика не выполняется силами редакции, а заимствуется из первоисточников, на которые ссылается автор). Особенно тревожит ситуация с использованием видеозаписей — только в одном материале из 46 попавших в эмпирическую базу бала обнаружена данная разновидность средств мультимедиа. Всё это наталкивает на мысль о пренебрежении средствами мультимедиа и недооценке их роли в процессе коммуникации с потенциальными читателями.

Чтобы избежать ошибочных обобщений, было проведено дополнительное исследование видеоконтента на сайте научно-популярного издания «Наука и жизнь». Несмотря на существование собственного YouTube-канала и целого раздела под названием «Видео» на официальном сайте, количество публикаций, отнесённых к этой категории за всё время существования интернет-портала, довольно мало (обнаружено 46 таковых за неполные 10 лет, то есть в среднем менее пяти материалов, содержащих видео, в год).

Рекордным по числу таких публикаций был 2012 год (16 видеороликов), и впоследствии интернет-редакции «Науки и жизни» так и не удалось повторить данное пиковое значение. Более того, в последние годы наблю-

CC BY

дается тенденция к дальнейшему спаду: например, в 2018 году на сайте «Науки и жизни» вышло всего четыре материала, содержащих видео, а в 2019 году не было ни одной подобной публикации. Можно предположить, что данная тенденция связана с концептуальной установкой редакции использовать только качественный российский видеоконтент, причём снятый преимущественно силами авторов самого журнала.

Об этом косвенно свидетельствует распределение авторства видеороликов: большая часть видеоматериалов (61 %), опубликованных на официальном сайте журнала, создана съёмочной группой «Науки и жизни» и её специальными корреспондентами, лишь 39 % — другими авторами. Из видео сторонних авторов редакция в основном использует контент, созданный каналами ОТР, РБК, «Просвещение» и «Наука 2.0».

И, хотя в представлении пользователя в понятие видеоролика вкладывается короткий зрелищный видеосюжет, нельзя сказать, что по критерию продолжительности видеоматериалы, которые использует «Наука и жизнь», тяготеют к небольшому хронометражу. Почти две трети от общего количества видеороликов длятся от 30 до 60 минут. С разной целью интернет-редакция публикует как небольшие минутные видеозарисовки, так и весьма продолжительные видеозаписи, которые длятся от 30 до 60 минут (34 видеоматериала из 46 опубликованных), а иногда и более часа.

Тем не менее в пятёрку наиболее популярных, то есть просматриваемых, входят видеоролики средней продолжительности — от 3:26 до 12:27 минут. За время с момента публикации каждый из них набрал от 35 000 до 41 000 просмотров. Интересно, что все ролики выполнены съёмочной группой журнала «Наука и жизнь», что в целом доказывает: ставка на уникальный, трудоёмкий для создания контент делается не напрасно. Впрочем, на наш взгляд, та частота, с которой выпускаются новые видеоматериалы, не может обеспечивать публикациям из категории «Видео» постоянный приток пользователей, предпочитающих визуальное представление информации текстовым публикациям. С такой регулярностью выхода читатель «Науки и жизни» может просто не догадываться о том, что на сайте существует и такой ресурс.

С другой стороны, качественный видеоконтент и «вечные» темы, которые он затрагивает, приводят к тому, что такие материалы имеют накопительный эффект просмотров. И спустя годы с момента публикации видеозапись лекции Максима Кронгауза, сюжет о том, как ведёт себя автожир в полёте, или документальный фильм о жостовской росписи могут притягивать новых пользователей. Отчасти с этим связан тот факт, что относительно свежие видео ещё не накопили достаточного количества просмотров. Кроме того, в последнее время «Наука и жизнь» перешла с эксклюзива собственной съёмочной группы на партнёрские видеомате-

CC BY

риалы, что также снижает интерес к публикуемому видеоконтенту. Если фотографии и рисунки, которые используются интернет-порталом журнала «Наука и жизнь», выполняют в основном иллюстративную функцию, то редкие видеоролики нацелены прежде всего на информирование. Часто последние являются полноценными видеоматериалами (телепередачами, лекциями, дискуссиями, телетрансляциями), которые могут существовать вне текстовых пояснений. Впрочем, короткометражные документальные фильмы съёмочный группы «Науки и жизни», на наш взгляд, выполняют интегративную функцию, так как каждое из этих видео отсылает к соответствующей публикации в печатной версии журнала.

Несмотря на то, что спектр мультимедийных возможностей электронной версией «Науки и жизни» применяется далеко не полностью, очевидно, что интернет-платформа расширяет аудиторию. Например, за апрель 2019 года сайт посетили 222 816 мужчин и 362 198 молодых людей (напомним, тираж бумажной «Науки и жизни» — 28 020 экземпляров, что в 20 раз меньше). Такое расширение происходит благодаря географической доступности и доступности различным читательским категориям. География аудитории интернет-версии журнала «Наука и жизнь» (по версии сервиса статистики Top.mail.ru) следующая: Россия — 73,74 % посетителей, Казахстан — 5,9 %, Белоруссия — 4,99 %, Украина — 2,69 %, другие страны — 12,68 %. Как показывает сервис статистики Top.mail.ru, наибольшее количество читателей интернет-издания — юноши (в возрасте 12—18 лет) и молодые люди (19 лет—24 года). Более креативное применение средств мультимедиа, по нашему мнению, могло бы вызвать дополнительный интерес со стороны молодёжной аудитории, которая предпочитает воспринимать визуализированную информацию.

6. Контент-анализ интернет-версии журнала «Популярная механика»

Интернет-редакция журнала «Популярная механика», по данным проведённого контент-анализа, использует возможности мультимедиа иначе — чаще и разнообразнее, чем «Наука и жизнь». В 314 публикациях, вышедших за исследуемый период, был обнаружен 741 мультимедийный элемент, то есть в среднем — 2,4 на один материал. При этом данное интернет-издание не ограничивается схемой иллюстрирования «текст + фотография / рисунок)», а варьирует средства мультимедиа в зависимости от содержания материала, его общественной значимости и рубрики, в которую он помещается.

Авторами были рассмотрены материалы из разделов «Новости», «Лонгрид» и «Видео», которые регулярно обновляются на сайте «Популярной механики». Отметим, что при наличии рубрики «Аудио», которая также могла бы быть интересна в контексте данной темы, последнее обновление

CC BY

в ней относится к июню 2017 года. В данном разделе редакция совместно с проектом WaveShot экспериментировала с аудиоверсиями наиболее интересных журнальных статей, которые можно было прослушать как подкасты в любой удобной обстановке (за завтраком, в машине, во время прогулки, на тренировке и др.), и адресовала их тем, у кого не хватает времени на чтение. Впрочем, прекращение эксперимента, как мы предполагаем, связано с тем, что этот формат, к сожалению, не был столь востребованным, как предполагали его создатели. Возможно, аудиторию отпугивало то, что для пользования данной опцией необходимо было перейти на сторонний ресурс, требующий регистрации и подписки.

В остальном же спектр применяемых мультимедийных элементов «Популярной механики» широк: несмотря на то, что фотография среди всех средств мультимедиа лидирует по частоте использования (на данный момент это, пожалуй, самый лёгкий и доступный способ визуализации данных), наравне с ней используются видео, рисунки и инфографика, а также сложные комбинации из нескольких разновидностей мультимедийных элементов (215 материалов содержит фотографии, 105 — видео, 45 — рисунки, 19 — инфографику). За исследуемый период в издании нет ни одной публикации, которая бы содержала только текст.

Разница в использовании мультимедийных элементов зависит от раздела, в который помещается публикация. Для рубрики «Новости», как правило, применяется такая схема: текст объёмом с заметку и 1—2 средства мультимедиа, одно из которых чаще всего — хорошая тематическая фотография, выполняющая иллюстративную функцию. Рубрика «Лонгрид» (от англ. *Longread* — долгое чтение) апеллирует своим названием к современному формату материалов, который предполагает объёмный, хорошо проработанный журналистский текст и многообразие мультимедийных элементов при его оформлении. Такие лонгриды в ряде случаев являются журнальными статьями, переработанными для интернет-версии «Популярной механики» и имитирующими лишь некоторые элементы вёрстки полноценных лонгридов (титульное изображение, задающее тему публикации, вертикальная прокрутка длинного текста, динамика, созданная с помощью по-разному развёрстанных фотографий при отсутствии оригинального дизайна или специально разработанных интерактивных средств). Однако в таких материалах действительно используется значительное количество мультимедийных элементов — в некоторых случаях 10 и более. В зависимости от качества, представленного лонгрида и от степени сращения его составляющих мультимедийные элементы могут выполнять как иллюстративную, так и интегративную функцию.

Наконец, в рубрике «Видео» выходят материалы, где главную смыслообразующую роль играют видеозаписи, а текст содержит краткий коммен-

CC BY

тарий относительно содержания ролика. Видеозаписи при этом используются довольно короткие, в пределах нескольких минут, что поддерживает клиповую культуру в современном обществе. Это пример реализации информативной функции средствами мультимедиа.

Важно понимать, что такой поток информации, который транслирует и ретранслирует интернет-портал «Популярная механика» (более 20 материалов в день), не может быть создан с нуля одной редакцией. Чаще всего это рерайт материалов из различных отечественных и зарубежных источников, которые освещают проблемы науки и технологий. Выполняется задача, с одной стороны, в короткий срок аккумулировать на сайте как можно больше оперативной информации, с другой стороны — публиковать качественные материалы-лонгриды на вечные темы, к которым читатель будет возвращаться. Однако и в том, и в другом случае использующиеся при этом средства мультимедиа: видеоролики, фотографии, инфографика и др. — чаще всего являются заимствованными, что, на наш взгляд, отчасти неверно. Если для материала в рубрике «Новости» такой подход допустим, то для публикаций в рубрике «Лонгрид» важно тщательнее подходить к подготовке и дизайну мультимедийных элементов. Не совсем корректно, к примеру, использовать в таком материале не переведённую на русский язык инфографику, явно заимствованную из иностранного источника. Авторский подход к мультимедиатизации СМИ, конечно, является более затратным и в плане денег, и в плане времени, которое придётся уделять каждому материалу. Но такая тактика может обеспечить повышение интереса к отдельным публикациям.

Отметим ещё один момент, который мешает воспринимать онлайн-материалы «Популярной механики» с полным включением. Это обилие рекламных блоков рядом с публикациями, а иногда и внутри основного текста: они маскируются под мультимедийные элементы и создают информационные шумы. Мы не отрицаем того факта, что каждому СМИ, в том числе и научно-популярной направленности, сегодня приходится решать проблему выживаемости на рынке и зарабатывать деньги на интересе не только читателей, но и рекламодателей. Однако открытым остаётся вопрос уместности: если реклама мешает воспринимать основной материал, то нужна ли она (по крайней мере, в данном месте)?

7. Электронная и печатная версии научно-популярных журналов в аспекте медиатизации: сопоставительный подход

Показательным в исследовании стал сравнительный анализ нескольких публикаций «Популярной механики», которые были размещены и на сайте, и в печатной версии журнала.

CC BY

Под заголовком «Человек и аромат: почему мы любим духи» 15 апреля 2019 года на сайте «Популярной механики» размещён материал, в котором автор задаётся вопросом: можно ли создать универсальный аромат для всех без исключения, вне зависимости от эпохи и культуры. Прототипом публикации в рубрике «Лонгрид» («Наука / Человек») стала одноимённая статья («Человек и аромат») из мартовского номера журнала за 2019 год. Впрочем, при их сравнении сразу становится понятно, что интернет-версия выглядит ярче и выразительнее благодаря большему количеству (7 вместо 4) укрупнённых мультимедийных элементов. В бумажном варианте размер фотографий обусловлен местом, оставшимся на журнальной полосе после размещения текста. На сайте же все использованные элементы не ограничены никакими формальными категориями: их столько и они занимают так много пространства, сколько необходимо для передачи смысла. Благодаря специфической вёрстке (титульное изображение, динамичность, иллюзию которой создают несколько изображений, растянутых по ширине текстовой колонки, и несколько тематических фотографий, развёрстанных на всю ширину экрана, поверх которых движется текст с белой подложкой) поддерживается образ лонгрида — качественного журналистского материала, который требует к себе особого внимания.

Материал «Техническая красота: изобретения, поражающие воображение» был опубликован 08.04.2019 в электронной версии издания в рубрике «Лонгрид» («Гаджеты / Необычные вещи»), а двумя годами ранее, в марте 2017 года, он же в виде нескольких заметок под общим заголовком «Слайдшоу» вышел в самом журнале. Публикация посвящена изобретениям из недавнего прошлого, которые и сейчас будоражат воображение. Для интернет-издания был немного переработан текст (у него был выделен лид), кроме того, появилась возможность наряду с фотографиями, которые использовались для иллюстрации в бумажной версии «Популярной механики», поместить видеозапись — испытания четырёхметрового меха, машины, часто фигурирующей в научной фантастике, которая передвигается с помощью ног и обычно управляется человеком, сидящим внутри. Фотография передаёт технологичную эстетику и масштабы конструкции: пилот в кабине сопоставим по размерам с рукой или ногой гиганта. Однако чтобы понять, как мех движет своими конечностями, насколько он ловок и послушен, статичного изображения недостаточно. И в этом смысле небольшое видео (продолжительность 2:54 мин.) отлично дополняет набор мультимедийных элементов. Кстати, оно передаёт не только изображение в динамике, но и звук, с которым движется машина, перенося пользователя в мир фантастических изобретений.

Как показывают приведённые примеры, в отличие от бумажной версии журнала интернет-издание не имеет формальных рамок площади, ограни-

CC BY

чивающих контент. Поэтому здесь можно использовать мультимедийные элементы в самом выгодном свете и в том количестве, которое определяется только содержанием сообщения и вкусами дизайнера. Электронная версия позволяет использовать дополнительные фотографии, рисунки, видеозаписи, которые делают материал как более привлекательным визуально, так и более насыщенным информацией.

8. Заключение

На основе проведённого исследования контента журналов «Наука и жизнь» и «Популярная механика» можно сделать некоторые выводы об эффективности использования средств мультимедиа в научно-популярных СМИ.

Во-первых, электронная и печатная версии научно-популярных изданий существенно отличаются: они не дублируют друг друга, а поддерживают общий бренд. Впрочем, полное разведение содержания двух версий представляется не вполне уместным. Часть материалов, например, в «Популярной механике», размещена как в журнале, так и на сайте, но их отличает мультимедийный контент на портале: видео, аудио, большое количество фотографий и др. — то, что невозможно или сложно использовать в печатном варианте. В таком случае электронная версия дополняет печатную.

Оформление публикаций на сайте обычно подчиняется привычной схеме: например, в рубрике «Новости науки и техники» журнала «Наука и жизнь» это «расширенная заметка + одна фотография (одна фотогалерея)». В каждом конкретном случае учитываются возможные иллюстративные материалы в мультимедийном формате и отбираются наиболее эффектные и информативные комбинации.

Во-вторых, фотография является признанным лидером среди всех средств мультимедиа, поскольку в большинстве случаев это наиболее лёгкий и доступный способ проиллюстрировать текст. Но если используются и другие мультимедийные ресурсы (рисунки, коллажи, скриншоты, инфографика, аудио и видеозаписи), то интерес к СМИ значительно повышается. Чем разнообразнее и ярче палитра мультимедийных средств интернет-редакции, чем больше каналов восприятия она задействует, тем выше вероятность, что публикация заинтересует кого-то ещё, кроме постоянных читателей, в частности, молодёжную аудиторию — последователей визуального восприятия и клиповой культуры — или аудиторию среднего поколения, которой важно быть в курсе событий, но она испытывает дефицит времени. Разнообразие контента обеспечивают не только яркие средства мультимедиа, но и выполняемые ими сбалансированные функции.

В-третьих, особенно ценно, когда мультимедийный контент является уникальным, авторским, разработанным специально для данной темы. Как

показали результаты нашего исследования, такие материалы собирают наибольшее количество просмотров.

В-четвёртых, для поддержания интереса пользователей очень важен критерий регулярности: если материалы с высококачественным мультимедийным контентом будут выходить несколько раз в год, то они вряд ли обеспечат сайту постоянный поток аудитории. Соблюдать регулярность позволяет долгосрочное планирование и график публикаций.

В-пятых, устранение информационных шумов в большей степени может способствовать включению читательского внимания в содержание материала. В частности, затруднение восприятия информации связано с большим количеством рекламных блоков на сайте, которые маскируются под мультимедийные элементы основной публикации и мешают чтению. В то же время размещение рекламы на сайте обусловлено необходимостью получения доходов для дальнейшего выживания издания. В соблюдении оптимальной пропорции научного и рекламного контента сайта видится отдельная задача редакции.

В-шестых, эффективность средств мультимедиа повышает интерактивность, то есть предусматривает для пользователя возможности влиять на ход воспроизведения материала: формировать свою траекторию чтения, пропускать определённые мультимедийные элементы и при желании неоднократно к ним возвращаться, рассматривать интерактивные подписи к инфографике, которые вызываются кликом. Это подчёркивает значимость пользователя сайта, делает его не только сторонним наблюдателем, но и соавтором публикации. На наш взгляд, данные приёмы позволяют привлечь постоянный поток пользователей к интернет-порталам научно-популярных журналов, в частности, к изданиям «Наука и жизнь» и «Популярная механика», и обеспечить дополнительное внимание к их печатным версиям.

Источники и принятые сокращения

1. *Наука* и жизнь [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.nkj.ru (дата обращения 18.10.2020).

2. *Популярная* механика [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.popmech.ru (дата обращения 21.10.2020).

3. *«Техническая* красота : изобретения, поражающие воображение» [Электронный ресурс] // Популярная механика. — Режим доступа : https://www.popmech.ru/gadgets/347432-tehnicheskaya-krasota-izobreteniya-porazhayushchie-voobrazhenie/ (дата обращения 22.10.2020).

4. *«Человек* и аромат : почему мы любим духи» [Электронный ресурс] // Популярная механика. — Режим доступа : https://www.popmech.ru/science/468002-chelovek-i-aromat-pochemu-my-lyubim-duhi/ (дата обращения 27.10.2020).

CC BY

Литература

1. *Амзин А.* Новые и экспериментальные форматы [Электронный ресурс] / А. Амзин // Как новые медиа изменили журналистику. — Режим доступа : http://newmedia2016.digital-books.ru/kniga/novy-e-i-e-ksperimental-ny-e-formaty (дата обращения 3.10.2020).

2. *Асташева А. Е.* Новые форматы СМИ в эпоху интернета / А. Е. Асташева // Массмедиа в постиндустриальную эпоху : сборник научных статей / отв. ред. Е. В. Мартыненко. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2012. — С. 39—47. — ISBN 978-5-209-04444-4.

3. *Балашова Ю. Б.* Типология научно-популярной прессы начала XX века / Ю. Б. Балашова // Учёные записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2017. — Т. 159, книга 3. — С. 680—690.

4. *Ваганов А. Г.* Эволюция форм популяризации науки в России : XVIII—XXI вв. / А. Г. Ваганов // Наука. Инновации. Образование. — 2016. — № 3. — С. 64—77.

5. *Вартанова Е.* Качественным брендам нужно усиливать свое присутствие на рынке [Электронный ресурс] / Е. Вартанова // АМИ. — Режим доступа : https://newsarmenia.am/news/interview/e-vartanova-kachestvennym-brendam- nuzhno-usilivat-svoe-prisutstvie-na-rynke (дата обращения 13.10.2020).

6. *Воронцова Т. А.* Научно-популярный дискурс в современных российских СМИ (проблемы жанра и стиля) / Т. А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 6. — С. 38—42.

7. *Гатов В.* Будущее журналистики [Электронный ресурс] / В. Гатов // Как новые медиа изменили журналистику. — Режим доступа : http://newmedia2016.digital-books.ru/kniga/budushhee-zhurnalistiki (дата обращения 23.10.2020).

8. *Демченко П. Н.* Научно-популярные СМИ : актуальные проблемы и возможные пути их решения / П. Н. Демченко, Е. Н. Каптилова // Трансформация медиасреды в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции / ответственный редактор Д. В. Неренц. — Москва : РГГУ, 2019. — С. 200—205.

9. *Карпенко И. И.* Конвергенция в медиасреде : понятие и типы / И. И. Карпенко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2013. — № 13. — Выпуск 18. — С. 190—194.

10. *Кирия И.* Что такое мультимедиа? / И. Кирия // Журналистика и конвергенция : почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А. Г. Качкаевой. — Москва : Аспект Пресс, 2010. — С. 13—29.

11. *Константинова Е. Г.* Популяризация науки на современном российском экране : кризис направления и пути преодоления [Электронный ресурс] / Е. Г. Константинова // Медиаскоп. Выпуск 1. — 2009 г. — Режим доступа : http://www.mediascope.ru/популяризация-науки-на-современном-российском-экране-кризис-направления-и-пути-преодоления (дата обращения 18.10.2020).

12. *Лазаревич Э. А.* Научно-популярный журнал как тип издания / Э. А. Лазаревич // Вестник Московского университета. Серия 11 : Журналистика. — 1979. — № 1. — С. 12—20.

13. *Лосева Н.* Конвергенция : перестройка бизнес-моделей, редакционного пространства и мозгов / Н. Лосева // Журналистика и конвергенция : почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А. Г. Качкаевой. — Москва : Аспект Пресс, 2010. — С. 69—78.

14. *Мультимедийная* журналистика : учебник для вузов / под общ. ред. А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 413 с. — ISBN 978-5-7598-1189-3.

15. *Парафонова В. А.* Научно-популярные журналы в структуре современных СМИ : типологические и профильные особенности : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.10 / В. А. Парафонова. — Тверь, 2016. — 186 с.

16. *Родионова Ю. Д.* Соблюдение принципов популяризации в научно-популярных журналах (на примере журнала «Вокруг света») / Ю. Д. Родионова // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2016. — № 10. — С. 141—145.

17. *Стинс О.* Новые медиа / О. Стинс, Д. Ван Фухт // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8 : Литературоведение. Журналистика. — 2008. — Выпуск 7. — С. 98—106.

18. *Суворова С. П.* Журналистика научная и научно-популярная : особенности предметной области, функций и задач / С. П. Суворова // Вестник Московского университета. Серия 10 : Журналистика. — 2009. — № 6. — С. 14—23.

19. *Тендит К. Н.* История журналистики : учебное пособие / К. Н. Тендит, Н. В. Шелковникова. — Комсомольск-на-Амуре, 2012. — Ч. 1 — 155 с.

20. *Тертычный А. А.* Методы популяризации научного знания в современных СМИ / А. А. Тертычный // Информационное поле современной России : практики и эффекты : сборник статей XXI Международной научно-практической конференции. — Казань : Институт массовых коммуникаций и социальных наук КФУ. — 2015. — С. 330—336.

21. *Феткуллина Г. А.* Мультимедиатизация СМИ в начале XXI века / Г. А. Феткуллина // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2013. — № 12. — С. 179—185.

22. *Шестёркина Л. П.* Коммуникационная конвергенция журналистики, рекламы и PR / Л. П. Шестёркина // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2013. — № 3. — С. 31—36. о

Material resources

"Man and fragrance: why we love perfume". In: *Popular Mechanics.* Available at: https://www.popmech.ru/science/468002-chelovek-i-aromat-pochemu-my-lyubim-duhi/ (accessed 27.10.2020). (In Russ.).

Popular Mechanics. Available at: https://www.popmech.ru (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

Science and life. Available at: https://www.nkj.ru (accessed 18.10.2020). (In Russ.).

"Technical beauty: inventions that strike the imagination". In: *Popular Mechanics.* Available at: https://www.popmech.ru/gadgets/347432-tehnicheskaya-krasota-izobreteniya-porazhayushchie-voobrazhenie/ (accessed 22.10.2020). (In Russ.).

References

Amzin, A. New and experimental formats. In: *How new media changed journalism.* Available at: http://newmedia2016.digital-books.ru/kniga/novy-e-i-e-ksperimental-ny-e-formaty (accessed 03.10.2020). (In Russ.).

Astasheva, A. E. (2012). New media formats in the Internet era. In: *Mass Media in the postindustrial era: a collection of scientific articles.* Moscow: People's Friendship University of Russia. 39—47. ISBN 978-5-209-04444-4. (In Russ.).

Balashova, Yu. B. (2017). Typology of popular science press of the beginning of the XX century. *Scientific notes of the Kazan University. Series: Humanities, 159 (3):* 680—690. (In Russ.).

Fetkullina, G. A. (2013). Multimedia media at the beginning of the XXI century. *Bulletin of the RSUH. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies, 12:* 179—185. (In Russ.).

Gatov, V. The future of journalism. In: *How new media changed journalism.* Available at: http://newmedia2016.digital-books.ru/kniga/budushhee-zhurnalistiki (accessed 23.10.2020). (In Russ.).

Demchenko, P. N., Kaptilova, E. N. (2019). Nauchno-popular mass media: actual problems and possible ways of their solution. In: *Transformation of the media environment in the XXI century: Materials of the international scientific and practical conference.* Moscow: RSUH. 200—205. (In Russ.).

Karpenko, I. I. (2013). Convergence in the media environment: concept and types. *Scientific vedomosti of the Belgorod State University. Series: Humanities, 13 (18):* 190—194. (In Russ.).

Kiria, I. (2010). What is multimedia? In: *Journalism and convergence: why and how traditional media turn into multimedia.* Moscow: Aspect Press. 13—29. (In Russ.).

Konstantinova, E. G. (2009). Popularization of science on the modern Russian screen: the crisis of direction and ways to overcome. In: *Mediascope, 1.* Access mode: http://www.mediascope.ru/популяризация-науки-на-современном-российском-экране-кризис-направления-и-пути-преодоления (accessed 18.10.2020). (In Russ.).

Lazarevich, E. A. (1979). Popular science journal as a type of publication. *Bulletin of the Moscow University. Journalism, 11 (1):* 12—20. (In Russ.).

Loseva, N. (2010). Convergence: perestroika biznes-modeli, editorial space and brains. In: *Journalism and convergence: why and how traditional media turn into multimedia.* Moscow: Aspect Press. 69—78. (In Russ.).

Multimedia journalism: a textbook for universities. (2017). Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 413 p. ISBN 978-5-7598-1189-3. (In Russ.).

Parafonova, V. A. (2016). *Popular science journals in the structure of modern media: typological and profile features.* PhD Diss. Tver. 186 p. (In Russ.).

Rodionova, Yu. D. (2016). Compliance with the principles of popularization in popular science journals (on the example of the magazine "Around the World"). *Modern trends in the development of science and technology, 10:* 141—145. (In Russ.).

Shesterkina, L. P. (2013). Communication convergence of journalism, advertising and PR. *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, 3:* 31—36. (In Russ.).

Steens, O., Van Fucht, D. (2008). New Media. *Bulletin of the Volgograd State University. Literary Studies. Journalism, 8 (7):* 98—106. (In Russ.).

Suvorova, S. P. (2009). Scientific and popular science journalism: features of the subject area, functions and tasks. *Bulletin of the Moscow University, 10 (6): Journalism.* 14—23. (In Russ.).

Tendit, K. N. (2012). *History of Journalism: a textbook, 1.* Komsomolsk-on-Amur. 155 p. (In Russ.).

Tertychny, A. A. (2015). Methods of popularization of scientific knowledge in modern media. In: *Information field of modern Russia: practices and effects: collection of arti-*

cles of the XXI International Scientific and Practical Conference. Kazan: Institute of Mass Communications and Social Sciences of KFU. 330—336. (In Russ.).

Vaganov, A. G. (2016). Evolution of forms of popularization of science in Russia: XVIII—XXI centuries. *Innovation. Education, 3:* 64—77. (In Russ.).

Vartanova, E. Quality brands need to strengthen their presence in the market. In: *AMI.* Available at: https://newsarmenia.am/news/interview/e-vartanova-kachestvennym-brendam-nuzhno-usilivat-svoe-prisutstvie-na-rynke (accessed 13.10.2020). (In Russ.).

Vorontsova, T. A. (2014). Popular science discourse in modern Russian media (problems of genre and style). *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 6:* 38—42. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Дякина А. А. Публицистика и публицистичность в творческой практике И. А. Бунина / А. А. Дякина // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 190—205. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-190-205.

Dyakina, A. A. (2021). Publitsistika in Creative Work of I. A. Bunin. *Nauchnyi dialog, 3:* 190-205. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-190-205. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-190-205

Публицистика и публицистичность в творческой практике И. А. Бунина

Дякина Анжелика Александровна
orcid.org/0000-0002-6319-6966
доктор филологических наук,
профессор
anjeloprof@mail.ru

федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина»

(Елец, Россия)

Publitsistika in Creative Work of I. A. Bunin

Angelica A. Dyakina
orcid.org/0000-0002-6319-6966
Doctor of Philology, Professor
anjeloprof@mail.ru

Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education “Bunin
Yelets State University”

(Yelets, Russia)

© Дякина А. А., 2021

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос преломления категорий «публицистика» и «публицистичность» в творчестве И. А. Бунина. Показано, что определение «публицистика» в категориальном понимании применимо, в первую очередь, к его произведениям периода эмиграции, носящим общественно-политический характер. Особое внимание уделяется истокам литературно-критической и мемуарной публицистики, намеченным в ранних статьях и очерках Бунина, в которых обнаруживаются признаки «публицистичности», расширяющие границы заявленной тематики до уровня социальных проблем. Автор останавливается на отдельных чертах, свойственных будущей публицистической манере писателя: склонность к полемичности, прямолинейность позиции, открытые выпады в сторону оппонентов, использование художественности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью рассмотрения ранних литературно-критических статей, очерков Бунина, его «Речи на юбилее газеты “Русские ведомости”» и публицистики зрелого периода как целостного творческого процесса, имеющего свою динамику. Новизна исследования видится в предложенном подходе к рассмотрению специфики публицистического наследия писателя, который заключается в системно-целостном понимании, привлечении интегративных гуманитарных знаний в качестве контекста и комментариев. Предлагается в текстологическом анализе публицистических произведений Бунина использовать апробированные автором математические и информационные методы исследования.

Ключевые слова:
Бунин; публицистика; публицистичность; писательская публицистика; системный подход; интегративные знания.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article discusses the issue of refraction of the categories “publitsistika” (publicism) and “publitsistichnost” (with the elements of publicism) in the work of I. A. Bunin. It is shown that the definition of “publitsistika” in the categorical sense is applicable, first of all, to his works of the period of emigration, which are of a socio-political nature. Particular attention is paid to the origins of literary-critical and memoir publitsistika, outlined in Bunin’s early articles and essays, in which signs of “publitsistichnost” are found, expanding the boundaries of the declared topic to the level of social problems. The author dwells on certain features characteristic of the future publicistic manner of the writer: a tendency to polemics, a straightforward position, open attacks towards opponents, the use of artistry. The relevance of the study is due to the need to consider early literary critical articles, essays by Bunin, his «Speeches on the anniversary of the newspaper “Russkie vedomosti”» and publicistic of the mature period as an integral creative process that has its own dynamics. The novelty of the research is seen in the proposed approach to considering the specifics of the writer’s publicistic heritage, which consists in a systemic and holistic understanding, the involvement of integrative humanitarian knowledge as a context and comments. It is proposed to use mathematical and informational research methods approved by the author in the textual analysis of Bunin’s publicistic works.

Key words:
Bunin; publicism; publitsistichnost’; writing publicism; systemic approach; integrative knowledge.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1Бунин.07

Публицистика и публицистичность в творческой практике И. А. Бунина

© Дякина А. А., 2021

1. Введение: категориальный аппарат исследуемой проблемы

Однозначного определения понятие «публицистика» не получило ни в работах отечественных исследователей, ни в словарных статьях. В 2013 году Л. Г. Свитич, проанализировав ситуацию с терминологической шаткостью, писала: «Итак, публицистика маркируется или как область литературы, или как сфера журналистики. В одних случаях это род, в других — тип, в-третьих — вид произведений в зависимости от того, для какой области творчества определяется. Но практически все авторы согласны с тем, что публицистике присуща актуальность, социально-политическая направленность, оценочность и стремление воздействовать на общественное мнение» [Свитич, 2013, с. 19].

Поддерживая дискуссию о необходимости терминологических уточнений в сфере печати, Л. Е. Кройчик обращал внимание на специфику явления: «Публицистическое творчество, — подчеркивал он, — литература здравого смысла, — литература, соединяющая субъективный взгляд на мир со стремлением постичь закономерность процессов, протекающих в этом мире» [Кройчик, 2014, с. 144].

Вопросы теории публицистики активно разрабатывались и ранее, скажем, в 80-е годы прошлого столетия. Отдельные суждения на этот счет не утратили своей актуальности доныне. Так, Е. П. Прохоров предложил отличать «публицистику» от «публицистичности». Он писал: «Публицистичность — это такое свойство художественного произведения, научного сочинения, исторического трактата, записок мемуариста, политического документа, которое проявляется с содержательной стороны как вторжение в текст суждений о соотносимых с темой явлениях и проблемах современности, ее событий и персонажей, когда в произведении звучит голос современности, прочитывается “злоба дня”, ставятся и решаются вопросы, волнующие общественное мнение» [Прохоров, 1984, с. 51]. А. Рубашкин считал необходимым выделять и рассматривать в качестве особой сферы «писательскую публицистику как специфическое явление искусства», «естественное продолжение творчества, но в иных формах» [Рубашкин, 1980, с. 16]. Именно писательская публицистика, по мнению М. И. Стюфляевой, в первую очередь характеризуется многогранным выражением

CC BY

«образной мысли», широким привлечением художественных ресурсов и возможностей [Стюфляева, 1982, с. 114]. С учетом приведенных мнений о содержании обозначенных понятий (публицистика, публицистичность, писательская публицистика) обратимся к творческому наследию И. А. Бунина, которое с этих позиций не рассматривалось.

2. Публицистическое наследие Бунина: возвращение в Россию

Отвечая утвердительно на вопрос, есть ли в творческой практике Бунина публицистика, следует определиться с корпусом произведений, которые сюда могут быть отнесены. Справедливо, что «его публицистика не замыкалась на общественно-политической тематике, ее проблематика и жанры были намного шире: это и духовно-нравственные, эстетические проблемы, вопросы народного, сословного характера и быта; это и рецензии, и критика, и публичные выступления, и воспоминания, и эпистолярный жанр, и дневники, и материалы для художественных произведений» [Ким, 2020, с. 130]. Бунинская публицистика периода эмиграции, посвященная социально-политическим проблемам революции, гражданской войны и последствиям коренной ломки российской государственности, первой вошла в научный и читательский оборот. Случилось это на волне отечественной перестройки. В исследовательской среде сразу же возникли разные точки зрения по поводу их места в системе творческого наследия, художественного или «внехудожественного». О. Н. Михайлов авторитетно заявлял: «Публицистика Бунина — органическая часть его художественного творчества» [Бунин, 1998, с. 5], им руководимый научный коллектив называл «Окаянные дни» — «книгой художественной публицистики» [Там же, с. 468]. Другие ученые те же произведения писателя относили к «внехудожественным» [Скроботова, 2006]. Позиция И. М. Ильинского обобщала обе позиции. «Окаянные дни, — писал он, — документ сугубо политический, идеологический, талантливо окрашенный в художественные краски и тона» [Ильинский, 2009, с. 5].

Конец XX столетия — время очередного излома отечественной истории — обострил внимания к той части наследия Бунина, которая была ему созвучна и представляла писателя как «белого» эмигранта, страстно отвергавшего большевистский режим, как «лидера того большинства, которое исповедовало православно-монархические идеалы» [Бунин, 1998, с. 5]. Отмеченная клеймом «антисоветчины», эта часть публицистики Бунина прежде была не доступна в стране победившего социализма. Актуализация ее произошла в условиях объявленной демократизации и гласности, когда мысли писателя о пагубности революционного переворота напрямую соотносились с текущим процессом переоценки ценностей, воспринимались

CC BY

как «пророчества», насильственно вычеркнутые из активного общественного сознания идеологами коммунистической партии.

Особое значение в процессе «возвращения» на Родину принадлежало книге «И. А. Бунин. Публицистика 1918—1953 годов» [Бунин, 1998], которая вбирала в себя все известные на текущий момент публицистические произведения писателя послереволюционного периода и сопровождалась серьезными научными комментариями, основательной вступительной статьей, задававшей векторы будущих исследований. Восприятие текстов, представленных в издании, накладывалось на сведения, почерпнутые из работ Ю. Мальцева [Мальцев, 1994] об эмигрантском периоде жизни и творчества писателя, Г. Жиркова о журналистике русского зарубежья [Жирков, 1998], а также из многочисленных публикаций о первой волне русской эмиграции.

На рубеже XX — XXI столетий социально-политическая публицистика Бунина рассматривались с точки зрения мотивно-образной структуры, проблемно-тематического пространства, жанрового своеобразия. Многочисленные исследования этих лет связаны с компаративистикой, позволявшей соотнести взгляды писателя на революцию и гражданскую войну с мировоззрением его современников: Пришвина [Подоксенов, 2007], Шолохова [Сатарова, 2001], других писателей — и найти точки схождения двух ветвей русской мысли, зарубежной и отечественной. С начала 2000-х годов и до настоящего времени активно развивается еще одно направление исследования бунинской публицистики, при котором она вписывается в газетно-журнальный контекст: основательно изучаются творческие контакты писателя с отдельными изданиями Орла («Орловский вестник») [Кондратенко, 2013], Одессы («Южное слово», «Южное обозрение»), Прибалтики («Сегодня») [Бакунцев, 2009; Бакунцев, 2011; Бакунцев, 2014]. Такие работы опираются на тщательный анализ широкого спектра архивных материалов, благодаря чему в научный оборот вводятся ранее неизвестные тексты писателя, представленные в отечественной и зарубежной периодике. Предпринимаются попытки к целостному осмыслению роли журналистики в творческой судьбе И. А. Бунина [Дякина и др., 2019].

Постижение особенностей творческой манеры Бунина-публициста все более требует интеграции гуманитарных знаний: филологических, культурологических, исторических, философско-религиозных и др. Это особенно важно в процессе подготовки комментариев, нуждающихся в постоянных дополнениях в связи с установлением новых фактов из истории журналистики, литературы, в целом культуры русского зарубежья. Интересные результаты дает синергия филологических и математических, информационных методов исследования публицистических текстов писате-

CC BY

ля, позволяющая определить их стилистическую идентичность / изменчивость. Такой подход может стать серьезным подспорьем в ситуации, когда авторство текста не установлено или вызывает сомнения. Так, к примеру, известно, что Бунин не всегда подписывал свои публикации в «Орловском вестнике». Потому при атрибутировании интересующих исследователя произведений в процессе текстологической деятельности вычислительное приложение («Временной стилистический анализатор»), разработанное на языке программирования C#, крайне необходимо. Вероятностно-статистическая модель анализа в прикладном литературоведении, ставшая возможной в связи с современным уровнем развития цифровых технологий, была апробирована автором в ходе преподавания филологических дисциплин и показала свою эффективность [Дякина и др., 2020].

3. Публицистичность ранних произведений как исток литературно-критической и мемуарной публицистики Бунина

В настоящее время перспективным представляется системно-целостное изучение публицистического наследия Бунина, предусматривающее установление истоков мастерства, рассмотрение эволюции проблем, образов, авторского отношения к различным сторонам изображаемой действительности. Истоки неповторимой публицистической манеры Бунина следует искать в его ранних литературно-критических произведениях, увидевших свет в конце 1880-х годов на страницах газеты «Орловский вестник» и журнала «Родина». Это время, когда начинающий автор становится сотрудником губернского издания, пробует себя буквально во всех жанрах словесного творчества. На страницах периодики он выступает как автор статей, очерков, обзоров, рецензий, фельетонов. Его ранние литературно-критические работы в проблемно-тематическом плане отражали художественные поиски начинающего писателя. Основная плоскость его интересов, конечно же, — литература и искусство. Но, говоря о них, Бунин непременно касается актуальных общественно важных вопросов. Так, в статье «Поэт-самоучка. По поводу стихотворений Е. И. Назарова» (1888) он поднимает проблему создания литературного союза — «сплоченной и объединенной корпорации», в которой молодые авторы могли бы получать помощь, творчески развиваться [Бунин, 1973, с. 290]. На фоне все чаще «раздающихся голосов» «о необходимости интеллигенции прийти на помощь народу» Бунин предлагает конкретные формы такой помощи: «направлять на истинный путь и способствовать совершенствованию тех проблесков народной мысли, которые сами собой начинают обнаруживаться», помогать «интеллектуальному развитию наиболее талантливых людей из народа» [Там же]. Вопросы художественного творчества, соотнесенные

CC BY

с соответствующими социальными проблемами, культурными запросами общества, добавляют ноты актуальности бунинской статье, придают ей налет публицистичности.

Весьма характерно для ранних литературно-критических работ Бунина пристальное внимание к истокам формирования творческого сознания, к почве, питающей талант. В упомянутой выше статье поднимается еще одна проблема творчества: молодой автор размышляет о значимости жизненного пути писателя — соразмерности багажа, «данного» Богом и «отданного» людям. Эта интенция развивается также в статьях «К будущей биографии Н. В. Успенского» (1890) и «Памяти Т. Г. Шевченко» (1891). Можно сказать, что на протяжении всего творчества Бунин постоянно возвращается к мысли о том, какой след оставляет «по себе» человек.

В контексте публицистичности отметим, что в одной из ранних статей — «Недостатки современной поэзии» (1888) — заметны качества, свойственные в более развитой форме зрелым публицистическим произведениям Бунина: полемический настрой, четкое определение собственной позиции, построение суждений по принципу соотношения прошлого и современного. В своих работах молодой автор уже достаточно смело применяет экспрессивно-оценочные средства, выражающие его отношение к сказанному. Так, называет «Еженедельное обозрение» «журнальчиком»; говорит об «изданиях низшего калибра», чем «Русская мысль»; утверждает, что Буренин «ополчился на современных поэтов» [Бунин, 1967, т. 9, с. 488]. Подобная образность «выдает» в авторе будущего жесткого, подчас непримиримого критика и художника с обостренным чувством слова. Вряд ли правомерно говорить об «озлобленности», «агрессивности, отрицательном пафосе» поздних публицистических выступлений Бунина, якобы берущих начало в отечественный период творчества писателя, тем более упрекать его в «уязвленном самолюбии» «подмаксимки», проявленном будто бы в интервью начала 1900-х годов и обостренном в публицистике, как это делают некоторые исследователи [Риникер, 2004, с. 453]. Более того, сам пафос публицистических выступлений писателя, думается, следует интерпретировать иначе. Что же касается принципов оценки литературных явлений, представленных в статье 18-летнего автора «Недостатки современной поэзии», то они выльются в форму принципиальной критики современной литературы («Речь на юбилее газеты “Русские ведомости”», 1913) задолго до публицистических статей с подобной маркировкой социальных процессов, происходящих в России.

Рассмотрение ранних произведений Бунина позволяет говорить о формировании его системы ценностей, в которой уже прочерчены основные принципы будущей зрелой публицистики. Им писатель никогда не изменял и отстаивал их, несмотря ни на что. Одна из таких ценностей — неразрыв-

CC BY

ная связь таланта с почвой, его формирующей. Отсюда желание писателя изучить явление с начала, с первоистоков, понять основу зарождения и развития мастерства. Потому, оценивая литературное явление, он обращается к изучению среды, питающей и вдохновляющей творчество. Бунин внимательно всматривается в родословную писателя, анализирует факты его жизненного пути и приходит к выводу о том, что истоки мастерства могут быть совершенно разными, но сами по себе они не решают состоятельности творчества. Всякая сфера жизни, по мнению Бунина, достойна внимания художника, отсюда — проблемно-тематическое многообразие творческих поисков. С другой стороны, среда может содействовать или препятствовать развитию таланта, преграждая пути творческой мысли. Но даже в этом случае талант способен развиваться, укрепляться, доходить до совершенства — все зависит от степени дарования (в статьях выстраивается линия «Назаров — Шевченко»). Неблагоприятная среда в конечном итоге обогащает человека сложным жизненным опытом, глубокими переживаниями, придающими произведениям искусства силу «притягательной печали» (Шевченко).

Еще одна составляющая интересов Бунина — личность художника, ответственность человека за свой талант. Здесь для автора две противоположности: Н. Успенский, имевший все возможности для творческого развития, но растративший свой талант на бродяжничество и питейные заведения, сыскавший в конечном итоге презрительную усмешку людей; и Шевченко, крепостной крестьянин, упорно шедший к просвещению, развивавший и укреплявший свой дар к слову, рисованию, ставший выдающимся мастером, оставивший по себе добрую и светлую память. Размышления о судьбе Н. Успенского выводят Бунина-критика на уровень серьезной социально-этической проблемы, а именно — отношение к талантливому человеку со стороны общества в самом разном его выражении: собратья по перу, критика, читательская и обывательская среда. Здесь обнаруживается начало неизменного поиска писателем ответов на вопросы о «страшных загадках русской души» [Бунин, 1966, т. 5, с. 274].

Публицистическая направленность ранних литературно-критических статей Бунина сопряжена с вопросами эстетики. Начинающий писатель столкнулся с отсутствием четких критериев оценки произведений искусства, а значит, с возможностью произвольного, весьма субъективного истолкования творчества тех или иных авторов (например, Фофанова). Такая критика, по мнению Бунина, не способна воспитывать и развивать художественный вкус читателя, то есть выполнять свое прямое социальное и культуроформирующее предназначение. Что касается отношения между писателями, то Бунин постоянно подчеркивает значимость таковых и для начинающих авторов, и для авторов из народа, не имевших возможности полноценного приобщения

CC BY

к развитой интеллектуальной среде, и для взаимного обогащения писателей разных уровней в процессе творческого и личного общения.

Две статьи из ранних работ Бунина стоят особняком: «Маленькая беседа» («Орловский вестник», 1891, № 27) и «Новые течения» («Орловский вестник», 1891, № 109, 111). Первая разоблачает точку зрения журнала «Север» на развитие русской поэзии послепушкинского периода, вторая — осуждает позиции таких крупных газет, как «Гражданин», «Московские ведомости», и их единомышленников в провинции, «вещающих» об упадке литературы и печати. Обе работы имеют форму «прямого публицистического выступления» и демонстрируют решительный настрой автора отстаивать свою точку зрения. В «Маленькой беседе» прослеживается развитие литературно-критических традиций А. С. Пушкина («О журнальной критике», «О записках Видока», «Торжество дружбы ...» и др.). Они выражаются в форме произведения, которая представляет собой «открытый протест» против существующего мнения; в содержании, где используются прямые обращения к оппоненту, доказательства и весь ход мысли направлены на него, но и на читателя как публичного свидетеля «поединка».

В отношении своего оппонента (господина библиографа «Севера») Бунин, вслед за великим предшественником, допускает открытые колкости, намеки на незнание или непонимание им рассматриваемых литературных явлений. Молодой автор категорически не согласен с тем, что после Пушкина наступил упадок поэзии, виною которого Некрасов и его последователи (Надсон, к примеру). Автор не считает возможным свести послепушкинскую поэзию только к линии Фета и приводит примеры не совсем удачных фетовских строк, звучащих нелепо. Цитируя стихотворение Фета «Царь-Колокол», Бунин язвительно замечает, что подобные строки «подходят в какой-нибудь журнальчик для отдела “Афоризмов и шарад”», но они никак не могут быть «образцами настоящей истинной поэзии» [Бунин, 1973, с. 299].

Литературно-критические работы Бунина раннего периода явились важным шагом на пути его становления как публициста. Серьезные публицистические акценты, расставленные в них в связи с литературно-эстетическими вопросами, позволяют судить о творческих и личностных приоритетах начинающего автора, его живой заинтересованности в судьбах современной отечественной словесности как части духовной жизни России. Статьи Бунина отличает, с одной стороны, взвешенность суждений, аргументированность выводов, достаточная сдержанность в выражении эмоций и, с другой стороны, очевидная четкость позиций, стремление отстаивать и защищать свою точку зрения.

Публицистичность свойственна и ранней очеркистике Бунина. Эта страница творчества писателя также связана с «Орловским вестником»

CC BY

(1889—1892 годы), где публикуются отдельные произведения из задуманных циклов «Обломки дворянства», «Старое и новое»: «Божьи люди», «Дементьевна», «Судорожный», «Шаман и Мотька», «Мелкопоместные. Очерки из жизни елецких помещиков», «День за день», «Старая история». Современные исследователи характеризуют жанровую сущность очерка как «синкретическое соединение трех начал — социологического (научного), публицистического и художественного» [Кройчик, 2000, с. 304]. Попытаемся понять, насколько произведения Бунина соответствуют нынешним характеристикам и какие из них преобладают в его практике.

Писатель по-настоящему исследует социальные стороны жизни своих героев, стремится показать причины, породившие те или иные характеры. Вместе с тем прямых рассуждений на этот счет нет; все становится понятным из общего контекста повествования. Очерки Бунина — это воспроизведенные картины действительности, в каждой из которых разработан определенный конфликт, прослеживается линия взаимоотношений персонажей, выстраивается своя повествовательная направленность, включающая описание поступков героев и авторские рассуждения. Причем позиция автора чаще всего обнаруживается в отдельных замечаниях. Автор нередко находится «за сценой», а «все свои важные мысли и идеи он передоверяет своим героям» [Прохоров, 1984, с. 296]. Все вышесказанное позволяет считать так называемое «социологическое начало» реализованным в ранних очерках Бунина. Между тем нельзя не заметить ориентацию автора на образность и типологизацию сюжетного рисунка, то есть на художественность произведения.

Очевидно и другое свойство публицистической направленности — фактографическая основа очерков. Опорной точкой сюжета в них служат реальные события, участником которых вполне мог быть сам автор (авторского присутствия нет только в очерке «День за день»). Отсюда обороты, подобные следующим: «Прежде всего должен сказать, что мы — в усадьбе помещика Капитона Николаевича Шахова, в сельце Прудки, центре того района мелкопоместных, в котором мы пробудем Знаменские праздники» [Бунин, 1965, т. 2, с. 368]. Группировка фактов в произведении такова, что читатель «чувствует» жизненность происходящего, правдоподобие изображаемых характеров. Вероятно, писатель допускает долю вымысла, вполне оправданного спецификой художественно-публицистического жанра.

Художественная направленность бунинских очерков усматривается в стремлении создать убедительно-образную картину действительности, типичных процессов, ситуаций и характеров. Очерк как жанр предполагает повествование от лица реального публициста со своей оценочной позицией. Автор «организует сюжет, формирует взгляд аудитории на опи-

CC BY

сываемое событие» [Кройчик, 2000, с. 162], в том случае, к примеру, когда становится участником событий, происходящих в поезде на Орловско-Грязинской дороге (очерк «Судорожный»). Бунин, однако, не вписывается в рамки ограниченных требований и подчас предоставляет своим персонажам возможность не только действовать самостоятельно, но и организовывать повествовательное пространство. Сам же автор, словно сторонний наблюдатель, высказывает лишь предположения, не дает прямых ответов, касающихся судьбы героев. К примеру, очерк «Божьи люди» завершается показательной на этот счет фразой: «Неизвестно, где теперь Рафаил. А труп Тимоши унесли, наверно, весенние потоки и похоронили в глубоком овраге или на дне озера» [Бунин, 1973, с. 145].

Очерк как жанр публицистики призван в образной форме представить социальные и нравственные закономерности жизни, выразить частные ситуации в наиболее типичном их проявлении. Бунин широко привлекает художественные возможности осмысления действительности, что придает его произведениям статус «пограничности». Не случайно и сам автор, и его современники, и позже исследователи его творчества называли ранние произведения то очерками, то рассказами, больше склоняясь ко второму, акцентируя внимание на художественности текстов. С другой стороны, нельзя забывать, что «писательская публицистика» тяготеет к синтетическим, диффузным жанрам; Бунин в этом плане не был исключением.

Подлинно публицистическим произведением отечественного периода творчества можно считать его «Речь на юбилее газеты “Русские ведомости”» (1913), вызвавшую широкий отклик общественности на уровне персональных выступлений и журналистского анкетирования под лозунгом «Прав ли Бунин?».

По сути, юбилейная дата газеты «Русские ведомости» послужила удачным поводом публичного выступления Бунина и открытого заявления им своего отношения к современной литературе. Он был убежден, что газета, публикующая произведения авторов с «определенными, устойчивыми ценностями», тем самым противостоит «уродливым отрицательным» литературным явлениям, которых за последние двадцать лет «во сто крат больше, чем положительных» [Бунин, 1973, с. 317]. «Уродливыми» писатель склонен был считать принесенные с запада «декаданс, символизм» и другие современные течения, которые, по мнению газетной критики, создали «несметное количество новых ценностей», преобразили «прозаический язык», возвели «на высоту» и обогатили «стихотворный», затронули «глубочайшие вопросы духа», выявили «новую психику», были мудры, дерзновенны [Там же, с. 318—319]. Между тем Бунин убежден в обратном: «За немногими исключениями, не только не создано за последние годы никаких ценностей, а на-

CC BY

оборот, произошло невероятное обнищание и омертвение русской литературы» [Там же, с. 319]. Саркастически писатель замечает: «Немногое исчезло: совесть, чувство, такт, мера, ум … растет словесный блуд» [Там же]. А далее продолжает еще более твердо и принципиально: «Исчезли драгоценнейшие черты русской литературы: глубина, серьезность, простота непосредственность, благородство, прямота, — и морем разлились вульгарность и дурной тон, — напыщенный и неизменно фальшивый» [Там же, с. 320]. В том, что «испорчен русский язык», Бунин в равной мере винит и писателей, и газеты. Подражательство, поклонение чужим богам, новым кумирам, появлявшимся «каждую зиму», имитация стилей и эпох — все это в литературе и жизни общества, по мнению художника, не что иное, как «Вальпургиева ночь» [Там же]. Скандалы, разжигаемые газетами вокруг каких-то имен, возводили их на пьедестал почета. Не приемля подобных явлений в литературе и журналистике, Бунин приветствует близкую себе позицию «Русских ведомостей». Газета, по его мнению, «никого не рекламировала, не гонялась ни за какой сенсацией, не создавала скороспелых репутаций, не подносила читателю сведений о частной жизни писателей и всяческих слухов о них» [Там же]. В позиции «Русских ведомостей» Бунин отмечает объективность художественных оценок, умение выделять «все ценное даже и у тех, которые по своему направлению совсем не подходили к ним» [Там же]. Тем самым она не позволяла «проповедовать безграничный индивидуализм, разнузданность все себе позволяющей личности, прославлять под видом утонченности разврат, искоренять из литературы идеи общественности, разрушать веру в силу разума и проповедовать мистические туманы, шаткие метафизические построения» [Там же].

Бунин благодарен «Русским ведомостям» за то, что они указывали на истоки литературных «уродств»: «общую расшатанность, неустойчивость нашей общественной мысли и неорганизованность общественного мнения, на нашу подражательность Европе» [Там же]. Он согласен, что отсюда «неразбериха» и в литературе: «не оригинальность, а оригинальничанье», смешение «движения вперед с чисто дикарским отрицанием заслуг всех своих предшественников», «дерзновенных полетов мысли с дерзостью», «рост и разносторонность индивидуальности с развращенностью ее» [Там же, с. 322].

В речи Бунин дважды апеллирует к Толстому. Подкрепляет свои рассуждения мыслями классика по поводу литературных явлений. Он солидарен с предшественником в том, что произошло «поразительное понижение литературы, — понижение вкуса и здравого смысла читателей, публики» [Там же, с. 318], в том, что появились «подделки под художественные произведения», которые проводятся в жизнь газетами, журналами и критикой [Там же, с. 322]. В конце речи, бросая вслед за Толстым фразу о том, что от

CC BY

газетно-журнального сообщества зависит «вся будущность просвещения европейского мира» [Там же], Бунин поблагодарил «Русские ведомости» за «благородство». Заключительную фразу, как и все содержание, вряд ли можно отнести только к вежливому комплименту в адрес юбиляра. При всей эмоциональности оценок нельзя упрекать Бунина в отсутствии объективности, ведь он не публиковался в этой газете, а значит, не имел от нее хоть какой-то финансовой или прочей зависимости.

Рассмотренные выше произведения отечественного периода творчества писателя по своей тональности соотносятся с той частью его зрелой публицистики, которую О. Н. Михайлов определял как литературно-критическую и мемуарную [Бунин, 1998, с. 16]. Что же касается социально-политической публицистики Бунина формата «Окаянных дней», речи «Миссия русской эмиграции» и т. п., то ей, конечно же, близки выступления 1918—1920 годов на страницах одесской печати, а также дневниковые записи, связанные с первой русской революцией (увидевшие свет в 1937 году под названием «Октябрь»).

Таким образом, совершенно очевидно, что задолго до революционных потрясений 1917 года, Гражданской войны, до отъезда из России в контексте публицистичности произведений формируется эстетическая, аксиологическая и философская основа многоаспектной и многожанровой бунинской публицистики, определяется принципиальная направленность его будущих оценок прошлого и современного сквозь призму наиболее близкой ему сферы — словесного искусства, культуры и духовности.

4. Заключение

Изучение публицистического наследия Бунина, начавшееся на рубеже XX—XXI веков, требует своего не только филологического и журналистского продолжения. Перспективны, на наш взгляд, междисциплинарные исследования, предусматривающие интеграцию, в первую очередь, гуманитарных знаний. Такое научное сопряжение наиболее востребовано для основательных всесторонних комментариев публицистических текстов Бунина, расширения уже имеющихся сведений. Необходимы серьезные усилия в пополнении корпуса самих публицистических произведений писателя, которые могли быть представлены в газетно-журнальной периодике русского зарубежья и ныне не стали еще достоянием научной общественности. Требуют атрибутирования тексты газеты «Орловский вестник» 1889—92 годов, то есть того периода, когда в ней трудился писатель и публиковал материалы, которые не всегда подписывались. Газетно-журнальный контекст России и русского зарубежья в целом представляется самым «близким собеседником» в диалоге с Буниным-публицистом. Ему, думается, следует и впредь уделять

CC BY

первостепенное внимание с целью контекстуального постижения самобытности публицистического наследия писателя.

Источники

1. *Бунин И. А.* Литературное наследство / И. А. Бунин. — Т. 84, в 2-х кн. — Москва : Наука, 1973. — Книга 1. — 696 с.

2. *Бунин И. А.* Публицистика 1918—1953 гг. / И. А. Бунин ; под общ. ред. О. Н. Михайлова ; вступительная статья О. Н. Михайлова ; коммент. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. — Москва : Наследие, 1998. — 640 с. — ISBN 5-9208-0022-4.

3. *Бунин И. А.* Собрание сочинений в 9 т. / И. А. Бунин. — Москва : Художественная лит-ра, 1965—1968. — Т. 2. — 1965. — 527 с.

4. *Бунин И. А.* Собрание сочинений в 9 т. / И. А. Бунин. — Москва : Художественная лит-ра, 1965—1968. — Т. 5. — 1966. — 543 с.

5. *Бунин И. А.* Собрание сочинений в 9 т. / И. А. Бунин. — Москва : Художественная лит-ра, 1965—1968. — Т. 9. — 1967. — 622 с.

Литература

1. *Бакунцев А. В.* И. А. Бунин и русская пресса Прибалтики в 1920—1930-е гг. / А. В. Бакунцев // Журналистика в 2008 году : Общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ : сборник материалов Международная научно-практическая конференция. — Москва : Медиа Мир, 2009. — С. 338—339.

2. *Бакунцев А. В.* «... Препятствий не встречал бы …». Новые материалы о несостоявшемся назначении И. А. Бунина редактором газеты «Южное обозрение» (1898—1899) / А. Бакунцев // Дом князя Гагарина : сборник научных статей и публикаций. — Одесса : Симекс-принт, 2011. — Т. 6. — С. 192—200. — DOI: 10.22455/2541-8297-2017-4-124-142.

3. *Бакунцев А. В.* И. А. Бунин на страницах одесской печати в годы Гражданской войны / А. В. Бакунцев // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2014. — № 5. — С. 55—71.

4. *Дякина А. А.* Журналистика в творческой судьбе И. А. Бунина : монография / А. А. Дякина, А. А. Кравченко. — Елец : ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина», 2019. — 162 с.

5. *Дякина А. А.* Интегративное обучение студентов-филологов с применением цифровых технологий (на примере текстологического анализа публицистики И. А. Бунина) / А. А. Дякина, А. М. Лопухин // Фундаментальные проблемы обучения математике, информатике и информатизации образования : сборник тезисов докладов международной научной конференции, посвященной 180-летию педагогического образования в г. Ельце. 25—27 сентября 2020 г. — Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2020. — С. 128—130.

6. *Жирков Г. В.* Между двух войн : Журналистика русского зарубежья (1920—1940 годы) : учебное пособие / Г. В. Жирков. — Санкт-Петербург : ИГУП, 1998. — 208 с. — ISBN 5-7621-0075-8.

7. *Ильинский И. М.* Белая правда Бунина (заметки о бунинской публицистике) / И. М. Ильинский // Русский мир. — 2009. — № 4. — С. 5—26.

8. *Ким М. Н.* И. А. Бунин — публицист. О книге А. Измайлова «Ищу я в этом мире сочетанья ...» : Этюды о публицистике И. А. Бунина / М.Н. Ким // Управленческое консультирование. — 2020. — № 3. — С. 129—131.

8. *Кондратенко А. И.* Елецкие страницы истории отечественной журналистики / А. И. Кондратенко. — Орел : ПФ «Картуш», 2013. — 174 с.

9. *Кройчик Л. Е.* Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. — Санкт-Петербург : Знание, СПбВЭСЭП, 2000. — С. 125—167. — ISBN 5-7320-0539-0.

10. *Кройчик Л. Е.* Принципы публицистического творчества / Л. Е. Кройчик // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2014. — № 5. — С. 130—144.

11. *Мальцев Ю.* Иван Бунин. 1870—1953 / Ю. Мальцев. — Москва : Посев, 1994. — 432 с. — ISBN 5-85824-007-0.

12. *Подоксенов А. М.* М. М. Пришвин и И. А. Бунин об истоках и причинах революционной смуты 1917 г. / А. М. Подоксенов // Вестник Тамбовского ун-та. Серия Гуманитарные науки. — 2007. — Выпуск 12. — С. 80—88.

13. *Прохоров Е. П.* Искусство публицистики : Размышления и разборы / Е. П. Прохоров. — Москва : Советский писатель, 1984. — 359 с.

14. *Риникер Д.* «Литература последних годов — не прогрессивное явление во всех отношениях …» : Иван Бунин в русской периодической печати (1902—1917) / Д. Риникер // И. Бунин. Новые материалы. — Выпуск 1. — Москва : Русский путь, 2004. — С. 402—563. — DOI: 10.17223/15617793/435/2.

15. *Рубашкин А.* Прямая речь. Очерки о советской писательской публицистике / А. Рубашкин. — Ленинград : Советский писатель, 1980. — 366 с.

16. *Свитич Л. Г.* Современная периодика : поле понятий и терминов / Л. Г. Свитич // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2013. — № 6. — С. 6—24.

17. *Скроботова О. В.* Жанрово-тематическое многообразие «внехудожественного» творчества И. А. Бунина 1917—1923 годов : дневники, публицистика : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. В. Скроботова. — Елец, 2006. — 181 с.

18. *Стюфляева М. И.* Образные ресурсы публицистики / М. И. Стюфляева. — Москва : Мысль, 1982. — 176 с.

Material resources

Bunin, I. A. (1966). *Collected works v 9 t., 2.* Moscow: Art Literature. 527 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1966). *Collected works v 9 t., 5.* Moscow: Art Literature. 543 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1967). *Collected works v 9 t., 9.* Moscow: Art Literature. 622 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1973). *Literary heritage, 84 (2) / 1.* Moscow: Nauka. 696 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1998). *Publicistics of 1918—1953.* Moscow: Heritage. 640 p. ISBN 5-9208-0022-4. (In Russ.).

References

Bakuntsev, A. V. (2009). I. A. Bunin and the Russian press of the Baltic States in the 1920s — 1930s. In: *Journalism in 2008: The public agenda and the communicative practices of the media: a collection of materials International Scientific and Practical Conference.* Moscow: Media World. 338—339. (In Russ.).

Bakuntsev, A. V. (2011). "... I would not have encountered any obstacles..." New materials about the failed appointment of I. A. Bunin as editor of the newspaper "Southern Review" (1898—1899). *The House of Prince Gagarin: a collection of sci-*

CC BY

entific articles and publications, 6. Odessa: Simex-print. 192—200. DOI: 10.22455/2541-8297-2017-4-124-142. (In Russ.).

Bakuntsev, A. V. (2014). I. A. Bunin on the pages of the Odessa press during the Civil War. *Bulletin of the Moscow University, 10 (5): Journalism.* 55—71. (In Russ.).

Dyakina, A. A., Kravchenko, A. A. (2019). *Journalism in the creative fate of I. A. Bunin: monograph.* Yelets: Yeletsky State University named after I. A. Bunin. 162 p. (In Russ.).

Dyakina, A. A., Lopukhin, A. M. (2020). Integrative training of students of philology with the use of digital technologies (on the example of the textual analysis of the journalism of I. A. Bunin). In: *Fundamental problems of teaching mathematics, informatics and informatization of education.* Yelets: Yelets State University named after I. A. Bunin. 128—130. (In Russ.).

Ilinsky, I. M. (2009). Belaya pravda Bunina (notes on Bunin's journalism). *Russian World, 4:* 5—26. (In Russ.).

Kim, M. N. (2020). I. A. Bunin-publicist. About the book by A. Izmailov "I am looking for a combination in this world ...": Etudes on the journalism of I. A. Bunin. *Managerial consulting, 3:* 129—131. (In Russ.).

Kondratenko, A. I. (2013). *Yeletsky pages of the history of domestic journalism.* Orel: PF "Kartush". 174 p. (In Russ.).

Kroychik, L. E. (2000). The system of journalistic genres. In: *Fundamentals of the creative activity of a journalist.* Saint-Petersburg: Znanie, SPbVESEP. 125—167. ISBN 5-7320-0539-0. (In Russ.).

Kroychik, L. E. (2014). Principles of publicistic creativity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Journalism, 10 (5):* 130—144. (In Russ.).

Maltsev, Yu. (1994). *Ivan Bunin. 1870—1953.* Moscow: Posev. 432 p. ISBN 5-85824-007-0. (In Russ.).

Podoksenov, A. M. (2007). M. M. Prishvin and I. A. Bunin on the origins and causes of the revolutionary turmoil of 1917. *Bulletin of the Tambov University. Humanities series, 12:* 80—88. (In Russ.).

Prokhorov, E. P. (1984). *The art of journalism: Reflections and analysis.* Moscow: Soviet Writer. 359 p. (In Russ.).

Riniker, D. (2004). "Literature of the last years — not a progressive phenomenon in all respects...": Ivan Bunin in the Russian periodical press (1902—1917). In: *I. Bunin. New materials, 1.* Moscow: Russian Way. 402—563. DOI: 10.17223/15617793/435/2. (In Russ.).

Rubashkin, A. (1980). *Direct speech. Essays on Soviet writers journalism.* Leningrad: Soviet Writer. 366 p. (In Russ.).

Skrobotova, O. V. (2006). *Genre-thematic diversity of "non-artistic" creativity of I. A. Bunin 1917—1923: diaries, journalism.* PhD Diss. Yelets. 181 p. (In Russ.).

Stuflyaeva, M. I. (1982). *Figurative resources of journalism.* Moscow: Mysl. 176 p. (In Russ.).

Svitich, L. G. (2013). Modern periodicals: the field of concepts and terms. *Vestnik Moscow University. Journalism, 10 (6):* 6—24. (In Russ.).

Zhirkov, G. V. (1998). *Between two wars: Journalism of the Russian Diaspora (1920—1940): a textbook.* Saint-Petersburg: IGUP. 208 p. ISBN 5-7621-0075-8. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Кихней Л. Г. Ономастический код в произведениях Дины Рубиной «Наполеонов обоз» и «Белая голубка Кордовы» / Л. Г. Кихней, Е. С. Тулушева // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 206—217. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-206-217.

Kihney, L. G., Tulusheva, E. S. (2021). Onomastic Code in the Works of Dina Rubina "Napoleon Convoy" and "The White Dove of Cordoba". *Nauchnyi dialog, 3:* 206-217. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-206-217. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-206-217

Ономастический код в произведениях Дины Рубиной «Наполеонов обоз» и «Белая голубка Кордовы»

Кихней Любовь Геннадьевна [1]
orcid.org/0000-0003-0342-7125
доктор филологических наук,
профессор
lgkihney@yandex.ru

Тулушева Елена Сергеевна [2]
orcid.org/0000-0001-6374-4662
преподаватель
be-so-happy@yandex.ru

[1] образовательное частное учреждение высшего образования «Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова»

(Москва, Россия)

[2] федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(Москва, Россия)

Onomastic Code in the Works of Dina Rubina "Napoleon Convoy" and "The White Dove of Cordoba"

Lyubov G. Kihney [1]
orcid.org/0000-0003-0342-7125
Doctor of Philology, Professor
lgkihney@yandex.ru

Elena S. Tulusheva [2]
orcid.org/0000-0001-6374-4662
Lecturer
be-so-happy@yandex.ru

[1] Private Educational Institution of Higher Learning "A. S. Griboedov Institute of International Law and Economics"

(Moscow, Russia)

[2] National Research University "Higher School of Economics"

(Moscow, Russia)

© Кихней Л. Г., Тулушева Е. С., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются семантические и сюжетогенные циклообразующие функции ономастической парадигмы в произведениях Дины Рубиной «Наполеонов обоз» и «Белая голубка Кордовы». Актуальность исследования обусловлена тем, что трилогия «Наполеонов обоз» ранее не подвергалась научному анализу, также не проводилось сопоставление художественных приемов этой трилогии с приемами других произведений Дины Рубиной. Новизна исследования видится в том, что на материале новейших романов Рубиной выявлены повторяющиеся мотивы овеществления и очеловечивания имени, придание ему статуса самостоятельного существа, персонажа, равноправного с носителями этого имени. Уделяется внимание тенденциям использования ономастического кода и тяготения его к определенному типу персонажей, история жизни которых рассматривается автором в сопоставлении с персонажами, теряющими, скрывающими и намеренно деформирующими свои имена в обширном хронотопе, охватывающем период от эпохи античности, Возрождения и наполеоновских войн до наших дней. Доказано, что ономастический код, проявляясь в романах, входящих в разные трилогии, предстает структурным компонентом, цементирующим все позднее романное творчество Дины Рубиной как авторский сверхтекст, устроенный по единым семантическим законам. Имя собственное в произведениях Рубиной является метасимволом, знаком идентификации личности в ее уникальности и в истории рода и семьи.

Ключевые слова:
ономастика; ономастический код; трилогия; Дина Рубина; сквозные мотивы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The semantic and plot-generating functions of the onomastic paradigm in the works of Dina Rubina “Napoleon wagon train” and “The White Dove of Cordoba” is examined in the article. The relevance of the study is due to the fact that the trilogy “Napoleon’s Wagon Train” has not previously been subjected to scientific analysis, nor has the artistic techniques of this trilogy been compared with those of other works by Dina Rubina. The novelty of the research is seen in the fact that, based on the material of the latest novels by Rubina, repeated motives of the reification and humanization of a name, giving it the status of an independent being, a character equal to the bearers of this name, are revealed. Attention is paid to the tendencies in the use of the onomastic code and its gravitation towards a certain type of characters, the life story of which is considered by the author in comparison with the characters who lose, hide and deliberately deform their names in an extensive chronotope, covering the period from the era of antiquity, the Renaissance and the Napoleonic wars to the present day. It is proved that the onomastic code, manifested in novels included in different trilogies, appears as a structural component cementing all the later novelistic works of Dina Rubina as the author’s supertext, arranged according to uniform semantic laws. The proper name in Rubina’s works is a meta-symbol, a sign of personality identification in its uniqueness and in the history of the clan and family.

Key words:
onomastics; onomastic code; trilogy; Dina Rubina; cross-cutting motives.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1Рубина.07+81’373.231/.232

Ономастический код в произведениях Дины Рубиной «Наполеонов обоз» и «Белая голубка Кордовы»

© Кихней Л. Г., Тулушева Е. С., 2021

1. Введение

Исследования ономастического кода как значимого мотива в художественной или мифопоэтической модели мира восходят к трудам В. Н. Топорова [Имя …, 2007, с. 15—133; Топоров, 1989], обращавшегося к этимологии имен, их семантической ауре, формируемой как определенным текстом, так и совокупностью прецедентных текстов культуры. Сакральную значимость приобретает сокрытие имени в специфических обстоятельствах, смена или сохранение имени, идентификация персонажа по имени. Исследования В. Н. Топорова в лингвистическом отношении развиваются в трудах Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко, 1998], В. И. Супруна [Супрун, 2000] и др., в литературоведении — в статьях Л. Г. Кихней [Kikhney, 2019], В. Н. Михайлова [Михайлов, 2015] и др. В творчестве Дины Рубиной ономастика подробно рассматривалась Н. В. Ланге на примере трилогии «Русская канарейка» [Ланге, 2019].

В настоящей статье исследуется функция ономастического кода как значимого приема в произведениях «Белая голубка Кордовы» и «Наполеонов обоз». При рассмотрении ономастического кода использованы методы сравнительного и сопоставительного анализа, а также структурно-семантический и контекстуальный методы анализа.

2. Ономастический код трилогии «Наполеонов обоз»

Трилогия «Наполеонов обоз» (2018) — новейшее крупное произведение Рубиной — содержит мотив тождественности и повторяемости имени собственного. В роду Бугровых, к которому принадлежит один из главных героев трилогии, Аристарх Бугров, все мужчины носят либо имя Аристарх, либо имя Семен, и, соответственно, на протяжении двух столетий Аристархи Семеновичи чередуются с Семенами Аристарховичами: «Наконец-то в семье возобновилась традиция, вековая чечетка имен — Аристарх-Семен-Аристарх-Семен! Аристарх!» [Рубина, 2020, кн. 1, с. 259].

Причина такого постоянства в семейной легенде о сокровище, завещанном прародителем Бугровых — офицером наполеоновских войск, отставшим от обоза вместе с драгоценностями. В соответствии с завещанием первого Аристарха Бугрова — обрусевшего наполеоновского офицера

CC BY

Аристарха Бугеро (он же Ари Бугерини): «Присовокупляю также завещание на изъятие и унаследование сих колоссальнейших средств моими потомками, по предъявлении коего завещания, и только лишь по нему одному, выдано долженствует быть все от владетелей оного банка в руки Бугровым, Аристарх, либо же Симону» [Рубина, 2020, кн. 2, с. 429].

Фамильное чередование имен продолжается приблизительно два столетия: первый Аристрах Бугров, назвавший своего сына Семеном, участвовал в кампании 1812 года и, соответственно, был рожден в конце XVIII века (обрусев, он берет себе имя *Аристарх Семенович*, это наводит на мысль, что его отца звали Симоном, и он, возможно, продолжает зародившуюся ранее в его семье традицию). Последний представитель рода Бугровых, который присутствует в тексте романа, нарушает традицию: он носит имя Алексей, и фамилия у него — материнская, а не отцовская. Будучи сыном Аристарха Бугрова, он тем не менее не может заявить права на наследство, хотя и находит реестр драгоценностей, без которого нельзя претендовать на богатство. В романе упомянуто, что приемная мать, вырастившая Алексея, специально нарушила традицию: «Семен? … Иди ты в задницу со своей семейной сагой, — проговорила почти снисходительно. — Он — Алексей, в честь моего деда» [Рубина, 2020, кн. 3, с. 23].

Имя как идентификатор личности — достаточно спорный способ доказать право на наследство. Прежде всего, в романе не обсуждается и, видимо, даже не рассматривается вариант наличия у представителя рода Бугровых двух и более сыновей, которые, в свою очередь, могут стать отцами новых Бугровых: наследство не дробится (и это уже признак пребывания в магической реальности, в которой у отца может быть только один сын). «У отца в роду по мужской линии два только имени и тасовались: Семен и вот этот Аристарх паскудный» [Рубина, 2020, кн. 1, с. 253]. Помимо этого, имя может быть изменено, что и происходит с героями романа: не имеющий отношения к роду Бугровых, но знакомый с их историей Павел Матвеев берет себе имя «Аристарх Бугров» и выдает себя за наследника. Имя становится знаком тождественности личности: услышав, как другого человека называют Аристархом, настоящий Аристарх Бугров испытывает приступ ярости: «Одна лишь мысль, что его имя, как потерявшийся ребенок, как девочка — по вокзалам, как … — эта мысль скрутила внутренности огненным жгутом. Словно его имя было живым существом, которое держали в вонючем застенке, насилуя, издеваясь и насмехаясь. Словно это батя, мальчишка, сирота, звал его из подземелья измученным голосом. И надо было ринуться, раскидать, уничтожить — защитить!» [Рубина, 2020, кн. 3, с. 374]. В этой магической реальности не существует однофамильцев

CC BY

и тезок, имя принадлежит человеку как фамильная собственность, и единственный способ доказать свое тождество — убить лже-двойника.

Первый представитель рода — итальянец Ари Бугерини — при этом дважды меняет свое имя, превращаясь сначала во француза Аристарха Бугеро, а затем в русского Аристарха Бугрова: «С родной семьей порвал, французом заделался, стал Бугеро» [Рубина, 2020, кн. 2, с. 166]. Наследство Ари Бугерини хранится в швейцарском банке и в соответствии с завещанием может быть отдано только Аристарху или Семену Бугрову. Семья Бугровых в течение 75 лет проживает на территории Советского Союза, граждане которого с большим трудом могли выехать в западные страны, а в годы репрессий старались скрыть свое аристократическое происхождение. Тем не менее семейное предание продолжает передаваться, и нарушение традиции происходит отнюдь не по политическим причинам — сына Аристарха зовут Алексей, так как Надежда втайне от отца забирает этого сына к себе и тщательно скрывает его существование.

Судьбы героев романа погружены в историю России: основная история разворачивается в наши дни, но герои постоянно вспоминают о своих родителях, дедах и прадедах. Аристарху и Надежде в романе более сорока лет, они оба — поздние дети, и судьба их родителей, а тем более дедов и бабушек связана с 1930—1940-ми годами — эпохой репрессий, Великой отечественной войны, когда многие люди утрачивали документы, специально или случайным образом меняли имена. Так, Аристарх только перед смертью матери узнает от нее, что на самом деле ее девичья фамилия — Граевская, а не Устинова, что она была удочерена, передана в чужую семью бабушкой, спасавшей внучку от репрессий. В поисках своей родной бабушки, Доры Граевской, Аристарх встречается с Моисеем Гинзбургом, взявшим себе имя умершего товарища по лагерю — Муса Алиевич Бакшеев. Парадоксальным образом в рамках одной и той же семьи соединены Софья Граевская, предки которой меняли и искажали свои имена, чтобы выжить, и Семен Бугров — усыновленный сирота, тем не менее твердо хранивший свою фамильную идентификацию, имя и фамилию.

Часть сюжетных линий романа — история мамы Аристарха, история Моисея Гинзбурга — показывают, что имена постоянно менялись, искажались и забывались. Однако имя Аристарха Бугрова в этой обстановке сохранилось. Экзотичность данного имени, которая должна послужить гарантией его эксклюзивности, также ставится под сомнение: в романе присутствует персонаж по имени Изюм Алмазович Давлетов — друг Надежды, который способствовал ее встрече с Аристархом спустя двадцать пять лет разлуки. Упоминается, что сестру Изюма зовут Серенада. Также на жизненном пути Аристарха встречается учительница музыки с редкой

CC BY

фамилией Бадаат, которую и в лицо, и за глаза называют «старухой Баобаб». И Изюм, и Вера Самойловна Бадаат выполняют роль проводников, соединяющих Аристарха с давно утерянным, но принадлежащим ему по праву: благодаря Вере Самойловне Аристарх узнает о своем происхождении (причем она ни на секунду не сомневается, что ее ученик и есть потомок того самого наполеоновского офицера, ориентируясь лишь на тождество имени), а Изюм приводит Аристарха к его возлюбленной Надежде.

Таким образом, в мире, где имена меняются и теряются, искажаются и забываются, могут быть выдуманы и подделаны, имя «Аристарх Бугров» живет своей жизнью, становясь как бы душой своего носителя — не случайно Аристарх сравнивает свое имя с живым существом. В тексте Рубиной немало внимания уделено тому, как Аристарх Бугров переживает из-за экзотического имени («Бугров … Ари … Ари … страх? — и весь класс валится от хохота на парты» [Рубина, 2020, кн. 1, с. 254]»), как его имя искажают. Так, Надежде не приходит в голову, что новый товарищ ее соседа и есть ее потерянный возлюбленный, так как сосед, не зная имени Аристарх, называет своего приятеля «Сашок» (очевидно, неверно идентифицировав уменьшительное «Сташек»). Аристарх Бугров уважает и отличает тех, кто правильно выговаривает его имя — саму Надежду, Веру Самойловну Бадаат, и снисходительно представляется «Ари» тем, кто вряд ли выговорит полную версию его экзотического имени. Тем не менее он с годами принимает и начинает уважать свое имя.

Обращает на себя внимание и следующий факт: от первого Аристарха Бугрова до последнего должно было смениться несколько поколений, однако в тексте упоминается только о двух Аристархах, первом и последнем, и о двух Семенах — сыне Аристарха-первого и отце Аристарха-последнего. Авантюристы, путешественники, военные Аристархи Семеновичи составляют контраст с основательными «собирателями», берегущими фамильное наследство Семенами Аристарховичами.

О том, что имя *Аристарх Бугров* является своеобразной сущностью, живым существом, свидетельствует и следующий факт. Аристарх долгое время считал себя бездетным, не зная, что ему все же удалось продолжить род: о том, что у него есть сын, он узнает от Надежды, когда сын уже взрослый. В «Наполеоновом обозе» упоминается случайная встреча отца и сына: «Вдруг ему под ноги подбежал — как подкатился — пацан лет четырех. <…> И сразу откуда-то сверху женский голос крикнул: — Лешик, Лешик! <…> Стаху почему-то не хотелось отводить глаз от маленькой фигурки в явно дорогой импортной курточке, в синих сапожках …» [Рубина, 2020, кн. 2, с. 471]. Мальчик оказался рядом с посольством Израиля, так как где-то неподалеку, «на складах», трудилась его мама (Надежда), а Аристарх

CC BY

оформлял визу для выезда — главные герои разминулись на двадцать лет. Со взрослым сыном Аристарх в тексте так и не встретился, но его фото идентифицировал как свое: «Не понял. Где это я? Когда? Она с усилием разлепила глаза и зажмурилась от света лампы: он стоял у стола и держал в руке фотографию» [Рубина, 2020, кн. 3, с. 21]. Символом их родства становится не имя и не фамилия, но удивительное внешнее сходство. Генетически Алексей Авдеев и Аристарх Бугров — родные, но назвать их отцом и сыном в прямом смысле слова нельзя: Аристарх не воспитывал Алексея, и они никогда не встречались, за исключением мимолетной встречи, во время которой они не идентифицировали друг друга. Словом, имя *Аристарх Бугров*, оскорбленное тем, что его присвоили, обиженное тем, что последний Аристарх Бугров долгое время не принимал и не любил его, отомстило своему последнему хозяину.

3. Ономастический код в романе «Белая голубка Кордовы»

Мотив анимализации имени, его искажения и сохранения самотождественности намечен в более раннем произведении Рубиной: в романе «Белая голубка Кордовы» (2009). Герой этого романа, Захар Кордовин, воображает свою фамилию в виде ящерицы: «… Имя его предков, как дерзкая ящерица, сбрасывало хвосты, петляя меж столетиями, оставляя в дураках врагов и преследователей; сутью же оставалась Кордова, исток и корень, основа, дух, удел: ослепительный свет и черная тень на белой стене, и могучая жажда жизни, и воля к действию, и хладнокровное мужество, и собственное понятие о законе и беззаконии» [Рубина, 2018, с. 591]. Захар пробивается сквозь толщу веков к истинной истории своего имени: в отличие от Аристарха Бугрова он не знаком с историей своего рода и фамилию получил по матери, Рите Кордовиной. Захар Кордовин носит имя, полностью совпадающее с именем его деда, наследует его внешность и отождествляет себя с ним: «Перед ним лежал все тот же окаянный Захар, опять Захар и только Захар, словно этот мертвый паскудник — гопник этот! — както умудрился сделать ребенка собственной дочери!» [Там же, с. 244]. Разыскивая спрятанные дедом картины, Захар буквально перевоплощается в него, что в итоге помогает обнаружить бесценные холсты.

Увлечение живописью погружает Кордовина в историю его рода: исследование истории картины, написанной почти тезкой Захара Кордовина — художником Саккариасом Кордоверой, — приводит его к установлению того, что Кордовины-Кордоверы-Кордовесы — это «известный, очень разветвленный род, происхождение испанского имени — как сам понимаешь, из Кордовы, хотя корни рода уходят в античные дебри — ведь евреи появились на Пиренейском полуострове еще при римлянах, — и

CC BY

даже ведут в Иерусалимский Храм, причем, не Второй, а Первый» [Там же, с. 407]. Как и в «Наполеоновом обозе», историю своего имени герой узнает от увлеченного специалиста, историка-еврея, чья память хранит в себе множество сведений. Историк Илан рассказывает о братьях-пиратах Иммануэле и Саккариасе Кордовера, что выявляет второе родовое имя — Мануэль. Это имя носят найденная в Кордове девушка, дальняя родственница Захара Мануэла, и ее родной брат Маноло.

В «Белой голубке Кордовы» присутствует и мотив кражи имени, однако это скорее не присвоение, а неравноценный обмен, происходящий между носителями почти тождественных имен, являющимися дальними родственниками. Захар Кордовин выдает картину Саккариаса Кордоверы за произведение Эль Греко, а свою собственную картину, изображающую его возлюбленную Пилар, подписывает именем Кордоверы. Имя Захара Кордовина как художника давно утрачено и незначимо: Кордовин позиционирует себя как эксперта международного класса в области подделок картин, по факту же он сам является изготовителем искусных подделок. Гениальный художник, он не может позволить себе подписать ни одной картины своим именем: «Ладно, — наконец, произнес он шепотом. — Я верну должок. Я отдам тебе Пилар! <…> Он выдавил на палитру маслянистую змейку умбры жженной, выхватил из стеклянной вазы на столе кисть и, склонившись над портретом Пилар, — не станем дожидаться Страшного суда! — вывел понизу угловатыми крепкими буквами: Zacarias Cordovera» [Там же, с. 503].

Как и имена в «Наполеоновом обозе», фамилия *Кордовин* в различных вариантах огласовки является ключом к потерянному семейному «уделу» — серебряному кубку, по преданию, вынесенному служителями Иерусалимского храма через катакомбы. Не представляя ценности этого предмета, Захар Кордовин сдает его в антикварную скупку в Ленинграде, чтобы купить себе книгу Плавта, в чем впоследствии всю жизнь раскаивается. Кубок с так и не прочитанной надписью преследует его в кошмарных снах, и буквы на нем складываются в разные надписи и лозунги — «Последний срок сдачи реферата — в начале марта, коллеги!», «А у Таньки-то второй муж — еврей», «Почему бы тебе, сукин сын, не завернуть по пути в Кордову?» [Там же, с. 480] — и, наконец, в «родовом гнезде», в Кордове, Захар узнает, что же на самом деле написано на его утраченном уделе: «Князьям изгнания братьям Кордовера Заккарии и Иммануэлю дабы не разлучались во мщении отлил эти два кубка из священной чаши иерусалимской в день отплытия галеона мастер Раймундо Эспиноса» [Там же, с. 590]. В конце романа Захар Кордовин находит в Кордове другую ветвь своего рода — обладателей кубка-близнеца, потомков Мануэля Кордовера, в семье которых передавалась легенда о том, что рано или поздно должен прийти второй брат, дон Саккариас.

CC BY

Захар Кордовин, как и Аристарх Бугров, является представителем древнейшего рода (причем в случае Кордовина генеалогия прослеживается вплоть до эпохи античности), в котором повторяются два родовых имени. При этом, в отличие от чередующихся в роду Бугровых Аристархов и Семенов, чья тождественность подразумевает наличие у отца только одного сына, род Кордовиных — многодетный, с генетически передающейся склонностью к рождению близнецов. Фамилия *Кордовин*, как и фамилия *Бугров*, подвергается фонетическим трансформациям, оставаясь при этом узнаваемой. У Захара Кордовина, как и у Аристарха Бугрова, существует краткая версия имени — Зак, которой он представляется случайным знакомым.

Интересной также представляется этимология имен Эммануэль (Мануэль, Маноло), Захар (Саккариас), Семен (Симон) и Аристарх. В соответствии с данными словаря антропонимов, имена Эммануэль, Захар и Семен имеют библейское происхождение и означают соответственно «с нами Бог», «Бог вспомнил» и «Бог услышал». Имя Аристарх же имеет греческое происхождение и означает «лучший вождь» [Петровский, 2000, с. 12—34]. Аристарх как бы «выбивается» из ряда — не случайно его передразнивают, над ним смеются, имя коверкают (в истории жизни Захара Кордовина подобные эпизоды отсутствуют), и сам герой пытается дистанцироваться от своего имени.

Наконец, сходна и судьба главных героев двух произведений: и Аристарх Бугров, и Захар Кордовин, пройдя трагический путь обретения и принятия своего имени, умирают, так и не успев познакомиться с продолжателями рода: «… ему, в эти минуты восходящему на эшафот за многочисленные свои прегрешения, одиннадцатому в своем роду дону Саккариасу Кордовера, не позволено узнать, что через пять дней в Толедском госпитале Вирхен де ла Салюд роженице Пилар Гарсиа Морос принесут на первое кормление ее новорожденных — двух совершенно одинаковых мальчиков весом по два килограмма сто граммов — поразительно здоровых и крепких для недоношенных младенцев» [Рубина, 2018, с. 619]. Об именах близнецов ничего не сообщается, однако, поскольку Пилар не знакома с историей рода Кордовиных, она может дать имена и по своему вкусу. Так же поступает и Надежда, вырастившая сына Алексея, чрезвычайно похожего на отца: «… смерть матери да отца, которого он в глаза не видал, ухом не слыхал. <...> Как подошел, глянул в гроб, пока не завинтили, сказал: “Ха! Будто сам лежу, только постарше”» [Рубина, 2020, кн. 3, с. 448].

В обоих произведениях речь идет, главным образом, о тождественности внешности и имен мужчин: так, Захар Кордовин-младший внешне очень похож и на Захара Кордовина-старшего, и на Саккариаса Кордове-

CC BY

ра, а сын Аристарха Бугрова внешне является его копией. В то же время в «Белой голубке Кордовы» упоминается о тождественности внешности и женщин: Мануэла Кордовера очень похожа на мать Захара, и первое время Захар видит в ней реинкарнацию Риты Кордовиной (а Мануэла, в свою очередь, принимает Захара за своего брата). Захар отождествляет двух женщин в танце [Рубина, 2018, с. 563]. Практически идентичная сцена присутствует в «Наполеоновом обозе»: Аристарх Бугров узнает свою молодую маму в актрисе Уме Турман [Рубина, 2020, кн. 2, с. 225], танцующей твист в фильме «Криминальное чтиво». Узнавание оборачивается возможностью посмотреть на маму: Бугров прокручивает сцену танца на Youtube вновь и вновь, но при этом тождество внешности двух женщин отнюдь не свидетельствует об их генетическом родстве.

4. Заключение

Таким образом, сквозным мотивом творчества Дины Рубиной следует признать ономастический код тождественности и идентификации мужского имени, имеющего древнее происхождение. В романе «Белая голубка Кордовы» намечаются основные моменты этого сквозного мотива (фонетическая переогласовка имени, его анимализация, связь тождества имени с тождеством внешности и личности, имя как ключ к истории рода и семьи и наследственному сокровищу — уделу), впоследствии более подробно раскрытые автором в тексте трилогии «Наполеонов обоз», где наряду с носителем редкого имени присутствуют истории и других имен и фамилий. Многочисленные второстепенные персонажи романа оттеняют более чем двухсотлетнюю историю жизни имени *Аристарх Бугров*, не подверженного ни потере, ни искажению. Трилогия «Наполеонов обоз» показывает и историю гибели этого существа-имени: выжив в годы репрессий и войны, оно погибло из-за того, что его предали, не передали далее по наследству в соответствии с семейной традицией, а также самовольно присвоили. Опираясь на мотив постоянного повторения имен, использованный Габриэлем Гарсиа Маркесом в романе «Сто лет одиночества» (ср. повторение имен Хосе Аркадио и Аурелиано в роду Буэндиа [Маркес, 2016]), Рубина углубляет и расширяет это повторение, показывая его на фоне различных событий российской и мировой истории и придавая имени магическую сущность. Имя служит своеобразным паролем, наподобие сказочного «Сезам, откройся!», оно должно привести к несметным сокровищам — родовому уделу, который по трагическому стечению обстоятельств героям так и не удается обрести. Трансформации и деформации имени, его идентификация с представителями рода, семьи являются семиотически нагруженными в художественном мире новейших произведений Дины Рубиной. Онома-

стический шифр является сквозным мотивом ряда произведений Рубиной. Он функционально проявляет скрытую, забытую связь поколений, связанных глубинным родством, и в этой связи является важнейшим семиотическим индексом романной циклизации трилогии «Наполеонов обоз».

Источники

1. *Маркес Г. А.* Сто лет одиночества / Г. А. Маркес ; перевод М. И. Былинкиной. — Москва : Харвест, 2016. — 480 с.

2. *Рубина Д. И.* Белая голубка Кордовы / Д. И. Рубина. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 624 с. — ISBN 978-5-04-091840-9.

3. *Рубина Д. И.* Наполеонов обоз. Книга 1. Рябиновый клин / Д. И. Рубина. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с. — ISBN 978-5-04-098081-9.

4. *Рубина Д. И.* Наполеонов обоз. Книга 2. Белые лошади / Д. И. Рубина. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с. — ISBN 978-5-04-099553-0.

5. *Рубина Д. И.* Наполеонов обоз. Книга 3. Ангельский рожок / Д. И. Рубина. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с. — ISBN 978-5-04-106025-1.

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф.* О природе ономастической семантики / Н. Ф. Алефиренко // Ономастика Поволжья : тезисы докладов VIII международной конференции, Волгоград, 8—11 сентября 1998 г. / отв. ред. В. И. Супрун. — Волгоград : Перемена, 1998. — С. 165—168. — ISBN 5-88234-273-2.

2. *Имя.* Семантическая аура. Именослов / имя. Филология имени собственного / Т. М. Николаева (ред.). — Москва : Языки славянских культур, 2007. — 360 с. — ISBN 5-9551-0163-2.

3. *Ланге Н. В.* Библейские имена в трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка» / Н. В. Ланге // Ономастика в Смоленске и Витебске : проблемы и перспективы исследования. — 2018. — № 6. — С. 52—56.

4. *Ланге Н. В.* Топонимы в трилогии Д. И. Рубиной «Русская канарейка» : Одесса, Алма-Ата, Вена / Н. В. Ланге // Ономастика в Смоленске и Витебске : проблемы и перспективы исследования. — 2019. — № 7. — С. 56—64.

5. *Михайлов В. Н.* О специфике литературной ономастики / В. Н. Михайлов // Истоки крымской лингвистической школы : (К 100-летию образования кафедры русского языка и Таврического университета) : в 2-х ч. — Симферополь : АРИАЛ, 2015. — Ч. 1. — С. 100—114.

6. *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. — Москва : Русские словари, 2000. — 384 с.

7. *Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В. И. Суприн. — Волгоград : Перемена, 2000. — 172 с. — ISBN 5-88234-390-9.

8. *Топоров В. Н.* Имя как фактор культуры (на злобу дня) / В. Н. Топоров // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры», 17—20 апреля 1989 г. — Москва : Наука, 1989. — С. 125—129.

9. *Kikhney L. G.* Onomastic code in Mandelshtam's poetry / L. G. Kikhney // Literatūra, 61 (2). — 2019. — Pp. 49—69. — DOI: 10.15388/Litera.2019.2.4.

Material resources

Marques, G. A. (2016). *One hundred years of solitude.* Moscow: Harvest. 480 p. (In Russ.).
Rubina, D. I. (2018). *White dove of Cordoba.* Moscow: Publishing house "E". 624 p. ISBN 978-5-04-091840-9. (In Russ.).
Rubina, D. I. (2020). *Napoleon's wagon train. Rowan Wedge, 1.* Moscow: Eksmo. 448 p. ISBN 978-5-04-098081-9. (In Russ.).
Rubina, D. I. (2020). *Napoleon's wagon train. White horses, 2.* Moscow: Eksmo. 480 p. ISBN 978-5-04-099553-0. (In Russ.).
Rubina, D. I. (2020). *Napoleon's wagon train. Angel horn, 3.* Moscow: Eksmo. 480 p. ISBN 978-5-04-106025-1. (In Russ.).

References

Alefirenko, N. F. (1998). On the nature of onomastic semantics. In: *Onomastics of the Volga region: Abstracts of reports VIII international conference, Volgograd, September 8—11, 1998.* Volgograd: Peremena. 165—168. ISBN 5-88234-273-2. (In Russ.).
Kikhney, L. G. (2019). Onomastic code in Mandelshtam's poetry. *Literatūra, 61 (2):* 49—69. DOI: 10.15388/Litera.2019.2.4.
Lange, N. V. (2018). Bible names in Dina Rubina's trilogy "The Russian Canary". *Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and prospects of research, 6:* 52—56. (In Russ.).
Lange, N. V. (2019). Toponyms in D. I. Rubina's trilogy "Russian Canary": Odessa, Alma-Ata, Vienna. *Onomastics in Smolensk and Vitebsk: problems and prospects of researcha, 7:* 56—64. (In Russ.).
Mikhailov, V. N. (2015). On the specificity of literary onomastics. *The Origins of the Crimean school of linguistics: (To the 100 anniversary of the Department of Russian and Taurida University), 2 (1).* Simferopol: ARIAL. 100—114. (In Russ.).
Name. Semantic aura. Nameseeker / name. Philology of the proper name. (2007). Moscow: Languages of Slavic Cultures. 360 p. ISBN 5-9551-0163-2. (In Russ.).
Petrovsky, N. A. (2000). *Dictionary of Russian personal names.* Moscow: Russian dictionaries. 384 p. (In Russ.).
Suprun, V. I. (2000). *Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential.* Volgograd: Peremena. 172 p. ISBN 5-88234-390-9. (In Russ.).
Toporov, V. N. (1989). Name as a factor of culture (on the malice of the day). In: *All-Union scientific and practical conference "Historical names-monuments of culture»", april 17—20, 1989.* Moscow: The Science. 125—129. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Курьянова В. В. Толстовский текст в творчестве Р. Акутагавы / В. В. Курьянова, Н. А. Сегал // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 218—230. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-218-230.

Kuryanova, V. V., Segal, N. A. (2021). Tolstoy's Text in Works of R. Akutagawa. *Nauchnyi dialog, 3:* 218-230. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-218-230. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-218-230

Толстовский текст в творчестве Р. Акутагавы

Курьянова Валерия Викторовна
orcid.org/0000-0001-7570-1926
кандидат филологических наук, доцент
kuryanova_v@mail.ru

Сегал Наталья Александровна
orcid.org/0000-0002-8213-5050
доктор филологических наук, доцент
natasha-segal@mail.ru

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

(Симферополь, Россия)

Tolstoy's Text in Works of R. Akutagawa

Valeria V. Kuryanova
orcid.org/0000-0001-7570-1926
PhD in Philology, Associate Professor
kuryanova_v@mail.ru ru

Natalia A. Segal
orcid.org/0000-0002-8213-5050
Doctor of Philology, Associate Professor
natasha-segal@mail.ru

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

(Simferopol, Russia)

© Курьянова В. В., Сегал Н. А., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье изучается сверхтекст в творчестве одного из самых популярных и загадочных писателей Японии начала XX века — Рюноскэ Акутагавы. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что проблема рассмотрения сверхтекстов — одно из перспективных междисциплинарных направлений современного гуманитарного знания. Указывается, что в литературоведении существует достаточно много работ о топосных текстах, но очень мало трудов, посвященных именному сверхтексту, которым является толстовский текст. Подчеркивается, что особенно активно толстовский текст начал создаваться в начале XX века, а сама личность Толстого вызывала интерес не только на родине, но и во всем мире. Отмечается, что известна обширная переписка писателя с общественными деятелями Японии. Утверждается, что художественные и публицистические тексты русского классика оказали влияние на развитие национальной литературы Японии. Особое внимание уделяется вопросу включения в текст персонического мифа о Льве Толстом как основы толстовского текста в творчестве Акутагавы. Показано, что японский писатель обращается к истории о яснополянском мудром старце, используя в качестве сюжета рассказа «Вальдшнеп» эпизод примирения Тургенева с Толстым. В заключение авторы отмечают, что в поздних своих произведениях («Зубчатые колеса», «Жизнь идиота») Акутагава подвергает сомнению искренность веры Л. Толстого в Бога, оригинальным образом интерпретируя мифологему «Лев Толстой и религия».

Ключевые слова:
сверхтекст; именной текст; толстовский текст; биографический миф; миф о Л. Н. Толстом; русская литература XX века; Р. Акутагава.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The supertext in the works of one of the most popular and mysterious Japanese writers of the early 20th century — Ryunosuke Akutagawa examined in the article. The relevance of this study is due to the fact that the problem of considering supertexts is one of the promising interdisciplinary areas of modern humanitarian knowledge. It is pointed out that in literary criticism there are quite a few works on topos texts, but very few works devoted to the nominal supertext, which is Tolstoy's text. It is emphasized that Tolstoy's text began to be created especially actively at the beginning of the twentieth century, and Tolstoy's personality itself aroused interest not only in his homeland, but throughout the world. It is noted that the author's extensive correspondence with public figures in Japan is known. It is argued that the fiction and journalistic texts of the Russian classic influenced the development of the national literature of Japan. Particular attention is paid to the issue of including in the text the personal myth of Leo Tolstoy as the basis of the Tolstoy's text in the works of Akutagawa. It is shown that the Japanese writer refers to the story of the Yasnaya Polyana wise old man, using the episode of reconciliation between Turgenev and Tolstoy as the plot of the story "Woodcock". In conclusion, the authors note that in their later works ("Cogwheels", "The Life of an Idiot") Akutagawa questions the sincerity of L. Tolstoy's faith in God, interpreting the mythologeme "Leo Tolstoy and Religion" in an original way.

Key words:
supertext; nominal text; Tolstoy's text; biographical myth; the myth of L. N. Tolstoy; Russian literature of the XX century; R. Akutagawa.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.521Акутагава.07+821.161.1Толстой.04

Толстовский текст в творчестве Р. Акутагавы

© Курьянова В. В., Сегал Н. А., 2021

1. Введение

Интерес к семиотическим системам в литературоведении конца XX века был обозначен разработкой теории сверхтекстов. Научное исследование активно начало развиваться после работы В. Н. Топорова «Петербург и Петербургский текст русской литературы (введение в тему)» (1995), именно в этой статье впервые была представлена теория топического сверхтекста на примере петербургского. Ученый отметил, что наличие значимого внетекстового субстрата (в случае исследования В. Н. Топорова — Петербурга), на котором основывается широкий круг литературных произведений, позволяет выделить «некий синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели» [Топоров, 1995, с. 23]. Исследователь утверждал, что именно в этом синтетическом единстве наиболее ярко совершается «прорыв» в область символического, в некую высшую реальность. Единый центр притяжения для всех текстов обеспечивает целостность этого синтеза, а вместе с ним — эстетическое единство, логику выбора художественных образов, устойчивый набор лейтмотивов.

В. Н. Топоров не только дал базовое определение, но и указал на сущностные характеристики сверхтекстов: кросс-жанровость, кросс-темпоральность, кросс-персональность [Там же, с. 194]. Эти характеристики указывают на то, что вне зависимости от жанра художественного произведения, времени его написания и конкретного авторства текст способен включаться в один или несколько сверхтекстов. Потенциальная несочетаемость смыслов художественных текстов, образующих сверхтексты, при внимательном анализе исчезает, и обнаруживается «монолитность (единство и цельность) максимальной смысловой установки (идеи)», находящейся в центре сверхтекста [Там же, с. 279].

Работа В. Н. Топорова дала мощный импульс многочисленным исследованиям разнообразных сверхтекстов. Были выделены разные способы их типологизации. Характерным представляется в контексте значительного числа типологий данного феномена подмеченный А. Г. Лошаковым парадокс: «выделить типы текстов интуитивным путём гораздо легче, чем теоретически обосновать возможность их классификации», исследователь настаивал на междисциплинарном пути, при котором лингвистика текста должна следовать за литературоведением [Лошаков, 2008, с. 50]. А. Г. Лошаков разделяет

CC BY

сверхтексты на «сбывшиеся» и «еще не сбывшиеся», также он предлагает два критерия для классификации феномена: во-первых, степень известности среди носителей культуры; во-вторых, специфику проявленной целостности. На основании данных критериев возможно разделение сверхтекстов на актуальные, актуализированные и потенциальные. Также исследователь предлагает выделять типы сверхтекста на основании качественной характеристики его центра, общности референта. По этому принципу А. Г. Лошаков выделяет событийный, локальный, именной серхтексты.

Другое основание для классифицирования, предложенное А. Г. Лошаковым, — автор и его роль в создании сверхтекста. Прежде всего выделяются «собственно авторские сверхтексты», объединяющие тексты одного или нескольких авторов (в этот тип входят и те случаи, когда автором является обобщенное лицо, например, народ). Эта категория распадается на индивидуально-авторские, коллективно-авторские, анонимно авторские разновидности. Наиболее легко вычленимы индивидуально-авторские сверхтексты, «они могут включать все тексты автора (авторов); тексты на определённую тему, написанные им (ими) в определённый период творчества и посвященные тому или иному лицу» [Андрюкова, 2012, с. 11]. Коллективно-авторские сверхтексты организованы общей мировоззренческой позицией коллектива и зачастую представлены журналами, газетами, сборниками. Анонимно-авторские представляют собой сверхтексты, которые образованы множеством анонимных произведений (например, анекдоты о Чапаеве; лозунги какой-либо партии).

Интересным представляется выделение квазиавторских сверхтекстов, образованных «вторичными текстами», созданными на основе первичных. К ним может быть причислен, например, весь корпус текстов исследовательских работ, посвященных творчеству того или иного писателя или творческой группы.

Для корректного выявления и последующей интерпретации сверхтекста необходимо придерживаться определённых принципов исследования. А. Г. Лошаков указал на необходимость профилированного прочтения (обоснованного Р. Бартом) круга текстов с установкой на целостность предполагаемого сверхтекста. Второе условие, непосредственно связанное с презумпцией целостности, — принцип «вненаходимости» исследователя (обоснованный М. М. Бахтиным), который позволяет свести к «единому формально-эстетическому ценностному контексту» различные контексты [Бахтин, 1986, с. 8] и совершить объективный отбор текстов, организующих сверхтекст, вне зависимости от времени их создания, отнесенности их стиля или жанра к той или иной литературной традиции, принадлежности к тому или иному автору (авторам).

CC BY

2. Общие положение персонического текста о Льве Толстом

В. Н. Топоров заметил, что петербургский текст «сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата» и требует от читателя «умения восстанавливать («проверять») связи с внеположенным тексту» [Топоров, 2009, с. 644]. То есть уже на этапе разработки теории топического сверхтекста было отмечено, что именно внетекстовые связи отличают сверхтекст от интертекста. Здесь проходит четкое разграничение понятий «свехтекст» и «интертекст». В литературе интертекстуальность предполагает включение того или иного образа в контекст конкретного художественного произведения, чаще всего в ходе анализа именно этого текста, в то время как сверхтекст — это цикл художественных текстов, притягивающихся к единому центру, роль которого играет определенный концепт.

Еще Р. Барт, взяв за основу семиотическую концепцию, разделяющую знак (по Барту — значение) на означаемое и означающее, назвал концепт означающим, закрепив за ним смысл. «Концепт всегда есть нечто конкретное, он одновременно историчен и интенционален, он является той побудительной причиной, которая вызывает к жизни миф» [Барт, 1989, с. 83]. В концепте заложены побудительные мотивы создания мифа. Через концепт в миф вводится определенная цепь событий, создающая систему художественного мира. Концепт определяет тип читателя, которому должен быть понятен генезис мифа на определенном уровне, для кого-то в меньшей степени, для кого-то в большей, но точно должен быть известен по крайне мере формой. Форма станет репрезентацией мифа. Таким образом, можно говорить о том, что концепт побуждает рождение мифа, а миф ложится в основу сверхтекста.

Толстовский текст, основанный на персоническом мифе о Л. Н. Толстом, является именным сверхтекстом наряду с пушкинским, лермонтовским, гоголевским и другими именными текстами русской литературы. Концепты персонических сверхтекстов обладают культурно-биографическими характеристиками, в случае толстовского текста таким центром становится Лев Николаевич Толстой — фигура, обладающая несомненным общемировым культурным значением и мифогенной биографией. Русский писатель выступает культурным героем по аналогии с героями архаичной мифологии, призванными в мир в конкретный момент, когда миру необходимо спасение, стремящимися восстановить гармонию, уравнять хаос и порядок. Так воспринимали Толстого многие его современники и представители последующих поколений, интерпретируя мифологемы, создающие образ яснополянского гения. Эти мифологемы, знакомые и понятные реципиенту, и становятся репрезентацией толстовского мифа в XX веке.

Поэтому под толстовским текстом в литературе мы понимаем «семантически связанную с личностью писателя систему семиотически значимых кон-

CC BY

стантных представлений (мифологем) о нём и его произведениях, являющихся знаковой манифестацией личности и творчества писателя и закрепленных в произведениях русской литературы. Толстовский текст оформляется и "прочитывается" обязательно и только с помощью единого для воспроизводящего и воспринимающего сознания интерпретирующего кода, который присущ писателю и читателю (зрителю, слушателю) как субъектам одного историко-литературного и социокультурного процесса» [Курьянова, 2019, с. 181—182].

Писательская мировая слава возникает еще при жизни творца, тогда же появляется и миф о нем. Являвшийся, безусловно, прецедентной личностью, обладавший уникальным даром, удивительной харизмой, притягивающий к себе людей, Толстой, в силу обстоятельств, вел очень открытую частную жизнь, масштабную общественную, его образ не мог не мифологизироваться уже современниками. Но первоначальным автором персонического мифа становится сам герой, создавая автобиографический миф своими произведениями и дневниками. После трагической смерти писателя к Ясной Поляне было приковано внимание всего мира, миф о Толстом стал только шириться дальше и дальше. Не обошло вниманием великого русского писателя и зарубежное искусство.

Рюноскэ Акутагава — один из самых популярных писателей японской литературы — был увлечен русской литературой, интересовался жизнью и творчеством русских классиков. Одна из первых новелл, которая принесла ему известность, — «Нос» (1916), отсылающая читателя к творчеству Н. В. Гоголя, являющаяся переложением сюжета русской литературы на японский лад в духе восточной притчи. Далее интерес к русской литературе только развивается. Акутагава сам написал предисловие к первому изданию своих произведений на русском языке, в котором отметил, что русская литература имеет большое влияние и на японскую литературу, и на западную. Такой интерес и влияние русского искусства писатель связывал со сходством национальных характеров русских и японцев: «Среди всей современной иностранной литературы нет такой, которая оказала бы на японских писателей и даже скорее на японские читательские слои такое же влияние, как русская. Даже молодёжь, не знакомая с японской классикой, знает произведения Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова. Одного этого достаточно, чтобы стало ясно, насколько нам, японцам, близка Россия …» [Акутагава, 1998, т. 4, с. 312]. Очень важное замечание для понимания функционирования биографического мифа русских писателей.

3. Толстовский текст в рассказе «Вальдшнеп»

Акутагава обращается к образу Льва Толстого в рассказе «Вальдшнеп» (1921), посвященном одному эпизоду непростых взаимоотношений двух

CC BY

великих русских писателей — Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева, — почерпнутому из мемуаров Ильи Львовича Толстого, переведенных «на японский язык с текста, печатавшегося в 1913 году в газете “Русское слово”, и вышедших под названием «Ко-но митару тити Торустой» в Токио, изд. Синтёся, в 1914 году, раньше, чем они вышли отдельным изданием в России» [Фельдман, 1974, с. 672]. Помимо этого, известно, что Акутагаве были знакомы не только многие записки о Толстом членов его семьи, но и биография писателя, написанная Бирюковым, дневники и статьи самого Толстого.

Илья Львович в своих воспоминаниях в начале главки «Тургенев», написанной практически в жанре научной статьи, ставит задачей «выяснить настоящую причину постоянных размолвок между этими двумя хорошими и сердечно любившими друг друга людьми, размолвок, доведших их до ссоры и взаимных вызовов» [Толстой]. Цель ясная, направленная на развенчание мифа, живущего в сознании общества, о ссоре двух писателей из-за литературного соперничества. Для Акутагавы как неореалиста (так он сам обозначал свой творческий метод) целью становится нечто иное: предложить читателю зарисовку, иллюстрацию собственных представлений о взаимоотношении двух людей, об отношении к правде и вымыслу. Из всей книги воспоминаний сына Толстого Акутагава «выбирает» наиболее характерные черты поведения и внешности писателя, уже на тот момент приближавшиеся к формам биографического мифа о нем.

В основу воспоминаний И. Л. Толстого положена история пребывания И. С. Тургенева в Ясной Поляне в 1880 году, через два года после «примирения» Л. Н. Толстого с ним. В воспоминаниях Ильи Львовича ровно так же, как и во многих других мемуарах (С. А. Толстой, С. Л. Толстого, Т. Л. Толстой, С. Берса и др.), основное внимание уделено желанию Толстого помириться с Тургеневым, то есть авторы обращаются к 1878 году, но Акутагава, упоминая о прошедшем сроке со дня примирения, использует именно эпизод охоты, как ему кажется, важный не только для показа взаимоотношений, но для отражения картинки из русской жизни. Воспроизводя пейзаж яснополянских мест, Акутагава считает необходимым подчеркнуть «поля ржи», «запах земли», не столько описывая пространство, сколько создавая образ самого хозяина этой земли. Встреча с деревенскими мальчишками, их поклон Льву Николаевичу, рассказ Толстого о занятиях с простыми ребятами, которых не он учит, а они его учат («слушая эту детвору, я учусь простым, прямым оборотам речи, о которых мы и понятия не имеем» [Акутагава, 1971, т. 1, с. 383]), также «работают» на биографический миф о Льве Толстом. Кроме того, это известные факты биографии писателя, но включенные безотносительно реального похода на охоту в определенный день, почерпнутые из остальных глав воспомина-

CC BY

ний И. Л. Толстого. Доказывает знакомство Акутагавы с другими рассказами о Толстом также кличка собаки — Дора, которая не названа И. Л., но есть, например, в мемуарах Т. Кузьминской.

Тургенев знаменит (и ценим Толстым) прежде всего циклом рассказов «Записки охотника», описание охоты, да и сама охота ему очень близки (об этом упоминает в рассказе и Акутагава: «В воображении Тургенева мелькнула картинка рассказа вроде главы из “Записок охотника”» [Там же, с. 384]; описания пейзажа, различных видов птиц, действительно, напоминают произведение Тургенева). Начинается тяга, Толстой отдает своему коллеге самое удобное место для охоты, но, несмотря на это, Тургеневу не везет, в то же время Лев Николаевич практически сразу убивает двух вальдшнепов.

С самого начала Акутагава противопоставляет внешность и манеру писателей согласно стереотипным представлениям и сложившимся уже к тому времени мифологемам: «По сравнению с грубоватым Толстым его [Тургенева] манера говорить была изящной и притом несколько женственной» [Там же, с. 382]. Ни Илья Львович, ни Сергей Львович внешность писателей так подробно не показывают и не противопоставляют, это исключительно мифологизированные константные представления о Толстом и Тургеневе, интерпретируемые Акутагавой.

Если писатели и дети Толстого названы японским автором вполне традиционно, исходя из мемуаров Ильи Львовича и клишированных фраз вроде «автор “Отцов и детей”», то Софья Андреевна названа «Толстой». Не Софьей Андреевной Толстой, не графиней Толстой, она называется просто «Толстой» — именование, ей не свойственное, как и любой женщине той эпохи (такое обращение по фамилии популярно в среде феминисток и активно будет использоваться в революционные годы). Японский писатель знакомился с русской литературой на английском языке, поэтому, например, миссис Толстая для него звучит вполне закономерно, хотя для мифологемы о жене великого русского писателя не типично, как и для русской традиции в целом.

Используя биографический миф о писателях, Акутагава также подчеркивает хорошее знакомство Тургенева с видами птиц, обитающими в средней полосе России: кто в какое время суток появляется, как поет и пр. Если Толстая заслушивается пением малиновки, «склонив голову набок», то Тургенев показывает себя знатоком.

Далее рассказ содержит только фабульную канву воспоминаний И. Л. Толстого, содержательно же он копирует знаменитую сцену тяги из «Записок охотника», из рассказа «Ермолай и мельничиха». «Небо еще алело», — пишет Акутагава [Там же, с. 383], «за четверть часа до захождения

CC BY

солнца», «солнце село, но в лесу еще светло», — у Тургенева [Тургенев, 1979, с. 19].

Ветви деревьев, оплетавшие небо, туманно дымились — это, конечно, теснилась на них душистая молодая листва.	... молодая трава блестит веселым блеском изумруда... Вы ждете. Внутренность леса постепенно темнеет; алый свет вечерней зари медленно скользит по корням и стволам деревьев, поднимается все выше и выше, переходит от нижних, почти еще голых, веток к неподвижным, засыпающим верхушкам...
Из сумрачной глубины леса время от времени доносился легкий шорох еле заметного ветерка. Из сумрачной глубины леса лился весенний аромат молодой листвы и запах сырой земли.	Лесной запах усиливается, слегка повеяло теплой сыростью; влетевший ветер около вас замирает.
Тем временем небо стало как вода. Только там и сям белели стволы берез.	*Деревья сливаются в большие чернеющие массы; на синем небе робко выступают первые звездочки.*
Малиновки и чижи п о ю т , — как будто про себя сказала Толстая, склонив голову набок. *Вместо пения малиновок и чижей теперь изредка долетал крик поползня...*	*Птицы засыпают — не все вдруг — по породам; вот затихли зяблики, через несколько мгновений малиновки, за ними овсянки.*
Но в глубине леса все уже погрузилось в вечерний сумрак.	*В лесу все темней да темней.*
Зяблик вдруг смолк. И на некоторое время в вечернем сумраке леса не слышалось ни звука. Небо ... замер малейший ветерок, небо понемногу окутывало безжизненный лес своей синевой, — и вдруг над головой с печальным криком пролетела иволга. *И в д р у г , — пользуясь словами самого Тургенева, — «и вдруг — но одни охотники поймут меня», вдруг поодаль из травы с криком, в котором нельзя было ошибиться, взмыл вальдшнеп* [Акутагава, 1971, т. 1, с. 383—385].	*Все птицы спят. Горихвостки, маленькие дятлы одни еще сонливо посвистывают... Вот и они умолкли. Еще раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей щелкнул в первый раз. Сердце ваше томится ожиданьем, и вдруг — но одни охотники поймут меня, — вдруг в глубокой тишине раздается особого рода карканье и шипенье, слышится мерный взмах проворных крыл, — и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу* [Тургенев, 1979, с. 19].

Приведенные выше примеры дают возможность показать, что Акутагава практически пересказывает «Записки охотника» Тургенева. Таким

CC BY

образом, писатель в толстовский текст включает текст тургеневский, имеет место литературная игра с текстами. Акутагава, создавая яснополянское пространство с рекой Воронкой, дополняет его атмосферой ранних тургеневских произведений, что не только формирует хронотоп притчи о правде, но и в результате дает представление о жизни русских писателей и о русском дворянском быте средней полосы России XIX века в целом.

Событие в новелле субъективно. Мы видим случившееся глазами автора «Отцов и детей», который точно знает, что он застрелил вальдшнепа: *Попал! Камнем упал ...* [Акутагава, 1971, т. 1, с. 385]. И другой взгляд, автора «Анны Карениной»; он видит ситуацию совсем иначе: мертвого вальдшнепа не нашли, значит, Тургенев не попал. «В XX в. такая субъективизация понимания события связана с релятивизацией понятия объекта, времени и истины (в общем, всех традиционных онтологических объектов)» [Руднев, 1999, с. 285]. Последовательность произошедшего, а следовательно, и истина восстановлены только после находки мертвой птицы, которая застряла во время падения в ветках дерева (именно поэтому ее не нашла собака). Нашелся не просто вальдшнеп, нашлись любовь и дружба, которые когда-то давно были утеряны, но снова обретены: «Старики писатели переглянулись и, как будто сговорившись, расхохотались» [Акутагава, т. 1, 1971, с. 390]. Проблема разрешена, зарисовка примирения во время охоты двух великих писателей представлена. Отметим, что материалом для записок Тургенева были быт и нравы простых людей, как правило, крепостных, Акутагава же представил события из жизни великих.

4. Мифологема «Толстой и религия» в поздних произведениях Р. Акутагавы

Сложно решает японский писатель мифологему «Толстой и религия» в контексте интерпретации биографического мифа о Льве Толстом. Для Акутагавы мотивы смерти и безумия становятся определяющими в его позднем творчестве («Зубчатые колеса», «Жизнь идиота»), единственным выходом для человека писатель видит самоубийство, к которому он впоследствии и прибегает. Рюноскэ Акутагава уверен, что Толстой в Бога не верует, как любой разумный человек, а вынужден притворяться, потому что стал заложником собственной святости: «“Моя исповедь” и “В чем моя вера” — ложь. Но никто не страдал так, как страдал Толстой, рассказавший эту ложь» («Из слов пигмея») [Акутагава, 1971, т. 2, с. 253]. В этом произведении японский писатель не объясняет, чем он руководствовался, сделав такие выводы после прочтения биографии, написанной П. И. Бирюковым. В «Биографии Л. Н. Толстого» Бирюков как раз отталкивается и от объ-

CC BY

яснений самого Толстого в «Моей исповеди» того, как он пришел к вере и какой долгий и трудный был этот путь.

В последующих текстах Акутагава развивает свою мысль. По его мнению, Толстой всю жизнь старался поверить в Бога: «Этот святой все силился поверить в Христа, в которого поверить, конечно, невозможно <...> Но самоубийцей он так и не стал — это видно хотя бы из того, что его сделали святым» («В стране водяных») [Там же, с. 331]. Но при этом Акутагава создает текст в рамках охранительной мифологемы о святости Л. Н. Толстого. Собственные представления о ничтожности человеческой жизни, практически маниакальное желание лишить себя ее и в то же время безусловное почитание Толстого заставляют сделать русского писателя неким единомышленником, убежденным, что Бога нет и выход может быть только один. В этом же контексте Акутагава решает проблему трагического ухода писателя: мучения героя от лживости своего положения, публичных признаний в вере и желания использовать «перекладину» в своем кабинете по назначению (понятному Р. Акутагаве).

5. Выводы

Образ Льва Толстого прочно закрепился в японской литературе и культуре начала XX века. В Ясную Поляну приезжали писатели из Японии, были среди них и толстовцы, художественная, публицистическая литература и мемуаристика активно переводились на японский язык, в местных театрах шли постановки пьес Толстого. Аллюзии, реминисценции, цитацию произведений великого русского классика можно найти в произведениях многих японских авторов. Все это работает на создание толстовского текста в японской литературе. Акутагава интерпретирует толстовский миф согласно своему модернистскому мировидению, будучи глубоко увлеченным как личностью русского классика, так и его творчеством. Персонический миф русского писателя и мыслителя в эпизодах его счастливой жизни в Ясной Поляне, спора с И. Тургеневым и трагического ухода в 1910 году становится основой именного сверхтекста Л. Толстого в творчестве Р. Акутагавы.

Источники

1. *Акутагава Р.* Избранное : в 2 т. / Р. Акутагава. — Москва : Художественная литература, 1971.

2. *Акутагава Р.* Сочинения : в 4 т. / Р. Акутагава ; перевод с японского В. Гривнина, Н. Фельдман. — Москва : Полярис, 1998. — ISBN 5-88132-360-2.

3. *Толстой И. Л.* Мои воспоминания [Электронный ресурс] / И. Л. Толстой. — Режим доступа : http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/tolstoj-i-l-moi-vospominaniya/glava-hvii-turgenev.htm. (дата обращения 20.09.2020).

4. *Тургенев И. С.* Записки охотника / И. С. Тургенев // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. : сочинения : в 12 т. 1847—1874. — Москва : «Наука», 1979. — Т. 3. Записки охотника. — 528 с.

Литература

1. *Андрюкова Е. А.* К вопросу о сверхтексте в современном литературоведении : определение, типология, признаки / Е. А. Андрюкова // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. — 2012. — № 1 (73). — Ч. 2. — С. 8—12.

2. *Барт Р.* Миф сегодня / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика : Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ ст. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 72—131. — ISBN 5-01-004408-0.

3. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности (фрагмент первой главы) / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. — Москва : Художественная литература, 1986. — С. 5—26.

4. *Курьянова В. В.* Толстовский текст и миф о Л. Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова / В. В. Курьянова // Научный диалог. — 2019. — № 1. — С. 179—192. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-179-192.

5. *Лошаков А. Г.* Об авторской парадигме сверхтекстов / А. Г. Лошаков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 71. — С. 50—57.

6. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. — Москва : Аграф, 1999. — 384 с. — ISBN 5-7784-0034-9.

7. *Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического : Избранное. — Москва : Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — С. 259—367. — ISBN 5-01-003942-7.

8. *Топоров В. Н.* Петербургский текст / В. Н. Топоров. — Москва : Наука, 2009. — 820 с. — (Памятники отечественной науки. XX век). — ISBN 978-5-02-036015-0.

9. *Фельдман Н.* Примечания / Н. Фельдман // Акутагава Р. Новеллы (Библиотека всемирной литературы. Серия третья : Литература XX века). — Москва : Художественная литература, 1974. — С. 651—700.

Material resources

Akutagawa, R. (1971). *Favorites: v. 2 t.* Moscow: Fiction. (In Russ.).

Akutagawa, R. (1998). *Works: v. 4 t.* Moscow: Polaris. ISBN 5-88132-362-9. (In Russ.).

Tolstoy, I. L. *My memories.* Available at: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/tolstoj-i-l-moi-vospominaniya/glava-hvii-turgenev.htm. (In Russ.). (accessed 20.09.2020).

Turgenev, I. S. (1979). Notes of a hunter. In: *Complete collection of works and letters: v. 30: essays, 12 (3). 1847—1874.* Moscow: Nauka. 528 p. (In Russ.).

References

Andriukova, E. A. (2012). On the question of the supertext in modern literary studies: definition, typology, signs. *Bulletin of the I. Ya. Yakovlev ChSPU, 1 (73); 2:* 8—12. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1986). Author and hero in aesthetic activity (fragment of the first chapter). In: *Literary and critical articles.* Moscow: «Fiction». 5—26. (In Russ.).

Bart, R. (1989). Myth today. In: *Selected works: Semiotics: Poetics:* Moscow: Progress. 72—131. ISBN 5-01-004408-0. (In Russ.).

Feldman, N. (1974). Notes. In: *Akutagawa R. Novellas (Library of World Literature. Series three: Literature of the XX century).* Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 651—700. (In Russ.).

Kuryanova, V. V. (2019). Tolstoyan Text and Myth of L. N. Tolstoy in Works by I. Ilf and E. Petrov. *Nauchnyi dialog, 1:* 179—192. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-179-192. (In Russ.).

Loshakov, A. G. (2008). About the author's paradigm of supertexts. *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, 71:* 50—57. (In Russ.).

Rudnev, V. P. (1999). *Dictionary of culture of the XX century.* Moscow: Agraf. 384 p. ISBN 5-7784-0034-9. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1995). Petersburg and «The Petersburg text of Russian literature» (Introduction to the topic). In: *Myth. The ritual. The symbol. Image: Studies in the field of mythopoetic: Favorites.* Moscow: Progress — Culture. 259—367. ISBN 5-01-003942-7. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2009). *Petersburg text.* Moscow: Nauka. 820 p. (Monuments of Russian Science. XX century). ISBN 978-5-02-036015-0. (In Russ.).

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Львова С. Д. Из опыта разработки базы данных о сказителях якутского эпоса / С. Д. Львова, Л. Н. Герасимова // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 231—243. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-231-243.

Lvova S. D., Gerasimova, L. N. (2021). Experience of Developing a database of storytellers of the Yakut Epos. *Nauchnyi dialog, 3:* 231-243. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-231-243. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-231-243

Из опыта разработки базы данных о сказителях якутского эпоса

Львова Сахая Даниловна
orcid.org/0000-0003-1311-8609
заведующий сектором
lvovasd85@gmail.com

Герасимова Лилия Николаевна
orcid.org/0000-0002-9594-7824
научный сотрудник
gelinica@yandex.ru

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

(Якутск, Россия)

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительный аспекты».

Experience of Developing a database of storytellers of the Yakut Epos

Sakhaya D. Lvova
orcid.org/0000-0003-1311-8609
Head of the Olonkho Studies Sector
lvovasd85@gmail.com

Liliya N. Gerasimova
orcid.org/0000-0002-9594-7824
Researcher
gelinica@yandex.ru

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

(Yakutsk, Russia)

The study was carried out as part of the NEFU research project “Epic monument of the Yakut intangible culture: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects”.

© Львова С. Д., Герасимова Л. Н., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты анализа основных принципов составления базы данных «Олонхосуты Якутии XVII—XX вв.» — о сказителях национального эпоса якутов. Актуальность исследования определяется некоторыми сложностями в систематизации и оформлении информационного содержимого хранилища. Приводится краткий обзор истории изучения персоналий якутских сказителей, подробно рассматриваются этапы разработки базы данных. Отмечается, что в результате обобщения материала коллективом Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова издан справочник, который содержит более 1300 имен сказителей XVII—XX веков. Описываются проблемы, выявленные в процессе информационного наполнения ячеек. Особое внимание уделяется внесению данных на национальном языке, их транслитерации и переводу на русский язык. Приводится определение типов вторых имен олонхосутов, обосновывается целесообразность выделения отдельного поля для прозвищ-псевдонимов, отражающих статус и народное признание таланта сказителя. Представлен образец таблицы базы данных об олонхосутах. В результате исследования составлены параметры отбора данных для включения в хранилище, определена необходимость дополнительной исследовательской работы по выявлению фактов смены местожительства олонхосутов, предложены рекомендации по усовершенствованию принципов информационного наполнения базы данных.

Ключевые слова:
эпос; якуты; олонхо; олонхосуты; анкетные данные; база данных; поля и записи базы данных; структура таблицы базы данных; принципы информационного наполнения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the analysis of the basic principles of compiling the database “Olonkhosuts of Yakutia of the 17th—20th centuries” — about the storytellers of the Yakut national epic are presented. The relevance of the research is determined by some difficulties in the systematization and design of the information content of the repository. A brief overview of the history of the study of the personalities of Yakut storytellers is given, the stages of database development are discussed in detail. It is noted that as a result of the generalization of the material a reference book that contains more than 1300 names of storytellers of the 17th-20th centuries was published by the team of the Olonkho Research Institute of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Problems identified in the process of filling in the cells are described. Particular attention is paid to entering data in the national language, their transliteration and translation into Russian. The definition of the types of the second names of olonkhosuts is given, the expediency of allocating a separate field for nicknames-pseudonyms reflecting the status and popular recognition of the talent of the narrator is substantiated. A sample database table on olonkhosuts is presented. As a result of the study, the parameters for selecting data for inclusion in the repository were compiled, the need for additional research work to identify the facts of the change of residence of olonkhosuts was determined, and recommendations were proposed for improving the principles of information content of the database.

Key words:
epos; Yakuts; olonkho; olonkhosuts; personal data; database; database fields and records; database table structure; principles of content.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 930.255:398.22(=512.157)

Из опыта разработки базы данных о сказителях якутского эпоса

© Львова С. Д., Герасимова Л. Н., 2021

1. Введение

База данных «Олонхосуты Якутии XVII—XX вв.», предназначенная для хранения и систематизации фактографической информации об олонхосутах (сказителях якутского эпоса олонхо), была разработана коллективом Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова в результате научно-исследовательских работ. Главной составляющей работы стала обработка и систематизация материала, информационное заполнение полей, в ходе которых были намечены некоторые вопросы, требующие обсуждения. Настоящая статья посвящена проблемам сбора, систематизации и актуализации информации в процессе формирования этой базы данных. Решаются следующие задачи: обзор истории изучения персоналий олонхосутов, выделение основных этапов разработки базы данных, анализ состава работы этапов, выявление проблем и внесение предложений по их устранению.

Исследование выполнено в рамках дескриптивного подхода. Основными методами изучения являются обобщение опыта работы по сбору и систематизации информации, описание состава работы по этапам и анализ качественных показателей, полученных при наблюдении за процессом составления базы данных. Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенные в ходе исследования рекомендации будут применены при последующей актуализации данных в электронном хранилище.

В ранний период собирания материала устного народного творчества в Якутии (середина XIX — начало XX веков) согласно требованию прежней отечественной фольклористики не было принято указывать имя исполнителя фольклорного произведения. Основанием для этого считалось то, что фольклор — коллективное произведение, у него нет конкретного автора. Такие «обезличенные» записи проводились и при фиксации текстов олонхо — главного и уникального жанра якутского фольклора, признанного позже шедевром культурного наследия всего человечества. Так, не известно и по сегодняшний день, из чьих уст были записаны тексты ярких образцов олонхо А. Ф. Миддендорфом, И. А. Худяковым, В. Л. Приклонским и др. А ведь каждый олонхосут (сказитель якутского эпоса олонхо) являлся соавтором произведения, медиатором, пропускающим все со-

CC BY

держимое «через себя», внося что-то свое, оставляя свой неповторимый почерк в нем. Олонхосут был «непревзойденным знатоком родного языка» [Иванов, 2013, с. 84], обладающим особыми природными дарами импровизации, наделенным исключительной памятью и удивительной способностью своеобразного видения картины мира.

Именно «приоритет исполнительского мастерства олонхосута-сказочника» был главной отличительной чертой жанра якутского олонхо, и это было отмечено выдающимся русским фольклористом И. А. Худяковым, который, слушая олонхосутов, пришел к мысли, что олонхо — это театр одного человека [Иванов, 2016, с. 93]. А первое описание впечатления, которое производил сказитель олонхо на слушателей, было зафиксировано А. Е. Кулаковским: «Взгляните на якутскую семью, слушающую в долгую зимнюю ночь сказочника. Все — и стар и млад — скучились вокруг него, словно голодные дети вокруг матери <…> Каждый позабыл свои заботы, свое горе и унесся в волшебный, прекрасный мир чарующих грез <…> А сам сказочник, как истинный поэт, увлекся больше всех: у него даже глаза закрыты, чтоб окончательно отрешиться от “грешной” земли с ее злободневными дрязгами и прозой; он закрыл пальцем отверстие одного уха, чтобы звонче раздавалось в мозгу собственное пение, под такт которого мерно покачивается его туловище. Он забыл про сон, про отдых, про все на свете <…> В глазах слушателей сказочник совершенно преобразился: это не прежний знакомец Уйбаан, а какое-то сверхъестественное прекрасное существо, окруженное таинственным ореолом …» [Кулаковский, 1979, с. 379—381].

Известно, что в середине XX века сбором фольклорного материала в Якутии занималась почти вся местная интеллигенция. В этот период впервые была обозначена весомая роль олонхосута в развитии эпического творчества, и с 1946 по 1963 годы с целью сбора данных и заполнения индивидуальных карточек олонхосутов было проведено их анкетирование сотрудниками и корреспондентами Дома народного творчества. В настоящее время эти материалы хранятся в Научном архиве Якутского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук [Анкеты …] и в Национальном архиве РС(Я) [Записи …].

Феномен олонхосута стал объектом научного исследования намного позже. Огромный прорыв в этом деле был сделан В. В. Илларионовым, который в 1973 году защитил дипломную работу «Олонхо и олонхосуты», затем развил эту тему в кандидатской и докторской диссертациях [Илларионов, 1981; Илларионов, 1997]. Им были написаны монографии «Искусство якутских олонхосутов» [Илларионов, 1982], «Традиция Чурапчинских олонхосутов» [Илларионов, 2003], «Традиции Янских олонхосутов» [Илларионов, 2006], учебное пособие «Олонхосуты — сказители якутско-

CC BY

го эпоса олонхо» [Илларионов, 2016] и многие другие работы, в которых центральным объектом познания стали якутские сказители.

В 2013 году коллективом Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (далее — Институт Олонхо) был составлен и издан справочник [Олонхосуты Якутии, 2013], содержащий более 1300 имен сказителей XVII—XX веков. За основу работы были взяты приложение «Краткие сведения об олонхосутах» вышеупомянутой дипломной работы В. В. Илларионова и архивные материалы с последующими дополнениями и систематизацией, обобщением сведений из имеющихся научно-популярных публикаций по улусам. Содержание справочника было представлено таким образом, что материал об олонхосутах с установленным репертуаром приводился в алфавитном порядке, а сказители с неустановленным репертуаром — по районам, что оказалось малоудобным для работы с массивом объемной информации. В справочник были включены современные олонхосуты, имеющие собственный репертуар и практикующие сказительство в настоящее время, в том числе два представителя молодого поколения, проявивших способности к эпическому сказительству. Не вошли в справочник сведения о сказителях долганской национальности и эссейских якутов. Также в силу отсутствия полных, достоверных данных в отдельных случаях точная дата рождения олонхосутов не указывалась. Несмотря на ряд недостатков, представленное издание стало первой попыткой составления полного перечня сведений об олонхосутах Якутии, основой для дальнейших научно-исследовательских работ. Материал справочника впоследствии был перенесен в таблицу программы «Microsoft Office Excel», что стало началом формирования электронной базы данных.

С целью развития и углубления начатого исследования в Институте Олонхо было продолжено изучение жизни и творчества сказителей якутского эпоса. Одним из основных направлений деятельности стало проведение фольклорных экспедиций по районам республики, в ходе которых были получены новые сведения, сделаны дополнения и уточнения об олонхосутах. За последние 8 лет были организованы экспедиции в Мегино-Кангаласском, Чурапчинском, Намском, Хангаласском, Верхоянском, Оймяконском, Момском, Вилюйском, Верхневилюйском, Олекминском, Абыйском районах Якутии. По результатам обработки полевых материалов выпущены издания об олонхосутах локальных эпических традиций [Олонхосуты Мегино-Кангаласского улуса, 2013; Олонхосуты Чурапчинского улуса, 2015; Олонхосуты Верхоянья …, 2016; Олонхо и олонхосуты …, 2017 и др.]. Все сведения, полученные во время этих экпедиций и других мероприятий, в обязательном порядке сверялись с материалами

электронной базы данных, и таким образом в течение нескольких лет были внесены дополнения и исправления.

База данных «Олонхосуты Якутии XVII—XX вв.» прошла государственную регистрацию в Реестре Федеральной службы по интеллектуальной собственности РФ в 2019 году (Свидетельство № 2019620446). Она содержит анкетные данные об олонхосутах Якутии XVII—XX веков: фамилия, имя, отчество; псевдоним; годы жизни, место рождения; архивные документы об олонхосуте; названия олонхо, включенных в эпический репертуар сказителей. База данных призвана обеспечить заинтересованных специалистов краткими и наиболее точными сведениями, может быть использована в научных исследованиях в качестве справочного материала, а также в лекционных, факультативных курсах по фольклористике в ссуз, вуз. Видом системы управления базой данных является программа «Microsoft Office Excel». Объем базы данных в момент государственной регистрации составлял 496 Кб. Информационное содержимое базы данных неизменно пополняется и уточняется, но в систематизации этой информации, особенно данных на национальном языке, и её оформлении остаются нерешенные вопросы.

2. Параметры актуализации данных

Первой ступенью разработки базы данных является определение направленности, ее темы, цели и задач, в соответствии с которыми должна осуществляться актуализация информации. Электронный вариант справочника «Олонхосуты Якутии», переоформленный в таблицу и дополненный материалами экспедиций, на этом этапе рассматривался как информационный массив, в отношении которого необходимо провести начальную актуализацию — извлечение востребованных данных с последующим переносом в хранилище. В процессе работы было выявлено 1,2 % персоналий, сведения о которых не соответствовали установленным параметрам отбора данных. Так, в базу данных «Олонхосуты Якутии XVII—XX вв.» не были включены следующие группы персоналий:

— сказители других жанров сказания в якутском фольклоре, в том числе легенд и преданий;

— представители ессейских якутов и долганского народа, проживающие вне территории Республики Саха (Якутия);

— современные сказители XXI века;

— исполнители олонхо — лица, получившие навыки сказительства и эпический репертуар не в изустной форме;

— носители олонхо — лица, ранее услышавшие живое исполнение олонхо и воссоздавшие его текст письменно, но не практиковавшие сказительство олонхо.

CC BY

Дальнейшая актуализация данных реализуется по мере поступления новых сведений: уточняются полное имя, чаще — отчество олонхосута, дата рождения и смерти, место рождения или проживания. В процессе информация о персоналиях не только дополняется или исправляется, иногда происходит и полное исключение из базы данных.

Согласно теме и цели создания электронного хранилища основными параметрами включения персоналии в базу данных обозначены три обязательных положения. Во-первых, персона должна быть сказителем именно олонхо, а не любого другого жанра якутского фольклора. Участники фольклорных экспедиций редко отмечали случаи, когда во время интервьюрирования информант отрицал статус олонхосута и твердил, что человек, бывший его хорошим знакомым (земляком, близким соседом, родственником и т. д.), исполнял только народные песни, сказывал легенды и предания или был запевалой хороводного танца. На дальнейшее рассмотрение такая кандидатура, разумеется, не претендует. Вторым требованием является устное перенятие сказительского мастерства и эпического репертуара. Это прежде всего относится к представителям более позднего периода — XX века. Если устанавливается факт выучивания эпического текста из письменных источников, персоналия также исключается из списка олонхосутов. И третье положение: олонхосут проживал и занимался сказительством на территории Якутии в период с XVII по XX века.

3. Составление шаблона базы данных

На начальном этапе систематизации информации составляется модель (структура) таблицы, определяются ее основные графы (поля), типы данных, устанавливаются размеры полей. Поля базы данных одновременно должны послужить метаразметками персоналий, чтобы при поиске данных обеспечить легкую классификацию олонхосутов по годам жизни, по локальности, по составу эпического репертуара и т. д. В случае базы данных по персоналиям обязательными полями являются полное имя (фамилия, имя, отчество), годы жизни и место рождения (см. табл. 1). В дополнение к ним в нашей таблице отдельное поле под названием «Псевдоним» было отведено для второго, дополнительного имени персоны. Основанием для этого стало наличие прозвища (*хос аат*, досл. ‘вторичное имя’) почти у каждого олонхосута. Оно могло бы даже считаться первым и главным, так как русские имена, отчества и фамилии появились у якутов с приходом русских и массовой христианизацией народа с конца XVII века. Настоящие якутские имена имели тюркские корни и представляли собой «структурно и семантически определяемые социальные знаки, имеющие культурный смысл, посредством которых носители языка репрезентируют нацио-

CC BY

нальные коды культуры, являющиеся значимой областью ономастической концептосферы якутского языка» [Николаев, 2018, с. 189]. М. В. Томская, изучая семиотику наречения именем в якутской культуре, отметила, что якутские имена «несут на себе отпечаток жизни социума, его истории и культуры» [Томская, 2010, с. 237]. При анализе прозвищ олонхосутов отмечено, что они бывают в основном двух типов. Первый тип — это имена-дескриптивы, описывающие внешний вид, характер, происхождение человека. Такое имя может быть нейтральным или экспрессивным, может даже указывать на отрицательные качества, но оно никак не характеризует своего хозяина как олонхосута. Ко второму типу имен относятся имена, фиксирующие статус певца, олонхосута. Эти антропонимы обычно представляют собой подверженное аккомодации русское имя с добавлением якутских слов *ырыа* ‘песня, пение’, *тойук* (вид пения, песня-импровизация) или *олонхо* ‘олонхо’, например, *Ырыа Чоҥкунаан*, *Ырыа Хоохой* (Афанасий), *Тойуктаах Омуруоска* (Амвросий), *Олонхо Сэмэн* (Семен), *Олонхохут Тиэхээн* (Тихон), *Олонхохут Дуобуна* (Домна) и т. д. Такие прозвища закреплялись только народом и являлись свидетельством уважения, признания выдающегося таланта олонхосута. Отсюда следует, что прозвище-псевдоним является не менее важным элементом данных и содержит в себе характеристику олонхосута.

При определении структуры таблицы также рассматривалась целесообразность выделения дополнительного поля «Место проживания». Указание только места рождения могло не являться важным фактом, так как становление олонхосута обычно происходило в среднем или пожилом возрасте, а человек в течение своей жизни мог совершать переезды в другие населенные пункты. Наглядный пример можно проследить в биографии известного олонхосута Федора Семеновича Семенова, именуемого в народе Кырса Сёдюёт. Он родился в 1882 году в Жемконском наслеге Вилюйского улуса, после смерти родителей переехал с сестрой в с. Мастах Кобяйского улуса. Вскоре стал перевозчиком и начал ездить по центральным улусам республики, где услышал и перенял много песен, тойуков, олонхо. Обосновался во 2-м Лючинском наслеге, заслужил уважение среди населения, стал популярным олонхосутом [Олонхосуты Якутии, 2013, с. 85]. Несомненно, что в этом случае место проживания человека, где он развивался как олонхосут, намного актуальнее места его рождения. Но в настоящий момент в базе данных обозначается только место рождения, так как функциональность отдельного поля не представляется возможной в связи с отсутствием подробных сведений о большинстве олонхосутов.

Далее выделяются характерные параметры, указывающие на наиболее важные данные персоналий и раскрывающие тему самой базы данных. Та-

CC BY

ковыми являются поля «Архивные документы об олонхосуте» и «Репертуар». Безусловно, основным доказательством того, что человек, живший в прошлых веках, обладал искусством сказывания олонхо, является архивный документ. Также он является важной информацией для пользователя, который ищет дополнительный источник для более подробного изучения жизни и творчества олонхосута. В дальнейшем планируется добавление раздела и для литературных источников, что, на наш взгляд, найдет широкое применение среди начинающих исследователей. Следующая графа, раскрывающая эпический репертуар олонхосута, имеет наибольший размер поля. Она является недостаточно отработанной областью базы данных, материал которой требует специального изучения.

Таблица 1

Образец структуры таблицы базы данных об олонхосутах
[Yakut storytellers database: sample table structure]

№	ФИО	Псевдоним	Годы жизни	Место рождения	Архивные документы об олонхосуте	Репертуар
1	Абрамов Николай Алексеевич	Кынат	1861—1941	Нахаринский наслег, Мегино-Кангаласский улус	Архив ЯНЦ СО РАН, фонд № 5, опись № 7	«Ньургун Бёгё» (Нюргун Сильный), «Харалаан Мохсогол» (Харалаан Сокол), …
2	Алексеев Иван Иннокентьевич	Туса-лыыр Уйбаан	1845—1918	Игидейский наслег, Татгинский улус		«Бэрт киси Бэриэт Бэргэн» (Удалый Бэриэт Меткий)
3	Аммосов Максим Филиппович		1867—19..	Кубалахский наслег, Оймяконский улус	Архив ЯНЦ СО РАН, фонд № 5, опись № 7	«Догдогоно турагас аттаах Дугуйа Бёгё» (Дугуйа Сильный)

4. Информационное наполнение базы данных

Заполнение ячеек базы данных представляет собой кропотливую работу, требующую высокой точности и больших затрат времени. Любое ошибочное внесение может поставить под удар ценность результата ин-

CC BY

теллектуальной деятельности в целом, так как одним из основных требований составления базы данных является объективность, достоверность информации. Из семи представленных в рассматриваемой базе данных полей подробнее остановимся на полях «Псевдоним» и «Репертуар». Их заполнение требует особого подхода в связи с тем, что текстовые данные обычно предоставляются в оригинале с якутскими буквами, отсутствующими в кириллице. В таких случаях для соответствия стандарту принято осуществлять перевод на русский язык, транслитерацию или транскрипцию слов. В рассматриваемой базе данных прозвища-псевдонимы внесены посредством транслитерации, а список произведений в репертуаре — с помощью транслитерации и частичного перевода. Как уже говорилось выше, прозвище олонхосута иногда является показателем уровня мастерства олонхосута. Применение транслитерации к прозвищам обусловлено тем, что имя собственное нельзя корректно перевести, если нет общепринятых вариантов перевода. Сложность состоит в том, что семантика прозвища остается неизвестной, и пользователь базы данных, не владеющий национальным языком, получит информацию только в виде набора букв, а при их произношении извлечет искаженное звучание. Получается, что данное поле не обладает достаточной функциональностью, его можно исключить, а прозвище можно записать и в поле полного имени в скобках или с тире. Следовательно, при заполнении данного поля целесообразнее приводить русский перевод имен, по крайней мере относящихся ко второму типу, то есть характеризующих персону как олонхосута.

При заполнении поля эпического репертуара большое значение придается и переводу названий олонхо на русский язык. Переводы даются в скобках после транслитерации полного варианта названия произведения. Это в большинстве случаев общепринятые дословные переводы имен главных героев без включения каких-либо эпитетов. Удачные полные переводы осуществляются сравнительно редко. В идеальном варианте здесь требуется «фольклористический перевод», сохраняющий весь художественно-образный смысл. Однако ввиду отсутствия установленных принципов научного перевода имен персонажей олонхо и названий олонхо в целом этот вопрос пока остается открытым.

Далее стоит пересмотреть принцип наполнения базы данных, который предполагает запись только на кириллице. База данных, отвечающая современным требованиям, должна быть максимально универсальной и раскрывающей как можно больше особенностей объекта, на который она ориентирована. Предпочтительно представление текстовых данных на кириллице наряду с оригинальным вариантом на национальном алфавите. Примеры заполнения ячеек можно представить следующим образом (табл. 2).

CC BY

Таблица 2

Образец заполнения ячеек базы данных
[Sample of filling database cells]

Псевдоним	Репертуар
Олонгхосут Техэ́н (*Олонхохут Тиэхэ-эн* — Олонхосут Тихон)	«Нюргун Бёгё (*Ньургун Бөҕө* — Нюргун Сильный)»

5. Заключение

В результате проведенного исследования оформлены рекомендации по развитию базы данных об олонхосутах Якутии, соответствующей современным требованиям. Прежде всего уточнены основные параметры актуализации данных. Так, персоналия проходит отбор для включения в хранилище, если ее данные соответствуют следующим положениям: 1) был сказителем конкретного жанра якутского фольклора — олонхо, 2) получил навыки сказительства и эпический репертуар в изустной форме, 3) проживал на территории Якутии в период с XVII по XX века. Отклонение хотя бы от одного положения из трех считается основанием для исключения персоналии из базы данных.

В составлении шаблона базы данных первостепенное значение имеют тема и название базы данных. Структура таблицы должна быть составлена таким образом, чтобы в достаточной степени раскрыть содержание объекта базы данных. В ходе исследования было установлено, что поле «Место рождения» не предоставляет в полной мере актуальную информацию, а выделению дополнительного поля «Место проживания» препятствует проблема отсутствия подробных сведений о большей части олонхосутов. Но обзор положений ранее проведенных работ указывает на то, что целенаправленный поиск и сбор такой информации не проводилось должным образом. Следовательно, назревает необходимость в дополнительной исследовательской работе по выявлению фактов смены местожительства олонхосутов.

При рассмотрении принципов информационного наполнения базы данных выявлены проблемы перевода на русский язык, главным образом названий олонхо, включенных в репертуар олонхосута. В настоящий момент прозвища-псевдонимы внесены в базу посредством транслитерации, а позиции списка произведений в репертуаре транслитерированы и частично переведены. Предлагается пересмотреть принцип наполнения базы данных только на кириллице и представить текстовые данные на кириллице наряду с оригинальным вариантом на якутском алфавите. Записи в полях «Псевдоним» и «Репертуар» должны производиться путем транслитерации с приведением в скобках оригинала на национальном языке и его русского перевода.

CC BY

В дальнейшем рекомендации будут учтены при выполнении работ по актуализации данных электронного хранилища «Олонхосуты Якутии XVII—XX вв.».

Источники

1. *Анкеты* олонхосутов // Национальный архив РС(Я). Ф. 607. Оп. 6. Д. 1. Л. 170; Д. 2. Л. 140.

2. *Записи* героического эпоса — олонхо за 1925—1969 гг. // Научный архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7.

Литература

1. *Иванов В. Н.* А. Е. Кулаковский и олонхо / В. Н. Иванов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. — 2016. — № 4 (04). — С. 92—95. — DOI: 10.25587/SVFU.2016.4.10860.

2. *Иванов В. Н.* Якутский эпос Олонхо / В. Н. Иванов // Эпосы Центральной Азии : тезисы материалов Международного симпозиума (г. Улан-Батор, 5—7 августа 2013 г.) / отв. ред. А. Алимаа. — Улан-Батор : [б. и.], 2013. — С. 79—88.

3. *Илларионов В. В.* Искусство якутских олонхосутов : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.09 / В. В. Илларионов. — Алма-Ата, 1981. — 180 с.

4. *Илларионов В. В.* Искусство якутских олонхосутов / В. В. Илларионов. — Якутск : Книжное издательство, 1982. — 128 с.

5. *Илларионов В. В.* Олонхосуты — сказители якутского эпоса олонхо : учебное пособие / В. В. Илларионов. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2016. — 136 с. — ISBN 978-5-7513-2286-1.

6. *Илларионов В. В.* Сказительство в системе фольклорной традиции народа саха : диссертация … доктора филологических наук : 10.01.09 / В. В. Илларионов. — Якутск, 1997. — 53 с.

7. *Илларионов В. В.* Традиция Янских олонхосутов / В. В. Илларионов. — Якутск : Бичик, 2006. — 160 с. (на якутском яз.).

8. *Илларионов В. В.* Традиция Чурапчинских олонхосутов / В. В. Илларионов. — Чурапча : [б. и.], 2003. — 10 с.

9. *Кулаковский А. Е.* Научные труды / А. Е. Кулаковский. — Якутск : Якутское книжное издательство, 1979. — 494 с.

10. *Николаев Е. Р.* Якутские личные имена (лингвокультурологический аспект) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.02 / Е. Р. Николаев. — Якутск, 2018. — 267 с.

11. *Олонхо* и олонхосуты Вилюйского улуса Якутии (II половина XIX — начало XXI вв.) / составители : Р. Н. Анисимов, Г. Е. Саввинова, О. К. Павлова и другие. — Якутск : Алаас, 2017. — 176 с. — ISBN: 978-5-9909854-3-8.

12. *Олонхосуты* Верхоянья : библиографические указатели, статьи, воспоминания / составители : И. И. Стручкова, Н. А. Оросина, Р. Н. Анисимов и другие. — Якутск : Алаас, 2016. — 320 с. (на якутском яз.).

13. *Олонхосуты* Мегино-Кангаласского улуса / составители : А. М. Апросимов, Ю. П. Борисов, В. В. Обоюкова. — Якутск : Алаас, 2013. — 320 с. (на якутском яз.).

14. *Олонхосуты* Чурапчинского улуса : антология / составители : М. А. Герасимова, Е. Н. Протодьяконова, Р. Н. Анисимов. — Якутск : Алаас, 2015. — 368 с. (на якутском яз.). — ISBN 978-5-9905260-4-4.

15. *Олонхосуты* Якутии : справочник / составители : Л. Н. Герасимова, С. Д. Львова, В. В. Илларионов и др. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. — 156 с. — ISBN 978-5-7513-1816-1.

16. *Томская М. В.* Семиотика наречения именем в якутской культуре / М. В. Томская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2010. — № 584. — С. 229—239. o

Material resources

Profiles of storytellers. In: *National Archive of Republic of Sakha (Yakutia)*. (Yak.).

Records of the heroic epic Olonkho for 1925—1969. In: *Scientific Archive of Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS.* (Yak.).

References

Illarionov, V. V. (1981). *The art of the Yakut olonkhosuts.* PhD Diss. Alma-Ata. 180 p. (In Russ.).

Illarionov, V. V. (1982). *Art of the Yakut Olonkhosuts.* Yakutsk: Book publishing house. 128 p. (In Russ.).

Illarionov, V. V. (1997). *Storytelling in the system of folklore traditions of the Sakha people.* Doct. Diss. Yakutsk. 53 p. (In Russ.).

Illarionov, V. V. (2003). *The tradition of Churapchinsky olonkhosuts*. Churapcha: [b. i.]. 10 p. (In Russ.).

Illarionov, V. V. (2006). *The tradition of the Yan Olonkhosuts*. Yakutsk: Bichik. 160 p. (In Yakut.).

Illarionov, V. V. (2016). *Olonkhosuty-storytellers of the Yakut epic olonkho: textbook.* Yakutsk: NEFU Publishing House. 136 p. ISBN 978-5-7513-2286-1. (In Russ.).

Ivanov, V. N. (2013). Yakut epos Olonkho. In: *The Epics of Central Asia: proceedings of the International materials Symposium (Ulan Bator, 5—7 August 2013 g.).* Ulaanbaatar: [B. I.]. 79—88. (In Russ.).

Ivanov, V. N. (2016). A. E. Kulakovsky i olonkho. *Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov: Eposovedenie series, 4 (04):* 92—95. DOI: 10.25587/SVFU.2016.4.10860. (In Russ.).

Kulakovsky, A. E. (1979). *Scientific works.* Yakutsk: Yakut Book Publishing House. 494 p. (In Russ.).

Nikolaev, E. R. (2018). *Yakut personal names (linguoculturological aspect).* PhD Diss. Yakutsk. 267 p. (In Russ.).

Olonkho and olonkhosuts of the Vilyuysky ulus of Yakutia (II half of the XIX — beginning of the XXI centuries). (2017). Yakutsk: Alaas. 176 p. ISBN: 978-5-9909854-3-8. (In Russ.).

Olonkhosuty Churapchinsky ulus: anthology. (2015). Yakutsk: Alaas. 368 p. ISBN 978-5-9905260-4-4. (In Yakut.).

Olonkhosuty Megino-Kangalassky ulus. (2013). Yakutsk: Alaas. 320 p. (In Yakut.).

Olonkhosuty Yakutia: handbook. (2013). Yakutsk: NEFU Publishing House. 156 p. ISBN 978-5-7513-1816-1. (In Russ.).

Olonkhosuty Verkhoyany: bibliographic indexes, articles, memoirs. (2016). Yakutsk: Alaas. 320 p. (In Yakut.).

Tomskaya, M. V. (2010). Semiotics of naming in Yakut culture. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University, 584:* 229—239. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Пинковский В. И. Лирическое творчество Элизы Меркёр : к типологии поэтов французского романтизма / В. И. Пинковский // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 244—258. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-244-258.

Pinkovsky, V. I. (2021). Lyrical Works of Elise Mercer: Toward a Typology of Poets of French Romanticism. *Nauchnyi dialog, 3:* 244-258. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-244-258. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-244-258

Лирическое творчество Элизы Меркёр: к типологии поэтов французского романтизма

Пинковский Виталий Иванович
orcid.org/0000-0002-8699-3570,
доктор филологических наук,
профессор,
alennart@mail.ru

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный государственный университет»

(Магадан, Россия)

Lyrical Works of Elise Mercer: Toward a Typology of Poets of French Romanticism

Vitaly I. Pinkovsky
orcid.org/0000-0002-8699-3570,
Doctor of Philology, Professor,
alennart@mail.ru

North-Eastern State University

(Magadan, Russia)

© Пинковский В. И., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В рамках разработки типологии авторов французского романтизма определяется творческий тип, представленный французской поэтессой Элизой Меркёр (Élisa Mercœur, 1809—1835). Актуальность работы обусловлена тем, что создание типологии — это способ и упорядочить изученный материал, и исследовать новый, оперируя не разрозненным набором фактов и субъективных мнений, но генерализованными конвенциональными понятиями. Отмечается, что материалы об Элизе Меркёр пребывают на данный момент в состоянии, нуждающемся в таком типологическом оформлении. В результате проведённого исследования установлено, что поэтесса, с одной стороны, принадлежит к той категории литераторов, чьи биографии мифологизированы в романтическом духе. С другой стороны, показано, что она относится к довольно многочисленному разряду писателей-романтиков, обладающих творческими способностями при отсутствии яркой самобытности и потому предназначенных популяризовать достижения выдающихся авторов, практически создавая «язык направления», но разрабатывая, тем не менее, и собственные темы (в основном имеющие отношение к частной жизни авторов). Предлагается типология творческих моделей романтической лирики. Показано, что к одной из моделей, сочетающей подлинность чувства и умеренную сложность языка выражения, относится оригинальное творчество Э. Меркёр.

Ключевые слова:
Элиза Меркёр; французская поэзия; типология поэтов французского романтизма; жанровая система романтической лирики; мифологизация писательских биографий в романтизме; модели лирического творчества в романтизме.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

As part of the development of the typology of the authors of French romanticism, the creative type represented by the French poetess Élisa Mercœur is determined (Élisa Mercœur, 1809—1835). The relevance of the work is due to the fact that the creation of a typology is a way both to streamline the studied material and to explore new, operating not with a disparate set of facts and subjective opinions, but with generalized conventional concepts. It is noted that the materials about Élisa Mercœur are currently in a state that requires such a typological design. As a result of the study, it was established that the poet, on the one hand, belongs to the category of writers whose biographies are mythologized in a romantic spirit. On the other hand, it is shown that she belongs to a rather numerous category of romantic writers who have creative abilities in the absence of a vivid originality and therefore are intended to popularize the achievements of outstanding authors, practically creating a “language of direction”, but nevertheless developing their own themes (mostly related to the privacy of authors). A typology of creative models of romantic lyrics is proposed in the article; one of the models that combines the authenticity of feelings and moderate complexity of the language of expression is the original work of Élisa Mercœur.

Key words:
Eliza Merker; French poetry; typology of poets of French romanticism; genre system of romantic lyrics; mythologizing literary biographies in romanticism; models of lyrical creativity in romanticism.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.133.1Mercoeur.07

Лирическое творчество Элизы Меркёр: к типологии поэтов французского романтизма

© Пинковский В. И., 2021

1. Введение

Элиза Меркёр (1809—1835) — французская поэтесса романтической эпохи, рано познавшая популярность сначала на родине, в провинции (Нант), затем в столице, а в последний период жизни испытавшая охлаждение публики к себе, всё же не перешедшее за истекшие 185 лет в полное забвение. Так, в 2013 году вышла книга Ф. Ле Генне о забытых писательницах, в перечень которых Меркёр не включена [Le Guennec, 2013], тремя годами позже на кладбище Пер-Лашез была отреставрирована её могила [Beyern, 2016].

Время от времени имя поэтессы всплывает в работах гендерной проблематики в связи с тем, что ей выпало жить и творить в эпоху, когда «ограничения для женщин стали ещё жестче», чем при «старом режиме» (то есть до революции 1789—1794 годов) из-за «Гражданского кодекса» Наполеона, статьи которого низводили женщину до положения второсортного (*minor*) существа [Finch, 2000, pp. 8—9], и поэтому поведение Э. Меркёр, активно добивавшейся известности, а также открыто и подробно говорившей о себе (*a woman talking about herself at such great lengths* / женщина, которая так много говорит о себе) встречало неприятие французского общества XIX века [Greenberg, 1999, p. 49]. (Перевод иноязычных текстов здесь и далее наш. — *В. П.*).

Амплитуда восприятия личности Меркёр колеблется от скорбного (см., например, название книги Г.-К. Пертю, в котором имя поэтессы замыкает перечень французских писателей, проживших короткую жизнь и трагически ушедших из неё: «Мальфилатр, Жильбер, Андре Шенье, Эжезип Моро, Элиза Меркёр. Разбитые лиры» [Pertus, 1844]), — до снисходительно-ласкового, когда её относят к разряду женщин, которых принято именовать «синими чулками» (*charmants ... bas-bleus* / очаровательные … синие чулки [Constantin, 2015, p. 3]).

Таким же полярным разбросом мнений отличается контекст оценок поэзии Э. Меркёр. Известный историк французской поэзии Р. Сабатье называет поэтессу среди фигур переходной эпохи (*les poètes de transition*), среди тех, кто ещё только «полон романтическими обещаниями» (*pleines de promesses romantiques*) [Sabatier, 1976, p. 10], а Б. Плётнер едва ли не

CC BY

причисляет её уже к эпигонам романтизма: «Подражательница [*imitatrice*] Шенье, Деборд-Вальмор и Ламартина, она уловила дух времени, о чем свидетельствуют такие произведения, как “Песнь шотландского барда” и “Чайльд-Гарольд, подражание лорду Байрону”…» [Plötner, 2002, p. 183]. Разумеется, в работах о Меркёр встречается и большое количество просто сочувственных отзывов о поэзии молодой женщины, по сути, не критических, не аналитических, а простодушно-вкусовых: «Откройте стихи Меркёр, если вы хотите знать о страданиях (буквально: рыданиях [*sanglots*]) этой чистой, святой [*sainte*] девушки, которая мечтала о любви, мечтала о славе — и умерла» [Claretie, 1864, p. 11].

Единственная крупная работа о поэтессе — книга Д. Жофруа «Элиза Меркёр, нантский романтик» — тоже не даёт сколько-нибудь цельного её образа: «Трудно сопротивляться магнетическому очарованию этой девственной и поэтичной музы, создавшей, возможно, произведения спорной ценности, некоторые из которых заслуживают всё же, чтобы их помнили, благодаря присутствующим в этих стихотворениях чувственности, изяществу, мягкости и печали <…> Элиза Меркёр не была героиней романтизма, она была его мученицей. Она сама была романтизмом в чистом виде как в жизни, так и в творчестве» [Geoffroy, 1990, pp. 9—10]. Автор, создавший интересную детальную биографию поэтессы, далёк от корректного формулирования общей оценки этой фигуры, впадая в очевидный алогизм: нельзя одновременно воплощать некое явление и быть небезупречным деятелем в границах этого же явления.

Задача настоящей статьи заключается в определении того писательского типа, к которому относится Элиза Меркёр. Это не штудия в духе «психологии творчества», впрочем, без учёта хотя бы основных черт творческой натуры поэтессы поставленная цель труднодостижима. Речь идёт об исследовании, близком к изучению феномена, названного Вл. А. Луковым «персональной моделью», то есть о б р а з ц о м жизни и творчества конкретного писателя, в л и я т е л ь н ы м для собратьев по перу и читателей. Это, по мнению учёного, своеобразный портрет, главными элементами которого являются: система жанров, в которых работал писатель; соотношение его творчества с направлениями, стилями, крупнейшими фигурами эпохи; характеристика наиболее значительных произведений [Луков, 2006а, с. 86].

Нетрудно увидеть, что избранный профессором Луковым аспект рассмотрения литературной истории исключает авторов, не создавших свою действенную, «заразительную» для других систему жизни и творчества: «писатель должен создать значимую модель творчества (иногда — жизни и творчества) для современников и последующих поколений, что резко ограничивает число фигур для рассмотрения в этом ключе (для сравне-

CC BY

ния: только в Московской писательской организации более 2000 членов, очевидно, все они обладают <...> индивидуальностью, но очень немногие создали персональные модели в литературе» [Ibid., с. 85].

Поскольку обладатели «персональных моделей» — личности в своём роде единственные, при их изучении невозможен типологический подход, который избираем мы, полагая, если объясняться аналогиями, что внимания заслуживает не только Ф. Петрарка, но и петраркисты. Дело не только в том, что литературный процесс создаётся талантами разного масштаба и элементарное требование объективности требует учитывать всех, а в том, что нередко влиятельно выступают авторы, не создавшие впечатляющей творческой системы, но отличившиеся одной строкой, одним образом, одним произведением. Например, можно указать на более чем скромного (один тоненький сборник стихов) поэта романтической эпохи Феликса Арвера (Alexis-Félix Arvers, 1806—1850), создателя необыкновенно популярного, исполнявшегося как романс во всех салонах (до пресыщения и раздражения [Audebrand, 1892, pp. 99—100]) стихотворения «Sonnet. Imité de l'italien», часто называемого просто «Сонетом Арвера» («Sonnet d'Arvers») [Arvers, 1878, p. 53].

Таким образом, говоря об Элизе Меркёр, мы применяем луковскую методику исследования «персональных моделей» к автору заведомо невыдающемуся, но, возможно, представляющему в своём лице целый тип поэтов определённой исторической эпохи, конкретного литературного направления (романтизм). Создание типологий можно отнести к категории вечно актуальных задач любой научной сферы, поскольку эта операция позволяет не только систематизировать наличные факты и наблюдения, но и разыскивать новые, необходимые как для завершённости типологических построений, так и для выводов на их основе.

Поставленной целью объясняется структура статьи. В основной части она состоит из двух разделов, посвящённых, соответственно, личности Э. Меркёр и её поэтическому творчеству. Выбор для анализа именно лирической поэзии (Меркёр писала ещё прозу и драму) объясняется тем, что, вероятно, именно в лирике поэтесса полностью исчерпала свои возможности, создав, по сути, единственный сборник стихов ещё в юности (в посмертном собрании стихотворений лишь менее десяти оказались не публиковавшимися ранее, причём это были тексты, не принципиальные для понимания творчества умершей).

2. Личность Элизы Меркёр

Биография Э. Меркёр изучена основательно, и это избавляет нас от необходимости подробно говорить о ней. Нам интересны только некото-

CC BY

рые моменты этой короткой жизни в контексте романтической эпохи. Надо сказать, что судьба поэтессы сложилась так, как это было желательно для романтического автора, то есть нетривиально, остросюжетно: с интригующей завязкой, тайнами, взлётом к вершине успеха, трагическим ранним завершением. Вот ключевые моменты этой жизни.

Девочка-подкидыш, воспитывавшаяся в приюте, обретает в двухлетнем возрасте мать, которая в силу поправившихся обстоятельств своей жизни решила вернуть ребенка. Это расхожее сюжетное положение античного любовно-приключенческого романа, с той разницей, что при античных младенцах находили так называемые «знаки», по которым их опознавали объявляющиеся в финале родители, а при младенце Элизе была только записка с указанием даты рождения и имени. Фамилия Меркёр была придумана в приюте и до сих пор является поводом для различных предположений — почему именно такая? То есть вопреки нормам «романа тайн», в котором загадки в конце концов разгадываются, здесь этого не происходит.

Раннее пробуждение творческих способностей (девочка начала писать стихи в шестилетнем возрасте), публикация первого сборника стихов в восемнадцать без малого лет (биографы любят подчёркивать, что в столь юные годы ещё не отметились первыми книгами ни Ламартин, ни Гюго), одобрение стихотворений девушки Шатобрианом и Ламартином. С отзывом последнего вышла целая история, в которой по сей день не всё ясно. Опубликованный в одном из бретонских периодических изданий, а затем перепечатанный в предисловии к поэтическому сборнику Меркёр дважды (в нантском издании 1827 года и парижском 1829 года), этот отзыв (в форме письма знакомому литератору) содержит сверхлестную оценку стихотворений «арморикáнской музы» (одно из комплиментарных прозвищ поэтессы): «я не верил в существование поэтического таланта у женщин <…>, на этот раз я сдаюсь <…>, предвижу <…>, что эта девочка превзойдёт нас всех …» [Crapelet, 1829, p. XIII]. Высказывание Ламартина без малейшего сомнения в его достоверности публикуют даже бретонские академические издания [Mellinet, 1835, p. 116]. Несмотря на то, что поэт впоследствии (1839) решительно отказывался от авторства этих слов и, более того, утверждал, что не был знаком с поэзией Меркёр [Ducimetière, 2017], это не мешает современным популярным изданиям полностью игнорировать протест знаменитого романтика и повторять приписываемый ему комплимент в адрес Меркёр, как будто его авторство верифицировано [Theuriau, 2005, p. 24]. Дело, конечно же, не в недобросовестности авторов (или не только в ней). Нужно вспомнить, что ведущие позитивные образы в романтической культуре — образы героя и гения [Луков, 2006б, с. 128].

CC BY

Не случайна в эту эпоху популярность фигуры Наполеона, воплотившего в себе обе ипостаси. Как это ни покажется парадоксальным, ряд моментов жизни Меркёр может быть соотнесён с судьбой французского императора: провинциалка, не принадлежащая к верхам общества, благодаря упорству и таланту добивается известности на родине, затем покоряет столицу, становится первой женщиной во французской литературе, написавшей трагедию. Следует добавить, что поэтесса была избрана в Лионскую академию (Académie provincial de Lyon) и состояла членом-корреспондентом Энциклопедического общества Морбиана (Société polymathique du Morbihan), а также членом-корреспондентом Академического общества департамента Нижняя Луара (Société académique de la Loire-Inférieure), причём в последнем случае общество отступило от своих правил, впервые удостаивая такой чести женщину. Может показаться, что членство в подобных провинциальных структурах не слишком большое достижение, однако это не совсем так: следует вспомнить, что известность Ж.-Ж. Руссо началась именно после успешного участия в конкурсе тоже провинциальной — Дижонской — академии. В любом случае, приветствия с вершин литературы столь стремительно поднявшемуся над обстоятельствами своей скромной жизни молодому дарованию — слишком важный момент биографии, чтобы портить его сомнениями в подлинности слов Ламартина.

Описание финала жизни Элизы Меркёр выдержано в параметрах очень старой традиции, актуализированной романтической эпохой, — изображать существование поэта как трагическое противостояние непониманию окружающих, травле, иным губительным обстоятельствам. По версии матери поэтессы, её дочь умерла из-за отказа королевского комиссара Комеди-Франсез барона Тэйлора принять к постановке трагедию «Боабдиль», о чём молодая женщина за сутки до смерти говорила так: «будет много вымышленных историй [*contes*] о моей смерти; одни скажут, что я умерла от нищеты, другие — от любви <…> единственно отказ господина Тэйлора <…> привёл к смерти твоё бедное дитя [*ta pauvre enfant*]!» [V[e] Mercœur, 1843, pp. CLXXXI—CLXXXII]. В действительности Меркёр погубила горловая чахотка, отягощённая язвами кишечника, но это слишком прозаические причины, отличные от трагически поэтичных, которые перечисляются в последних словах умирающей. Материнская версия об эстетически удовлетворительной причине смерти поэтессы до сих пор встречается как основная в некоторых популярных источниках (см., например, франкоязычную статью о поэтессе в Википедии [Élisa Mercœur], несмотря на недоверие и неприязнь многих биографов к *вдове Меркёр,* как называла себя без всяких оснований никогда не состоявшая в браке и носившая другую фамилию мать поэтессы («она алчна в той же степени, что и неум-

CC BY

на» [Caillaud, 1952, p. 32]; «эгоизм и тщеславие матери причинили Элизе больше зла, чем все разочарования» [Richebourg, 1870, p. 215]). Как бы то ни было, в словах *вдовы Меркёр* воплощена интуитивно, может быть, угаданная логика романтического жизнеописания, а не факты реальности.

3. Лирика Элизы Меркёр

Среди произведений поэтессы есть довольно большая группа стихотворений (около 30), о которых мы скажем совсем коротко. В значительной части это тексты-фрагменты (не в жанровом смысле (романтический фрагмент), а просто незаконченные, не позволяющие оценивать их содержание), при жизни Меркёр не публиковавшиеся. Вторую группу составляют произведения завершённые, но тоже не включавшиеся поэтессой в оба издания её сборника; возможно, они казались автору слабее отобранных для издательства. Наконец, третья группа текстов представляет собой 18 посланий (благодарственных, сопроводительных при отсылке чего-либо, а также одно написанное по просьбе дамы, пожелавшей приветствовать зятя в стихах). Эти образчики прикладного стихотворчества тоже не обнародовались при жизни автора. Все названные стихи не характеризуют творческую позицию Меркёр, хотя и могут быть интересны её биографам.

Оставшиеся тексты следующим образом распределяются по жанрам: элегии, оды, оды с элегическими образами и мотивами, эпиграмма. Обращают на себя внимание две особенности этого перечня. Во-первых, отсутствие более чем в половине названий жанровых подзаголовков как признак характерного для романтизма процесса — постепенного разрушения системы жанров (или, говоря иными словами, утверждения поэтической свободы). Во-вторых, заметно преобладание элегии вообще и элегии определённого типа — «унылой» — в частности, при полном отсутствии таких ещё недавно (в эпоху Первой империи, в детские годы Э. Меркёр) популярных жанров, как эклога (идиллия, пастораль), а также многочисленных разновидностей «лёгкой поэзии» (игривая любовная элегия, мадригал, «эпикурейская» песня с её нехитрым лейтмотивом «вволю любить, пить и есть до конца жизненного пути» [Désaugiers, 1816, p. 8] и др.). Отмеченные черты свидетельствуют о том, что по формально-содержательным признакам творчество поэтессы относится к романтизму.

Об этом же говорят и герои «ролевых» стихотворений Меркёр: «шотландский бард» (мода на «Песни Оссиана»), «Чайльд-Гарольд» (увлечение Байроном), «юный нищий» (образ обделённого на «жизненном пиру» восходит, возможно, к популярному у романтиков поэту XVIII века Н. Жильберу, автору этого мелодраматического мотива). Одной из модных романтических тем (борьба за свободу Греции) отмечена ода «Сон, или Фермо-

CC BY

пилы»: *Пробудитесь, сыны Леонида … Свобода — вот ваше наследство* [Mlle Mercœur, 1829, p. 88].

Стихи Меркёр содержат также многие характерные для романтической поэзии мотивы и словесные формулы, частью унаследованные от сентиментализма (размышления на кладбище о бренности человеческого существования; печальные образы прошлого, вызывающие вздохи «стеснённой груди»; краткость «мгновений счастья» в земной жизни; стремление к смерти как возможность соединиться с умершим возлюбленным; увядание цветов, листьев, жизни), и в некоторых случаях они сгущены почти до степени автопародии (клише элегической поэзии в предлагаемом фрагменте выделены полужирным курсивом, причём все они существовали ещё в доромантическую эпоху):

Qu'ai-je entendu? Dans mon ***âme oppressée***
La cloche funéraire *a soudain retenti.*
Toi qui règnes dans ma pensée,
Tu n'est donc plus, ***fidèle ami****.*
C'en est fait, ***un affreux délire***
Trouble tous mes ***sens éperdus****:*
Ma voix, qui faiblement soupire,
S'exhale en ***regrets superflus*** [Ibid., p. 15].

(Что я услыхала? В моей ***стеснённой душе*** вдруг прозвучал ***погребальный колокол***. ***Верный друг***, тебя, властителя моих дум, нет больше. От этого ***ужасное безумие*** омрачает мои ***потерянные чувства***; мой слабо вздыхающий голос изливается ***обильной печалью***.).

Современному читателю многие стихотворения Э. Меркёр могут показаться почти сплошь составленными из штампов, образных, эмоциональных, словесных, сюжетных, но читатели той эпохи, очевидно, смотрели на эти произведения иначе. Поэтессу могли упрекнуть в «многословии», в отсутствии «речевой строгости и точности» (характерный упрёк сторонника классицистической поэтики романтику), но не могли не отметить «душу благородную, наивно-восторженную и воистину поэтическую [*vraiment poétique*] <…> чувства живые и глубокие» [Dessales-Régis, 1845, p. 426]. По мнению другого автора, для стиля Меркёр характерны «грация, чувствительность, пыл [*la chaleur*]», но и некоторая «неровность и неясность». Однако стихи поэтессы имеют «заслуженный успех», так как они «самобытны» (*les vers d'Élisa Mercœur ont de l'originalité*) [Louvet, 1861, p. 39]. Странная «слепота» ряда критиков XIX века в отношении явных, казалось бы, недостатков лирики молодой женщины имеет, вероятно, следующие причины.

Первая причина связана с благосклонным отношением к стихам Меркёр не только критиков, но и читателей, сложившемся ещё в самом на-

CC BY

чале её творческого пути (дебютный сборник, изданный в Нанте, был так популярен, что до парижских книжных лавок не дошёл, был раскуплен в Бретани). Если видеть в этой книге начальный опыт юного таланта (на момент издания поэтессе оставалось три дня до восемнадцатилетия), то это многообещающая заявка на будущие свершения. Если же смотреть на сборник как на итог творческого пути (а фактически так и есть: из обещания грядущих достижений эти девичьи стихи стали «наследием»), то оценка созданного будет более строгой, в некотором отношении даже безжалостной. Б. Буниоль не находит в стихотворениях Меркёр «ничего нового и неожиданного», и очень показательно чувство, в сопровождении которого творится суд над произведениями умершей, — чувство «обманутой надежды» (*un désappointement*) [Bouniol, 1872, p. 179].

Вторая причина имеет не психологическую, а историческую основу. Поколения, отделённые от романтизма большим временным промежутком, порой слишком прямолинейно воспринимают тезис о преобладании в этом течении оригинальности над следованием неким «образцам». В реальности всё было не столь определённо. А. де Ламартин, главный «образец» для Элизы Меркёр, утверждал, как известно, что не подражал никому, создавая «Поэтические размышления» [Lamartine, 1922, p. 365], но давно установлено, что перечень авторов, повлиявших на него, начинается с античных имён (Тибулл) и заканчивается романтиками (Байрон). Упоминавшийся выше знаменитый «Сонет Арвера» имеет подзаголовок «Подражание итальянскому». Примеры можно было бы продолжить, но прагматичнее изменить традиционный обличительный подход к проблеме подражания, сформулировав исследовательскую задачу следующим образом: что позитивного может быть в прямом использовании или имитации элементов чужой поэтики?

Мы привычно говорим «поэтический язык / словарь эпохи», имея в виду набор образов, понятий, выразительных средств, при помощи которых то или иное время выражало себя в поэзии, но не всегда задумываемся над тем, как создаётся этот язык / словарь, кем? Понятно, что это не язык отдельных крупных авторов, это надындивидуальное образование, в построении которого участвуют разные писатели, производящие отбор и использование элементов будущего тезауруса. Этот процесс имеет разные этапы. Заслуга деятелей первого этапа, собственно, созидательного, больше, чем тех, кто получает готовый словесный арсенал. Меркёр — как раз писательница начального этапа формирования языка французской романтической лирики, и это нетрудно доказать: первые стихотворения меркёровского сборника написаны в шестнадцатилетнем возрасте автора, всего лишь через пять лет после выхода «стартовой» для французской романти-

CC BY

ческой поэзии книги Ламартина «Поэтические размышления» (1820). Элиза Меркёр — старательная и способная ученица «романтической школы», её «элегического класса», но она же — объективно, в силу своей известности — и «миссионер» этой школы.

Означает ли это, что поэтессе выпала лишь роль популяризатора романтического лексикона, а собственной значимости в её стихах нет? Если у автора есть талант, то при всей несамостоятельности начального периода творческой жизни в произведениях всё равно должны обнаруживаться черты оригинальности. Это случай Элизы Меркёр. Когда она забывала выступить в роли усталой от разочарований лирической героини, в её стихах проступали характерные черты совсем ещё юной особы, мечтающей о внимании, любви и не верящей в их возможность для себя, но надеющейся, что поэзия искупит всё. Русскому читателю при чтении этих строк поневоле вспомнится ранняя М. Цветаева («моим стихам … настанет свой черёд»):

Quoi! tout un an de plus écoulé sans bonheur!
L'hiver est mon printemps, la nuit est mon aurore;
Aucun rayon d'espoir sur moi ne brille encore:
Triste rose, au désert j'exhale mon odeur!
Ceux que j'aurais aimés ne m'ont point accueillie,
Leur main jamais vers moi ne se tendit, hélas!
Et l'oubli, de son voile enveloppant ma vie,
Semble dire à leur cœur: ne le soulevez pas.
Ah! puissent mes succès, réveillant leur mémoire,
Pour ma vengeance, un jour, leur apporter mon nom;
Et puissé-je, oubliant ce funeste abandon,
Leur dire: un an de plus écoulé pour la gloire! [Mlle Mercœur, 1829, pp. 83—84].

(Как! Ещё целый год прошёл без счастья! Зима — это моя весна, ночь — мой рассвет; ни единый луч надежды ещё не просиял для меня: печальная роза, я отдаю свой аромат пустыне! Те, кого я любила бы, не приняли меня, их руки — увы! — никогда не протягивались ко мне. И забвение, оборачивая мою жизнь своим покровом, как будто диктует их сердцам: не касайтесь её. Пусть мои успехи, мстя за меня, донесут до них моё имя и пробудят их память, чтобы я могла, забыв эту гибельную заброшенность, сказать им: ещё на год ближе к славе!).

Трогательной грустью наполнено одно из поздних стихотворений Меркёр, обращённое к неизвестному лицу с просьбой о помощи (в конце жизни достаток поэтессы был довольно скуден). Использование образных штампов (далее выделены курсивом) не мешает оригинальности и искренности

CC BY

выражения чувств: называя себя *«бедной узницей» (la pauvre prisonnière)* на *«каторге несчастья» (bagne du malheur)*, искавшей славы, а нашедшей «бедность» (indigence), лирическая героиня не мечтает о полном избавлении от «железных оков на ногах» (les fers aux pieds), её смиренные притязания ограничиваются только желанием для себя «цепи полегче на несколько звеньев» (la chaîne moins lourde de quelques anneaux) [Mercœur de Nantes, 1843, p. 313]. Подобные стихи подкупают непритворностью переживания и, нам кажется, способны волновать и современного читателя.

4. Заключение

В типологическом аспекте Элиза Меркёр принадлежит к довольно многочисленной группе поэтов небольшого, но несомненного дарования, обеспечивающих своим скромным творчеством массовое распространение романтизма, придание ему статуса направления, а не просто изолированного явления для немногих. Собственно, это ясно из уже сказанного; осталось определить место поэтессы в группе так называемых «малых романтиков». Если посмотреть на итог развития романтизма классического типа (то есть включительно до начального этапа символизма, явления тоже романтической природы), то можно констатировать сформированность в нём трёх основных творческих моделей, отличающихся следующими чертами: 1) естественностью, понятностью чувств и мыслей при простоте стиля, использованием слов в прямом значении (А. Дешан, А.-Ф. Арвер, М.-Л. Груар, П. Верлен); 2) герметичностью содержания, сложностью стилистических средств (поздний А. Рембо, многие вещи С. Малларме); 3) натуральностью чувств, логичностью мыслей, выражаемых часто при помощи метафор или символически (Ш. Бодлер, ранний А. Рембо, ряд произведений С. Малларме). Разумеется, мы указали не всех представителей этих моделей, намеренно поставив в один ряд таланты разного масштаба. Нетрудно увидеть, в какую сторону начало развиваться оригинальное творчество Э. Меркёр: непридуманности переживаний, искренности тона и — по контрасту с этим — склонности к метафоризму (основной приём поэтессы — развёрнутая метафора). Это последняя модель, одна из двух наиболее продуктивных (наряду с первой), как показал опыт поэзии романтического типа не только в XIX, но и в XX веке. Но эта модель и самая сложная по своей поэтике. И нельзя сказать, что Меркёр эту модель «выбрала»: поэтесса — в силу своего небольшого, но бесспорного дарования — способствовала её формированию.

Источники

1. *Mlle Mercœur É.* Élégie / Mlle É. Mercœur // Poésies. — Paris : Crapelet, 1829. — Pp. 15—17.

2. *Mlle Mercœur É.* Le Songe, ou Les Thermopyles / Mlle É. Mercœur // Poésies. — Paris : Crapelet, 1829. — P. 88.

3. *Mlle Mercœur É.* Un an de plus / Mlle É. Mercœur // Poésies. — Paris : Crapelet, 1829. — Pp. 83—84.

4. *Mercœur de Nantes É.* Vers à … / É. Mercœur de Nantes. Œuvres complètes : 3 t. T. 1. — Paris: chez Madame Veuve Mercœur et chez Pommeret et Guénot, 1843. — P. 313.

5. *Ve Mercœur*. Mémoires sur la vie d'Élisa Mercœur / Ve Mercœur // Élisa Mercœur de Nantes. Œuvres complètes : 3 t. T. 1. — Paris : chez Madame Veuve Mercœur et chez Pommeret et Guénot, 1843. — Pp. XVII—CLXXXVIII.

Литература

1. *Луков Вл. А.* Предромантизм / Вл. А. Луков. — Москва : Наука, 2006а. — 683 с. — ISBN 5-02-034354-4.

2. *Луков Вл. А.* Теория персональных моделей в истории литературы / Вл. А. Луков. — Москва : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006б. — 104 с.

3. *Arvers F.* Sonnet. Imité de l'italien / F. Arvers // Mes heures perdues : poesies. — Paris : A. Cinqualbre, 1878. — P. 53.

4. *Audebrand Ph*. Petits mémoires du XIX siècle / Ph. Audebrand. — Paris : C. Lévy, 1892. — 344 p.

5. *Beyern B.* 9 décembre 2016 : La renaissance d'Élisa Mercoeur [Electronic resource] / B. Beyern. — Access mode : http://bertrandbeyern.fr/spip.php?article823.

6. *Bouniol B.* Mercœur (Élisa) / B. Bouniol // Les rues de Paris : biographies, portraits, récits et légendes : 2 t. T. 2. — Paris : Bray et Retaux, 1872. — Pp. 169—189.

7. *Caillaud P.* La vie inquiète d'Élisa Mercœur / P. Caillaud // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest. — 1952. — T. 59. — № 1. — Pp. 28—38.

8. *Claretie J.* Élisa Mercœur, Hippolite de la Morvonnais, George Farcy, Charles Dovalle, Alphonse Rabbe / J. Claretie. — Paris : Librairie de Mme Bachelin-Deflorenne, 1864. — 114 p.

9. *Constantin M.* Physiologie de l'amant de cœur / M. Constantin. — Paris : Ligaran, 2015. — 124 p. — ISBN 9782335034998.

10. *Crapelet G.-A*. Préface de l'Éditeur / G.-A. Crapelet // Mlle Mercœur É. Poésies. — Paris : Crapelet, 1829. — Pp. VI—XVII.

11. *Désaugiers M.-A.-M.* Ma philosophie / M.-A.-M. Désaugiers // Désaugiers et ses amis ou Recueil lyrique et bachique en l'honneur de Marc-Antoine Désaugiers. — Paris : Plancher, 1816. — Pp. 7—8.

12. *Dessales-Régis*. Poètes de province à Paris / Dessales-Régis // La Revue de Paris. — 1845. — T. 3. — Pp. 423—427.

13. *Ducimetière N.* Élisa Mercœur, une victime du star-system? [Electronic resource] / N. Ducimetière. — Access mode: https://mabiblio.hypotheses.org/709.

14. *Élisa* Mercœur [Electronic resource]. — Access mode : https://fr.wikipedia.org/wiki/%C3%89lisa_Merc%C5%93ur.

15. *Finch A.* Women's Writing in Nineteenth-Century France / A. Finch. — Cambridge : Cambridge University Press, 2000. — 316 p.

16. *Geoffroy D*. Élisa Mercœur, Nantaise romantique / D. Geoffroy. — Cholet : Hérault éditions, 1990. — 285 p.

17. *Greenberg W.* Élisa Mercœur : the Poetics of Genius and the Sublime / W. Greenberg // Uncanonical Women. Feminin Voice in French Poetry (1830—1871). — Amsterdam — Atlanta, GA : Editions Rodopi B. A., 1999. — Pp. 43—68.

18. *Lamartine A. de.* Première préface des Méditations / A. de Lamartine // Méditations poétiques : 2 vol. — Paris : Hachette, 1922. — T. 2. — Pp. 347—374.

19. *Louvet L.* Mercœur (Élisa) / L. Louvet // Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculé jusqu'à nos jours.— Paris : Firmin Didot frères, fils et cie, 1861. — T. 35. — Pp. 38—41.

20. *Mellinet C.* Élisa Mercœur / C. Mellinet // Annales de la Société académique de Nantes et du département de la Loire-Inférieure. — 1835. — T. 6. — Pp. 109—136.

21. *Pertus G.-C.* Malfilâtre, Gilbert, André Chenier, Hégésippe Moreau, Élisa Mercœur. Les Lyres brisées / G.-C. Pertus. — Paris : E. Albert, 1844. — 156 p.

22. *Plötner B.* Les débuts d'Élisa Mercœur et d'Émile Souvestre dans le Lyceé armoricain / B. Plötner // Masculin / Féminin dans la poésie et les poétiques du XIXe siècle. — Lyon : Presses Universitaires, 2002. — Pp. 177—190.

23. *Richebourg É.* Mlle Élisa Mercœur / É. Richebourg // Le livre d'or des femmes : cent-douze biographies. — Paris : A. Lacroix, 1870. — Pp. 215—216.

24. *Sabatier R.* Histoire de la poésie française. Vol. 5.1 : La Poésie du XIX siècle : Les Romantismes / R. Sabatier. — Paris : A. Michel, 1976. — 537 p.

25. *Theuriau F.-G.* Quelques poétesses du peuple / F.-G. Theuriau // Gavroche : Revue d'histoire populaire. — 2005, janvier-fevrier, № 139. — Pp. 23—27.

Material resources

Mlle Mercœur, É. (1829). Élégie. In: *Poésies.* Paris: Crapelet. 15—17. (In French).

Mlle Mercœur, É. (1829). Le Songe, ou Les Thermopyles. In: *Poésies.* Paris: Crapelet. P. 88. (In French).

Mlle Mercœur, É. (1829). Un an de plus. In: *Poésies.* Paris: Crapelet. 83—84. (In French).

Mercœur de Nantes, É. (1843). Vers à … In: *Œuvres complètes, 3 (1).* Paris: chez Madame Veuve Mercœur et chez Pommeret et Guénot. P. 313. (In French).

Ve Mercœur. (1843). Mémoires sur la vie d'Élisa Mercœur. In: *Élisa Mercœur de Nantes. Œuvres complètes, 3 (1).* Paris: chez Madame Veuve Mercœur et chez Pommeret et Guénot. XVII—CLXXXVIII. (In French).

References

Arvers, F. (1878). Sonnet. Imité de l'italien. *Mes heures perdues: poesies*. Paris: A. Cinqualbre. P. 53. (In French).

Audebrand, Ph. (1892). *Petits mémoires du XIX siècle.* Paris: C. Lévy. 344 p. (In French).

Beyern, B. *9 décembre 2016: La renaissance d'Élisa Mercoeur.* Available at: http://bertrand-beyern.fr/spip.php?article823. (In French).

Bouniol, B. (1872). Mercœur (Élisa). *Les rues de Paris: biographies, portraits, récits et légendes, 2 (2).* Paris: Bray et Retaux. 169—189. (In French).

Caillaud, P. (1952). La vie inquiète d'Élisa Mercœur. *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest, 59 (1):* 28—38. (In French).

Claretie, J. (1864). *Élisa Mercœur, Hippolite de la Morvonnais, George Farcy, Charles Dovalle, Alphonse Rabbe.* Paris: Librairie de Mme Bachelin-Deflorenne. 114 p. (In French).

Constantin, M. (2015). *Physiologie de l'amant de cœur.* Paris: Ligaran. 124 p. ISBN 9782335034998. (In French).

Crapelet, G.-A. (1829). Préface de l'Éditeur. In: *Mlle Mercœur É. Poésies.* Paris: Crapelet. VI—XVII. (In French).

Désaugiers, M.-A.-M. (1816). Ma philosophie. In: *Désaugiers et ses amis ou Recueil lyrique et bachique en l'honneur de Marc-Antoine Désaugiers*. Paris: Plancher. 7—8. (In French).

Dessales-Régis. (1845). Poètes de province à Paris. *La Revue de Paris, 3:* 423—427. (In French).

Ducimetière, N. *Élisa Mercœur, une victime du star-system?* Available at: https://mabiblio.hypotheses.org/709. (In French).

Élisa Mercœur. Available at: https://fr.wikipedia.org/wiki/%C3%89lisa_Merc%C5%93ur. (In French).

Finch, A. (2000). *Women's Writing in Nineteenth-Century France.* Cambridge: Cambridge University Press. 316 p.

Geoffroy, D. (1990). *Élisa Mercœur, Nantaise romantique.* Cholet: Hérault éditions. 285 p. (In French).

Greenberg, W. (1999). Élisa Mercœur: the Poetics of Genius and the Sublime. In: *Uncanonical Women. Feminin Voice in French Poetry (1830—1871).* Amsterdam — Atlanta, GA: Editions Rodopi B. A. 43—68. (In French).

Lamartine, A. de. (1922). Première préface des Méditations. *Méditations poétiques, 2 (2).* Paris: Hachette. 347—374. (In French).

Louvet, L. (1861). Mercœur (Élisa). In: *Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculé jusqu'à nos jours, 35.* Paris: Firmin Didot frères, fils et cie. 38—41. (In French).

Lukov, VL. A. (2006). *Pre-Romanticism.* Moscow: Nauka. 683 p. ISBN 5-02-034354-4. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2006). *Theory of personal models in the history of literature.* Moscow: Moscow Publishing House. humanit. un-ta. 104 p. (In Russ.).

Mellinet, C. (1835). Élisa Mercœur. In: *Annales de la Société académique de Nantes et du département de la Loire-Inférieure, 6:* 109—136. (In French).

Pertus, G.-C. (1844). *Malfilâtre, Gilbert, André Chenier, Hégésippe Moreau, Élisa Mercœur. Les Lyres brisées.* Paris: E. Albert. 156 p. (In French).

Plötner, B. (2002). Les débuts d'Élisa Mercœur et d'Émile Souvestre dans le Lyceé armoricain. In: *Masculin / Féminin dans la poésie et les poétiques du XIXe siècle.* Lyon: Presses Universitaires. 177—190. (In French).

Richebourg, É. (1870). Mlle Élisa Mercœur. In: *Le livre d'or des femmes: cent-douze biographies.* Paris: A. Lacroix. 215—216. (In French).

Sabatier, R. (1976). *Histoire de la poésie française, 5.1: La Poésie du XIX siècle: Les Romantismes.* Paris: A. Michel. 537 p. (In French).

Theuriau, F.-G. (2005). Quelques poétesses du peuple. *Gavroche: Revue d'histoire populaire, 139* (janvier-fevrier)*:* 23—27. (In French).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Сейбель Н. Э. Нарративная структура воспоминаний в текстах Ф. Верфеля и А. Окопенко / Н. Э. Сейбель, Е. М. Шастина // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 259—275. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-259-275.

Seibel, N. E., Shastina, E. M. (2021). Narrative Structure of Memories in Texts of F. Werfel and A. Okopenko. *Nauchnyi dialog, 3:* 259-275. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-259-275. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-259-275

Нарративная структура воспоминаний в текстах Ф. Верфеля и А. Окопенко

Сейбель Наталия Эдуардовна [1]
orcid.org/0000-0002-6840-8286
доктор филологических наук,
профессор
seibel_ne@mail.ru

Шастина Елена Михайловна [2]
orcid.org/0000-0001-9551-5469
доктор филологических наук,
профессор
e.shastina2104@gmail.com

[1] федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
(Челябинск, Россия)

[2] Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
(Елабуга, Россия)

Narrative Structure of Memories in Texts of F. Werfel and A. Okopenko

Natalia E. Seibel [1]
orcid.org/0000-0002-6840-8286
Doctor of Philology, Professor
seibel_ne@mail.ru

Elena M. Shastina [2]
orcid.org/0000-0001-9551-5469
Doctor of Philology, Professor
e.shastina2104@gmail.com

[1] Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education “South Ural State Humanitarian Pedagogical University”
(Chelyabinsk, Russia)

[2] Elabuga Institute of Kazan (Volga region) Federal University
(Yelabuga, Russia)

© Сейбель Н. Э., Шастина Е. М. 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается специфика нарративной структуры повествования, соединяющей воспоминание как элемент вымышленной автобиографии с формами дневника и «рассказа в рассказе», — одной из наиболее продуктивных во второй половине XX века в немецкоязычной литературе. На материале фрагмента незаконченного романа Ф. Верфеля «Селла, или Завоеватель» и романа А. Окопенко «Киндернаци», построенных как воспоминания об Аншлюсе и приходе нацистов в Австрию, показаны принципы организации многоуровневой системы «автор — фокализатор — актант», цель которой — переплетение исторических, морально-религиозных, нравственно-этических смыслов. Изучается, как конкретно-исторический сюжет (имеющая реальный прототипический образец история Верфеля и автобиографическая — Окопенко) наполняется религиозными и экзистенциальными смыслами у Верфеля, становится отражением кризиса идентичности — ключевой характеристики австрийской ментальности — у Окопенко. Особое внимание уделяется художественным приемам, усложняющим и разрушающим линейное повествование: двойничества, при помощи которого Верфель показывает разные пути решения одних и тех же нравственных вопросов, и техники литературного монтажа, которая придает у Окопенко фрагментарный характер процессу воспоминания и позволяет выявить целостность авторской нравственно-этической позиции на глубинно-смысловом уровне.

Ключевые слова:
наррация; фрейм; субфрейм; фокализатор; актант; Франц Верфель; Андреас Окопенко; техника литературного монтажа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The specificity of the narrative structure of the story, which connects the memory as an element of a fictional autobiography with the forms of a diary and a “story in a story”, which is one of the most productive in the second half of the twentieth century in German literature, is considered. Based on a fragment of the unfinished novel by F. Werfel “Sella, or the Conqueror” and the novel by A. Okopenko “Kindernatsi”, built as memories of the Anschluss and the arrival of the Nazis in Austria, the principles of organizing a multilevel system author — focalizer — actant, the purpose of which is interweaving of historical, moral and religious, moral and ethical meanings are shown. It is studied how a specific historical plot (which has a real prototypical model for the story of Werfel and an autobiographical one for Okopenko) is filled with religious and existential meanings in Werfel, becomes a reflection of the crisis of identity — a key characteristic of the Austrian mentality — in Okopenko. Particular attention is paid to artistic techniques that complicate and destroy linear narrative: duplicity, with the help of which Werfel shows different ways of solving the same moral issues, and literary editing techniques, which gives Okopenko a fragmented character to the process of recollection and allows to reveal the integrity of the author’s moral and ethical positions at the deep-semantic level.

Key words:
narration; frame; subframe; focalizer; actant; F. Werfel, “The True Story of the Restored Cross”; A. Okopenko “Kindernatsi”; literary editing technique.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.112.2(436)Werfel.07+821.112.2(436)Okopenko.07

Нарративная структура воспоминаний в текстах Ф. Верфеля и А. Окопенко

© Сейбель Н. Э., Шастина Е. М. 2021

1. Аншлюс. Автобиография. Воспоминание

Воспоминания как повествовательная модель априори усложняют нарративную систему литературного текста, привнося в неё автокоммуникацию. «Вводится, — как писал Ю. М. Лотман, — добавочный — второй — код и исходное сообщение перекодируется в единицах его структуры, получая черты нового сообщения» [Лотман, 2000, с. 166]. Воспоминания соединяют два уровня повествования и преследуют двойную цель. С одной стороны, это — рассказ о важном событии, значимость которого со временем возрастает. С другой стороны — воспоминание — это самоанализ и самопрезентация рассказывающего героя. Такое сочетание уровней повествования позволяет трактовать и оценивать поступки рассказчика через призму его героя и наоборот.

Воплощение травматического опыта в австрийской культуре — присоединение Австрии к фашистской Германии (1938) — составляет объект воспоминаний в произведениях, являющихся материалом данной статьи.

Классик австрийского экспрессионизма Франц Верфель (1890—1945) роман о гонениях на евреев после аншлюса начинает в 1938 году. Трехчастная эпопея «Селла, или Завоеватель» должна была объединить и по-новому отразить многие мотивы раннего творчества писателя: музыки как пути спасения (мотив, уже бывший центральным в романах «Черная месса» 1919, «Верди» 1924), неодолимой энергии распада («Дом скорби», 1927), выбора героем — в данном случае Боденхаймом — своего пути, вопреки влиянию Золтана Надя и Вайля — друзей-идеологов («Барбара, или Благочестие», 1929), стихийного героизма («Сорок дней Муса-Дага», 1933). «Селла» — единственный и неудачный опыт создания романа о событиях сегодняшнего дня, непосредственно происходивших на глазах автора. Роман писался в первые месяцы эмиграции, и, «по мере того как экономический кризис привел к политическому беспорядку и, в конечном итоге, к триумфу фашизма, Верфель больше думал об институтах, которые, по его мнению, воплощали и обеспечивали ценности, которые он лелеял: государство Габсбургов и католическая церковь, и своеобразное гуманистическое благочестие» [Steiman, 1985, p. 164].

CC BY

В результате в 1942 году в качестве самостоятельного рассказа «Правдивая история о восстановленном кресте» был издан фрагмент незаконченного произведения, описывающий нравственный подвиг ребе Аладара Фюрста. Этот фрагмент будет главным объектом рассмотрения в данной статье. Текст незавершенного романа входит в литературный и культурный оборот лишь с конца 1970-х годов, когда, наконец, появляется отдельное издание.

Австрийский писатель Андреас Окопенко (1930—2010) вошел в литературу как автор лирических произведений — создатель теории «флюидной поэзии» и «экспериментатор в рамках традиционных форм» [Гугнин, 2010, с. 211]. Лишь к концу 1970-х годов он обращается к экспериментальной прозе, идет в направлении создания гипертекстового нарратива, нарушает традиционную линейность повествования, предоставляя читателю возможность со-творчества при погружении в текст «Лексикона сентиментальной поездки на встречу экспортеров в Друдене»» и возможность следовать собственной «навигации», идти от начала до конца — «kreuz und quer» [Okopenko, 1970, с. 7] или просто, руководствуясь привычкой, «пролистать» роман «Метеориты». В целом разрозненные, но рифмующиеся фрагменты и образы экспериментальных романов создают картину не конкретной исторической эпохи, а «духа послевоенного времени и времени оккупации» Австрии — «den Zeitgeist der Nachkriegs — und Besatzungszeit» [Herbert, 2018, p. 159—160].

Впервые к событиям Второй мировой войны Окопенко обращается в 1967 году в сборнике рассказов («Die Belege des Michael Cetus»), но лишь в романе «Киндернаци» [Okopenko, 1984] история доминирует, становясь основой сюжета. Отражение исторических событий периода аншлюса дается через призму воспоминаний подростка Анатоля Витрова, чье взросление совпало со временем от аншлюса до конца войны. «Нормальная» жизнь «нормальных людей» описана в констатирующе беспристрастной манере, моральная оценка происходящего, кажется, изначально в повествовании отсутствует. Роман «Киндернаци» строится на автобиографическом материале, однако это не «автобиографический пакт» (Ф. Лежен), а скорее «игра в автобиографию» (autobiographisches Spiel) [Herbert, 2018, p. 161], или «художественно-документальный нарратив в вымышленном автобиографическом романе» [Горелова, 2020, с. 39].

Оба романа, таким образом, осмысляют автобиографический материал, по-разному освещают одни и те же исторические события и посвящены сложным отношениям героев с Австрией как «пограничной землей, где искони сливались различные культуры» [Шебештьен, 1983, с. 176]. Следствием содержательной близости текстов становится сходство повествова-

CC BY

тельной структуры, в которой соединяются несколько уровней наррации, речевые потоки и акустические маски нескольких повествователей и фокализаторов, взаимодействуют аллегорически-символический и исторически конкретный смыслы текстов.

В качестве методологии при написании работы используется комплексный подход, который объединяет традиционный биографический и культурно-исторический методы с системно-целостным анализом художественного текста. Нарративный анализ в применении к указанным произведениям дает наиболее интересные результаты, поскольку позволяет структурировать и типологизировать семантические пласты сложноорганизованной художественно-повествовательной конструкции текста.

В настоящем исследовании за основу взяты идеи отечественных литературоведов: В. И. Тюпы [Тюпа, 2011] и его последователей, в частности, Г. А. Жиличевой [Жиличева, 2015] и др. Такая методология позволяет объединить рассмотрение поэтики литературного произведения и описание принципов художественной коммуникации.

Целью настоящего исследования стало выявление типологических признаков австрийского исторического романа XX века с учетом реализации сходных нарративных стратегий.

2. «Новое» и «старое» в тонах ностальгии. Социально-исторические координаты «Правдивой истории …» Ф. Верфеля и «Киндернаци» А. Окопенко

Повествование в «Правдивой истории о восстановленном кресте» Ф. Верфеля организовано как рассказ в рассказе. События излагаются капелланом Феликсом безымянному слушателю («Я») ради увековеченья одной из первых жертв Мировой войны — ребе Аладара Фюрста, ценой своей жизни спасшего небольшую группу ссыльных иудеев. Оттокар Феликс — эмигрант, встреченный «Я»-рассказчиком в Америке, свидетель расправы «коричневорубашечников» над раввином, не давшим осквернить христианский могильный крест, — излагает события в их прямой последовательности, начиная с предшествующего аншлюсу времени.

Этот уровень текста организуется исторической концепцией автора. Верфель ищет объяснение причин и сути войны, определяет, какие силы в ней сталкиваются.

Описание Парндорфа содержит отсылки к средневековью, буколические пейзажи с аистами на крыше, описание мирного соседства многонационального населения. Идиллически-пасторальная интонация особенно последовательно появляется в изображении еврейской общины: «Бургенландские евреи гордились двумя вещами: своими учеными мужами и сво-

CC BY

ей оседлостью. <…> они давным-давно позабыли проклятие странствий и безродности» [Werfel, 1942, S. 7]. Древняя провинциальная идиллия взрывается приходом «представителей партии». Если в начале в тоне повествования преобладает сказочно-идиллическая бытийность, то в части после 11 марта текст становится динамичным, наполненным приметами дисгармонизма и знаками распада (крики, толпа, «unruhige Element im Volke zu jedem Krawall zu drängen pfelgen» [Ibid., S. 17]). На смену широким «мазкам» вековых традиций, библейской образности и горному пейзажу приходят крупные планы, акцентирующие отдельные детали («золотисто-белокурые волосы» [Ibid., S. 14]), каталогизируется отбираемая у евреев мебель, меняется характер пейзажа («глухая пустошь» [Ibid., S. 17]).

Антитеза уходящей гуманности и нового чужого «порядка» усиливается противопоставлением отдельных персонажей. «Мечтательный», «изысканный», «благородный» — характеристики Аладара Фюрста. Представители партии, напротив, связаны с бестиарными чертами («беспокойство, подобное насекомому» («eine insektenhafte Unruhe») [Ibid., 1942, S. 24]), гастрономической метафорикой («липкий сахар» [Ibid., 1942, S. 40]), гротескными масками жестокого шутовста («охота», «потеха», «забава»). Отсутствие у «коричневорубашечников» знаний и уважения к духовности особенно ярко подчеркнуто в описании языка (лозунги в сочетании с диалектом), которым они говорят. Акцентация слова как транспорта глубинных смыслов на поверхность повседневности — одна из базовых идей философии и литературы межвоенного периода. Если, по Хайдеггеру, предпонимание (Vorverstandnis) отражено в языке, то речи верфелевских нацистов — это саморазоблачение: косноязычие — яркое свидетельство лживости пафосных патриотических призывов.

Верфель последовательно отстаивает концепцию экономической природы социальных катаклизмов. Так, в романе «Барбара, или Благочестие», объясняя причины начала Первой мировой войны, он писал о «лежащем на поверхности мотиве: Мировая война была для тысяч людей спасением от голода» [Werfel, 1988, S. 151]. В «Правдивой истории …» на сторону нового агрессивного порядка в первую очередь встают безработные, потерявшие заработок заводские рабочие — плебс.

Антитеза старого и нового, терпимости и национализма, в трактовке Верфеля, это антитеза, с одной стороны, небогатых, но честно трудившихся пекарей и торговцев, с другой — безграмотных юнцов (воры, мошенники) и деревенской голытьбы («Taugenichtse» [Werfel, 1942, S. 14]). Это противостояние не столько национальное, сколько классовое. Иудей Аладар Фюрст и католик Оттокар Феликс оказываются на одной стороне, на другой — «великовозрастный негодяй» («wohlgewachsene Tunnichtgut»)

CC BY

[Ibid., S. 13] Петер Шох. Противопоставление Аладара и Петера подчеркнуто спецификой развития того и другого образа в тексте. С изменением ситуации характеристики раввина практически не меняются: он смиренен, спокоен, сохраняет достоинство. Вождь партийных молодчиков, напротив, чувствуя вкус власти и крови, всё более звереет и утрачивает индивидуальные черты — становится воплощением «эры Хама».

Захватившая Австрию враждебная сила последовательно деперсонифицируется (национал-социализм нигде не упоминается, речь идет о «партии» и «коричневорубашечниках»). Принцип рассказывания позволяет автору игнорировать и сворачивать до перечислительных рядов неважное: начальство, смущенное собственным бессилием, европейские правительства, не желающие противостоять нацизму.

Финальный подвиг Аладара Фюрста соединяет, таким образом, два субфрейма: героика самопожертвования ради духовности и ностальгия по потерянной мирной жизни на земле отцов, помещенных в более широкую фреймовую рамку «война как результат столкновения духа и бездуховности».

Обращаясь к теме памяти, Окопенко экспериментирует с жанром литературного дневника, который призван «задокументировать» личную историю на фоне истории страны, выделить господствующие смыслы эпохи, которые повлияли на становление героя-подростка.

Нарративная структура текста соединяет по меньшей мере трех повествователей: Анатоля Витрова — мальчика, автора дневника, который фиксирует происходящее в Австрии на протяжении семи лет (1939—1945), взрослого «Я»-рассказчика, кроме того, в повествовании появляются сторонние наблюдатели, что ломает перспективу и дает возможность «иного взгляда».

Свою историческую концепцию автор формулирует через нарушение событийной последовательности. Хронологическая последовательность событий (фабула) имеет в тексте явные опоры: нумерация эпизодов (1—62), даты дневниковых записей (Эпизод 8. 22.09.44), наличие подзаголовков («Эпизод 22. 05.04.44 *Карантинное отделение*») [Окопенко, 2001, с. 94]. Художественный пересмотр последовательности событий (сюжет) делает акцент на последствиях принимаемых героями решений, даёт возможность игры с различными жанрами: газетная статья, школьное сочинение, текст песен, агитационные плакаты, протокол, письма. Монтажный принцип «сцепляет» эпизоды на глубинно-смысловом уровне, личная память становится частью коллективной памяти.

Ответы на вопросы, как это началось и к чему привело, даются через параллелизм, включающий повторяющиеся в начале и в конце эпизоды. Своего рода «рамку» повествования организует возвращение к уже заявленным героям с тем, чтобы разъяснить, как начиналась их история.

CC BY

Общая логика «перевернутого» повествования представляет собой движение от разрухи «налетов», «развалин», «обломков кирпичей» («Wenn kein Luftangriff ist, ist Bergungseinsatz <…> Wir sitzen auf Ziegelhaufen») [Okopenko, 1984, S. 8] — к ярким краскам, «залитым солнцем» улицам, «приятной прохладе» [Окопенко, 2001, с. 277] дней, проведенных с семьей и друзьями. Возвращение к детству, миру, первому знакомству украинского мальчика с пока еще чужой, но такой красивой Веной придает всему дневнику ностальгическую тональность.

Набор смыслов, связанный с идеей «история — путь потерь», концептуален для романа. В первых эпизодах герой активно осмысляет, что есть завершение, поражение, смерть, финал. Анатоль приходит к кризису во всех сферах жизни. Он ощущает потерю лидерства в классе и охлаждение друзей. Увлеченный астрономией ученик сталкивается с новым небесным явлением — солнечный протуберанец, — которое трактует как предвестие «конца всей культуре, создававшейся тысячелетиями» [Там же, с. 28]. Неудача в любви, намек на трагическую судьбу дяди Мартина, расставание с верным другом Шлезаком, загадочное исчезновение Михая, похороны бабушки — начиная с весны 1944 года мир героя последовательно рушится, «настроение очень упадническое» [Там же, с. 37].

Сознание героя порабощено агрессивной национал-социалистской пропагандой, находящей выражение в романе в виде явных цитат и скрытых вкраплений. В речи Анатоля слышны ноты пропагандистских лозунгов: «Вперед на Восток! На овладение гигантской жизненной территорией ради нашего будущего» [Там же, с. 237]. Автор умело использует графику и играет беспунктуационными фрагментами, чередуя их с обилием, например, восклицательных предложений, создавая в итоге акустическую картину периода тотального ослепления большинства, фанатичной веры фюреру.

Оппозицию нацистскому официозу составляют три героя: дядя Мартин, тетушка и отец. Двое последних слова в романе не получают. Читатель «слышит» их только через посредство впечатлений Анатоля. Отец — украинец, получивший, однако, «свидетельство об арийском происхождении <…> как “родственный тип”» [Там же, с. 263], — тщательно скрывает свою оппозиционность, и лишь в «оговорках» (например, неожиданно использованное «ваш» вместо «наш») проявляется его скепсис по отношению к властям. Его поведение подается через взгляд фокализатора-сына: «Папа плакал двадцать второго числа» [Там же, с. 238]. Единственный «оппозиционер», которому дано в романе слово, — солдат, призванный на Восточный фронт, дядя Мартин. Фрагмент его дневника, в котором он описывает ночь с 21 на 22 июня 1941 года, — эпизод 41 (в чем уже заложена игра цифрами и знаками: 41 год, 4 часа 10 минут утра) — рифмуется с эпи-

CC BY

зодом 51, датированным 21 июня 1941 года, где описывает начало войны с русскими сам Анатоль. Тревога дяди контрастирует с детским воодушевлением племянника: «Ура! Небывалое великое приключение Германии!» [Там же, с. 237]. Реальная приграничная деревня, занятая готовящимися к атаке войсками, противопоставлена яркой красочной карте, на которой Анатоль планирует отмечать флажками будущие победы.

Зная, благодаря обратной хронологии дневника, как поменялись взгляды Анатоля, мы лишены его заблуждений и ослеплений. Мир и герой идут путем потерь как внешних (территории и друзья), так и душевных: в финале рассказчик едва ли не главным свойством человека называет забвение (забыты родство, дружба — всё забывается).

Тексты Верфеля и Окопенко, таким образом, связывает ностальгическая интонация. Построенные формально по-разному, содержательно тексты базируются на общей семантической оппозиции прежнего и нового. Одновременно у Окопенко появляется еще один, возможно, более важный фреймовый уровень, связанный с «обратным ходом»: бессилие человека перед историей. События привели туда, где начинается роман, и герои бессильны что-либо изменить.

3. Экзистенциальный жест. Почему бежит пастор Феликс? Кто же такой Анатоль Витров?

В наррации, организуемой воспоминаниями, неизбежно возникает «саморазоблачение» нарратора: текст отражает изменения, происходящие в восприятии событий, эволюцию этических установок говорящего, становление личности рассказчика.

Второй субфрейм рассказа Верфеля включает в себя концепцию героического порыва, экзистенциального жеста, последовательно формулируемую автором в произведениях 30-х годов. Проблема связи предвоенного творчества Верфеля с экзистенциализмом является на сегодняшний день дискуссионной, но близость к философии Гуссерля, Хайдеггера и будущим концепциям Сартра и Камю устойчиво обнаруживается в текстах писателя. Фердинанд Р. в романе «Барбара, или Благочестие» (1929), Гебриэл Багратян в «Сорока днях Муса-Дага» (1933) и другие герои Верфеля бессильны поменять ход истории, но вступают в борьбу за ценности, которые считают истинными. Часто деяние, ради которого они подвергают себя смертельной опасности, представляет собой символический жест, направленный не на разрешение трагической ситуации, а на выполнение требований совести. «Действовать без надежды», — характеризует такой жест Ж.-П. Сартр [Сартр, 1990, с. 332]. Спасение ребе Фюрстом могильного креста от глумления нацистов в «Правдивой истории …» — яркий тому пример.

CC BY

С началом рассказа Оттокара Феликса автор переходит на третье лицо, делая самого рассказчика объектом наблюдения. С точки зрения реализации концепции героического в «Правдивой истории» возникает двойной ряд отражающих друг друга героев. С одной стороны, двойниками выступают Оттокар Феликс и Аладар Фюрст — мирные служители церкви, совершающие Деяние ради Человечности. С другой стороны, взаимно оттеняют один другого пастор Феликс и венгерский офицер, идущие на нарушение порядка ради спасения чужих людей, но не поднимающиеся до «подвига смирения».

Пастор Феликс и раввин Фюрст объединены в структуре рассказа патетикой жеста. В «сильных местах» повествования — первый в середине, второй в финале — они совершают каждый своё «действие» («Handlung»), принимают «опасное для жизни решение» («lebensgefährlicher Entschluss»), придя к нему «похоже, не по его собственной воле» («nicht aus seinem eigenen Willen») [Werfel, 1942, S. 27].

Если Аладар Фюрст предстает перед читателем уже «готовым» героем, то Оттокар Феликс проходит путь становления. Он — обладатель активной жизненной позиции: отсюда намек на возможное участие пастора Феликса в Венских событиях 1934 года и ссылку в Парндорф. Он единственный, кто пытается обратиться к церковному и земскому руководству за защитой от «коричневорубашечников». Наконец, он предпочитает смертельно опасную ссылку пассивному наблюдению за унижением сограждан.

Становление героя отражается и на образном уровне: Оттокар Феликс трижды преодолевает водную границу, символически отделяющую его прежнюю жизнь от грядущей. В текстах Ф. Верфеля «наиболее важный образ <…> — образ воды. Сродство с водой в художественном мире Верфеля имеет значение приобщения к бесформенности Бога, возвращения в изначальное состояние (хаоса, стихийности)» [Сейбель, 2019, с. 150]. Скитания с гонимыми евреями по приграничным болотам лишают пастора последней надежды на человечность палачей. Попытка «обойти закон» по озеру [Werfel, 1942, S. 42] убеждает в бессилии властей. Преодоленная река становится последней чертой, отделившей героя от его поглощенной «коричневорубашечниками» Родины. Одолевая эти символические границы, он учится тому, чем Аладар Фюрст владеет изначально — смирению.

Другим двойником Оттокара Феликса в рассказе выступает венгерский офицер, вынужденный преградить евреям путь к спасению. Абсурд принятого венгерскими властями решения не допускать в страну беженцев, многие из которых имеют венгерское гражданство, лишает этого человека возможности встать на защиту истязаемых. Однако благодаря молчаливому попустительству таможни небольшая группа уцелевших иудеев

CC BY

из Парндорфа смогла переправиться через границу: «Во фрагменте романа представители венгерских властей изображаются не слишком смелыми, но и не бесчеловечными» [Kereke, 1996]. Наблюдая за жестокостью гонителей и унижением гонимых, и пастор Феликс, и майор-таможенник повторяют почти слово в слово: «Ich wurde um mich schlagen» [Werfel, 1942, S. 26]. На фоне деятельного смирения Аладара Фюрста они одержимы гордыней, хотя и бессильны что-либо изменить. В их позиции, противоположной деятельному смирению идеализированного героя, еще много суетного.

Идеал деятельного смирения, утверждаемый автором через систему двойников в рассказе, подтверждается и дальнейшей эволюцией пастора Феликса в эмиграции.

В романе «Киндернаци» А. Окопенко автор дневника — Анатоль Витров — также проходит свой путь становления.

Взросление героя приходится на период растерянности целого поколения. Утрата национальных, культурных, этических координат, необходимость самоидентификации — проблема, которую предстоит решить всем членам семьи, и пятнадцатилетний подросток, в конце истории почти новобранец, предстает в итоге «отягощенный заботой, которая ему не по плечу» [Окопенко, 2001, с. 10].

Семь лет шаг за шагом фиксируются в дневнике. Записанные «внешние» и «внутренние» события часто вступают в противоречие, порождают неоднозначную оценку. Сомнения нарратора обнажают отсутствие аксиологических опор и подтверждают, что «Я австрийца не может быть цельным. Он обречен на двуличие, на многоличие» [Плахина, 2010, с. 507].

В эпизодах 1939 года родители ставят перед героем задачу «приспосабливаться». В эпизодах 1945 года ему велят «перестроиться» («Нам всем надо перестроиться» [Окопенко, 2001, с. 10]). Он уже умеет тушить бутылки с зажигательной смесью, разбирать завалы, но завтра — и с этого начинается роман — ему предстоит совершить свой главный подвиг: перестать быть нацистом. Путь героя к порогу этого «перерождения» составляет второй субфрейм романа.

Дневниковое повествование «обрамлено» двумя грандиозными сломами в сознании героя. В эпизоде 62 задачу «Ты станешь немецким мальчиком» [Там же, с. 282] он понимает со всей детской непосредственностью. На пороге юности, в эпизоде 1 (01.04.45), Анатоль осознанно требует ответа на вопрос: «Почему, папа?» [Там же, с. 9].

Начало его становления в романе тенденциозно связано с лингвистическим самоопределением. Переехав границу, «сын начинает стыдиться их странных имен и фамилий» [Там же, с. 263]. Затем в австрийской школе мальчишки дразнят и преследуют его за чужой выговор. Он чувствует

CC BY

особый трепет перед «новомодным старонемецким шрифтом» [Там же, с. 253]. Даже собственный почерк он воспринимает как отражение прожитых впечатлений и движения к намеченной цели, достигнутой только тогда, когда «ему сказали, что приведенный им пример венского диалекта в его произношении скорее получился похожим на один из немецких диалектов рейха» [Там же, с. 148]. С этого момента он начинает осознавать себя одним из лидеров класса. Лингвистическая ассимиляция порождает чувство национальной сопричастности.

Со становлением героя меняются и формы разоблачения пропагандистских трюков. «Верхний» событийно-фабульный пласт повествования пропитан тональностью преданности и безусловного доверия, но, фиксируя события, рассказчик не может не отражать бросающиеся в глаза противоречия. Автор описывает самые разные формы нацистской пропаганды и последовательно развенчивает их уже тем, что читатель сначала видит оздоровительные лагеря, а затем читает официальные проспекты, сначала присутствует при муках полового созревания Анатоля, а затем «листает» брошюру с призывами к целомудрию и так далее. Повзрослевший Анатоль принимает любой пропагандистский лозунг на веру и удивляется, когда кто-то сомневается или сопротивляется. Маленький Анатоль, впервые попавший в юнгфольк-лагерь, дотошно задает наивные вопросы о нацистских песнях. Так, по ходу романа идеологических сомнений у читателя становится всё больше и формулируются они всё проще и доходчивей. Герой же в процессе взросления, наоборот, перестает замечать лживость мира, по прошествии времени он лишь больше «запутывается», теряет детскую открытость миру и уверенность.

Не облегчают самоопределения героя и отношения со взрослыми. В поведенческой стратегии отца Анатоля нашли отражение нравы австрийцев, которые, утратив собственные корни, собственную идентичность, стоят на перепутье. Он непоследователен, и сыну становится всё труднее понять его позицию. Взрослые последовательно «уходят» от разговора на опасные темы: тетушка — об Австрии и её особом пути, фрау Блюте — о еврействе Эйнштейна, мама — об «упадническом» искусстве.

По сути, путь взросления героя нарисован как путь потери исторических, нравственных и духовных ориентиров. Однако в финале Анатоль Витров осознает, что его «увлечение» национал-социалистическими идеями пришло к логическому завершению. Его вера (была ли она вообще?) не прошла проверку временем. Таким образом, движение в глубины исторического прошлого и возвращение в детство отражают обращение к корням и обретение себя.

Герои Верфеля и Окопенко, пройдя путь становления, оказываются в ситуации, требующей решительных действий. Верфелевский персонаж

CC BY

свой выбор совершает внутри текста, герой Окопенко осознает необходимость и неизбежность выбора.

4. В поисках опоры: вопросы веры и культуры в текстах Верфеля и Окопенко

Религиозное самоопределение — важнейшая тема Верфеля конца 30-х годов. Весь монолог пастора Феликса в рассказе «Правдивая история о восстановленном кресте» возникает в контексте беседы о Вере и Боге. «Я»-рассказчик наделен автобиографическими чертами: эмигрант-интеллектуал, бежавший сначала во Францию, затем в Америку, выступающий с лекциями: «Говоря о кризисе современного человечества, я попытался показать самую глубокую причину наших страданий в потере веры в Бога» [Werfel, 1942, S. 2]. В системе образов рассказа он еще один двойник Аладара Фюрста и Оттокара Феликса: как и они, он ищет своего Бога и задается вопросом о миссии народов и конфессий по отношению к Богу и истине.

Если в романе конца 20-х годов «Барбара, или Благочестие» одержимый идеей религиозного примирения герой (Альфред Инглендер) сходит с ума, пытаясь привести иудеев под сень Папы Римского, то в конце 30-х годов любимые персонажи Верфеля начинают отстаивать идею взаимного дополнения двух религий, имеющих разное предназначение. В текстах, появляющихся один за другим («Селла, или Завоеватель», 1938; «Unser Weg geht weiter», 1940; «Якобовский и полковник», 1944), писатель утверждает «роль евреев в истории спасения как свидетелей откровения» [Sajak, 2000]. Верфель рисует метафорические картины легко уживающихся аллегорических образов, воплощающих иудаизм и католичество. Он провозглашает взаимную потребность конфессий друг в друге ради целостности представлений о мироздании.

С точки зрения религиозного содержания кульминацией рассказа является диалог пастора Феликса и раввина Фюрста, в котором последний провозглашает: «Пока существует церковь, будет существовать и Израиль, <…> церковь падет, если падет Израиль …» [Werfel, 1942, S. 10]. Верфель определяет отношения между христианством и иудаизмом, в которых спасительно-историческое значение последнего в его роли единственного «настоящего свидетеля» Божественного откровения. Эта мысль становится настолько важной для пастора Оттокара Феликса, что, когда церковное руководство убеждает его не вмешиваться в отношения евреев и «коричневорубашечников», а «защищать более важные вещи, чем несколько ограбленных и изгнанных евреев, ибо сама церковь в опасности» [Ibid., S. 21], он не может не возвращаться к провозглашенному: «Пока существует Церковь, Израиль будет существовать …» [Ibid., S. 22] как к единственному

CC BY

откровению. Спасение горстки евреев Верфель оформляет в рамку из мифопоэтических символов, придавая происходящему надысторическое религиозно-мистическое значение.

В итоге констатируют верфелевские герои, с приходом нацистов и началом гонений на иудеев «на карту поставлено нечто гораздо большее, чем свобода и достойная жизнь — я говорю о поруганном кресте, без которого мы сгинем в ночи» [Ibid., S. 49].

Если обобщающим фреймом Верфеля является «взаимодополнение религий и равенство вероисповеданий», то «надсмысл» Окопенко сгруппирован вокруг вопросов культуры.

Уже в паратекстуальных частях Окопенко делает два смысловых акцента, которые «закольцовывают» композицию романа: с одной стороны, пророчество колдуньи-вёльвы (эпиграф), которой «многое ведомо» — и «конец мира», и «гибель могучих богов» [Окопенко, 2001, с. 7], и, с другой стороны, предупреждение о том, что «до времени отмененное время», «отсроченное» раскаяние уже «заалело на горизонте» (послесловие) [Там же, с. 283]. Обращение к исландской мифологии — одной из самых знаменитых песен «Старшей Эдды» — подчеркивает вселенский характер катастрофы, пришедшийся на «богатый» катаклизмами XX век. Не менее громко звучат в финале слова известной австрийской писательницы Ингеборг Бахман о неуютном ощущении «жизни в кредит» [Карельский, 1999, с. 238], о наступившем забвении.

Рассуждения об искусстве даны через призму «новой идеологии»: немецкий солдат, питавший слабость к Шопену, старательно избавляется от этой привычки после вторжения немецкой армии в Польшу [Окопенко, 2001, с. 242]. Эротические мечты подростка об учительнице немецкого языка госпоже Блюте помещены в контекст «Песни о Нибелунгах». Окопенко иронизирует над воинствующим духом подростка, который превращает свой объект воздыханий в «Блютхильду», ради которой он готов «бесстрашно смеясь в лицо большевикам, сгореть вместе с нею в пылающей Валгалле» [Там же, с. 130] — небесном чертоге для павших в бою доблестных воинах. Героический эпос ассоциируется в сознании Анатоля с реальными событиями и накладывается на романтически-героическое восприятие «Гибели богов» Вагнера.

Но есть и другой мир, «старый» добрый мир, открывающий читателю семейные традиции семьи Витровых: приключенческие романы и рассказы из жизни индейцев Карла Мая, любимого автора мальчика; энциклопедия Мейера, которую дает Анатолю отец вместо «Майн кампф» [Там же, с. 137], «запрятанное сокровище» — «История искусств» с иллюстрациями Клея, над которыми можно посмеяться вместе с мамой.

CC BY

Поиск истинной веры (у Верфеля) и истинной культуры (у Окопенко) составляют глубинные, основополагающие пласты, на которых строится вся конструкция текста.

5. Заключение

Тексты Ф. Верфеля и А. Окопенко, в основе которых лежат воспоминания об Аншлюсе и войне, представляют собой многоуровневую нарративную конструкцию, в которой пересекаются позиции по крайней мере трех фокализаторов. «Я»-рассказчик, Оттокар Феликс — участник истории, произошедшей несколько лет назад, и Оттокар Феликс, спустя время переосмысливший события — у Верфеля. Подросток Анатоль Витров, взрослый метарассказчик и авторы вставных эпизодов — у Окопенко.

Благодаря такому усложнению повествовательной системы возникает целый ряд совпадений и взаимных отражений в системе образов, «зеркальных» сцен и эпизодов, помогающих акцентировать набор смыслов внутри всё объединяющего фрейма: начавшаяся война — это война за дух, веру, истину и культуру. Субфреймом «второго уровня» у Верфеля является становление Оттокара Феликса, пришедшего к идеалу деятельного смирения, у Окопенко — попытка подростка определить свой дальнейший путь. Наконец, наиболее узкий — центральный — повествовательный уровень транслирует смыслы ностальгии по потерянной австрийской провинциальной утопии, разрушенной аншлюсом.

Источники

1. *Окопенко А.* Киндернаци. Роман / А. Окопенко ; перевод с немецкого Инны Стребловой. — Санкт-Петербург : Symposium, 2001. — 283 с. ISBN 5-89091-176-7.

2. *Okopenko A.* Roman. Kindernazi / A. Okopenko. — Salzburg : Residenz Verlag, 1984. — 127 S.

3. *Werfel F.* Barbara oder die Frömmigkeit / F. Werfel. — Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verl., 1988. — 620 S. ISBN: 978-3-596-29463-3.

4. *Werfel F.* Die wahre Geschichte vom wiederhergestellten Kreuz / F. Werfel. — Los Angeles : Privatdruck der Pazifischen Presse, 1942. — 50 S.

Литература

1. *Горелова О. О.* Художественно-документальный нарратив в вымышленном автобиографическом романе П. Теру «Моя тайная история» / О. О. Горелова // Litera. — 2020. — № 5. — С. 39—49. — DOI: 10.25136/2409-8698.2020.5.32908.

2. *Гугнин А. А.* Австрийская поэзия после 1945 года / А. А. Гугнин // История австрийской литературы XX века. — Москва : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. — Том II. 1925—2000. — С. 196—214. ISBN 978-5-9208-0360-3.

3. *Жиличева Г. А.* Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920—1950-х гг. : автореферат диссертации … доктора филологических наук / Г. А. Жиличева. — Москва, 2015. — 50 с.

4. *Лотман Ю. М.* Автокоммуникация: “Я” и “Другой” как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман. Семиосфера. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. — С. 163—177. ISBN 5-210-01562-9.

5. *Карельский А. В.* Ингеборг Бахман / А. В. Карельский // Метаморфозы Орфея : Беседы по истории западных литератур. Вып. 2 : Хрупкая лира. Лекции и статьи по австрийской литературе XX века ; сост. Э. В. Венгерова. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1999. — С. 237—240. ISBN 5-7281-0298-0.

6. *Плахина А. В.* Австрийская проза конца 1970-х начала 1990-х годов / А. В. Плахина, В. Д. Седельник, Ю. Л. Цветков // История австрийской литературы XX века. Том II. 1925—2000. — Москва : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. — С. 490—516. ISBN 978-5-9208-0360-3.

7. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. — Москва : Политиздат, 1990. — С. 319—387. ISBN 5-250-00378-8.

8. *Сейбель Н. Э.* Вода как смыслопорождающий образ в романе Фр. Верфеля «Барбара, или Благочестие» / Н. Э. Сейбель // Филологический класс. — 2019. — № 3 (57). — С. 149—155. DOI: 10.26170/FK19-03-21.

9. *Тюпа В. И.* Нарративная стратегия романа / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2011. — № 3 (18). — С. 8—25.

10. *Шебештьен Д.* Австрийская литература и ее связи с литературами дунайского региона / Д. Шебештьен // Иностранная литература. — 1983. — № 10. — С. 176—181.

11. *Herbert A.* Krieg trifft auf Alltag. Die Erfahrung des Zweiten Weltkrieges in Andreas Okopenkos *Kindernazi* / A. Herbert // M. Maldonado-Aleman, C. Gansel (Hgg.) Literarische Inszenierungen von Geschichte. Formen der Erinnerung in der deutschsprachigen Literatur nach 1945 und 1989. — Wiesbaden : Springer Fachmedien, ein Teil von Springer Nature, 2018. — S. 159—168. ISBN 978-3-658-21670-2.

12. *Kereke G.* Prag liegt zwischen Galizien und Wien Franz Werfeis, Franz Kafkas und Rainer Maria Rilkes Ungarnbild [Electronic resource] / G. Kereke // IX Berliner Beiträge zur Hungarologie. — Berlin-Budapest : Humboldt-Universität, 1996. — Access mode : https://epa.oszk.hu/02300/02398/00008/pdf/EPA02398_Berliner_beitrage_09_1996_169-204.pdf (дата обращения 21.09.2020).

13. *Sajak C. P.* Der hartnäckige Wanderer [Electronic resource] / C. P. Sajak // Freiburger Rundbrief. — 2000. — № 7. — Access mode : https://www.freiburger-rundbrief.de/de/item_782.html (дата обращения 21.09.2020).

14. *Steiman L.* Franz Werfel : The Faith of an Exile : From Prague to Beverly Hills / L. Steiman. — Wifrid Lourel University Press, 1985. — 244 p. ISBN 0889201684, 9780889201682.

Material resources

Okopenko, A. (1984). *Roman. Kindernazi*. Salzburg : Residenz Verlag. 127 S. (In Germ.).

Okopenko, A. (2001). *Kindernatsi. Roman.* Saint-Petersburg: Symposium. 283 p. ISBN 5-89091-176-7. (In Russ.).

Werfel F. (1942). *Die wahre Geschichte vom wiederhergestellten Kreuz.* Los Angeles: Privatdruck der Pazifischen Presse. 50 S. (In Germ.).

Werfel F. (1988). *Barbara oder die Frömmigkeit.* Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verl. 620 S. ISBN: 978-3-596-29463-3. (In Germ.).

References

Gorelova, O. O. (2020). Artistic and documentary narrative in the fictional autobiographical novel by P. Teru "My secret history". *Litera, 5:* 39—49. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.5.32908. (In Russ.).

Gugnin, A. A. (2010). Austrian poetry after 1945. In: *History of Austrian literature of the twentieth century, II. 1925—2000.* Moscow: IMLI im. A. M. Gorky RAS. 196—214. ISBN 978-5-9208-0360-3. (In Russ.).

Herbert, A. (2018). Krieg trifft auf Alltag. Die Erfahrung des Zweiten Weltkrieges in Andreas Okopenkos *Kindernazi*. In: *Literarische Inszenierungen von Geschichte. Formen der Erinnerung in der deutschsprachigen Literatur nach 1945 und 1989.* Wiesbaden: Springer Fachmedien, ein Teil von Springer Nature. 159—168. ISBN 978-3-658-21670-2. (In Germ.).

Karelsky, A. V. (1999). Ingeborg Bachman. In: *The Metamorphoses of Orpheus: Conversations on the History of Western Literatures, 2: The Fragile Lyre. Lectures and articles on Austrian literature of the twentieth century*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 237—240. ISBN 5-7281-0298-0. (In Russ.).

Kereke G. (1996). Prag liegt zwischen Galizien und Wien Franz Werfeis, Franz Kafkas und Rainer Maria Rilkes Ungarnbild. In: *IX Berliner Beiträge zur Hungarologie*. Berlin-Budapest: Humboldt-Universität. Available at: https://epa.oszk.hu/02300/02398/00008/pdf/EPA02398_Berliner_beitrage_09_1996_169-204.pdf (accessed 21.09.2020). (In Germ.).

Lotman, Yu. M. (2000). Autocommunication: "I" and "The other" as addressees (On two models of communication in the system of culture). In: Yu. M. Lotman. *Semiosphere.* Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPB. 163—177. ISBN 5-210-01562-9. (In Russ.).

Plakhina, A. V., Sedelnik, V. D., Tsvetkov, Yu. L. (2010). Austrian prose of the late 1970s and early 1990s. In: *History of Austrian literature of the twentieth century, II. 1925—2000.* Moscow: IMLI im. A. M. Gorky RAS. 490—516. ISBN 978-5-9208-0360-3. (In Russ.).

Sajak C. P. (2000). Der hartnäckige Wanderer. *Freiburger Rundbrief, 7.* Available at: https://www.freiburger-rundbrief.de/de/item_782.html (accessed 21.09.2020). (In Germ.).

Sartre, J.-P. (1990). Existentialism is humanism. In: *Twilight of the Gods*. Moscow: Politizdat. 319—387. ISBN 5-250-00378-8. (In Russ.).

Seibel, N. E. (2019). Water as a meaning-generating image in the novel Fr. Verfel's "Barbara, or Piety". *Philological Class, 3 (57):* 149—155. DOI: 10.26170/FK19-03-21. (In Russ.).

Shebestjen, D. (1983). Austrian literature and its relations with the literatures of the Danube region. *Foreign literature, 10:* 176—181.

Steiman, L. (1985). *Franz Werfel: The Faith of an Exile: From Prague to Beverly Hills.* Wifrid Lourel University Press. 244 p. ISBN 0889201684, 9780889201682.

Tyupa, V. I. (2011). Narrative strategy of the novel. *Novy filologicheskiy vestnik, 3 (18):* 8—25. (In Russ.).

Zhilicheva, G. A. (2015). Narrative strategies in the genre structure of the novel (based on the material of Russian prose of the 1920s—1950s: author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 50 p. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Филипповский Г. Ю. А. С. Пушкин — Н. А. Некрасов : аспекты диалогической поэтики / Г. Ю. Филипповский // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 276—290. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-276-290.

Filippovsky, G. Yu. (2021). A. S. Pushkin — N. A. Nekrasov: aspects of dialogical poetics. *Nauchnyi dialog, 3:* 276-290. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-276-290. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-276-290

А. С. Пушкин — Н. А. Некрасов: аспекты диалогической поэтики

Филипповский Герман Юрьевич
orcid.org/0000 0002 6765 8451
доктор филологических наук,
профессор
fil.gerr@yandex.ru

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

(Ярославль, Россия)

A. S. Pushkin — N. A. Nekrasov: aspects of dialogical poetics

German Yu. Filippovsky
orcid.org/0000 0002 6765 8451
Doctor of Philology, Professor
fil.gerr@yandex.ru

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky”

(Yaroslavl, Russia)

© Филипповский Г. Ю., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос диалогической поэтики в эпических текстах А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова. Уделяется внимание актуальной теме пушкинских влияний в эпике Некрасова. Представлены результаты сопоставительного анализа поэтики «Евгения Онегина» Пушкина и поэм-эпопей Некрасова. Поднимается вопрос о преемственности эпической поэтики писателей, особое внимание уделяется самобытности данной составляющей их произведений. Новизна исследования состоит в том, что впервые рассмотрены аспекты диалоговой поэтики эпических текстов русских классиков. Актуальность исследования обусловлена необходимостью новых взглядов на соотношение эпической поэтики Пушкина и Некрасова. Приводятся определения категорий имманентной и сопоставительной эпической поэтики обоих творцов. Автор останавливается на функции мотивов в эпических текстах Пушкина и Некрасова. Доказано, что именно эпика Некрасова сделала его реальным преемником гения Пушкина. Предлагается классификация ведущих черт эпической поэтики классиков. Выполнен обзор существующих научных исследований по диалогической поэтике Пушкина и Некрасова. Представлена авторская разработка эпической типологии их текстов. Описан опыт многолетней работы автора на материале поэтического наследия Пушкина и Некрасова.

Ключевые слова:
Пушкин; Некрасов; поэтика крупной эпической формы; Евгений Онегин; Мороз, Красный нос; Кому на Руси жить хорошо; литературно-поэтическая диалогичность; мотивы народной архаики; грех; покаяние.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of dialogical poetics in the epic texts of A. S. Pushkin and N. A. Nekrasov is considered. Attention is paid to the actual topic of Pushkin's influences in the epic of Nekrasov. The results of a comparative analysis of the poetics of "Eugene Onegin" by Pushkin and the epic poems of Nekrasov are presented. The question of the continuity of the epic poetics of writers is raised, special attention is paid to the originality of this component of their works. The novelty of the research lies in the fact that the aspects of the dialogue poetics of the epic texts of Russian classics are considered for the first time. The relevance of the study is due to the need for new views on the relationship between the epic poetics of Pushkin and Nekrasov. The definitions of the categories of immanent and comparative epic poetics of both creators are given. The author dwells on the function of motives in the epic texts of Pushkin and Nekrasov. It has been proven that it was Nekrasov's epic that made him the real successor of Pushkin's genius. A classification of the leading features of the epic poetics of the classics is proposed. The review of existing scientific research on the dialogical poetics of Pushkin and Nekrasov is carried out. The author's development of the epic typology of their texts is presented. The author's experience of many years of work on the material of the poetic heritage of Pushkin and Nekrasov is described.

Key words:
Pushkin; Nekrasov; the poetics of a large epic form; Eugene Onegin; Jack Frost; Who lives well in Russia; literary and poetic dialogue; motives of folk archaism; sin; repentance.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1Пушкин.07+821.161.1Некрасов.07

А. С. Пушкин — Н. А. Некрасов: аспекты диалогической поэтики

© Филипповский Г. Ю., 2021

1. Введение

1. Пушкинские влияния в поэтическом наследии Некрасова: краткий обзор исследований

М. М. Бахтин открыл, что природа и Слова, и Текста диалогична [Бахтин, 1975, с. 92—93]. «Пушкинские традиции», «пушкинские влияния» — весьма распространённые и продуктивные формулы в отечественном литературоведении. Популярны они и в некрасоведении. Так, первая часть «Учителя и предшественники» известной монографии К. И. Чуковского «Мастерство Некрасова» состоит из двух глав: «Пушкин» и «Гоголь» [Чуковский, 1955, с. 7—160]. Вторая часть нашей монографии 2008 года «Динамическая поэтика русской литературы» озаглавлена «Пушкин и Некрасов» [Филипповский, 2008, с. 213—394]. Она включает исследования не только по пушкинской, а также некрасовской текстовой поэтике, но и этюды по сравнительно-типологической поэтике текстов двух великих русских классиков. Характерно при этом, что пушкинских и пушкинско-некрасовских глав в этой части монографии больше, чем узконекрасоведческих, что косвенно подчёркивает роль и значение именно пушкинских истоков. В другой нашей монографии «Глубины некрасовского текста» [Филипповский, 2010] компаративные главы также присутствуют, хотя в целом явно преобладают некрасоведческие исследования, что соответствует основному профилю книги.

Конечно, уже сравнительно давно появился в литературоведении целый пласт разысканий, отслеживающих «пушкинское» в творчестве Некрасова. Именно так называется статья известного специалиста по русской литературе XIX века Наталии Николаевны Мостовской «“Пушкинское” в творчестве Некрасова» [Мостовская, 1991, с. 177—186], опубликованная в 1991 году во Пскове в межвузовском сборнике научных трудов. Ещё раньше, в 1985 году, крупный пушкиновед и некрасовед Николай Николаевич Скатов назвал одну из глав своей книги «Я лиру посвятил народу своему …»: «Пушкинское» стихотворение Некрасова «Элегия» [Скатов, 1985, с. 152—160]. Разумеется, изучение Некрасова было популярно в советский период, всегда не лишённое «дежурной» революционно-демократической прямолинейности. «Некрасов — преемник Пушкина», — так называет-

CC BY

ся часть второй главы биографической книги о Некрасове, написанной в 1954 году А. Дубинской; «Некрасов — певец Петербурга — наследник Пушкина» [Дубинская, 1954, с. 42—45]. Конечно, эта формула могла бы звучать и иначе: «Некрасов — певец Петербурга — наследник Гоголя». Подобное «лобовое» соотнесение, сопоставление в революционно-демократической по духу биографии, представленной А. Дубинской, надо думать, восходит к популярному в те времена эпизоду похорон Некрасова на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга [Там же, с. 308—310]. Тогда, после знаменитой речи Ф. М. Достоевского над могилой Некрасова, которого он по значению сопоставил с Пушкиным, леворадикальные студенты стали кричать: «Выше! Выше, чем Пушкин!». Конечно, дело было отнюдь не в том, кто из них выше, кто ниже, — прав Достоевский, что оба поэта и их наследия соотносительны и велики.

Сравнительно недавно в 1997 и 2001 годах появились статьи о творчестве Некрасова, где фигурирует понятие «диалог» в понимании «пушкинско-некрасовский диалог». Мы говорим об исследованиях Г. В. Краснова «Некрасов и Пушкин: поэтический диалог» [Краснов, 1997, с. 59—66], Н. В. Володиной «Диалог Некрасова с Пушкиным в стихотворении “Поэт и гражданин”» [Володина, 2001, с. 4—9], Р. Б. Заборовой «К изучению поэтических диалогов Некрасова» [Заборова, 2001, с. 17—25], а также Н. Н. Мостовской «Стихотворение “Поэт и гражданин” в литературной традиции» [Мостовская, 1997, с. 67—79]. Все эти статьи сопоставляют пушкинское и некрасовское наследия с точки зрения популярных в советское время идеалов «гражданственности», соотносимых обычно с революционно-демократическими идеями. Конечно, и Пушкин, и Некрасов были прогрессивными личностями, отнюдь не ретроградами, но революционерами они никогда не были: оба принадлежали к дворянскому обществу, хотя и симпатизировали простому народу, крестьянам, живо интересовались народной культурой. Поэтому обозначенные выше прежние подходы к их творчеству сейчас не могут рассматриваться как адекватные. Пушкин мирволил монарху, а Некрасов с большим сомнением и подозрением рассматривал реформу освобождения крестьян 1861 года. Так что «диалога» двух великих поэтов надо искать не там, где прежде, не на тропе публицистических мотивов, а как-то иначе.

Существуют другие статьи, усматривающие пушкинскую традицию, например, в поэмах Некрасова «Несчастные» или «Тишина». Это статьи А. М. Гаркави «Пушкинские традиции в поэме Некрасова “Несчастные”» [Гаркави, 1975, с. 91—108], В. А. Кошелева «Литературные “похищения” в поэме Некрасова “Несчастные”» [Кошелев, 2001, с. 26—39], Г. Ю. Филипповского «“Тишина” Некрасова и поэтическая традиция Пушкина»

CC BY

[Филипповский, 2008, с. 267—273]. Здесь важно подчеркнуть аспекты жанровой соотносительности: речь идёт о пушкинских влияниях в некрасовской крупной поэтической форме.

Разумеется, нередко рассматривается пушкинская диалогичность на основе его великого романа в стихах, или, если угодно, грандиозной поэмы, или даже, как принято говорить, «эпопеи русской жизни», — «Евгений Онегин» зрелого Пушкина. Ранние, юношеские «завихрения» поэта были уже преодолены в михайловский период, когда он написал «Бориса Годунова», основные главы «Евгения Онегина», просил прислать ему французскую Библию. «Онегинское» в некрасовском наследии рассматривается в статье Н. Л. Вершининой «“Онегинские” мотивы в лирике Некрасова» [Вершинина, 2001, с. 10—16], отчасти — Н. Л. Ермолаевой «Тема судьбы в творчестве Некрасова» [Ермолаева, 2008, с. 74—82]. Несомненно, что многие образы и мотивы «Евгения Онегина» повлияли на соотносительные элементы поэтики некрасовских текстов, причём так же, как и у Пушкина, отмеченных крупной эпической формой, то есть в поэмах и эпопеях. Примечательно, что Некрасов в своих текстах, в частности, в поэме «Русские женщины», приводит слова героини не только о Пушкине, но и о его романе в стихах «Евгений Онегин»: «И Пушкин смотрел … и смеялся, что я Ботинки мои промочила. “Молчите! Идёт гувернантка моя!” — Сказала я строго. (Я скрыла, Что ноги промокли) … Потом я прочла В «Онегине» чудные строки. Я вспыхнула вся — я довольна была … Теперь я стара, так далёки Те красные дни! Я не буду скрывать, Что Пушкин в то время казался Влюблённым в меня … но, по правде сказать, В кого он тогда не влюблялся! Но, думаю, он не любил никого тогда, кроме музы: едва ли не больше любви занимали его Волненья её и печали …» [Некрасов, 1982, т. 4, с. 167].

2. Базовые мотивы поэтической эпики Пушкина и Некрасова

Самые точные и глубокие, сущностные слова о соотношении, соотнесении пушкинской и некрасовской поэтики, то есть природы и организации поэтических текстов классиков, принадлежат Анне Андреевне Ахматовой. Сама будучи крупнейшей фигурой в мировой поэзии, Ахматова остановила внимание на самых значительных, крупнейших творениях обоих поэтов, на их поэтической идентичности и соотносительности. Речь идёт о её выступлении в 1965 года на страницах «Литературной газеты», где она обсуждает связи пушкинской «русской поэмы “Евгений Онегин” и некрасовской “Мороз, Красный нос”», цит. по [Филипповский, 2008, с. 279]. По мнению А. А. Ахматовой, «так счастливо найденные» Пушкиным особенности поэтики «должны были укорениться в русской поэзии». Считая данное направление развития русских художественных традиций магистраль-

CC BY

ным, А. А. Ахматова видела в Некрасове непосредственного поэтического преемника Пушкина: «И только Некрасов понял, что нужно искать новые пути. Тогда появился “Мороз, Красный нос”» [Там же]. В этих словах подчёркнута именно творческая преемственность Некрасова по отношению к пушкинскому наследию. Характерно, что внимание остановлено именно на крупнейших, значительнейших творениях обоих поэтов, и, разумеется, к ним должна быть отнесена также и эпопея Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Именно об этих текстах Пушкина и Некрасова (но и некоторых других поэмах) пойдёт речь в данной статье.

«Евгений Онегин» Пушкина часто рассматривают как «энциклопедию русской жизни», но это одновременно и своеобразная энциклопедия литературных приёмов, своего рода банк данных, в особенности литературных лейтмотивов. Действительно, бездна репродуктивных и вариативных возможностей заключена и в главном женском образе Татьяны Лариной, и в главном мужском образе Евгения Онегина, и в главном образе-медиаторе Медведя, и в целом во всём поэтическом «банке» великой пушкинской эпопеи. Поразительно глубочайшее проникновение Некрасова в поэтическую лабораторию Пушкина, её творческое, новаторское освоение. Вся галерея некрасовских образов «гордой славянки» (прежде всего, в его крупных поэмах и эпопеях) восходит к поэтическому типу Татьяны Лариной. Несомненно, что «ярославский медведь» Некрасова, то есть многочисленные и весьма значимые образы медведя в его произведениях, в особенности эпопеях, своей глобальностью и мифологичностью соотносительны с главным, «счастливо найденным», по словам А. А. Ахматовой [Там же], ключевым образом пятой главы «Евгения Онегина», а может быть, и всего произведения в целом. Медведь в «Евгении Онегине» — не просто образ из сна Татьяны, но — ключевой композиционный приём, центр романа. Эпизод с медведем — поэтическая ось романа в стихах, его «зеркальной» поэтики. Этому литературному феномену в статье также будет уделено особое место из-за его значимости в творчестве и поэтике Пушкина и Некрасова. Не меньшей принципиальной значимостью в поэтике произведений сопоставляемых авторов обладают образы-архетипы Зимы и Весны, основные и как бы особенно значимые в пятой и седьмой главах «Евгения Онегина», композиционно центральных. Конечно, у Пушкина есть ещё его «Сказка о медведихе», но и у Некрасова этот знаковый образ чрезвычайно характерен и важен, особенно в его крупных произведениях, включая «Кому на Руси жить хорошо».

Пожалуй, следует начать сравнительно-типологический этюд о поэтике Пушкина и Некрасова с женских образов. Но сначала стоит прокомментировать глобальный образ-метафору, даже лейтмотив, в поэтике крупных

CC BY

творений обоих авторов. Это — Зимний Путь, шубертовское “Winterreise” европейских романтиков, — последний, трагический путь. В седьмой главе «Евгения Онегина» это словосочетание встречается в эпизоде отъезда Татьяны из своей милой деревни в Москву, на ярмарку невест. Ранее мы уже знаем, что героиня «русская душою <…> любила русскую зиму» [Пушкин, 1960, т. 4, с. 95]. Но в эпизоде отъезда: «Татьяне страшен зимний путь» [Там же, с. 143]. Страшен не только потому, что героиня боится покидать родные места. Страшен, потому что, по мысли и слову Пушкина-романтика, «зимний путь» — это трагическая судьба человека на его драматическом движении в иномирие. Оно всегда сопряжено с расставанием с привычными земными ценностями, с каким-то теперь уже прошлым «я», с обретением будущей, во многом непонятной жизни. Потому этот путь и «зимний», то есть суровый или даже страшный. Тем не менее именно такова судьба героев, и в особенности героинь Пушкина и Некрасова. Отсюда чаще всего эти героини у обоих поэтов в их крупнейших произведениях погружены в пространство Зимы, которая не что иное, как, разумеется, Русская Зима. Кстати, метафорический контекст Зимы хорошо почувствовал, как бы из-за океана, американский писатель Джон Стайнбек в своём романе «Зима тревоги нашей» (“Winter of our discontent”).

Эпическая масштабность связывает воедино три центральные главы «Евгения Онегина». Если пятая глава открывается мощной картиной русской зимы, за которой следует «зимний» пророческий сон Татьяны с иномирием образа Медведя и страшными знамениями убийства Ленского, то весеннее пробуждение природы не менее эпично в начале седьмой главы. Весенняя тема резко контрастирует с эпизодами смерти, убийства на дуэли в шестой главе. Здесь же, в седьмой главе, героиня открывает для себя новый мир, посещая имение Евгения Онегина. Пути героев лежат и в реальном, и метафорическом пространстве, но там и там равно драматичны, а часто трагичны. Строфа 28 седьмой главы заканчивается темой судьбы. Татьяна задаёт себе вопрос: «Что мне сулит судьба моя?» [Там же]. Динамическая эпика романа в стихах неотвратимо ведёт пути-прогулки героини к фатальному Зимнему Пути. Строфа 29 той же седьмой главы, которая открывается словами: «Её прогулки длятся доле», — связывает и контрастные времена года, и контрасты, перемены в судьбе Татьяны. Она ещё «беседовать спешит <…> с своими рощами, лугами», где «лето быстрое летит», как тут же, следом «настала осень золотая, Природа трепетна, бледна, как жертва пышно убрана» [Там же]. Только что заявленная тема судьбы смыкается с мотивом жертвы, и тут же, следом, в той же 29 строфе, приход Зимы: «Вот север, тучи нагоняя, дохнул, завыл — и вот сама идёт волшебница зима» [Там же].

CC BY

Пушкин — мастер и эпической монументальности расстановки эпизодов, и эпического завязывания, соединения узловых частей воедино. Так произошло в 29 строфе седьмой главы «Евгения Онегина». Все ключевые слова — *судьба*, *жертва*, *зима* — объединяет тема «пути», уже не как летней прогулки, а как фатального Зимнего Пути. Гениальную пушкинскую 30 строфу седьмой главы вполне можно считать своего рода конспектом или эпиграфом ко всей некрасовской поэме «Мороз, Красный нос». Волшебная красота зимней картины конца 29 — начала 30 строфы резко сменяется фатальным, отрицательным контекстом смены судьбы героини: «Не радо ей лишь сердце Тани. Нейдёт она зиму встречать, Морозной пылью подышать и первым снегом с кровли бани Умыть лицо, плеча и грудь: Татьяне страшен зимний путь» [Там же]. Если ранее гадание героини и её вещий сон напророчили смерть, то тема бани 30 строфы седьмой главы романа также сопровождается народными зимними приметами-гаданиями о судьбе. Как известно, банные гадания в русской народной культуре сопряжены со страшными, запретными ритуалами. Так и здесь, «***первый снег*** с кровли бани», которым народная традиция предписывает «умыть лицо, плеча и грудь», пророчит обновление, если вообще не новые повороты судьбы. И если зимний сон Татьяны с медведем в пятой главе — это страшный сон, то новое гадание может пророчить новый, страшный Зимний Путь. Но здесь героиня уже не идёт на поводу фатальной народной мистической традиции. Она уже «нейдёт <…> зиму встречать, Морозной пылью подышать», первым снегом с кровли бани умыть лицо…, 31 строфа открывается повтором слова *срок*, как чего-то не только определённого, но и назначенного (судьбой), фатального, неотвратимого. Повороты в судьбах героев столь же фатальны и неотвратимы, как и смены времён года. Финальная восьмая глава в эпизоде роковой последней встречи героя и героини драматична и контрастна, она соединяет и времена года, эпизоды которых как бы «рассыпаны», разумеется, значимо по всему пространству «Евгения Онегина».

Темы драматической смены времён года, прежде всего зимы и весны, соотнесены с драматизмом судеб жизни и смерти, но у Пушкина в романе финал этих коллизий открытый. Вообще, довольно характерной чертой стиховой поэтики «Евгения Онегина» является вопросительная интонация в конце значительного ряда конкретных строф или же некий открытый контекст (как бы приглашающий к продолжению действия или к размышлению читателя). Такова, можно сказать, итоговая в плане сюжетной поэтики романа в стихах 39 строфа финальной восьмой главы: «Дни мчались; в воздухе нагретом Уж разрешалася зима; И он не сделался поэтом, Не умер, не сошёл с ума. Весна живит его …» [Пушкин, 1960, т. 4, с. 173].

CC BY

Далее следует финальная тема пути, но уже только как бы Зимнего Пути: «… несётся вдоль Невы в санях. На синих, иссечённых льдах играет солнце; грязно тает на улицах разрытый снег. Куда по нём свой быстрый бег Стремит Онегин? ...» [Там же]. Роман имеет такой же открытый финал, как и 39 строфа восьмой главы, таков же и открытый контекст фатального мотива «Зимний Путь». Кстати, последние строки некрасовской поэмы-эпопеи «Мороз, Красный нос» оканчиваются многоточием, как бы открыты в пространство; открытую структуру имеет и некрасовская эпопея «Кому на Руси жить хорошо».

3. Поэтика «Мороз, Красный нос» Некрасова: аспекты преемственности и оригинальности

Мотив Пути, даже Зимнего Пути, Н. А. Некрасов разрабатывает в своей поэме «Мороз, Красный нос» вслед за Пушкиным. Об этом говорила и А. А. Ахматова, как отмечалось выше [Филипповский, 2008, с. 279]. Некрасов уже во вступлении к поэме заявляет эту тему рокового пути, «тернистого» пути, «последнего» пути. Здесь же — тема смерти: «А теперь — мне пора умирать» [Некрасов, 1982, т. 4, с. 77], связанная всё с тем же мотивом пути-дороги: «… Не за тем же пускаться в дорогу, Чтобы в любящем сердце опять Пробудить роковую тревогу» [Там же]. Фатальность мотива бури, которая «сломила старый дуб, <…> иву, <…> на которой поблекли листы», в тексте вступления соединена с воспоминанием о смерти матери: «В ночь, когда бедная мать умирала …» [Там же, с. 77—78]. Не случайно первая часть поэмы озаглавлена «Смерть крестьянина» и начинается строками: «Савраска увяз в половине сугроба —— Две пары промёрзлых лаптей Да угол рогожей покрытого гроба Торчат из убогих дровней» [Там же, с. 78]. Ю. В. Лебедев давно уже отметил как характерную для поэтики Некрасова аллитерацию «гроб» — «сугроб» [Лебедев, 1974, с. 33—53]. Она же метафорически пронизывает всю поэтическую ткань поэмы-эпопеи «Мороз, Красный нос». Кстати, в этом плане отнюдь не случайна перекличка с Пушкиным, с мотивом «сугроба» в эпизоде сна Татьяны, иномирия Медведя в пятой главе «Евгения Онегина» (с пророчеством о смерти Ленского). Смерть героя в поэме-эпопее «Мороз, Красный нос» — это смерть Прокла. Дарья, его жена, героиня поэмы — столь же принципиальна в этой эпопее, как и образ, тема, судьба пушкинской Татьяны, причём также в пространстве Зимнего Пути. Конечно, «Мороз, Красный нос» Некрасова — не менее «зимняя» поэма, чем «Евгений Онегин» Пушкина, но тема весны не только встречается, но и важна и там, и там. У Некрасова на фоне трагических «зимних» снов-видений во второй части поэмы героиня видит «весенне-летний» сон, грёзу о семейном и личном счастье.

CC BY

И всё же отмеченный многими исследователями двоичный символизм в поэме-эпопее «Мороз, Красный нос» однозначно связан с похоронными традициями русского народа. Вслед за двумя первыми строфами, где этот символизм как бы заявлен, следуют другие с повтором слова *саван*. Его шьёт со слезами вдова умершего Прокла. И сугроб, и промёрзлые лапти, и убогие дровни — всё это знаки Зимнего Пути, последнего, трагического пути. Характерна строка: «Как саваном, снегом одета, Избушка в деревне стоит» [Некрасов, 1982, т. 4, с. 79]. Здесь всё, как и вообще в поэме, погружено в пространство Зимы: «Старуха в больших рукавицах Савраску сошла понукать. Сосульки у ней на ресницах, С морозу — должно полагать» [Там же, с. 78]. Драматическое соотнесение зимы и лета, судеб героини и героя — общая канва сюжетосложения и художественной поэтики пушкинской и некрасовской поэм-эпопей. Парна и художественная структура «Мороз, Красный нос», не просто две основные главы, но и их поэтическая биполярность: первая — земная быль о смерти крестьянина, вторая — сказка, она так и называется «Мороз, Красный нос». Как и у Пушкина, значимо использовано слово *судьба*. У Некрасова это судьба-доля, причём тяжкая доля (Прокла). Но несколько иначе, как и у Пушкина судьба Татьяны, трактуются Некрасовым судьба и образ Дарьи, главной героини поэмы-эпопеи. Здесь уже использовано словосочетание *судьба как грозная доля* или другое *женщина русской земли*. Дарья — «случайная жертва судьбы». И тут же следует знаменитый гимн величию, красоте, достоинству русской женщины: «… есть женщины в русских селеньях …» [Там же, с. 80].

Конечно, Некрасов в своих поэмах не слепой последователь Пушкина, он самобытен и во многом идёт дальше Пушкина. В частности, и «Евгений Онегин», и «Мороз, Красный нос» — поэмы-эпопеи русской жизни, но у Некрасова жанровая идентичность шире. Это реквием, со всеми присущими ему жанровыми чертами: торжественностью, музыкальностью, скорбью и связанными с ними новой масштабностью и грандиозностью. К этому следует добавить погружённость поэмы Некрасова в жанровое пространство народной поэтики, прежде всего плачей-причитаний. Самостоятелен Некрасов и в плане метрической поэтики. Если у Пушкина в «Евгении Онегине» это одический, масштабный, эпический, как бы ещё ломоносовский четырёхстопный ямб [Лотман, 1988, с. 105—143], то у Некрасова в его «Морозе …», как, впрочем, и в «Кому на Руси жить хорошо», — в основном трёхстопный нерифмованный ямб с дактилическими и мужскими окончаниями [Прокшин, 1979, с. 159; Чуковский, 1955, с. 611—623]. К тому же эта особая метрическая форма, по замыслу Некрасова, в большей степени соответствует крупному и масштабному эпико-повествовательному формату поэмы [Чуковский, 1955, с. 611—623]. Конечно,

CC BY

поэмы Некрасова: и «Мороз …», и «Кому на Руси жить хорошо» — в чём-то ближе к народной метрике, а также народной ментальности, традициям [Там же], но и здесь, как это ни парадоксально, поэт следует за Пушкиным.

4. Народные черты и архаические мотивы в эпической поэтике Пушкина и Некрасова

Не случайно образ Медведя, древнего культового зверя русской архаики, занимает столь важное место в поэтической структуре «Онегина» [Пушкин, 1960, т. 4, с. 96—104; Филипповский, 2008, с. 229—237]. В «Морозе …» этот образ локален: умирающего Прокла люди хотели «положить под медведя», чтобы он ему кости размял, передал свою жизненную силу [Некрасов, 1982, т. 4, с. 89]. Но этот локальный образ парадоксально придаёт монументальность и особый колорит всей поэме. В «Кому на Руси жить хорошо» с медведем соотносится образ Савелия, богатыря святорусского: «С большущей сивой гривою, Чай, двадцать лет не стриженный, С большущей бородой, Дед на медведя смахивал, Особенно как из лесу, Согнувшись выходил <…> Как в низенькую горенку Входил он: ну, распрямится? Пробьёт дыру медведище В светёлке головой!». Старик и поступил «косолапо», — допустил гибель младенца Дёмушки [Там же, т. 5, с. 141—142].

Пушкин и Некрасов в своей поэтической эпике черпали из круга понятий, символов, образов и представлений, в числе прочих, стадиально более ранних, чем средневековые [Филипповский, 2010, с. 3—29, 101—107]. Причина этого лежит не только в деревенской глубинке, где волею судеб оба оказались (в Михайловском и Болдино Пушкин, в Грешнево и Аббакумцево Некрасова), но и в глубоком интересе, проникновении обоих поэтов в народную культуру этой глубинки [Там же, с. 3—149]. Космизм и архаика художественной поэтики Пушкина и Некрасова, авторов эпопей, опираются и на образы, подобные медведю древней архаики, на образ Мороза из русской сказки, женские образы, как более близкие к истокам жизни и природы, и на образы собственно Природы (антиномии Зимы и Лета-Весны) [Филипповский, 2008, с. 238—253]. То же можно сказать и об антиномии «Жизнь — Смерть», где поэтический акцент постоянно балансирует или меняется (как противостоят или взаимодействуют в поэмах образы времён года) [Там же]. Что касается эпики Некрасова, то темы Смерти и Зимы, особенно в эпопее «Мороз, Красный нос», доминантны [Там же, с. 279—286]. Но это и должно быть характерно для жанра Реквиема. Конечно, у Некрасова здесь классическая поэтика органически соединилась с народной, поэтикой плача и причитаний (об этом исследователями написано достаточно много, например, Ириной Михайловной Колесницкой [Колесницкая, 1956, с. 15—69] или другим крупным учёным-фоль-

CC BY

клористом Кириллом Васильевичем Чистовым [Чистов, 1947, с. 30—45]). Мотивы народных причитаний весьма характерны и для эпопеи Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Речь идёт, прежде всего, о причитании-молитве Матрёны Тимофеевны, главной героини поэмы, «в ночь морозную Под звёздным небом Божиим», где «чем больше я молилася, Тем легче становилося, И силы прибавлялося, Чем чаще я касалася До белой снежной скатерти Горящей головой …» [Некрасов, 1982, т. 5, с. 177].

5. Христианские мотивы эпической поэтики Пушкина и Некрасова

Конечно, велико раскаяние Онегина в его ответном, явно запоздалом письме Татьяне, но это, конечно, не покаяние в христианском смысле. Вообще, поэзия Пушкина этого мотива не лишена. Например, его второе «Воспоминание в Царском Селе» 1829 года содержит евангельский образ блудного сына: «… вхожу с поникшей головой. Так отрок Библии, безумный расточитель …» [Пушкин, 1959, т. 2, с. 260]. Покаянный характер имеет ответное послание Пушкина Владыке Филарету: «Я лил потоки слёз нежданных, И ранам совести моей Твоих речей благоуханных Отраден чистый был елей» [Там же, с. 287]. Однако в сравнении с пушкинской эпика Некрасова глубоко и мощно представила образы и традицию христианского покаяния. По сути, «Кому на Руси жить хорошо» представляет собой поэтическое исследование русского греха и русского покаяния [Филипповский, 2008, с. 382—394; Филипповский, 2018, с. 161]. И речь идёт не только о главе «Пьяная ночь» или даже о глубоко христианском покаянии Матрёны Тимофеевны и старика Савелия на могилке погибшего Дёмушки. Эту тему греха и покаяния специально обсуждает глава «Про холопа примерного — Якова верного». Здесь и барин «вернулся домой, причитая: «“Грешен я, грешен! Казните меня!” — Будешь ты, барин, холопа примерного, Якова верного, Помнить до Судного дня!». А далее опять: «Грехи, грехи — послышалось Со всех сторон: — Жаль Якова, Да жутко и за барина, — Какую принял казнь!... Ещё прослушали Два-три рассказа страшные И горячо заспорили О том, кто всех грешней?» [Некрасов, 1982, т. 5, с. 199]. Поразительна в главе «И старое, и новое. Крестьянский грех» сцена коллективного покаяния народа: «Площадка перед Волгою, Луною освещённая, Переменилась вдруг. Пропали люди гордые …». И опять здесь: «“Великий грех! великий грех!” — Тоскливо вторил Клим». И как итог этих глав: «Всё прощает Бог, а иудин грех Не прощается. Ой, мужик! мужик! Ты грешнее всех, И за то тебе вечно маяться!» [Там же, с. 212]. Семеро странников поэмы-эпопеи Некрасова — отнюдь не путешественники-искатели счастья народного. Они в поэме, скорее, самовидцы, свидетели народного греха и народного покаяния [Филипповский, 2018, с. 161—170]. Таков на самом деле был грандиозный поэтический за-

CC BY

мысел Н. А. Некрасова, автора великой эпопеи народной жизни «Кому на Руси жить хорошо».

Источники

1. *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. / Н. А. Некрасов. — Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1981—2000.

2. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений : в 10 томах / А. С. Пушкин. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1959—1962.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 502 с.

2. *Берёзкин А. М.* Семантика компоновки : авторские построения поэтических сборников Некрасова / А. М. Берёзкин // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — Т. XIV. — С. 3—45. — ISBN 978-5-02-026450-2.

3. *Вершинина Н. Л.* «Онегинские» мотивы в лирике Некрасова / Н. Л. Вершинина // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. XIII. — С. 10—16. — ISBN 5-02-028502-1.

4. *Володина Н. В.* Диалог Некрасова с Пушкиным в стихотворении «Поэт и гражданин» / Н. Н. Володина // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. XIII. — С. 4—9. — ISBN 5-02-028502-1.

5. *Гаркави А. М.* Пушкинская традиция в поэме Некрасова «Несчастные» / А. М. Гаркави // О Некрасове. Статьи и материалы. — Ярославль, 1975. — Выпуск IV. — С. 91—108.

6. *Дубинская А.* Н. А. Некрасов. Очерк жизни и творчества / А. Н. Дубинская. — Москва : Изд-во АН СССР, 1954. — 320 с.

7. *Ермолаева Н. Л.* Тема судьбы в творчестве Некрасова / Н. Л. Ермолаева // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — Т. XIV. — С. 74—82. — ISBN 978-5-02-026450-2.

8. *Заборова Р. Б.* К изучению поэтических диалогов Некрасова / Р. Б. Заборова // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. XIII. — С. 17—25. — ISBN 5-02-028502-1.

9. *Колесницкая И. М.* Крестьянская тема и народное творчество в поэзии Некрасова 60-х годов / И. М. Колесницкая // Некрасовский сборник. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. — Выпуск II. — С. 15—69.

10. *Кошелев В. А.* Литературные «похищения» в поэме Некрасова «Несчастные» / В. А. Кошелев // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. XIII. — С. 26—39.

11. *Краснов Г. В.* Некрасов и Пушкин : поэтический диалог / Г. В. Краснов // Карабиха. Историко-литературный сборник. — Ярославль : ТОО Лия, 1997. — Выпуск 3. — С. 59—66. — ISBN 978-5-906040-55-8.

12. *Лебедев Ю. В.* Человек и природа в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» / Ю. В. Лебедев // Н. А. Некрасов и русская литература : сборник статей. — Кострома, 1974. — Выпуск 38. — С. 33—53.

13. *Лотман Ю. М.* Русский стих. Семантика стихотворного метра в русской поэзии второй половины XIX века : А. А. Фет и Н. А. Некрасов / Ю. М. Лотман // Slowianska

metryka porownawsza. Semantyka form wierszowych. — Wroclaw : [b. i.]. 1988. — T. III. — Pp. 105—143.

14. *Мельник В. И.* «Кому на Руси жить хорошо» : Проблема христианского сознания в поэме / В. И. Мельник // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. XIII. — С. 126—134.

15. *Мостовская Н. Н.* «Пушкинское» в творчестве Некрасова / Н. Н. Мостовская // Проблемы современного пушкиноведения. Межвузовский сборник научных трудов. — Псков : Псковский государственный педагогический институт, 1991. — С. 177—186.

16. *Мостовская Н. Н.* Стихотворение «Поэт и гражданин» в литературной традиции / Н. Н. Мостовская // Карабиха. Историко-литературный сборник. – Ярославль : ТОО Лия, 1997. — Выпуск 3. — С. 67—79.

17. *Нольман М. Л.* Некрасов и Пушкин. Эволюция поэтического жанра воспоминания-исповеди / М. Л. Нольман // Н. А. Некрасов и русская литература. (1821—1871) : сборник статей. — Москва : Наука, 1971. — С. 204—265.

18. *Прокшин В. Г.* Н. А. Некрасов. Путь к эпопее / В. Г. Прокшин. — Уфа : Башкирское книжное издательство, 1979. — 272 с.

19. *Скатов Н. Н.* «Пушкинское» стихотворение Некрасова «Элегия» / Н. Н. Скатов // «Я лиру посвятил народу своему…». — Москва : Просвещение, 1985. — С. 152—160.

20. *Филипповский Г. Ю.* Аспекты прикладной филологии. Литературоведение / Г. Ю. Филипповский. — Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. — 543 с. — ISBN 978-5-00089-358-6.

21. *Филипповский Г. Ю.* Глубины некрасовского текста / Г. Ю. Филипповский. — Ярославль : Канцлер, 2010. — 150 с. — ISBN 978-5-91730-051-1.

22. *Филипповский Г. Ю.* Динамическая поэтика русской литературы / Г. Ю. Филипповский. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2008. — 416 с. — ISBN 978-5-86007-596-2.

23. *Чистов К. В.* Некрасов и сказительница Ирина Федосова / К. В. Чистов // Научный бюллетень ЛГУ. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1947. — № 16—17. — С. 30—45.

24. *Чуковский К. И.* Мастерство Некрасова / К. И. Чуковский. — Москва : Художественная литература, 1955. — 687 с.

25. *Эйхенбаум Б. М.* Некрасов / Б. М. Эйхенбаум // О поэзии. – Ленинград : Советский писатель, 1969. — С. 35—74.

Material resources

Nekrasov, N. A. (1981—2000). *Complete collection of works and letters, 15.* Leningrad; Saint-Petersburg: Nauka. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1959—1962). *Collected works, 10.* Moscow: State Publishing house of Fiction. (In Russ.).

References

Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years.* Moscow: Fiction. 502 p. (In Russ.).

Berezkin, A. M. (2008). Semantics of layout: author's constructions of Nekrasov's poetry collections. In: *Nekrasov Collection, XIV.* St. Petersburg: Nauka. 3—45. ISBN 978-5-02-026450-2. (In Russ.).

Chistov, K. V. (1947). Nekrasov and the storyteller Irina Fedosova. *Scientific Bulletin of LSU, 16—17.* Leningrad: LSU Publishing House. 30—45. (In Russ.).

Chukovsky, K. I. (1955). *The skill of Nekrasov.* Moscow: Fiction. 687 p. (In Russ.).

Dubinskaya, A. N. (1954). *A. Nekrasov. An essay on life and creativity.* Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 320 p. (In Russ.).

Eichenbaum, B. M. (1969). Nekrasov. In: *About poetry.* Leningrad: The Soviet writer. 35—74. (In Russ.).

Ermolaeva, N. L. (2008). The theme of fate in the work of Nekrasov. *Nekrasovsky sbornik, XIV.* St. Petersburg: Nauka. 74—82. ISBN 978-5-02-026450-2. (In Russ.).

Filippovsky, G. Yu. (2008). *Dynamic poetics of Russian literature*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 416 p. ISBN 978-5-86007-596-2. (In Russ.).

Filippovsky, G. Yu. (2010). *The depths of the Nekrasov text.* Yaroslavl: Kantsler. 150 p. ISBN b 978-5-91730-051-1. (In Russ.).

Filippovsky, G. Yu. (2018). *Aspects of applied philology. Literary studies.* Yaroslavl: RIO YaGPU. 543 p. ISBN 978-5-00089-358-6. (In Russ.).

Garkavi, A. M. (1975). Pushkin's tradition in Nekrasov's poem "The Unfortunate". *About Nekrasov. Articles and materials, IV.* Yaroslavl. 91—108. (In Russ.).

Kolesnitskaya, I. M. (1956). *Peasant theme and folk art in the poetry of Nekrasov of the 60s, II.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 15—69. (In Russ.).

Koshelev, V. A. (2001). Literary "abductions" in Nekrasov's poem "Unfortunate". *Nekrasov collection, XIII.* Saint-Petersburg: Nauka. 26—39. (In Russ.).

Krasnov, G. V. (1997). Nekrasov and Pushkin: poetic dialogue. *Karabikha. Historical and literary collection, 3.* Yaroslavl: TOO Liya. 59—66. ISBN 978-5-906040-55-8. (In Russ.).

Lebedev, Yu. V. (1974). Man and nature in Nekrasov's poem "Frost, Red Nose". *N. A. Nekrasov and Russian literature: a collection of articles, 38.* Kostroma. 33—53. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1988). Russian verse. Semantics of poetic meter in Russian poetry of the second half of the XIX century: A. A. Fet and N. A. Nekrasov. *Slowianska metryka porownawsza. Semantyka form wierszowych, III.* Wroclaw: [b. i.]. 105—143. (In Russ.).

Melnik, V. I. (2001). "To whom in Russia to live well": The problem of Christian consciousness in the poem. *Nekrasovsky collection, XIII.* St. Petersburg: Nauka. 126—134. (In Russ.).

Mostovskaya, N. N. (1991). "Pushkinskoe" in the work of Nekrasov. In: *Problems of modern Pushkin Studies. Interuniversity collection of scientific papers.* Pskov: Pskov State Pedagogical Institute. 177—186. (In Russ.).

Mostovskaya, N. N. (1997). The poem "The Poet and the citizen" in the literary tradition. *Karabikha. Historical and literary collection, 3.* Yaroslavl: TOO Liya. 67—79. (In Russ.).

Nolman, M. L. (1971). Nekrasov and Pushkin. Evolution of the poetic genre of memoirs-confessions. *N. A. Nekrasov and Russian literature. (1821—1871): a collection of articles.* Moscow: Nauka. 204—265. (In Russ.).

Prokshin, V. G. (1979). *N. A. Nekrasov. The path to the epic.* Ufa: Bashkir Book Publishing house. 272 p. (In Russ.).

Skatov, N. N. (1985). "Pushkinskoe" Nekrasov's poem "Elegy". In: *"I dedicated the lyre to my people..."* Moscow: Education. 152—160. (In Russ.).

Vershinina, N. L. (2001). "Oneginsky" motifs in the lyrics of Nekrasov. *Nekrasovsky collection, XIII.* St. Petersburg: Nauka. 10—16. ISBN 5-02-028502-1. (In Russ.).

Volodina, N. V. (2001). The dialogue of Nekrasov with Pushkin in the poem "The Poet and the Citizen". *Nekrasov Collection, XII.* Saint-Petersburg: Nauka. 4—9. ISBN 5-02-028502-1. (In Russ.).

Zaborova, R. B. (2001). K izucheniyu poeticheskikh dialogov Nekrasov. *Nekrasovsky sbornik, XIII.* Saint-Petersburg: Nauka. 17—25. ISBN 5-02-028502-1. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Худенко Е. А. Потустороннее пространство в романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» / Е. А. Худенко, Е. Т. Глазинская // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 291—307. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-291-307.

Khudenko, E. A., Glazinskaya, E. T. (2021). Otherworldly Space in Novel by Lyudmila Ulitskaya "Kukotsky Enigma". *Nauchnyi dialog, 3:* 291-307. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-291-307. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-291-307

Потустороннее пространство в романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого»

Худенко Елена Анатольевна
orcid.org/0000-0003-4193-5032
доктор филологических наук,
профессор
helenahudenko@mail.ru

Глазинская Евгения Тимофеевна
orcid.org/0000-0002-7198-7303
аспирант
evglazinskaya@mail.ru

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет»

(Барнаул, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90049 «Поэтика прозы Л. Е. Улицкой: потусторонность и пространственные модели».

Otherworldly Space in Novel by Lyudmila Ulitskaya "Kukotsky Enigma"

Elena A. Khudenko
orcid.org/0000-0003-4193-5032
Doctor of Philology, Professor
helenahudenko@mail.ru

Evgeniya T. Glazinskaya
orcid.org/0000-0002-7198-7303
Post-graduate student
evglazinskaya@mail.ru

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Altai State Pedagogical University»

(Barnaul, Russia)

The reported study was funded by RFBR, project № 19-312-90049 "Poetics of Ulitskaya's prose: otherworld and spatial models".

© Худенко Е. А., Глазинская Е. Т., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности изображения потустороннего пространства в романе «Казус Кукоцкого». Актуальность темы обусловлена пониманием Людмилой Улицкой текста как инструмента, с помощью которого можно «прозреть потусторонность». Дифференцированы понятия «потусторонность» и «потустороннее пространство». Выделены основные принципы изображения потустороннего пространства в романе: зеркальность, карнавализация, его вневременное расположение. Уделяется внимание уровневой организации пространства в романе. Исследованы мифологемы воды, песка и огня как наполнители пространства. Отмечается, что для романа «Казус Кукоцкого» свойственно соединение потустороннего мира с реальностью через ряд пограничных пространств: снов, мотивов воды и болезни. Отмечается, что вода в романе является «порталом» в потусторонний мир, в котором она трансформируется в песок; возможностью перерождения в Среднем мире автор решает проблемы нравственно-философского порядка. Сделан вывод, что пустыня Среднего мира ассоциируется с женским лоном, где персонажи переживают новое рождение. Показано, что пространство задает и смену ономапоэтического кода: персонажи, путешествующие по Среднему миру, меняют имена на прозвища, а имена остаются у персонажей, которые пересекли границу невозврата и остались постоянными обитателями потустороннего мира.

Ключевые слова:
потустороннее пространство; потусторонность; пограничное пространство; мифологема воды.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the image of the otherworldly space in the novel “The Kukotsky Enigma” are considered. The relevance of the topic is due to Lyudmila Ulitskaya’s understanding of the text as a tool with which one can “see the otherworldly”. The concepts of “otherworldly” and “otherworldly space” have been differentiated. The main principles of the image of the otherworldly space in the novel are highlighted: mirroring, carnivalization, its timeless arrangement. Attention is paid to the level organization of space in the novel. The mythologemes of water, sand and fire as fillers of space are investigated. It is noted that the novel “The Kukotsky Enigma” is characterized by the connection of the other world with reality through a number of border spaces: dreams, motives of water and illness. It is noted that the water in the novel is a “portal” to the other world, in which it is transformed into sand; the possibility of rebirth in the Middle World, the author solves the problems of the moral and philosophical order. It is concluded that the Middle World desert is associated with the female womb, where the characters are experiencing a new birth. It is shown that the space also determines the change of the onomapoetic code: the characters traveling in the Middle World change their names to nicknames, and the names remain with the characters who crossed the border of no return and remained permanent inhabitants of the other world.

Key words:
otherworldly space; otherworld; border space; mythologeme of water.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1Улицкая.07+81’373.231/.232

Потустороннее пространство в романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого»

© Худенко Е. А., Глазинская Е. Т., 2021

1. Введение

Потустороннее пространство как модель авторского сознания возникает в литературе на протяжении многих эпох — это результат размышлений писателей об этернических проблемах бытия, экзистенциальности человеческой природы и разрешении вопроса о «жизни после смерти». Многочисленный корпус научных изысканий в этом контексте связан прежде всего с именами Ф. М. Достоевского [Коробкина, 2017; Котельникова, 2007; Кошечко, 2014], Л. Н. Толстого [Карпов, 2009; Меситова, 2003; Тушев, 2015], В. В. Набокова [Александров, 1999; Антоничева, 2006; Назаренко, 2009] и др.

Исследователи не раз отмечали важность категории пространства в прозе Людмилы Улицкой. Н. А. Егорова, анализируя роман «Казус Кукоцкого», приходит к выводу, что «сюжетное пространство “ирреальной” части имеет символико-обобщающий характер (что характерно для жанра притчи), его можно рассматривать вне времени» [Егорова, 2007, с. 145]. Лю На отмечает, что одним из важнейших способов выражения авторского сознания в «Людях нашего царя» являются хронотопические связи [Лю На, 2009, с. 18]. Г. А. Пушкарь исследует хронотоп в рассказах Людмилы Улицкой в гендерном аспекте [Пушкарь, 2007], а О. В. Побивайло [Побивайло, 2009] и Т. А. Новоселова [Новоселова, 2012] рассматривают пространство в прозе Улицкой с позиций мифопоэтики.

Изображение потустороннего пространства в литературе опирается не только на религиозные, но и на фольклорные и мифологические корни. Потустороннее пространство как миромоделирующая категория свойственна в целом мифопоэтической традиции. В качестве необходимого жанрообразующего элемента такой вид пространства присущ балладе: как в западноевропейской, так и в русской традиции один из самых распространенных балладных сюжетов — «событие встречи между двумя мирами» (микросюжет «мертвый жених / невеста») [Магомедова, 2008, с. 26. Такая же ситуация встречи с Танатосом присуща кладбищенской элегии [Лейдерман, 2010, с. 335], а в западной литературе — готическому роману [Заломкина, 2003].

CC BY

2. Потусторонность в литературоведческой и литературной традиции

В аспекте типологии хронотопических моделей потустороннее пространство может кодифицироваться по-разному.

В концепции Д. С. Лихачева, который делит пространство на реальное (обладающее «географическими» свойствами) и воображаемое [Лихачев, 1968, с. 81], потусторонность принадлежит ко второму типу — воображаемого мира. Ю. Г. Пыхтина с точки зрения миромоделирующей функции кодифицирует пространство как реальное и виртуальное [Пыхтина, 2014]. Очевидно, что в контексте нашей проблемы *виртуальность* и *потусторонность* будут синонимичны.

Однако сложность дефинирования потустороннего пространства связана с тем, что в христианской традиции, например, это пространство не воспринимается как вымышленный, ирреальный мир; это мир, не только существующий вместе с естественным, чувственным миром, но и обладающий более высокой по сравнению с земным бытием аксиологической ценностью.

Античное восприятие потустороннего мира в аксиологическом смысле полярно христианскому: сниженное восприятие всех пяти органов чувств, максимальная бестелесность душ, вещей и предметов, населяющих царство Аида, позволяла древним грекам воспринимать потусторонность (мир после смерти) как автономный и окончательный мир, возврата из которого нет [Бердина, 2015, с. 75]. Путь «обратно» был уделом избранных (Геракл, Орфей).

Парадокс соприкосновения человека с пределами потусторонности состоит в том, что человек не обладает возможностями для вербальной характеристики этого пространства. В потустороннем мире происходит некоторое антропологическое развоплощение героя, что так рельефно демонстрирует, например, поэтическое творчество О. Э. Мандельштама, см.: [Худенко, 2012, с. 89].

В теоретическом плане плодотворным нам представляется термин Вольфа Шмида, который он использует в своей работе по нарратологии, — *фиктивное* пространство. Художественный мир и его пространство вторичны по отношению к реальности, то есть художественный мир является фиктивным, вымышленным. Это не столько «подделка» действительности, сколько создание новой «внутрилитературной действительности» [Шмид, 2003, с. 24]. Разумеется, опираясь на онтологические законы искусства, можно утверждать, что фиктивным по своей природе является все пространство художественного текста. Однако как специфический вид пространства в художественном мире выступает внутренне-фиктивное пространство, то есть «нереальное» для художественного мира этого произведения, «условное» для первичной условности. Именно такое пространство в своей работе мы будем называть потусторонним.

CC BY

Исследователь Е. Фарино указывает виды соединения фиктивного мира произведения с реальным: «вторжение фиктивных миров в реальность»; «выход из реальности в фиктивный мир»; «категориальное неразличение фиктивного и реального» [Фарино, 2004, с. 377].

Относя потустороннее пространство Л. Улицкой, которое она воссоздает в основном во второй части романа «Казус Кукоцкого», к фиктивному пространству, сразу подчеркнем, что для этого текста свойственно соединение потустороннего мира с миром реальным через ряд пограничных пространств: снов, мотивов воды и болезни.

Термины *потусторонность* и *потустороннее пространство*, актуализированные В. Е. Александровым в отношении поэтики В. Набокова [Александров, 1999], употребляются исследователем как синонимы. Думается, в контексте изучения творчества Улицкой их всё же следует дифференцировать.

Пребывание героев художественного произведения в «потусторонности» — это пребывание по ту сторону их земного отрезка бытия в определенный момент времени (видения, сны, галлюцинации, клиническая смерть). На английском у Александрова термин звучит как *otherworld — другой мир*, в русском же переводе — *потусторонность*. Термин *потустороннее пространство* подразумевает и наличие «потустороннего времени», которое соединяется в термине *потусторонность* по принципу соединенности этих категорий в хронотопе. Хотя в этой «сращенности» важнее категория пространства, а время вторично, оно может отсутствовать, быть бесконечным и т. д. Потусторонность — понятие, относящееся к этике и эстетике автора; потустороннее пространство — понятие «спациализованной» (В. Н. Топоров) [Топоров, 1983, с. 282] поэтики, позволяющее рассматривать его как отдельную категорию.

По замечанию Л. Е. Улицкой, литература — это художественное осмысление «связи между реальной жизнью и бытием иного мира» [Улицкая, 2015б, с. 55]. Как показывает в своей работе В. Е. Александров, у Набокова текст изначально, a priori существует в потусторонности, писатель только воссоздает его, «вытаскивает» из Вечности. У Улицкой текст — это инструмент, с помощью которого можно п р о з р е т ь потусторонность. Заметим, что текст в этом смысле выполняет у авторов противоположные функции: у Набокова через него осуществляется в ы х о д к Вечности; у Улицкой — в х о д в нее.

3. Мифологическое наполнение потустороннего пространства в романе «Казус Кукоцкого»

Первоначальное название романа «Казус Кукоцкого» (2001) в журнальном варианте — «Путешествие в седьмую сторону света». «Седьмая сто-

CC BY

рона» — потустороннее пространство, которое в романе Елена называет Средним миром. Известно, что число семь является сакральным во всех религиях: семь дней творения, семь таинств, семь добродетелей, семь смертных грехов и т. д. В Ветхом завете это число искупления. Именно смысл ветхозаветного кода Улицкая связывает с седьмой стороной света для Елены и других персонажей романа — это место, где возможно искупление.

Елена имеет возможность пересекать границу потустороннего пространства в сознательном состоянии: «Самое страшное, что я в жизни переживала, и самое неописуемое — переход границы. Я про ту границу, которая проходит между обычной жизнью и другими разными состояниями, которые мне знакомы, но столь же невозможны для объяснения, как смерть. Ведь человек, который еще никогда не умирал, что может сказать об умирании? Но мне кажется, что каждый раз, выпадая из обыкновенной жизни, немного умираешь» [Улицкая, 2015а, с. 106].

Впервые в потустороннем пространстве маленькая Елена оказывается после смерти деда, когда сама находится на грани жизни и смерти. Это не сон («проснуться никак не удавалось», «я не проснулась — я не спала» [Там же, с. 119]), Елену выносит из времени, она оказывается в Вечности. Героиня одновременно находится в разных пространствах: тесном пространстве без света, подобном комнате, и в то же время бесконечном, которое наполнено людьми-тенями, среди которых и дед Елены; в тропарёвском доме, где все связано с зыбкими детскими воспоминаниями, но реальными. Потустороннее пространство Среднего мира постепенно накладывается и на реальную комнату деда Елены, совпадает с ним. Инобытие к концу романа становится для Елены реальнее жизни, только вода способна вернуть ее обратно.

Вода в романе — одна из доминантных мифологем, это еще одно название Среднего мира, которое дает Елена в своих дневниках, — «Великая вода». В роли первоначала и женского начала вода в мифах выступает как аналог материнского лона и чрева [Керлот, 1994, с. 115]. Двоякость мифологемы воды как женского (чрево) и мужского (семя) проявляется в романе в супругах Кукоцких. Павел Алексеевич являет собой мужское порождающее начало, он гинеколог, который отстаивает право женщин на аборты. Елена являет собой женское начало, но не может иметь детей. В тексте романа подчеркивается, что супруги подходят друг другу, словно две половинки. Они оба видят больше остальных, но это знание — таинство: «Ему была прозрачна живая материя, ей открывалась отчасти прозрачность какого-то иного, не материального мира. Но друг от друга они скрывались не от недоверия, а из целомудрия и оградительного запрета, который лежит, вероятно, на всяком тайном знании» [Улицкая, 2015а, с. 57].

CC BY

Вода как разрушительная стихия также воплощается в романе: она очищает память Елены — часть ее жизни «как водой смыло»; «невидимый водораздел» пролегает между Сергеем и его родителями. Вода, порождающая, — символ земной жизни, но в реальном пласте романа она не имеет возможности дать жизнь новую, убивает мать (сосуд для новой жизни) — через «гнилую воду» попадает болезнь в организм Тани [Там же, с. 485].

В Среднем мире порождающую функцию воды выполняет сухой песок (как Мать-Сыра Земля), а создание новой жизни теоретически возможно: в этом мире у Елены восстановлены детородные органы, которые в реальности были вырезаны. Вода является неким «порталом» в потусторонний мир, в нем всё переворачивается, и вода трансформируется в песок. При этом характеристики воды у песка остаются: «тёк, как сухая вода». Вода, таким образом, медиумное пространство, она принадлежит обоим мирам — реальному и потустороннему — одновременно.

С водой связывается еще один смысл — семейного счастья, причем счастья утраченного: никогда больше супруги Кукоцкие «не войдут в ту счастливую воду, в которой плыли десять лет …» [Там же, с. 109]. Елена словно высыхает, когда источник воды-счастья исчезает, в тексте подчеркивается ее ветхость, запах вдовства. Это происходит и с Павлом Алексеевичем: от него «вместо прежней крепкости и власти, несло старением и упадком …» [Там же, с. 361]. Когда постаревшая Елена находится в воде, она пополняет ее духовные запасы, переносит ее в посюсторонность: восстанавливаются утраченные связи с миром, пусть на короткое мгновение, но она снова может говорить, помнит даты и события. Сакральный смысл таких переходов через границу подчеркивается тем, что Елена говорит только за закрытой дверью, а ее ноги покрыты мозолями, хотя она не выходит из квартиры двадцать лет. Павел Алексеевич тоже в какой-то степени меняет мир реальный на потусторонний: «счастливые воды» теперь заменяет ему алкоголь. Но «внутриви́дение» (дар видеть болезни) не оставляет его до самой смерти и после нее.

Рождение в потустороннем (с христианской точки зрения «загробном») мире не представляется возможным. Но Улицкая дает вариативные возможности для (пере)рождения героев в Среднем мире. Так, в потусторонности нерожденные дети ждут нового шанса появиться в земном мире, только в реальности эмбрион физически развивается в воде материнской утробы, а в Среднем мире взрослые духовно перерождаются среди песка. Пустыня Среднего мира ассоциируется с женским лоном, где персонажи переживают новое рождение, получая бессмертие. Пустота пустыни становится порождающей.

Песок также является символом времени. В песке Елена перерождается, сбрасывает с себя «корку» времени, прожитые годы и память. Времени,

CC BY

как и песка, в Среднем мире много, оно бесконечно: «время горячее, время холодное, историческое, метаисторическое, личное, абстрактное, акцентированное, обратное и еще много всяких других …» [Там же, с. 224].

Во время путешествия по Среднему миру Иудей и Британоголовый разжигают костер, который возвращает силу странникам. Его свет — бело-голубой, а сам он почти невидим. Новенькая осознает, что усталость в Среднем мире происходит не от постоянного движения, а от «нехватки особого рода тепла, которое излучал бледный костерок» [Там же, с. 193]. Мифопоэтическое значение огня, как и воды, амбивалентно. С одной стороны, в культуре существует образ пламени, грозящий смертью, уничтожением («геенна огненная»), с другой — огонь несет свет, тепло, воплощает творческое начало («Прометеев огонь»). Огонь воспринимается и как объект языческого поклонения (как символ поклонения солнцу). В Среднем мире огонь заменяет солнце, которого здесь нет.

Онтологическое значение огня нельзя переоценить: он является природной стихией, приручение его — это первая ступень для человека в овладении Природой. Приготовление пищи на огне — фундаментальная метафора превращения природных явлений в культурные. В Среднем мире огонь сам является пищей, пополняет силы идущих людей. Огонь символизирует жизнь, потухший огонь — смерть. Костер нуждается в питании-топливе: сначала Иудей подбрасывает в него специальный порошок, но по мере путешествия выясняется, что живительный огонь уже не нуждается в топливе. Огонь возникает из ничего: «Британоголовый протянул руку над пустым местом. Загорелся еще один костер. Сам собой, без всякой пищи …» [Улицкая, 2015, с. 280]. Точно таким же бледно-голубым светом, как от костра, вдыхают жизнь в манекена, который становится Манекеном с большой буквы: он оживает.

В Среднем мире голубой огонь и свет символизируют жизнь. Приручение костра — первая ступень к овладению персонажами законами Среднего мира. «Видишь, как мы все поумнели за последнее время…» [Улицкая, 2015а, с. 280], — говорит Британоголовый Воину, когда они осознают, что огонь горит без топлива. Но природа огня обманчива, подчеркивается его нарочитая искусственность, бледность, отсутствие жара: «Бутафорское все какое-то» [Улицкая, 2015а, с. 258]. Обманчиво и действие костра: «Костер оказывал на него такое двойственное воздействие — успокаивал, но и притуплял ум…» [Улицкая, 2015а, с. 273].

Такова природа всех стихий в Среднем мире: воздух бывает легким и благорасположенным, иногда — густым и тяжелым, влажным, он замедляет движение персонажей, они быстрее тратят силы и энергию. Ветер тоже описывается по-разному: то он не оставляет путешествующих ни на ми-

CC BY

нуту; «то бил в лицо, то лукаво заглядывал сбоку, то дышал в затылок» [Улицкая, 2015а, с. 234].

В Среднем мире могут проходить физические роды (но это не рождение *на свет*). Бритоголовый принимает множественные роды у Толстухи. Нерожденные дети и женщина изображаются зооморфно: «нарост-паразит», «ракушечный нарост», «чрево женщины было набито младенцами до отказа — как рыба икрой», «чудовищная Толстуха», а живот роженицы обладает «уродливо-привлекательной художественностью» [Улицкая, 2015а, с. 268].

Беременная женщина сама по себе является проводником в другой мир — в ней воплощается новая душа. Так, в отличие от обитающих в Среднем мире нерожденных или умерших на земле детей, дети мертвой Толстухи парадоксально живы, поэтому в Среднем мире они не остаются. У Толстухи отсутствует связь с детьми — пуповина. Когда роженица спрашивает, где ее дети, Бритоголовый отвечает: «Надо думать, на небесах» [Улицкая, 2015а, с. 269]. Но поскольку этот мир Средний и во всех смыслах является средним, то дети могут быть как на небесах, так и на земле: первый же родившийся младенец «плавно проплыл вверх около метра и исчез, оставив после себя звук лопнувшего резинового мяча и крутой водоворот в воздухе…» [Улицкая, 2015а, с. 270]. Толстуха — это «его [Кукоцкого] главная пациентка, ради которой он сражался с медицинскими чиновниками, с коллегами, с друзьями, даже со своей семьей… Измученная непосильной работой, голодом, родами, одиночеством, ответственностью, безденежьем» [Улицкая, 2015а, с. 271].

Этот сюжет параллельно развивается и в «реальных» главах: Лиза Полосухина, мама Томы, умерла от перфорации стенки матки — именно за прободение матки принимает изначально Бритоголовый роды, которые происходят в потустороннем мире. Увидев умершую от криминального аборта Лизу-дворничиху, Павел Алексеевич подумал: «Это была она, его главная, его несчастная пациентка. Военная вдова или мать-одиночка, скорее всего пьющая, возможно, гулящая…» [Улицкая, 2015а, с. 77]. Рождение ребенка снимает первородный грех — «змеиный выползок», который сходит с роженицы, напоминает о змее-искусителе: через боль-наказание («Я усилю боль твоей беременности, с болью будешь рождать детей (Бытие, 3—16)») происходит искупление. Роженица, выполнившая свою главную функцию, также исчезает с «чмокающим гулким звуком».

Елена в первой тетради вспоминает переживание, которое относит к области самого важного. Это пребывание в Великой воде — пребывание в утробе и рождение. Состояние блаженства, которое сменилось Мраком и муками рождения, закончилось, когда «невидимая пленка лопнула с оглушительным звоном. Я вывернулась. Я вырвалась наружу» [Улицкая, 2015а,

CC BY

с. 141]. С таким же звуком уходят из Среднего мира дети в мир посюсторонний.

4. Иерархичность — переходность — карнавальность потустороннего пространства

Потусторонний мир в романе моделируется по уровням. Первый уровень — Средний мир, место, которое предчувствует Елена и другие персонажи, связь с которым двусторонняя: через сны Елене удается передать сообщение жене Профессора уже из Среднего мира. Но тем не менее персонажи в нем мертвы. Если вначале Британологоловый говорит Профессору, что «смерти вообще-то нет» [Улицкая, 2015а, с. 266], то перед переходом через мост он утверждает, что Профессор мертв, но «если вам приятнее другая формулировка, можете считать, что земная жизнь окончена» [Улицкая, 2015а, с. 289].

Персонажи романа в потустороннем пространстве имеют возможность перейти на новую ступень, для этого нужно пройти некое испытание: они должны перейти по железному мосту странной конструкции через каменное русло иссохшей реки. Об иерархическом устройстве пространства Среднего мира впервые говорит Иудей при виде Манекена: Иудей боится потерять ступень и ничего не достигнуть, потратив время на помощь Манекену. Иудей ошибается, позже он признает: «Когда мы сюда волокли Манекена, я же не знал, что над всеми будут работать. Вот все и перешли на следующий уровень. Каждый на свой» [Улицкая, 2015а, с. 245]. В Среднем мире действует некий закон Большой Лестницы. Пространство Среднего мира создается одновременно в двух направлениях: по вертикали — это ступени, ведущие вверх, в Небеса, по горизонтали — двери, через которые персонажи попадают к Кате, к Толстому и другим героям.

Следующий уровень — мост-лабиринт. Как известно, мост в мифопоэтической традиции является средством связи между разными ипостасями сакрального пространства [Керлот, 1994, с. 330]. Мост является наиболее сложной частью пути для персонажей, поскольку он — последнее испытание, которое открывает путь в иное, более совершенное пространство и время, причем, это испытание общее для всех. Персонажи попадают в иное пространство, которое можно было бы назвать раем, и переживают физическое перерождение (духовное и физическое перерождение они отчасти переживают и в процессе пути). Переправа через реку в мифопоэтической традиции обозначает завершение подвига, обретение нового статуса, новой жизни, переход в качественно иное пространство. В тексте романа перерождение связано именно с переходом через русло высохшей реки. Но перерождение это происходит в Царстве мертвых, в которое ведет Средний мир.

CC BY

Длинноволосый не может перейти на тот берег, так как он переживает клиническую смерть. Ему предстоит другой путь — возвращение обратно. В этом ему помогают музыка и ветер. Музыка тесно связана с жизнью. Только что родившийся ребенок сразу же начинает плакать, появляется звук новой жизни, который Бритоголовый называет «жалкой музыкой, хриплой песней только что развернувшихся легких» [Улицкая, 2015а, с. 270]. Воздушный смерч, преследующий Длинноволосого во время путешествия по Среднему миру, — это образ Тани из реального мира, пытающейся вернуть его назад. Смерч кажется ему знакомым, в нем «ощущались пальцы, губы, даже женские распущенные волосы, завивающиеся под собственным ветром» [Улицкая, 2015а, с. 290—291]. Смерч говорит ему о том, что нужно играть для того, чтобы вернуться обратно.

Музыка Длинноволосого останавливает происходящее, все замирают, даже существа, помогающие Манекену. Смерч-Таня поднимает Длинноволосого наверх, пока музыка не становится всем миром, и он переходит в посюстороннее пространство с уже знакомым нам звуком лопнувшей пленки, означающим перерождение, а здесь — воскрешение Сергея. Музыка становится порталом, соединяющим два мира. В рамках традиции музыка имеет демоническое, потустороннее происхождение, поэтому считается, что, играя, музыкант контактирует с иным миром. Так, Сергей из потустороннего мира вырывается в мир реальный с помощью музыки. Музыкант также является символом очарования смертью (Гамельнский крысолов, например) [Керлот, 1994, с. 333]. Для Профессора музыка Длинноволосого — последнее доказательство его собственной смерти: «Рассеялись последние надежды: он действительно умер — на земле такого не бывает» [Улицкая, 2015а, с. 291]. В контексте пространства Среднего мира история Сергея и Тани выступает как перевернутый миф об Орфее и Эвридике: Сергей умирает вслед за Таней. Таня идет за ним в Средний мир и возвращает его оттуда, вместе они быть не могут, так как Сергей жив, а Таня мертва.

Третья ступень в Среднем мире начинается на берегу, когда «за спиной Новенькой дымился провал, и она ощущала его как грубый шов разносортных материй» [Там же, с. 293] — это граница, которая принадлежит обоим пространствам. Это место, где персонажи обретают себя, свою память. Хотя рожденный ребенок приходит в реальность через Средний мир, он его забывает, для него существует только реальность (за исключением Елены, которая помнила Великую Воду). Оказываясь в Среднем мире, человек забывает свою физическую жизнь. На третьей ступени потустороннего пространства человек обретает себя, свои земные воспоминания и опыт Среднего мира. Это, действительно, сторона света — тут есть направле-

CC BY

ния (запад, восток), определенное время суток (утро). Возможно, это аналог Града Небесного или Райского сада, потому что Новенькая считает, что этот мир — «лучшее, что она видела в своей жизни» [Там же]. Это сверхреальность, где каждая вещь, каждый предмет ощущаются острее: Новенькой кажется, что даже ее подошвы прозрели.

Прозрение в романе — сквозная тема. Прозрение происходит с Василисой: при жизни у нее был один зрячий глаз, а в Среднем мире ее глаза — целых три — прооперированы. Наличие пары глаз — физическая норма, наличие одного глаза означает получеловеческое. В случае Василисы это метафора однобокости, узости ее взглядов при жизни, ее упрощенного христианства, граничащего с мракобесием. Наличие третьего глаза должно символизировать, таким образом, сверхчеловеческое, божественное [Керлот, 1994, с. 140]. Таким образом, внутривидение Павла Алексеевича противопоставляется третьему глазу Василисы. Третий глаз Василисы, единственный не перебинтованный, не способен видеть истину, а повязку с пары человеческих глаз может снять только Павел Алексеевич, когда она попросит у него прощения. Василиса «прозрела» благодаря Кукоцкому.

В самом Среднем мире никто не называет его «средним», попытки описать этот мир присутствуют в дневниках Елены. Особенность композиции романа в том, что глава о Среднем мире расположена второй, хотя описывает жизнь героев после смерти, то есть хронологически это должна быть часть четвертая. Такой композиционный «сдвиг» подчеркивает вневременное расположение этого места, действие в нем происходит одновременно после и во время реального пласта повествования. Средний мир «разрывает» линейное развертывание произведения неоднократно: это и первый дневник Елены, который представляет собой рефлексию детских воспоминаний потусторонности; это и состояние под наркозом, выпадение из реальности после встречи с отцом Владимиром; вторая часть романа (целиком переносящая персонажей в Средний мир). Отчасти это и второй дневник Елены, но с некоторыми оговорками: это еще и фиксация ее выпадения из действительности, деменции (в медицинском смысле). «Мама в полном отсутствии», — говорит отцу Таня. Павел Алексеевич, врач, сомневается: «не уверен» [Улицкая, 2015а, с. 450]. Его дар внутривидения заставляет сомневаться в медицинских диагнозах.

Принцип зеркальности Среднего и «реального» миров реализован в повествовании многократно. Хирургическая операция в Среднем мире и перитонит Елены-Новенькой описываются одинаково, Елена переносится в то же самое пространство во время наркоза: «Там, где она находилась, были говорящие полулюди-полурастения, и был какой-то сюжет, в котором она участвовала чуть ли не главной героиней» [Там же, с. 244].

CC BY

Принято связывать Средний мир с безумием Елены или приписывать ей провидческие способности [Скокова, 2010]. Но Средний мир гораздо шире болезни Елены, см. [Глазинская, 2018, с. 126—127]. Потусторонний пласт «Казуса Кукоцкого» — это область философских и метафизических раздумий автора о пространстве между жизнью и смертью.

Обитатели Среднего мира — это жители мира реального: Новенькая — Елена; Иудей — Илья Гольдберг; Бритоголовый — Павел Алексеевич; Длинноволосый — Сергей Зворыкин, возлюбленный Тани, своеобразный двойник Манекена, узнаваемый по саксофону «Selmer». Сергей переживает клиническую смерть после нападения маньяка Семена Курилко, который в Среднем мире становится Манекеном, а в мире реальном обладает манекенной негнущейся походкой (обитатели Среднего мира говорят, что из «недодержанных» получаются маньяки). Профессор — отец Сергея, профессор при жизни. Матушка (старуха в черном куколе) — Василиса, так как при встрече Павла Алексеевича с Василисой по ту сторону границы именно она имеет прорезавшийся третий глаз, который был у Матушки, черный кукол — атрибут игуменьи, которую любила и почитала Василиса; Карлица и Долговязая — Валентина Первая и Валентина Вторая, жёны Гольдберга. Валя Гольдберг — невысокая и кудрявая, как Карлица; Валентина — высокая и спортивная. Две жены Ильи Гольдберга существуют одновременно, своим присутствием причиняя друг другу боль; Толстуха — Лиза Полосухина, главная пациентка Павла Алексеевича; Одноногий — Хромой — дедушка Елены, который лишился ноги во время постройки вокзального павильона, потом всю жизнь и даже после смерти хромал; Воин — Антон, первый муж Елены, которого она считала погибшим на войне. Таким образом, все телесные недостатки (детали, события реальной жизни) героев отпечатываются на их «ментальном» уровне в Среднем мире. В целом хождение героев по пустыне реконструирует ветхозаветный сюжет хождения Моисея. Таким образом, зеркальность становится одним из доминантных принципов организации потустороннего пространства у Улицкой.

Еще один принцип, по которому строится Средний мир, — это карнавализация. Средний мир одновременно сакрален и пародиен, сам автор выступает одновременно как трикстер и демиург: создавая идеальный трансцендентный потусторонний мир, автор в то же время высмеивает его. Существует и трикстер-обманщик — человек в глиняной маске из первого перехода Елены в Средний мир. Третий глаз Василисы не способен видеть; благие намерения, которыми «вымощена дорога в ад», имеют вес и могут оправдать человека; атеисты и люди разных религий путешествуют вместе; человеческая кукла — манекен — оживает; Евангелие называется посторонним предметом [Улицкая, 2015а, с. 249]; существуют вахтеры и

CC BY

мелкие чиновники, имеющие в Среднем мире власть (Куроедов). Страшный суд над Иудеем происходит в амфитеатре — месте для зрелищ, которое Бритоголовый называет «цирком». Вместо ангелов — не то зайцы, не то белки, которые жертвуют своей кровью как Христос, но ради Манекена-маньяка. Даже когда свершается чудо и Бритоголовый идет по воздуху, он сравнивается с циркачом, идущим по канату, а не с Иисусом, идущим по воде. Персонажи утрачивают имена и обладают только прозвищами. Эта утрата несет в себе двойной смысл — абсолютной свободы и смерти.

5. Заключение

Роман «Казус Кукоцкого» строится не только на противопоставлении двух видов пространств — пространства земного и небесного, — это бинарное деление усложняется за счет пограничного пространства Среднего мира. Границу между пространствами пересекают персонажи, наделенные особым даром, а попадание в Средний мир неокончательно и обратимо. Персонажи во время путешествия в Среднем мире теряют имена, используют прозвища и остаются неузнанными друг другом. Имена остаются у персонажей, которые остаются в потустороннем мире и уже не могут пересечь его границы в обратную сторону или переродиться.

Основными принципами изображения потустороннего пространства в романе являются иерархичность, переходность и карнавализация. Потустороннее пространство в романе имеет вневременное расположение и уровневую организацию.

Потустороннее пространство соединяется с посюсторонним через «наполнители»: сны, мотивы воды, болезни, музыки. Вода становится «порталом», соединяющим оба мира. В Среднем мире функции воды выполняет песок. Пустыня ассоциируется в романе с женским лоном, в котором персонажи переживают новое рождение.

В конечном счете исследование категории «потусторонности» показало новые грани поэтики Л. Улицкой, глубину и неоднозначность ее метафизических размышлений над вечными вопросами бытия. Традиционные бинарные оппозиции земля / небо, ад / рай, верх / низ в данном случае неприемлемы. Переходность и многовариантность («веерность») предложенных Улицкой пространств расширяет в целом представления о телеологичности человеческой судьбы и свободе человеческого выбора, бесконечности переходов между жизнью и смертью, поиском истины и ее отрицанием.

Источники

1. *Улицкая Л. Е.* Казус Кукоцкого / Л. Е. Улицкая. — Москва : АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015а. — 511 с. — ISBN 978-5-17-108859-0.

2. *Улицкая Л. Е.* Священный мусор / Л. Е. Улицкая. — Москва : АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015б. — 476 с. — ISBN 978-5-17-081680-4.

Литература

1. *Александров В. Е.* Набоков и потусторонность : метафизика, этика, эстетика / В. Е. Александров. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. — 320 с. — ISBN 5-89329-167-0.

2. *Антоничева М. Ю.* Границы реальности в прозе В. Набокова : Авторские повествовательные стратегии : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. Ю. Антоничева. — Саратов, 2006. — 208 с.

3. *Бердина В. А.* Танатологические представления древних греков о душе / В. А. Бердина // Международный научно-исследовательский журнал. — 2015. — № 6—4 (37). — С. 74—76. — DOI: 10.18454/IRJ.2227-6017.

4. *Глазинская Е. Т.* Безумие и потусторонность в прозе Л. Улицкой / Е. Т. Глазинская // Культура и текст. — 2018. — № 3 (34). — С. 121—131.

5. *Егорова Н. А.* Проза Л. Улицкой 1980—2000-х годов : проблематика и поэтика : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. А. Егорова. — Волгоград, 2007. — 180 с.

6. *Заломкина Г. В.* Поэтика пространства и времени в готическом сюжете : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.08 / Г. В. Заломкина. — Самара, 2003. — 224 с.

7. *Карпов И. П.* Поэтика онтологической ситуации (Л. Н. Толстой. «Война и мир». Смерть Андрея Болконского) / И. П. Карпов // Вестник Вятского государственного университета. — 2009. — № 1—1. — С. 85—94.

8. *Керлот Х. Э.* Словарь символов / Х. Э. Керлот. — Москва : «REFL-book», 1994. — 608 с.

9. *Коробкина Е. Н.* Инфернальные души : метаморфоза образа / Е. Н. Коробкина // Вопросы русской литературы. — 2016. — № 3 (37—94). — С. 88—98.

10. *Котельникова Т. Г.* Потустороннее пространство в произведениях Федора Достоевского «за шкапом» и «в углу» / Т. Г. Котельникова // Вестник РГГУ. — 2007. — № 7. — С. 64—70.

11. *Кошечко А. Н.* Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф. М. Достоевского : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / А. Н. Кошечко. — Томск, 2014. — 480 с.

12. *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра / Н. Л. Лейдерман. — Екатеринбург : УрГПУ, 2010. — 904 с. — ISBN 978-5-904205-64-1.

13. *Лихачев Д. С.* Внутренний мир художественного произведения / Д. С. Лихачев // Вопросы литературы. — 1968. — № 8. — С. 74—87.

14. *Лю На.* Художественное своеобразие малой прозы Людмилы Улицкой : на материале сборника «Люди нашего царя» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Лю На. — Тамбов, 2009. — 179 с.

15. *Магомедова Д. М.* Баллада / Д. М. Магомедова // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. ред. Н. Д. Тамарченко. — Москва : Intrada, 2008. — С. 26—27. — ISBN 978-5-903955-01-5.

16. *Меситова С. А.* Этическая танатология Л. Н. Толстого : Толстовский опыт переживания смерти и его нравственно-религиозный смысл : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.05 / С. А. Меситова. — Тула, 2003. — 176 с.

17. *Назаренко О. В.* Набоковское стилевое влияние в русской прозе рубежа XX—XXI веков : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. В. Назаренко. — Ярославль, 2009. — 189 с.

18. *Новоселова Т. А.* Концепция судьбы в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. А. Новоселова. — Махачкала, 2012. — 197 с.

19. *Побивайло О. В.* Мифопоэтика прозы Людмилы Улицкой : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. В. Побивайло. — Барнаул, 2009. — 165 с.

20. *Пушкарь Г. А.* Типология и поэтика женской прозы : гендерный аспект : на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Г. А. Пушкарь. — Ставрополь, 2007. — 234 с.

21. *Пыхтина Ю. Г.* Функционально-семантическая типология пространственных образов и моделей в русской литературе XIX — начало XXI вв : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Ю. Г. Пыхтина. — Москва, 2014. — 346 с.

22. *Скокова Т. А.* Проза Людмилы Улицкой в контексте русского постмодернизма : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. А. Скокова. — Москва, 2010. — 168 с.

23. *Топоров В. Н.* Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст : семантика и структура. — Москва : Наука, 1983. — С. 227—284.

24. *Тушев А. Н.* Л. Н. Толстой и Л. Н. Андреев : диалог о смерти / А. Н. Тушев // Филология и культура. — 2015. — № 4 (42). — С. 251—254.

25. *Фарино Е.* Введение в литературоведение / Е. Фарино. — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — 639 с. — ISBN 5-8064-0524-9.

26. *Худенко Е. А.* Жизнетворчество Мандельштама, Зощенко, Пришвина 1930—1940-х гг. как метатекст : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Е. А. Худенко. — Барнаул, 2012. — 390 с.

27. *Шмид В.* Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с. — ISBN 5-94457-082-2.

Material resources

Ulitskaya, L. E. (2015a). *The Kukotsky Enigma*. Moscow: AST. 511 p. ISBN 978-5-17-108859-0. (In Russ.).

Ulitskaya, L. E. (2015b). *Sacred garbage.* Moscow: AST. 476 p. ISBN 978-5-17-081680-4. (In Russ.).

References

Alexandrov, V. E. (1999). *Nabokov's Otherworld: metaphysics, ethics, aesthetics.* Saint-Petersburg: Aleteia. 320 p. ISBN 5-89329-167-0. (In Russ.).

Antonicheva, M. Yu. (2006). *The boundaries of reality in V. Nabokov's prose: Author's narrative strategies.* PhD Diss. Saratov. 208 p. (In Russ.).

Berdina, V. A. (2015). Thanatological representations of the ancient Greeks about the soul. *International Research Journal, 6—4 (37):* 74—76. DOI: 10.18454/IRJ. 2227-6017. (In Russ.).

Egorova, N. A. (2007). *L. Ulitskaya's prose of the 1980 s—2000 s: Problematics and Poetics.* PhD Diss. Volgograd. 180 p. (In Russ.).

Farino, E. (2004). *Introduction to Literary Studies.* Saint-Petersburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University. 639 p. ISBN 5-8064-0524-9. (In Russ.).

Glazinskaya, E. T. (2018). Madness and otherworldliness in the prose of L. Ulitskaya. *Culture and text, 3 (34):* 121—131. (In Russ.).

Karpov, I. P. (2009). Poetics of the ontological situation (L. N. Tolstoy. "War and Peace". The Death of Andrei Bolkonsky). *Vestnik Vyatka state University, 1—1:* 85—94. (In Russ.).

Kerlot, H. E. (1994). *Dictionary of symbols.* Moscow: "REFL-book". 608 p. (In Russ.).

Khudenko, E. A. (2012). *The Life-making of Mandelstam, Zoshchenko, and Prishvin in the 1930 s and 1940 s as a metatext.* Doct. Diss. Barnaul. 390 p. (In Russ.).

Korobkina, E. N. (2016). Infernal souls: metamorphosis of the image. *Questions of Russian literature, 3 (37—94):* 88—98. (In Russ.).

Koshechko, A. N. (2014). *Forms of existential consciousness in the works of F. M. Dostoevsky.* Doct. Diss. Tomsk. 480 p. (In Russ.).

Kotelnikova, T. G. (2007). Otherworldly space in the works of Fyodor Dostoevsky "behind the cabinet" and "in the corner". *Bulletin of the RSUH, 7:* 64—70. (In Russ.).

Leiderman, N. L. (2010). *Theory of genre.* Yekaterinburg: USPU. 904 p. ISBN 978-5-904205-64-1. (In Russ.).

Likhachev, D. S. (1968). The inner world of a work of art. *Questions of literature, 8:* 74—87. (In Russ.).

Liu Na. (2009). *Artistic originality of small prose by Lyudmila Ulitskaya: on the material of the collection "People of our Tsar".* PhD Diss. Tambov. 179 p. (In Russ.).

Magomedova, D. M. (2008). Ballada. In: *Poetika: Dictionary of actual terms and concepts.* Moscow: Intrada. 26—27. ISBN 978-5-903955-01-5. (In Russ.).

Mesitova, S. A. (2003). *Tolstoy's ethical thanatology: Tolstoy's experience of experiencing death and its moral and religious meaning.* PhD Diss. Tula. 176 p. (In Russ.).

Nazarenko, O. V. (2009). *Nabokov's stylistic influence in Russian prose of the turn of the XX—XXI centuries.* PhD Diss. Yaroslavl. 189 p. (In Russ.).

Novoselova, T. A. (2012). *The concept of fate in L. Ulitskaya's novel "Medea and her Children".* PhD Diss. Makhachkala. 197 p. (In Russ.).

Pobivailo, O. V. (2009). *Mythopoetics of prose by Lyudmila Ulitskaya.* PhD Diss. Barnaul. 165 p. (In Russ.).

Pushkar, G. A. (2007). *Typology and poetics of women's prose: gender aspect: on the material of the stories of T. Tolstoy, L. Petrushevskaya, L. Ulitskaya.* PhD Diss. Stavropol. 234 p. (In Russ.).

Pykhtina, Yu. G. (2014). *Functional and semantic typology of spatial images and models in Russian literature of the XIX-beginning of the XXI centuries.* Doct. Diss. Moscow. 346 p. (In Russ.).

Schmid, V. (2003). *Narratologiya.* Moscow: Languages of Slavic culture. 312 p. ISBN 5-94457-082-2. (In Russ.).

Skokova, T. A. (2010). *Prose of Lyudmila Ulitskaya in the context of Russian postmodernism.* PhD Diss. Moscow. 168 p. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1983). Space and text. In: *Text: semantics and structure.* Moscow: Nauka. 227—284. (In Russ.).

Tushev, A. N. (2015). L. N. Tolstoy and L. N. Andreev: dialog about death. *Philology and Culture, 4 (42):* 251—254. (In Russ.).

Zalomkina, G. V. (2003). *Poetics of space and time in the Gothic plot.* PhD Diss. Samara. 224 p. (In Russ.).

Исторические науки
Historical sciences

Александр Сергеевич Белоусов, мл. научный сотрудник (Санкт-Петербург)
Андрей Юрьевич Дворниченко, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Анна Ивановна Куру, студент (Санкт-Петербург)
Анна Ивановна Татарникова, канд. истор. наук (Тобольск)
Анна Сергеевна Столетова, канд. истор. наук (Вологда)
Вадим Александрович Кузьмин, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Галина Федоровна Санжарова, исследователь (Киев, Украина)
Михаил Сергеевич Белоусов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Надежда Базаржаповна Дашиева, д-р истор. наук (Улан-Удэ)
Николай Анатольевич Бессилин, канд. истор. наук (Уфа)
Мурат Нилевич Ишемгулов, аспирант (Уфа)
Светлана Радиковна Абрамова, канд. истор. наук (Уфа)
Тимофей Васильевич Валов, инженер-исследователь (Санкт-Петербург)
Фаиль Габдуллович Сафин, д-р истор. наук (Уфа)
Тао Цзинхун, аспирант (Екатеринбург)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Белоусов М. С. Создание Царства Польского в дискурсе российской прессы / М. С. Белоусов, А. С. Белоусов, А. И. Куру // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 309—327. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-309-327.

Belousov, M. S, Belousov, A. S., Kuru, A. I. (2021). Creation of the Kingdom of Poland in Russian Press. *Nauchnyi dialog, 3:* 309-327. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-309-327. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO host

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-309-327

Создание Царства Польского в дискурсе российской прессы

Белоусов Михаил Сергеевич
orcid.org/0000-0002-6646-3927
кандидат исторических наук, доцент
m.s.belousov@gmail.com

Белоусов Александр Сергеевич orcid.org/0000-0003-2679-3910
младший научный сотрудник
belousov1504@gmail.com

Куру Анна Ивановна
orcid.org/0000-0002-8928-7225
студент
kuruannaivanovna@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.».

Creation of the Kingdom of Poland in Russian Press

Mikhail S. Belousov
orcid.org/0000-0002-6646-3927
PhD in History, Associate Professor
m.s.belousov@gmail.com

Alexander S. Belousov
orcid.org/0000-0003-2679-3910
Junior Researcher
belousov1504@gmail.com

Anna I. Kuru
orcid.org/0000-0002-8928-7225
student
kuruannaivanovna@gmail.com

St. Petersburg State University

(Saint-Petersburg, Russia)

The study was carried out within the framework of the grant of the Russian Science Foundation, project № 19-18-00073 «National identity in the imperial politics of memory: the history of the Grand Duchy of the Lithuanian and Polish-Lithuanian states in the historiography and social thought of the 19th— 20th centuries».

© Белоусов М. С., Белоусов А. С., Куру А. И., 2021

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Настоящая статья посвящена анализу риторики публикаций в российской прессе 1814—1818 годов, посвященных имперской политике в только что присоединенном Царстве Польском. Авторы поставили своей целью показать, что следует отделять реальную политику российского самодержавия на этой территории от образов, созданных сначала французскими публицистами, а затем многократно гиперболизированных российскими журналистами. Отмечается, что Александр I в 1814—1818 годах предстает на страницах французских изданий как царь-освободитель. Показано, что эти сюжеты были быстро подхвачены российскими газетами и журналами и в результате сложилась парадоксальная картина: в течение нескольких лет средства массовой информации убеждали российское общество в том, что русский царь является новым польским национальным государем. Утверждается, что это, безусловно, вызвало неприятие и в консервативных кругах, и среди передовых западников, таких как Вяземский или Тургенев. Делается вывод, что именно господствующий дискурс можно считать, с одной стороны, одним из факторов возникновения движения декабристов, а с другой — «ловушкой» для Александра I, так как либеральная риторика прессы со временем стала все больше и больше расходиться с реальной политикой российского самодержавия.

Ключевые слова:
Александр I; Российская империя; Царство Польское; Венский конгресс; периодическая печать.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is devoted to the analysis of the rhetoric presented in the Russian press in 1814—1818 regarding the imperial policy in the newly annexed Kingdom of Poland. The aim of the authors is to show that it is necessary to separate the real policy of the Russian autocracy in this territory from the images created first by French publicists, and then repeatedly exaggerated by Russian journalists. It is noted that Alexander I in 1814—1818 appears on the pages of French publications as a tsar-liberator. It is shown that these stories were quickly picked up by Russian newspapers and magazines and, as a result, a paradoxical picture emerged: for several years the mass media convinced the Russian society that the Russian Tsar was the new Polish national sovereign. It is argued that this, of course, caused rejection in conservative circles and among advanced Westerners such as Vyazemsky or Turgenev. It is concluded that it is the dominant discourse that can be considered, on the one hand, one of the factors in the emergence of the Decembrist movement, and on the other, a “trap” for Alexander I, since the liberal rhetoric of the press over time began to diverge more and more from the real policy of the Russian autocracy.

Key words:
Alexander I; the Russian Empire; Kingdom of Poland; Congress of Vienna; periodical press.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47)“1825.12.14”

Создание Царства Польского в дискурсе российской прессы

© Белоусов М. С., Белоусов А. С., Куру А. И., 2021

1. Введение

В сентябре 1814 года после завершения войны с наполеоновской Францией открылся Венский конгресс, созванный по инициативе России, Великобритании, Австрии и Пруссии. На него съехались 216 представителей различных государств. Наряду с дипломатами высокого ранга всех стран, участвовали русский царь Александр I и австрийский монарх Франц I [Краткая история Польши …, 1993, с. 97]. Каждая великая держава желала добиться для себя максимальной выгоды в ходе новой перекройки карты Европы. Парижский мирный договор являлся промежуточным в этом контексте, поскольку не решил ключевые проблемы, в частности судьбу польско-литовских земель [Рей, 2017, с. 32].

Американский исследователь М. Джарретт отмечает, что все присутствовавшие на конгрессе в Вене в 1814 году — и монархи, и дипломаты — столкнулись с коренными общественно-политическими переменами, ставшими результатом многолетней борьбы с Наполеоном и наследием французской революции. Наполеоновские войны показали важность общеевропейского консенсуса и умеренных действий в вопросах международной безопасности. Именно механизм мирного сосуществования и должен был выработать Венский конгресс. Путь к его успешному формированию лежал через удовлетворение желаний союзных держав: разграничивались сферы влияния, а часть территорий аннексировались в пользу той или иной страны [Jarrett, 2015, p. 438].

2. Александр I и польский вопрос: выбор стратегии

На правах одного из ключевых политических игроков Европы Россия предъявила территориальные претензии на польские земли, до этого принадлежавшие *de facto* наполеоновской Франции, однако встретила активное сопротивление со стороны Австрии, Франции и особенно Англии. Корень противоречий, по мнению С. В. Мироненко, лежал прежде всего в стремлении западных держав не допустить сохранения целостности Польши, а также усиления России [Мироненко, 1989, с. 147—207]. Позиция Великобритании, представленная лордом Робертом Стюартом Каслри, была однозначной: новый раздел польско-литовских земель, как и в XVIII веке. Принятие подобного решения позволило бы сформировать

CC BY

консенсус между великими державами и ослабить Россию, которая после победы над Наполеоном находилась в зените своей мощи.

Осознав этот факт и понимая невозможность достичь абсолютных территориальных приобретений, Александр I решил воспользоваться своим новым общественным образом — царя-освободителя, победившего Наполеона, — однако не для того, чтобы занять его место, а для освобождения континента от тирании. Он хотел внушить всем, что его единственным устремлением является благо народов Европы и собственных подданных. В практическом отношении представление российского монарха как освободителя породило идею о восстановлении независимого польского государства, но под скипетром Александра I: измученные войной поляки возвращались домой и получали желанную свободу в виде собственного государства и конституции, дарованных именно российским императором. Этот образ позволял Александру I скрыть свои дипломатические ошибки и выделиться на фоне остальных. Вопреки оптимистичным оценкам современниками решений Конгресса, следует отметить, что Александр I был вынужден идти на значительные уступки: Россия отдавала Пруссии четверть территории Варшавского герцогства, а также выделила Краков как особое образование [Щеголев, 2014, с. 81].

Одной из причин формирования подобного политического проекта стало также категорическое неприятие присоединения земель Польши к Российской империи и со стороны европейских средств массовой информации, которыми ставилось под сомнение право великих держав перекраивать карту Европы на свое усмотрение. Первоначальное отторжение этой идеи вскоре сменилось, наоборот, ее восторженной поддержкой после новостей о создании Царства Польского и присяге поляков на верность своему новому королю [Belousov et al., 2019, pp. 1199—1200].

В то же время, как отмечает историк Ш. Аскенази, новое польское государство было существенно урезано в своих границах и численности населения, а общество имело мало шансов сохранить конституционные порядки из-за силы абсолютизма российской монархии [Аскенази, 1915, с. 26]. И. Лелевель вовсе считал действия русского императора неискренними, то есть лишь формой достижения собственных политических целей [Mocha, 1972, pp. 605—609]. Действительно, на выборе формы «включения» Царства Польского в состав Российской империи сказалось в первую очередь стремление императора обезопасить границы своего государства [Ващенко, 2000, с. 13—14].

Расположив в свою пользу европейскую прессу идеей независимого польского государства с собственной конституцией, Александр I должен был решить также параллельную задачу — создать общественный консен-

CC BY

сус по этому же вопросу внутри самой России. Вновь образованное Царство Польское не включало в себя ни одну из территорий, присоединенных к России тремя разделами. Бывшие земли Речи Посполитой, вошедшие в состав империи при Екатерине II, не обладали ни особым статусом, ни самоуправлением. Единственное, что было сохранено для местного населения — гражданское право и использование польского языка в судопроизводстве [Strakhovsky, 1941, p. 467—492].

Таким образом, Александр I должен был объяснить своим подданным причину дарования условной независимости и конституции Царству Польскому, чьи бывшие территории находились в то время в равном положении с другими губерниями империи. Неслучайно историк В. Завадский обращает внимание на факт того, что Александр I в польском вопросе оказался победителем и великодушным освободителем для европейцев, но не для собственной политической элиты, которая относилась враждебно к его идеям и планам [Zawadzki, 1985, p. 41], что император прекрасно осознавал.

Он отлично помнил причины свержения своего деда и отца, поэтому желал изменить общественное мнение в отношении себя в лучшую сторону. Ключевым инструментом в этом начинании для него стала российская пресса. Общественность под давлением европейского политического дискурса была фактически поставлена перед выбором: новый раздел бывших земель Речи Посполитой между великими державами или образование независимого польского государства под властью императора [Зак, 1966, с. 323—324].

Существенный вклад в создание новой концепции Царства Польского внес Адам Ежи Чарторыйский. Преследуя свою цель восстановления польской государственности, он оказывал огромное влияние на Александра I и его взгляды касательно Польши. Действия князя стали ключевыми в польско-русских отношениях эпохи после разделов. По его мнению, царствованию Александра предстояло «начать новую эру, в которой европейская политика отныне должна была основываться на общем благе и правах личности» [Morley, 1947, p. 407].

Идея Царства Польского как формы независимого и самостоятельного государственного образования, хоть и под властью русского императора, стала самостоятельным актором в российском и европейском политических дискурсах. Она оказывала воздействие на общественность России и Европы как во время Венского конгресса, так и после него, что в конечном счете привело к польскому восстанию 1830 года, одной из причин которого стало несоблюдение властью дарованных Александром I прав. Век революций нельзя было остановить [Хобсбаум, 1999]. Российская власть превращалась в заложника собственного политического проекта. Создав умозрительное государственное образование на либеральных началах,

CC BY

Александр I не видел необходимости претворять его в жизнь, что уже проявилось спустя несколько лет.

3. Интерпретация риторики прессы

Контент-анализ российской прессы позволяет реконструировать контекст политической риторики, сопутствующий Венскому конгрессу и периоду создания Царства Польского. Русские газеты и журналы, такие как «Вестник Европы», «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета», «Сын Отечества», «Русский инвалид», «Московские ведомости» и др., не являлись площадкой для выражения различных общественных мнений по причине строгой цензуры, которая не пропускала вольные трактовки событий. В этой связи публикации в них следует принимать как завуалированную государственную интерпретацию происходящего в России и мире.

По мнению Л. А. Зака, отечественные редакторы предпринимали попытки обойти цензуру и проблему отсутствия собственных авторов по вопросам, интересовавшим их издание, путем публикации статей из зарубежной прессы [Зак, 1966, с. 305]. Однако основным источником информации для них в то время являлись европейские периодические издания, которые были в каком-то смысле очарованы действиями Александра I и способствовали формированию его образа либерального монарха [Belousov et al., 2019, p. 1203].

Российская пресса представляла Александра I в событиях 1814—1815 годов как ключевого политического игрока Европы и поддерживала образ государя-освободителя. Наиболее отчетливо это прослеживается в журнале «Вестник Европы»: «… и первый из Государей в Европе выехал уже из Столицы Своей, чтобы присутствовать на общем совете, как Посреднику Европы, достойному великих прав и по имени Освободителя народов, и по имени Русского Монарха» [Вестник Европы, 1814, сентябрь, № 18, с. 151].

Помимо России, ведущие роли на Венском конгрессе российская пресса приписывает Пруссии, Австрии и Англии — странам-победителям Наполеона: «Россия и Англия, как две великие державы, более других содействовавшие политическому возрождению обществ, имеют более других влияние на дела Европы, и Австрия и Пруссия имеют больший вес перед другими Немецкими Государствами в делах Германии» [Там же, декабрь, № 24, с. 313]. Исключительную роль перечисленных выше держав отражает и газета «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета»: «… сначала одни токмо министры, Австрийский, Российский, Английский и Прусский, занимались определительнейшим постановлением оснований, предначертанных Парижским трактатом, для доставления Европе прочного мира» [Северная почта …, 1814, октябрь, № 84, с. 364]. Таким

CC BY

образом, российские средства массовой информации возражают французской периодической печати и обосновывают право великих держав перекраивать политическую карту необходимостью мира в Европе.

Так, в январе 1815 года в газете «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» публикуется статья о том, что судьба Царства Польского предрешена по взаимному соглашению держав [Там же, 1815, январь, № 8, с. 38], в февральском выпуске «Вестника Европы» также содержится информация об этом: «… участь Варшавского княжества и Саксонии теперь надобно почитать решенной ко всеобщему удовольствию» [Вестник Европы, 1815, февраль, № 3, с. 239]. Сторонам удалось добиться консенсуса между собой: территориальные притязания Австрии и Пруссии были удовлетворены, а Россия получила большую часть Герцогства Варшавского.

В журнале «Сын отечества» договоренность великих держав описана следующим образом: «Австрия получит уступленный ею в 1809 году Тарнопольский уезд, соляные копи при Величке и удержит за собою Галицию в нынешнем ее пространстве. Пруссия получит Познанской округ и замену на Левом берегу Рейна. Данциг, Торн и Краков будут вольными городами, под покровительством России, Пруссии и Австрии. Все Варшавское Герцогство и прочие Польские земли присоединены будут к Российской Империи» [Сын Отечества, 1815, № 15, второе прибавление, с. 2]. Целесообразно упомянуть и статью, размещенную в журнале «Вестник Европы» в мае 1815 года, в которой передана реакция русского общества на постановления Венского конгресса относительно будущего Польши: «… укоренившиеся враждебные чувства и мнения взаимно должны угаснуть при утешительной мысли о будущих выгодах для обоих великих племен Славянского народа; отныне русские и поляки будут братьями» [Вестник Европы, 1815, май, № 9, с. 85]. Данные слова чрезвычайно показательны: два исторических врага претендовали именоваться братьями. Однако насколько подобное было возможно, учитывая все испытания, через которые пришлось пройти взаимоотношениям между этими странами?

Несмотря на многовековую вражду обоих народов, пресса, находясь под давлением государственного дискурса, одобряет политику, претворяемую царем. В таком контексте интересно высказывание: «Заметим только, что Венский конгресс может иметь для России и Европы одни благие последствия, ибо при нем присутствует Александр, спаситель Европы!» [Сын Отечества, 1815, ч. 19, № 1, второе прибавление, с. 8].

Выверенные посылы отечественных издателей дополнились мнением главных героев истории отношений России и Польши — русского военного и польского патриота. Анонимный автор «Письма русского офицера», которое опубликовал журнал «Сын Отечества», одобрительно высказыва-

CC BY

ется о политике императора и признает, что для утверждения спокойствия Северной Европы российский монарх выбрал единственно верный путь, так как «Независимое Королевство Польское было бы несовместимо со всяким предначертанием твердого мира» [Сын Отечества, 1815, ч. 19, № 1, с. 40]. В статье же «Размышления Польского Патриота» автор неоднократно подчеркивает, что «единственно только чрез присоединение к России под собственной конституцией и при простом немногосложном управлении может Варшавское Герцогство быть опять восстановлено» [Там же, № 4, с. 153]. Объясняется это в «Размышлениях…» тем, что на протяжении столетия земли Варшавского герцогства подвергались различным бедствиям, дворянство по большей части обеднело; более того, усугубляется ситуация с государственным долгом, для оплаты которого необходимы все государственные доходы нескольких лет. Именно поэтому восстановить польское независимое государство без помощи русского государя представляется автору почти невозможным.

Настроения польского населения передаются журналом «Вестник Европы» в статье «Письмо к приятелю», заимствованной из Варшавской газеты. В ней содержится следующее: «Народ наш вместе со своими народными правами приобретает себе Монарха могущественнейшего из Владык Европы, признанного всеми Державами за нашего государя. Народ наш теперь соединяется с родственным народом и достигает той самой цели, к которой тщетно стремился наш Сейм знаменитый ...» [Вестник Европы, 1815, июнь, № 11, с. 219—223]. Следуя дискурсу европейской прессы, польская периодика представляет Александра I как национального царя, не навязанного населению обстоятельствами, а пришедшего на польскую землю с доброго согласия самих поляков.

После окончания Венского конгресса в российских изданиях появляется много статей, освещающих первые этапы включения польских земель в состав Российской империи. Так, газета «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» публикует Высочайший манифест относительно новых поданных императора, который содержит следующие слова: «… сего ради признали Мы за благо устроить участь сего края, основав внутреннее управление онаго на особенных правилах свойственных наречию, обычаям жителей, и к местному их положению примененных» [Северная почта, 1815, июнь, № 45, с. 189]. Газета «Московские ведомости» сообщает о празднествах, устроенных в Варшаве в честь присоединения к Российской империи обширной части Герцогства Варшавского [Московские ведомости, 1815, июль, № 57, с. 1248].

Описание событий того же дня присутствует и в журнале «Вестник Европы» в виде перепечатки из Варшавской газеты. Помимо благодарностей

CC BY

и восхваления императора, содержатся в ней и строки, подчеркивающие уникальность предоставленных польскому народу благ: «В истории всех веков нет примера, чтобы один Монарх излил столько благодеяний на один народ, который против него вел войну и никакой еще не показал заслуги»; это событие оценивается поляками как «чрезвычайный подвиг воскрешения Польского Царства», за что поляки благодарят императора и зарекаются «ценить сие соединение и с верностью исполнять священные обязанности» [Вестник Европы, 1815, июль, № 13, с. 50—64]. Так, в очередной раз, возвышая императора, а также подчеркивая его искренние намерения насчет воссозданного Царства, пресса обращается к исторической вражде двух народов, которая благодаря мудрой политике Александра I должна была перерасти в «братские узы».

Позднее газеты опубликовали вести о прибытии в Париж 30 августа польских депутатов с целью «засвидетельствования пред Его Величеством преданности к нему польского народа» [Санкт-Петербургские ведомости, 1815, сентябрь, № 75, с. 796]. О том же известила «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» [Северная почта …, 1815, сентябрь, № 74, с. 313]. Таким образом, Александр I представал усилиями российской прессы своеобразным Отцом Отечества для поляков, а они выглядели его благодарными подданными, которые искренне признательны императору за воссоздание своего государства.

Подробное описание этих событий можно найти в журнале «Вестник Европы», где опубликованы речи сенатора Замойского и императора Александра I. Интересно то, что во время присяги царь был «в военной одежде своего народа и в знаках Ордена Белого Орла». Польская депутация преподнесла подарок государю в виде медали «с изображением на одной стороне грудного портрета Монарха» и словами «Unus nobis restituit rem» на другой [Вестник Европы, 1815, октябрь № 20, с. 289—295] в память о воскрешении Польского Царства. Обращает на себя внимание и то, что акцент в опубликованной речи ставится на родстве двух народов славянского происхождения.

12 ноября 1815 года Александр I торжественно въехал в Варшаву. Главной целью его визита было провозглашение новой польской конституции и назначение высших сановников [Аскенази, 1915, с. 27]. Конечно, это освещалось во всех российских периодических изданиях, причем присутствовали и анонсы приезда императора, ожидания в Варшаве и т. д. В данном контексте следует упомянуть выпуск газеты «Московские ведомости» от 30 октября, сообщающий вести из Варшавы: «Мы здесь ожидаем прибытия к нам из Берлина Императора, Царя нашего. Как сказывают, его Величество изволит прибыть сюда в исходе сего месяца» [Московские ведомости, 1815, октябрь, № 87, с. 1884].

CC BY

Прибытие императора в Царство Польское подробно освещено в газете «Северная Почта, или Новая Санкт-Петербургская Газета»: «Шествие Его Величества от самых границ Царства до сих мест, было совершенно торжественное: везде триумфальные ворота, иллюминации, везде радостные плески жителей, толпами выходивших на сретение сему вожделенному, любезнейшему из Монархов» и т. д. [Северная почта, 1815, ноябрь, № 94, с. 393]. Статья обстоятельно описала весь распорядок встреч Александра I с польской элитой, произнесенные речи и обращения к новому польскому королю. Представляется, что настолько пространное изложение приезда императора в столицу неслучайно, российская пресса всеми усилиями пытается привлечь внимание к данному событию и представить Александра I истинным триумфатором Венского конгресса.

Само пребывание Александра I в Варшаве подробно описано в журнале «Вестник Европы». Издание делает акцент на вручении Президентом Сената воеводой Островским ключей от города императору, во время которого Александром I были произнесены следующие слова: «Не принимаю ключей, ибо прихожу к вам не как победитель, но как попечитель ваш и друг, желающий всех видеть счастливыми» [Вестник Европы, 1815, ноябрь, № 22, с. 130—141]. Подводя итог, автор рассматривает триумфальный въезд императора в Варшаву и подчеркивает, что он не уподоблялся триумфам римских владык, так как «Вшествие Его Императорского Величества в Варшаву составляло триумф Вселюбизнейшего Монарха, дышащего благостию; Того, который мудростью, милосердием и кротостью обезоруживал неприятелей, покорял сердца и влек за Собою благословление народов» [Там же].

Однако, несмотря на внешнюю радость, праздничную атмосферу и торжественную встречу императора в столице, уже в это время часть польской элиты не была уверена в искренности русского императора и желала видеть бывшие земли Речи Посполитой в составе Царства [Николай Михайлович, 1912, с. 209]. Тем более что в трактатах с Пруссией и Австрией Александр I оставил за собой право дальнейшего расширения польской конституционной территории: «Его Императорское Величество оставляет за собой право дать этому государству, находящемуся под особым управлением, такое внутреннее устройство, которое Он сочтет надлежащим» [Аскенази, 1915, с. 27].

Как уже говорилось выше, главной целью визита императора в Варшаву было провозглашение новой польской конституции. Ее подготовка началась весной 1815 года, когда Александр I поручил А. Чарторыйскому и Н. Н. Новосильцеву подготовить «Основы конституции Царства Польского». Вскоре император их одобрил и отправил в Варшаву для представ-

CC BY

ления местной общественности. «Основы» выполнили свою миссию — официально подтвердили либеральные намерения Александра I и стали основной базой для новой польской конституции [Ващенко, 2000, с. 54].

В русской периодике, в отличие от европейской, где в подробностях публиковалось содержание всех основополагающих польских документов, не так много статей посвящено обзору польской конституции. Так, журнал «Вестник Европы» публикует воззвание генерала Юзефа Зайончека, в котором подчеркивается, что прошлая конституция Варшавского герцогства была чужда национальному духу Польши и превращала поляков в одно из звеньев наполеоновской империи, а нынешняя, наоборот, возрождает коренные смыслы польской государственности [Вестник Европы, 1816, январь, № 1, с. 65]. Прежняя конституция Герцогства Варшавского, как отмечает А. В. Лоховицкий, имела французские корни и сохраняла в неприкосновенности только лишь имена собственные [Лохвицкий, 2017, с. 252—253]. Польская конституция 1815 года, напротив, в большей степени совпадает с прежним устройством Речи Посполитой. При этом учтены были и актуальные политические теории.

Многие исследователи склоняются к тому, что, несмотря на все ограничения, польская конституция 1815 года была, несомненно, прогрессивным явлением. Целесообразно упомянуть мнение Н. М. Филатовой. Она считает новую польскую конституцию одной из самых прогрессивных на континенте в этот период. Основной закон Царства получил абсолютную поддержку общественности и гарантировал полякам гражданские права и свободы [Из истории общественной мысли …, 1995, с. 45]. Таким образом, Александр I предстает усилиями российской прессы не просто царем-освободителем, а правителем, действующим согласно национальным интересам поляков, что полностью подтверждает его либеральный образ, сформированный европейскими средствами массовой информации.

В ноябрьском выпуске «Вестника Европы» редакция журнала разместила статью из Варшавской газеты с целью ознакомить читателей с некоторыми пунктами конституционной хартии. В первом титуле говорится: «… соединяя край наш с огромной Империей Российской, положил краеугольный, непоколебимый камень политического бытия нашего. Политические отношения наши сопряжены с отношениями и с выгодами непобедимой Империи». Касаясь религии, автор пишет: «В сем отношении Конституция наша превосходит все прочия; всем исповеданиям христианским равно обеспечивает он права их, желая все соединить одним союзом братства». Третий титул утверждает «навыки ненарушимости отношений, полагаемых между Монархом и народом» [Вестник Европы, 1816, ноябрь, № 22, с. 137—145] и т. д.

CC BY

Другой целью приезда императора являлось формирование польского правительства. Так, наместником в Королевстве Польском был назначен генерал Юзеф Зайончек, не имевший авторитета в правительственных кругах [Обушенкова, 1979, с. 51]. Однако ключевыми фигурами в Царстве стали брат императора великий князь Константин Павлович и Н. Н. Новосильцев. В ближайшем будущем главные «злодеяния» в Варшаве приписывались именно последнему. Информированное польское общество рассматривало сенатора как катастрофу, видя в его политике преднамеренную попытку подавить, если даже не полностью уничтожить, политическую нацию [Thackeray, 1983, p. 32—46]. Назначение же главнокомандующим польской армией вел. кн. Константина Павловича шло вразрез с интересами поляков, так как они надеялись на этом посту видеть прославленного героя освободительной борьбы генерала Тадеуша Костюшко [Ольшанский, 1959].

Данные назначения стали первыми яркими признаками иллюзорности Царства Польского. Однако, несмотря на эти противоречивые шаги, Александр I продолжает старательно поддерживать свой образ либерального монарха. Много внимания в российской прессе уделяется мерам в области образования, которые предпринял царь. Александр I предстает как покровитель польской науки и просвещения. Так, например, журнал «Вестник Европы» сообщает о том, что в Варшаве основан университет, «… долженствующий состоять из пяти Факультетов или Отделений»; также сообщается о «преобразовании польского драматического училища, чтобы распространить сведения о музыке и науке драматической, и чтобы молодым людям доставить способы к усовершенствованию себя в оных» [Вестник Европы, 1817, март, № 6, с. 151].

В целом можно констатировать реальный факт улучшения в сфере образования в Польше. Министр Потоцкий развернул широкую кампанию по распространению сети народных школ. За два года, к 1817 году, общее число учащихся начальных городских и сельских школ возросло почти на 25 % [Обушенкова, 1979, с. 67]. Помимо университета в Варшаве, в стране открылось несколько высших учебных заведений: военное училище, лесничества и политехники в Варшаве, горного дела в Кельцах, кадетов в Калише, учителей начальной школы в Ловиче, семинария для евангелистов и другие.

В дальнейшем, с 1816 по 1818 годы, в российской прессе не содержится каких-либо значимых сведений о польских делах. Наблюдается аналогичный спад интереса к Царству Польскому и в европейской периодике [Belousov et al., 2019, p. 1205]. Новый всплеск внимания связан с началом работы в марте 1818 года первого польского сейма [Северная почта …, 1818, март, № 18, с. 78]. Открывая его весьма либеральной речью, Александр I намекает на возможность расширения Царства за счет Литвы

CC BY

и Белоруссии. Как отмечает А. Хетнал, в историографии высказывались существенные сомнения, что Александр I действительно хотел расширить польское государство за счет русских губерний, но многие его современники искренне верили, что эти планы могли бы реализоваться, если бы монарх не скончался в 1825 году [Hetnal, 1986, p. 20].

По мнению С. В. Мироненко, Александр I приступил к составлению тезисов своей речи еще в начале года [Мироненко, 1989, с. 155]. Ход работы над текстом подробно представлен в воспоминаниях графа И. Каподистрии, который был привлечен императором к этой работе. В процессе подготовки Александр I решил согласиться с мнением министра иностранных дел и убрал обещание воссоединить польские и литовские земли. Тем не менее речь произвела фурор и воспринималась современниками как манифест конституционного монарха, а не самодержавного царя [Польша и Россия …, 2010, с. 337]. О значении, которое придавалось выступлению императора, и стремлении сделать его предметом самой широкой гласности, свидетельствует тот факт, что оно было немедленно переведено на русский язык и опубликовано в русских газетах.

Речь была полностью опубликована в таких газетах, как «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Северной почта, или Новая Санкт-Петербургская газета», «Дух журналов» [Санкт-Петербургские ведомости, 1818, март, № 26, с. 293—294; Московские ведомости, 1818, март, № 29, с. 575—577; Северная почта …, 1818, март, № 26, с. 113—114; Дух журналов, 1818, март, № 14, с. 96—102]. Наибольший интерес представляют следующие слова: «Вы мне подали средство явить Моему Отечеству то, что я с давних лет ему готовлю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости. Сумейте же стать на высоте вашей задачи. Последствия ваших трудов в сем первом собрании укажут Мне, смогу ли я, не изменяя Своим намерениям, распространять то, что Мною для вас уже совершенно» [Санкт-Петербургские ведомости, 1818, март, № 26, с. 293]. Это трактовалось современниками как обещание радикальной перемены в Российской империи — дарование конституции российским подданным по примеру Царства Польского.

Помимо речи императора, из материалов сейма российские периодические издания также публикуют выступление министра внутренних дел Т. Мостовского, в ходе которого были изложены основные положения проекта конституции, «преимущества коей перед статутом конституции Княжества Варшавского равно очевидны» [Вестник Европы, 1818, апрель, № 5, с. 210—222]. Содержание же парламентских дебатов в русской печати представлено не было. Таким образом, отечественная пресса вновь подчеркивает, что политика императора Александра I, в отличие от политики

CC BY

Наполеона, ориентирована в первую очередь на национальные интересы польского населения. Однако дарование Польше конституции и либеральные заявления Александра I к польскому народу привели к тому, что часть русского общества возненавидела императора. Они усмотрели в его действиях манифест того, что русские, в отличие от поляков, недостойны конституционных порядков.

В данном контексте показательно выступление генерала А. П. Ермолова, героя Отечественной войны 1812 года. В своем письме А. А. Закраевскому, другому видному участнику войны с Наполеоном, он написал в апреле 1818 года: «Я думаю, судьба не доведет нас до унижения иметь поляков за образец и все останется при одних обещаниях всеобъемлющей перемены» [Давыдов, 2005, с. 191]. Тот же посыл содержится и в словах П. А. Вяземского, который признает величие Александра I за его речь в сейме, но резко его осуждает за желание обсудить будущую конституцию России именно с поляками, а не с русскими [Остафьевский архив …, 1899, с. 105]. План императора по созданию консенсуса в русском обществе не реализовался.

Необходимо отметить факт того, что мотивом для объединения против императора разных политических сил стал патриотизм. И сторонников конституционных преобразований, и их противников захватили антипольские настроения. Неохотно признавая Польшу частью Российской империи, они воспринимали ее как чуждое им государственное образование или как покоренный народ [Ващенко, 2000, с. 97].

Следует подчеркнуть, что, несмотря на неприятие русской общественностью официального дискурса правительства в польском вопросе, пресса на протяжении 1814—1818 годов остается неизменной в своем направлении: прославление царя как национального государя Царства Польского, главной целью которого является благоденствие его новых подданных. В таком контексте показательнее всего возникновение тайных обществ с целью противостоять пропольским настроениям императора. Как отмечает А. Мазур, внутренняя борьба, приведшая к событиям сентября 1817 года, а именно к известному Московскому заговору декабристов с целью убийства императора, разворачивалась на фоне новостей о даровании Польше конституции [Mazour, 1937, p. 71; см. также Belousov, 2018].

По причине отсутствия в российской и зарубежной прессе постоянных и крупных публикаций о дебатах в польском сейме и внутриполитической ситуации в Царстве большинство представителей российского общества не обладали достаточным пониманием особенностей практической реализации конституционных порядков. Россия и Европа, напротив, были полностью поглощены созданной Александром I и утвержденной средствами массовой информации концепцией Царства Польского.

CC BY

Речь, произнесенная в день открытия сейма в 1818 году, стала кульминационным пунктом либерального пути и преобразовательных стремлений императора Александра I. Она была предметом повышенного внимания издателей, в чем, конечно, проявилась и правительственная политика. Такое стремление сделать речь предметом самой широкой гласности свидетельствует о попытке императора узнать общественное мнение касательно введения в Российской империи конституции. И попытка оправдала себя — после закрытия польского сейма передовая часть русского общества дала оценку варшавской речи. Актуализировались как либеральные, так и национально-патриотические круги российского общества. С этого момента наблюдается подчеркнутая иллюзорность идеи царя по созданию Царства Польского, что выражается в систематическом нарушении прав, дарованных конституцией, а также в формировании реакции русского и польского обществ.

4. Заключение

После завершения Наполеоновских войн Александр I, стремясь достичь поставленных внешнеполитических задач, обращается к идее независимого польского государства. Идея Царства Польского как умозрительная концепция становится самостоятельным актором в политическом дискурсе Европы. В восприятии образа императора Александра I и его политики относительно Польши наблюдается существенное различие в первые годы после присоединения этих земель, в так называемый «конституционный период», и в последние годы правления, часто именуемые «периодом реакции». Объясняется это, по мнению американского историка А. Левака, сложностью одновременного управления двумя кардинально различными государственными образованиями с особенным политическим устройством [Lewak, 1930, p. 351]. Представленный материал дает возможность скорректировать данную точку зрения. Александр I с самых первых дней вхождения Польши в состав империи придерживался практических принципов реализации своего политического курса. Он не видел необходимости претворять в жизнь все провозглашенные либеральные начала. Но неожиданно для российского императора французская пресса создала вокруг него ореол царя-освободителя — польского национального государя, вернувшего измученному народу свободу в виде конституционного правления. Данная риторика была поддержана и многократно усилена в российской периодике в силу отсутствия должной свободы слова. Редакции журналов и газет, даже желая обойти цензуру, всецело следовали за французским политическим дискурсом, оказываясь тем самым в ловушке. Постоянное муссирование в информационном поле ложного образа и ложных интерпретаций курса российского самодержавия в Польше вско-

CC BY

лыхнули как либеральные, так и консервативные круги. Общество не могло понять причину дарования конституции и определенной самостоятельности полякам, которые ранее находились в равном положении с другими народами империи. Либеральная риторика прессы загнала российскую монархию в тупик вместо образования желаемого общественного консенсуса в польском вопросе. Политика Александра I с каждым годом все больше расходилась с реальным положением дел и в конечном счете стала одним из факторов возникновения тайных обществ декабристов.

Источники

1. *Вестник* Европы, 1814—1818 гг.
2. *Дух* журналов. 1818 г.
3. *Московские* ведомости. 1815.
4. *Московские* ведомости. 1818 г.
5. *Остафьевский* архив князей Вяземских. Т. 1. — Санкт–Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. — 735 с.
6. *Санкт-Петербургские* ведомости. 1815.
7. *Санкт-Петербургские* ведомости. 1818 г.
8. *Северная* почта, или Новая Санкт-Петербургская газета, 1814—1815, 1818 гг.
9. *Сын* отечества. 1815 г.

Литература

1. *Аскенази Ш.* Царство Польское (1815—1830) / Ш. Аскенази. — Москва : Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. — 169 с.
2. *Ващенко А. В.* Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи 1815–1830 гг. : диссертация … кандидата юридических наук : 12.00.01 / А. В. Ващенко. — Москва : 2000. — 182 с.
3. *Давыдов М. В.* Оппозиция его величества / М. В. Давыдов. — Москва : Зебра Е, 2005. — 352 с. — ISBN 5-94663-197-7.
4. *Зак Л. А.* Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи / Л. А. Зак. — Москва : Международные отношения, 1966. — 376 с.
5. *Из истории* общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII — 70-е годы XIX в.) / отв. ред. С. М. Фалькович. — Москва : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. — 255 с. — ISBN 5-7576-0009-8.
6. *Краткая* история Польши : с древнейших времен до наших дней / отв. редактор В. А. Дьяков. — Москва : Наука, 1993. — 528 с. — ISBN 5-02-010035-8.
7. *Лохвицкий А. В.* Обзор современных конституций : XVIII — первая половина XIX века. Швейцария, Франция, Германия, Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Польша. Книга 1. Выпуск № 82. / А. В. Лохвицкий. — Москва : URSS, 2017. — 280 с. — ISBN 978-5-9710-4121-4.
8. *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С. В. Мироненко. — Москва : Наука, 1989. — 240 с. — ISBN 5-02-009540-0.
9. *Николай Михайлович (вел. кн.).* Император Александр I : опыт исторического исследования. / перед. загл. : Великий князь Николай Михайлович. — Санкт-Петербург : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1912. — 636 с.

10. *Обушенкова Л. А.* Королевство Польское в 1815—1830 гг. : экономическое и социальное развитие / Л. А. Обушенкова. — Москва : Наука, 1979. — Т. I. — 295 с.

11. *Ольшанский П.* Декабристы и польское национальное освободительное движение / П. Ольшанский. — Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1959. — 226 с.

12. *Польша* и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815—1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. — Москва : Индрик, 2010. — 584 с. — ISBN 978-5-91674-087-5.

13. *Рей М. П.* Венский конгресс как инструмент выработки новых дипломатических норм и обычаев / М. П. Рей // Россия и современный мир. — 2017. — № 4. — С. 31—44. — DOI: 10.31249/rsm/2017.04.03.

14. *Щеголев С. И.* Александр I и польская конституция 1815 года / С. И. Щеголев // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. — 2014. — № 12. — С. 79—87.

15. *Хобсбаум Э.* Век революций, 1789—1848 / Э. Хобсбаум. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. — 480 с. — ISBN 5-222-00614-X.

16. *Belousov M. S.* Moscow Conspiracy of the Decembrists / M. S. Belousov // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2018. — Т. 63. — Выпуск 1. — С. 29—40. — DOI: 10.21638/11701/ spbu02.2018.102.

17. *Belousov M. S.* The beginning of congress Poland in the discourse of the French press / M. S. Belousov, A. S. Belousov // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2019. — Т. 64. — Выпуск 4. — С. 1195—1212. — DOI: 10.21638/11701/ spbu02.2019.402.

18. *Hetnal A.* The polish right and the question of national independence in Russian Poland (1815—31). The case of General Augustin Słubicki / A. Hetnal // The Polish Review. — 1986. — Vol. 31, № 1. — Pp. 13—25.

19. *Jarrett M.* No Sleepwalkers : the Men of 1814/15. Bicentennial Reflections on the Congress of Vienna and its Legacy / M. Jarrett // Journal of Modern European. — 2015. — Vol. 13, № 4. — Pp. 429—438.

20. *Lewak A.* The Polish Rising of 1830 / A. Lewak // The Slavonic and East European Review. — 1930. — Vol. 9, № 26 (December). — Pp. 350—360.

21. *Mazour A. G.* First Russian revolution 1825. The Decembrist movement. Its origins, development and significance / A. G. Mazour. — Stanford, California : Stanford University Press, 1937. — 342 p.

22. *Mocha F.* The Karamzin-Lelewel Controversy / F. Mocha // Slavic Review. — 1972. — Vol. 31, № 3. — Pp. 592—610.

23. *Morley C.* Alexander I and Czartoryski : The Polish Question from 1801 to 1813 / C. Morley // The Slavonic and East European Review. — 1947. — Vol. 25, № 65 (April). — Pp. 405—426.

24. *Strakhovsky L.* Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy toward National Minorities / L. Strakhovsky // The Journal of Modern History. — 1941. — Vol. 13, № 4 (December). — Pp. 467—492.

25. *Thackeray F.* N. N. Novosil'tsov, the Polish years / F. Thackeray // The Polish Review. — 1983. — Vol. 28, № 1. — Pp. 32—46.

26. *Zawadzki W. H.* Russia and the Re-Opening of the Polish Question, 1801—1814 / W. H. Zawadzki // The International History Review. — 1985. — Vol. 7, № 1. — Pp. 19—44.

Material resources

Bulletin of Europe. (1814—1818). (In Russ.).
Moscow Vedomosti. (1815). (In Russ.).
Moscow Vedomosti. (1818). (In Russ.).
Northern Post Office, or the New St. Petersburg Newspaper. (1814—1815, 1818). (In Russ.).
Ostafyevsky archive of the princes of Vyazemsky, 1. (1899). Saint Petersburg: Stasyulevich's Printing House. 735 p. (In Russ.).
Saint-Petersburg vedomosti. (1815). (In Russ.).
Saint-Petersburg vedomosti. (1818). (In Russ.).
Son of the fatherland. (1818). (In Russ.).
The spirit of magazines. (1818). (In Russ.).

References

A brief history of Poland: from ancient times to the present day. (1993). Moscow: Nauka. 528 p. ISBN 5-02-010035-8. (In Russ.).
Askenazi, Sh. (1915). *The Kingdom of Poland (1815—1830).* Moscow: Publishing house of Writers in Moscow. 169 p. (In Russ.).
Belousov, M. S. (2018). Moscow Conspiracy of the Decembrists. *Bulletin of the Saint Petersburg University. History, 63 (1):* 29—40. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.102.
Belousov M. S., Belousov, A. S. (2019). The beginning of congress Poland in the discourse of the French press. *Bulletin of the Saint Petersburg University. History, 64 (4):* 1195—1212. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.402.
Davydov, M. V. (2005). *Opposition of his Majesty.* Moscow: Zebra E. 352 p. ISBN 5-94663-197-7. (In Russ.).
From the history of social thought of the peoples of Central and Eastern Europe (the end of the XVIII — 70s of the XIX century). (1995). Moscow: Institute of Slavic Studies and Balkanistics of the Russian Academy of Sciences. 255 p. ISBN 5-7576-0009-8. (In Russ.).
Hetnal, A. (1986). The polish right and the question of national independence in Russian Poland (1815—31). The case of General Augustin Słubicki. *The Polish Review, 31 (1):* 13—25.
Hobsbawm, E. (1999). *The Age of Revolutions, 1789—1848.* Rostov-on-Don: Fenisk. 480 p. ISBN 5-222-00614-X. (In Russ.).
Jarrett, M. (2015). No Sleepwalkers: the Men of 1814/15. Bicentennial Reflections on the Congress of Vienna and its Legacy. *Journal of Modern European, 13 (4):* 429—438.
Lewak, A. (1930). The Polish Rising of 1830. *The Slavonic and East European Review, 9 (26):* 350—360.
Lokhvitsky, A. V. (2017). *Review of modern constitutions: XVIII — the first half of the XIX century. Switzerland, France, Germany, Sweden, Norway, Denmark, Finland, Poland, 1 (82).* Moscow: URSS. 280 p. ISBN 978-5-9710-4121-4. (In Russ.).
Mazour, A. G. (1937). *First Russian revolution 1825. The Decembrist movement. Its origins, development and significance.* Stanford, California: Stanford University Press. 342 p.
Mironenko, S. V. (1989). *Autocracy and reforms. Political struggle in Russia at the beginning of the XIX century.* Moscow: Nauka. 240 p. ISBN 5-02-009540-0. (In Russ.).

CC BY

Mocha, F. (1972). The Karamzin-Lelewel Controversy. *Slavic Review, 31 (3):* 592—610.

Morley, C. (1947). Alexander I and Czartoryski : The Polish Question from 1801 to 1813. *The Slavonic and East European Review, 25 (65):* 405—426.

Nikolai Mikhailovich (great book). (1912). *Emperor Alexander I: the experience of historical research, I.* Saint Petersburg: Expedition of procurement of state papers. 636 p. (In Russ.).

Obushenkova, L. A. (1979). *The Kingdom of Poland in 1815—1830: economic and social development.* Moscow: Nauka. 295 p. (In Russ.).

Olshansky, P. (1959). *Decembrists and the Polish National Liberation movement.* Moscow: Publishing house of socio-economic literature. 226 p. (In Russ.).

Poland and Russia in the first third of the XIX century. From the History of the Autonomous Kingdom of Poland 1815—1830. (2010). Moscow: Indrik. 584 p. ISBN 978-5-91674-087-5. (In Russ.).

Rey, M. P. (2017). The Vienna Congress as a tool for developing new diplomatic norms and customs. *Russia and the modern world, 4:* 31—44. DOI: 10.31249/rsm / 2017.04.03. (In Russ.).

Shchegolev, S. I. (2014). Alexander I and the Polish Constitution of 1815. In: *Proceedings of the Department of History of Modern and Modern Times, 12:* 79—87. (In Russ.).

Strakhovsky, L. (1941). Constitutional Aspects of the Imperial Russian Government's Policy toward National Minorities. *The Journal of Modern History, 13 (4):* 467—492.

Thackeray, F. (1983). N. N. Novosil'tsov, the Polish years. *The Polish Review, 28 (1):* 32—46.

Vashchenko, A. V. (2000). *The legal status of the Kingdom of Poland as part of the Russian Empire 1815—1830.* PhD Diss. Moscow. 182 p. (In Russ.).

Zak, L. A. (1966). *Monarchs against the peoples. Diplomatic struggle on the ruins of the Napoleonic Empire.* Moscow: International relations. 376 p. (In Russ.).

Zawadzki, W. H. (1985). Russia and the Re-Opening of the Polish Question, 1801—1814. *The International History Review, 7 (1):* 19—44.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Бессилин Н. А. Р. А. Маслов о франко-бургундских отношениях второй половины XV века / Н. А. Бессилин, Г. Ф. Санжарова // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 328—346. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-328-346.

Bessilin, N. A., Sanzharova, G. F. (2021). R. A. Maslov on Franco-Burgundian Relations in Second Half of the 15th Century. *Nauchnyi dialog, 3:* 328-346. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-328-346. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-328-346

Р. А. Маслов о франко-бургундских отношениях второй половины XV века

Бессилин Николай Анатольевич [1]
orcid.org/0000-0001-5459-6995
кандидат исторических наук, доцент
bessna-1958@mail.ru

Санжарова Галина Федоровна [2]
orcid.org/0000-0002-0557-9192
исследователь
h.sanzharova@kubg.edu.ua

[1] федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный университет»
(Уфа, Россия)

[2] (Киев, Украина)

R. A. Maslov on Franco-Burgundian Relations in Second Half of the 15th Century

Nikola A. Bessilin [1]
orcid.org/0000-0001-5459-6995
PhD in History, Associate Professor
bessna-1958@mail.ru

Galina F. Sanzharova [2]
orcid.org/0000-0002-0557-9192
Researcher
h.sanzharova@kubg.edu.ua

[1] Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bashkir State University”
(Ufa, Russia)

[2] (Kiev, Ukraine)

© Бессилин Н. А., Санжарова Г. Ф., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается характеристика франко-бургундских отношений второй половины XV века в работах Р. А. Маслова. Отмечается, что исследовательская проблематика не нуждается в дополнительной актуализации: изучаемое время было переломным моментом в истории Франции, заключительным этапом образования централизованного государства. Показано, что опыт многолетней работы Р. А. Маслова подтвердил выводы о том, что в течение нескольких десятилетий правления Людовика XI были достигнуты значительные успехи по созданию современного французского государства, заложены основы для экономического и политического объединения ее территории, для укрепления культурной и языковой общности населения и, соответственно, обеспечены условия для формирования французской нации. Подчеркивается внимание Р. А. Маслова к тому, что важнейшей предпосылкой для формирования нации являлось достижение политического единства страны, осуществлявшегося на основе создания ее экономической общности. Указывается, что в исследованиях Маслов аргументирует точку зрения, согласно которой ожесточенная борьба за ликвидацию феодальной раздробленности отражала процесс экономической консолидации отдельных регионов страны в единое целое и создания общефранцузского внутреннего рынка.

Ключевые слова:
Р. А. Маслов; Людовик XI; Бургундия; Валуа; Карл Смелый; апанаж; пэрство; сословия; дворянство; города.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The characteristic of the Franco-Burgundian relations of the second half of the 15th century in the works of R. A. Maslov is considered. It is noted that the research problem does not need additional actualization: the time under study was a turning point in the history of France, the final stage in the formation of a centralized state. It is shown that the experience of many years of work of R. A. Maslov confirmed the conclusions that during several decades of the reign of Louis XI significant success was achieved in creating a modern French state, the foundations were created for the economic and political unification of its territory, for the cultural and linguistic community of the population and, accordingly, conditions are provided for the formation of the French nation. The attention of R. A. Maslov to the fact that the most important prerequisite for the formation of a nation was the achievement of political unity of the country, carried out on the basis of the creation of its economic community. It is indicated that in his studies Maslov argues the point of view according to which the fierce struggle for the elimination of feudal fragmentation reflected the process of economic consolidation of individual regions of the country into a single whole and the creation of an all-French internal market.

Key words:
R. A. Maslov; Louis XI; Burgundy; Valois; Karl the Bold; appanage; peerage; estates; nobility; cities

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(44).027+929Людовик(44)11

Р. А. Маслов о франко-бургундских отношениях второй половины XV века

© Бессилин Н. А., Санжарова Г. Ф., 2021

1. Введение

Рудольф Александрович Маслов (27.03.1925—29.01.1996) один из самых ярких и популярных преподавателей исторического факультета (сейчас «Института истории и государственного управления») Башкирского государственного университета. Он проработал на историческом факультете более сорока лет — с ноября 1951 по июнь 1992 года. Согласно воспоминаниям его жены Г. Н. Рюминой, учеников и коллег Н. А. Бессилина, Б. Н. Лаптева, А. А. Евдокимовой, Ю. В. Лукиянова, Р. К. Хабибуллина, он один из лучших лекторов за всю историю исторического образования в Башкортостане, талантливый педагог и цельный, порядочный, высококультурный человек [Бессилин 2005b; Бессилин, 2009, с. 115—122; Лаптев, 2015, с. 3—17]. Его оригинальные идеи, выраженные в научных статьях и лекциях, тщательно и веско аргументированные, вызывали живой интерес и, безусловно, имели заметный научный резонанс. Вклад Р. А. Маслова в освещение истории присоединения к Франции Прованса и Бретани отмечал О. Л. Вайнштейн [Вайнштейн, 1968, с. 272]; статьи о присоединении к французскому королевству Бургундии также получили признание в отечественной историографии [Далин, 1981, с. 269]. Многие положения статей уфимского историка актуальны и сегодня [Вербовский и др., 2017, с. 14; Доронина, 2004, с. 7—8; Доронина, 2002, с. 174—175].

С начала научной деятельности Р. А. Маслова занимала проблема заключительного этапа образования централизованного государства во Франции (в 50 годах XX века проблематика формирования французской государственности активно разрабатывалась в отечественной историографии [Вайнштейн, 1968; Горбачева, 1955; Затуловская, 1950; История, 1972; Маслов, 1987]). Таким переломным моментом в истории Франции была вторая половина XV века. В течение нескольких десятилетий этого периода были достигнуты решающие успехи в деле объединения страны, заложены основы экономического и политического единства ее территории, языковой и культурной общности ее населения и тем самым созданы условия для формирования французской нации. Одной из важнейших предпосылок для формирования нации являлось достижение политического единства страны, происходившего на основе создания экономической общности.

CC BY

Отражением этого процесса экономической консолидации отдельных областей и районов страны в единое целое и создания обще-французского внутреннего рынка являлась и ожесточенная борьба за ликвидацию феодальной раздробленности.

Эту стержневую проблему для научных исследований, видимо, предложил Рудольфу Александровичу его научный руководитель по кандидатской диссертации Борис Федорович Поршнев (1905—1972).

Б. Ф. Поршнев — противоречивая личность [Кондратьев, 2020], но при этом талантливый и яркий советский историк, участник многих научных дискуссий, автор разнообразных по тематике трудов по истории народных движений во Франции XVII века, истории международных отношений раннего Нового времени, истории социалистических идей, по социальной психологии, антропологии, теории науки, доктор исторических и философских наук, лауреат Государственной премии СССР. Судя по воспоминаниям самого Рудольфа Александровича и по письмам Б. Ф. Поршнева к нему, Борис Федорович очень внимательно относился к первым шагам в науку своего аспиранта, а Маслов был в курсе творческих дел и планов своего научного руководителя [Бессилин, 2005а, с. 7]. Именно с благословения Б. Ф. Поршнева центральной проблемой научных изысканий Р. А. Маслова на долгие годы стала проблема завершения централизации во Франции во второй половине XV века — присоединение к короне последних полунезависимых феодальных княжеств: Бретани, Прованса, Бургундии, Анжу. К октябрю 1951 года, когда Рудольф Александрович должен был закончить аспирантуру, текст диссертации на тему «Присоединение Бретани к Франции» был уже готов. 9 апреля 1952 года в МГУ имени Ломоносова состоялась успешная защита, и 2 июня 1952 года решением совета Р. А. Маслову присвоена ученая степень кандидата исторических наук [Маслов, 1951].

2. «Бургундская составляющая» в научном наследии Р. А. Маслова. Французская монархия и бургундский город — союз или противостояние: центробежные и центростремительные тенденции в отношениях

На рубеже 60—70-х годов XX века научный интерес Р. А. Маслова сместился в сторону Бургундии. Герцогство Бургундское — пэрство Франции, герцоги — представители идущей от Иоанна II Доброго ветви королевского дома Валуа, их владения — историческое пограничье королевства. Удачная матримониальная политика способствовала расширению владений герцогского дома настолько, что его члены становятся Великими герцогами Запада и начинают подумывать о создании из конгломерата своих владений собственного королевства. Поэтому в этатическом исто-

CC BY

риописании присоединение Бургундии признается важнейшим моментом в формировании единого централизованного французского государства [Heers, 1999]. Именно проблеме присоединения бургундского герцогства, «противостоянию» герцога Бургундии Карла Смелого и французского короля Людовика XI посвящена основная часть научных работ Р. А. Маслова [Бессилин, 2005а, с. 5—6]. Он рассматривает состояние франко-бургундских торговых связей в 60—70-х годах XV века, отношение бургундского дворянства и бургундских городов к борьбе Людовика XI за присоединение Бургундии, отношение к этому политических сил самой Франции, реакцию на франко-бургундскую борьбу со стороны международных акторов, время и характер присоединения Бургундии, как эти события воспринимаются современниками [Маслов, 1984].

Свои исследования по истории франко-бургундских отношений второй половины XV века Р. А. Маслов начал с экономической составляющей присоединения Бургундии к Франции, помогающей глубже понять причины присоединения герцогства и мотивы антифранцузских выступлений в 1477—1478 годах во многих бургундских городах, находящихся в давних и интенсивных торговых связях с городами королевства [Маслов, 1970, с. 110—134]. Внимательное рассмотрение истории франко-бургундских торговых связей показало тенденцию к их замедлению, особенно после 1470 года, хотя говорить о полном прекращении франко-бургундской торговли нельзя. Определенный спад в торговых связях Маслов объясняет не только экономической политикой королевского и бургундского дворов, но и в значительной степени почти беспрерывными военными кампаниями и сопровождающими их грабежами сельского и городского населения, которые были характерны для 70–х годов в пограничных областях Бургундии и Франции. Окончательный вывод статьи таков: характер торговых отношений в целом между Бургундией и Францией 60—70 годов XV века был неблагоприятен для развития экономических связей между ними, что не могло содействовать успехам в деле их сплочения и объединения. В рамках вопроса об экономических причинах и предпосылках присоединения Бургундии лежит и история политики короля в отношении бургундских городов [Маслов, 1974, с. 102—148].

В целом у Р. А. Маслова не вызывает сомнения стремление королевской власти установить и всемерно поддерживать контакты с бургундскими городами, используя для этого всевозможные каналы и средства. «Возможности для налаживания тесных связей с городами герцогства <…> у короля были весьма ограничены, ибо Бургундия была вполне самостоятельным княжеством. Поэтому все попытки короля использовать права верховного сюзерена и сеньора по отношению к бургундскому герцогу наталкивались на

CC BY

решительное и успешное противодействие со стороны последнего. В такой обстановке королевская власть в целях привлечения на свою сторону горожан герцогства начинает проводить политику заигрывания с ними, политику разного рода поблажек, уступок и обещаний» [Там же, с. 105]. Но даже в тех случаях, когда взаимопонимание и добрые отношения между бургундскими городами и королевской властью имели место, они не были безоговорочными и абсолютными. Осторожность и даже настороженность со стороны бургундских городов в отношении планов и намерений королевской власти Маслов объясняет рядом причин: вторжение французских войск на территорию герцогства; грабежи военных и разрушения, чинимые ими; конфликты и постоянные трения в области франко-бургундской торговли; опасения населения за свои муниципальные права и привилегии. «Несмотря на указанные неблагоприятные моменты во взаимоотношениях бургундских городов и королевской власти, бюргерство герцогства после гибели Карла Смелого (нач. янв. 1477 г.) высказалось через своих представителей на штатах Бургундии за признание Людовика XI своим законным государем» [Там же, с. 118].

Изъявление покорности городами не было безоговорочным и абсолютным. Король осознавал сложность ситуации в герцогстве и не возлагал особо больших надежд на мирный исход дела. Автор отмечает проявления недоброжелательства к французам со стороны горожан Бургундии и о росте недовольства в их среде политикой королевских губернаторов в герцогстве. Обстановка в городах накалилась настолько, что уже к лету 1477 года возникла очевидная возможность вооруженных выступлений. В 1477—1478 годах большинство городов Бургундии приняли участие в вооруженных восстаниях. Маслов категорически отвергает господствующую в предшествующей историографии точку зрения на причину городских восстаний в Бургундии, которая сводилась к выпячиванию подстрекательской деятельности Жана де Шалон (принца Оранского). Причины вооруженных выступлений в бургундских городах, по его мнению, были гораздо шире и глубже, они были ответной реакцией на политику королевской власти в герцогстве после его присоединения. А мятеж Шалона он рассматривает лишь как удобный повод, облегчающее обстоятельство для самих восстаний. «И лишь в ходе их устанавливаются реальные (правда, довольно непрочные) связи между этими двумя во многом самостоятельными движениями» [Там же, с. 126]. Смысл и характер городских восстаний в городах Бургундии (Дижон, Бон, Семюр, Шатийон, Серр, Шалон, Макон и др.), по мнению ученого, легко поддаются расшифровке, так как источники вполне ясны: главное направление борьбы населения городов нацелено на сопротивление королевской власти. Обстановка в некоторых городах герцогства оставалась неспокойной и тревожной вплоть до конца 1480 года.

CC BY

Таким образом, по мнению Р. А. Маслова, отношения короля Людовика XI с бургундскими городами в 60—70 годах XV века не были безоблачными, что, впрочем, отражало и общую тенденцию непростых отношений королевской власти с городами и в других землях Франции, где городской сепаратизм и стремление сохранить независимость от центрального правительства проявили себя с особой силой в 70—80 годах XV века, на завершающем этапе создания централизованной монархии. Более того, Р. А. Маслов пришел к выводу об ошибочности тезиса о том, что именно союз королевской власти со средневековыми городами имел решающее значение для присоединения последних отдельных княжеств к Франции, в то время как дворянство не было в этом заинтересовано. Он говорит и о том, что факты городского сепаратизма были во многих странах, хотя имели разную степень напряженности и остроты, то есть это явление было закономерным для феодального мира Европы того времени. Здесь также можно вспомнить непростые отношения некоторых русских городов (в том числе Новгорода) с центральной властью в XV—XVI веках. Эту борьбу за «автономию» от центра он связывает и со слабостью внутренних рыночных контактов между провинциями, областями государства, стремлением городов сохранить свои муниципальные права и привилегии и т. п. [Маслов, 1969, с. 223—231].

3. Причины сближения бургундского дворянства и французской короны в работах Р. А. Маслова. Политические, дипломатические и военные усилия Людовика XI по присоединению Бургундии

Помимо политики «заигрываний» с бургундскими городами, с момента прихода к власти Людовик XI начинает активно налаживать связи и с различными прослойками бургундских феодалов [Маслов, 1972, с. 47—73]. Эта тенденция на сближение значительной части бургундских феодалов с королевской властью заметно усиливается в конце 1467 — начале 1468 годов. И еще до 1477 года (то есть до официального провозглашения присоединения герцогства к Франции) значительная часть бургундского дворянства тайно или явно симпатизировала политике французского монарха [Асейнов, 2014, с. 83—93; Асейнов, 2019, с. 246—249]. Исследователь высказывает предположение, что и со стороны духовных феодалов король не встретил оппозиции, так как после воцарения в герцогстве он не произвел каких-то заметных перемещений в их среде [Санжаров, 2017a, с. 182—192; Санжаров, 2017b, с. 88—99]. Но «… было бы неверно утверждать, что все феодалы поголовно поддерживали королевскую политику в герцогстве и добровольно признали его власть после гибели последнего герцога Бургундии Карла Смелого. Против короля и в защиту прав дочери

CC BY

и наследницы бургундского герцога Марии выступила “бургундская партия”» [Маслов, 1972, с. 59—60]. Причина неудачи ее деятельности заключалась, по мнению Р. А. Маслова, в слабой поддержке со стороны местных феодалов, основная масса которых поддерживала политику короля, направленную на включение герцогства в состав Франции. Прокоролевские настроения у основной массы бургундского дворянства, их стремление установить более тесные связи с Людовиком XI автор объясняет целым рядом факторов:

а) королевская власть в обстановке внутренних смут и распрей стала для рядовых феодалов центром, который был в состоянии защитить их от внешнего врага и друг от друга;

б) характер вассально-ленной системы в XV веке становится чрезвычайно сложным и запутанным, то есть нередко феодал стал иметь не одного, а двух и более сеньоров;

в) многие бургундские феодалы имели не только лены, полученные от своего герцога, но и поместья, врученные им королем и расположенные на территории Франции;

г) кроме земельных владений, бургундские феодалы получали от французского короля государственные посты и церковные саны, пенсии, денежные подарки и пр.

Таким образом, королю Людовику XI в основном удалось заручиться поддержкой многих горожан и дворян, самых активных социальных групп бургундского общества.

Борьба короля за присоединение Бургундии получила распространение и на территории собственно французского королевства: герцог Бургундии пытался сколотить против короля союзы с главами других феодальных княжеств Франции [Маслов, 1975, с. 80—111]. Опасные для единства королевства планы со стороны могущественного и честолюбивого «возлюбленного кузена» требовали от Людовика XI ума, дипломатической тонкости, решительности, изворотливости, больших расходов [Blanchard, 2015; Heers, 1999]. Решающую роль сыграли причины внутреннего порядка, а именно — отношение сословий королевства к присоединению герцогства. Р. А. Маслов не только показывает и объясняет позицию сословий, но одновременно ставит вопрос о мерах политического, дипломатического и военного характера, принятых Людовиком XI.

Пространство исследовательского интереса автора — территория герцогства Бургундия (южные владения герцогов Бургундии — апанаж короля), временные рамки — с конца 60 годов XV века (после смерти Филиппа Доброго в 1467 году, когда угроза потери Бургундии стала вполне реальной). Решительные действия молодого герцога Карла Смелого по сколачиванию

CC BY

анти-королевского союза с владетельными сеньорами Франции создавали угрозу ухода из-под королевской власти не только собственно герцогства Бургундии, но и других исконно французских территорий. Людовик XI был вынужден срочно искать «противоядие» политике Бургундского герцога. Подробно освещая многочисленные и разнообразные усилия королевской власти, Р. А. Маслов делает особый акцент на том, что королю приходилось прибегать не только к дипломатическим мерам, экономическим санкциям, но и к применению вооруженной силы в борьбе за изоляцию герцога Бургундии на внутриполитической арене Франции [Маслов, 1975, с. 96].

Историк пытается установить, от какой из сторон исходила инициатива вооруженной борьбы между королем и герцогом. На взгляд Маслова, отрицать и, более того, оправдывать антифранцузскую деятельность бургундских герцогов нет оснований. Нельзя также изображать бургундских герцогов в качестве конкурентов французских королей в объединении Франции. Правой во франко-бургундских столкновениях из-за герцогства Бургундия следует признать в данное время королевскую власть. Политика Людовика XI соответствовала историческим запросам времени, ибо была направлена на завершение процесса обще-французской консолидации. Деятельность Карла Смелого препятствовала этому, бургундские герцоги на протяжении многих лет противостояли центростремительным тенденциям в королевстве и выступали инициаторами большинства вооруженных столкновений. Королевская власть была вынуждена лавировать перед лицом этой опасности для того, чтобы избежать открытых конфликтов и войн с бургундцами и сохранить мир внутри Франции [Там же, с. 101]. Сам же французский королевский двор последовательно проводил политику сохранения мира с бургундским герцогом на внутриполитической арене Франции до его бесславной гибели при Нанси в начале января 1477 года. Р. А. Маслов утверждает, что инициатива мирных предложений и переговоров во франко-бургундских отношениях в основном исходила от короля.

В итоге Людовику XI удалось сокрушить «домашнего врага № 1» не своими руками, а силами своих союзников. Самый опасный враг обще-французского единства, в конце концов, сложил голову в борьбе со швейцарцами и герцогом Лотарингии. Гибель Карла Смелого привела к разделу бургундских владений, герцогство Бургундия вошло в состав централизованной французской монархии.

Рассмотрению взаимоотношений французского короля с теми землями, территорию которых частично или полностью предполагали аннексировать бургундские герцоги для создания соединительного «коридора» из Нидерландов в собственно Бургундию, Р. А. Маслов посвятил отдельную статью [Маслов, 1982]. Автор детально разбирает франко-имперские [Там

CC BY

же, с. 3—10], франко-лотарингские [Там же, с. 11—15] и франко-швейцарские [Там же, с. 17—30] взаимоотношения в свете бургундской проблемы. Источники (королевские указы, эпистолярный материал, исторические сочинения, хроники и др.) позволили детально осветить важнейшие события дипломатической борьбы французского двора, направленной на сохранение за собой бургундского апанажа.

Анализ источникового материала позволил Маслову сделать следующее заключение: Людовик XI успешно использовал в борьбе с Карлом Смелым международную обстановку, сначала изолировав его на внешнеполитической арене, а затем добив руками его врагов и своих союзников. Однако автор признает, что гибель Карла Смелого еще не привела автоматически к превращению бургундского герцогства в реальное достояние французского короля; этот процесс занял немало времени и решительных действий со стороны королевского двора [Там же, с. 33]. В предшествующей историографии «сложилось твердое убеждение, что герцогство было включено в состав Франции в 1477 г. и, что эта инкорпорация прошла в основном гладко и без каких-либо осложнений» [Там же, с. 3]. Р. А. Маслов, напротив, приходит к выводу, что реальным достоянием французской короны герцогство стало лишь к середине 1479 года, это стало возможным после длительных военных действий и было осуществлено в форме захвата, что, однако, не лишает данную акцию положительного исторического значения, так как объективно отражает процесс сложения централизованного национального государства на территории Франции.

В сфере исследовательских интересов Р. А. Маслова находятся также вопросы о законности или незаконности присоединения (как в рамках общественной жизни Франции и Бургундии, так и по отношению к интересам соседних государств), причинах, истории и значении вхождения Бургундии в состав Франции, об оценке деятельности французских королей и военно-политического потенциала королевской власти, об источниковой базе различных аспектов присоединения, морально-политическом значении акта вхождения, об оценке действий отдельных личностей, в первую очередь короля Людовика XI, о ментальных особенностях французского народа, об оценке методов действий сторон и другие вопросы, а также варианты их решения во французской и советской историографии [Маслов, 1984; Маслов, 1987; Маслов, 1988, с. 127—129; Маслов, 1989, с. 163—166].

4. Подходы к анализу королевского эпистолярия Людовика XI Р. А. Маслова и современной отечественной историографии

Источники играют первостепенную роль в статьях, спецкурсах и лекциях Маслова: Рудольфу Александровичу было присуще особое внимание

CC BY

к источниковой базе своих исследований. Разбирая материалы его научного наследия, Н. А. Бессилин и Е. А. Круглов подготовили к публикации статью своего учителя с анализом знаменитой переписки короля Людовика XI [Маслов, 2005, с. 7—14]. Работу отличает богатство содержания и тщательность исполнения. По мнению Р. А. Маслова, письма короля Людовика XI (1461—1483), человека, находящегося в самой гуще важнейших событий своего времени, — это документы первостепенной значимости, позволяющие охватить военно-дипломатические, социально-экономические, правовые аспекты присоединения Бургундии, реконструировать и уточнить ход конкретно-исторических событий, датировку и пр. [Там же, с. 8]. Стилистическая особенность писем — ярко выраженный личностный характер: часть написаны собственноручно Людовиком (автографы), другие были продиктованы (при этом сохранились обороты и стиль речи короля), а затем переписаны с черновиков (минут) и подписаны секретарем. По сути, переписка Людовика XI — история его правления, написанная им самим, рассказанная «от первого лица» [Lettres …, 1883—1908]. Р. А. Маслов убедительно демонстрирует все это в своей статье, правда, подчеркивая, что в ней обрисованы лишь те аспекты переписки, которые представляют наибольший интерес и занимают в ней значительное место. Письма Людовика XI как источник особенно важны, так как отечественными историками в данном аспекте они не привлекались. С. Л. Плешкова использовала «закрытые» письма Людовика для анализа его внешнеполитических (прежде всего апеннинских) стратегий: по ее расчетам, из 1394 писем, посвященных иностранным делам, 766 было направлено адресатам в Италии [Плешкова, 1992, с. 16—17]. В. А. Санжаров активно привлекал материал королевских писем для характеристики государственно-церковных отношений [Санжаров, 2017b, с. 92—93; Санжаров, 2019, с. 239—240]. С. К. Цатурова тщательно исследовала драматические перипетии взаимоотношений монарха с чиновным корпусом, нашедшие отражение в его переписке: она справедливо отмечает, что для предшествующих правлений таких писем ничтожно мало [Цатурова, 2012; Цатурова, 2020, с. 201—202]. Исследователь отмечает наличие двух противоположных подходов к письмам в современной зарубежной историографии [Цатурова, 2020, с. 201—202; Blanchard, 2015; Genet J.-P., 2020]. В настоящее время королевский эпистолярий наряду с документальными источниками активно используется для построения цифровой модели королевского итинерария [Гришин и др., 2020, с. 322—325; Санжаров, 2020; Филиппова и др., 2020, с. 141—146].

Как, согласно Р. А. Маслову, вырисовываются в переписке Людовика XI основные направления и пути королевской дипломатии, нацеленной на сокрушение своего самого опасного внутреннего врага — бургундских

CC BY

герцогов? Автор прослеживает эволюцию во взаимоотношениях Людовика-дофина и Людовика-короля с бургундским домом: она шла в направлении усиления напряженности и враждебности между ними. Переписка позволяет показать и роль, которую играл Карл Смелый (1467—1477) в истории Франции той поры. Королевская корреспонденция дает возможность проследить частично за деятельностью бургундского герцога по сколачиванию антикоролевских союзов и коалиций в первой половине 1470-х годов. Однако Рудольф Александрович подчеркивает, что не следует полностью доверять королевской переписке в этом вопросе, ибо в ней заметна тенденция всю вину за непримиримость и враждебность франко-бургундских отношений переложить на плечи бургундских герцогов и тем самым обелить короля [Маслов, 2005, с. 10].

Королевские письма позволяют судить и об основных внешнеполитических усилиях Людовика XI, которые связаны с желанием монарха «видеть государей Бургундии беспрерывно воюющими и планомерно добиваться этого путем приобретения себе союзников из числа наиболее непримиримых их врагов и ближайших соседей» [Там же], особенно с учетом планов создания обширного Бургундского королевства с границами от Северного моря до Средиземного. Такие планы вызывали законные опасения у многих государей, территории которых бургундские герцоги планировали изрядно сократить. Королевские письма отражают усилия парижского двора заполучить к себе в союзники герцога Лотарингии, швейцарцев, Священную Римскую империю, Милан. В конечном итоге Людовику XI удалось создать вокруг Бургундии довольно прочное вражеское кольцо, в котором и «задохнулись воинственные планы» бургундских государей [Там же, с. 11].

Политика французского двора по созданию социальной базы, опоры внутри герцогства путем привлечения симпатий отдельных групп и прослоек населения также нашла отражение в переписке Людовика XI, который постоянно интересовался положением дел в Бургундии. Он настойчиво налаживал связи с бургундским дворянством, в которых главным средством была раздача пенсий, земель, государственных постов и должностей. Король также небезуспешно пытался заручиться поддержкой со стороны чиновничества герцогства, хорошо знавшего систему управления, обычаи и порядки страны. Этим социальным группам бургундского общества в королевской переписке заметно уступают горожане, которые, как уже говорилось, поднялись на целый ряд восстаний против королевской власти. Видимо, взаимоотношения короля с бургундскими городами до 1477 года не были тесными и широкими. Последнее обстоятельство Маслов объясняет политикой короля, направленной на экономическую блокаду Бургундии, и частыми военными конфликтами с Францией. Тем не

CC BY

менее письма Людовика XI дают определенный материал и по политике короля в отношении бургундских городов, и по положению в них.

Анализ королевской корреспонденции позволил Маслову сделать выводы о том, что присоединение Бургундии к Франции происходило не столько добровольно, сколько с помощью военной силы [Там же, с. 12]; а реальное, фактическое включение бургундского герцогства в состав французской монархии произошло не в январе 1477 года, а значительно позднее [Там же, с. 13].

Таким образом, исследование Р. А. Масловым королевского эпистолярия не только позволило привлечь ценный фактический материал, проанализировать содержание переписки и аспекты франко-бургундских отношений, акцентируемые Людовиком XI, но и дало возможность уточнить или дополнить ранее сделанные выводы относительно сложных и многочисленных перипетий истории присоединения Бургундии к Франции во второй половине XV века.

5. Заключение

Предпринятый нами анализ работ уфимского медиевиста Рудольфа Александровича Маслова по истории включения в состав Франции в конце XV века самого могущественного и беспокойного феодального княжества показал основательность, глубину и широту подхода этого историка к исследованию сложного исторического периода завершения централизации французского королевства. Все рассмотренные статьи написаны хорошим литературным языком, основательно фундированы отечественной и зарубежной литературой, опираются на разнообразные источники и касаются самых существенных сторон поставленной проблемы. И хотя в качестве методологии активно используется марксизм, — с приматом экономической деятельности, социальной борьбы и т. д. (и, разумеется, отдельными терминологическими издержками, характерными для исторической науки времени написания этих работ), — однако мы видим как попытки его творческого применения, так и отказ от шаблонов и схем, когда они впрямую противоречат материалу источников. Ушел в прошлое марксизм, на смену этатическому топосу пришел исследовательский интерес к властным структурам и институтам [L'État, 2020], в том числе королевским и герцогским дворам, психологии личности и масс, семиотике власти. Значительно обогатилась палитра исследовательских методов. Но попытки выработать на базе общих подходов единые представления об историческом процессе вернули европейских историков к необходимости переосмысления достижений собственных национальных исторических школ. Пожалуй, не стоит и нам отказываться от доставшегося наследства, огульно обвинять сво-

CC BY

их предшественников, а нужно попытаться найти рациональное, важное в том, что они смогли увидеть и хотели понять.

Источники и принятые сокращения

1. *Маслов Р. А.* Присоединение Бретани к Франции : автореферат диссертации … кандидата исторических наук / Р. А. Маслов. — Уфа, 1951. — 15 с.

2. *Маслов Р. А.* О месте городского сепаратизма в процессе создания феодальной централизованной монархии во Франции второй половины XV в. / Р. А. Маслов // Вопросы истории : материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения К. Маркса. — Уфа : [б. и.], 1969. — С. 223—231.

3. *Маслов Р. А.* Состояние франко-бургундских торговых связей в 60—70-х годах XV века / Р. А. Маслов // Вопросы всеобщей истории. — Уфа : [б. и.], 1970. — С. 110—134.

4. *Маслов Р. А.* Отношение бургундских феодалов к борьбе королевской власти за присоединение герцогства Бургундии к Франции / Р. А. Маслов // Из истории Франции. — Уфа : [б. и.], 1972. — Выпуск 4. — С. 47—73.

5. *Маслов Р. А.* Людовик XI и города Бургундии / Р. А. Маслов // Из истории Франции. — Уфа : [б. и.], 1974. — Выпуск 5. — С. 102—148.

6. *Маслов Р. А.* Борьба правительства Людовика XI за герцогство Бургундия на внутриполитической арене Франции / Р. А. Маслов // Проблемы социально-политической истории античности и средневековья. — Уфа : [б. и.], 1975. — Выпуск 1. — С. 80—111.

7. *Маслов Р. А.* Из истории борьбы правительства Людовика XI за Бургундское герцогство на внешнеполитической арене : рук. деп. В ИНИОН АН СССР № 11717 от 06.12.82 / Р. А. Маслов. — Уфа : [б. и.], 1982. — 42 с.

8. *Маслов Р. А.* Хронисты и дворянско-церковные французские историки об основах присоединения Бургундского герцогства к Франции : рук. деп. В ИНИОН АН СССР № 16160 от 29.03.84 / Р. А. Маслов. — Уфа : [б. и.], 1984. — 39 с.

9. *Маслов Р. А.* О времени и характере присоединения герцогства Бургундского к Франции : рук. деп. В ИНИОН АН СССР № 20265 от 08.04.85 / Р. А. Маслов. — Уфа : [б. и.], 1985. — 46 с.

10. *Маслов Р. А.* Завершающий этап в создании феодальной централизованной монархии во Франции в советской историографии : рук. деп. В ИНИОН АН СССР № 29460 от 15.05.87 / Р. А. Маслов. — Уфа : [б. и.], 1987. — 24 с.

11. *Маслов Р. А.* О влиянии внешнеполитический обстановки на французскую историографию рубежа XIX—XX столетий присоединения Бургундии к Франции / Р. А. Маслов // Германская революция 1918—1919 годов и образование Коммунистической партии Германии : тезисы научной конференции. — Уфа : [б. и.], 1988. — С. 127—129.

12. *Маслов Р. А.* Историки дореволюционной России о характере правления Людовика XI / Р. А. Маслов // Германской Демократической Республике — 40 лет : тезисы научной конференции. — Уфа : [б. и.], 1989. — С. 163—166.

13. *Маслов Р. А.* Письма Людовика XI как источник по истории присоединения герцогства Бургундия к Франции / Р. А. Маслов // Вестник Башкирского университета. — 2005. — № 1. — С. 7—14.

14. *Lettres* de Louis XI, roi de France, publiées d'après les originaux pour la Société de l'histoire de France / éd. J. Vaesen, É. Charavay. — Paris : H. Laurens, 1883—1908. — 11 vols.

Литература

1. *Асейнов Р. М.* При дворе герцогов Бургундских. История, политика, культура XV века / Р. М. Асейнов. — Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2019. — 432 с. — ISBN 978-5-91244-244-5.

2. *Асейнов Р. М.* «Одряхлевшее дворянство» и «Община» : бургундские земли перед лицом французской агрессии в 1477 г. / Р. М. Асейнов // Вестник РГГУ. Серия. История, филология, культурология, востоковедение. — 2014. — № 13 (135). — С. 83—93.

3. *Бессилин Н. А.* История и историки : Р. А. Маслов (1925—1996) / Н. А. Бессилин // От древности к новому времени. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2005. — Выпуск 7. — С. 4—12.

4. *Бессилин Н. А*. Медиевисты кафедры всеобщей истории Башгосуниверситета — Рудольф Александрович Маслов (1925—1996) / Н. А. Бессилин // Modern history : Партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока. — Уфа : Башкирский государственный университет, 2005. — Выпуск IV. — Часть 1. — С. 5—8. — ISBN 5-7477-1210-1.

5. *Бессилин Н. А*. Из истории Башгосуниверситета. Рудольф Александрович Маслов и его уроки лекторского мастерства / Н. А. Бессилин // Археология. История. Культура : материалы межвузовской научной конференции, посвященной 60-летию доктора исторических наук, проф. М. Ф. Обыденнова. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. — С. 115—122.

6. *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики (1917—1966 гг.) / О. Л. Вайнштейн. — Ленинград : Наука, 1968. — 424 с.

7. *Вербовский А. В.* Проблемы истории Франции второй половины XV века в отечественной историографии / А. В. Вербовский, В. А. Санжаров // Донецкие чтения 2017. — Донецк : ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2017. — Т. 5. — С. 14—16.

8. *Горбачева Л. П.* Города на Сомме и борьба за политическое объединение Франции во вто-рой половине XV века : автореферат диссертации … кандидата исторических наук / Л. П. Горбачева. — Москва, 1955. — 20 с.

9. *Гришин Е. С.* Королевские итинерарии как исторический источник : на примере постоянных резиденций и маршрутов передвижений Людовика XI (1461—1483) / В. А. Санжаров, Е. С. Гришин // Источниковедение в современной медиевистике : сборник материалов Всероссийской научной конференции / отв. ред. И. Г. Коновалова, Е. Н. Кириллова. — Москва : ИВИ РАН, 2020. — С. 322—325. — ISBN 978-5-94067-516-7.

10. *Далин В. М.* Историки Франции XIX—XX веков / В. М. Далин. — Москва : Наука, 1981. — 328 с.

11. *Доронина Л. Л.* Людовик XI и его представления об обязанностях государя : по «Наставлениям» дофину Карлу : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.03 / Л. Л. Доронина. — Саратов, 2004. — 28 с.

12. *Доронина Л. Л.* Проблема взаимоотношений королевской власти и городов во Франции XIV—XV веков в освещении отечественной историографии / Л. Л. Доронина // Средневековый город: межвузовский научный сборник. — Саратов : [б. и.], 2002. — Выпуск 15. — С. 173—178.

13. *Затуловская Л. М.* Борьба королевской власти Франции за территориальное объединение страны (середина XV в.) : автореферат диссертации … кандидата исторических наук / Л. М. Затуловская. — Москва : МГУ им. Ломоносова, 1950. — 18 с.

14. *История* Франции : в 3-х томах / отв. ред. А. З. Манфред. — Москва : Наука, 1972. — Т. I. — 359 с.

15. *Кондратьев С. В.* А. Д. Люблинская versus Б. Ф. Поршнев : Что было не так в книге «Народные восстания во Франции перед Фрондой»? / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева // Французский ежегодник. — Москва : ИВИ РАН, 2020. — Т. 53. — С. 257—292.

16. *Лаптев Б. Н.* Расколдованный мир Р. А. Маслова / Б. Н. Лаптев // Государство и общество в Европе : проблемы становления и развития : сборник научных работ / отв. ред. Р. К. Хабибуллин. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. — С. 3—17. — ISBN 978-5-7477-3793-8.

17. *Плешкова С. Л.* Французская монархия и церковь (XV — середина XVI в) / С. Л. Плешкова. — Москва : МГУ, 1992. — 172 с. — ISBN 5-211-02211-4.

18. *Санжаров В. А.* Комплексная цифровая модель параллельных франко-бургундских итинериариев (Людовика XI, Филиппа Доброго и Карла Смелого) как инструмент изучения управленческих институтов, военно-политической и дипломатической активности / В. А. Санжаров // Исторические исследования в контексте науки о данных : информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. — Москва : МАКС Пресс, 2020. — С. 311—316.

19. *Санжаров В. А.* Новая парадигма государственно-церковных отношений : монарший топос и «метания» в церковной политике Людовика XI / В. А. Санжаров // Вызов времени : становление централизованных государств на Востоке и на Западе Европы в конце XV—XVII в. — Калуга : Калужский государственный институт развития образования, 2019. — С. 234—242.

20. *Санжаров В. А.* Церковная составляющая внутренней и внешней политики Людовика XI : ответы на вызовы времени / В. А. Санжаров // Гуманитарный вестник. — Горловка : Донецкий национальный университет, 2017. — № 3 (1). — С. 182—192.

21. *Санжаров В. А.* Амбуазский конкордат : папа, король и галликанская церковь / В. А. Санжаров // Гуманитарный вестник. — Горловка : Донецкий национальный университет, 2017. — № 4. — С. 88—97.

22. *Филиппова Е. Б.* Возможности статистической обработки формализованных данных на материале итинерария Людовика XI (1461—1483) / В. А. Санжаров, М. Р. Смагин, Е. Б. Филиппова // Мир Евразии : от древности к современности : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Р. Р. Тухватуллин. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. — Т. 1. — С. 141—146.

23. *Цатурова С. К.* Прелюдия к абсолютизму : переписка Людовика XI с верховными ведомствами короны Франции / С. К. Цатурова // На пути к государствам Нового времени : Запад и Восток Европы в конце XV—XVII веке / отв. ред. И. Н. Берговская, В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. — Калуга : Калужский государственный институт развития образования, 2020. — С. 198—221.

24. *Цатурова С. К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII—XV веков / С. К. Цатурова. — Москва : Наука, 2012. — 622 с. — ISBN 978-5-02-038019-6.

25. *Blanchard J.* Louis XI / J. Blanchard. — Paris : Perrin, 2015. — 371 p. — ISBN 978-2-262-04104-5.

26. *L'État* moderne : от патримониальной монархии к публично-правовой государственности в западноевропейском Средневековье (XII—XVII вв.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Н. А. Хачатурян // ЭНОЖ «История». — 2020. — Т. 11. — Выпуск 10 (96). — Режим доступа : https://history.jes.su/issue.2020.4.10.10-96/ (дата обращения 20.09.2020).

27. *Genet J.-P.* State and Symbolic Power : the Role of Clergy in the Governance of France and England (1429—1547) / J.-P. Genet // На пути к государствам Нового времени : Запад

и Восток Европы в конце XV—XVII веке / отв. ред. И. Н. Берговская, В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. — Калуга : Калужский государственный институт развития образования, 2020. — С. 427—454.

28. *Heers J.* Louis XI, le métier de roi / J. Heers. — Paris : Perrin, 1999. — 430 p. — ISBN 2262012334.

Material resources

Lettres de Louis XI, roi de France, publiées d'après les originaux pour la Société de l'histoire de France, 11. (1883—1908). Paris: H. Laurens. (In French).

Maslov, R. A. (1951). *Annexation of Brittany to France.* Author's of PhD Diss. Ufa: Bashkir State Pedagogical Institute named after K. A. Timiryazev. 15 p. (In Russ.).

Maslov, R. A. (1969). On the place of urban separatism in the process of creating a feudal centralized monarchy in France in the second half of the XV century. In: *History questionsi: materials of a scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of K. Marx.* Ufa: [b. i.]. 223—231. (In Russ.).

Maslov, R. A. (1970). The state of Franco-Burgundian trade relations in the 60-70s of the XV century. In: *Questions of Universal History.* Ufa: [b. i.]. 110—134. (In Russ.).

Maslov, R. A. (1972). The attitude of the Burgundian feudal lords to the struggle of royal power for the accession of the Duchy of Burgundy to France. *From the History of France, 4:* 47—73. (In Russ.).

Maslov, R. A. (1974). Louis XI and the cities of Burgundy. *From the History of France, 5*: 102—148. (In Russ.).

Maslov, R. A. (1975). The struggle of the government of Louis XI for the Duchy of Burgundy in the internal political arena of France. *Problems of socio-political history of antiquity and the Middle Ages, 1:* 80—111. (In Russ.).

Maslov, R. A. (1982). *From the history of the struggle of the government of Louis XI for the Duchy of Burgundy in the foreign policy arena: Ruk. dep. In the INION of the USSR Academy of Sciences № 11717 of 06.12.82.* Ufa: [b. i.]. 42 p. (In Russ.).

Maslov, R. A. (1984). *Chroniclers and noble-church French historians on the foundations of the accession of the Duchy of Burgundy to France: Ruk. dep. In the INION of the USSR Academy of Sciences № 16160 of 29.03.84.* Ufa: [b. i.]. 39 p. (In Russ.).

Maslov, R. A. (1985). *On the time and nature of the accession of the Duchy of Burgundy to France: Ruk. dep. In the INION of the USSR Academy of Sciences № 20265 of 08.04.85.* Ufa: [b. i.]. 46 p. (In Russ.).

Maslov, R. A. (1987). *The final stage in the creation of a feudal centralized monarchy in France in Soviet historiography: Ruk. dep. In the INION of the USSR Academy of Sciences № 29460 of 15.05.87.* Ufa: [b. i.]. 24 p. (In Russ.).

Maslov, R. A. (1988). On the influence of the foreign policy situation on the French historiography of the turn of the XIX—XX centuries of the accession of Burgundy to France. In: *The German Revolution of 1918—1919 and the formation of the Communist Party of Germany: Theses of the scientific conference.* Ufa: [b. i.]. 127—129. (In Russ.).

Maslov, R. A. (1989). Historians of pre-revolutionary Russia on the nature of the rule of Louis XI. In: *German Democratic Republic — 40 years: Theses of the scientific conference.* Ufa: [b. i.]. 163—166. (In Russ.).

Maslov, R. A. (2005). Letters of Louis XI as a source on the history of the accession of the Duchy of Burgundy to France. *Bulletin of the Bashkir University, 1:* 7—14. (In Russ.).

References

Aseynov, R. M. (2014). "Senile nobility" and "Community": Burgundian lands in the face of French aggression in 1477. *Vestnik RSUH. Series. History, philology, cultural studies, Oriental studies, 13 (135):* 83—93. (In Russ.).

Aseynov, R. M. (2019). *At the court of the Dukes of Burgundy. History, politics, culture of the XV century.* Moscow: Dmitry Pozharsky University. 432 p. ISBN 978-5-91244-244-5. (In Russ.).

Bessilin, N. A. (2005). History and historians: R. A. Maslov (1925—1996). *From ancient to modern times, 7:* 4—12. (In Russ.).

Bessilin, N. A. (2005). Medievalists of the Department of General History of the Bashgosuniversitet-Rudolf Aleksandrovich Maslov (1925—1996). *Modern history: Party-political, spiritual history and social movements in the countries of the West and East, IV (1).* Ufa: Bashkir State University. 5—8. ISBN 5-7477-1210-1. (In Russ.).

Bessilin, N. A. (2009). From the history of the Bashgosuniversitet. Rudolf Aleksandrovich Maslov and his lessons of lectorship. In: *Archeology. History. Culture. Materials of the interuniversity scientific conference dedicated to the 60th anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor M. F. Obydennov.* Ufa: RITS Bashgu. 115—122. (In Russ.).

Blanchard, J. (2015). *Louis XI.* Paris: Perrin. 371 p. ISBN 978-2-262-04104-5. (In French).

Dalin, V. M. (1981). *Historians of France of the XIX—XX centuries*. Moscow: Nauka. 328 p. (In Russ.).

Doronina, L. L. (2004). *Louis XI and his ideas about the duties of the sovereign: according to the "Instructions" to the Dauphin Karl.* Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 28 p. (In Russ.).

Doronina, L. L. (2002). The problem of relations between the royal power and cities in France of the XIV—XV centuries in the coverage of Russian historiography. *Medieval City. Interuniversity scientific collection, 15. S*aratov: [b. i.]. 173—178. (In Russ.).

Filippova, E. B., Smagin, M. R., Filippova, E. B. (2020). Possibilities of statistical processing of formalized data on the material of the itinerary of Louis XI (1461—1483). In: *The World of Eurasia: from antiquity to modernity: a collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, 1.* Ufa: RIC Bashgu. 141—146. (In Russ.).

Genet, J.-P. (2020). State and Symbolic Power: the Role of Clergy in the Governance of France and England (1429—1547). In: *On the way to the states of the New Time: West and East of Europe at the end of the XV—XVII century.* Kaluga: Kaluga State Institute of Education Development. 427—454. (In Russ.).

Gorbacheva, L. P. (1955). *Cities on the Somme and the struggle for the political unification of France in the second half of the XV century.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 20 p. (In Russ.).

Grishin, E. S., Grishin, E. S. (2020). Royal itinerarii as a historical source: on the example of permanent residences and routes of movements of Louis XI (1461—1483). In: *Source studies in modern Medieval Studies: A collection of materials of the All-*

Russian Scientific Conference. Moscow: IVI RAS. 322—325. ISBN 978-5-94067-516-7. (In Russ.).

Heers, J. (1999). *Louis XI, le métier de roi.* Paris: Perrin. 430 p. ISBN 2262012334. (In French).

Kondratev, S. V., Kondrateva, T. N. (2020). A. D. Lyublinskaya versus B. F. Porshnev: What was wrong in the book "Popular uprisings in France before the Fronde"? In: *French Yearbook, 53.* Moscow: IVI RAS. 257—292. (In Russ.).

Laptev, B. N. (2015). The enchanted world R. A. Maslova. In: *State and society in Europe: problems of formation and development: collection of scientific papers.* Ufa: RIC BASHGU. 3—17. ISBN 978-5-7477-3793-8. (In Russ.).

L'État moderne: from patrimonial monarchy to public-legal statehood in the Western European Middle Ages (XII—XVII centuries). (2020). *ENOGE "History", 11 10 (96).* Available at: https://history.jes.su/issue.2020.4.10.10-96 (accessed 20.09.2020). (In Russ.).

Pleshkova, S. L. (1992). *The French monarchy and the Church (XV — mid XVI century).* Moscow: MSU. 172 p. ISBN 5-211-02211-4. (In Russ.).

Sanzharov, V. A. (2017). Amboise concordat: the Pope, the King and the Gallican Church. *Humanitarian Bulletin, 4:* 88—97. (In Russ.).

Sanzharov, V. A. (2017). The Church component of the internal and foreign policy of Louis XI: the challenges of time. *Humanitarian Bulletin, 3 (1):* 182—192. (In Russ.).

Sanzharov, V. A. (2019). A New paradigm of Church-state relations: the Royal topos and "throwing" in the Church policy of Louis XI. In: *Call time: formation of centralized States in the East and in the West of Europe at the end of the XV—XVII century.* Kaluga. Kaluga state education development Institute. 234—242. (In Russ.).

Sanzharov, V. A. (2020). Complex digital model of parallel Franco-Burgundian itinerarii (Louis XI, Philip the Good and Charles the Bold) as a tool for studying managerial institutions, military-political and diplomatic activity. In: *Historical research in the context of data science: information resources, analytical methods and digital technologies.* Moscow: MAKS Press. 311—316. (In Russ.).

The history of France v 3 v., 1. (1972). Moscow: Nauka. 359 p. (In Russ.).

Tsaturova, S. K. (2012). *Formation of the Institute of Public Service in France of the XIII—XV centuries.* Moscow: Nauka. 622 p. ISBN 978-5-02-038019-6. (In Russ.).

Tsaturova, S. K. (2020). Prelude to absolutism: correspondence of Louis XI with the supreme departments of the Crown of France. In: *On the way to the states of the New Time: West and East of Europe at the end of the XV—XVII century.* Kaluga: Kaluga State Institute for the Development of Education. 198—221. (In Russ.).

Vainshtein, O. L. (1968). *History of Soviet Medieval Studies (1917—1966).* Leningrad: Nauka. 424 p. (In Russ.).

Verbovsky, A. V., Sanzharov, V. A. (2017). Problems of the history of France in the second half of the XV century in Russian historiography. *Donetsk Readings 2017, 5:* 14—16. (In Russ.).

Zatulovskaya, L. M. (1950). *The struggle of the royal power of France for the territorial unification of the country (mid — XV century).* Author's abstract of PhD Diss. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 18 p. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Валов Т. В. Влияние экономического кризиса 1998 года на динамику рыночных реформ и приватизационный процесс в России (на примере Санкт-Петербурга) / Т. В. Валов // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 347—362. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-347-362.

Valov, T. V. (2021). Impact of 1998 Economic Crisis on the Dynamics of Market Reforms and the Privatization Process in Russia (on the Example of St. Petersburg). *Nauchnyi dialog, 3:* 347-362. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-347-362. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-347-362

Влияние экономического кризиса 1998 года на динамику рыночных реформ и приватизационный процесс в России (на примере Санкт-Петербурга)

Валов Тимофей Васильевич
orcid.org/0000-0002-8887-9421
инженер-исследователь,
Институт истории
timofei.valov@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90010

Impact of 1998 Economic Crisis on the Dynamics of Market Reforms and the Privatization Process in Russia (on the Example of St. Petersburg)

Timofey V. Valov
orcid.org/0000-0002-8887-9421
research engineer, Institute of History
timofei.valov@yandex.ru

St. Petersburg State University

(St. Petersburg, Russia)

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-39-90010

© Валов Т. В., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется влияние финансового кризиса 1998 года на динамику рыночных реформ и приватизационный процесс в России и Санкт-Петербурге. Анализируется деятельность правительства, направленная на сдерживание кризисных тенденций в первой половине 1998 года, а также деятельность кабинета Е. М. Примакова по реанимации российской экономики в сентябре — декабре 1998 года. Рассматриваются основные причины дефолта, влияние кризиса на приватизационную активность, состояние промышленных предприятий, банковского сектора, трансформацию интегрированных бизнес-групп, уровень благосостояния населения, состояние отношений «центр-регионы». Исследуется социальная реакция на указанные изменения. Состояние промышленности раскрывается на примере предприятий Санкт-Петербурга. Исследуются подходы правительства Е. М. Примакова к приватизационной политике. Рассматриваются особенности кадровой политики в Министерстве государственного имущества Российской Федерации и Комитете по управлению городским имуществом Санкт-Петербурга. Изучение причин и последствий дефолта продемонстрировало, что данное событие стало ключевым в развитии российской экономики, существенно повлияло на темпы приватизационной активности и состояние финансово-промышленных групп, а также стало отправной точкой для последующего экономического роста.

Ключевые слова:
промышленность; экономика; приватизация; Санкт-Петербург; собственность; реформы; предприятия; рынок; Е. М. Примаков

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The impact of the 1998 financial crisis on the dynamics of market reforms and the privatization process in Russia and St. Petersburg is examined in the article. The activity of the government aimed at curbing the crisis tendencies in the first half of 1998, as well as the activity of the Cabinet of E. M. Primakov on the reanimation of the Russian economy in September — December 1998, is analyzed. The main reasons for the default, the impact of the crisis on privatization activity, the state of industrial enterprises, the banking sector, the transformation of integrated business groups, the level of welfare of the population, the state of relations "center-regions" are considered, and the social reaction to these changes is investigated. The state of the industry is revealed on the example of St. Petersburg enterprises. The approaches of the government of E. M. Primakov to the privatization policy are investigated. The features of personnel policy in the Ministry of State Property of the Russian Federation and the Committee for the Management of City Property of St. Petersburg are considered. The study of the causes and consequences of the default showed that this event became a key event in the development of the Russian economy, significantly influenced the pace of privatization activity and the state of financial and industrial groups, and also became the starting point for subsequent economic growth.

Key words:
industry; economy; privatization; St. Petersburg; own; reforms; enterprises; market; E. M. Primakov

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:332.025.28(470)“1998”

Влияние экономического кризиса 1998 года на динамику рыночных реформ и приватизационный процесс в России (на примере Санкт-Петербурга)

© Валов Т. В., 2021

1. Введение

В девяностые годы Россия переживала процесс посткоммунистической рыночной трансформации. Изменения носили всеобъемлющий характер, затрагивая социально-экономическую сферу, политическую систему, культуру, массовую психологию. Одним из ключевых направлений реформ стала политика приватизации, обеспечивающая передачу государственной собственности частным лицам и тем самым формирующая социально-экономический фундамент новой общественной модели. Анализ приватизационного процесса 1990-х годов дает ключ к пониманию базовых характеристик постсоветской России, основных проблем, которые стоят перед обществом. Кроме того, изучение данного вопроса имеет и практическую направленность, а именно дает необходимый опыт, с опорой на который можно более эффективно и гармонично осуществлять политику приватизации в России и других странах.

В истории экономических реформ и политики приватизации 1998 год выделяется тем, что на него пришелся один из самых серьезных экономических кризисов постсоветской России, ставший определенным рубежом предыдущего экономического и политического развития. Соответственно, этот этап экономических реформ заслуживает особого исследовательского внимания.

Санкт-Петербург также представляет отдельный интерес по ряду причин. Во-первых, он был наиболее крупным и развитым городом, осуществлявшим приватизацию по схеме Министерства государственного имущества РФ (далее — МГИ), так как приватизация в Москве протекала достаточно автономно, на основе собственных правил. Академик Д. С. Львов отмечает, что «Москва к рынку шла своим путем, более или менее независимым от центральной власти» [Львов, 1998, с. 76]. Во-вторых, Санкт-Петербург являлся авангардом рыночных реформ, и многие технологии, апробированные в нем, затем использовались в рамках всей страны. В-третьих, в руководстве МГИ было много выходцев из Ленинграда, в том числе из Комитета по управлению городским имуществом Санкт-Петербурга (далее — КУГИ). Среди них можно отметить А. Б. Чубайса, П. С. Филиппова, А. Р. Коха, С. Г. Беляева, Г. О. Грефа и др. В-четвертых,

CC BY

значительная часть представителей команды, управлявшей городом в 1990-е годов, в следующем десятилетии возглавили федеральные органы власти и крупные государственные компании, в частности, В. В. Путин, А. Л. Кудрин, Д. А. Медведев, И. И. Сечин, В. Е. Чуров, В. А. Зубков. Следовательно, анализ деятельности Смольного в данный период, в том числе в отношении реформы собственности, позволяет понять стилистику и методы управления, которые затем в той или иной форме стали использоваться на федеральном уровне.

2. Россия на пути в дефолт

23 марта 1998 года ушло в отставку правительство В. С. Черномырдина. Новый кабинет возглавил С. В. Кириенко, ранее занимавший пост министра топлива и энергетики. Даже по меркам 1990-х годов экономика находилась в крайне тяжелом состоянии. Как отмечает М. Голдман, падение ВВП, начавшееся при М. С. Горбачеве, при Б. Н. Ельцине стремительно ускорилось. ВВП падал каждый год — до 1997 года, в котором он поднялся чуть менее чем на 1 %, однако в 1998 года падение продолжилось [Голдман, 2004, с. 30]. Спад был обусловлен рядом факторов, среди которых стоит отметить азиатский экономический кризис 1997 года, общую разбалансированность экономики, инфляцию, коррупцию, пирамиду ГКО (государственные краткосрочные облигации). Последние представляли из себя государственные ценные бумаги, доход от которых формировался как разница между ценой погашения (номиналом) и ценой покупки. Для погашения процентов по старым ГКО Минфин выпускал новые. Постепенно доход от их продажи перестал покрывать проценты по старым облигациям, все туже затягивая финансовую петлю на шее правительства. Белый дом старался принять меры, способные остановить надвигающийся кризис, в связи с чем была разработана программа финансово-экономической стабилизации. На заседании в Государственной Думе С. В. Кириенко выделил следующие основные антикризисные меры: 1) снизить налоговое бремя, в первую очередь принять новый Налоговый кодекс; 2) снизить тарифы естественных монополий; 3) «расчистить старые долги» [Ведомости, 1998, с. 4].

К началу 1998 года также произошли организационно-кадровые изменения в Госкомимуществе, а именно он был преобразован в Мингосимущество. Помимо этого, после отставки М. В. Бойко в ходе «дела писателей», связанного с гонорарами за книгу «Приватизация по-российски» [Чубайс, 2000], ведомство возглавил Ф. Р. Газизуллин, ранее руководивший приватизацией в Татарстане. В Санкт-Петербурге после убийства М. В. Маневича 18 августа 1997 года КУГИ возглавил Г. О. Греф, ранее работавший первым заместителем председателя КУГИ Санкт-Петербурга [Греф].

CC BY

Одной из наиболее ярких приватизационных сделок в преддверии дефолта стала продажа 35 % акций гостиницы «Астория». Среди множества претендентов выделялась британская компания «Sir Rocco Forte», которая осенью предшествующего года приобрела на первом аукционе 25 % акций комплекса и прислала в Санкт-Петербург собственную команду из шести менеджеров, которая должна была взять «Асторию» под полный контроль, но победила российская компания «Арома Инвестмент». Служащие отеля были откровенно разочарованы, так как были довольны политикой Rocco Forte и надеялись, что компания получит контрольный пакет акций [Смирнов, 1998, с. 8].

Крупным событием в жизни России и Санкт-Петербурга стал международный экономический форум. Главную тему форума сформулировал Е. С. Строев: необходимость интеграции государств СНГ и создания единого экономического пространства. Исполнительный секретарь СНГ Б. А. Березовский отметил, что Содружество «испытывает кризис, который носит системный характер». СНГ — это «Содружество Небогатых Государств», и это необходимо учитывать, выбирая адекватную модель экономической кооперации. Губернатор Ленобласти В. А. Густов высказал мнение, что Петербург является идеальным местом для серьезной работы руководителей всех российских регионов, так как, в отличие от Москвы, их не отвлекает «беготня по министерствам с разными делами» [Архипов, 1998, с. 3].

К лету 1998 года стало ясно, что попытки центральной власти переломить негативную ситуацию в экономике не увенчались успехом. Тем не менее за несколько дней до коллапса Б. Н. Ельцин заявил: «Мы удержим ситуацию на российских финансовых рынках» [Ведомости, 1998, с. 3]. Однако его оптимизм не оправдался: 17 августа 1998 года правительство объявило дефолт. Это высказывание нанесло еще один существенный удар по рейтингу президента, отчасти повторив ситуацию конца 1991 года, когда Б. Н. Ельцин высказался в том духе, что, если в ходе либерализации цены вырастут более чем в три-четыре раза, он ляжет на рельсы. При этом, по мнению Е. Г. Ясина, данное выступление было оправданно, так как в те докризисные дни важно было не допустить того, чтобы люди побежали забирать свои деньги из банков, чтобы возникло то напряжение, которое делает последствия таких кризисов самыми тяжелыми [Ясин, 2019, с. 237].

Правительство С. В. Кириенко и руководство Центрального банка были отправлены в отставку. Люди, с которыми руководители МВФ в середине августа обсуждали условия и программу финансовой стабилизации в России, договорившись о финансовой помощи, оказались не у дел. Это де-факто снимало с руководства Международного валютного фонда принятые обязательства [Гайдар и др., 2011, с. 112]. По мнению Дж. Стиглица, МВФ, ре-

CC BY

комендуя России увеличить долю иностранных заимствований, тем самым сделал ее позиции после девальвации гораздо более уязвимыми, и поэтому Фонд несет свою долю ответственности за произошедшую в конечном счете приостановку платежей России по своим долгам [Стиглиц, 2003, с. 111]. В аналитическом докладе о деятельности администрации У. Дж. Клинтона, подготовленном по заказу Республиканской партии, дефолт назван «кульминацией фатально-ущербной макроэкономической политики администрации Клинтона в отношении России». По мнению авторов доклада, падение российской экономики было более сильным, чем во времена великой депрессии в США. В 1932 году ВНП упал почти на одну треть, а в России экономика упала более чем на две трети [Russia's road …, 2000, p. 14].

Один из наиболее серьезных ударов кризис нанес по банковской системе РФ, что существенно повлияло на трансформацию ряда интегрированных бизнес-групп (далее — ИБГ), возникших в ходе предшествующего приватизационного процесса: на первое место вместо банков стали выходить крупные промышленные предприятия, которые становились их центральным элементом. Я. Ш. Паппэ отмечает, что из числа банков, занимавших центральное положение в ИБГ, полностью сохранил свои позиции лишь Альфа-банк. Без катастрофических последствий удалось пережить кризис МОСТ-банку, во-многом благодаря стабилизационному кредиту Центрального банка и поддержке правительства Москвы [Паппэ, 2000, с. 41]. Банки придумывали различные стратегии адаптации к сложившимся условиям. Так, наиболее важные клиенты и бизнес Менатепа и ОНЭКСИМ банка были переведены в бридж-банки. Для первого таким стал Менатеп-Санкт-Петербург. Существенный удар дефолт нанес по финансовым структурам В. В. Виноградова: осенью 1998 года была отозвана лицензия на совершение банковских операций у Инкомбанка.

Другим крупным банком, значительно пострадавшим от кризиса, стал «СБС-Агро» А. П. Смоленского, который с 1200 отделениями и 5,7 млн вкладчиков превратился, по выражению Д. Хоффмана, в «символ рухнувших надежд» [Хоффман, 2007, с. 491]. Владельцы СБС-Агро до осени 1999 года заявляли о намерении сохранить банк и контроль над ним. СБС-Агро получал максимальные стабилизационные кредиты от Центробанка РФ, а также политическую поддержку от его руководства, но спасти банк не удалось. Осенью 1999 года его владельцы были вынуждены за 1 руб. продать 100 % его акций АРКО, которое объявило о намерении расчленить СБС-Агро и по возможности максимально быстро ликвидировать его после удовлетворения требований вкладчиков — физических лиц.

Экономический кризис, свидетельствовавший о слабости федерального центра, способствовал еще большему расширению экономических ре-

CC BY

сурсов региональной власти. По инициативе местных властей во многих субъектах РФ была организована серия банкротств крупнейших предприятий. Собственность в этом случае передавалась либо напрямую администрации, либо подконтрольным ей экономическим структурам [Лапина, 2003, с. 45]. В ряде регионов был введен ценовой контроль и запрещен вывоз продовольствия [Graeme, 2003, p. 16]. В. А. Яковлев отмечал, что Петербург не изолирован от страны и разразившийся финансовый кризис не может его не затронуть. Однако благодаря политике финансовой стабилизации, проводимой в Санкт-Петербурге в два предшествующих года, город испытывал меньшую зависимость от колебаний на российском рынке, чем многие другие регионы страны [Ведомости, 1998, с. 4].

В докладе по основным направлениям концепции антикризисных мер, подготовленном Минэкономики совместно с Минфином и Банком России, констатировалось, что сложившаяся ситуация несет серьезную угрозу безопасности РФ как суверенного государства и требует изменения экономического курса, принятия решительных взвешенных мер по недопущению дальнейшего развития кризиса, преодолению его последствий, консолидации усилий всех ветвей власти, политических и общественных движений как на федеральном, так и на региональном уровне для решения этой общенациональной задачи [ГАРФ, ф. 10128, оп. 1, д. 2657, л. 203].

Естественно, что данные события оказали существенное воздействие на социальную сферу: населению перестали выдавать заработную плату, многие вклады были заморожены, курс рубля по отношению к доллару упал в 1,5 раза. Соответственно, многие россияне лишились своих сбережений, доверие к банковской системе и государству было в очередной раз подорвано. Еще сильнее обострилась проблема бедности. После дефолта доля обратившихся в службу занятости и имеющих доход ниже прожиточного минимума возросла с 60 до 68 %. Если накануне кризиса у 29,6 % семей, обращавшихся в службу занятости, не хватало средств даже на самое необходимое, то в сентябре таких было уже свыше 40 % [Рыбаков, 2000, с. 194]. После кризиса существенно упали реальные доходы петербуржцев, ухудшилось экономическое положение, в первую очередь, крайне бедных слоев, а также представителей формирующегося среднего класса [Васильев, 2001, с. 131].

3. Антикризисные меры правительства Е. М. Примакова и новые подходы к приватизации

11 сентября 1998 года правительство возглавил академик Е. М. Примаков. Новый премьер-министр стал компромиссной фигурой между президентом и Государственной Думой, преобладающей силой в которой была

CC BY

КПРФ во главе с Г. А. Зюгановым. В связи со своим составом правительство прозвали «розовым». В частности, пост первого вице-премьера получил Ю. Д. Маслюков, ранее занимавший аналогичный пост в союзном правительстве Н. И. Рыжкова.

В день утверждения Государственной Думой нового председателя правительства в ней также в очередной раз обсуждался закон «О защите экономических интересов РФ...», подразумевающий ограничение приватизации ряда предприятий «стратегического характера». Представитель президента А. А. Котенков, выступая против принятия закона, отметил, что Федеральным законом «О федеральном бюджете на 1998 год» предусмотрено поступление средств от приватизации в объеме более 8 млрд рублей, расчет которого производился исходя из возможности осуществить в текущем году приватизацию находящихся в федеральной собственности акций отдельных акционерных обществ. Установление в федеральном законе ограничений на их приватизацию привело бы к значительному уменьшению поступлений в федеральный бюджет средств от приватизации, что в условиях серьезного недопоступления средств в бюджет еще больше бы усилило и без того существенную социальную напряженность [Стенограмма, 1998]. В итоге закон так и не был принят [Законопроект № 96700434-2].

Перед правительством Е. М. Примакова стояла крайне непростая задача вывода экономики из кризиса. Премьер-министр заявил о приоритетной поддержке национальной промышленности и сельского хозяйства, но с непосредственной программой действий общественность ознакомлена не была. По мнению Е. М. Примакова, это бы только помешало практике, создало повод для лишней критики, тогда как правительству требовалось определенное «пространство для маневра». Его границы премьер обрисовал, выделив недопустимые меры: 1) не начинать с публичного разбора «несомненно ошибочной и порочной практики, которая за 90-е годы привела страну к пропасти»; 2) не принимать решения, которые могли бы интерпретироваться как возврат в «светлое прошлое», к командно-административной системе, приведшей к прогрессирующему отставанию Советского Союза в экономике и открывшей двери тоталитаризму; 3) несмотря на очевидно негативный характер приватизации не призывать к ее огульной отмене, к новому массовому перераспределению собственности. Упор, за исключением вопиющих отдельных случаев, сделать на текущую практику, чтобы создать условия, исключающие дальнейшую «прихватизацию»; 4) нельзя полностью отвергать макроэкономическую политику, проводимую предшествовавшими правительствами, но нужно внести в нее коррективы [Примаков, 2004, с. 213]. Исходя из этих установок, для главы МГИ Ф. Р. Газизуллина премьер поставил испытательный срок до

CC BY

1 января 1999 года с задачей выполнить план приватизации и создать новую программу приватизации [Кутушева, 1998, с. 34].

В августе 1998 года вновь сменился руководитель КУГИ Санкт-Петербурга. Г. О. Греф, проработав год, ушел на повышение в Москву первым заместителем министра государственного имущества РФ, его место занял А. Н. Лихачев [Председатели Комитета]. В статье с говорящим названием «Петербург кормит МГИ кадрами» автор утверждает, что приглашение на должность первого замминистра вице-губернатора Санкт-Петербурга и главы городского комитета по приватизации Г. О. Грефа выглядело вполне логично: «Петербург традиционно входит в число городов, лидирующих по объемам и доходам от приватизации. Продолжая политику погибшего М. В. Маневича, он сумел выстроить эффективную схему управления недвижимостью. Видимо, в МГИ рассчитывают, что ему удастся ударными темпами сделать то, что не было сделано за предыдущие несколько лет» [Самойлова, 1998, с. 2].

Руководство Санкт-Петербурга, как и федеральное правительство, было вынуждено активно реагировать на сложившуюся ситуацию, способствуя адаптации городских предприятий к кризисной ситуации. На решение этой задачи были направлены как системные усилия, так и действия, осуществляемые в «точечном режиме». Например, на прядильно-ниточном комбинате им. Кирова ключевой являлась проблема долгов. 4 ноября 1998 года комбинат посетили В. А. Яковлев и вице-губернатор А. Н. Лихачев. Они заверили, что у администрации города нет намерения специально вести дело к ликвидации комбината, и этот год, действительно, стал переломным. Многолетнее падение объемов производства было остановлено. За первый квартал была получена первая после долгого перерыва прибыль. Удалось отойти от бартерных сделок: около половины объемов продаж стало оплачиваться «живыми деньгами», для всех работников были погашены долги по зарплате [Кочешкова, 2003, с. 72].

На Ленинградском оптико-механическом объединении (далее — ЛОМО) бытовала шутливая фраза о том, что «ЛОМО спас дефолт». Именно в 1998 году из-за форс-мажорных обстоятельств был сорван крупный контракт. Продукция, изготовленная для отправки по этому контракту, осела на складах мертвым грузом. Задолженность в бюджеты всех уровней составила 20,5 % от годового оборота предприятия, задолженность по выплате зарплаты доходила до пяти с половиной месяцев, но в конце года поступили средства от выполнения текущих зарубежных контрактов. Они пришли в валюте в тот момент, когда курс доллара к рублю увеличился уже в четыре раза. В тех условиях экспортные поставки помогли не просто удержаться на плаву, они стали чуть ли не единственным условием

CC BY

выживания в следующем году. В 1998 году объем экспорта ЛОМО вырос в 4 раза. Помимо США, компания сотрудничала также с такими странами, как Германия, Австрия, Великобритания, Израиль, Италия, Китай, Новая Зеландия и Иран [Курапцева, 2002, с. 103].

В письме от 17 февраля 1998 года в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга отмечается, что причина низкой эффективности работы предприятий города коренится в специфике их приватизации. Для примера авторы обратились к истории приватизации АООТ «Северная верфь». Они констатируют, что «по существу проведенная реорганизация является безвозмездной передачей государственного и общественного имущества физическим лицам, что УК РФ классифицируется как хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах по предварительному сговору лиц, а также новым способом уклонения от налогов». В результате «реорганизации» все государственное и общественное имущество перешло в собственность физических лиц, часть его сразу же была реализована, а оставшаяся часть пущена в коммерческую эксплуатацию. Государство не получило от этой «реорганизации» никакого дохода [ЦГА СПб, ф. 10134, оп. 1, д. 719, л. 5].

Актуальной оставалась проблема «криминальной приватизации», что было характерно как для России в целом, так и для «бандитского Петербурга», в частности. Например, в ходе покупки акций АО «Лесокомбинат» холдинговой компанией «Ленпромлес» руководителю последней М. И. Кнышу последовало настоятельное требование прекратить заниматься покупкой акций, после чего последовало избиение металлической трубой с применением ножа. Позже в одном из нападавших потерпевший опознал племянника директора АО «Лесокомбинат» [Самойлов, 1998, с. 2].

Мингосимущество в подобных вопросах активно сотрудничало с правоохранительными органами. Так, в связи с обращением Генеральной прокуратуры от 14 июля 1998 года к начальнику департамента недвижимости Т. С. Найденовой по запросу были предоставлены данные, необходимые для расследования в отношении сотрудников Госкомстата, незаконно сдававших в аренду служебные помещения [ГАРФ, ф. 10155, оп. 1, д. 3678, л. 2]. В Санкт-Петербурге в связи с подделкой документов (подложный договор аренды) при приватизации АП «Фармация» Петроградского района было принято решение отменить план приватизации, утвержденный М. В. Маневичем 15 августа 1997 года, и отправить пакет документов по приватизации предприятия на рассмотрение комиссии во главе с А. А. Дунаевским для выработки нового плана приватизации [ЦГА СПб, ф. 10135, оп. 2, д. 34, л. 190].

В целом за 1998 год в РФ было приватизировано 2129 предприятий [Госкомстат, 2000, с. 290]. От их продажи было получено 17 млн 538 тыс.

CC BY

рублей. Единственной сделкой, принесшей значительный бюджетный доход, стала продажа акций РАО «Газпром» [Российская экономика, 1999, с. 295]. В Санкт-Петербурге за данный год было приватизировано всего 26 предприятий, что являлось наименьшим количеством за весь период с 1993 года, когда было приватизировано в 64 раза больше — 1671 предприятие [Санкт-Петербург, 2000, с. 103].

Среди 26 предприятий 4 были приватизированы в сфере промышленности, 2 — строительства, 2 — транспорта и связи, 5 в сфере розничной торговли, 3 — общественного питания, 2 — в сфере непроизводственных видов бытового обслуживания населения, 3 — науки и научного обслуживания, 5 — среди прочих отраслей [Санкт-Петербург, 2000, с. 57].

К концу года, несмотря на определенные улучшения в положении отдельных отраслей, общее состояние экономики оставалось крайне непростым. Второй месяц подряд уменьшалась суммарная задолженность по выплате заработной платы. Продолжалась работа по повышению банковской ликвидности и преодолению кризиса платежно-расчетной системы [ГАРФ, ф. 10128, оп. 1, д. 2697, л. 101]. В то же время, помимо негативных последствий, обвал рубля простимулировал промышленность страны из-за снижения себестоимости производства, а также привел к снижению импортных поставок, что сделало российские товары более покупаемыми на мировом рынке. Эти тенденции, переплетаясь с действиями правительства Е. М. Примакова, привели к тому, что за год с конца 1998 по конец 1999 года объем промышленной продукции вырос на 108,1 %. Это были поистине небывалые темпы роста за последние четверть века. Ю. Д. Маслюков объявил, что в IV квартале 1998 года рост промышленного производства в России составил 3,1 %, что являлось самым высоким уровнем производства с 1991 года [Пихоя, 2007, с. 501].

4. Заключение

Таким образом, 1998 год стал одним из наиболее напряженных и болезненных в истории российских экономических реформ последнего десятилетия XX века. Дефолт нанес серьезный удар по отечественной экономике и социальной сфере, оказал существенное влияние на приватизационную динамику и характер постприватизационного развития предприятий. В частности, в условиях кризиса предпринимателям и руководителям предприятий нужно было прилагать существенные усилия для того, чтобы сохранить свои организации, в том числе крайне сдержанно использовать имеющиеся финансовые ресурсы, что наряду с высокими рисками и неопределённостью в дальнейшем развитии ситуации привело к существенному снижению темпов приватизационной активности как

CC BY

в рамках всей страны, так и на территории Санкт-Петербурга. При этом структура приватизируемых предприятий кардинальным образом не изменилась: по-прежнему лидировали предприятия торговли и промышленности. Значительное влияние дефолт оказал на трансформацию интегрированных бизнес-групп: банки потеряли лидирующую роль, уступив место крупным промышленным предприятиям. Разорился ряд крупнейших предпринимателей, в частности, рухнули такие финансовые империи, как «Инкомбанк» В. В. Виноградова и «СБС-Агро» А. П. Смоленского. Помимо этого, кризис расширил уровень экономической самостоятельности региональных властей, так как именно на их плечи легла задача реанимации экономики на местном уровне. Деятельность кабинета Е. М. Примакова привела к тому, что к концу года начался экономический подъем, а также были сформированы предпосылки для активного экономического роста 2000-х годов. Подход правительства заключался в стремлении поддержать отечественную промышленность, сделать процесс приватизации более законным и транспарентным, усилить механизмы государственного регулирования. При этом кабинет выступал против массовой отмены предыдущих результатов приватизации и повальной национализации, в целом оставаясь в общем русле рыночных реформ. Власти Санкт-Петербурга поддержали намеченный курс премьер-министра, стремясь реализовать указанные меры в масштабах города. На этом фоне авторитет правительства и лично премьера заметно усилился, он постепенно стал превращаться в основной центр власти, что простимулировало в следующем году раскол элит и жесткое политическое противостояние, в контексте которого завершилась реформа собственности 1990-х годов.

Источники и принятые сокращения

1. *Архипов И.* Петербургский экономический форум: установка на интеграцию / И. Архипов // Вечерний Петербург : газета. — 1998. —18 июня. — № 107 (21313). — С. 3.

2. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 10155. Оп. 1. Д. 3127. Л. 82. Д. 3678. Л. 2; Ф. 10128. Оп. 1. Д. 2657. Л. 203. Оп. 1. Д. 2697. Л. 101.

3. *Греф Г. О.* Биография [Электронный ресурс] / Г. О. Греф. — Режим доступа : https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/corporate-governance/sberbank-executive-board/president (дата обращения: 02.03.2021).

4. *Законопроект* № 96700434-2 «О защите экономических интересов Российской Федерации при распоряжении акциями акционерных обществ, производящих продукцию (товары, работы, услуги), имеющую стратегическое значение для обеспечения безопасности государства» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700434-2 (дата обращения: 02.03.2021).

5. *Кутушева Н.* Рокировщики действительности / Н. Кутушева // Коммерсантъ Власть : журнал. — 1998. — 8 декабря. — № 47. — С. 34.

6. *Правительство* Петербурга гарантирует… // Санкт-Петербургские ведомости : газета. — 1998. — 18 августа. — № 152 (1821). — С. 4.

7. *Председатели* Комитета имущественных отношений Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.commim.spb.ru/pravovye-osnovy (дата обращения: 02.03.2021).

8. *Президент* считает, что российский рынок устоит // Санкт-Петербургские ведомости : газета. — 1998. — 15 августа. — № 151 (820). — С. 3.

9. *Примаков Е. М.* Встречи на перекрестках. Екатеринбург : мемуары / Е. М. Примаков. — Москва : ПироговЪ, 2004. — 480 с.

11. *Российский* статистический ежегодник : статистический сборник. — Москва : Госкомстат, 2000. — 642 с.

12. *Самойлов А.* Акции больше, чем жизнь… / А. Самойлов // Вечерний Петербург : газета. — 1998. — 5 мая. — № 78 (21284). — С. 2.

13. *Самойлова Н.* Петербург кормит МГИ кадрами / Н. Самойлова // Коммерсантъ Власть : журнал. — 1998. — 12 августа. — № 146. — С. 2.

14. *Санкт-Петербург*, 1996—1999 гг. : статистический сборник. — Санкт-Петербург, 2000.

15. *Санкт-Петербург* и Ленинградская область в 1999 г. : статистический сборник. — Санкт-Петербург : Петербургкомстат, 2000.

16. *Смирнов А.* Петербург продал «Асторию» / А. Смирнов // Коммерсантъ Власть : журнал. — 1998. — 24 июля. — № 133. — С. 8.

17. *Спасет* ли стабилизационная программа экономику страны? // Санкт-Петербургские ведомости : газета. — 1998. — 2 июля. — № 122 (1791). — С. 1, 4.

18. *Стенограмма* заседания Государственной Думы Российской Федерации от 11 сентября 1998 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://transcript.duma.gov.ru/node/2506/ (дата обращения: 03.03.2021).

ЦГА СПб — *Центральный* государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 10135. Оп. 2. Д. 34. Л. 190; Ф. 10134. Оп. 1. Д. 719. Л. 5.

19. Чубайс А. Б. Приватизация по-российски / А. Б. Чубайс. — Москва : Вагриус, 2000. — 365 с.

Литература

1. *Берман В. Р.* История приватизации в России [Электронный ресурс] / В. Р. Берман, П. С. Филиппов. — Режим доступа : http://www.ru-90.ru/node/1142 (дата обращения: 01.03.2021).

2. *Бурим Л. Д.* Ижорские заводы. Колпино : исторические очерки / Л. Д. Бурим, Г. А. Ефимова. — Санкт-Петербург : Агат, 2002. — 174 с.

3. *Васильев С. А.* Десятилетие экономических реформ в Санкт-Петербурге / С. А. Васильева. — Санкт-Петербург : Леонтьев Центр, 2001. — 336 с.

4. *Гайдар Е. Т.* Развилки новейшей истории России / Е. Т. Гайдар, А. Б. Чубайс. — Санкт-Петербург : Норма, 2011. —168 с.

5. *Голдман Маршалл И.* Пиратизация России: российские реформы идут вкось / И. Маршалл Голдман. — Новосибирск : Фонд Социо-прогностических исследований «Тренды», 2004. — 213 с.

6. *Кочешкова А. П.* Прядильно-ниточный комбинат им. С. М. Кирова / А. П. Кочешкова. — Санкт-Петербург : Селеста, 2003. — 108 с.

7. *Кузнецов Л. Г.* Научно-производственное объединение АО «Компрессор», 140 лет: история и современность / Л. Г. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Русская коллекция, 2017. — 374 с.

8. *Курапцева Н. П.* Сквозь призму времени / Н. П. Курапцева. — Санкт-Петербург : Лик, 2002. — 188 с.

9. *Лапина Н. Ю.* Российская приватизация : история, динамика, результаты / Н. Ю. Лапина // Приватизация в России и других странах СНГ. — Москва : ИНИОН РАН, 2003. — С. 13—56.

10. *Львов Д. С.* Центральная проблема — проблема собственности / Д. С. Львов // Экономическая наука современной России. — 1998. — № 3. — С 73—77.

11. *Паппэ Я. Ш.* Олигархи. Экономическая хроника, 1992—2000 / Я. Ш. Паппэ. — Москва : ГУ-ВШЭ, 2000. — 232 с.

12. *Пихоя Р. Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий / Р. Г. Пихоя. — Москва : АСТ, 2007. — 552 с.

13. *Российская* экономика в 1998 г. : основные тенденции и перспективы / под редакцией Е. Т. Гайдара. — Москва : Институт экономики переходного периода, 1999. — 337 с.

14. *Рыбаков Ф. Ф.* Экономика Санкт-Петербурга : прошлое, настоящее будущее / Ф. Ф. Рыбаков. — Санкт-Петербург : Гидрометеоиздат, 2000. — 269 с.

15. *Стиглиц Д. Ю.* Глобализация: тревожные тенденции / Д. Ю. Стиглиц. — Москва : Мысль : Национальный общественно-научный фонд, 2003. — 300 с.

16. *Хоффман* Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России / Д. Хоффман. — Москва : КоЛибри, 2007. — 642 с.

17. *Ясин Е. Г.* Девяностые — годы тягот, надежд и свершений / Е. Г. Ясин. —Москва : Социум, 2019. — 508 с.

18. *Graeme P. H.* Russian Regions and Regionalism : strength through weakness / P. H. Graeme, A. Aldis. — London : Routledge Curzon, 2003. — 281 p.

19. *Russia's* road to corruption. How the Clinton Administration exported government instead of free enterprise and failed the Russian people. Members of the speaker's advisory group on Russia : United States House of Representatives 106th Congres. — Washington, 2000. — 296 p.

Material resources

Arkhipov, I. (1998). St. Petersburg Economic Forum: Installation for Integration. *Evening Petersburg: newspaper, 18/107 (21313):* 3. (In Russ.).

Bill No. 96700434-2 "*On the protection of the economic interests of the Russian Federation when disposing of shares in joint-stock companies manufacturing products (goods, works, services) of strategic importance for ensuring the security of the state"*. Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700434-2 (accessed: 03/02/2021). (In Russ.).

Chairmen of the Committee of Property Relations of Saint Petersburg. Available at: http://www.commim.spb.ru/pravovye-osnovy (accessed: 03.02.2021). (In Russ.).

Chubais, A. B. (2000). *Privatization in the Russian way*. Moscow: Vagrius, 365 p. (In Russ.).

CSA St. Petersburg — *Central State Archives of St. Petersburg*. F. 10135; F. 10134. (In Russ.).

GARF — *State Archives of the Russian Federation*. F. 10155; F. 10128. (In Russ.).

Gref, G. O. *Biography.* Available at: https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/corporate-governance/sberbank-executive-board/president (accessed: 03.02.2021). (In Russ.).

CC BY

Kutusheva, N. (1998). Rokirovshchiki reality. *Kommersant Power: magazine, 47:* 34. (In Russ.).
Primakov, E. M. (2004). *Meetings at the crossroads. Yekaterinburg: memoirs*. Moscow: Pirogov. 480 p. (In Russ.).
Russian statistical yearbook: statistical collection. (2000). Moscow: Goskomstat. 642 p. (In Russ.).
Saint Petersburg and the Leningrad region in 1999: statistical collection. (2000). Saint Petersburg: Peterburgkomstat. (In Russ.).
Saint Petersburg, 1996—*1999: statistical collection*. (2000). Saint Petersburg. (In Russ.).
Samoilov, A. (1998). Shares are bigger than life ... *Evening Petersburg: newspaper, 78 (21284):* 2. (In Russ.).
Samoilova, N. (1998). Petersburg feeds MGI personnel. *Kommersant Power: magazine, 146:* 2. (In Russ.).
Smirnov, A. (1998). Petersburg sold "Astoria". *Kommersant Vlast: magazine, 133:* 8. (In Russ.).
The government of Saint Petersburg guarantees... (1998). *Saint Petersburg Vedomosti: newspaper, 152 (1821): 4*. (In Russ.).
The President believes that the Russian market will stand. (1998). *Sankt-Peterburgskiye vedomosti: newspaper, 151 (820):* 3. (In Russ.).
Transcript of the meeting of the State Duma of the Russian Federation on September 11, 1998. Available at: http://transcript.duma.gov.ru/node/2506/ (accessed: 03.03.2021). (In Russ.).
Will the stabilization program save the country's economy? (1998). *Saint Petersburg vedomosti: newspaper, 122 (1791):* 1, 4. (In Russ.).

References

Berman, V. R., Filippov, P. S. *History of privatization in Russia*. Available at: http://www.ru-90.ru/node/1142 (accessed: 01.03.2021). (In Russ.).
Burim, L. D., Efimova, G. A. (2002). *Izhora plants. Kolpino: historical essays*. Saint Petersburg: Agat. 174 p. (In Russ.).
Gaidar, E. T. (ed.). (1999). *Russian economy in 1998: main trends and prospects*. Moscow. 337 p. (In Russ.).
Gaidar, E. T., Chubais, A. B. (2011). *Forks of the modern history of Russia*. Saint Petersburg: Norma. 168 p. (In Russ.).
Goldman Marshall, I. (2004). Piratization of Russia: Russian reforms are going sideways. Novosibirsk: Foundation for Socio-predictive Research "Trends". 213 p. (In Russ.).
Graeme, P. H., Aldis, A. (2003). *Russian Regions and Regionalism: strength through weakness*. London: Routledge Curzon. 281 p.
Hoffman, D. (2007). *Oligarchs. Wealth and Power in New Russia*. Moscow: CoLibri. 642 p. (In Russ.).
Kocheshkova, A. P. (2003). *Spinning and threading plant S. M. Kirov*. Saint Petersburg: Celeste. 108 p. (In Russ.).
Kuraptseva, N. P. (2002). *Through the prism of time*. Saint Petersburg: Lik. 188 p. (In Russ.).
Kuznetsov, L. G. (2017). *Research and Production Association JSC "Compressor", 140 years: history and modernity*. Saint Petersburg: Russian collection. 374 p. (In Russ.).
Lapina, N. Yu. (2003). Russian privatization: history, dynamics, results. In: *Privatization in Russia and other CIS countries*. Moscow: INION RAN. 13—56. (In Russ.).

Lvov, D. S. (1998). Central problem — the problem of property. *Economic science of modern Russia, 3:* 73—77. (In Russ.).

Pappe, J. Sh. (2000). *Oligarchs. Economic Chronicle, 1992—2000*. Moscow: SU-HSE. 232 p. (In Russ.).

Pikhoya, R. G. (2007). *Moscow. Kremlin. Power. Two stories of one country. Russia at the turn of the millennium*. Moscow: AST. 552 p. (In Russ.).

Russia's road to corruption. How the Clinton Administration exported government instead of free enterprise and failed the Russian people. Members of the speaker's advisory group on Russia: United States House of Representatives 106th Congres. (2000). Washington. 296 p.

Rybakov, F. F. (2000). *Economy of Saint Petersburg: past, present future*. Saint Petersburg: Gidrometeoizdat. 269 p. (In Russ.).

Stiglitz, D. Yu. (2003). *Globalization: disturbing tendencies*. Moscow: Thought: National Social Science Foundation. 300 p. (In Russ.).

Vasiliev, S. A. (2001). *Decade of economic reforms in Saint Petersburg*. Saint Petersburg: Leontiev Center. 336 p. (In Russ.).

Yasin, E. G. (2019). *Nineties — years of hardships, hopes and achievements*. Moscow: Socium. 508 p. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Дашиева Н. Б. Генеалогический миф бурят племени Хори : календарь и обряд / Н. Б. Дашиева // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 363—379. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-363-379.

Dashieva N. B. (2021). Genealogical Myth of the Buryats of the Hori Tribe: Calendar and Ritual. *Nauchnyi dialog, 3:* 363-379. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-363-379. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-363-379

Генеалогический миф бурят племени Хори: календарь и обряд

Дашиева Надежда Базаржаповна
orcid.org/0000-0002-3652-2535
доктор исторических наук, профессор,
dashieva-n@yndex.ru

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»

(Улан-Удэ, Россия)

Genealogical Myth of the Buryats of the Hori Tribe: Calendar and Ritual

Nadezhda B. Dashieva
orcid.org/0000-0002-3652-2535
Doctor of History, Professor,
dashieva-n@yandex.ru

East-Siberian State Institute of Culture

(Ulan-Ude, Russia)

© Дашиева Н. Б., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Сюжет генеалогического мифа бурят племени Хори исследован как историко-культурный источник, отражающий идеологические установки, также бывшие историческим фактом. Установлено, что миф о происхождении хори-бурят представляет собой сюжет ареального космогонического мифа. Утверждается, что историко-генетическая и культурно-семантическая интерпретация основных событий мифа при отождествлении со сведениями археологических, исторических, этнографических, фольклорных и лингвистических источников позволяет увидеть в сюжете мифа культ солнца, обусловленный им тип календаря солнечного года и модель календарных обрядов ранних кочевников степей Центральной Азии. Выявлено, что на северный берег Байкала сюжет мифа попал с носителями культуры плиточных могил — этнических предков тюрко-монгольских народов с индоиранскими космологическими представлениями, выраженными в календаре, календарных праздниках, календарной обрядности и календарной культуре в целом. Доказано, что основные события мифа отражены в наскальных рисунках бухты Саган-Заба на северном побережье Байкала. Показано, что сюжет генеалогического мифа хори-бурят выступает как текст культуры, являющийся средством сохранения информации о картине мира, который в традиционной культуре племени контролировался обрядом. Отмечается, что историко-культурные истоки мифа восходят к археологической скифо-сибирской культуре железного века (VI—III века до н. э.).

Ключевые слова:
генеалогический миф; племя Хори; птица-лебедь; культ солнца; календарь; обряд; Байкал.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The plot of the genealogical myth of the Buryats of the Khori tribe is studied in the article as a historical and cultural source reflecting ideological attitudes, which were also a historical fact. It has been established that the myth about the origin of the Khori-Buryats is the plot of the areal cosmogonic myth. It is stated that the historical-genetic and cultural-semantic interpretation of the main events of the myth, when identified with information from archaeological, historical, ethnographic, folklore and linguistic sources, makes it possible to see in the plot of the myth the cult of the sun, the type of calendar of the solar year caused by it and the model of calendar rites of the early nomads of the steppes of Central Asia. It was revealed that the plot of the myth came to the northern shore of Lake Baikal with the carriers of the culture of tiled graves — the ethnic ancestors of the Turkic-Mongol peoples with Indo-Iranian cosmological ideas expressed in the calendar, calendar holidays, calendar rituals and calendar culture in general. It is proved that the main events of the myth are reflected in the rock paintings of the Sagan-Zaba Bay on the northern coast of Lake Baikal. It is shown that the plot of the genealogical myth of the Khori-Buryats acts as a text of culture, which is a means of preserving information about the picture of the world, which in the traditional culture of the tribe was controlled by a rite. It is noted that the historical and cultural origins of the myth go back to the archaeological Scythian-Siberian culture of the Iron Age (VI—III centuries BC).

Key words:
genealogical myth; the Hori tribe; swan bird; sun worship; the calendar; rite; Baikal.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 39 (=512.31)

Генеалогический миф бурят племени Хори: календарь и обряд

© Дашиева Н. Б., 2021

1. Введение

В бурятоведении миф, повествующий о происхождении племени Хори от брака молодого охотника и небесной девы-лебедя, используется в качестве исторического источника, отражающего вопросы начального этапа этнической истории племени, определения территории, с которой связаны его этнокультурные истоки, выявления через образы мифологических прародителей этнических общностей, участвовавших в его этногенезе.

Миф хори-бурят нельзя рассматривать как этногонический, в полном смысле этого слова, типологически и содержательно с ним сходен сюжет о происхождении бурятского племени Хонгодор и рода Шошолок. В ойратском мифе отцом первого цороса называется охотник, а матерью дева-лебедь, представительница мира небесных божеств (*тэнгри*), спустившаяся на высокую гору, чтобы искупаться в озере [Михайлов, 1983, с. 100—101]. Родословную олетских князей ведут от дочери Неба Хормуста-тенгри, представлявшейся в образе лебедя. Баяты на северо-западе Монголии почитали лебедя как свою прародительницу [Эрдэнэболд, 2012, с. 9, 73]. В прошлом у некоторых родов баргутов совершался обряд поклонения лебедю молодой невесткой, когда она впервые входила в дом [Галзут, 2008, с. 112]. Культовое отношение к лебедю как тотему со стороны материнского рода проявляется в традициях телеутов преподносить в подарок убитого лебедя дяде по линии матери, если мужчина сватал его дочь [Потапов, 1959, с. 20—22].

Тема «солнечная птица-лебедь — мать-прародительница хоринских родов», рассмотренная в публикациях Г. Н. Румянцева, Ц. Б. Цыдендамбаева, Г. Р. Галдановой, Д. С. Дугарова и других исследователей, получила логическое развитие в исследованиях Б. Р. Зориктуева. В результате сравнительного анализа сюжетов генеалогического мифа хоринцев, хонгодоров и рода Шошолок, тувинского рода Куулар, исторических и современных тюркских племен автор сделал важный для нашей работы вывод о формировании тотемного культа лебедя у данных этнических сообществ в связи с территорией Алтая, телескими племенами начала н. э. [Зориктуев, 2018, с. 129—130]; сюжет-основа разных вариантов мифа хори-бурят был воспринят ими от тюрков в местности Цайдам, расположенной в китайской провинции Цинхай; становление оказавшихся в составе монголоязычных

хоринцев тюркских лебединых родов: хуасай, хубдут, хальбин (хангин), шарайт (шарят) — относится к Саяно-Алтаю и смежным с ним районам Северо-Западной Монголии [Зориктуев, 2020, с. 18].

Ареал распространения сюжета и солярная природа образа хоринской праматери дает возможность исследования мифа с применением методологических установок, предложенных Ю. В. Кнорозовым, к интерпретации легендарной истории племени как к источнику, отражающему «не столько реальные исторические факты, сколько идеологические установки», «также бывшие реальным историческим фактом» [Кнорозов, 1999, с. 210].

Настоящая статья посвящена историко-культурной интерпретации сюжета генеалогического мифа бурятского племени Хори как сюжета календарного мифа, основные события которого отражены в содержании наскальных рисунков бухты Саган-Заба на северном побережье Байкала.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в бурятоведении сюжет генеалогического мифа племени Хори интерпретируется как историко-культурный источник, отражающий культ солнца, обусловленный им тип календаря и модель календарных обрядов, тесно связанных с типом хозяйства его носителей.

Результаты исследования могут представлять интерес для истории культуры не только бурят, но и ряда тюрко-монгольских этнических общностей, у которых бытуют версии этого сюжета.

2. Структура, функции и календарная семантика хоринского мифа

Согласно распространенному варианту генеалогического мифа бурятского племени Хори, молодой охотник Хоредой, живший на острове Ольхон, увидел спустившихся на берег Байкала трех лебедей. Сняв свои лебяжьи одежды, птицы превратились в девушек и стали купаться в озере. Пленившись их красотой, юноша взял украдкой одежду и украшения одной из них. Девушки вышли из воды, две вновь превратившись в птиц, улетели на небо. Одна же, не найдя своей одежды, осталась на земле и вышла замуж за Хоредоя. У них родились одиннадцать сыновей, ставших основателями одиннадцати хоринских родов.

Хоредой и его жена состарились. Однажды старуха сказала старику: «Я стала старой, родила одиннадцать детей и сейчас куда я уйду от них. Отдай мою прежнюю одежду и украшения, перед смертью хочу покрасоваться». Старик, подумав, исполнил ее просьбу, старуха же, надев свою девичью одежду и украшения, превратилась в лебедя и взлетела к дымоходу. Старик попытался поймать ее за ноги, но неудачно. Хоринские буряты считают: предок их лебедь, береза — коновязь. Соблюдая старинные обычаи, брызгают молочной водкой в момент прилета и отлета лебедей [Ломбоцыренов, 1995, с. 103—104].

CC BY

По другому варианту мифа, события происходят на озере Садамтын-Саган-нур. Т. М. Михайлов и Б. Р. Зориктуев название легендарного для хоринцев озера возводят к покрытой белой солончаковой солью обширной местности Цайдам [Михайлов, 1983, с. 122; Зориктуев, 2020, с. 12]. Здесь жена Хоредоя называется Хобоши-Хатун, дочь Шара-Хасар-тэнгэри. Когда Хобоши-Хатун вылетела через дымовое отверстие юрты, одна из ее дочерей перегоняла на огне очага молочную водку. Заметив, что мать улетает, дочь пыталась схватить лебедя за ноги и от ее грязных рук они стали черными. Лебедь, покружившись над юртой, проговорила своей семье: «Вы земные жители, оставайтесь на земле, а я, небесная, полечу на небо, на свою родину». Затем добавила: «Весной и осенью, когда лебеди летят к северу и обратно, делайте обряд в честь мою!» Потом Хобоши-Хатун благословила своих детей и улетела на небо [Румянцев, 1962, с. 150—151]. Таков же сюжет мифа о происхождении родов Галзут, Шарят (Шарайт) и Хангин (Хальбин), входящих в группу старших родов племени Хори [Хангалов, 1958, с. 405—406; Балдаев, 2019, с. 302].

В сюжете хоринского мифа представлена трехчленная по вертикали индоевропейская картина мира. Охотник от стихии воды — семантически пространственного «низа» — приводит солнечную деву в свое жилище — прообраз среднего мира. Сакральным центром жилища выступает огонь очага, выполняющий функции установления связи с верхним миром. Проведя в среднем мире один временной цикл жизни человека, дева-лебедь улетает в верхний мир, маркированный открытым дымоходом. В горизонтальной модели мира направления юг и север, откуда сезонно прилетают и улетают птицы, выступают в качестве пространственного маркера временного кода весны и осени.

В календарном осмыслении мифа время, выраженное образом солнечной птицы, в течение одного солнечного года претерпевает три фазы своего состояния, соотнесенного с тремя периодами жизни человека. В начале года время предстает в образе юной девушки, в своем наивысшем развитии — женщины-матери, а в стадии завершения — седой старухи, за которым следует ее преобразование в изначальный образ птицы-лебедя и уход в небесный мир. Но таинство исчезновения, тот перерыв в профанической длительности, когда времени нет, в сознании носителей данного типа календаря — необходимое условие для его нового появления в земном мире. Это событие обеспечивают, приуроченные ко времени сезонных прилетов и отлетов лебедей коллективные обряды, совершаемые с кроплением молока и молочных напитков. Целью же обрядовых действ являлось стремление людей поддерживать незыблемость ритма движения времени в течение солнечного года, следовательно, циклично развивающегося ритма жизни общества, природы и мира в целом.

CC BY

Мотив брака отца-основателя и матери-прародительницы племени, отражающий идею начала творения нового мира, новой жизни — акта, совершающегося в новогоднем празднике с целью вызова плодородия, как в природе, так и человеческом обществе, указывает на дату осеннего равноденствия. В фольклоре бурят семантическая связь этой знаменательной календарной даты с мифологемой «брак» представлена названием праздника «Великий день» (*Ехэ удэр*), характеризуемого поговоркой: «В равенстве осеннего дня и ночи нового года начало, в равенстве мужчины и женщины — нового счастья начало» (*Намарай удэр-һунин тэгшэдэ шэнэ жэлай эхин, эрэ-эмын тэгшэдэ шэнэ жаргалай эхин*) [Манжигеев, 1978, с. 49].

Третья календарная дата в хоринском мифе проявляется имплицитно через мотив вылета лебедицы через открытое отверстие дымохода, когда в него светило солнце, а в очаге горел огонь. В таком положении солнце находится в период своего наивысшего состояния в годовом движении, соответствующий дню летнего солнцестояния. По традиционным представлениям бурят, в этот день происходило соединение огня небесного с земным огнем.

Во всех вариантах хоринского мифа устойчиво сохраняется указание на смену типа хозяйства отца-основателя племени Хори, родов Галзут и Шарайт. В завязке сюжета это молодые охотники, а в его финале — старики, перегоняющие на огне домашнего очага молочную водку *тарасун*. Занятие отца-основателя племени в момент, когда жена-лебедь улетает в верхний мир, указывает на его статус как родового старейшины — руководителя сезонных обрядов, совершаемых с подношением в жертву светлым солнечным божествам молочных напитков. Такие люди у бурят-шаманистов называются «стариками» (*убэгэд*), что указывает на их «предковость», а не шаманами.

В свете положения, согласно которому тотем в древнем обществе сопутствовал материнскому роду, а название тотема становилось названием рода, возникает вопрос о значении корня *-хор-* в гениониме *Хори*. В тексте шаманского призывания духов-предков, записанного Ц. Жамцарано у хоринских родов, проживавших в Кударинской степи на южном берегу Байкала, мать-прародительница отца-основателя племени «под собственным именем» называется «Шомшор Большая госпожа» «с прозвищем Уһэтэ Госпожа-мать» [Жамцарано 2001, с. 161].

Бурятское слово *шомшор*, описывающее чрезмерно выпяченные губы, вкупе с эпитетом *уһэтэ* ‘волосатая’, являющимся табуированным названием богини, имеет параллель в обрядово-ритуальных текстах тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Сибири. В этих текстах через волосы богини в образе оленя (= языки пламени, лучи) раскрывается ее связь с огнем и солнцем [Дашиева, 2015, с. 146—147 и др.].

CC BY

Словесное описание мифологической матери-прародительницы отца-основателя племени Хори свидетельствует, что изначально структурообразующим центром социальной общины с этнонимом Хори выступала тотемическая группа с культом оленя-матери с иранским названием *хор* (‘солнце’). Изображения оленей с длинными вытянутыми губами, с загнутыми и обращенными назад головами, имеющими развесистые рога, концы которых туго закручивались, характерны для скифо-сибирского изобразительного искусства «звериного стиля», а каменные плиты, покрытые такими рисунками, в литературе известны как «оленные камни» [Окладников, 1976, с. 356]. Исторически культ оленя, «звериный стиль» и «оленные камни» связаны с кочевыми ираноязычными скотоводческими племенами Западной и Северо-Западной Монголии, Тувы и Алтая эпохи ранней бронзы [Новгородова, 1989, с. 173—174].

Культ оленя-солнца выявляется и в имени отца девы-лебеди как Шара-Хасар-тэнгэри в варианте мифа, события которого происходят на озере Садамтын Саган и в мифе старших хоринских родов Галзут и Шарайт. В прямом переводе с бурятского языка оно осмысливается как «Желтая-Щека-тэнгэри» [Хангалов, 1958, с. 405]. Между тем часть «Хасар» в структуре данного теонима представляет собой стяжение слов *хас* и *ар*, каждое из которых лексически и семантически связано с понятием «солнце». В бурятском языке лексема *хас* в сочетании с *тамга* (‘печать’, ‘клеймо’) означает свастический знак [Черемисов, 1951, с. 560], осмысливаемый как символ солнца. Одна из его разновидностей в виде трехлучевого спиралевидного узора, известного в орнаментике бурят Предбайкалья под названием *арбагай* (‘ветвистый’), выступает в качестве графического символа оленя — тотема ираноязычных народов сако-скифского этнокультурного круга [Павлов и др., 2009]. Эта связь прослеживается через эвфемистическое обозначение оленя *saka* как «рогатого» (метафорически: ‘ветвистого’) — тотема восточных иранцев-саков (*saka* — ‘скиф’) [Абаев, 1949 (1), с. 49, 179; Гамкрелидзе и др., 1984, с. 518—519].

В бурятском языке от корня *ар* образуются термины культовой лексики со значениями ‘чистый, ясный, светлый, священный’ [Черемисов, 1951, с. 68]. В указанных значениях *ар* в структуре теонима Хасар обладает общностью со словом *аар* в составе имени высшего божества пантеона якутов *УрУн Аар-тойона* (‘Белый Великий-господин’), представляющего собой персонификацию солнца, а его супруга носит имя *Хубай-хатун* (‘Лебедь-госпожа’). Лексически и семантически имя якутского божества имеет близость с *арья* — эпитетом богов в ведах [Сидоров, 1997, с. 121—122].

В свете изложенного имя небесного божества *Шара Хасар-тэнгэри*, являющегося табуированным названием солнца, представляется как ‘Желтый Священный олень’.

CC BY

Контекстную связь с культом солнца проявляет и название рода *Галзут*. Общепринятая в бурятоведении интерпретация данного генонима возводит его происхождение к эпитету *бешеные*, *яростные* (бур. *галзуу*) с показателем множественности *т*, характерным для монгольских языков, заменившему название родового тотема. Г. Н. Румянцев за данным эпитетом видит образ жеребца, отличавшегося бешеным нравом и быстротой [Румянцев, 1962, с. 190]. Ц. Б. Цыдендамбаев, соглашаясь с гипотезой относительно указания на тотемность эпитета, в роли тотема предполагает яростную, или бешеную, собаку [Цыдендамбаев, 2001, с. 146—147].

Иной подход к интерпретации генонима *Галзут* предлагает Т. Д. Скрынникова: «… значения слова *галзуу* могут быть денотатами солнца (*гал* — огонь), что является архетипом», следовательно, *Галзут* может означать ‘народ, обладающий бешеным (яростным) солнцем’, ‘солнечный народ’. В обоснование своего подхода исследовательница приводит значения форманта *яр* в русской лексике в определениях солнца как *ярый, Ярило*, включающих такие значения, как ‘горячий’, ‘огненный’, ‘сердитый’, ‘свирепый’, ‘бешеный’, имеющие лексическую и семантическую связь с календарем солнечного года [Скрынникова, 2009, с. 20].

В поддержку этимологии генонима *Галзут* в его контекстной связи с солнцем приведем опыт этимологизации А. Кастреном названия месяца *гани*, соответствующего периоду июнь-июль в народном календаре монголов и бурят, в связи с «яростным», «бешеным» солнцем, месяцем «сильной», «безумной», «бешеной» жары, вызывающей засуху (*ган*) [Цолоо, 1994, с. 37].

В шаманском пантеоне бурят Предбайкалья к светлым солнечным божествам относилась группа под названием «сайтинские боги» (*сайтани бурхад*). К сайтинским бурханам, живущим в великолепных сияющих дворцах у озера Садамтын Саган, в числе которых обитают Хоредой и его супруга-лебедь, приходят после смерти белые шаманы. Там они поступают в услужение великим своим богам, входят в число их свиты [Хангалов, 1958, с. 391]. У балаганских бурят к сайтинским богам относились и духи-хозяева водных глубин с общим названием *Ухан-хат* (‘Цари вод’). В жертву им приносили *тарасун* [Там же, с. 343—345].

О происхождении названия *сайтинские боги*, отнесенные в шаманском пантеоне населения долины правого притока Ангары р. Куды к категории божеств «чистых», «светлых», существует предположение, что оно связано с господством монголов в Китае и их изгнанием оттуда и имеет монголо-ойратское происхождение [Михайлов, 1983, с. 121, 124].

На наш взгляд, *сайтинские* как общее название категории светлых, добродетельных для людей небесных богов фонетически и содержательно сближается с частью *ксай* в именах сыновей первого царя скифской мифо-

CC BY

логии Таргитая. Их имена *Липоксай*, *Арпоксай* и *Колоксай*, в первой части означающие соответственно ‘гора’, ‘глубь’ и ‘солнце’, вкупе с иранским элементом *ксай* со значением ‘царь, владыка’ [Раевский, 1992, с. 446, 447], выступают как коды трехчастной по вертикали индоевропейской картины мира. Фонетический вариант элемента *ксай* в форме *хшайта* — эпитета первых царей иранской мифологии — означал такие понятия, как «сияющий», «властвующий». Носителем его был и сын солнечного героя, сам подобный солнцу, *Йима*, создавший по велению и с помощью *Ахурамазды* прекрасную благую обитель у горы Высокой Хары (Хара Березайти) и моря Воурукуша [Бонгард-Левин и др., 1983, с. 64]. Архетипом представлений кудинских бурят-шаманистов о месте нахождения светлых сайтинских божеств Хоредоя и его супруги-лебедицы, вероятно, явилось описание этой чудесной обители.

3. Хоринский миф и петроглифы бухты Саган-Заба на Байкале

В историко-культурном срезе графическую иллюстрацию к сюжету хоринского мифа представляют петроглифы бухты Саган-Заба на северном берегу Байкала. В нашей современности эти рисунки почитаются бурятами-шаманистами как вместилища небесных божеств и духов. Население окрестных сел здесь ежегодно устраивает свои сезонные родовые праздники с обрядами жертвоприношений молочной пищи и домашних животных духам-хозяевам писаной скалы, известным под названием *тайлган*. Полное описание наскальных рисунков с обстоятельным анализом вклада их первооткрывателей и исследователей представлено в книге А. П. Окладникова «Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири» [Окладников, 1974]. Автор указывает, что впервые они были описаны и зарисованы в 1881 году Н. Н. Агапитовым, который выделил на поверхности скалы 5 отдельных групп, представляющих собой «довольно цельную картину из жизни народа, оставившего о себе такую память» [Там же, с. 11].

Выделив в одну группу оленей, выполненных в характерной для скифо-сибирской изобразительной традиции «звериного стиля» с подогнутыми в прыжке ногами и широко раскинутыми на голове рогами, ученый датирует эти рисунки половиной I тыс. до н. э. [Там же, с. 77]. Происхождение же элементов «звериного стиля» на петроглифах Байкала, обнаруживающих сходство с оленями на бронзе тагарской культуры и «отчасти с фигурами благородных оленей на оленных камнях Забайкалья», он соотносит с населением плиточных могил, проникших на остров Ольхон и северный берег Байкала из степей Забайкалья и Монголии [Там же, с. 77; 111—112].

В группе рисунков со скифскими оленями находятся семь фигур птиц, похожих на гусей или лебедей, расположенных вертикально одна над дру-

CC BY

гой. В их изображениях А. П. Окладников видит «перекличку» с образом птицы-лебедя в сюжете генеалогического мифа бурят о предке хоринцев Хоридой или Хоридой-мэргэне, сочетавшемся браком на берегу Байкала с небесной девой-лебедем. В книге приводятся несколько вариантов хоринского мифа-легенды [Там же, с. 29; 88—91].

Последовательное сопоставление событий, составляющих сюжет хоринского мифа, с рисунками петроглифов Саган-Заба и календарными традициями исторических ираноязычных и тюрко-монгольских народов Центральной Азии и местного бурятского населения конца XIX — начала XX веков, выявляет ряд совпадений в их содержании. Так, сопряженность идеи начала нового года, семантически соотнесенного в хоринском мифе с мотивом «брак отца-основателя и матери-прародительницы племени», перекликается с рисунком, который А. П. Окладников назвал «изображение коитуса» [Там же, с. 26]. О празднике монголоязычных сяньби (хоров) «Вэйшу» сообщает: «В последнем весеннем месяце собираются при реке Жао-лэ (Шара-Мурень); и когда кончается пиршество, то соединяются браком». И далее: «Подобные праздники известны у хунну под названием “сюй”» [Бичурин, 1950, с. 142].

Короткие рожки на голове одного из двух участников сцены «коитус» указывают на связь его образа с многочисленными антропоморфными мужскими фигурами, изображенными на петроглифах Саган-Заба. Имеющийся в руках одного из них какой-то стержень, напоминающий боевой топор или секиру [Окладников, 1974, с. 26, 72], позволяет сопоставлять данные фигуры с образами индоевропейских по истокам светлых солнечных божеств эпохи бронзы, наделенных функциями громовника. У бурят Приольхонья преемственность с их образами можно видеть в молитвенной просьбе шаманов, обращенной к духу-хозяину бухты Саган-Заба, «спуститься молнией», стать бурханом с престолом между гор [Там же, с. 19].

С мифологическим мотивом «рождение потомства девой-лебедицей» перекликается рисунок, охарактеризованный А. П. Окладниковым как «Один из самых необычных на скале Саган-Заба». «Вверху, справа выбита фигура птицы (гусь или лебедь) с длинной шеей и массивным туловищем. Птица стоит на одной ноге. К птице протянута рука антропоморфного существа, которое как бы держит птицу рукой за грудь. У этой антропоморфной фигуры грушевидная большая голова, широкое туловище с раздутым животом, напоминающим живот беременной женщины. Ноги широко расставлены и согнуты в коленях. Эта поза напоминает позу женщины, рожающей сидя, как это было принято у некоторых народов Сибири»; туловище фигуры заканчивается внизу треугольным выступом, возможно, показывающим, что младенец появляется на свет из чрева матери [Там же, с. 29—30, с. 30 (рис. 10, табл. 15)].

CC BY

В календарном осмыслении рисунок можно интерпретировать как графическое воплощение идеи рождения нового Солнце-года из чрева матери-прародительницы, солярная природа которой в графике выражена образом птицы-лебедя. Свидетельством устойчивости художественного приема, посредством которого передана календарная семантика образа «роженицы» в культуре бурят, выступает графический символ оленя-матери — солнца, рождающей оленя-дитя — солнце, заменивший у хоринцев Забайкалья на лунном календаре китайского образца знак месяца дракона (май-июнь) [Дашиева, 2015, с. 152—153]. Временной период длительностью в девять месяцев, отсчитываемый со дня осеннего равноденствия, с которым мы соотносим рисунок «Коитус» на петроглифах Саган-Заба и графический символ рождения Солнце-года на деревянном календаре хоринцев (май-июнь), совпадает с периодом вынашивания человеческого дитя и плода у оленей.

Графический образ представлений о жилище как модели Вселенной, выявляемых в сюжете хоринского мифа, можно видеть в рисунке, описанном автором как «сложная ажурная фигура из косых полос, заканчивающихся вверху короткими стержнями-лучами, сохранившаяся только в верхней своей части. Фигура напоминает сооружение в виде шатра или чума» [Окладников, 1974, с. 30 (рис. 10, табл. 15)]. В конце XIX — начале XX веков балаганские буряты-булагаты в весенних обрядах, проводимых в мае, строили балаган из досок (*урса*). В него сажали пожилую пару из потомков младшего сына отца-основателя племени, их угощали разнообразными молочными блюдами, просили у них счастья и благословения [Балдаев, 1970, с. 89].

С занятием старика Хоредоя в день, когда жена в образе солнечной птицы улетает в верхний мир, можно сопоставить обычай бурят Предбайкалья отправляясь к изображениям бухты Саган-Заба и соседней с ней бухты Ая, специально гнать *тарасун*, чтобы совершить ритуальное подношение [Хангалов, 1958, с. 345, 352].

На историко-культурные истоки образов птиц на скалах бухты Саган-Заба как лебедей указывает их вертикальное расположение одна над другой. Аналогии этому приему представлены на высоком головном уборе молодой женщины из захоронения с плато Укок на Алтае в виде вертикально одна над другой прикрепленных пятнадцати деревянных фигурок лебедей и двух оленей, один из которых находится на острие шапки, а второй стоит на золотом шаре на ее тулье. На запястье женщины, принадлежащей к европеоидному компоненту в пазырыкской культуре, изображена голова оленя с большими рогами [Полосьмак, 1999, с. 36—41].

Семантическую функцию войлочных фигурок лебедей, набитых оленьей шерстью, найденных при раскопках Пятого Пазырыкского кургана

CC BY

среди деталей погребальной повозки, П. П. Азбелев объясняет представлениями об их способности проникать в разные миры [Азбелев, 2019]. В традиционной культуре хори-бурят эти воззрения выражались в ритуале женщин, которые кропили молоком при весенней встрече и осенних проводах лебедей.

4. Заключение

Отражение космологической концепции в мифе бурятского племени Хори представляет его не как генеалогический, обоснованный декларированием тотемических верований, ставших основой орнито-зооморфных образов, а как космогонический миф, описывающий пространственно-временные параметры мира. Космогоническая суть мифа в его сюжете проявляется через мотив брака отца-основателя и матери-прародительницы племени, имена которых являются персонификацией солнца (*хор* — иранское и *кун* — тюркское).

В обоснованной сюжетом мифа картине мира, имеющей индоевропейские историко-культурные истоки, пространство и время представлены как взаимообусловленные категории, образующие семантические ряды «верхний мир — будущее время», «средний мир — настоящее время», «нижний мир — прошедшее время». В горизонтальной проекции трехчастной по вертикали модели мира две противоположные стороны света — юг и север — образуют два противопоставленных семантических ряда: «юг — верх — будущее время» и «север — низ — прошедшее время», «средний мир — земная жизнь — настоящее время».

Представления о движении времени в течение календарного года, начало которого отсчитывалось со дня осеннего равноденствия, в мифе соотнесенного с представлениями о начале племенного сообщества, выражено орнито-антропоморфной метаморфозой образа и пространственного перемещения матери-прародительницы племени. В этой системе календаря образ солнечной птицы соединяет три состояния времени: прошлое, настоящее и будущее, — соответствующих трем сферам пространственной вертикальной проекции индоевропейской картины мира.

Смена образа мифологической матери-прародительницы и ее перемещение в пространстве образуют семантические ряды: «нижний мир — прошедшее время — птица-лебедь», «средний мир — настоящее время — человек», «верхний мир — будущее время — птица-лебедь». С этими координатами соотнесены и сезонные календарные ритуалы, обеспечивающие природную и социальную упорядоченность. В мифологическом сознании сезонные прилеты и отлеты лебедей воспринимались как реплика первособытия, весенние ритуалы кропления молоком прилетающим пти-

цам воспринимались как встреча спустившейся из верхнего мира к своим потомкам — жителям среднего мира — небесной матери-прародительницы племени — переход от сезона холодов к сезону тепла. Осенние ритуалы проводов матери-прародительницы воспринимались как ее возвращение в сакральный верхний мир, в календарном значении — наступление длительного сезона холодов.

Иранский по происхождению культ лебедя и космогоническая суть образов звериного стиля позволяют увидеть в сюжете хоринского мифа культ солнца, обусловленный им тип календаря солнечного года и модель календарных обрядов скотоводческих народов лесостепной и степной зоны.

Сопоставление персонажей и ключевых событий мифа с сюжетами наскальной графики бухты Саган-Заба на северном побережье Байкала, с памятниками культуры Забайкалья, Западной Монголии, Алтая и Тувы относит его историко-культурные истоки к археологической скифо-сибирской культуре.

Источники и принятые сокращения

1. *Абаев В. Н.* Осетинский язык и фольклор / В. Н. Абаев. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1949 (1). — 608 с.

2. *Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят. Булагаты и эхириты / С. П. Балдаев. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1970. — Ч. 1. — 363 с.

3. *Балдаев С. П.* Родословные легенды и предания буряат / С. П. Балдаев. — Улан-Удэ : Издательство НоваПринт, 2019. — 720 с.

4. *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. — Том 1. — 384 с.

5. *Галзут Т.* История происхождения баргутов (транслитерация, перевод, примечания) / ввод. статья и примечания Д. Д. Нимаева, Л. Б. Бадмаевой ; транслит., пер. со старомонг. Л. Б. Бадмаевой, Ю. Д. Бадмаевой. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН. 2008. — 188 с.

6. *Гамкрелидзе Т. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. — Тбилиси : Издательство Тбилисского университета, 1984. Т. 1—2. — 1328 с.

7. *Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903—1907 гг. / Ц. Жамцарано. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2001. — 382 с. — ISBN 5-7925-0085-1.

8. *Ломбоцыренов Д-Ж.* История селенгинских монгол-бурят / Д-Ж. Ломбоцыренов // Бурятские летописи. — Улан-Удэ : БИОН, 1995. — С. 103—132.

9. *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Опыт атеистической интерпретации / И. А. Манжигеев. — Москва : Наука, 1978. — 125 с.

10. *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории) / Э. А. Новгородова. — Москва : Наука,1989. — 384 с. — ISBN 5-02-016664-2.

11. *Окладников А. П.* Оленный камень с реки Иволги / А. П. Окладников // История и культура Бурятии. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1976. — С. 343—360.

12. *Окладников А. П.* Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири / А. П. Окладников. — Новосибирск : Наука, 1974. — 168 с.

13. *Раевский Д. С.* Скифо-сарматская мифология / Д. С. Раевский // Мифы народов мира : энциклопедия. — Москва, 1992. — Т. 2. — С. 445—450.

14. *Рашид ад-дин.* Сборник летописей / перевод с персидского А. А. Хетагурова редакция и примечания А. А. Семенова. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1952. — Том 1, Книга 1. — 221 с.

15. *Сидоров Е. С.* Якутские лексические схождения / Е. С. Сидоров. — Якутск : Издательство ЯГУ, 1997. — Выпуск 1. — 146 с.

16. *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений / М. Н. Хангалов. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1958. — Том 1. — 549 с.

17. *Цолоо Ж.* Термины традиционного летоисчисления у монголов / Ж. Цолоо // Этнокультурная лексика монгольских языков. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 1994. — С. 27—43.

18. *Черемисов К. М.* Бурят-монгольско-русский словарь / К. М. Черемисов. — Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1951. — 852 с.

19. *Шерхунаев Р. А.* Певец земли бурятской. Очерки жизни и деятельности П. М. Тушемилова / Р. А. Шерхунаев. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1973. — 215 с.

20. *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX — начало XX в.) / Л. Эрдэнэболд. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2012. — 196 с.

Литература

1. *Азбелев П. П.* Пазырыкские лебеди / П. П. Азбелев // Актуальные вопросы истории кыргызского народа : прошлое, настоящее и будущее // Сборник статей в честь 70-летия кыргызского историка и востоковеда Мокеева А. М. — Бишкек, 2019. — С. 277—284.

2. *Бонгард-Левин Г. М.* От Скифии до Индии. Древние арии : мифы и история / Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. — 2-е изд., доп. и испр. — Москва : Мысль, 1983. — 206 с.

3. *Дашиева Н. Б.* Календарь в традиционной культуре бурят : опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования / Н. Б. Дашиева. — 2-е издание, исправленное и дополненное. — Москва : Наука — Восточная литература, 2015. — 239 с. — ISBN 978-5-02-036586-5.

4. *Зориктуев Б. Р.* Наян-Нава и проблема этногенеза бурятской племенной общности хори / Б. Р. Зориктуев // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 393—423. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423.

5. *Зориктуев Б. Р.* О малоизвестных аспектах этнической истории хори / Б. Р. Зориктуев // Проблемы социально-экономического развития Сибири : научный журнал. — Братск : БрГУ, 2018. — № 4 (34). — С. 127—132.

6. *Кнорозов Ю. В.* Этногонические легенды. Общий обзор / Ю. В. Кнорозов // Вопросы этнической семиотики. — Санкт-Петербург : Наука, 1999. — С. 206—215. — ISBN 5-02-027352-X.

7. *Михайлов Г. И.* Мифы в исторических сочинениях XIII—XIV вв. монгольских народов / Г. И. Михайлов // Фольклор и историческая этнография. — Москва : Наука, 1983. — С. 88—106.

8. *Михайлов Т. М.* О сайтинских божествах в шаманской религии бурят / Т. М. Михайлов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. — Улан-Удэ : БФ СО РАН СССР, 1983. — С. 114—126.

9. *Павлов Е. В.* Семантика и истоки свастического символа *арбагай* в орнаментальной традиции бурят / Е. В. Павлов, С. В. Павлова // Этническая история и этническая культура. — Москва — Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2009. — Выпуск 11. — С. 24—49.

10. *Полосьмак Н. В.* Алтайская леди : Удивительная находка российских археологов / Н. В. Полосьмак // Родина. — 1999. — № 4. — С. 34—41.

11. *Потапов Л. П.* Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения лебедя у хакасов) / Л. П. Потапов // Советская этнография. — 1959. — № 2. — С. 18—30.

12. *Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят / Г. Н. Румянцев. — Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1962. — 265 с.

13. *Скрынникова Т. Д.* Символы солнца в традиционной культуре тюрко-монгольских народов Сибири / Т. Д. Скрынникова // Этническая история и этническая культура. — Москва — Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2009. — Выпуск 11. — С. 3—24. — ISBN 978-5-89610-168-0.

14. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование / Ц. Б. Цыдендамбаев. — Улан-Удэ : Республиканская типография, 2001. — 255 с.

Material resources

Abaev, V. N. (1949). *Ossetian language and folklore, 1.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 608 p. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (1970). *Genealogical legends and legends of the Buryats. Bulagaty i ekhirity, 1.* Ulan-Ude: Buryat Book Publishing house. 363 p. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (2019). *Genealogical legends and legends of the Buryats.* Ulan-Ude: NovaPrint Publishing House. 720 p. (In Russ.).

Bichurin, N. Ya. (Iakinf). (1950). *Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times, 1.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 384 p. (In Russ.).

Cheremisov, K. M. (1951). *Buryat-Mongolian-Russian dictionary.* Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 852 p. (In Russ.).

Erdenebold, L. (2012). *Traditional beliefs of the Oirat-Mongols (late XIX — early XX century).* Ulan-Ude: Publishing house of the BNC SB RAS. 196 p. (In Russ.).

Galzut, T. (2008). *History of the origin of the Barguts (transliteration, translation, notes), 1—2.* Ulan-Ude: Publishing house of the BNC SB RAS. 188 p. (In Russ.).

Gamkrelidze, T. V., Ivanov, V. V. (1984). *Indo-European language and Indo-Europeans. Reconstruction and historical-typological analysis of proto-language and proto-culture, 1—2.* Tbilisi: Tbilisi University Press. 1328 p. (In Russ.).

Khangalov, M. N. (1958). *Collected works, 1.* Ulan-Ude: Buryat Book Publishing house. 549 p. (In Russ.).

Lombotsyrenov, D-Zh. (1995). History of the Selenga Mongol-Buryats. In: *Buryat Chronicles.* Ulan-Ude: BION. 103—132. (In Russ.).

Manzhigeev, I. A. (1978). *Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms. Experience of atheistic interpretation.* Moscow: Nauka. 125 p. (In Russ.).

Novgorodova, E. A. (1989). *Ancient Mongolia (Some problems of chronology and ethnocultural history)*. Moscow: Nauka. 384 p. ISBN 5-02-016664-2. (In Russ.).
Okladnikov, A. P. (1974). *Petroglyphs of Baikal — monuments of ancient culture of the peoples of Siberia.* Novosibirsk: Nauka. 168 p. (In Russ.).
Okladnikov, A. P. (1976). Deer Rock from the Oriole River. In: *History and culture of Buryatia.* Ulan-Ude: Buryat Book Publishing house. 343—360. (In Russ.).
Raevsky, D. S. (1992). Scytho-Sarmatian mythology. In: *Myths of the peoples of the world: encyclopedia, 2.* Moscow. 445—450. (In Russ.).
Rashid al-din. (1952). *Collection of chronicles, 1 (1).* Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 221 p. (In Russ.).
Sidorov, E. S. (1997). *Yakut lexical convergence, 1.* Yakutsk: YSU Publishing House. 146 p. (In Russ.).
Sherkhunaev, R. A. (1973). *Singer of the Buryat land. Essays on the life and work of P. M. Tushemilov.* Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 215 p. (In Russ.).
Tsoloo, Zh. (1994). Terms of the traditional chronology of the Mongols. In: *Ethnocultural vocabulary of the Mongolian languages.* Ulan-Ude: Publishing house of the BNC SB RAS. 27—43. (In Russ.).
Zhamtsarano, Ts. (2001). *Travel diaries of 1903—1907*. Ulan-Ude: Publishing house of the BNC SB RAS. 382 p. ISBN 5-7925-0085-1. (In Russ.).

References

Azbelev, P. P. (2019). Paris swans. Actual issues of the history of the Kyrgyz people: past, present and future. In: *Collection of articles in honor of the 70 th anniversary of the Kyrgyz historian and Orientalist Mokeeva A. M. Bishkek.* 277—284. (In Russ.).
Bongard-Levin, G. M., Grantovsky, E. A. (1983). *From Scythia to India. Ancient Arias: Myths and History.* Moscow: Mysl. 206 p. (In Russ.).
Dashieva, N. B. (2015). *Calendar in the traditional culture of the Buryats: the experience of historical-ethnographic and cultural-genetic research.* Moscow: Nauka — Vostochnaya literatura. 239 p. ISBN 978-5-02-036586-5. (In Russ.).
Knorozov, Yu. V. (1999). Ethnogonic legends. General review. In: *Questions of ethnic semiotics.* Saint-Petersburg: Nauka. 206—215. ISBN 5-02-027352-X. (In Russ.).
Mikhailov, G. I. (1983). Myths in historical works of the XIII—XIV centuries of the Mongolian people's. In: *Folklore and historical ethnography.* Moscow: Nauka. 88—106. (In Russ.).
Mikhailov, T. M. (1983). About the Saitin deities in the shamanic religion of the Buryats. In: *Ethnic and historical-cultural relations of the Mongolian peoples*. Ulan-Ude: BF SB RAS USSR. 114—126. (In Russ.).
Pavlov, E. V., Pavlova, S. V. (2009). Semantics and origins of the swastika symbol Arbagai in the ornamental tradition of the Buryats. In: *Ethnic history and ethnic culture, 11.* Moscow-Ulan-Ude: VSGAKI. 24—49. (In Russ.).
Polosmak, N. V. (1999). Altai lady: An amazing find of Russian archaeologists. *Homeland, 4:* 34—41. (In Russ.).
Potapov, L. P. (1959). From the history of the early forms of the family and religious ideas (the custom of giving a swan to the Khakas). *Soviet Ethnography, 2:* 18—30. (In Russ.).

CC BY

Rumyantsev, G. N. (1962). *The origin of the Khorinsky Buryats.* Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 265 p. (In Russ.).

Skrynnikova, T. D. (2009). Symbols of the sun in the traditional culture of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. In: *Ethnic history and ethnic culture, 11*. Moscow — Ulan-Ude: VSGAKI. 3—24. ISBN 978-5-89610-168-0. (In Russ.).

Tsydendambayev, Ts. B. (2001). *Buryat historical chronicles and genealogies. Historical and linguistic research.* Ulan-Ude: Republican printing house. 255 p. (In Russ.).

Zoriktuev, B. R. (2018). On little-known aspects of the ethnic history of the Khori. *Problems of socio-economic development of Siberia: a scientific journal, 4 (34):* 127—132. (In Russ.).

Zoriktuev, B. R. (2020). Nayan-Nava and the Ethnogenesis Problem of the Buryat Tribal Community of Khori. *Nauchnyi dialog, 5:* 393—423. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Дворниченко А. Ю. «Литва» и «Руссии» в отражении травелогов : от Карпини до Герберштейна / А. Ю. Дворниченко // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 380—396. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-380-396.

Dvornichenko, A. Yu. (2021). "Lithuania" and "Russia" in the Reflection of Travelogues: from Karpini to Herberstein. *Nauchnyi dialog, 3:* 380-396. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-380-396. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-380-396

«Литва» и «Руссии» в отражении травелогов: от Карпини до Герберштейна

Дворниченко Андрей Юрьевич
orcid.org/0000-0003-4813-7340
доктор исторических наук, профессор
a.dvornichenko@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.».

"Lithuania" and "Russia" in the Reflection of Travelogues: from Karpini to Herberstein

Andrey Yu. Dvornichenko
orcid.org/0000-0003-4813-7340
Doctor of History, Professor
a.dvornichenko@spbu.ru

St. Petersburg State University

(St. Petersburg, Russia)

This research was supported by the grant № 19-18-00073 "National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th — 20th Centuries" of the Russian Science Foundation.

© Дворниченко А. Ю., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются так называемые травелоги, то есть «записки» («сказания») иностранцев о Русском государстве. Основное внимание уделяется репрезентации в этих литературных произведениях пространственных представлений их авторов в связи с историей Великого княжества Литовского (Литовско-Русского государства). Актуальность исследования обусловлена недостаточной востребованностью травелогов в качестве исторических источников, несмотря на то, что они оказывались в поле зрения крупных, порой знаменитых историков. Отмечается, что ещё один аспект актуальности — злободневность изучения истории Великого княжества Литовского и содержания травелогов. Представлены результаты сопоставительного анализа системы пространственного восприятия Великого княжества Литовского авторами травелогов вплоть до знаменитых «Записок» Сигизмунда Герберштейна. Анализируется, прежде всего, представление о соотношении «Литвы», «Руссий» и «Московии» в географическом пространстве Восточной Европы. Делается вывод, что пространственные представления тех, кто путешествовал по этим территориям или писал на основе доступной информации, изменялись во времени, отражая при этом, пусть и в искаженном виде, сложные процессы социально-политического и этнического развития, происходившие в Восточной Европе, где на смену так называемой Киевской Руси шли новые, молодые государства: Великое княжество Литовское и Россия, выраставшие фактически на одной этнической почве.

Ключевые слова:
Великое княжество Литовское; Литовско-Русское государство; записки иностранцев; травелоги; пространственная память.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The so-called travelogues, that is, “notes” (“legends”) of foreigners about the Russian state, are considered. The main attention is paid to the representation in these literary works of the spatial representations of their authors in connection with the history of the Grand Duchy of Lithuania (the Lithuanian-Russian state). The relevance of the study is due to the lack of demand for travelogues, despite the fact that they found themselves in the field of vision of large, sometimes famous historians. Another aspect of relevance is shown — the topicality of the study of the Grand Duchy of Lithuania itself and the travelogues, as such. The results of a comparative analysis of the spatial perception system of the Grand Duchy of Lithuania by the authors of travelogues up to the famous “Notes” by Sigismund Herberstein are presented. In this regard, first of all, the idea of the relationship between “Lithuania”, “Russia” and “Muscovy” in the geographical space of Eastern Europe is analyzed. It is concluded that the spatial representations of those who traveled through these territories or wrote on the basis of available information changed over time, reflecting, albeit in a distorted form, the complex processes of socio-political and ethnic development that took place in Eastern Europe, where the so-called Kievan Rus’, there were new, young states: the Grand Duchy of Lithuania and Russia, which actually grew up on the same ethnic basis.

Key words:
Grand Duchy of Lithuania; travelogues; spatial memory.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК [94(474.5)+ 94(47).03/.04]:82-992“1240/1549”

«Литва» и «Руссии» в отражении травелогов: от Карпини до Герберштейна

© Дворниченко А. Ю., 2021

1. «Иностранные травелоги» и их возможности в познании российской истории

«Записки иностранцев», то есть письменные свидетельства лиц, путешествовавших по необозримым пространствам Евразии, в русской традиции известны больше под странно сейчас звучащим названием *сказания иностранцев*. В современной исторической литературе их именуют уже на западный манер *травелогами*, подразумевая под этим «нарратив, составленный от первого лица и фиксирующий передвижение героя в пространстве» [Шпак, 2020, с. 244]. Важно при этом отметить, что данные источники давно находятся в поле зрения историков. Первопроходцем здесь был немец К. Мейнерс. Среди прочих вопросов он рассматривал и сведения о соседях России в XVI—XVII веках [Meiners, 1798]. Ещё одним исследователем этого интересного и богатого на всякого рода сведения источника был «русский немец», родом из Пруссии, но всю жизнь трудившийся в России, — Ф. П. Аделунг. Его сочинение было написано на немецком языке [Adelung, 1846], потом переведено на русский (перевод А. Клеванова печатался в «Чтениях ОИДР» на протяжении нескольких лет с перерывами — с 1848 по 1864 годы).

Были интересные работы, посвящённые отдельным путешественникам. Профессор Петербургского университета, занимавшийся в основном исторической географией, не только опубликовал источники — те самые «сказания», — но и написал книгу об одном из самых известных «сказителей» — английском посланнике Джильсе Флетчере [Середонин, 1891]. Другой представитель петербургской исторической школы плодотворно занимался изучением творчества С. Герберштейна [Замысловский, 1884]. Но всё-таки венцом деятельности в области изучения данной темы стала работа профессора Московского университета — знаменитого В. О. Ключевского. Между прочим, это его первая книга, по сути дела, студенческая выпускная работа, но, как теперь принято говорить, проект весьма амбициозный: историк постарался на основе «Сказаний» восстановить основные грани жизни Московского государства. При этом он отдавал себе отчёт, сколь специфичен и своеобразен этот источник. Однако, оспаривая пессимизм петербургского мэтра С. Ф. Платонова, отстаивал возможность использования историком

CC BY

фактического материала, почерпнутого у авторов такого рода сочинений. Именно по этому поводу сказал он свои знаменитые слова: «Исторические факты — не одни происшествия; идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени — те же факты и очень важные, точно также требующие критического изучения» [Ключевский, 1959]. Первая книга Ключевского была издана в 1866 году. Он долго не соглашался её переиздать, поэтому новые издания (1916, 1918) вышли уже после его смерти. В годы советской власти книга была библиографической редкостью, не вошла ни в одно собрание сочинений. За последние десятилетия положение исправлено: вышло два издания [Ключевский, 1991; Ключевский, 2019].

После Ключевского эту вершину столь удачно не покорил уже никто. Объективности ради, надо отметить, что за годы советской власти на высоком научном и издательском уровне не раз изучались многие записки иностранцев. Вспомним ставшее уже классическим произведение М. А. Алпатова [Алпатов, 1973, с. 212—314] или книгу Ю. А. Лимонова [Лимонов, 1978]. Но сейчас таких работ нет. Причиной является, видимо, то, что не рассматривают эти работы отдельно и внимательно, а вставляют в контекст «*европеизации*» России. Сама по себе такая тема вполне допустима и даже, наверное, полезна для изучения нашей истории, но беда в том, что «*европеизация*» некоторыми исследователями понимается весьма своеобразно, часто предпринимаются попытки привлечь и обозреть разнородные материалы, в обилии которых записки иностранцев просто теряются. В пример приведем двухтомное сочинение Т. В. Черниковой, где, кстати, весьма хаотично изложена и современная историография вопроса [Черникова, 2019, тт. 1—2]. В первом томе этого солидного по размерам сочинения автор на ста сорока страницах старается осветить ряд вопросов истории средневековой Руси: феномен Киевской Руси, вопрос о феодализме в России, возникновение и упадок Великого княжества Литовского, особенности социального строя Московской Руси и т. д. При этом о травелогах упоминается лишь вскользь.

Очевидно, что «травелоги» многое могут нам сказать и в области познания истории Великого княжества Литовского, Жомойтского и Русского (далее — ВКЛ). Отметим, что историки давно интересуются этой темой, но изучают лишь отдельные сочинения. Эти источники содержат интересные сведения о ВКЛ и народах, её населяющих. Они особенно интересны для понимания формирования представлений о национальной и государственной идентичности, причём в контексте сравнения этносов и стран, находящихся в дальнем и ближнем удалении друг от друга в границах одного общего Европейского Дома. Особый колорит этим свидетельствам придаёт то, что их авторы (если не считать самих литвинов и поляков) — это обитатели Западной Европы и их восприятие «восточных земель» основано

CC BY

на европейском культурном багаже (хотя уровень культуры их самих был разным).

Что касается репрезентации пространства, его конструирования, восприятия, то травелоги — памятник уникальный. Изучение их может пролить свет на вопрос, который является в данной статье главным: о пространстве этнически сложного государства — ВКЛ, о его месте в Восточной Европе. Особенно интересны взгляды авторов травелогов на соотношение «Литвы», «Руссий» и «Московии». В современной исторической литературе на основе польско-литовского историописания выявляется чёткое противопоставление «Руси Нового времени» региону под названием «Москва» [Дернович, 2018, с. 87]. Подобную же «четкость» пространственного восприятия видят и в травелогах [Мартынюк, 2014, с. 134]. Не анализируя в данном случае историописание, попробуем верифицировать данный вывод на основе травелогов.

2. Пространство Литовско-Русского государства в ранних травелогах

Первое упоминание о Литве находим в книге Джованни дель Плано Карпини. Продвижение его посольства к Киеву было сопряжено со смертельной опасностью «из-за литовцев». Карпини писал: они «часто и тайно, насколько могли, делали набеги на землю Руссии, и особенно в тех местах, через которые мы должны были проезжать; и так как большая часть людей Руссии была перебита татарами или отведена в плен, то они поэтому отнюдь не могли оказать им сильное сопротивление …» [Карпини, 1997, с. 69]. Эти сведения ввёл в широкий обиход уже Н. М. Карамзин, который внёс немалый вклад в литуанистику [Дворниченко и др., 2020, с. 930—943].

Однако литуанисты почему-то нечасто вспоминают об этом сообщении, впрочем, и многие русисты забывают. Между тем это сообщение посвоему интересно. С одной стороны, у нас не так много сведений о ранних походах литовцев. С другой стороны, зная в основных звеньях маршрут посольства, мы можем представить себе главный вектор направления походов литовцев. Эту информацию можно использовать при написании общего труда о генезисе Литовско-Русского государства. И в этом самом раннем (имея в виду посткиевскую эпоху) травелоге уже присутствует репрезентация того самого пространства — необозримой территории «Руссии».

Пространство это продолжает поражать воображение путешественников и в дальнейшем. Жильбер де Ланнуа ехал два дня по большому, безлюдному лесу, не встречая никакого жилья [Черкасов, 2015, с. 220]. «С какого бы пункта, в котором Северо-Восточная Европа соприкасалась с Западною, ни двинулся бы путешественник», он встречал пустынные пространства [Ключевский, 2019. с. 27]. Об этом же писал и С. М. Соловьев [Соловьев,

CC BY

1998, с. 432]. С лесов и болот начинает и Эней Сильвий Пикколомини — выдающийся итальянский гуманист и по совместительству Папа Римский Пий II [Enea Silvio Piccolomini, 2005, S. 167—172]. Он, конечно, не совсем путешественник — в эти места он не заезжал, но у него были хорошие информаторы, в частности Иероним из Праги, которого не следует путать с Иеронимом Пражским [Мартынюк, 2019, с. 483]. Вообще, как убедительно писал О. Ф. Кудрявцев, в те времена господствовал принцип «лучше должен знать те или иные страны мира не тот, кто их посещал, но, как считалось, тот, кто больше ими интересовался», и, таким образом, чтобы выступить первооткрывателем земель, не обязательно было их лицезреть [Кудрявцев, 1997, с. 15]. И всё же путешественники были. Глухим лесом пробирался позже и С. Герберштейн мимо озёр, болот и рек, которым и туземцы не знали названий [Ключевский, 2019, с. 37]. Интересно, что двигавшийся с противоположной стороны — от Москвы — Барбаро лицезрел то же самое: леса и холмы, почти пустынную местность [Барбаро …, 1971, с. 159].

Всё это пространство не могло сохранять полную амбивалентность — оно должно было члениться на какие-то регионы, земли, территории и т. д. Войдя в эту terra incognita, путешественник сталкивался с таким понятием, как «Руссия». Один из ранних путешественников — Иоанн де Галонифонтибус — в своей «Книге познания мира», видимо, в этих «Руссиях» запутался: «Далее на север лежит Руссия или Рутения, большая страна. А именно их две: великая и малая … Существует также Руссия внутренняя и внешняя» [Kern, 1938, S. 104—105]. Как подметил А. В. Мартынюк, в XIV—XV веках в источниках появляются многочисленные Руссии (Великая, Малая, Белая, Черная, Червонная и т. д.). Они «отражают процесс постепенной дезинтеграции единого культурно-исторического пространства Древней Руси и формирования в Восточной Европе новых политических и этногеографических реалий» [Мартынюк, 2019, с. 421]. Пожалуй, только не стоит преувеличивать единство «Древней Руси».

В своё время С. М. Соловьев очень увлёкся этими Руссиями. Когда, предваряя работу своего выдающегося ученика В. О. Ключевского, учёный анализирует географические известия иностранцев о России, он в отношении XV века о Литве и не сообщает. Путешественники этого времени знали Малую Россию (мы только что говорили о том, что знали и другие). О том, что это ВКЛ, можно понять только из слов, что страна эта «от польских границ до Луцка покрыта была почти беспрерывным лесом», да ещё упоминаются города: Киев, Житомир, Белгород, Черкассы [Соловьев, 1998, с. 407]. Литва «в обширном смысле», которая «простирается от города Черкасс на Днепре до границ ливонских», появляется только тогда, когда Соловьев анализирует знаменитые записки Герберштейна, — это уже XVI век [Там же, с. 433].

CC BY

Великий историк тут не совсем прав, поскольку уже тот же Галонифонтибус пишет о «малой стране» Литве (Lituania retro ipsos ad occidentem, parva patria) [Kern, 1938, S. 105]. Значит, он, как, впрочем, и де Ланнуа, различал, если следовать терминологии старой русской историографии, «Литву в тесном смысле этого слова» и «земли-аннексы». Но сама эта ситуация говорит о том, что иностранцы ощущали: государство ещё очень далеко отстоит от более или менее прочного объединения различных территорий. Характерно в этом плане как раз восприятие ситуации де Ланнуа. «Витольт» для него могущественный князь, который завоевал двенадцать или тринадцать королевств или земель. Но есть королевство Литвы с его главным городом Вильно, который, кстати говоря, не очень впечатлил путешественника, есть замки разного качества, по которым проехал путешественник, а есть Русь (нижняя и просто). Витовт — король Литвы, Самогитии и Руси [Черкасов, 2015, с. 220—222].

Впрочем, у некоторых это пространство было до крайности неопределённым. Отличился тут Иосафат Барбаро, который и вовсе на пути из Москвы в Польшу не обнаружил никакой «Руссии», да, видимо, и с Литвой запутался. Первое место, про которое он узнает — это Троки, за ним через девять дней пути открывается Слоним. Вот тут-то и вступают в «Литву», но что же это за Литва, если главный город здесь — Варсовия, в которой не без основания видят Варшаву [Барбаро, 1971, с. 159—160, 185].

Амброджо Контарини тоже готов запутать читателя. Он в 1474 году выехал из Польши и оказался в подчиненной польскому королю «Нижней России». Тут, вроде, понятно, поскольку по пути ему попали знаменитые города Луцк и Житомир — явно это юго-западные земли ВКЛ, о котором, кстати, путешественник не говорит ничего. Но вот он добрался до Киева, который оказывается уже «вне Нижней России», стоит на границе с Татарией. Сюда должен был прибыть посол из «Литвы», к которому можно было бы присоединиться для продвижения в Каффу. Но к какой же «России» принадлежит Киев? Может, «Верхней», под которой принято подразумевать Московию? Из текста неясно, но когда Контарини, миновав «деревню Черкассы», приблизился непосредственно к пограничной реке, то оказывается, что это граница между «*Россией*» и Татарией. Значит, к России относится и Киев, и Черкассы, да, судя по всему, и вся «Нижняя Россия» [Там же, с. 210—212].

3. Травелоги конца XV — начала XVI веков о пространстве ВКЛ

По мысли С. А. Аннинского, «из всех иностранцев конца XV — начала XVI в., писавших о России» М. Меховский «с наибольшей определенностью и последовательностью отличает Руссию от Московии. У него Рус-

CC BY

сия — это только юго-западная Русь (отнюдь не подчиненная Московии и не входящая в ее состав) и даже не столько западная (Литва), сколько южная» [Меховский, 1936, с. 242]. Что касается «Московии», то это так и есть, но вот как Меховский описывает границы «Руссии»: «Ограничена Руссия — с юга Сарматскими горами и рекой Тирасом, которую жители называют Днестром; с востока — Танаисом и Меотидами с Таврическим островом; с севера — Литвой, с запада — Польшей» [Там же, с. 95, 173]. Значит, на юге — Карпаты и Днестр, на востоке фигурируют Дон и побережья южных морей, а на севере и западе — Литва (в узком смысле этого слова) и Польша. Это, собственно, и есть русские земли Великого княжества Литовского. Очень важно при этом, что Меховский имеет уже чёткое представление о Великом княжестве Литовском: «Великое княжество Литовское — весьма обширная область. В ней много князей литовских и русских, но один глава и монарх»; он дает четкое определение границ Самагиттии (Жемайтии) [Там же, с. 98, 176]. Наше наблюдение о составе русских земель подтверждается и последующим текстом: река Днепр берёт начало из Московии, «проходит через Литву и Руссию под Смоленск и Киев»; список епархий включает в себя и пинскую, и полоцкую, и смоленскую. Добавим сюда ещё и описание «протяженности» ВКЛ, которая также имеет в виду и Киев, и Полоцк, и Смоленск [Там же, с. 95, 97, 105—106].

Впрочем, авторитет и Меховского, и его издателя советских времён С. А. Аннинского — прекрасного знатока латиноязычных памятников, погибшего в блокаду Ленинграда, — сделали своё дело, и вот уже комментатор к трактату Альберта Кампензе пишет о том, что Альберт якобы следовал М. Меховскому и имел в виду прежде всего юго-западную Русь [Россия в первой половине XVI в. …, 1997, с. 120]. Думается, что эта натяжка обусловлена не очень корректным переводом: действительно, некоторые безапелляционные утверждения недавних переводчиков о столице руссов «Киеве», о «Киеве» на реке Борисфен и т. д. вызывают вопросы [Там же, с. 79—80]. Похоже, что Кампензе просто заблудился между трёх сосен: в качестве столицы Руси он называет и “Rioua” (Киев?!) и “Leopolina” (Львов?). Уместно тут вспомнить впечатление блестящего представителя петербургской исторической школы Е. Ф. Шмурло, который о сочинении Кампензе писал, что оно «вобрало в себя все легкомысленные и невежественные представления», «основанные на слухах один другого невероятнее» [Шмурло, 1937, с. 120]. Придерживаясь пессимистических выводов Шмурло, можно сказать, что из произведения ясно только следующее: “Russi” населяют русские земли ВКЛ, соседствуя с литовцами и самогитами (жемайтами), а все вместе они отличаются от “populi Moscouitico”, которые являются «титульной нацией» в соседней Московии.

CC BY

Автор другого трактата — Иоганн Фабри — также по русским землям не путешествовал, довольствуясь беседами с послами Василия III, которые возвращались из Испании от императора Карла V. Его представления не менее туманны: он пишет о «рутенах», которые те же самые роксоланы Плиния или росоланы Птолемея. И вот эти-то рутены из-за того, что град их царский назван Москвой, приняли имя “московитов”. «Итак, рутены или московиты расположены более к востоку, весьма близко от Борисфена, граничат с одной стороны с литовцами и далее с поляками, а с другой — с татарами», — рассуждал Фабри [Россия в первой половине XVI в. …, 1997, с. 175] [1]. Значит, он не различал население русских земель ВКЛ и русское население Московского государства. Мы могли бы приветствовать такие его правильные, по сути, утверждения, но беда в том, что проистекали они из недостатка знаний об этом регионе Восточной Европы. Вполне возможно, что здесь для него источником были вовсе не беседы российских послов, а писания тосканского гуманиста Рафаэля Маффеи (Волатерана), который также выводил рутенов из роксолан [Там же, с. 208—209]. Эти рутены делились на две части: *белые*, которые жили ближе к Литве, и те, которые назывались по имени реки Москвы. Такой перевод нам представляется предпочтительнее, чем тот, что приводится в собрании текстов предшественников Герберштейна. И тогда это одно из ранних (и немногих ещё) этнонимических определений, которое получит распространение позже.

Павел Иовий сам в Московии тоже не был, информацию получал, вроде бы, из того же источника (во всяком случае подобного), что и Фабри, но к выводам пришёл другим и гораздо более туманным. Он склонен отделять московитов от Руси, связывая их с мосхами, хотя само имя московитов стало известно недавно [Там же, с. 234, 264]. Страна их весьма обширна: простирается от истоков Дона до Полуночного океана. Вскоре оказывается, что название «*Руси*» (непонятно, правда, что это такое) происходит от тех же роксоланов, а часть Литвы именуется *Нижней Русью*, в то время как сама Московия уже оказывается *Белой Русью*. (В связи с именованием Московского государства *Белой Русью* существует уже значительная историографическая традиция, которая находится вне целей и задач данной статьи.) Однако следующая ремарка снова сбивает читателя с толку. Ока-

1 Согласие комментаторов с ремаркой о «недавнем происхождении имени московитов» [Россия в первой половине XVI в. …, с. 207] выглядит курьёзно, ведь в качестве индикатора бытования названия «роксоланы» в травелогах указаны Плиний и Птолемей. Даже при всём богатстве и полисемантизме русского языка «недавнее» здесь требует пояснения. Собственно, о недавнем происхождении имени московитов пишет не Фабри, а Иовий [Там же, с. 234, 264], пытаясь их как-то связать с мосхами Лукана и Плиния. О «недавнем происхождении» названий Московия и москвитяне пишет и венецианский посол в 1557 году Марко Фоскарино. См.: [Иностранцы о древней Москве, 1991, с. 50—51].

CC BY

зывается, «Литва» принимает обращенным к Московии лицом дуновения её ветра [Там же, с. 267] (Перевод: «Литва, таким образом, обращена к Московии со стороны дуновения северо-западного ветра …» [Там же] представляется некорректным.) Здесь возникает вопрос, какая «Литва» имеется в виду, включает ли это понятие в себя русские земли ВКЛ или нет?

О смутных представлениях в голове Иовия свидетельствует и следующая его ремарка: «Московиты, подобно славянам, далматам, богемцам, полякам и литовцам, употребляют иллирийский язык и иллирийские письмена» [Там же, с. 249, 282]. К сожалению, компилятивные гипотезы Иовия были поддержаны его последними по времени комментаторами [Там же, с. 303]. Возникает вполне естественный вопрос: если «иллирийский язык и иллирийские письмена» соотносить с кириллицей, то при чём здесь поляки? Ведь их на кириллицу мечтала перевести лишь российская власть на протяжении своего властвования в Польше, да и то ей это так и не удалось. Поэтому утверждение о том, что здесь под литовцами подразумевается «русское население ВКЛ», представляется сомнительным.

Один из элементов пространственной памяти иностранных свидетелей имеет трагикомическую окраску, свидетельствуя о том, сколь шаткой была грань между реальностью и фантазией, особенно когда в дело вступал такой ярый враг историка, как патриотизм. М. Меховский пишет о том, что Витовт — «человек энергичный и смелый в бою» — подчинил и присоединил к Литве «княжество Псков, называемое Плесковией, а затем княжество Новгородское, называемое Нугардией» [Меховский, 1936, с. 103, 181]. О Новгороде, как о владении ВКЛ, завоеванном Витовтом, он пишет и в другом месте [Там же, с. 106, 183]. Сведения о том, что Псков и Новгород были под властью великих князей литовских, находим и у Альберта Кампензе: «отдал» он в руки литовцев и Можайскую землю [Россия в первой половине XVI в. …, 1997, с. 101—102]. О принадлежности Новгорода и Пскова писал М. Литвин [Литвин, 1994, с. 78—79]. Можно было бы говорить о заимствовании этих сведений из предшествующего письменного источника. Но парадокс в том, что Длугош, у которого, действительно, заимствованы сведения, о завоевании не сообщает, а лишь о победе и получении контрибуции. (Это подметил уже С. А. Аннинский [Меховский, 1936, с. 246. Сн. 164; 250. Сн. 174]). Значит, можно говорить или об особом архетипе сознания, или в крайнем случае об излишнем доверии к oral history того времени. Герберштейн вносит здесь, как и во многое, серьёзную поправку. Он сообщает о том, что до того, как на Новгород «напал» московский князь Иоанн Васильевич, московиты похвалялись, будто имеют там своих наместников, а литовцы утверждали, что новгородцы — их данники [Герберштейн, 1988, с. 148]. (Лучшее на настоящий день издание — двух-

CC BY

томник 2008 года, но поскольку в научном отношении в его основе лежит издание 1988 года, считаем возможным пользоваться этим изданием.).

4. Пространственные представления Сигизмунда Герберштейна

Заканчивалась «эпоха до Герберштейна». Пространственная же память самого мэтра дипломатии также не столь проста для восприятия. Современный исследователь замечает, что, «говоря о “Литве”, Герберштейн всегда четко отличает “собственно литовскую область” от восточнославянских земель и даёт, таким образом, адекватное представление о мультиэтничном и поликонфессиональном характере Великого княжества Литовского» [Мартынюк, 2015, с. 134]. Полагаем, что понятийный аппарат дипломата-путешественника ещё не был столь устоявшимся, что, впрочем, вполне соответствовало степени устойчивости и самому характеру устройства ВКЛ. Герберштейну было известно название «Великое княжество Литовское» (или просто Литовское княжество) [Герберштейн, 1988, с. 225], но его вполне заменяло понятие «Литва»: «Ближе всего к Московии Литва. Я имею в виду здесь не одну (собственно литовскую) область, но и прилегающие к ней страны, которые разумеются под общим именем Литвы» [Там же, с. 185]. Ремарка красноречива, во всяком случае, понятие «страна» в этом контексте говорит о многом. Эта «Литва» может охватывать всю территорию государства (именно в качестве хоронима употребляет неоднократно это слово автор более позднего сочинения — Поссевино [Поссевино, 1983, С. 37, 67, 69, 73]), но может означать и ту самую «собственно литовскую область» [Герберштейн, 1988, с. 67, 77, 136, 145, 167, 215, 265] («литовцы» — жители всего государства [Там же, с. 113, 126, 178, 210, 212, 227]).

В связи с этим особое значение приобретает понимание того, что имел в виду Герберштейн под «Руссией». Уже первые исследователи творчества знаменитого каринтийца К. Мейнерс и Е. Е. Замысловский отмечали, что тот придавал слову «Руссия» двойное значение: называл так «страну, населенную народами, употребляющими язык славянский, и в состав её включал, кроме Московии, и Литву, и Польшу», а в узком смысле «называл Руссией только одну Московию» [Meiners, 1798, с. 47; Замысловский, 1884, с. 127]. Авторы содержательного комментария к «Запискам», на наш взгляд, сужают представления посла о «Руссии». Они считают, что Герберштейн употреблял термин *Руссия* в двух смыслах — как название восточнославянской территории в пределах Древнерусского государства и как название Русского государства конца XV — начала XVI веков. Для обозначения последнего он вводит и термин *Московия*, который был известен в ВКЛ, Короне Польской и при папском дворе [Герберштейн, 1988, с. 284].

CC BY

При этом в комментарии на основании такого предположения Герберштейну ещё и приписывается некая «прорусская» позиция. В другом месте говорится, что Герберштейн имеет в виду территорию Древнерусского государства [Там же, с. 288]. Однако такие выводы неуместны. Посол неплохо относился к русским, но никакой «прорусской» позиции у него не было, и уж точно он не думал о некоем никогда не существовавшем «Древнерусском государстве» (Такое государство — это порождение советской историографии, «дореволюционные» исследователи вполне без него обходились, см. [Дворниченко, 2017].) Необходимо обратить внимание на самое начало книги: «Краткое описание Руссии и Московии, которая ныне состоит её столицею», — а главное, на то различие в переводах, которое отражено в тексте: «Московия — главное государство в Руссии» [Герберштейн, 1988, с. 53]. Похоже, Герберштейн представлял себе некий обширный массив русских земель, который делился соответствующим образом между государствами того времени. Собственно, посол говорит об этом и более подробно. Он рисует широкую панораму расселения Russi (по латыни Rhuteni) [Там же, с. 57—59].

По сути дела, это и есть Руссия, которая занимает огромное пространство: граница идёт по Карпатам и до Понта Эвксинского, где предел распространению кладут турки. Оттуда поднимаешься вверх по Днепру, а потом по Дону (посол здесь несколько путался в географии, но смысл понятен), через Оку и Волгу к побережью Северного моря, а оттуда вдоль Финляндии через Ливонию, Жемайтию, Мазовию и Польшу снова к Карпатам. Внутри этого круга только две нерусские области: Литва и Жмудь. Вот каков русский мир по Герберштейну. Никакого отношения к некоему «Древнерусскому государству» он не имеет. Не так важно даже происхождение названия этой «Руссии», хотя он приводит целый ряд версий генезиса данного этнонима. Главное, что народ этот, говорящий на славянском языке, исповедующий веру Христову по греческому обряду заселил всю эту громадную территорию. Владеют Руссией ныне три государя: большая часть принадлежит князю московскому, вторым является князь литовский, третьим — король польский, сейчас владеющий как Польшей, так и Литвой [Там же, с. 59]. Отметим, что территории правления у некоторых авторов путались. Так, у Михалона Литвина находим о Киевщине: «Она была владением князей Руси и Московии; в ней они также приняли христианство» [Литвин, 1994, с. 102].

Итак, вот что такое «Руссия» для Герберштейна. Вразрез с концепцией современных адептов раннего появления украинцев и белорусов, русский мир в его время был един, несмотря даже на появление разных «владетелей». Герберштейн впервые столь детально очертил контуры, причём именно по языковому признаку, не только славянского мира [Мыльни-

ков, 2000, с. 102], но и мира русского. Его лингвистические наблюдения были крайне важны, так как ряд информаторов (как мы видели на примере Иовия) заставляли литовцев изначально говорить на славянском языке. Кстати, в этом контексте становится более понятным постоянное, как мы видели, утверждение иностранных свидетелей о позднем появлении наименования *московиты*.

5. Заключение

В современной литуанистике травелоги не пользуются должным вниманием со стороны исследователей [Дворниченко и др., 2019, с. 935—955]. Между тем это пусть и своеобразный, но очень интересный и важный источник по истории ВКЛ, да и Восточной Европы в целом. Анализ географических представлений авторов данных сочинений выявляет сложный характер их пространственного мышления. Здесь аутентичное видение географического и геополитического пространства сочетается с фантазиями и странной, на первый взгляд, амбивалентностью в восприятии территории. Амбивалентность, на наш взгляд, проистекает не из особенностей архаического ещё сознания, а из самой шаткости политико-географической ситуации. Соотношение таких акторов истории Восточной Европы, как «Литва», «Руссии» и «Московия» (во всяком случае, в географическом плане), было далеко не таким определенным, как это видится многим современным интерпретаторам источников «раннего Нового времени».

Источники

1. *Барбаро* и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / вступительная статья, под. текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. — Ленинград : Наука, 1971. — 275 с.

2. *Герберштейн С.* Записки о Московии / С. Герберштейн. — Москва : Издательство МГУ, 1988. — 430 с.

3. *Иностранцы* о древней Москве (Москва XV—XVII веков). — Москва : Столица, 1991. — 432 с. — ISBN 5-7055-1141-8.

4. *Карпини Д. П.* История монгалов. 3-е издание / Д. П. Карпини ; вступительная статья, комментарий М. Б. Горнунга. — Москва : Мысль, 1997. — 461 с. — ISBN 5-244-00851-X.

5. *Литвин М.* О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин. — Москва : Издательство МГУ, 1994. — 151 с. — ISBN 5-211-02610-1.

6. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский / введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. — Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1936. — 288 с.

7. *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. «Московия», «Ливония» и др. / А. Поссевино. — Москва : Издательство МГУ, 1983. — 272 с.

8. *Россия* в первой половине XVI в. : взгляд из Европы / составитель, автор вводных статей, примечаний, указателей О. Ф. Кудрявцев. — Москва : Русский мир, 1997. — 408 с.

9. *Enea Silvio Piccolomini*. Europa / Enea Silvio Piccolomini. — Heidelberg ; Ubstadt-Weiher ; Basel : Verlag regionalrultur, 2005. — 432 s.

10. *Kern A.* Der “Libellus de notitia orbis” Iohannes’ III (de Galonifontibus?) O. P. Erzbischof von Sulthanyeh / A. Kern // Archivum Fratrum Praedicatorum. — 1938. — Vol. VIII. — S. 82—123.

Литература

1. *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. / М. А. Алпатов. — Москва : Наука, 1973. — Т. I. — 480 с.

2. *Дворниченко А. Ю.* Первые российские литуанисты : случай Н. М. Карамзина / А. Ю. Дворниченко, Р.-Е. А. Кудрявцева // Bylye Gody. — 2020. — Vol. 57, Is. 3. — С. 930—943. — DOI: 10.13187/bg.2020.3.930.

3. *Дворниченко А. Ю.* Феномен Великого княжества Литовского в научном дискурсе рубежа тысячелетий / А. Ю. Дворниченко, Р.-Е. А. Кудрявцева // Bylye Gody. — 2019. — Vol. 53. — Is. 3. — С. 935—955. — DOI: 10.13187/bg.2019.3.935.

4. *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства / А. Ю. Дворниченко. — Санкт-Петербург : Евразия ; Москва : ИД Клио, 2017. — 559 с. — ISBN 978-5-91852-095-6.

5. *Дернович О. И.* «Конструируя “другую Русь” : образы «Руси» в историописании Великого княжества Литовского XVI—XVII вв. / О. И. Дернович // Россия и Беларусь : история и культура в прошлом и настоящем : материалы международной научной конференции «Россиеведение и белоруссоведение в XXI в. : традиционные и новые тенденции в научных исследованиях» (Смоленск, 11—12 октября 2018 г.). — Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2018. — Выпуск 4. — С. 74—90.

6. *Замысловский Е. Е.* Герберштейн и его историко-географические известия о России / Е. Е. Замысловский. — Санкт-Петербург : Типография братьев Пантелеевых, 1884. — 563 с.

7. *Ключевский В. О.* Сочинения / В. О. Ключевский. — Москва : Соцэкгиз, 1959. — Т. VII. — Исследования, рецензии, речи. — 486 с.

8. *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве / В. О. Ключевский. — Москва : Прометей, 1991. — 334 с.

9. *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве ; Быт русского народа / В. О. Ключевский. — Москва : Русская панорама, 2019. — 304 с. — ISBN: 978-5-93165-443-0.

10. *Кудрявцев О. Ф.* Жизнь за царя : русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. / О. Ф. Кудрявцев // Россия в первой половине XVI в. : взгляд из Европы / составитель, автор вводных статей, примечаний, указателей О. Ф. Кудрявцев. — Москва : Русский мир, 1997. — С. 6—34. — ISBN 5-85810-030-9.

11. *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. / Ю. А. Лимонов. — Ленинград : Наука, 1978. — 271 с.

12. *Мартынюк А. В.* Сигизмунд Герберштейн : белорусский итинерарий / А. В. Мартынюк // Исторические и психолого-педагогические науки : сборник научных статей. — Минск : Республиканский институт высшей школы, 2015. — Выпуск 15, ч. 1. — С. 132—139.

13. *Мартынюк А. В.* До Герберштейна : Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII — начало XVI века) / А. В. Мартынюк. — Москва : Квадрига, 2019. — 576 с. — ISBN 978-5-91791-323-0.

14. *Мыльников А. С.* Картина славянского мира : взгляд из Восточной Европы : Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века / А. С. Мыльников. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2000. — 320 с.

15. *Середонин С. М.* Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник / С. М. Середонин. — Санкт-Петербург : Типография Скороходова, 1891. — 399 с.

16. *Соловьев С. М.* Географические известия о Древней России / С. М. Соловьев // Сочинения в 18 кн. — Москва : Мысль, 1998. — Кн. XXI. Дополнительная. Работы разных лет. — С. 402—473.

17. *Черкасов Д. Н.* Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades» / Д. Н. Черкасов // Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. — 2015. — № 8. — С. 195—241.

18. *Черникова Т. В.* Россия и Европа. Начало диалога / Т. В. Черникова. — Москва : Академический проект; издательство «Культура», 2019. — 438 с. — ISBN: 978-5-902767-93-0.

19. *Черникова Т. В.* Россия и Европа. «Век новшеств» / Т. В. Черникова. — Москва : Академический проект; издательство «Культура», 2019. — 665 с. — ISBN: 978-5-902767-94-7.

20. *Шмурло Е. Ф.* Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом. 1462—1528 / Е. Ф. Шмурло // Записки Русского исторического общества в Праге. — Прага Чешская ; Нарва, 1937. — Выпуск 3. — С. 91—136.

21. *Шпак Г. В.* Записки английских путешественников о России XVI—XVII века в контексте британской травелографии / Г. В. Шпак // Диалог со временем. — 2020. — Выпуск 70. — С. 235—250.

22. *Adelung F.* Kritisch-literärische Uberisch der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind / F. Adelung. — Saint Petersburg, Leipzig, 1846. — Bd. I—II.

23. *Meiners C.* Vergleihung des ältern und neuen Russlandes, in Rüchsicht auf die natürlichen Beschaftenheiten der Einwohnerihrer Cultur, Sitten ; Lebensart und Gebräuche so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebechreiber / C. Meiners. — Leipzig : Fleischer, 1798. — Bd. I—II.

Material resources

Barbaro and Contarini on Russia. To the History of Italian-Russian relations in the XV century. (1971). Leningrad: Nauka. 275 p. (In Russ.).

Foreigners about ancient Moscow (Moscow of the XV—XVII centuries). (1991). Moscow: Stolitsa. 432 p. ISBN 5-7055-1141-8. (In Russ.).

Gerberstein, S. (1988). *Notes on Muscovy.* Moscow: MSU Publishing House. 430 p. (In Russ.).

Karpini, D. P. (1997). *History of the Mongols*. Moscow: Mysl. 461 p. ISBN 5-244-00851-X. (In Russ.).

Kern, A. (1938). Der “Libellus de notitia orbis” Iohannes’ III (de Galonifontibus?) O. P. Erzbischof von Sulthanyeh. *Archivum Fratrum Praedicatorum, VIII:* 82—123. (In Germ.).

Litvin, M. (1994). *On the customs of the Tatars, Lithuanians and Muscovites.* Moscow: Publishing House of Moscow State University. 151 p. ISBN 5-211-02610-1. (In Russ.).

Mekhovsky, M. (1936). *A treatise on two Sarmatians. Introduction, translation and comments of S. A. Anninsky*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 288 p. (In Russ.).

Piccolomini, Enea Silvio. (2005). *Europa.* Heidelberg; Ubstadt-Weiher; Basel: Verlag regionalrultur. 432 p. (In Germ.).

Possevino, A. (1983). *Historical works about Russia of the XVI century. "Moskovia", "Livonia", etc.* Moscow: MSU Publishing House. 272 p. (In Russ.).

Russia in the first half of the XVI century: a view from Europe. (1997). Moscow: Russian World. 408 p. (In Russ.).

References

Adelung, F. (1846). *Kritisch-literärische Uberisch der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind, I—II.* Saint Petersburg, Leipzig. (In Germ.).

Alpatov, M. A. (1973). *Russian historical Thought and Western Europe of the XII—XVII centuries, I.* Moscow: Nauka. 480 p. (In Russ.).

Cherkasov, D. N. (2015). Gilbert de Lannois and his "Voyages et ambassadors". *Studia Historica Europae Orientalis. Studies in the history of Eastern Europe, 8:* 195—241. (In Russ.).

Chernikova, T. V. (2019). *Russia and Europe. The beginning of the dialogue.* Moscow: Academic project; Culture. 438 p. ISBN: 978-5-902767-93-0. (In Russ.).

Chernikova, T. V. (2019). *Russia and Europe. "The Age of Innovations".* Moscow: Academic project; Culture. 665 p. ISBN: 978-5-902767-94-7. (In Russ.).

Dvornichenko, A. Yu. (2017). *Mirrors and chimeras. On the origin of the Old Russian state.* Saint Petersburg: Eurasia; Moscow: Klio Publishing House. 559 p. ISBN 978-5-91852-095-6. (In Russ.).

Dvornichenko, A. Yu., Kudryavtseva, R.-E. A. (2019). The phenomenon of the Grand Duchy of Lithuania in the scientific discourse of the turn of the Millennium. *Bylye Gody, 53 (3):* 935—955. DOI: 10.13187/bg. 2019.3.935. (In Russ.).

Dvornichenko, A. Yu., Kudryavtseva, R.-E. A. (2020). The first Russian Lituanists: the case of N. M. Karamzin. *Bylye Gody, 57 (3):* 930—943. DOI: 10.13187/bg. 2020.3.930. (In Russ.).

Dernovich, O. I. (2018). "Constructing "another Rus": images of "Rus" in the historiography of the Grand Duchy of Lithuania of the XVI—XVII centuries. In: *Russia and Belarus: history and culture in the past and present, 4.* Smolensk: Publishing House of Smolensk State University. 74—90. (In Russ.).

Klyuchevsky, V. O. (1959). *Essays, VII.* Moscow: Sotsekgiz. Research, reviews, speeches. 486 p. (In Russ.).

Klyuchevsky, V. O. (1991). *Tales of foreigners about the Moscow state.* Moscow: Prometheus. 334 p. (In Russ.).

Klyuchevsky, V. O. (2019). *Tales of foreigners about the Moscow state; Life of the Russian people.* Moscow: Russkaya panorama. 304 p. ISBN: 978-5-93165-443-0. (In Russ.).

Kudryavtsev, O. F. (1997). A life for the Tsar: the Russian perception of the Europeans in the first half of the XVI century. In: *Russia in the first half of the XVI century: a view from Europe.* Moscow: Russian World. 6—34. ISBN 5-85810-030-9. (In Russ.).

Limonov, Yu. A. (1978). *Cultural relations of Russia with European countries in the XV—XVII centuries*. Leningrad: Nauka. 271 p. (In Russ.).

Martynyuk, A. V. (2015). Sigismund Herberstein: Belorussky itinerariy. In: *Historical and psychological-pedagogical sciences: a collection of scientific articles, 15 (1).* Minsk: Republican Institute of Higher Education. 132—139. (In Russ.).

CC BY

Martynyuk, A. V. (2019). *Before Herberstein: Austria and Eastern Europe in the system of personal relations and cultural contacts (XIII — the beginning of the XVI century)*. Moscow: Quadriga. 576 p. ISBN 978-5-91791-323-0. (In Russ.).

Meiners, C. (1798). *Vergleihung des ältern und neuen Russlandes, in Rüchsicht auf die natürlichen Beschaftenheiten der Einwohnerihrer Cultur, Sitten; Lebensart und Gebräuche so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebechreiber, I—II.* Leipzig: Fleischer. (In Germ.).

Mylnikov, A. S. (2000). *The picture of the Slavic world: a view from Eastern Europe: Ethnogenetic legends, guesses, protohypotheses of the XVI — early XVIII century.* Saint-Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 320 p. (In Russ.).

Seredonin, S. M. (1891). *The work of Gils Fletcher as a historical source.* Saint-Petersburg: Skorokhodov's Printing House. 399 p. (In Russ.).

Shmurlo, E. F. (1937). Rome and Moscow. The beginning of relations between the Moscow State and the Papal See. 1462—1528. In: *Notes of the Russian Historical Society in Prague, 3.* Prague Czech Republic; Narva. 91—136. (In Russ.).

Shpak, G. V. (2020). Notes of English travelers about Russia of the XVI—XVII century in the context of British travelography. *Dialog with time, 70:* 235—250. (In Russ.).

Solovev, S. M. (1998). Geographical News about Ancient Russia. In: *Essays, 18 (XXI) Additional information. Works of different years.* Moscow: Mysl. 402—473. (In Russ.).

Zamyslovsky, E. E. (1884). *Herberstein and his historical and geographical news about Russia.* St. Petersburg: Printing house of the Panteleev.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Сафин Ф. Г. Этнодемография башкир в регионах России (1970—2010) / Ф. Г. Сафин, С. Р. Абрамова, М. Н. Ишемгулов // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 397—415. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-397-415.

Safin, F. G., Abramova, S. R., Ishemgulov, M. N. (2021). Ethnodemography of Bashkirs in Regions of Russia (1970—2010). *Nauchnyi dialog, 3:* 397-415. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-397-415. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-397-415

Этнодемография башкир в регионах России (1970—2010)

Сафин Фаиль Габдуллович [1,2]
orcid.org/0000-0003-4862-1386
доктор исторических наук, профессор
failsafin@mail.ru

Абрамова Светлана Радиковна [3]
orcid.org 0000-0001-7178-9596
кандидат исторических наук
abramovacv@mail.ru

Ишемгулов Мурат Нилевич [1]
orcid.org/0000-0002-5598-6490
аспирант
murat-ishemgulov@mail.ru

[1] Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева — обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
(Уфа, Россия)

[2] федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет»
(Уфа, Россия)

[3] федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный университет»
(Уфа, Россия)

Работа представлена в рамках выполнения государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН.

Ethnodemography of Bashkirs in Regions of Russia (1970—2010)

Fail G. Safin [1,2]
orcid.org/0000-0003-4862-1386
Doctor of History, Professor
failsafin@mail.ru

Svetlana R. Abramova [3]
orcid.org 0000-0001-7178-9596
PhD in History
abramovacv@mail.ru

Murat N. Ishemgulov [1]
orcid.org/0000-0002-5598-6490
Post-graduate student
murat-ishemgulov@mail.ru

[1] R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Ufa, Russia)

[2] Ufa State Petroleum Technological University
(Ufa, Russia)

[3] Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Bashkir State University"
(Ufa, Russia)

The work is presented as part of the implementation of the state task of the IEI of the UFIC RAS.

© Сафин Ф. Г., Абрамова С. Р., Ишемгулов М. Н., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы этнодемографического и этноязыкового развития башкирского населения в регионах Российской Федерации. Отмечается, что тенденции демографических процессов у башкир в регионах и в одноименной республике сильно различаются. Показаны особенности этнодемографического развития башкир в регионах их исторического расселения, в которых общие тенденции перекликаются с демографическими процессами в целом по стране, чего не скажешь о Республике Башкортостан, для которой характерны резкие колебания численности титульной этнической группы. Раскрыта динамика этнической и языковой идентичности башкирского населения в регионах исторического расселения в сравнительном аспекте с субъектами, в которые башкиры переселились в более позднее время и в которых их численность составляет небольшую долю. Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проведен анализ этнодемографических и этноязыковых аспектов развития башкир в Российской Федерации, в том числе в регионах их исторического расселения. Актуальность исследования обусловлена тем, что вопрос демографического развития башкирского населения на современном этапе, особенно в одноименной республике, приобрел этнополитический дискурс. Доказано, что, несмотря на политику возрождения этничности и родного языка, у башкир, как и у других народов, наблюдается его постепенная утрата в пользу признания русского в качестве родного.

Ключевые слова:
этнодемография; этноязыковая идентичность; башкиры; родной язык; Башкортостан; регионы; перепись населения; владение языками.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issues of ethno-demographic and ethno-linguistic development of the Bashkir population in the regions of the Russian Federation are considered. It is noted that the tendencies of demographic processes among the Bashkirs in the regions and in the republic of the same name are very different. The features of the ethnodemographic development of the Bashkirs in the regions of their historical settlement are shown, in which general trends coincide with the demographic processes in the country as a whole. It cannot be said about the Republic of Bashkortostan, which is characterized by sharp fluctuations in the size of the titular ethnic group. The dynamics of the ethnic and linguistic identity of the Bashkir population in the regions of historical settlement is revealed in a comparative aspect with the subjects to which the Bashkirs moved at a later time and in which their number is a small proportion. The novelty of the study lies in the fact that it was the first to analyze the ethno-demographic and ethno-linguistic aspects of the development of the Bashkirs in the Russian Federation, including in the regions of their historical settlement. The relevance of the study is due to the fact that the issue of the demographic development of the Bashkir population at the present stage, especially in the republic of the same name, has acquired an ethnopolitical discourse. It has been proven that, despite the policy of reviving ethnicity and the native language, the Bashkirs, like other peoples, are gradually losing it in favor of being recognized as a native Russian.

Key words:
ethnodemography; ethno-linguistic identity; Bashkirs; native language; Bashkortostan; regions; population census; language skills.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(470)“197/201”+314.18 (=1.470=512.141)“1970/2010”

Этнодемография башкир в регионах России (1970—2010)

© Сафин Ф. Г., Абрамова С. Р., Ишемгулов М. Н., 2021

1. Введение

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, башкиры проживали почти в половине регионов Российской Федерации. Однако данные переписей населения до Великой Отечественной войны и в послевоенный период показывают, что местом исторического расселения башкир было Урало-Поволжье. В послевоенный период, когда началась массовая миграция населения для освоения новых территорий, численность башкир также претерпела некоторое увеличение. Вместе с тем численность башкирского населения во многих регионах страны не превышала более 1 тыс. человек, при этом имея тенденцию то роста, то снижения. Условно обозначив хронологические рамки статьи 1970—2010-ми годами, приведем статистические данные этнодемографического развития башкир в регионах Урало-Поволжья в более ранний период, тем самым показав территории их исторического расселения. При этом, опираясь на доступные статистические данные в указанных хронологических рамках, покажем динамику этнической и языковой идентичности башкир в регионах страны в сравнительном аспекте с республикой Башкортостан. Также требует дополнительного освещения динамика численности башкир в соседних с регионом республиках (Татарстан, Удмуртия и Коми), в которых она имеет неустойчивую тенденцию. Исходя из этого, данные по национальным республикам представляются с 1959 года.

Башкирское население России в 1920-е годы проживало в регионах их исторического расселения, в основном компактными группами в сельской местности. Согласно результатам переписи 1926 года в РСФСР насчитывалось 712 366 башкир, из них 625 845 (87,9 %) — в Башкирии. За пределами региона значительная численность башкир проживала в Уральской области — 59 112 чел., Оренбургской губернии — 15 081 чел., Самарской губернии — 6 928 чел., Сибирском крае — 2 194 чел., Татарской АССР — 1 752 чел., в Казахстане — 841 чел., в Московской губернии — 185 чел. и Ленинградской губернии — 102 чел. [Народы …, 2016, ч. 1, с. 262—263.]. Таким образом, башкиры в основном проживали в местах компактного расселения в соседних с исторической Башкирией регионах, куда входят Челябинская, Оренбургская, Свердловская, Самарская, Саратовская, Курганская области, а также Пермский край и Республика Татарстан. Анализ

CC BY

количества башкир по субъектам в более позднее время показывает, что увеличение численности башкир во многих регионах России — это результат их миграционной активности, особенно в послевоенный период, так как много башкирской молодежи по комсомольским путевкам в середине 1950-х годов уехало на освоение целинных и залежных земель в Казахстан, а значительная часть башкир была мобилизована в Узбекистан для восстановления разрушенного Ташкента. Поэтому численность башкир за пределами Российской Федерации имела наибольшие показатели в этих бывших союзных республиках, по последним данным, соответственно, в Казахстане — 36 664 чел., в Узбекистане — 49 642 чел. [Там же, с. 325].

Исходя из сложившегося расселения башкир, этнодемографические процессы можно рассматривать в субъектах, в которых башкиры проживали исторически, и в регионах, в которые башкиры переезжали на ударные комсомольские стройки по распределению после окончания учебного заведения или по другим социальным причинам.

В данной статье мы рассмотрим этнодемографические и языковые процессы среди башкирского населения, во-первых, в регионах их исторического расселения, за пределами Башкортостана, куда можно отнести Челябинскую, Оренбургскую, Свердловскую, Самарскую, Саратовскую, Курганскую области, а также Пермский край и Республику Татарстан.

Во-вторых, отдельно представим национальные республики, куда и включим Татарстан. Выделение особой группы — национальных республик — продиктовано тем, что в республиках этнические проблемы, связанные прежде всего национально-культурными аспектами, все же рассматриваются более системно и с позиции решения национально-культурных потребностей народов, в них проживающих. В эту группу, наряду с Татарстаном, нами включены республики Удмуртия, Коми и Саха-Якутия. В остальных республиках численность башкир составляет меньше 500 чел.

В-третьих, внимание уделяется регионам, в которых с определенной численностью представлено башкирское население.

2. Динамика этнодемографического и языкового развития башкирского населения в регионах их исторического расселения

В РСФСР в 1979 году проживало 1 290 994 чел. башкирской национальности. В 1989 году количество ее представителей достигло 1 345 273 чел., то есть увеличилось на 54 279 человек [Юлдашбаев, 1995, с. 39]. За промежуток времени между переписями 1989 по 2002 годы абсолютная и относительная численность башкир во многих субъектах имела тенденцию к сокращению. Исключением стали одноименная республика Башкортостан, г. Москва и Московская обл., а также Тюменская и Челябинская об-

CC BY

ласти, в которых наметился рост количества башкир. Численность башкир в 2002 году по стране достигла 1 673 389 чел., то есть выросла на 325 тыс. чел. А в самой республике численность башкир увеличилась на 357 494 чел., то есть рост по стране в основном состоялся за счет увеличения числа соплеменников, проживающих в республике, тогда как в других субъектах количество башкир сокращалось. В республике исторически сложилось так, что значительное число башкир своим родным считали татарский язык, что связано с пребыванием в прошлом части населения в вотчинном сословии. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 года, лишь 53,8 % башкир родным признали башкирский, а 46,0 % — татарский. Показатель количества тех, кто использовал родной язык своей национальности, среди башкир, увеличиваясь с каждым разом, к 1979 году достиг 64,4 %, при уменьшении признания родным татарского до 32,9 % [Национальный состав …, 1981, с. 55]. К 1989 году язык своей национальности в качестве родного признали уже 74,7 % башкир, при этом использование татарского языка как родного снизилось до 20,7 %, и до 4,6 % увеличилось количество людей, признающих родным русский язык [Национальный состав …, 1990, с. 17]. По документам переписи 2002 года, 103,6 тыс. представителей башкирской национальности отметили родным языком русский [Текущий …].

По итогам переписи 1979 года, численность башкир, проживающих на территории своего исторического расселения, составляла в Свердловской области — 30 051 чел. (0,7 %), Челябинской — 133 682 чел. (3,9 %), Оренбургской — 43 269 чел. (2,1 %), Пермской — 48 752 чел. (1,6 %), Самарской — 6 320 чел. (0,2 %), Курганской — 17 664 чел. (1,6 %) и Саратовской обл. — 3 297 чел. (0,1 %) [Этнокультурный …, 2014, с. 12—13].

Перепись 1989 года показала существенный рост башкирского населения в регионах исторического проживания. В Свердловской области численность башкир увеличилась на 11,4 тыс. (41 500), в Челябинской — на 27,5 тыс. (161 169), Оренбургской — на 10,0 тыс. (53 339), Пермской — на 3,6 тыс. (52 326), Самарской — на 1,2 тыс. (7 495), Саратовской обл. — на 790 чел. (4 087). Лишь в Курганской области численность башкир практически осталась на прежнем уровне, составив 17 548 чел., то есть сократившись на 116 чел. За этот период только в Башкортостане произошло сокращение титульной этнической группы на 72,0 тыс. чел. [Баймухаметова, 2011, с. 9].

С 2002 по 2010 годы зафиксирован небольшой рост башкирского населения в Санкт-Петербурге, Москве и Московской области, а в Тюменской области — минимальное уменьшение: на 170 чел. В целом по России за этот период наблюдалось сокращение башкир почти на 90 тыс. чел., 45 тыс. из них — в Республике Башкортостан.

CC BY

В регионах исторического расселения башкир компактными группами их численность из переписи в перепись существенно увеличивалась. Например, в Челябинской области с 1959 по 1989 годы количество башкир выросло почти вдвое (1,8 раза) с 88 480 до 161 169 чел., то есть на 72 689 чел., в Оренбургской обл. с 30 126 чел. до 53 339 чел. — более чем на 23 тыс., в Курганской обл. с 12 525 до 17 548, почти на 5 тыс. чел., в Самарской — с 5 800 до 7 495 чел., немногим менее 2 тыс. чел., Саратовской — с 1 918 до 4 087, более чем на 2 тыс. и в Свердловской обл. — с 14 631 до 41 500 чел., почти на 27 тыс. чел., то есть в 2,8 раза [Народы …, 2016, ч. 1, с. 266—276.].

Относительно этноязыковой идентичности башкирского населения в Свердловской области нужно отметить, что, по итогам переписи населения в 1979 году, численность представителей башкирского этноса, считавших родным языком русский, составляла 8 408 чел., или 28 % от общего их числа. Однако, по итогам переписи 1989 года, это число показало увеличение наполовину и составило 12 953 чел., то есть третья часть башкир области (31,2 %) [Национальный состав РСФСР …, 1990, с. 500] стала русскоговорящей, что иллюстрирует продолжающуюся ассимиляцию народа в языковом плане. Если в 1979 году башкирский язык в качестве родного признали 63,5 %, то данный показатель в следующей переписи (1989 года) сократился на 5 % и составил 58,7 %. При этом на 3,2 % выросла доля с родным русским языком. 10,1 % башкир в качестве родного указали татарский язык, что по сравнению с 1979 годом больше на 1,6 % [Там же, с. 500, 503] (табл. 1).

За прошедшее между переписями время почти на 7 тыс. чел. увеличилась численность башкир, отметивших русский язык вторым языком, которым свободно владеют, достигнув 95 % от всех представителей данной этнической группы. Такой высокий удельный вес владеющих русским языком башкир Свердловской области можно объяснить высокой их урбанизацией, что показала перепись 1989 года, по которой 85 % башкирского населения были горожанами. Численность же сельских башкир остановилась на отметке 6 202 чел. (14,9 %), составив всего 1,0 % всех сельских жителей области [Там же, с. 132].

В период между двумя переписями численность татарского населения области увеличилась с 179 341 до 183 781 чел., показав рост на 2,5 %. Рассматривая этноязыковые процессы среди татар области, следует обратить внимание, что если в 1979 году 73,1 % татар отметили родным язык своего этноса, то в 1989 году этот показатель снизился более чем на 5 % и составил — 67,7 %. Доля татар, отметивших русский язык родным, в 1989 году увеличилась на 5,3 % и составила 32,1 % от общей численности в регионе.

CC BY

Таким образом, мы видим, что рост количества русскоязычных татар произошел за счет уменьшения численности татар, признавших родным язык своей национальности. Приведенные данные иллюстрируют процесс ускоренной языковой ассимиляции нерусских народов, происходящий в русскоязычной городской среде.

Довольно любопытными предстают данные по городским и сельским жителям. В этом ракурсе упомянутое ранее этнокультурное общение народов в сильно урбанизированной среде сначала ведет только к ассимиляции в языковом аспекте. По мнению отечественных исследователей этнических процессов, «этническая идентификация пока остается прежней» [Бромлей, 1983, с. 113—114].

Разница в признании татарами татарского языка родным в Свердловской области между горожанами и сельчанами составила немногим более 20 %. В последующей переписи наблюдалось сокращение в обеих категориях: среди горожан на 5,4 %, среди сельчан на 2,6 % [Национальный состав РСФСР …, 1990, с. 504—505].

Среди башкирского населения в городах доля выбравших в качестве родного язык своей национальности немного выше, чем у татар. Разница в этом показателе между башкирами и татарами составила 6,7 %, в то же время в сельской среде это число выражалось в 18,4 % в пользу татар. Отчетливо проявляется тенденция уменьшения доли представителей этноса, признавших в качестве родного свой язык, в пользу возрастания удельного веса жителей, считающих родным русский. Эти процессы характерны и для башкир, и для татар. В этом отношении роль русского языка становится определяющей не только в трудовой сфере, деловом общении, но также и в семьях башкир в сельской местности. Учитывая, что башкирское население в области составляет всего 0,9 % жителей, дальнейшее использование башкирского языка в существующих рамках вряд ли будет иметь оптимистический прогноз на перспективу. Не трудно предположить, что этническая идентичность башкирского населения в условиях городского влияния в дальнейшем будет размываться, и первым этапом такой размытости выступает потеря родного языка. Если с 1989 по 2010 годы в Свердловской области количество башкир сократилось на 10 тыс. чел., то численность лиц с родным языком — на 13 тыс. чел., составив 42,7 %. Иными словами, более половины (57 %) башкир Свердловской области в качестве родного признали русский язык.

Аналогичная ситуация с родным башкирским языком сложилась и в Челябинской области. Большинство башкир, которые проживают в Кунашакском и Аргаяшском районах, более устойчивы к ассимиляции, чем близкородственные татары. Это можно объяснить преимущественно ком-

CC BY

пактным проживанием башкир в сельской местности, тогда как татары больше представлены в городах. Любопытны данные, касающиеся башкирского населения области. Здесь проявилась тенденция значительного снижения роста башкирского населения. Если с 1979 по 1989 годы темпы прироста численности башкирского населения составили 20,6 %, то с 1989 по 2002 годы — всего лишь 3,2 % [Рыбалко, 2004, с. 189]. Хотя башкирское население стало ощутимо больше на 27 487 чел., в то же время снизился процент населения, признавшего в качестве родного башкирский язык с 88,2 до 84,3 %, то есть на 3,9 %.

У татар области доля признания родного языка еще ниже. С 1979 по 1989 годы доля татар, отметивших родным язык своей национальности, сократилась на 5,7 %. Общее увеличение количества татар области составило 5 тыс. чел. при сохранении их доли в составе населения области [Национальный состав РСФСР …, 1990, с. 506—509]. В 2010 году как численность, так и доля признания башкирами родным языка своей национальности имели тенденцию к сокращению. При этом отметим, что если по сравнению с 1989 годом количество башкир в 2010 году увеличилось на 1 334 чел., то численность башкир с родным башкирским языком сократилась почти на 18 тыс. чел. Таким образом, языковая ассимиляция как первый этап этнической ассимиляции распространена гораздо шире, то есть четверть башкир признают себя только русскоязычными [Халиулина, 2017, с. 27—28].

Такая же ситуация сложилась в находящейся рядом Оренбургской области, где численность башкир до переписи 2002 года увеличивалась, амежду переписями 2002 и 2010 годов сокращение составило более 3 тыс. чел. При этом следует обратить внимание на тот факт, что из всех башкир в 1970 году лишь 23,3 % проживало в городах, а к 1989 году темпы роста городских башкир были существенными и достигли немногим менее половины башкир области — 46,9 %, то есть увеличились в 2 раза. Всероссийская перепись населения 2010 года в Оренбургской области показала картину некоторого сокращении численности и доли городских башкир с 25 024 чел. в 1989 году до 19 893 чел. в 2010 году, то есть на 5 тыс. чел. [История …, 2012, с. 128]. Столь незначительная убыль городских башкир объясняется переводом части поселков городского типа в состав сельских поселений. Поэтому, несмотря, казалось бы, на высокий удельный вес сельского башкирского населения (57,4 %), доля признания родного башкирского языка с 90,2 % в 1970 году снизилась до 76,2 % к 2010 году (см. табл. 1).

Среди сельского башкирского населения области, согласно итогам переписей 1979 и 1989 годов, доля признавших родным язык своей национальности оставалась высокой — 96,0 и 93,2 % [Национальный состав РСФСР …, 1990, с. 489]. Здесь нужно обратить внимание, что дан-

CC BY

ный показатель у башкирского населения выше, чем у татар. Это вызвано, во-первых, более высокой долей урбанизации татар и, во-вторых, частым заключением последними браков с представителями других народов.

Однако доля татарского населения, перешедшего на использование русского языка, в Челябинской и Свердловской областях намного выше в сравнении с соплеменниками Оренбургской области. В процентном соотношении это выражается 27,6 % в Челябинской, 32,1 % в Свердловской и 13,7 % в Оренбургской областях [Горбачев, 2010, с. 130]. В Челябинской области только 6,8 % башкир, проживающих в селе, отметили в роли родного русский язык. У татарского населения эта доля составляла 16,6 %. Эти данные иллюстрируют ситуацию большего приобщения татар области к русскому языку. В городах области третья часть татар (35,9 %) и башкир (32,5 %), согласно переписи 1989 года, в качестве родного языка выбрали русский [Национальный состав РСФСР …, 1990, с. 504—506].

Таблица 1

Этноязыковая идентичность башкирского населения в регионах их исторического расселения*

Регионы в %	**1979**		**1989**		**2002**	**2010**	
	Кол-во башкир, *чел. / %*	**Язык своей нац-ти,** *чел. / %*	**Кол-во башкир,** *чел. / %*	**Язык своей нац-ти,** *чел. / %*	**Кол-во башкир,** *чел. / %*	**Кол-во башкир,** *чел. / %*	**Язык своей нац-ти,** *чел. / %*
Оренбургская область	43 269 2,1	39 033 90,2	53 339 2,5	46 029 86,3	52 685 2,4	46 696 2,3	35 531 76,2
Пермская область (край)	48 752 1,6	14 193 29,1	52 326 1,7	14 936 28,5	40 770 1,4	32 730 1,3	7 274 22,2
Свердловская область	30 051 0,7	19 076 63,5	41 500 0,9	24 365 58,7	37 296 0,8%	31 183 0,77	13 278 42,7
Челябинская область	133 682 3,9	117 884 88,2	161 169 4,5	135 798 84,3	166 372 4,6	162 513 4,8	117 988 72,7
Курганская область	17 664 1,6	16 973 96,1	17 548 1,6	16 544 94,3	15 343 1,5	12 257 1,38	10 786 88,0
Самарская область	6 320 0,2	5 346 84,6	7 495 0,2	5 789 77,2	7 885 0,2	7 290 0,2	Нет сведений
Саратовская обл.	3 297 0,1	Нет сведений	4 087 0,2	Нет сведений	3 988 0,1	3 489 0,14	Нет сведений

*Таблица составлена по результатам Всесоюзных и Всероссийских переписей населения [Национальный состав …, 1979, 1981, 1989, 2006, 2013; Национальный состав РСФСР …, 1990; Итоги …, 2012; Росстат …; Этнокультурный …, 2014; Народы …, 2016; Текущий архив …].

CC BY

Тенденция сокращения башкир отмечена также и в Курганской области, в которой за годы, прошедшие после Всесоюзной переписи населения 1979 года, численность башкир сократилась на 5 тыс. чел. Большинство башкирского населения в Курганской области проживает в Альменевском и Сафакулевском районах, по данным 2010 года, соответственно — 4 051 чел. (33,0 %) и 5 595 чел. (45,6 %). Башкиры в количестве более чем 100 чел. представлены в Кетовском — 129 чел., Шумихинском — 353 и Щучанском районах — 896 и в г. Шадринске — 137 чел. [Народы …, 2016, ч. 1, с. 306.]. На 1979 год процент башкирского населения, признавшего в качестве родного язык своей национальности, составил — 96,1 %. По данным 2010 года, этот показатель снизился до 88,0 %. Из ассимилированных в языковом плане представителей башкир 10,8 % отметили в роли родного русский, а 1,0 % — татарский языки [Итоги …, 2012, с. 280]. В городах доля башкир с родным башкирским намного ниже. Например, в 1989 году она составила — 70,0 % [Национальный состав РСФСР …, 1990, с. 482]. Высокий уровень родного башкирского языка в Курганской области в основном держится за счет значительного удельного веса сельского башкирского населения. Согласно документам Всероссийской переписи населения 2010 года, доля сельских башкир составляла 88,8 %, то есть в городах области проживало всего около 11 % представителей данной национальности [Итоги …, 2012, с. 524]. На селе, соответственно, доля с родным языком была выше, чем в среднем по области, составив в 1979 году — 97,9 %, а в 1989 — 96,4 % [Там же, с. 478—483].

Наибольшее сокращение башкир отмечено в Пермском крае — почти на 20 тыс. чел., то есть в 1,6 раза. К тому же башкирское население края характеризуется одним из самых низких показателей признания родным языка своей национальности. Если в 1979 году 29,1 % башкир отметили родным язык своей национальности, то к 2010 году доля таковых сократилась до 22,2 % при существенном снижении численности лиц с башкирским языком — с 14 193 до 7 274 чел., то есть в 2 раза (см. табл. 1).

В 1979 году 30 689 башкир (62,9 %) в качестве родного признали татарский, 3 870 (7,9 %) — русский языки. В 1989 году удельный вес признавших родным русский язык среди башкир Пермской области увеличился до 13,2 %, а доля лиц, отметивших русский язык в роли второго, которым свободно владеет, составила 65,2 % при росте на 6,1 % по сравнению с 1979 годом [Национальный состав РСФСР …, 1990, с. 490—495]. Парадоксом признания родного языка башкирами в Пермском крае является то, что в городах доля башкир с родным языком своей национальности выше, чем на селе. По данным 1979 года, 61,9 % башкирского городского населения края отметили родным язык своей национальности. На селе доля такой категории на-

CC BY

селения составила лишь 12,1 %. При этом 86,2 % представителей сельского башкирского населения родным признали татарский язык [Там же, с. 495]. Всероссийская перепись населения 2010 года также подтвердила снижение доли признания родного языка среди башкир. Если родным башкирский отметили 22,2 % башкир, то количество последних, считавших родным татарский язык, составляло 54,8 % [Там же, с. 274]. Существенно повысился удельный вес башкир с родным русским языком — 22,9 %.

Иными словами, несмотря на значительную численность и компактное расселение сельского башкирского населения в Пермском крае, доля лиц с родным башкирским языком имеет тенденцию к сокращению. Из всех башкир Пермского края наибольшая численность — 13 849 чел. — зафиксирована в Бардымском сельском районе. При этом заметим, что основной вектор смены родного языка направлен в сторону признания родным русского, ибо, как показывает анализ этнодемографического развития этнических групп, здесь нет перехода в состав татарской этнической группы, так как численность татар с 157 719 чел. в 1979 году сократилась до 115 544 чел. к 2010 году, то есть в 1,4 раза. В свою очередь, среди татар также отмечено снижение доли населения, признающего родным язык своей национальности. Так, в 1979 году 80,5 % татар Пермской области отмечали родным татарский язык, а в 2010 — 63,7 %. Русский язык в качестве родного признали соответственно 25,1 % и 36,1 % татар [Там же]. Иными словами, не только среди башкир, но и в других этнических группах идет процесс приобщения к русскому языку в ущерб родному.

3. Башкиры в национальных республиках и в других субъектах РФ

Среди национальных республик лишь в четырех башкиры составляют более 1 тыс. чел. Две из них — граничащие с Башкортостаном Татарстан и Удмуртия, две — нефтегазовая Республика Коми и золотодобывающая Саха-Якутия. Во всех четырех регионах башкирское население до 1989 года имело тенденцию роста. Особенно высоким он был среди башкир в Саха-Якутии (с 1979 по 1989 годы рост составил — 3,1 раза), Татарстана — 2 раза, Коми — 1,8 раза, Удмуртии — 1,4 раза.

В этих республиках практически отсутствовала башкирская языковая среда, поскольку абсолютное большинство башкир являлись жителями городов и поселков городского типа, в которых преобладает язык межнационального общения. Отсюда низкий уровень признания родным языка своей национальности и владения им. Например, в Республике Коми в 1989 году 59,0 %, в Удмуртии 57,5 %, в Татарстане 56,6 % башкир своим родным отметили башкирский язык, что не удивительно, поскольку в Удмуртии — 85,5 %, в Коми — 90,0 %, в Татарстане — 91,4 % представите-

CC BY

Таблица 2

Этноязыковая идентичность башкир в ряде национальных республик*

Республики	1959	1970	1979		1989		2002	2010	
	Кол-во башкир, *чел. / %*	**Кол-во башкир,** *чел. / %*	**Кол-во башкир,** *чел. / %*	**Язык своей нац-ти,** *чел. / %*	**Кол-во башкир,** *чел. / %*	**Язык своей нац-ти,** *чел. / %*	**Кол-во башкир,** *чел. / %*	**Кол-во башкир,** *чел. / %*	**Язык своей нац-ти,** *чел. / %*
Башкортостан	737 711 22,1	892 248 23,4	935 880 24,3	602 706 64,4	863 808 21,9	645 351 74,7	1 221 302 29,8	1172287 29,5	881 672 75,2
Татарстан	2 063 0,1	2 888 0,1	9 256 0,3	5 981 64,6	19 106 0,5	10 816 56,6	14 911 0,4	13 726 0,36	7 121 51,9
Удмуртия	1 150 0,1	2 005 0,1	3 608 0,2	2 342 64,9	5 217 0,3	2 997 57,5	4 320 0,3	3 454 0,24	нет свед.
Коми	623 0,1	899 0,1	2 876 0,3	1 901 66,1	5 313 0,4	3 135 59,0	3 149 0,3	2 333 0,27	нет свед.
Саха-Якутия	251 0,1	563 0,1	1 352 0,2	нет свед.	4 190 0,4	нет свед.	2 335 0,2	1 819 0,19	нет свед.

*Таблица составлена по результатам Всесоюзных и Всероссийских переписей населения [Национальный состав …, 1979, 1981, 1989, 2006, 2013; Национальный состав РСФСР …, 1990; Итоги …, 2012; Росстат …; Этнокультурный …, 2014; Народы …, 2016; Текущий …; Юлдашбаев, 1995].

лей данной национальности проживали в городах [Национальный состав РСФСР …, 1990].

Анализ динамики признания башкирами родного языка в Татарстане показывает, что с 1979 по 2010 годы она имела тенденцию к сокращению — с 64,6 % до 51,9 %, что было характерно и для других регионов с башкирским населением. Так, в 1979 году в Татарстане 1 007 башкир (10,9 %) родным признали русский, а в 1989 году данный показатель вырос до 12,3 %, соответственно, татарский язык — 24,5 % и 30,9 %. В то же время происходил немалый рост численности башкирского населения (см. табл. 2) [Там же, с. 378—385]. Из всех сельских башкир (829 чел.) в 1979 году лишь больше половины (460 чел.) в качестве родного признали башкирский — 55,5 %, 4,2 % — русский и 40,2 % — татарский языки. Данные переписи 1989 года не фиксируют особого изменения показателей признания родным и владения другими языками башкирами в сельской местности в Татарстане. Башкирский в качестве родного отметили — 55,8 %, русский — 6,8 % и татарский — 37,0 % башкир [Там же, с. 381, 385].

CC BY

Из областей с численностью более 3 тыс. чел. башкиры были представлены в Красноярском крае — 5 485 чел. (0,2 %), Кемеровской обл. — 4 369 чел. (0,1 %), Иркутской обл. — 3 893 чел. (0,1 %) и в городах: Москва — 5 417 чел. (0,1 %) и Санкт-Петербург — 3 014 чел. (0,1 %) (см. табл. 3). Из регионов особо следует отметить Тюменскую область, в которой за рассматриваемый период произошел гигантский скачок численности башкир. Если в 1959 году численность башкир в Тюменской области составляла всего 282 чел., то к 1989 году она достигла — 41 059 чел. при их доле 1,3 %. Здесь следует особо указать, что 91,5 % башкир Тюменской области были жителями городов.

Столь резкий скачок численности башкирского населения объясняется активным участием башкирских нефтяников в освоении нефтегазовых месторождений в Западной Сибири [История …, 2011, с. 322]. Тюменская область также оставалась в последующий период одним из регионов, в котором численность башкирского населения имела тенденцию стабильного роста. В 2010 году численность башкирского населения в области достигла 46 405 чел., хотя доля в общей структуре населения осталась почти на том же уровне и составила 1,4 %.

Среди национальных республик общее число представителей башкирского этноса с 1959 по 1989 годы выросло в Татарстане с 2 063 до 9 256 чел. (0,3 %), в Удмуртии с 1 150 до 5 217 чел. (0,2 %), Коми с 623 до 5 313 чел. (0,3 %) и Саха-Якутии с 251 до 4 190 чел. (0,4 %) (см. табл. 2).

Иными словами, доля и численность башкир в указанных национальных республиках до 1989 года характеризовались тенденцией существенного роста. В ряде соседних республик Урало-Поволжья: Чувашии (280 чел.), Мари Эл (316 чел.), Мордовии (214 чел.) — количество башкирского населения оставалось относительно низким, даже меньше 500 чел.

На практике во многих регионах Российской Федерации, где было представлено башкирское население, до 1989 года прослеживалась тенденция роста его численности, а также доли в общей структуре населения этих регионов. В тех субъектах страны, в которых башкир было более чем 1 тыс. чел., с 1970 по 1989 годы наблюдается рост их численности, хотя, с точки зрения удельного веса в населении региона, они занимали весьма незначительную долю. В эту категорию не попадают Владимирская и Ивановская области, в которых с 1979 года наблюдалось существенное сокращение башкирского населения.

На численности башкир в других регионах страны также сказались негативные последствия экономического и финансового характера, связанные с распадом Советского Союза. За период между двумя переписями населения 1989 и 2002 годов абсолютная и относительная численность

CC BY

башкир во многих субъектах имела тенденцию к сокращению. Исключением стали г. Москва и Московская обл., а также вышеотмеченные Тюменская и Челябинская обл., в которых наметился рост количества башкир. С 2002 по 2010 годы зафиксирован небольшой рост башкирского населения в г. Санкт-Петербурге, с 2 453 до 2 706 чел., в Тюменской обл. — минимальное уменьшение на 170 чел. (табл. 3).

Иными словами, согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 года, башкирское население увеличилось по сравнению с предыдущей переписью только в 3 субъектах: Москве, Санкт-Петербурге и Московской области. В целом по Российской Федерации за этот период число башкир сократилось почти на 90 тыс. чел., из которых половина приходится на Башкортостан.

В связи с труднодоступностью информации по использованию родного языка башкирским населением в субъектах страны ограничимся лишь теми данными, которые были представлены в статистических сборниках и материалах переписей.

По данным переписи населения 1979 года, 73,1 % башкир Тюменской обл. отметили родным язык своей национальности, в Читинской области данный показатель составлял — 68,0 %, в Иркутской — 58,8 %, Томской — 59,6 %, Красноярском крае — 65,3 %. К 1989 году доля признания башкирами родным башкирского языка незначительно сократилась в Тюменской обл. и составила 71,7 %, в Читинской — 61,0 %, Иркутской — 55,7 %, Томской — 58,0 % и в Красноярском крае — 62,0 %. Если учитывать то, что из всех башкир в Томской области 84,3 %, в Иркутской — 84,4 %, в Красноярском крае 83,9 % и в Читинской области 56,7 % башкир проживали в городах, то становится объяснимым такой показатель признания языка своей национальности в качестве родного. Столь значительная численность сельского башкирского населения в ряде регионов Сибири объясняется тем, что в 1980-е годы из высших учебных заведений Башкортостана, особенно педагогических вузов, выпускники по распределению были направлены в эти субъекты. В этих регионах, в окружении русскоязычного населения, преобладающая часть башкир приобщились к русскому и в ходе переписи 1989 года родным признали русский язык, в ряде из них — татарский, например, в Томской — 7,8 %, Иркутской — 3,7 %, Читинской — 3,4 %, в Красноярском крае — 4,0 % башкир родным отметили татарский язык [Национальный состав РСФСР …, 1990, с. 559, 602, 633, 642,].

В ряде бывших союзных республик, согласно переписи населения, прошедшей в 1989 году, проживала значительная численность башкирского населения. Например, в Казахстане она составляла — 41 847 чел. (0,2 %), в Узбекистане — 34 771 (0,2 %), в Украине — 7 402 чел. (0,01 %),

CC BY

Таблица 3

Динамика этнодемографического развития башкир в субъектах РФ*

Субъекты страны	**1970,** *чел. / %*	**1979,** *чел. / %*	**1989,** *чел. / %*	**2002,** *чел. / %*	**2010,** *чел. / %*
Иркутская обл.	2 409 0,1	3 081 0,1	3 893 0,1	2 451 0,1	1 637 0,07
Кемеровская обл.	3 979 0,1	3 917 0,1	4 369 0,1	3 161 0,1	2 295 0,08
Краснодар-й край	719 0,0	1 181 0,0	2 018 0,0	2 061 0,0	1 840 0,04
Красноярский край	1 907 0,1	3 130 0,1	5 485 0,2	3 874 0,1	2 955 0,1
Читинская обл.	1 576 0,1	1 689 0,1	2 138 0,2	1 228 0,1	968 0,09
Тюменская область	1 929 0,1	9 913 0,5	41 059 1,3	46 575 1,4	46 405 1,4
г. Москва	2 087 0,0	3 332 0,0	5 417 0.1	5 941 0,1	6 609 0,06
Московская обл.	1 717 0,0	2 521 0,0	2 993 0,0	3 565 0,1	3 975 0,06
Новосибирская обл.	830 0,0	948 0,0	2 306 0,1	1 104 0,0	942 0,04
Приморский край	1 455 0,1	1 995 0,1	2 763 0,1	2 101 0,1	1 564 0,09
Хабаровский край	1 057 0,1	1 854 0,1	2 476 0,1	1 458 0,1	1 150 0,09
Амурская обл.	445 0,1	1 450 0,2	2 662 0,3	1 183 0,1	881 0,1
Санкт-Петербург	914 0,0	1 749 0,0	3 014 0,1	2 453 0,1	2 706 0,06
Ленинградская обл.	287 0,0	666 0,0	838 0,1	1 102 0,1	978 0,06
Мурманская обл.	503 0,1	819 0,1	1 320 0,1	1 162 0,1	914 0,1
Волгоградская обл.	472 0,0	690 0,0	1 378 0,1	1 129 0,05	911 0,04
Ульяновская обл.	398 0,0	567 0,0	1 393 0,1	1 217 0,1	914 0,07
Магаданская обл.	607 0,2	854 0,2	1 444 0,3	344 0,2	240 0,1
Сахалинская обл.	620 0,1	734 0,1	1 019 0,1	586 0,1	527 0,1

CC BY

Окончание табл. 3

Субъекты страны	1970, *чел. / %*	1979, *чел. / %*	1989, *чел. / %*	2002, *чел. / %*	2010, *чел. / %*
Ростовская обл.	411 0,01	725 0,05	1 438 0,07	1 142 0,05	915 0,02
Томская обл.	551 0,1	1 046 0,1	2 280 0,2	1 953 0,2	1 656 0,17
Омская обл.	623 0,05	947 0,06	1 264 0,1	1 101 0,1	996 0,05
Владимирская обл.	303 0,0	1 096 0,1	834 0,1	724 0,06	637 0,05
Ивановская обл.	156 0,0	1 030 0,1	732 0,1	490 0,05	464 0,05

*Таблица составлена по результатам Всесоюзных и Всероссийских переписей населения [Национальный состав …, 1979, 1981, 1989, 2006, 2013; Нац. состав РСФСР …, 1990; Итоги …, 2012; Росстат …; Этнокультурный …, 2014; Народы …, 2016; Текущий …].

в Таджикистане — 6 821 чел. (0,13 %), в Киргизии — 4 026 чел. (0,09 %), в Белоруссии — 1 252 чел. (0,01 %). В постсоветский период численность и доля башкирского населения в Ближнем Зарубежье существенно сократились. Например, в Казахстане, по данным переписи 1999 года, башкир зафиксировано всего 17 263 чел., то есть произошло более чем двукратное уменьшение численности. В Киргизии башкиры составили всего 1 111 чел. Здесь произошло уменьшение численности более чем в 3 раза [Народы …, 2016, ч. 1, с. 260—261].

4. Выводы

Таким образом, анализ динамики этнодемографического и этноязыкового развития башкирского населения в регионах Российской Федерации свидетельствует о существенном сокращении его численности и показателя признания родным языка своей национальности. Если до 1989 года в регионах Российской Федерации наблюдался рост численности башкир, то в постсоветский период наметилась тенденция ее сокращения практически во всех регионах, за исключением г. Санкт-Петербурга, Москвы и Московской области.

Распад Советского Союза также негативно повлиял на демографические процессы среди башкир, проживающих в бывших союзных республиках, в которых их численность сократилась в два и более раза.

За рассматриваемый период во всех регионах страны шел процесс сокращения количества башкир, отмечавших родным язык своей национальности, в том числе и в Башкортостане. Данная тенденция рельефно иллю-

CC BY

стрирует процесс ускоренной языковой ассимиляции нерусских народов, происходящий не только в городской среде, но и в национальноязычной сельской местности.

Источники и принятые сокращения

1. *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 томах. — Москва : ИИЦ «Статистика России», 2012. — Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство, книга 1. — 847 с. — ISBN 978-5-4269-0002-8.

2. *Народы* Башкортостана в переписях населения : в 2 ч. — Уфа : Китап, 2016. — Ч. 1. — 332 с. — ISBN 978-5-295-06542-2.

3. *Национальный* состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. Статистический сборник в 2 ч. — Уфа : Башкортостанстат, 2013. — Ч. II. — 189 с. — ISBN 978-5-9785-0027-1.

4. *Национальный* состав населения Башкирии (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). Статистический сборник. — Уфа : [б. и.], 1977. — 124 с.

5. *Национальный* состав населения Башкирской АССР (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. — Уфа : [б. и.], 1981. — 190 с.

6. *Национальный* состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. — Уфа : [б. и.], 1990. — 104 с.

7. *Национальный* состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). — Уфа : [б. и.], 2006. — 198 с.

8. Национальный состав РСФСР — *Национальный* состав населения РСФСР, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. — Москва : Республиканский информационно-издательский центр, 1990. — 747 с.

9. *Росстат :* официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http: www.info.gks.ru (дата обращения 20.09.2020).

10. *Текущий* архив Башкортостанстата — *Текущий* архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по РБ : Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Население по национальности и родному языку. Табл. 34 С (Абсолютные данные).

Литература

1. *Баймухаметова Г. Р.* Особенности этнодемографических процессов в Республике Башкортостан (1989—2002 гг.) / Г. Р. Баймухаметова, Ф. Г. Сафин, А. И. Фатхутдинова. — Уфа : ИЭИ УНЦ РАН, 2011. — 144 с. — ISBN 978-5-90287-024-1.

2. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. — Москва : Наука, 1983. — 412 с.

3. *Горбачев А.А.* Этноязыковая ситуация в приграничных с Республикой Башкортостан регионах / А. А. Горбачев, А. И. Фатхутдинова // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 41. История. — 2010. — № 18. — С. 128—133.

4. *История* башкирского народа : в 7 т. / главный редактор М. М. Кульшарипов ; Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. Том VI. — Москва : Восточная литература, 2011. — 376 с. ; Том VII. — Уфа : Гилем, 2012. — 424 с.

5. *Рыбалко А. А.* Краткий анализ этнической ситуации в Челябинской области, по материалам Всероссийской переписи населения 2002 г. / А. А. Рыбалко // Этнические

взаимодействия на Южном Урале : материалы II региональной научно-практической конференции. — Челябинск : Рифей, 2004. — С. 188—190.

6. *Халиулина А. И.* Этничность и язык в современном мире : региональный аспект (на примере Республики Башкортостан. 1979–2010 гг.) / А. И. Халиулина. — Уфа : Диалог, 2017. — 280 с. — ISBN 978-5-94524-194-7.

7. *Этнокультурный* и этносоциальный портрет населения Башкортостана в XX — начале XXI века : этностатистический сборник. — Уфа : ИП Галиуллин Д. А, 2014. — 155 с. — ISBN 978-5-905269-24-0.

8. *Юлдашбаев Б. Х.* Башкиры и Башкортостан. Этностатистика / Б. Х. Юлдашбаев. — Уфа : [б. и.], 1995. — 105 с.

Material resources

Current Archive of Bashkortostan State Statistics Service — *Current archive of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Belarus: Results of the All-Russian Population Census of 2002. Population by nationality and native language. Table 34 C (Absolute data).* (In Russ.).

Results of the All — *Russian Population Census of 2010 in 11 volum, 4 (1).* (2012). Moscow: Statistics of Russia. 847 p. ISBN 978-5-4269-0002-8. (In Russ.).

National composition and language proficiency, citizenship of the population of the Republic of Bashkortostan according to the All Russian Population Census of 2010. Statistical collection in 2 (II). (2013). Ufa: Bashkortostan. 189 p. ISBN 978-5-9785-0027-1. (In Russ.).

National composition of the RSFSR — *The national composition of the population of the RSFSR, according to the All-Union census of 1989 g.* (1990). Moscow: Republican Information and Publishing Center. 747 p. (In Russ.).

Rosstat: official website. Available at: http: www.info.gks.ru. (accessed 20.09.2020). (In Russ.).

The national composition of the population of Bashkiria (according to the All-Union census of 1970). Statistical collection. (1977). Ufa: [b. i.]. 124 p. (In Russ.).

The national composition of the population of the Bashkir ASSR (According to the All-Union population Census of 1979 g. (1981). Ufa: [b. i.]. 190 p. (In Russ.).

The national composition of the population of the Bashkir ASSR according to the results of the All-Union Population Census of 1989 g. (1990). Ufa: [b. i.]. 104 p. (In Russ.).

The national composition of the population of the Republic of Bashkortostan (according to the All-Russian Census of 2002). (2006). Ufa: [b. i.]. 198 p. (In Russ.).

The peoples of Bashkortostan in the population censuses, 2 (1). (2016). Ufa: Kitap. 332 p. ISBN 978-5-295-06542-2. (In Russ.).

References

Baymukhametova, G. R., Safin, F. G., Fatkhutdinova, A. I. (2011). *Features of ethnodemographic processes in the Republic of Bashkortostan (1989—2002).* Ufa: IEI UNC RAS. 144 p. ISBN 978-5-90287-024-1. (In Russ.).

Bromley, Yu. V. (1983). *Essays on the theory of ethnos.* Moscow: Nauka. 412 p. (In Russ.).

Ethnocultural and ethnosocial portrait of the population of Bashkortostan in the XX — early XXI century: ethnostatistical collection. (2014). Ufa: IP Galiullin D. A. 155 p. ISBN 978-5-905269-24-0. (In Russ.).

CC BY

Gorbachev, A. A., Fatkhutdinova, A. I. (2010). Ethnolanguage situation in the regions bordering the Republic of Bashkortostan. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 41 (18):* 128—133. (In Russ.).

History of the Bashkir people: in 7 volumes, VI. (2011). Moscow: Vostochnaya literature. 376 p. (In Russ.).

History of the Bashkir people: in 7 volumes, VII. (2012). Ufa: Gilem. 424 p. (In Russ.).

Khaliulina, A. I. (2017). Ethnicity and language in the modern world: regional aspect (on the example of the Republic of Bashkortostan. 1979—2010). Ufa: Dialog Publishing House. 280 p. ISBN 978-5-94524-194-7. (In Russ.).

Rybalko, A. A. (2004). A brief analysis of the ethnic situation in the Chelyabinsk region, based on the materials of the All-Russian Population census of 2002. In: *Ethnic interactions in the Southern Urals: materials of the II Regional Scientific and Practical Conference.* Chelyabinsk: Rifey. 188—190. (In Russ.).

Yuldashbayev, B. Kh. (1995). *Bashkirs and Bashkortostan. Ethnostatistics.* Ufa: [b. i.]. 105 p. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Столетова А. С. Советская торговля в 1960—1980-е годы : базовые принципы и их искажение / А. С. Столетова // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 416—437. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-416-437.

Stoletova, A. S. Soviet Trade in the 1960s — 1980s: Basic Principles and Their Distortion. *Nauchnyi dialog, 3:* 416-437. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-416-437. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-416-437

Советская торговля в 1960—1980-е годы: базовые принципы и их искажение

Столетова Анна Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2167-072X
кандидат исторических наук, доцент
Stoletowa-A-S@yandex.ru

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет»

(Вологда, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Трансформация российского общества 1950—1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269.

Soviet Trade in the 1960s — 1980s: Basic Principles and Their Distortion

Anna S. Stoletova
orcid.org/0000-0002-2167-072X
PhD in History, Associate Professor
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Vologda State University

(Vologda, Russia)

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation “Transformation of Russian society in the 1950s — 1990s: class genesis and evolution of the economic structure”, project № 19-18-00269.

© Столетова А. С., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Раскрывается недостаточно освещенная в исторической науке проблема искажения социалистических принципов советской торговли в экономической практике государства 1960—1980-х годов. Материалом выступили письма советских граждан, собранные в фонде Российского государственного архива новейшей истории. На основе обзора значительного объема архивных источников демонстрируются разного рода деформации, происходившие в торговой деятельности, и их фиксация в общественном сознании. Подчеркивается, что представления людей принадлежат к важнейшим измерениям общественной жизни, экономической динамики советского общества и социальной психологии граждан. Особое внимание уделяется вопросу анализа законодательства как основного механизма регуляции развития торгово-экономической области. Утверждается, что несформированность нормативной базы порождала такие явления реальности, как дефицит, обсчет, обвес и обмер покупателей, разбазаривание, растраты, кражи и хищения имущества, спекулятивный оборот. Комментируются обстоятельства вкрапления феномена землячества и кумовства в устойчивый обычай повседневности. Автор приходит к выводу, что в социально-экономическом устройстве советского социума в 1960—1980-е годы обозначились классовые конфликты, при этом назревшие факты кризиса системы порождались двойственностью линии власти.

Ключевые слова:
советская торговля; общественное сознание; спекуляция; дефицитные товары; кумовство; землячество; социальная жизнь; теневая экономика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article reveals the problem of distortion of the socialist principles of Soviet trade in the economic practice of the state of the 1960s — 1980s, which is insufficiently illuminated in historical science, using the example of letters from Soviet citizens collected in the fund of the Russian State Archive of Contemporary History. Based on a review of a significant amount of archival sources, various kinds of deformations occurring in trade activities and their fixation in the public mind are demonstrated. It is emphasized that people's ideas were the most important dimensions of social life, the economic dynamics of Soviet society and the social psychology of citizens. Particular attention is paid to the analysis of legislation as the main mechanism for regulating the development of the trade and economic area. It is argued that the lack of formation of the regulatory framework gave rise to such reality phenomena as deficit, overcharging, short weight and measurement of buyers, squandering, embezzlement, robbing and theft of property, black market turnover. The circumstances of the incorporation of the phenomenon of fellowship and nepotism into the stable custom of everyday life are commented. The author comes to the conclusion that class conflicts emerged in the socio-economic structure of Soviet society in the 1960s — 1980s, while the urgent facts of the system's crisis were generated by the duality of the line of power.

Key words:
Soviet trade; public consciousness; black market; scarce goods; nepotism; fellowship; social life; shadow economy.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).084.9:339.16.012.24

Советская торговля в 1960-е — 1980-е годы: базовые принципы и их искажение

© Столетова А. С., 2021

1. Постановка проблемы изучения противоправных видов деятельности в сфере советской торговли

Советская торговля второй половины XX века как составная часть экономической политики, проблематика ее организации, приоритетов, направления преобразований, законодательное обеспечение — сфера, находящаяся в фокусе внимания научной общественности. Среди исследователей данной области нельзя не назвать имена Е. А. Осокиной [Осокина, 1998], А. В. Шубина [Шубин, 2001], Г. Г. Попова [Попов, 2019]. Историки концентрируются на теме продуктового дефицита [Демчик и др., 2019; Хасянов, 2015] и качества товаров [Мороз, 2014]. Акцентируется внимание исследователей на вопросах изучения ценностной проблематики в потребительской сфере [Твердюкова, 2014], социального профиля лиц, тяготеющих к личному обогащению [Хазиев, 2010], ведутся изыскания в области развития системы надзора в сфере советской торговли [Твердюкова, 2015].

Однако в стороне от фундаментального изучения торгового дела остаются темы эволюции традиционных установок, стереотипы пользования, ментальность социальных классов, в особенности относительно формирования возможностей для развития нелегальных форм ведения коммерческо-спекулятивной деятельности. Процессы развития спекуляции, товарного голода, размаха производства низкого качества продукции народного потребления как показатели падения жизненного уровня населения набирали обороты. В чем состоят истоки нарушений принципов социалистической торговли, каков их спектр, как они отражались в сознании и представлениях советских граждан в 1960—1980-е годы — на эти и другие вопросы исторической науке еще предстоит дать ответ. Безусловно, важнейшее значение при этом имеют ранее закрытые и впервые вводимые в научный оборот архивные свидетельства. Особенностью настоящего исследования является привлечение эпистолярного наследия, собранного в фонде № 5 «Аппарат ЦК КПСС (1949—1991)» Российского государственного архива новейшей истории. Источники свидетельствуют о различного рода злоупотреблениях в сфере торгового оборота. В данной связи встает вопрос, сочлененный с проблемой сформированности законодательной базы как основы регуляции торгово-экономической области. Осветим перечень ос-

CC BY

новных документов, так или иначе демонстрирующих эволюционную составляющую в развитии торговой политики.

2. Практика решения задач улучшения торгового обслуживания населения: особенности законодательства 1960—1980-х годов

О задачах улучшения торгового обслуживания населения говорится во многих законодательных актах исследуемого периода. В серии документов за первую половину 1960-х годов сообщалось о необходимости усовершенствования показателей сферы торговли: осуществлении мероприятий по расширению ассортимента, усилению темпов производства и улучшению качества товаров, соответствующих возросшему спросу населения, введению прогрессивных форм торговли [Постановление …, от 1.09.1960; Постановление …, от 8.08.1960; Постановление …, от 13.03.1965а; Постановление …, от 13.03.1965б; Постановление …, от 30.09.1965]. Те же факты подтверждают делопроизводственные материалы. Сведения о тяжести труда работников торговли содержатся в записке бюро ЦК КПСС по РСФСР «О партийно-политической работе на предприятиях торговли и общественного питания Пензенской области» за 1960 год: «Девушки-комсомолки, направленные в торговлю, жалуются на непосильный труд. Товары, как правило, идут в бочках, ящиках, мешках весом в 100—130 кг, а для подъема и перемещения никаких приспособлений в магазинах не имеется» [РГАНИ, ф. 5, оп. 34, д. 74, л. 30].

Фокус внимания власти сосредоточивался на нарушениях устоев торговой деятельности. В частности, в постановлении Совмина РСФСР от 15 апреля 1965 года «Об улучшении торговли и общественного питания в РСФСР» отмечалось, что уровень развития государственной и кооперативной торговли в РСФСР не обеспечивал потребностей населения. Акцентировалось внимание на том, что во многих регионах слабо развивалась сеть предприятий торговли, в то же время выделяемые средства на строительство этих предприятий осваивались неудовлетворительно. Отдельные торговые организации систематически не выполняли установленных планов розничного товарооборота. В связи с данной ситуацией органам на местах предписывалось обеспечить развитие сети специализированных предприятий, торговли в кредит, доставки по заказам населения товаров на дом, а также организацию бесперебойной торговли товарами, имеющимися в достаточных количествах на складах и базах, улучшение работы по уценке неходовых и залежалых товаров [Постановление …, от 15.04.1965].

Отметим концептуально важный для нас тезис о том, что властные структуры предпринимали шаги по стимулированию интереса к финансовой обеспеченности (в том числе через поощрение передовиков производства, фор-

CC BY

мирование новой потребительской культуры), с другой стороны — сдерживали процессы дифференциации согласно концептуальным представлениям о социальной справедливости [Безнин и др., 2020в]. Однако реалии жизни свидетельствовали о модернизации потребительских стратегий и образа жизни, структурной перестройке общества, трансформации ценностных идеалов, что в свою очередь выразилось в народном стремлении к комфортной жизни. Сообразно с тем обозначилась необходимость внедрения государственных усилий, направленных на повышение жизненного уровня советского народа. Так, одним из каналов достижения потребительского идеала населения, решения проблемы достатка и сытости являлся земельный надел. Следует подчеркнуть, что восприятие земли, ее авторитета, труда на земле выступало базовым мерилом ценностей и представляло собой фундаментальную категорию бытия. При этом особое значение придавалось развитию огородничества — важнейшему хозяйственному подспорью в народном потреблении. Содействие государственной власти организации пользования личными приусадебными хозяйствами (в советской терминологии подсобными хозяйствами) выражалось в том, что Постановлением Совета министров РСФСР от 12 апреля 1965 года «О коллективном огородничестве рабочих и служащих» региональные организации и учреждения обязывались принять необходимые меры к увеличению площадей под огородами, широкому привлечению рабочих, служащих и членов их семей к обработке огородов. В частности, предприятиям, учреждениям и организациям отводились земельные участки из расчета до 0,15 гектара на семью [Постановление …, от 12.04.1965]. Безусловно, не обходилось без социальных казусов. «Потребность в садовых участках велика. Об этом свидетельствует огромное количество объявлений: “Куплю дачу, дом, полдома, садовый домик”, а также “дикие” цены на них. Однако идут годы, а вопрос о садовых участках не решается. В течение ряда лет они не выделялись. Проселочные дороги и земля, как правило, плохие. Болотистая местность, “бросовые земли”. При выделении участков применяется “принцип” — “Я тебе, ты мне”», — указывал ветеран войны И. М. Антонов из Москвы в 1981 году [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 918, л. 5, 7].

Определенное денежное благополучие граждан должна была обеспечить колхозная торговля. Недостатки в организации колхозной торговли демонстрировались в Постановлении Совмина РСФСР от 17 апреля 1965 года «Об улучшении торговли на колхозных рынках». Поэтому в документе обозначалось требование, предписываемое органам местной власти, об усилении мер к увеличению привоза на колхозные рынки излишков сельскохозяйственных продуктов, к удовлетворению потребительского спроса колхозов и колхозников, а также приведению в надлежащий поря-

CC BY

док действующих колхозных рынков, строительству и реконструкции зданий [Постановление …, от 17.04.1965]. Постановление Совмина РСФСР от 22 июня 1978 года «Об улучшении торговли сельскохозяйственными продуктами на колхозных рынках» регистрировало, что руководящие организации не принимали должных мер к закупке имеющихся у населения излишков сельскохозяйственных продуктов, особенно в глубинных районах. Ряду организаций предписывалось разработать и осуществить комплекс мер экономического и административного характера, направленных на искоренение причин и условий, порождающих спекуляцию сельскохозяйственными продуктами [Постановление …, от 22.06.1978]. Согласно приказу Министерства торговли СССР от 9 февраля 1981 года «О некоторых мерах по улучшению организации торговли» минторгам республик было предписано принимать решительные меры, исключающие разбазаривание и порчу товаров, привлекать к строгой ответственности, вплоть до снятия с работы, торговых работников, занимающихся припрятыванием и продажей дефицитных товаров по знакомству и по спекулятивным ценам [РГАНИ, ф. 5, оп. 88, д. 498, л. 26]. Схожие назидания содержит постановление Совета Министров РСФСР от 24 июля 1984 года: «… принять конкретные меры по устранению имеющихся недостатков в организации колхозной торговли, всемерно содействовать расширению сети колхозных рынков и укреплению их материально-технической базы» [Постановление …, от 24.07.1984]. Между тем укажем, что призыв власти порождал индивидуализацию трудовой деятельности. На рынках главенствующую роль подхватывал частник. В ходе социальной эволюции открылись и ниши открытой предпринимательской инициативы, проявившейся в деятельности спекулянтов, «шабашников» или колхозников, продающих продукты питания собственного производства [Безнин и др., 2020в, с. 79, 80].

Общественное тяготение к благоустроенности и комфортабельности жизни не могло быть удовлетворено существующими средствами. Область бытового обслуживания населения оказалась напрямую связана с развитием системы торгующих предприятий. Законодательство фиксировало отсутствие должного уровня организации данных сфер [Постановление …, от 15.05.1965; Постановление …, от 29.06.1965]. В актах за вторую половину 1960-х — 1970-х годов вновь отмечались такие негативные стороны, как недостаточное количество сети магазинов, мелкорозничных предприятий, отсутствие технического оснащения, механизации, нарушение правил торговли, затоваривание, отсутствие бесперебойного обеспечения товарами [Постановление …, от 31.08.1967; Постановление …, от 5.10.1967; Приказ …, от 12.09.1973; Постановление …, от 05.07.1977; Постановление …, от 12.08.1977; Постановление …, от 14.06.1978]. Тем не менее в по-

CC BY

становлении от 14 января 1982 года «О мерах по дальнейшему развитию торговли и улучшению торгового обслуживания населения в одиннадцатой пятилетке» ЦК КПСС и Совет Министров СССР отмечали, что в десятой пятилетке на основе осуществленных мер по увеличению производства товаров народного потребления и денежных доходов советских людей значительно расширилась продажа многих необходимых населению товаров. XXVI съезд КПСС определил широкую программу неуклонного повышения народного благосостояния, более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей населения на 1981—1985 годы и на период до 1990 года. В этих условиях советская торговля была призвана обеспечить доведение до населения возрастающей массы товаров народного потребления. В документе подчеркивалась необходимость обеспечения дальнейшего развития и улучшения торговли и общественного питания в городах и сельской местности, значительного повышения уровня торгового обслуживания населения, эффективности и качества работы предприятий торговли [Постановление …, от 14.01.1982].

Таким образом, в течение 1960—1980-х годов в законодательстве отражались задачи и негативные стороны развития процесса торгового обслуживания населения. В контексте анализа проблематики важным представляется рассмотрение суждений очевидцев и современников о сложившейся и развивающейся ситуации. Отличны ли мнения общественности о злободневных вопросах рыночной практики от взгляда властных структур, покажут эпистолярные источники.

3. Нарушения принципов советской торговли и их отражение в уровнях общественного самосознания

Развитие торговой сферы и достаточно противоречивой практики торгового обслуживания населения вызывало реакцию общественных коллективов и соответствующие комментарии. Чаще всего мнения, отзывы и замечания граждане направляли в газеты, а иногда — в виде откликов по тому или иному государственному проекту непосредственно в отделы ЦК КПСС. Центральная печать и высший партийный орган в общественном мировоззрении выглядели неким мерилом справедливости. Следовательно, извлеченный блок информации из вышеназванных документов интересен с позиций анализа концептуальных основ жизни и психологии людей. Член КПСС, участник Великой Отечественной войны В. С. Киселев из г. Черкассы признавался в 1980 году в следующем: «Как постоянный читатель ценю в “Правде” дух наступательности, непримиримости к различным проявлениям зла и беззакония» [РГАНИ, ф. 5, оп. 77, д. 68, л. 52]. Можно сказать, что обыватели доверяли средствам массовой информации

CC BY

свою боль, возмущение, искали защиты. При этом важно отметить, что в представлениях людей традиционно сохранялся тезис о том, что в месте, где конкретный человек проживал, положение тяжелое и безвыходное в противовес жизни в других регионах. А. И. Серегин из г. Тамбова писал в «Правду» в 1975 году: «Кто может отрицать то, что советские люди достигли такого материального уровня, какой даже не снился представителям утопического социализма? Чего сейчас недостает в продуктовых магазинах? Может, только красной икры да птичьего молока — не больше. А в отношении бытовых нужд? Поступи сегодня в продажу сто тысяч "Жигулей", их завтра же раскупят колхозники, рабочие и служащие совхозов Воронежской, Липецкой и Белгородской областей» [Там же, оп. 68, д. 267, л. 196]. К. А. Головин из г. Перми в 1980 году сообщал в «Правду»: «Считаю, что Пермское управление торговли не отреагировало должным образом на критические замечания Л. И. Брежнева, прозвучавшие с трибуны ноябрьского Пленума ЦК КПСС. Леонид Ильич, в частности, говорил, что непростительно допускать перебои в торговле мелочами, жизненно необходимыми человеку каждый день. Прошло три месяца после Пленума. Что изменилось у нас в Перми? Да ничего. До сих пор в магазине города свободно не купишь мясо, рыбу, мыло, электрические лампочки, полотенца, наволочки, обои. А в управлении торговли спокойны, считают, что "ЧП" нет. Хочу заметить, что на далеком Сахалине, откуда я недавно прибыл в Пермь, таких безобразий нет» [Там же, оп. 77, д. 418, л. 2].

Отсутствие в продаже так называемых ходовых товаров, недоступность ресурсов, достатка продуктов и предметов широкого потребления вызывало острые и массовые публичные отклики. В фокусе внимания обывателей находился процесс, связанный со скоплением в торговых организациях залежалых товаров, отсутствия в продаже продукции, на которую имелся спрос [Столетова, 2019, с. 385—386]. Руководящие органы изучали данный вопрос. Так, в результате государственного мониторинга в информационной записке отдела пропаганды и агитации по РСФСР «О недостатках в работе партийных организаций Пермской области по воспитанию коммунистического отношения к труду» за 1960 год отмечалось, что «местная промышленность области не удовлетворяет запросы населения на такие товары, как валенки, шапки, теплые носки, перчатки, сита, решета, санки, абажуры, грабли, столярные изделия. Это используют предприимчивые дельцы, спекулянты» [РГАНИ, ф. 5, оп. 34, д. 76, л. 8—9]. Выскажем предположение, что частные мнения могли влиять на процедуру организации борьбы с деятельностью теневых производств и торговых предприятий. «На базах и складах накапливаются миллионы пар обуви, громадное количество неходовых швейных, трикотажных и других изделий. Проводятся постоянные уценки. Народное

CC BY

хозяйство несет громадный ущерб», — размышлял гражданин Голь из Ленинграда в 1975 году в письме в ЦК КПСС [Там же, оп. 68, д. 2178, л. 38—39]. Еще больший урон хозяйству, в воззрениях людей, наносило развитие нелегальной деятельности. По справедливому мнению А. В. Шубина, проблема дефицита была напрямую связана с развитием теневой торговой системы. Руководители магазинов и торгов контролировали движение дефицита, а выручкой делились с вышестоящим руководством [Шубин, 2001, с. 138]. Об этом же рассуждали М. А. Безнин, Т. М. Димони, заостряя внимание на том, что теневая экономика сыграла важную роль в формировании предпринимательского мышления, новой идеологии и соответствующих механизмов управления [Безнин и др., 2020б, с. 37]. Так, участник войны М. П. Волков из г. Астрахани в 1980 году в письме в «Правду» писал: «Спору нет, успехи нашей страны велики. Но я скажу о недостатках, притом закоренелых. Речь идет о снабжении населения мясными продуктами и сливочным маслом. Приходится часами простаивать в очередях и зачастую уходить домой без покупки. Дефицит породил бешеную спекуляцию, воровство. Пачку масла сейчас приходится покупать за 2 рубля!» [РГАНИ, ф. 5, оп. 77, д. 418, л. 3]. В том же году во многих письмах в «Правду» поступали сведения о фактах грубейшего нарушения правил торговли и широкой практики продажи товаров из-под прилавка, приводились факты об умышленном создании явления дефицита. Читатели отмечали, что в стране производилось достаточное количество товаров, базары и магазины получали необходимый ассортимент изделий, так и не попадавших, однако, в продажу. Зато на рынках товары появлялись с магазинными этикетками. Во многих письмах ставился вопрос о необходимости введения более твердого контроля и привлечения к ответственности виновных. Инвалид войны Ф. А. Мальченко из Николаевской области констатировал: «Да, на рынке все есть, но откуда оно там берется? Отвечу — из тех же магазинов. Торговые работники забирают себе весь дефицитный товар и потом перепродают спекулянтам. За многие годы я ни разу ни в одном магазине не видел, чтобы торговали дубленками, шапками, меховыми куртками. А рынок, как я уже отметил, забит вещами. Почему у нас не борются со столь очевидными преступлениями. Это же, простите за прямоту, форменный грабеж среди белого дня» [Там же, л. 11, 13—14]. Читатель газеты «Сельская жизнь» В. Пябус, проживающий в Таджикской ССР, в 1975 году отмечал, что жизненный уровень человека измерялся ценами на базаре. «А цены на нашем базаре (да и в других местностях) почти на все взвинчены. Сколько хотят, столько и дерут, закон для них не писан. Стоит появиться колхознику с каким-либо товаром, его моментально окружают и диктуют ими же установленные цены, а чаще забирают, то есть перекупают весь товар и перепродают в два-три раза дороже», — удостоверял

CC BY

автор [РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 1030, л. 136—138]. Примечательно письмо Н. М. Соколовой из Краснодара за 1980 год, в котором автор рассуждает не только о сегменте рынков и базаров, но и о таком новом явлении, как поквартирный обход с тем или иным торговым предложением. Читательница «Правды» задавалась вопросом: «Как объяснить тот факт, что вечерами по домам ходят люди и предлагают дефицитные товары. Значит есть все это на базарах, только не поступает на прилавки, а распределяется торговыми работниками между собой. Подобная картина стала наблюдаться за последнее время с моющими средствами. В магазинах нет, а по домам ходят целые делегации, не успеваешь двери за ними закрывать. Мы уже знаем: каждый вечер будут звонить спекулянты и предлагать дефицитные товары. Почему с этим явлением никто не борется?» [Там же, оп. 77, д. 418, л. 16—17].

В каждом из регионов, где настойчиво проявились болезненные ситуации, люди размышляли над их причинами. К примеру, гражданин Г. С. Дернов из Краснодарского края в 1980 году определил следующее: «Согласно официальным сообщениям, все районы края выполнили годовые и пятилетние планы. А придешь в магазин — нет мяса, сливочного масла, макарон, обыкновенных круп. А попробуйте купить муку? Нет муки в зерновом крае! Для объяснения сложившегося положения я могу найти только одно слово: бесхозяйственность» [Там же, л. 5]. Колхозник И. А. Ситников из Ростовской области в том же году обозначил, что «в магазинах города совершенно невозможно купить дрожжи, столовую соду, горчицу. А на рынках все это есть. Но цены — бешеные: пачка соды — 2 рубля, ложка горчицы — полтинник. Я колхозник и знаю, что на приусадебных участках ни сода, ни дрожжи не растут, это продукты государственного производства. Так почему ими торгует не государство, а спекулянты? Ответ может быть один: в торговую сеть товары поступают исправно, но до покупателя они не всегда доходят. Вот вам и причина дефицита. Именно отсюда надо начинать борьбу за упорядочение снабжения продовольственными и промышленными товарами» [Там же, л. 8]. Работники универмага № 4 Октябрьского промторга Москвы рассуждали о том, что «люди порой недоумевали, откуда взялся дефицит. Всех причин не назовешь, но одна из них — умышленное, массовое присвоение товара торговыми работниками и дальнейшая спекуляция. В нашем магазине давно сложилась определенная система торговли. Ее суть состоит в том, что большинство ходовых товаров на прилавки не поступает. Директор А. П. Зайцев все забирает и после перепродажи вносит деньги в кассу. Так было с партиями английского мохера, комплектами арабского белья, обувью, хлопкобумажными тканями. “Свой” товар он отпускал знакомым и целой армии перекупщиков» [Там же, л. 17—18]. Достаточно часто в редакционной почте «Правды» предлагались решения насущных проблем: «В московских

CC BY

магазинах нет моркови. Месяц назад были перебои с капустой. Без конца что-либо из овощей становится дефицитом. В то же время с баз вывозятся сотни тонн испорченной продукции (знаю точно, сам работал на переработке картофеля). Давно уже люди высказывают мысль о целесообразности строить в микрорайонах коллективные погреба, использовать пустующие и, как правило, захламленные подвалы», — писал в «Правду» в 1980 году инженер А. Хворост [Там же, л. 3].

Как выразились М. А. Безнин, Т. М. Димони: «отдельная очень интересная проблема — эволюция обыденности экономической жизни и ментальная революция в советском социуме» [Безнин и др., 2020а, с. 190]. Нельзя не согласиться с доводами А. В. Шубина о том, что постепенно дефицит превратился в острейшую социально-психологическую проблему, а рост уровня доходов населения постепенно превращался в фактор кризиса [Шубин, 2001, с. 151—152]. В связи с этим показательно высказывание жительницы Тюменской области Л. Кагорлыкской в письме 1980 года: «Люди видят, что орсовские склады забиты продукцией. Только отпускается она в основном по знакомству. Обидно становится, что мы, рабочие, вкалываем на трассе до седьмого пота, а за наш счет дельцы греют руки» [РГАНИ, ф. 5, оп. 77, д. 418, л. 7].

О формировании своеобразной географической иерархии в торговой сфере, возникшей еще в предвоенный период, рассуждала Е. А. Осокина: горожане получили преимущества перед сельским населением, а население крупных индустриальных городов — перед жителями малых [Осокина, 1998, с. 98—99]. Действительно, остаточный принцип снабжениями товарами сельского населения — это еще одна болезненная точка, демонстрируемая в архивных источниках. Однако дефицит продуктов в 1970—1980-е годы был распространен повсеместно. К примеру, в письмах за 1980 год из Брянска, Владимира, Владивостока, Куйбышева, Красноярска, Орла, Харькова, Горького, Первомайска, Псковской, Вологодской, Тюменской, Свердловской, Ростовской, Курской, Днепропетровской областей сообщалось о дефиците хлеба, творога, молока, масла, рыбы, колбасы, мяса, круп, муки, чая, варенья, детского питания, конфет, картофеля, фруктов, дрожжей, горчицы, столовой соды и других товаров [РГАНИ, ф. 5, оп. 77, д. 418, л. 4—8, 20—25]. Растущая зарплата не покрывалась товарным обеспечением [Шубин, 2001, с. 620]. Гражданин Васильченко из Симферополя в 1980 году писал: «У нас в магазинах все пропало, как после стихийного бедствия» [РГАНИ, ф. 5, оп. 77, д. 418, л. 22].

Заслуживает быть отмеченным факт «омоложения» страны в результате общей тенденции к росту благосостояния и последствий послевоенного роста рождаемости, оказавшийся «бомбой замедленного действия»,

CC BY

грозившей подорвать институты «развитого социализма», с которыми молодежь не была связана психологически [Шубин, 2001, с. 155]. Мировоззрение поколения трансформировалось и под воздействием целого спектра социально-экономических преобразований, блока политических новаций. Население фиксировало возможности номенклатурных привилегий, постепенно рос спектр потребностей людей, а неразвитость сферы торговых услуг, мелкие и крупные хищения порождали социальные противоречия. Люди все больше выражали негативное отношение к происходящему. Государственная власть предпринимала попытки разрешения сложившейся ситуации и снижения уровня обеспокоенности общественности. Так, в информационной записке ЦК КПСС о ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 16 октября 1981 года «Об усилении борьбы с хищениями социалистической собственности, взяточничеством, спекуляцией» пояснялось, что работа с указанными явлениями велась в обстановке широкой гласности и одобрения. В публикациях республиканских газет и журналов, передачах телевидения и радио регулярно подвергались острой критике лица, изобличенные в злоупотреблениях, а население систематически информировалось о принятых мерах [РГАНИ, ф. 5, оп. 90, д. 67, л. 6].

В предыдущих сюжетах настоящего анализа показано, что озабоченность населения вызывала организация рыночной торговли, где процветала деятельность перекупщиков. Одним из распространенных нарушений в сфере торгового дела, беспокоящим население, являлся обсчет, обвес и обмер покупателей, установление наценок на продукты (особенно в магазинах, расположенных в сельской местности), отпуск товаров в долг [Там же, оп. 68, д. 1030, л. 114, 115]. В записке «О партийно-политической работе на предприятиях торговли и общественного питания Пензенской области» от 1960 года констатировалось, что «в большинстве торговых предприятий нарушались правила торговли. Из 2468 проверенных по области торговых предприятий, в 1332 были установлены факты нарушения правил торговли и злоупотреблений, в том числе: 770 случаев обсчета, обвеса и обмера покупателей, 432 — завышения цен, а также продажи дефицитных товаров из-под прилавка. Руководители многих магазинов примирились с очередями и обманом покупателей, не осуществляют повседневного контроля за работой продавцов, избегают встреч с покупателями» [Там же, оп. 34, д. 74, л. 25—26].

Данная проблематика с особой злободневностью актуализирована в неопубликованных письмах в газету «Сельская жизнь» за 1975 год. Так, жители колхоза «Ленинская искра» Красногвардейского района Белгородской области сетовали: «У продавца нашего магазина В. Н. Гнидкина обсчет, обмер, обвешивание вошли в постоянную привычку. Он без всякой совести заявляет: “Не мое к вам должно переходить, а ваше ко мне”» [Там

CC BY

же, оп. 68, д. 1030, л. 148]. Гражданин А. Ребров из села Горьковской области описал распространенную (судя по частоте упоминания в письмах фонда РГАНИ) «церемонию» продажи товаров «в нагрузку», когда залежалые вещи продавались в комплекте с товарами, пользующимися спросом: «Заведующая нашим магазином Е. Лайкова торгует, как только ей хочется. Если, например, покупателю нужен ржаной хлеб, то она, не разговаривая, подает буханку черного и буханку белого. А мне белого, говорю я, сегодня не требуется. А продавец в ответ: “Не хочешь брать белого, не получишь никакого”» [Там же]. Многочисленны письма граждан с описанием характерных ситуаций в газету «Правда». Так, в документе за 1975 год, составленном П. З. Магомедовым и К. С. Османовым из г. Махачкалы, значится следующее: «В торговых организациях продолжаются факты обмеривания и обвешивания, на пищевых предприятиях массовые случаи хищения. Контролирующие организации работают очень слабо, ибо крупного перелома в лучшую сторону нет» [РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 267, л. 58—59]. В 1980 году в обозрение граждан из Туркменской ССР попала ситуация установления незаконных наценок. В соответствующем письме в «Правду» обозначено: «В местный магазин исправно поступают промтовары, но в продаже не появляются. В чем дело? Оказывается, установлена “своя” система торговли: если хочешь что-либо приобрести — переплачивай. Так, ситец из-под прилавка предлагается не по 50 копеек за метр, а по 3 рубля. Парфюмерия доходит до 10—15 рублей, сапоги вместо 90 рублей стоят 140 рублей. Почему мы должны мириться с тем, что из государственных магазинов махинаторы делают личную кормушку?» [Там же, оп. 77, д. 418, л. 15].

А. В. Шубин ёмко подметил факторы усиления психологических противоречий между человеком и системой исследуемого периода. «Люди все чаще сталкивались с невозможностью воплотить в жизнь свои маленькие планы, в то время как им сообщали о выполнении планов системы в целом. Все эти маленькие бытовые противоречия постепенно накапливались, суммировались — и вот уже в обществе росло недовольство большинства, все отчетливее формулируемое в негативный лозунг: “Так жить нельзя”», — писал автор [Шубин, 2001, с. 152]. В подтверждение тому приведем выдержку из письма в «Правду», отличающегося особой экспрессией. Гражданка М. Мурашова из Запорожья вопрошала следующее: «Скажите, когда министры торговли, начальники главков и прочие ответственные научатся, а вернее захотят работать нормально, как все трудящиеся нашей страны? Придешь в магазин — пусто, а ведь товар есть! Правда, догадаться о нем не всегда можно. Прихожу я недавно в универмаг, спрашиваю о простынях, отвечают “нет”. Смотрю, а продавцы из разных отделов какие-то кульки и пакеты таскают, кладут под прилавки. Оказалось, пододеяльники и простыни. Но

CC BY

ни одно из этих изделий в руки покупателей не попало. Поверьте, осточертел такой порядок, да и не советский он вовсе» [РГАНИ, ф. 5, оп. 77, д. 418, л. 15—16]. Разочарованность установившегося обихода жизни порождала все большие изменения в общественном мировоззрении. Молодое поколение 1980-х годов было слабо пропитано коммунистическими стереотипами, неинтегрируемыми в социально-психологическую систему «реального социализма». Близилось время великого передела собственности [Шубин, 2001, с. 155]. В связи с этим небезынтересны изыскания М. А. Безнина и Т. М. Димони, отметивших, что современная российская историография довольно серьезно разрабатывает проблему «злоупотреблений» народным достоянием, имея в виду кражу продуктов, так называемые «разбазаривания», «растаскивания» имущества, «самоснабжение», использование техники. Ученые отметили, что эти явления были довольно привычными в советской повседневности, что в свою очередь говорит о системной встроенности неформальной реализации права собственности. Ее «внезаконная» реализация рассматривалась «высшими» и «средними» классами как своеобразная плата за должность [Безнин и др., 2020а, с. 193].

В 1960—1980-е годы в советскую социальную действительность и повседневную жизнь прочно вошло свойство так называемого «разбазаривания». Можно сказать, что растрачивание материальных средств и капиталов стало одним из трендов развития торговой отрасли. Так, на предприятиях торговли и общественного питания Пензенской области за 1959 год только товарные потери и перерасход издержек обращения составили свыше 16 млн рублей. Большой материальный ущерб торговым предприятиям наносили преступные элементы. За 1956—1959 годы было расхищено имущества на сумму свыше 9,2 млн рублей, из которых 6,5 млн рублей составляли растраты, совершенные работниками торговли, и 2,8 млн рублей — кражи. Из года в год растраты и кражи не уменьшались, а возрастали [РГАНИ, ф. 5, оп. 34, д. 74, л. 26]. За 9 месяцев 1960 года растраты и хищения в торговых организациях Пермской области составили 6,5 млн рублей [Там же, д. 76, л. 3]. По отчетным данным министерств торговли союзных республик, состояние сохранности социалистической собственности в торговых предприятиях и организациях системы Министерства торговли СССР за первую половину 1982 года характеризовалось следующими данными: было установлено 1175 случаев недостач, растрат и хищений, что меньше показателей соответствующего периода 1981 года на 764 случая. Однако их сумма возросла на 73 тыс. рублей и составила 3587 тыс. рублей [РГАНИ, ф. 5, оп. 88, д. 498, л. 35].

Нередко разбазаривание собственности инициировалось партийными работниками, управленцами и руководителями. В 1968 году в записке,

CC BY

адресованной комитету партийного контроля, за подписью ответственного контролера КПК при ЦК КПСС С. Могилата приводились высказывания председателя ревизионной комиссии областной партийной организации, заведующего областным финансовым отделом А. С. Милкова. В них содержались обвинения против высокопоставленных лиц: «Первый секретарь Кировского обкома КПСС Б. Ф. Петухов любил поддерживать пронырливых и жуликоватых людей. В 1962 году товарищ Петухов привез с юга и назначил директором горплодоовощторга некоего М. Г. Чумака. Под его руководством за один сезон заготовок было расхищено овощей и фруктов на сумму свыше 200 тыс. рублей. Под давлением Петухова следственные органы никак не могли предъявить обвинение Чумаку, он быстро исчез из города безнаказанно» [Там же, оп. 60, д. 562, л. 6—7]. В письме без подписи, направленном в Комитет советских женщин из совхоза «Червонный партизан» Днепропетровской области, сообщалось, что руководители колхоза занимались хищениями в крупных размерах. К примеру, «в 1983 году было продано 36 тыс. веников, при этом вырученные за продажу деньги в колхозную кассу оприходованы не были» [Там же, оп. 90, д. 432, л. 3].

Обыватели протестовали против утверждающихся устоев, в том числе и против укрепляющихся традиций безнаказанности, за которой нередко стояли связи, явления взяточничества и кумовства. В. М. Овчинников из г. Бобруйска Могилевской области писал в 1980 году в «Правду»: «Страницы центральных органов печати пестрят корреспонденциями, вскрывающими вопиющие факты безобразий. А в ответах на критические материалы только печально знаменитые: указать, выговор. Почему такое всепрощенство? Больно смотреть, как в магазинах выгружают сгнивший виноград, как белеют поля от неубранной картошки, а мы рубим веточный корм скоту. Вор, стяжатель боялся одного: строгого возмездия. Теперь же в народе поют: “Воровал он миллион с опасением, а вдруг выговор дадут с занесением”. Преступные вещи надо называть своими именами» [Там же, оп. 77, д. 68, л. 48].

Таким образом, исходя из вышеприведенных данных, можно высказать гипотезу о том, что в руководящей среде коммерциализация деятельности набирала обороты. В эту сферу постепенно втягивался большой круг ответственных работников. Со стороны центральной власти осуществлялась выкачка средств из колхозов. Чтобы заработать деньги и продолжать функционировать, приходилось продавать продукцию сторонним организациям и лицам. Параллельно происходил процесс ментальных метаморфоз и утверждения новых обычаев в социально-экономической сфере общества. Процветало попустительство, подкуп и всевозможные антиобщественные явления.

CC BY

4. Роль обычая в советской социально-экономической жизни второй половины XX века и общественное восприятие устойчивости его существования

Историю развития специфических особенностей общезначимых институтов рынка и собственности второй половины XX века возможно рассмотреть и охарактеризовать через категорию «обычай». Не вызывает сомнений факт наличия и проявления землячества, кумовства при организации торговли и установлении торговых связей. При этом особым индикатором являлся рынок дефицитных товаров, ставший в свою очередь основой для развития сектора «теневой» экономики. Примечательно, что разного рода послабления в угоду приятельским отношениям или родственным связям приобретали широкий размах в сфере торговой деятельности. Устойчивость системы демонстрируется примерами писем, составленными очевидцами жизнеспособных шаблонов и практик.

«Есть у нас магазин смешанных товаров, которым заведует В. Букач неугодным ей покупателям она может совсем не дать товара. Е. Гонсовской, например, отказалась продать сито, а своим приятелям отпускала. Доярке Лавренюк дала 1 кг сахара, а Коваленко, Метейчук, Тимошенко купили по целому мешку», — писала Л. Багненко из села Пятихатки Херсонской области в «Советскую торговлю» в 1975 году [РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 1030, л. 115]. Гражданка А. П. Смирнова из Свердловской области сообщала в 1980 году в «Правду»: «Рыбы, масла, чая, варенья, молока, детского питания в свободной продаже нет. Может, их завозят в достаточном количестве, но у продавцов оказывается много родственников, всех их надо обеспечить. Об этом люди говорят вслух, но руководители торговли, городские власти словно не слышат — никто не решится поставить настоящий контроль» [Там же, оп. 77, д. 418, л. 7]. «В Нальчике, как в каждом городе, имеется магазин для новобрачных. Но это формальное его название. На самом деле под этой вывеской существует пункт для распределения по знакомым и родственникам дефицитных товаров, а новобрачные приобрести ничего не могут. Наша семья, например, не смогла отоварить ни один талон — ни на обувь, ни на костюм, ни на ткани. В магазине на полках лежат лишь старые, запыленные товары, а все дефицитное отпускается прямо в подсобках (там всегда сидят какие-то люди, видимо, “нужные”). В результате такой системы торговли процветает дефицит, спекуляция. На черном рынке в изобилии есть, что душе угодно, только по цене в 2—3 раза выше государственной. Возникает вопрос, откуда поступают на рынок товары? Почему этот метод вошел в систему, и никто не боится запускать руку в государственный карман», — писал в «Правду» в 1980 году Г. М. Зубарев [Там же, л. 14].

CC BY

Таким образом, вышеприведенные данные есть констатация общественного курса на расширение зоны развития взяточничества и потребительства, когда мерилом ценностей все больше выступали деньги и их власть. Прочность и разрастание таких жизненных реалий, как блат, связи, расчет, спекуляция, взяточничество, все более волновали электорат. Стабильность данных явлений воздействовала на систему взглядов многих рядовых граждан, впоследствии частично примыкавших к участникам коррупционных и нелегальных уловок. В целом же отметим, что «блат» — это мощная реальность, присутствовавшая во всех уровнях общественной жизни второй половины XX века. «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», — поговорка, как нельзя точно фиксирующая ценностные характеристики рассматриваемого времени.

5. Заключение

Резюмируя сказанное, отметим, что ментальная сторона происходящих в обществе процессов достаточно отчетливо просматривается через описание и исследование механизма торговых операций. Ситуация систематического нарушения принципов советской торговли отражала этап нравственного перерождения социальной психологии советских граждан. Недостатки развития торгового дела признавались на законодательном уровне. К их числу относились такие параметры, как отсутствие необходимого числа торговых точек, недоступность надлежащего технического оснащения, низкое качество продукции, отказ от применения разнообразных форм торговли, перенасыщение магазинов залежалыми товарами, затоваренность баз и складов, дефицит продуктов и связанные с ним перебои в снабжении регионов. Частичное решение проблем виделось в поддержке личного подсобного хозяйства, садовничества и огородничества. На деле это обернулось развитием предприимчивости людей. Предпринимательские способности оказались сопряжены с явлениями обсчета, обмера, обвеса покупателей, кумовства и блата, расхищения и разбазаривания государственного имущества, о чем настойчиво сообщалось обывателями в советские газеты и органы власти.

С течением времени групповое сознание людей испытывало распад, индивидуализм устремлений приобретал четкие грани. Буржуазный фон и социальная эволюция оказывали влияние на перечень базовых ценностей. Поведенческие клише и идеалы испытывали некий слом, капитализировались. К этому подталкивала позиция руководящих структур. Ее двойственность выразилась в идеологии сдерживания роста материального статуса и культивирования идей уравнительности, но и определялась стремлением предоставления и приобретения комфортных условий жизни. В свою очередь усиление социального расслоения, упрочение частного начала и част-

нособственнической морали зачастую вызывали массовое недовольство. С другой стороны, эти же показатели стали факторами укрепления спекулятивных форм деятельности в торговой сфере, а значит, в обиходе и быте советских людей. В народной среде зрело убеждение о несправедливости устоев, укоренившихся на протяжении 1960—1980-х годов. Стереотипы «так жить нельзя», «мы ждем перемен» вскоре превратились в ощущения, ставшие доминантой социальной психологии.

Источники и принятые сокращения

1. *Постановление* ЦК КПСС, Совмина СССР от 8.08.1960 г. № 851 «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5571.htm (дата обращения 17.08.2020).

2. *Постановление* Совмина РСФСР от 1.09.1960 г. № 1345 «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5585.htm (дата обращения 19.08.2020).

3. *Постановление* Совмина СССР от 13.03.1965 г. (а) № 157 «Об улучшении торговли и общественного питания в стране» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6206.htm (дата обращения 20.08.2020).

4. *Постановление* Совмина СССР от 13.03.1965 г. (б) № 158 «О повышении материальной заинтересованности работников предприятий легкой и пищевой промышленности в увеличении производства и улучшении качества товаров народного потребления, а также материальной заинтересованности работников предприятий торговли в выполнении и перевыполнении плана товарооборота» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6207.htm (дата обращения 15.08.2020).

5. *Постановление* Совмина РСФСР от 12.04.1965 г. № 453 «О коллективном огородничестве рабочих и служащих» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6229.htm (дата обращения 17.09.2020).

6. *Постановление* Совмина РСФСР от 15.04.1965 г. № 467 «Об улучшении торговли и общественного питания в РСФСР» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6231.htm (дата обращения 10.09.2020).

7. *Постановление* Совмина РСФСР от 17.04.1965 г. № 478 «Об улучшении торговли на колхозных рынках» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6234.htm (дата обращения 29.08.2020).

8. *Постановлении* Совмина СССР от 15.05.1965 г. № 384 «О мерах по улучшению работы предприятий бытового обслуживания населения» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6244.htm (дата обращения 03.09.2020).

9. *Постановление* Совмина РСФСР от 29.06.1965 г. № 802 «О мерах по улучшению работы предприятий бытового обслуживания населения» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6259.htm (дата обращения 04.08.2020).

10. *Постановление* ЦК КПСС, Совмина СССР от 30.09.1965 г. № 728 «Об улучшении управления промышленностью» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6302.htm (дата обращения 22.08.2020).

11. *Постановление* Совмина СССР от 31.08.1967 г. № 824 «О некоторых мерах по дальнейшему улучшению торговли» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6631.htm (дата обращения 14.09.2020).

12. *Постановление* Совмина РСФСР от 5.10.1967 г. № 760 «О мерах по дальнейшему улучшению торговли в РСФСР» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6649.htm (дата обращения 26.09.2020).

13. *Приказ* Минторга РСФСР от 12.09.1973 г. № 325 «О состоянии мелкорозничной торговли и мерах по ее улучшению» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8167.htm (дата обращения 28.08.2020).

14. *Постановление* ЦК КПСС, Совмина СССР от 05.07.1977 г. № 611 «О мерах по дальнейшему развитию торговли» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9360.htm (дата обращения 06.08.2020).

15. *Постановление* Совмина РСФСР от 12.08.1977 г. № 427 «О мерах по дальнейшему развитию торговли в РСФСР» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9391.htm (дата обращения 11.08.2020).

16. *Постановление* Совмина РСФСР от 14.06.1978 г. № 291 «О мерах по увеличению производства, улучшению организации заготовок, перевозок и снабжения населения РСФСР овощами, фруктами и бахчевыми культурами» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9675.htm (дата обращения 12.08.2020).

17. *Постановление* Совмина РСФСР от 22.06.1978 г. № 300 «Об улучшении торговли сельскохозяйственными продуктами на колхозных рынках» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9688.htm (дата обращения 06.09.2020).

18. *Постановление* ЦК КПСС, Совмина СССР от 14.01.1982 г. № 29 «О мерах по дальнейшему развитию торговли и улучшению торгового обслуживания населения в одиннадцатой пятилетке» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11044.htm (дата обращения 28.09.2020).

19. *Постановление* Совмина РСФСР от 24.07.1984 г. № 329 «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению колхозной торговли в РСФСР» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12214.htm (дата обращения 07.09.2020).

20. РГАНИ — *Российский* государственный архив новейшей истории. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС [1949—1991]). Оп. 34. Д. 74 ; Оп. 34. Д. 76 ; Оп. 60. Д. 562 ; Оп. 68. Д. 267 ; Оп. 68. Д. 1030 ; Оп. 68. Д. 2178 ; Оп. 77. Д. 68 ; Оп. 77. Д. 418 ; Оп. 88. Д. 498 ; Оп. 90. Д. 67 ; Оп. 90. Д. 432 ; Ф. 100. Оп. 5. Д. 918.

Литература

1. *Безнин М. А.* Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930—1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. — 2020а. — Т. 13. — № 4. — С. 186—201. — DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11.

2. *Безнин М. А.* Первоначальное накопление капитала в Советской России : приглашение к научной дискуссии / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. — 2020б. — № 7. — С. 22—42. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202007Statyi02.

3. *Безнин М.А.* Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950—1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони, А. С. Столетова // Вестник Костромского государственного университета. — 2020в. — Т. 26. — № 1. — С. 77—86. — DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-77-86.

4. *Демчик Е. В.* Продуктовый дефицит в изобильном крае : к вопросу о феномене советской торговли 1960—1970-х гг. / Е. В. Демчик, Г. А. Гряникова // Исторические вызовы и экономическое развитие России : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 25—26 сентября 2019 г. — Екатеринбург : АльфаПринт, 2019. — С. 346—350.

5. *Мороз И. А.* Проблемы ассортимента и качества товаров в советской торговле в 50—60-е годы XX века / И. А. Мороз // Вестник Брянского государственного университета. — 2014. — № 2. — С. 104—110.

6. *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927—1941 / Е. А. Осокина. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 267 с.

7. *Попов Г. Г.* Между либерализацией коммунизма и ортодоксальным марксизмом (осмысление эволюции советского экономического развития 1950—1960-х гг.) / Г. Г. Попов // TERRA ECONOMICUS. — 2019. — Т. 17. — № 4. — С. 113—128. — DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-113-128.

8. *Столетова А. С.* Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960—1980-х годов / А. С. Столетова // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 379—391. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391.

9. *Твердюкова Е. Д.* Contradictio in adjecto : «Буржуазные» ценности советской торговли 1950—1960-х гг. / Е. Д. Твердюкова // Советский мегаполис : Ленинград в процессе модернизации. Сборник статей. Санкт-Петербургский институт истории РАН. — Санкт-Петербург : Северная звезда, 2014. — С. 152—187.

10. *Твердюкова Е. Д.* Деятельность государственной торговой инспекции по борьбе с обманом потребителей в советской торговле (1930-х — начало 1990-х гг.) / Е. Д. Твердюкова // Петербургский исторический журнал : исследования по российской и всеобщей истории. — 2015. — № 3 (7). — С. 56—67.

11. *Хазиев Р. А.* «Культура советской торговли» эпохи Хрущева : виртуозы обвеса, обсчета и продажи «из под полы» / Р. А. Хазиев // Вестник Башкирского университета. — 2010. — № 3. — С. 884—891.

12. *Хасянов О. Р.* Культура советской торговли в колхозной деревне в послевоенное десятилетие / О. Р. Хасянов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2015. — № 112. — С. 190—207.

13. *Шубин А. В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1917—1985 гг. / А. В. Шубин. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 766 с. — ISBN 5-8243-0123-9.

Material resources

Order of the Ministry of Trade of the RSFSR of 12.09.1973 № 325 "On the state of small-scale retail trade and measures to improve it". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8167.htm (accessed 17.09.2020). (In Russ.).

Resolution of the Central Committee of the CPSU, the Council of Ministers of the USSR of 8.08.1960 № 851 "On measures to further improve trade". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5571.htm (accessed 17.08.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 1.09.1960 № 1345 "On measures to further improve trade". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5585.htm (accessed 19.08.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 13.03.1965 (a) № 157 "On improving trade and public catering in the country". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6206.htm (accessed 20.08.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 13.03.1965 (b) № 158 "On increasing the material interest of employees of light and food industry enterprises in increasing production and improving the quality of consumer goods, as well as the material interest of employees of trade enterprises in fulfilling and exceeding

the turnover plan". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6207.htm (accessed 15.08.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 12.04.1965 № 453 "On collective gardening of workers and employees". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6229.htm (accessed 17.09.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 15.04.1965 № 467 "On improving trade and public catering in the RSFSR". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6231.htm (accessed 01.09.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 17.04.1965 № 478 "On improving trade in collective farm markets". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6234.htm (accessed 29.08.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 15.05.1965 № 384 "On measures to improve the work of consumer service enterprises". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6244.htm (accessed 03.09.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 29.06.1965 № 802 "On measures to improve the work of consumer service enterprises". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6259.htm (accessed 04.08.2020). (In Russ.).

Resolution of the Central Committee of the CPSU, the Council of Ministers of the USSR of 30.09.1965 № 728 "On improving the management of industry". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6302.htm (accessed 22.08.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 31.08.1967 № 824 "On some measures to further improve trade". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6631.htm (accessed 22.08.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 5.10.1967 № 760 "On measures to further improve trade in the RSFSR". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6649.htm (accessed 26.09.2020). (In Russ.).

Resolution of the Central Committee of the CPSU, the Council of Ministers of the USSR of 05.07.1977 № 611 "On measures for the further development of trade". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9360.htm (accessed 06.08.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 12.08.1977 № 427 "On measures for the further development of trade in the RSFSR". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9391.htm (accessed 11.08.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 14.06.1978 № 291 "On measures to increase production, improve the organization of procurement, transportation and supply of the population of the RSFSR with vegetables, fruits and melons". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9675.htm (accessed 12.08.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 22.06.1978 № 300 "On improving trade in agricultural products on collective farm markets". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_9688.htm (accessed -6.09.2020). (In Russ.).

Resolution of the Central Committee of the CPSU, the Council of Ministers of the USSR of 14.01.1982 № 29 "On measures for the further development of trade and improvement of trade services to the population in the eleventh five-year plan". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_11044.htm (accessed 28.09.2020). (In Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of 24.07.1984 № 329 "On measures for the further development and improvement of collective farm trade in the RSFSR". Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12214.htm (accessed 07.09.2020). (In Russ.).

RGANI — *Russian State Archive of Modern History. F. 5 (Apparatus of the Central Committee of the CPSU [1949—1991]).* (In Russ.).

References

Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2020a). Collective capitalist property in the institutional structure of Russia in the 1930s—1980s. *Economic and social changes: facts, trends, forecast, 13 (4):* 186—201. DOI: 10.15838/esc. 2020.4.70.11. (In Russ.).

Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2020b). The initial accumulation of capital in Soviet Russia: an invitation to a scientific discussion. *Voprosy Istorii, 7:* 22—42. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202007Statyi02. (In Russ.).

Beznin, M. A., Dimoni, T. M., Stoletova, A. S. (2020v). Bourgeois tendencies in the social life and mentality of the Soviet society of the 1950s—1980s. *Bulletin of the Kostroma State University, 26 (1):* 77—86. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-77-86. (In Russ.).

Demchik, E. V., Gryanikova, G. A. (2019). Food deficit in the abundant region: on the question of the phenomenon of Soviet trade in the 1960s and 1970s. In: *Historical Challenges and Economic Development of Russia: materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation. Yekaterinburg, September 25—26, 2019*. Yekaterinburg: Alfaprint. 346—350. (In Russ.).

Khasyanov, O. R. (2015). Culture of Soviet trade in the collective farm village in the post-war decade. *Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University, 112:* 190—207. (In Russ.).

Khaziev, R. A. (2010). "Culture of Soviet trade" of the Khrushchev era: virtuosos of body kit, obscheta and sale "from under the floor". *Bulletin of the Bashkir University, 3:* 884—891. (In Russ.).

Moroz, I. A. (2014). Problems of assortment and quality of goods in Soviet trade in the 50—60s of the XX century. *Bulletin of the Bryansk State University, 2:* 104—110. (In Russ.).

Osokina, E. A. (1998). *Behind the facade of "Stalinist abundance": Distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization, 1927—1941.* Moscow: ROSSPEN. 267 p. (In Russ.).

Popov, G. G. (2019). Between the liberalization of communism and Orthodox Marxism (understanding the evolution of Soviet economic development in the 1950s and 1960s). *Terra economicus, 17 (4):* 113—128. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-113-128. (In Russ.).

Shubin, A. V. (2001). *From "stagnation" to reforms. USSR in 1917—1985*. Moscow: ROSSPEN. 766 p. ISBN 5-8243-0123-9. (In Russ.).

Stoletova, A. S. (2019). Specifics of Theft of State Property in the RSFSR of 1960s—1980s. *Nauchnyi dialog, 12:* 379—391. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391. (In Russ.).

Tverdikova, E. D. (2014). Contradictio in adjecto: "Bourgeois" values of Soviet trade 1950—1960. In: *Soviet megapolis: Leningrad in the process of modernization. Collection of articles. Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.* Saint-Petersburg: North star. 152—187. (In Russ.).

Tverdyukova, E. D. (2015). Activity of the State Trade Inspectorate for combating consumer fraud in Soviet trade (1930s — early 1990s). *St. Petersburg Historical Journal: Research on Russian and Universal History, 3 (7):* 56—67. (In Russ.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Тао Цзинхун. Развитие китайско-турецких отношений в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Тао Цзинхун, В. А. Кузьмин // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 438—451. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-438-451.

Tao Jinghon, Kuzmin, V. A. (2021). Development of Chinese — Turkish Relations under "One Belt, One Road" Initiative. *Nauchnyi dialog, 3:* 438-451. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-438-451. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-438-451

Развитие китайско-турецких отношений в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

Тао Цзинхун
orcid.org/0000-0002-0414-4226
аспирант
1945946945@qq.com

Кузьмин Вадим Александрович
orcid.org/0000-0002-8935-3085
доктор исторических наук, профессор
kuzmin16@yandex.ru

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

(Екатеринбург, Россия)

Development of Chinese — Turkish Relations under "One Belt, One Road" Initiative

Tao Jinghon
orcid.org/0000-0002-0414-4226
Post-graduate student
1945946945@qq.com

Vadim A. Kuzmin
orcid.org/0000-0002-8935-3085
Doctor of History, Associate Professor
kuzmin16@yandex.ru

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin"

(Yekaterinburg, Russia)

© Тао Цзинхун, Кузьмин В. А., 2021

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются Китай и Турция — страны, расположенные на двух концах древнего торгового Шелкового пути, которые в начале XXI века оказались снова тесно связаны китайской инициативой «Один пояс, один путь». Показано, как эти две страны с высокой экономической активностью дополняют потребности и преимущества друг друга. Уделяется внимание взаимодействию и сотрудничеству между ними в таких областях, как развитие контактов по политическим вопросам, дорожное сообщение, торговля, денежное обращение, связи между людьми. Констатируется, что Китай и Турция достигли определенных успехов в содействии устойчивому и стабильному развитию двусторонних отношений. Авторы также отмечают, что существует множество проблем, с которыми сталкиваются обе стороны при реализации инициативы «Один пояс, один путь». Подчеркивается, что в плане геополитики, внешней политики и внешнеэкономических связей Турция находится в достаточно сложном положении, сотрудничество между Китаем и Турцией в рамках «Один пояс, один путь» также содержит множество рисков. Сделан вывод, что, пока две страны будут придерживаться идеи возрождения Великого шелкового пути и прагматического подхода, будет продвигаться вперед и все более тесное взаимовыгодное сотрудничество между Китаем и Турцией.

Ключевые слова:
Один пояс, один путь; китайско-турецкие отношения; сферы взаимодействия и сотрудничества.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

China and Turkey — countries located at the two ends of the ancient trade Silk Road, which at the beginning of the 21st century were again closely linked by the Chinese initiative “One Belt, One Road”, are considered in the article. It is shown how these two economies with high economic activity complement each other’s needs and benefits. Attention is paid to the interaction and cooperation between them in such areas as the development of contacts on political issues, road communications, trade, money circulation, communication between people. It is stated that China and Turkey have achieved certain successes in promoting sustainable and stable development of bilateral relations. The authors also note that there are many challenges faced by both sides in implementing “One Belt, One Road” Initiative. It is emphasized that in terms of geopolitics, foreign policy and foreign economic relations, Turkey is in a rather difficult situation, cooperation between China and Turkey within the framework of “One Belt, One Road” also contains many risks. It is concluded that as long as the two countries adhere to the idea of reviving the Great Silk Road and a pragmatic approach, more and more mutually beneficial cooperation between China and Turkey will move forward.

Key words:
One belt, one road; Chinese-Turkish relations; areas of interaction and cooperation.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:327(510:560)“2013/2020”

Развитие китайско-турецких отношений в рамках инициативы «Один пояс, один путь»

© Тао Цзинхун, Кузьмин В. А., 2021

1. Введение

Древний и средневековый Шелковый путь начинался в китайском Чанъане (современный Сиань) и простирался на запад до Константинополя (современный Стамбул). Китай и Турция, территории которых были соединены древним Шелковым путем, теперь снова тесно связаны трансъевразийским маршрутом в рамках осуществления проекта «Один пояс, один путь» (далее — ОПОП). Сегодня обе страны являются государствами с высоким уровнем экономического развития. Экономическое сотрудничество является важной частью стратегического партнерства между ними.

Программа ОПОП, которая была впервые сформулирована председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году во время поездки в Центральную Азию, вызвала резонанс в регионе и далеко за его пределами [TSCPRC, 2015]. Эта инициатива, имеющая широкий географический охват, состоит из двух коридоров: один маршрут, известный как «Экономический пояс Шелкового пути» (далее — ЭПШП), следует по историческому сухопутному Шелковому пути через Центральную Азию, Иран, Турцию и ведет в Европу. Другой маршрут, или «Морской шелковый путь» (далее — МШП), берет свое начало в Южно-Китайском море, проходит через Малаккский пролив, Индийский океан и Красное море и выходит в Средиземное море, на берегах которого расположена и Турция [Alden et al., 2015]. С момента выдвижения инициативы в 2013 году Китай инвестировал 50 миллиардов долларов в страны-участницы инициативы ОПОП. Китай создал 56 экономических и торговых зон в этих странах, что принесло им как принимающим государствам 1,1 миллиарда долларов. По словам Чжун Шаня, министра торговли КНР, в течение 2013—2017 годов более 100 стран и международных организаций активно откликнулись и более 50 стран подписали соответствующие соглашения о сотрудничестве с Китаем. Среди них более 130 соглашений о взаимных перевозках. Двусторонние инвестиционные соглашения достигнуты почти с 60 странами [CCTVH, 2017]. В ближайшей перспективе общий объем инвестиций Китая в страны-участницы инициативы ОПОП достигнет 1,6 триллиона долларов, что составит 70 % иностранных инвестиций Китая [АБИИ инвестирует …, 2015].

CC BY

2. Значение инициативы ОПОП для перспектив развития китайско-турецких отношений

Как две древние цивилизации, исторически связанные торговлей, культурой и стратегическим мышлением, Турция и Китай в начале XXI века находятся на перекрестке эпохального сдвига. Китай под руководством председателя Си Цзиньпина в ближайшие годы реализует «китайскую мечту» о возрождении нации, а Турция стремится достичь своих целей к 100-летию республики в 2023 году. Китайские и турецкие ученые провели ряд исследований, посвященных «китайской мечте» и «видению Турции на 2023 год» (Сельчук Чолакоглу, Риза Кадылар, Эндрю К. П. Леунг, О. Кейван, Цзань Тао, Сюй Шэн, Чжан Хайлунь и др.). Проводя параллели и аналогии, некоторые китайские исследователи даже стали переводить выражение «видение Турции на 2023 год» как «турецкую мечту». Выводы, к которым пришли ученые, в основном положительные, поскольку они установили, что и Турция, и Китай получат огромные выгоды от более тесного сотрудничества в качестве партнеров на «Шелковом пути к возрождению».

Российские исследователи тоже внимательно следят за состоянием и развитием отношений между Китаем и Турции в рамках инициативы ОПОП. Одним из примеров такого внимания можно назвать статью директора Института Русских стратегий Елены Паниной «Китайский бросок Эрдогана», которая отмечает, что, несмотря на некоторую региональную нестабильность, беспокойство по поводу Синьцзянской проблемы и ряда других сложных вопросов, согласование инфраструктурных и логистических проектов Пекина и Анкары идет успешно. Развитие китайско-турецких отношений имеет большой потенциал в рамках реализации инициативы ОПОП [Панина, 2021]. Мнение данного исследователя в значительной степени совпадает с точкой зрения авторов настоящей статьи.

После глобального финансового кризиса рост экономики КНР замедлился. В этих условиях правительство Китая разработало проект ОПОП, призванный содействовать решению многих экономических проблем, в частности, связанных с избыточными производственными мощностями. Производственные мощности Китая составляют почти 50 % от общих производственных мощностей в мире. Например, избыточные мощности китайской сталелитейной промышленности составляли около 40 % от общих избыточных производственных мощностей в мире [Средняя цена …, 2020]. В условиях высокой производительности и большого количества избыточных мощностей китайская сталь всегда была в основном экспортной продукцией. Инвестиции в строительство инфраструктуры в странах-участницах инициативы ОПОП могут в значительной степени облегчить проблему избытка производственных мощностей в Китае.

CC BY

Глобальный проект ОПОП помогает КНР стимулировать оживление торговли. Внешний экспорт Китая в 2019 году составил 2498,4 млрд долларов, из которых экспорт в Европу — 436,7 млрд долларов, что составляет 17,5 % от общего объема китайского экспорта [Министерство торговли …, 2020]. Европа стала крупнейшим торговым и экономическим партнером Китая. В последние годы, когда Китай расширил свою открытость для внешнего мира и начал реализацию инициативы ОПОП, стал быстро развиваться скоростной транспортный маршрут Китай — Европа. В 2019 году по этому маршруту прошли 8 225 железнодорожных составов, что на 29 % больше, чем в 2018 году. В целом по экспресс-маршруту Китай — Европа к середине 2020 года прошло более 21 тыс. железнодорожных составов, доставивших грузы в 57 городов восемнадцати стран континентальной Европы [Экспресс Китай-Европа …, 2020]. Поскольку Европа в настоящее время является крупнейшим торговым партнером Китая, развитие в этом направлении в значительной степени способствовало устойчивому росту внешней торговли страны.

Реализация проекта ОПОП способствует стимулированию развития относительно слаборазвитых территорий в Западном Китае и выправлению дисбаланса существующего уровня экономического развития между восточными и западными регионами КНР. ЭПШП начинается от западных городов Китая Сианя и Чунцина, а затем проходит через провинции Ганьсу и Синьцзян в Центральную Азию. Города, расположенные в западной части страны вдоль этого маршрута, в настоящее время отстают в плане экономики от городов восточных провинций Китая. Однако благодаря проекту ЭПШП в этих городах открылись новые возможности для экономического развития. В 2018 году фактическое использование иностранного капитала (в долларах США) в западных регионах КНР увеличилось на 19,9 %, высокотехнологичная промышленность возросла на 32,1 %, а обрабатывающая промышленность увеличилась на 86 % [Министерство торговли …, 2018].

Турция, как и Китай, также сталкивается с неравномерным экономическим развитием своих регионов. Экономическая инфраструктура в Турции развита неравномерно, ее восточные регионы заметно отстают от западных, тесно связанных с мировой экономикой и сталкивающихся с меньшим количеством проблем в плане обеспечения безопасности. Регионы, примыкающие к Эгейскому и Мраморному морям, и Большой Стамбул, торгующие с Европой, процветают, в то время как восточные части страны остаются недостаточно развитыми [Stratfor …, 2013]. Именно поэтому реализация проекта ОПОП полезна для сглаживания неравномерности экономического развития турецких регионов, поскольку развитие транспортной и иной инфраструктуры будет стимулировать большую ориентированность экономики Турции на восток. Начатое строительство Трансана-

CC BY

толийской высокоскоростной железнодорожной магистрали, несомненно, будет способствовать интеграции восточных вилайетов Турции в мировую экономику. Такие города, как Сивас и Эрзурум, которые будут находиться на трассе этой железной дороги, могут стать транзитными узлами нового Шелкового пути, каковыми они уже были в прежние времена.

Можно утверждать, что реализация проекта ОПОП дает Турции возможность изменить свой периферийный статус и занять более значимое положение в мировой торговле. Турция контролирует проливы между Черным и Средиземным морями, она соединяет Европу с Азией, ее стратегическое положение очень важно для реализации проекта ОПОП. Уникальное географическое положение дает Турции дополнительные преимущества и делает ее «соединительным мостом» Евразии.

3. Сферы сотрудничества между Китаем и Турцией в рамках инициативы ОПОП

Сотрудничество между Китаем и Турцией началось достаточно давно. На раннем этапе «политики реформ и открытости» Китай подписал с Турцией «Двусторонний торговый протокол» и «Соглашение об экономическом, промышленном и техническом сотрудничестве». В последующие годы между двумя странами стали частыми визиты на высоком уровне, а механизм сотрудничества постоянно совершенствовался. Китай и Турция запустили процесс взаимодействия и разработки стратегии развития.

Сотрудничество в рамках инициативы ОПОП между Китаем и Турцией охватывает контакты по политическим и торговым вопросам, транспортное сообщение, проблемы денежного обращения и расширение связей между людьми.

Политическое сотрудничество между странами. Турция выдвинула новую инициативу в рамках проекта Шелкового пути под названием «Средний коридор». Основными целями Турции при запуске этой инициативы являются создание пояса процветания в регионе, поощрение контактов между людьми, укрепление чувства региональной ответственности, соединение Европы с Азией, обеспечение взаимосвязи между коридором Восток-Запад и коридором Север-Юг, расширение рынков и создание крупномасштабных экономических проектов, а также внесение конкретного вклада в развитие регионального сотрудничества в Евразии [Лэй Ян и др., 2020]. На саммите G20 в Анталии в ноябре 2015 года Китай и Турция подписали Меморандум о взаимопонимании в отношении проекта ОПОП и инициативы «Средний коридор», что ознаменовало формальное установление отношений стратегического сотрудничества между двумя сторонами в рамках ОПОП. В 2017 году президент Турции Реджеп Тайип Эрдо-

CC BY

ган по приглашению председателя КНР Си Цзиньпина посетил Китай для участия в Форуме международного сотрудничества ОПОП. Си Цзиньпин предложил состыковать проекты ОПОП и «Средний коридор». Как отметило китайское информационное агентство «Синьхуа», за счет такой стыковки обе стороны достигли эффекта «один плюс один — больше двух» [Выступление Си Цзиньпина …, 2017].

Укрепление инфраструктуры. Финансовые ресурсы на проект ОПОП Пекин выделил из своего Фонда Шелкового пути, Азиатского банка инфраструктуры и инвестиций (далее — АБИИ), возглавляемого Китаем, Китайского банка развития, Эксим банка Китая и Банка сельскохозяйственного развития Китая [АБИИ инвестирует …, 2015]. В этом контексте Китай предлагал создать АБИИ для содействия строительству инфраструктуры. 15 апреля 2015 года Турция официально стала одним из участников АБИИ. С присоединением Турции к АБИИ у обеих сторон расширились возможности для сотрудничества в развитии транспортной инфраструктуры и других областях.

В Турции существуют высокоскоростные железные дороги и традиционные железнодорожные линии, но их дальнейшее развитие требует больших вложений. В национальных стратегических целях Турции указано, что до 2023 года правительство построит 10 000 километров новых высокоскоростных железнодорожных линий, в том числе на востоке страны, почти 5 000 километров железных дорог общего пользования и 14 000 километров новых автомагистралей [Сюй Ин, 2014]. Сотрудничество между китайскими и турецкими инжиниринговыми подрядчиками в области строительства транспортной сети уже принесло хорошие результаты. 25 июля 2014 года высокоскоростная железная дорога, соединяющая столицу Турции Анкару и Стамбул, которая частично была построена китайской компанией, открылась для движения, это стало первым примером «выхода» за рубеж китайской высокоскоростной железной дороги [На основе высокоскоростной …, 2014]. Китайско-турецкое сотрудничество в области развития транспортной инфраструктуры позволило перейти от инжиниринговых контрактов к инвестициям и трансграничным слияниям и поглощениям. Приобретение китайскими компаниями контейнерного терминала в Кумпорте, расположенном недалеко от Стамбула, и турецкого Текстильного банка являются типичными примерами этого процесса [Вэй Минь, 2017а].

Торговые отношения. Значительного прогресса достигли торговые отношения между Китаем и Турцией, уже в 2010 году объем их товарооборота превысил 1 миллиард долларов. С тех пор торговые связи между двумя странами быстро развивались, и в 2019 году объем товарооборота достиг 21 миллиарда, увеличившись почти в 20 раз [RTMFA, 2019]. КНР

CC BY

стала крупнейшим торговым партнером Турции в Восточной Азии. В целом торговые отношения между Турцией и КНР характеризуются несбалансированностью и конкурентностью. Однако, как считают Р. Кадылар и Э. К. П. Леунг, торговый дисбаланс — хорошая возможность для обеих стран использовать разные формы экономического сотрудничества. Например, из почти 30 000 компаний с иностранным капиталом, действующих в Турции, китайских компаний не более 45. Это означает, что есть много возможностей для роста китайских инвестиций в Турции [Kadılar et al., 2013]. Быстро увеличивающееся количество визитов китайских бизнес-делегаций в турецкие промышленные зоны и некоторые подписанные соглашения о совместных инвестициях являются хорошими индикаторами растущих возможностей совместной инвестиционной деятельности. Недавнее открытие представительства Банка Китая в Стамбуле и представительств некоторых турецких банков в Китае, а также схемы совместного финансирования, объявленные ведущими банками, — все это убедительные признаки высокого потенциала роста.

Финансовая сфера. Сотрудничество в финансовом секторе играет важную роль в поддержании стабильности финансовой системы и реализации проекта ОПОП. В 2012 году центральные банки Китая и Турции подписали «Двустороннее соглашение о свопах (специфический финансовый термин. — *Прим. авт.*) в местной валюте» со шкалой обмена в размере 10 млрд юаней / 3 млрд турецких лир. В 2015 году центральные банки Китая и Турции возобновили двустороннее соглашение о свопах в местной валюте. Масштаб свопа был расширен с первоначальных 10 млрд юаней / 3 млрд турецких лир до 12 млрд юаней / 5 млрд турецких лир, что способствовало финансовой стабилизации отношений [Вэй Минь, 2017б]. В 2015 году Китайская экспортно-кредитная страховая корпорация подписала соглашение с турецким Акер Банком для предоставления гарантийной поддержки будущих инвестиций в Турции. После успешного приобретения Турецкого текстильного банка Промышленно-коммерческим банком Китая сотрудничество между Китаем и Турцией в финансовой сфере продолжало углубляться. В 2016 году Банк Китая получил разрешение на создание дочернего банка в Турции. Банк Китая стал вторым китайским банком, представленным в Турции, после Промышленно-коммерческого банка [Банк Китая …, 2016]. Все это имеет большое значение для поддержки участия китайских компаний в проекте ОПОП в Турции, ускорения темпов интернационализации юаня и превращения Стамбула в расчетный центр юаней на Ближнем Востоке.

Межкультурное взаимодействие. Большое значение в рамках развития китайско-турецких отношений придается контактам между людьми, в том числе в туристической сфере. Турция придает большое значение развитию

CC BY

туризма. Полученный от туризма доход в иностранной валюте является крупнейшим источником дохода в турецкой сфере услуг, составляя более 20 % от общего экспортного дохода страны. Согласно отчету о конкурентоспособности путешествий и туризма в мире, опубликованному Всемирным экономическим форумом, Турция в сфере туризма поднялась с 56-го места в 2009 году до 44-го места в рейтинге стран мира. В свою очередь количество выездных туристов из Китая уже в 2016 году достигло 130 миллионов, что сделало его крупнейшим в мире источником туристов. В 2018 году количество туристов из Китая в Турции возросло до 394 тысяч, а в 2019 году это число увеличилось до 427 тысяч [RTMFA, 2019]. 23 февраля 2017 года китайская холдинговая компания «Отели и курорты Ваньда» (Wanda Hotels and Resorts) подписала контракт с турецкой компанией «Mar Yapı» на управление отелем «Ваньда Виста» [Состоялась церемония …, 2017]. Это событие ознаменовало официальный выход китайского бренда гостиничного менеджмента в Турцию и новый уровень китайско-турецкого сотрудничества в области туризма. По решению лидеров двух стран в 2018 году был проведен «Год Турецкого туризма в Китае» [RTMFA, 2019].

Помимо туризма, новой сферой турецко-китайского сотрудничества стало образование. Правительства двух стран активно продвигали подписание ряда важных двусторонних соглашений, таких как «Соглашение о взаимном открытии культурных центров», «Соглашение о взаимном признании академических квалификаций», многолетняя «Программа культурного обмена между Китаем и Турцией» [Ван Юн и др., 2015]. Эти и подобные им договоренности активно способствовали углублению двустороннего культурного обмена, сотрудничеству двух стран в области искусства, образования, технологий, средств массовой информации, молодежного спорта.

4. Проблемы в области реализации инициативы ОПОП

Разумеется, в отношениях между Китаем и Турцией существуют и некоторые проблемные вопросы. В частности, следует обратить внимание на однородность номенклатуры экспортируемых ими товаров. Например, как в Китае, так и в Турции развита текстильная промышленность, продукция которой идет на экспорт. В результате на международном рынке текстиля между ними сложились не взаимодополняющие, а долгосрочные конкурентные отношения. К настоящему времени Китай стал вторым по величине торговым партнером Турции. Но с развитием китайско-турецкой торговли вырос и торговый дисбаланс. Турция стала одной из стран, подавших больше всего антидемпинговых исков против товаров китайского экспорта. Обе стороны должны осознать, что в рыночных условиях экономической глобализации вопросы конкуренции и внешнеторгового дисба-

CC BY

ланса необходимо решать посредством выстраивания отношений сотрудничества в области развития производственных отраслей.

Время от времени в Турции имеют место иррациональные комментарии и действия, связанные с проблемой китайского Синьцзяна, это приводит к тому, что имидж Турции в китайском общественном мнении ухудшается [Цзань Тао, 2020]. Все это негативно влияет на нормальное развитие отношений между двумя странами.

Возникают недоразумения между двумя сторонами и в понимании значения инициативы ОПОП. До 2017 года внимание турецких СМИ к ОПОП ограничивалось несколькими спорадическими сообщениями. После 2017 года количество информации в турецких СМИ о проекте ОПОП значительно увеличилось, однако по-прежнему в них мало внимания уделяется таким областям, как наука, образование, культура, здравоохранение, роль и значение которых также отражены в инициативе ОПОП [Гун Инюань, 2019].

В целом политические и экономические отношения Турции с внешним миром в настоящее время достаточно сложные, поэтому китайско-турецкое сотрудничество в рамках инициативы ОПОП может столкнуться с множеством рисков.

5. Заключение

Территория современной Турции — западная оконечность древнего Шелкового пути. Национальные стратегические цели и дипломатические устремления Турции, ее статус «средней державы» с ключевым географическим положением, дополнительные экономические потребности в отношениях с Китаем и множественная идентичность не только являются движущей силой участия Турции в инициативе ОПОП, но и дают огромный импульс дальнейшему развитию всей программы сотрудничества. Турция становится важным партнером Китая, а ее план «Средний коридор» и проект ОПОП могут достичь стратегической стыковки. В рамках инициативы ОПОП Китай и Турция успешно сотрудничают в таких областях, как политическая координация, инфраструктура, торговля, финансовая интеграция и коммуникация между людьми. В целом китайско-турецкие отношения стабильно развиваются.

Однако нельзя игнорировать негативные факторы, среди них понимание обеими сторонами инициативы ОПОП асимметрично в подаче информации о ней, недостаточно стабильная международная и внутренняя ситуация в Турции. Данные условия повышают риски в развитии сотрудничества двух стран. Кроме того, существуют большие различия в политических системах Китая и Турции, сохраняется торговая конкуренция и другие проблемы. Вместе с тем как Китай, так и Турция ценят диверсификацию, прагматизм, добрососедские международные отношения, у правительств обоих госу-

дарств есть идея использования экономических и валютных стратегий для расширения сети контактов с соседними странами и создания на их основе обширного общего экономического пространства. Преимущества сотрудничества между Китаем и Турцией перевешивают недостатки, имеющиеся негативные факторы принципиально не могут изменить позитивную направленность отношений между двумя странами. Эти отношения будут и дальше развиваться по мере продвижения проекта ОПОП.

Литература

1. *АБИИ* инвестирует триллион долларов США в инициативу «Один пояс, один путь». 2015 [Электронный ресурс] // Хуаньцюнет. — Режим доступа : https://finance.huanqiu.com/article/9CaKrnJJsO1 (дата обращения 29.09.2020). (环球网. 亚投行助力“一带一路”万亿美元蛋糕待分享. 2015. — Access mode : https://finance.huanqiu.com/article/9CaKrnJJsO1).

2. *Банк* Китая одобрил работу в Турции. 2016 [Электронный ресурс] / Синьхуа Шелковый путь. — Режим доступа : https://www.imsilkroad.com/news/p/680.html (дата обращения 04.09.2020). (新华丝路. 中国银行获准在土耳其营业. 2016. — Access mode : https://www.imsilkroad.com/news/p/680.html).

3. *Ван Юн.* Стратегическое сотрудничество между Китаем и Турцией в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Ван Юн, Умут Эргунсу, Ло Ян // Западная Азия и Африка. — 2015. — № 6. — С. 70—86. (王勇, Umut Ergunsu, 罗洋. “一带一路”倡议下中国与土耳其的战略合作. 西亚非洲. 2015年第6期. 70—86页).

4. *Все* идет, чтобы добраться далеко. Си Цзиньпин дирижирует симфоническим ансамблем «Один пояс, один путь». 2017 [Электронный ресурс] / CCTV новости. — Режим доступа : http://news.cctv.com/2017/05/07/ARTIRiCeqTx042BaCX3I1iQx170507.shtml (дата обращения 12.09.2020). («众行以致远 习近平指挥» 一带一路 «交响乐之合奏篇». 2017. — Access mode : http://news.cctv.com/2017/05/07/ARTIRiCeqTx042BaCX3I1iQx170507.shtml).

5. *Вэй Минь.* Возможности и проблемы, стоящие перед китайско-турецким сотрудничеством в области потенциала в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Вэй Минь // Современный мир. — 2017а. — С. 54—57. — DOI: 10.19422/j.cnki.ddsj.2017.08.013. (魏敏. 一带一路”框架下中土产能合作面临的机遇和挑战 / 魏敏 // 当代世界. — 2017年. — 54—57页).

6. *Вэй Минь.* Риски и меры противодействия китайско-турецкому международному сотрудничеству в области потенциала на фоне «Один пояс, один путь» / Вэй Минь // Международное экономическое сотрудничество. — 2017б. — № 5. — С. 14—19. (魏敏. “一带一路”背景下中国—土耳其国际产能合作的风险及对策 / 魏敏 // 国际经济合作. — 2017年. — 第5期. — 14—19页).

7. *Выступление* Си Цзиньпина на церемонии открытия Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс] / Синьхуанет. — Режим доступа : http://www.xinhuanet.com/2017-05/14/c_1120969677.htm (дата обращения 02.09.2020). (新华网. 习近平在“一带一路”国际合作高峰论坛开幕式上的演讲. — 2017. — Access mode : http://www.xinhuanet.com/2017-05/14/c_1120969677.htm).

8. *Гун Инюань.* Освещение проекта «Один пояс, один путь» в основных турецких СМИ / Гун Инюань // Международная связь. — 2019. — № 5. — С. 53—61. (龚颖元.

土耳其主流媒体中的 “一带一路”形象 / 龚颖元 // 国际传播. — 2019年. — 第5期. — 53—61页).

9. *Лэй Ян.* Инициатива Турции «Средний коридор» : основы, мотивация и геополитическое влияние / Лэй Ян, Хуан Чэнфэн, Чен Цзе // Мировые региональные исследования. — 2020. — № 3. — С. 460—468. (雷洋. 土耳其“中间走廊”倡议：基础、动因及地缘政治影响 / 雷洋, 黄承锋, 陈泽雷洋 // 黄承锋, 陈泽世界地理研究. —2020. — 第3期. — 460—468页).

10. *Министерство* торговли КНР : Продолжать поддерживать западный регион для участия в совместном строительстве «Один пояс, один путь». 2018 [Электронный ресурс] // Сайт «Один пояс, один путь». — Режим доступа : https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/bwdt/75361.htm (дата обращения 03.09.2020). (中国一带一路网. 商务部：继续支持西部地区参与共建“一带一路”. — 2018. — Access mode : https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/bwdt/75361.htm).

11. *На основе* высокоскоростной железной дороги Анкара-Стамбул строится новый Шелковый путь. 2014 [Электронный ресурс] // Гуанмин жибао. — Режим доступа : https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2014-07/29/nw.D110000gmrb_20140729_2-08.htm?div=-1 (дата обращения 16.09.2020). (安伊高铁搭建新丝绸之路. 2014 // 光明日报. — Access mode : https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2014-07/29/nw.D110000gmrb_20140729_2-08.htm?div=-1).

12. *Объем* инвестиций в проект «Один пояс, один путь» в ближайшие десять лет может составить 1,6 трлн юаней. 2015 [Электронный ресурс] // Хуаньцюнет. — Режим доступа : https://finance.huanqiu.com/article/9CaKrnJNPQf (дата обращения 23.09.2020). («未来十年»一带一路«投资规模或达 1.6万亿». 环球网. 2015. — Access mode : https://finance.huanqiu.com/article/9CaKrnJNPQf).

13. *Панина Е.* Китайский бросок Эрдогана. 2021 [Электронный ресурс] // Институт Русских стратегий. — Режим доступа : https://russtrat.ru/reports/7-fevralya-2021-0010-2922 (дата обращения 28.09.2020).

14. *Состоялась* церемония подписания контракта компанией «Отели Ванда Виста». 2017 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.wanda.cn/2017/2017latest_0524/35889.html (дата обращения 19.09.2020). (伊斯坦布尔万达文华酒店签约仪式举办. 2017. — Access mode : http://www.wanda.cn/2017/2017latest_0524/35889.html).

15. *Средняя* цена импорта и экспорта стали в Китае в июне оказалась перевернутой. 2020б [Электронный ресурс] // Сайт «Один пояс, один путь». — Режим доступа : https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/gnxw/141335.htm (дата обращения 01.09.2020). (中国一带一路网. 月份中国钢材进出口均价出现倒挂现象. 2020 // “一带一路” 网站. — Access mode : https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/gnxw/141335.htm).

16. *Статистика* торговли между Китаем и странами Европы с января по декабрь 2019 г. [Электронный ресурс] // Министерство торговли Китайской Народной Республики. — Режим доступа : http://ozs.mofcom.gov.cn/article/zojmgx/date/202003/20200302941074.shtml (дата обращения 18.09.2020). (中国与欧洲国家贸易统计表. 2019年1-12月 // 中华人民共和国商务部. 2019. — Access mode : http://ozs.mofcom.gov.cn/article/zojmgx/date/202003/20200302941074.shtml).

17. *Сюй Ин.* Турецкие официальные лица говорят о новом Шелковом пути : в первую очередь необходимо построить железнодорожную сеть. 2014 [Электронный ресурс] / Сюй Ин. — Режим доступа : http://finance.sina.com.cn/360desktop/world/yzjj/20141201/114120965000.shtml (дата обращения 17.09.2020). (徐颖. 土耳其员谈新丝

路：应先建铁路网络. 2014 / 徐颖. — Access mode : http://finance.sina.com.cn/360desktop/world/yzjj/20141201/114120965000.shtml).

18. *Цзань Тао.* Восприятие китайцами Турции в наше время. 2020 [Электронный ресурс] / Цзань Тао // Хуаньцюнет. — Режим доступа : https://xw.qq.com/cmsid/20201225a09klz00 (дата обращения 21.09.2020). (咎涛. 近代以来中国人对土耳其的认知. 2020. — Access mode : https://xw.qq.com/cmsid/20201225a09klz00).

19. *Экспресс* Китай-Европа стабильно развивается. 2020a [Электронный ресурс] / Сайт «Один пояс, один путь». — Режим доступа : https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/gnxw/119538.htm (дата обращения 11.09.2020). (中国一带一路网.中欧班列保持平稳增长. 2020a // “一带一路” 网站. — Access mode : https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/gnxw/119538.htm).

20. *Alden C.* Silk, Cinnamon and Cotton : Emerging Power Strategies for the Indian Ocean and the Implications for Africa / C. Alden, E. Sidiropoulos // Policy Insights. — 2015. — № 18. — Pp. 1—12.

21. *Kadılar R.* Possible turkish-chinese partnership on a new silk road renaissance by 2023 / R. Kadılar, A. Leung // Turkish Policy Quarterly. — 2013. — № 2. — Pp. 125—137.

22. RTMFA — Türkiye — Çin Halk Cumhuriyeti Siyasi İlişkileri [Electronic resource] // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. 2019. — Access mode : http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-commercial-and-economic-relations-with-china.en.mfa (accessed 29.09.2020).

23. *Stratfor.* Turkey’s Geographic Challenge. 2013 [Electronic resource] / Stratfor. — Access mode : https://worldview.stratfor.com/article/turkeys-geographic-challenge (accessed 20.09.2020).

24. TSCPRC — *Action* plan on the Belt and Road Initiative. 2015 [Electronic resource] // The State Council of the People’s Republic of China. — Access mode : http://english.gov.cn/beltAndRoad/ (accessed 05.09.2020).

References

AIIB invests a trillion US dollars in the initiative “One Belt, One Road”. In: *Huanqiunet.* Available at: https://finance.huanqiu.com/article/9CaKrnJJsO1 (accessed 29.09.2020). (In Chin.).

Alden, C., Sidiropoulos, E. (2015). Silk, Cinnamon and Cotton: Emerging Power Strategies for the Indian Ocean and the Implications for Africa. *Policy Insights, 18:* 1—12.

A new Silk Road is being built on the basis of the Ankara-Istanbul high-speed railway. Available at: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2014-07/29/nw.D110000gmrb_20140729_2-08.htm?div=-1 (accessed 16.09.2020). (In Chin.).

Everything goes to get far, Xi Jinping conducts the symphony ensemble “One Belt, One Road”. In: *CCTV news.* Available at: http://news.cctv.com/2017/05/07/ARTIRiCeqTx042BaCX3I1iQx170507.shtml (accessed 12.09.2020). (In Chin.).

Express China-Europe is steadily developing. In: *Website “One belt, One road”.* Available at: https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/gnxw/119538.htm (accessed 11.09.2020). (In Chin.).

Gong Yinyuan. (2019). Lighting project “One belt, one road” in mainstream Turkish media. *International communication, 5:* 53—61. (In Chin.).

Kadılar, R., Leung, A. (2013). Possible turkish-chinese partnership on a new silk road renaissance by 2023. *Turkish Policy Quarterly, 2:* 125—137.

Lei Yang., Huang Chengfeng., Chen J. (2020). Turkey’s Middle Corridor Initiative: Fundamentals, Motivation, and Geopolitical Influence. *World Regional Studies, 3:* 460—468. (In Chin.).

CC BY

Ministry of Trade of the People's Republic of China: Continue to support the Western region to participate in the joint construction of "One Belt, One Road". In: *Website "One Belt, One Road"*. Available at: https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/bwdt/75361.htm (accessed 03.09.2020). (In Chin.).

Panina, E. Erdogan's Chinese throw. 2021. In: *Institute of Russian Strategies*. Available at: https://russtrat.ru/reports/7-fevralya-2021-0010-2922 (accessed 28.09.2020). (In Russ).

RTMFA — Turkey-China Political Relations. (2019). In: *Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs*. Available at: http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-commercial-and-economic-relations-with-china.en.mfa (accessed 29.09.2020). (In Turk).

Statistics of trade between China and European countries from January to December. (2019). In: *Ministry of Trade of the People's Republic of China.* Available at: http://ozs.mofcom.gov.cn/article/zojmgx/date/202003/20200302941074.shtml (accessed 18.09.2020). (In Chin.).

Stratfor. Turkey's Geographic Challenge. (2013). Available at: https://worldview.stratfor.com/article/turkeys-geographic-challenge (accessed 20.09.2020).

The average price of steel imports and exports in China in June was inverted. In: *Website "One belt, One road"*. Available at: https://www.yidaiyilu.gov.cn/xwzx/gnxw/141335.htm (accessed 01.09.2020). (In Chin.).

The Bank of China approved the work in Turkey. In: *Xinhua Silk Road.* Available at: https://www.imsilkroad.com/news/p/680.html (accessed 04.09.2020). (In Chine).

The signing ceremony of the contract by the company "Hotels of Wanda Vista" took place. Available at: http://www.wanda.cn/2017/2017latest_0524/35889.html (accessed 19.09.2020). (In Chin.).

The volume of investments in the "One Belt, One Road" project in the next ten years may amount to 1.6 trillion yuan. In: *Huanqiunet.* Available at: https://finance.huanqiu.com/article/9CaKrnJNPQf (accessed 23.09.2020). (In Chin.).

TSCPRC — Action plan on the Belt and Road Initiative. (2015). In: *The State Council of the People's Republic of China.* Available at: http://english.gov.cn/beltAndRoad (accessed 05.09.2020).

Wang Yun., Umut Ergunsu, Luo Yang. (2015). Strategic cooperation between China and Turkey within the framework of the "One Belt, One Road" initiative. *West Asia and Africa, 6:* 70—86. (In Chin.).

Wei Min. (2017). Opportunities and challenges of Sino-Turkish cooperation in the field of potential in the framework of the initiative "One belt, one road". In: *The Modern world.* 54—57. DOI: 10.19422/j.cnki.ddsj.2017.08.013. (In Chin.).

Wei Min. (2017). Risks and measures to counteract the Sino-Turkish International Cooperation in the field of Potential against the background of "One Belt, One Road". *International Economic Cooperation, 5:* 14—19. (In Chin.).

Xi Jinping's speech at the Opening Ceremony of the Forum of International Cooperation "One Belt, One Road". In: *Xinhuanet.* Available at: http://www.xinhuanet.com/2017-05/14/c_1120969677.htm (accessed 02.09.2020). (In Chin.).

Xu Ying. *Turkish officials talk about the new Silk Road: first of all, it is necessary to build a railway network.* Available at: http://finance.sina.com.cn/360desktop/world/yzjj/20141201/114120965000.shtml (accessed 17.09.2020). (In Chine).

Zan Tao. *Perception of Turkey by the Chinese in our time.* Available at: https://xw.qq.com/cmsid/20201225a09klz00 (accessed 21.09.2020). (In Chin.).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Татарникова А. И. Противоэпидемические мероприятия органов городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков / А. И. Татарникова // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 452—468. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-452-468.

Tatarnikova, A. I. (2021). Anti-epidemic Measures of Municipal Authorities in Western Siberia in Late XIX — Early XX Centuries. *Nauchnyi dialog, 3:* 452-468. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-452-468. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCO

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-452-468

Противоэпидемические мероприятия органов городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков

Татарникова Анна Ивановна
orcid.org/0000-0002-0854-4956
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
tatob777@yandex.ru

федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Тобольская комплексная научная
станция Уральского отделения
Российской академии наук

(Тобольск, Россия)

Anti-epidemic Measures of Municipal Authorities in Western Siberia in Late XIX — Early XX Centuries

Anna I. Tatarnikova
orcid.org/0000-0002-0854-4956
PhD in History, Senior Researcher
tatob777@yandex.ru

Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

(Tobolsk, Russia)

© Татарникова А. И., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются события в конце XIX — начале XX веков в Западной Сибири, где население пережило несколько эпидемий холеры, сыпного и брюшного тифа, кори и других инфекционных заболеваний. Отмечается, что печальным итогом вспышки многих инфекций являлась высокая эпидемическая смертность населения. Изучается деятельность органов городского самоуправления по профилактике распространения повальных болезней и борьбе с ними, по предотвращению высокой летальности среди заболевших. Анализируются предпринимаемые местными властями противоэпидемические меры: увеличение расходов на городское благоустройство; издание обязательных санитарных постановлений; создание врачебно-санитарных исполнительных комиссий; разделение территории города на участки и закрепление за ними санитарных попечителей; устройство бактериологических лабораторий, заразных бараков и дезинфекционных камер; санитарное просвещение населения. Делается вывод о позитивных изменениях в профилактике и лечении ряда инфекционных заболеваний, организации санитарного надзора за состоянием источников водоснабжения, мест продажи продуктов питания, содержанием помойных и выгребных ям, сваливанием нечистот на строго отведенные для этого территории. При этом обращается внимание на сохранение высокой эпидемической смертности (особенно младенческой) вследствие низкого уровня жизни большинства горожан, недостаточного питания, слабого развития гигиенических навыков, неосведомленности о причинах и способах лечения болезней.

Ключевые слова:
история России; история Сибири; противоэпидемиологические мероприятия; городское самоуправление; городское и земское здравоохранение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The events in the late XIX — early XX centuries in Western Siberia, where the population survived several epidemics of cholera, typhus and typhoid fever, measles and other infectious diseases, are considered. It is noted that the sad result of the outbreak of many infections was the high epidemic mortality of the population. The activity of municipal authorities on the prevention and control of the spread of widespread diseases, the prevention of high mortality among the sick is being studied. The anti-epidemic measures taken by local authorities are analyzed: an increase in expenditures for urban improvement; the publication of mandatory sanitary regulations; creation of medical and sanitary executive commissions; division of the city territory into sections and assignment of sanitary guardians to them; arrangement of bacteriological laboratories, infectious barracks and disinfection chambers; health education of the population. The conclusion is made about positive changes in the prevention and treatment of a number of infectious diseases, the organization of sanitary supervision over the state of water supply sources, places of sale of food, the maintenance of garbage and cesspools, the dumping of sewage on strictly designated areas. At the same time, attention is drawn to the persistence of high epidemic mortality (especially infant mortality) due to the low standard of living of most of the townspeople, malnutrition, poor development of hygiene skills, lack of awareness of the causes and methods of treating diseases.

Key words:
history of Russia; history of Siberia; anti-epidemiological measures; city government; urban and rural health care.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 614.2(571.1)“189/191”

Противоэпидемические мероприятия органов городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков

© Татарникова А. И., 2021

1. Введение

Одной из самых серьезных проблем, стоящих перед мировым сообществом на современном этапе его развития, является распространение новой коронавирусной инфекции, приобретшей характер пандемии. Вспышки инфекционных заболеваний, принимавших масштабный или локальный характер, сопровождали человечество на протяжении всей истории его существования. Население России, как и других стран, неоднократно сталкивалось с эпидемиями оспы, чумы, холеры, кори, различных форм тифа и других острых заразных инфекций, уносивших тысячи человеческих жизней. Сформировавшиеся в условиях частых эпидемий индивидуальные стратегии выживания, а также административные практики, выработанные центральными и местными властями в ходе борьбы с той или иной «заразой», легли в основу противоэпидемических мероприятий, направленных на прекращение заболевания. Изучение накопленного многовекового опыта противостояния различным инфекциям позволит определить эффективные способы борьбы с их распространением и негативными последствиями.

Исследование различных аспектов деятельности органов городского самоуправления по профилактике и борьбе с распространением инфекционных заболеваний населения в Российской империи и ее отдельных регионах не приобрело широкого масштаба.

Работы ученых дореволюционного периода носят преимущественно описательный характер: изучаются причины, симптомы и последствия инфекционных заболеваний [Гезер, 1867; Гамалея, 1905; Эрисман, 1893]. В трудах представителей томской медицины: А. И. Судакова, А. А. Грацианова, К. М. Гречищева — инфекционные заболевания рассматриваются как одна из распространенных причин смертности населения, особенно младенческой [Грацианов, 1903; Гречищев, 1912, с. 64—71; Судаков, 1894].

В историографии советского периода, в работах Г. А. Бейлихиса, Г. М. Вайдраха, А. Н. Сысина, З. П. Соловьева, отмечаются необеспеченность регионов медицинскими кадрами, неспособность местных администраций эффективно решать проблемы сохранения здоровья населения, определяется личный вклад врачей в дело борьбы с «заразой» [Бейлихис,

CC BY

1957; Вайдрах, 1959; Сысин, 1922, с. 263—266; Соловьев, 1932]. В исследовании Н. П. Федотова и Г. И. Мендриной на материалах сибирских архивов описано появление и течение инфекционных заболеваний, охарактеризована роль органов местного самоуправления в развитии медицинской помощи населению [Федотов и др., 1975].

К фундаментальным научным трудам постсоветского периода относятся работы И. Г. Васильева, Т. С. Сорокиной, В. О. Самойлова [Васильев, 2001; Самойлов, 1997; Сорокина, 1994], в которых анализируется опыт борьбы с различными инфекциями, приводится богатый фактологический материал по влиянию эпидемий на привычный уклад жизни людей.

В публикациях сибирских историков: В. А. Зверева, О. В. Чудакова, Э. Е. Шумиловой, А. Б. Храмцова — исследуются жизнесохранительное поведение отдельных социальных групп в период эпидемий, действия местных органов власти по санитарному просвещению населения, осуществлению санитарного надзора, профилактике вспышек острозаразных инфекций [Зверев, 1998; Храмцов, 2019, с. 1292—1300; Чудаков, 2012, с. 17—20; Шумилова, 2016, с. 24—30].

В целом в историографии проделана большая работа по изучению истории борьбы с эпидемиями в России и на ее отдельных территориях. Однако остаются слабо изученными вопросы, касающиеся организации и проведения противоэпидемических мероприятий органами местного самоуправления, взаимодействия власти с общественными организациями и активной частью населения, оценки эффективности действий органов власти в этой сфере.

Объектом настоящего исследования выступают массовые эпидемии конца XIX — начала XX веков, предметом — действия органов местного самоуправления по профилактике и борьбе с «повальными болезнями» среди городского населения Западной Сибири.

Цель работы — рассмотреть комплекс противоэпидемических мероприятий, проводимых органами местной власти в городах Западносибирского региона на рубеже XIX—XX веков, оценить их эффективность в снижении негативных последствий острых инфекционных заболеваний.

Основой источниковой базы исследования стали циркуляры и инструкции министерства внутренних дел (МВД), определяющие действия органов общественного самоуправления по предупреждению инфекционных заболеваний и борьбе с ними; отчеты медицинского департамента МВД о заболеваемости и смертности населения от разных инфекций; ключевые положения «Врачебного устава» (1857 и 1892) о принятии мер, препятствующих распространению «повальных болезней». При написании работы также были задействованы постановления городских органов са-

CC BY

моуправления о мерах по улучшению санитарной обстановки, предупреждению заноса острозаразных инфекций и преодолению их последствий; врачебные отчеты по городам Западной Сибири за 1880—1916 годы; обзоры губерний, содержащих сведения об эпидемиях и предпринимаемых на местах шагах по их преодолению.

Индикатором, позволяющим проследить отношение городской общественности к действиям местных властей по борьбе с распространением эпидемий, является периодическая печать. В изданиях конца XIX — начала XX веков («Тобольские губернские ведомости», «Томские губернские ведомости», «Сибирский врач», «Сибирская врачебная газета» и др.) отразилась повседневная жизнь горожан в условиях свирепствовавших инфекционных заболеваний, а также взаимодействие органов местного самоуправления с населением по вопросам предупреждения новых вспышек «заразы» и стратегий поведения во время эпидемий.

Методологическую основу работы составили идеи теории модернизации, согласно которым на рубеже XIX—XX веков происходили социокультурные трансформации, связанные с переходом от традиционного к индустриальному обществу и сопровождавшиеся изменениями в общественном сознании, ценностно-смысловых установках и поведенческих практиках.

2. Санитарно-эпидемиологическая обстановка в городах Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков

Одной из распространенных причин высокой смертности населения в Российской империи на протяжении многих веков были инфекционные заболевания. Свирепствовавшие эпидемии оспы, холеры, дизентерии, брюшного и сыпного тифа, гриппа, кори, чумы ежегодно уносили жизни десятков тысяч человек. Большие людские потери во время вспышек острозаразных инфекций несли не только густонаселенные губернии европейской части страны, но и ее окраинные территории. Слабая эффективность системы управления, низкий уровень транспортной доступности, отсутствие развитой медицины, а также нищета, невежество, антисанитарные условия жизни населения, национальные и культурные традиции ведения быта аборигенными народами накладывали свой отпечаток на эпидемиологическую обстановку в периферийных регионах.

Не обошли стороной «повальные болезни» и Западную Сибирь, остававшуюся до 1890-х годов одной из слабоосвоенных окраин Российской империи. В разные годы здесь наблюдались крупные вспышки холеры, брюшного и сыпного тифа, скарлатины, оспы, дизентерии и других инфекций.

CC BY

Отсутствие возможности получить доступную медицинскую помощь, консервативные установки населения в отношении способов лечения «поветрий», несоблюдение элементарных правил гигиены, плохое питание и другие факторы провоцировали частые вспышки острозаразных инфекций, заканчивающихся для многих людей летальным исходом. Так, в 1887—1890 годах из 100 тыс. жителей Тобольской губернии от дифтерита умирали 16,5 человек; дизентерии — 14,5; оспы — 12,6; скарлатины — 7,8; брюшного тифа — 7,5. В Томской губернии в аналогичное время показатели эпидемической смертности были еще выше. Наибольшее число жизней уносила оспа. На 100 тыс. населения показатель смертности от названной инфекции составлял 28,4 чел., дизентерии — 17,8; брюшного тифа — 15,4; скарлатины — 11,7; кори — 11,4 [Отчет …, 1889—1892].

Негативное влияние на возникновение и продолжительность эпидемических заболеваний оказывал дефицит медицинских кадров. К 1914 году в Сибири один врач приходился на 10 200 жителей, в то время как в целом по стране — на 5140. В сибирских городах один врач обслуживал 1760 человек, в российских городах в среднем — около 1200. В сельской местности нагрузка на врачей была гораздо выше. В Сибири на одного врача приходилось 23 000 селян, в то время как в империи в целом — 7500 [Глушков, 2011, с. 347].

Ключевое значение в появлении острых заразных инфекций имело санитарное состояние населенных пунктов, большинство из которых отличалось низким уровнем благоустройства, загрязненностью нечистотами, отсутствием канализации, некачественным водоснабжением и т. п.

Антисанитария в сибирских городах и селениях неоднократно отмечалась в отчетах различных ведомств, записках путешественников, местной периодической печати. К примеру, в отчете врачебной управы Томской губернии за 1882 год указывалось, что «непременной принадлежностью» местных городов являлись «непроходимая грязь, кучи навоза, валяющиеся местами дохлые кошки и собаки, разливающаяся по улицам вонючая жидкость, выкачанная из погребов и помойных ям» [Обзор …, 1883, с. 51]. Города Тобольской губернии также не отличались чистотой. Свою лепту в неприглядную картину санитарного состояния городов вносило их природно-географическое положение. Так, губернский Тобольск, расположенный преимущественно на болотистой низине, испытывал ежегодные весенние и осенние поднятия вод р. Иртыш, что становилось причиной наводнений и увеличивало болотные испарения. По замечанию губернатора А. С. Сологуба, это порождало тиф, лихорадки, дизентерию и другие болезни, принимавшие эпидемический характер [Тобольские …, 1893, 10 марта].

В 1900-е годы наметился рост западносибирских городов. Он происходил в основном за счет притока неимущего населения, оседавшего на

CC BY

окраинах, вблизи действовавших фабрик и заводов. Жилища этой части горожан отличались неблагоустроенностью, были лишены элементарных санитарных удобств. Неудивительно, что именно городские окраины становились рассадниками различных инфекций.

В обстановке царившей в городах антисанитарии, загрязнения источников водоснабжения навозом и различными нечистотами, длительного отсутствия водопровода и канализации, плохих жилищно-бытовых условий, гигиенической безграмотности основной массы горожан вспышки острых инфекционных заболеваний часто приобретали эпидемиологический характер.

Пришедшийся на 1890—1910-е годы массовый наплыв переселенцев, усиление внутрирегиональных миграционных процессов усугубляли и без того неблагополучную санитарно-эпидемиологическую ситуацию. Тяжелые условия переселения, организационные просчеты властей, приводившие к скоплению значительного количества выходцев из европейской части страны в крупных транзитных пунктах (Тюмень, Омск, Новониколаевск), труднодоступность получения медицинской помощи в случае болезни, плохое питание способствовали появлению многочисленных инфекций.

Разносчиками инфекций были также арестанты, этапированные в регион к местам отбывания наказания. К примеру, в Омске в 1885 году после прибытия парохода «Звезда» с партией арестантов стала распространяться холера, поскольку часть осужденных оказалась больна этой «поветрей». В Томске первые случаи заболевания холерой в 1892 году также были зафиксированы среди арестантов, находившихся на приехавшей из Тюмени барже с пароходом «Галкин-Врасский». В последующие две-три недели острозаразная болезнь распространилась среди томичей и жителей губернии. В 1907 году холера была занесена в регион переселенцами, прибывшими по железной дороге.

В годы Первой мировой войны распространению инфекционных заболеваний способствовали беженцы и военнопленные, размещавшиеся преимущественно в городах. Так, в 1914 году в Новониколаевске городским властям пришлось принимать срочные меры по локализации эпидемии тифа, вспыхнувшей вскоре после прибытия пленных. Из 19 903 военнопленных, находившихся в городе с сентября 1914 по июль 1915 года, названной инфекцией заболело 5328 человек, 2036 из них скончалось [Еремин, 2007, с. 260].

Распространение острозаразных болезней влекло за собой не только увеличение смертности, но и ухудшение благосостояния населения, замедление темпов развития экономики. В этой связи вопросы профилактики и борьбы с повальными болезнями приобретали особую актуальность и требовали от городских органов власти единых согласованных и эффективных действий.

CC BY

3. Действия органов городского самоуправления по предупреждению и борьбе с эпидемическими заболеваниями

Расширение возможностей городских самоуправлений по решению вопросов местного хозяйства и благоустройства вверенных им территорий связано с введением Городовых положений 1870 и 1892 годов.

Перечисленные законы возлагали на органы городского общественного управления попечение и надзор за внешним благоустройством: состоянием улиц, площадей, мостовых, тротуаров, водопроводов, сточных труб, прудов, канав, мостов и пр. Также к предметам ведомства органов городской власти были отнесены вопросы, касающиеся благосостояния населения: устройство рынков, базаров; обеспечение народного продовольствия; содействие развитию образования; забота об охранении народного здравия, в том числе принятие мер против распространения повальных болезней [Высочайше …, 1892; Новое …, 1871].

Спустя два года после принятия Городового положения 1870 года в большинстве городов Западной Сибири органами самоуправления были разработаны и приняты «обязательные постановления для местных жителей по улучшению санитарной части». В последующие годы эти постановления дополнялись отдельными статьями, подвергались незначительной корректировке с учетом происходивших изменений в жизни городских поселений. В целом в разных городах региона обязательные санитарные постановления издавались в 1872, 1879, 1890, 1901, 1912, 1914, 1916 годах [Обязательные …, 1890; РГИА, ф. 1287, оп. 40, д. 1287, 1223, л. 21—62; Врачебно-санитарная …, 1916, январь-февраль].

Несмотря на то, что указанные нормативно-правовые акты не содержали перечня мер, направленных непосредственно на борьбу с эпидемиями и их последствиями, они включали требования санитарного характера, призванные обеспечить нормальные условия жизнедеятельности горожан, минимизировать негативное влияние антисанитарной обстановки на здоровье населения. Постановления предписывали жителям содержать в чистоте придомовую территорию, не допускать скопления навоза и других нечистот, своевременно очищать помойные и выгребные ямы, вывозить их только на отведенные для свалки места. Горожанам запрещалось загрязнять источники водоснабжения, производить забой скота в жилых дворах, хранить сырые шкуры животных у себя дома. Обязательные постановления распространялись не только на население, но и на промышленные, торговые заведения городов, скотобойни, общественные бани, цирюльни и другие учреждения инфраструктуры.

В своих обязательных постановлениях думы имели право устанавливать сроки для очистки дворов, устройства и наведения чистоты на городских улицах, в промышленных и торговых заведениях.

CC BY

За нарушение санитарных правил предусматривалось взыскание в виде денежного штрафа, размер которого зависел от тяжести совершенного правонарушения. В 1864—1903 годах штраф для физических лиц составлял от 1 до 15 руб. [РГИА, ф. 1287, оп. 40, д. 1223, л. 22 об.].

Следить за соблюдением принятых обязательных постановлений должны были представители полиции. Однако на практике санитарные требования местных властей повсеместно игнорировались, а полиция бездействовала. Пренебрежительное отношение к предписаниям городских управ было обусловлено бытовавшими традиционными представлениями о способах ведения хозяйства, несформированностью необходимых культурно-гигиенических навыков поведения у подавляющего большинства горожан.

Существенное влияние на уровень развития муниципального хозяйства оказывала низкая обеспеченность городов финансами. Несмотря на увеличение в 1900-е годы расходов на медико-санитарное дело, выделяемых средств было явно недостаточно для решения всех вопросов, связанных с городским благоустройством и здравоохранением.

По данным Л. А. Ереминой, к 1913 году расходы на медицинскую, ветеринарную и санитарную части в крупных и средних городах Западной Сибири составляли от 10 до 15 % бюджетных средств, в малых — 4—6 %. Они включали содержание местных лечебных заведений, обслуживающего персонала, ветеринарной службы, а также затраты на санитарные мероприятия, в том числе противоэпидемические. В отдельные годы вспышки острых инфекционных заболеваний вынуждали органы городской власти увеличивать ассигнование врачебно-санитарной части в несколько раз, что нередко приводило к перерасходу и дефициту бюджетов [Еремина, 2005, с. 83].

Скудное финансирование статей, связанных с благоустройством городских территорий, снижало эффективность действий органов самоуправления по организации противоэпидемических мероприятий. Наиболее ярко это проявилось во время эпидемии холеры 1892 года, когда местным властям пришлось в максимально сжатые сроки произвести очистку улиц и площадей, источников водоснабжения, организовать уборку дворов горожанами, а также дезинфекцию помещений и вывоз нечистот.

Стремясь избежать большого числа жертв, органы самоуправления, проводя профилактические мероприятия, приказывали жителям под угрозой наказания произвести порядок во дворах, вывезти на городские отвалы нечистоты. С этой целью, как правило, власти крупных городов выделяли деньги на закупку дезинфицирующих средств, увеличение городского ассенизационного обоза. Примечательно, что специальный перевозочный транспорт, вывозивший фекальные нечистоты, существовал далеко не везде. В малых городах чаще всего ассенизацией занимались частные лица,

CC BY

средства из местных бюджетов на эти нужды не выделялись. В Новониколаевске, например, городская управа приняла решение об организации обоза лишь в 1910—1911 годах, после вспышки очередной «заразы».

Несмотря на проводимые в ожидании той или иной эпидемии мероприятия, местные власти и горожане зачастую оказывались неподготовленными к борьбе с «поветрей». Это наглядно показала эпидемия холеры 1892 года, унесшая в Западной Сибири жизни десятков тысяч людей.

Организация мероприятий по борьбе с холерой и другими инфекциями не отличалась планомерностью и носила преимущественно стихийный характер. Органы городского общественного управления экстренно открывали временные больницы, строили «заразные» бараки для размещения заболевших. В таких крупных городах, как Томск, Омск, Барнаул, Новониколаевск, Тюмень, власти выделяли средства из бюджета на проведение дезинфекции не только в общественных учреждениях, но и в домах малоимущих жителей. Последним услуга оказывалась бесплатно.

Преимущественно за счет городских средств осуществлялась дезинфекция колодцев, клозетов при общественных учреждениях, мест стирки белья и массового купания. В качестве дезинфицирующих средств использовались карболовая кислота, сулема, хлорная известь, формалин, креолин, лизол.

В ожидании эпидемии местные власти создавали запас медикаментов и дезинфицирующих средств, выделяли и готовили помещения для обсервации «подозрительных». В качестве дополнительной меры по недопущению развития «заразы» устанавливались посты санитарного досмотра поездов и речных судов, которые выявляли среди пассажиров лиц с признаками инфекции, отправляя их на лечение в больницы. Органы городского самоуправления активизировали свою работу по уничтожению грызунов (крыс, мышей и т. п.) с целью профилактики чумы и тифа.

Для очистки городских улиц и дворов, помойных и выгребных ям от нечистот, проверки состояния источников водоснабжения, ревизии промышленных и торговых заведений создавались особые санитарные комиссии, санитарно-эпидемические отряды, а города делились на санитарные участки, каждый из которых находился под наблюдением попечителей. Представители санитарных комиссий совершали обход жилых дворов, осматривая их на предмет соблюдения санитарных норм.

Масштабы загрязнения дворов впечатляли. К примеру, в Томске во время холерной эпидемии 1892 года, в период с 18 сентября по 12 октября, санитарной комиссией и городовым врачом было осмотрено 89 дворов в центре города. 60 из них оказались неочищенными от нечистот. У девяти домовладельцев скопилось столько грязи и отходов, что комиссия была вы-

CC BY

нуждена составить акты и наложить штрафы на нерадивых хозяев [ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 2304, л. 4—4 об.].

Проблема противодействия эпидемиям не теряла своей остроты и после 1892 года. В разные годы в западносибирских городах происходили вспышки оспы, брюшного, сыпного и возвратного тифа, кори, скарлатины, дизентерии и пр.

В начале XX века органы самоуправления активизировали свою деятельность по благоустройству городов, противодействию развитию заразных болезней среди жителей. Для предотвращения распространения инфекций в 1910-е годы управами Томска, Новониколаевска, Омска были закуплены дезинфекционные камеры. Средняя стоимость одной камеры составляла около 3500 рублей [Сибирская …, 1910, 14 февраля]. Дефицит городского бюджета заставлял местные власти ходатайствовать перед правительственными учреждениями о выделении ссуд и займов. Так, в 1911 году Томская городская дума приняла решение возбудить ходатайство о выделении городу из казны ссуды в размере 50 000 руб. на проведение противочумных мероприятий [Известия …, 1911, январь, с. 33].

В Тобольске, Томске, Тюмени, Омске были устроены водопроводы. Хорошее качество водопроводной воды способствовало снижению случаев заболевания различными видами тифа, холерой. В 1911 году томский санитарный врач К. М. Гречищев отмечал: «Водопровод резко оборвал в Томске брюшной тиф, доведя его с 715 случаев в 1904 г. до 13-ти в 1909 г.» [Известия …, 1911, 12—25 октября, с. 27].

В 1890-е годы в целях исследования качества питьевой воды в крупных городах открываются бактериологические лаборатории, на базе которых начинается производство противодифтерийной сыворотки. К началу Первой мировой войны жители Омска, Томска, Новониколаевска и ряда других городов могли сделать прививку от оспы, дифтерии, скарлатины, холеры. Тем не менее значительная часть горожан оставалась непривитой.

Анализ материалов местной периодической печати свидетельствует об активизации работы городских управ по санитарному просвещению населения. В «Губернских ведомостях» и других газетах все чаще публиковались статьи и заметки о способах профилактики и борьбы с различными «поветрями», средствах дезинфекции, важности соблюдения требований гигиены для предотвращения болезни.

Выделялись средства на массовое тиражирование листовок, содержащих рекомендации по предотвращению заразных болезней. Для разработки «наставлений на случай повальной болезни» городские самоуправления руководствовались соответствующими циркулярами Министерства внутренних дел, привлекали санитарных и городовых врачей, анализировали опыт

CC BY

борьбы с инфекцией в других губерниях страны. Санитарно-просветительская работа с горожанами в период эпидемий включала также организацию народных гигиенических чтений [Сибирская …, 1910, 17 октября].

Положительные сдвиги в борьбе с эпидемиями в городах Западной Сибири нашли проявление в увеличении численности врачебного персонала, открытии на постоянной или временной основе специализированных учреждений для лечения «заразных» больных, налаживании сотрудничества с общественными организациями и инициативными представителями городского населения в деле профилактики «поветрей» и т. п.

Наметившаяся в 1900-е годы позитивная динамика в работе органов городской власти по противодействию распространению острозаразных инфекций была прервана начавшейся Первой мировой войной и последовавшими за ней политическими и социально-экономическими катаклизмами в стране. События 1914—1918 годов дестабилизировали жизнь общества, что отрицательно сказалось не только на благосостоянии, но и на здоровье населения, распространении инфекционных заболеваний и эпидемиологической смертности.

4. Заключение

Период конца XIX — начала XX веков отмечен усилением внимания органов городского самоуправления Западной Сибири к проблеме борьбы с распространением эпидемий, снижения высокого уровня эпидемической смертности населения.

Местные управы в условиях роста городов и числа их жителей, расширения селитебной площади и усложнения социальной инфраструктуры столкнулись с необходимостью оперативного решения вопросов антисанитарного состояния вверенных им для управления территорий, принятия мер по повышению доступности медицинской помощи горожанам, усиления административного надзора за соблюдением существующих санитарных требований.

Организация и проведение противоэпидемических мероприятий потребовали от городских управ совершенствования местной нормативно-правовой базы в сфере благоустройства городов, обеспечения санитарного порядка, а также увеличения расходов на эти цели.

В сотрудничестве с полицией, врачебным персоналом, общественными организациями, инициативными горожанами органы самоуправления принимали меры по санитарной очистке городских территорий, осмотру прибывающих в города партий арестантов, ссыльных, переселенцев и других лиц, надзору за соблюдением обязательных санитарных постановлений.

Для оперативного противодействия распространению «заразительных» болезней среди населения создавались врачебно-санитарные испол-

CC BY

нительные комиссии, которые должны были обеспечивать согласованные действия органов власти, учреждений, предприятий и жителей города в решении вопросов дезинфекции, вывоза нечистот, наведения порядка во дворах, жилищах.

Достаточно эффективной мерой по борьбе с эпидемиями стало применение органами самоуправления практики разделения территории города на участки и закрепления за ними санитарных попечителей. Последние совершали осмотры дворов горожан, территорий промышленных и торговых заведений, источников водоснабжения, помойных и выгребных ям, составляя в случае серьезных нарушений санитарных постановлений протоколы на нерадивых хозяев, которым грозил штраф.

Частые вспышки эпидемий и высокий уровень заболеваемости населения заставили власти крупных городов Западной Сибири потратиться на устройство бактериологических лабораторий и «заразных» бараков, приобретение дезинфекционных камер, введение должности городского санитарного врача, увеличение городского ассенизационного обоза, проведение водопровода и пр.

В ожидании эпидемии органы самоуправления осуществляли закупку дезинфицирующих средств, старались обеспечить необходимый запас медикаментов в городских больницах и аптеках, произвести очистку улиц, тротуаров, сточных канав, оврагов, берегов рек и т. п.

В рассматриваемый период активизировалась деятельность городских управ по санитарному просвещению населения, разъяснению через листовки, брошюры, местные газеты, организацию общественных гигиенических чтений, лекториев мер по профилактике и борьбе с инфекционными болезнями.

Тем не менее, несмотря на перечисленные позитивные изменения в решении проблемы борьбы с эпидемиями, действия органов городского самоуправления зачастую носили краткосрочный характер. Принимаемые ими противоэпидемические меры были ответом на очередную вспышку инфекции, по окончании которой все мероприятия сворачивались. Это объяснялось дефицитом финансовых средств, проблемами в координации действий правительственных учреждений, губернской администрации и органов городской власти по борьбе с заразными болезнями.

Немаловажную роль в слабой эффективности предпринимаемых противоэпидемических усилий городских управ играли низкий уровень жизни подавляющей массы горожан, недостаточное питание, плохие жилищно-бытовые условия, несформированность необходимых культурно-гигиенических навыков поведения. Это способствовало сохранению высокой эпидемической смертности населения, особенно в младенческом возрасте.

CC BY

Наплыв беженцев и военнопленных в регион в годы Первой мировой войны серьезно усугубил санитарную обстановку в регионе.

Дефицит медицинских кадров, недостаток финансовых средств, дезорганизация деятельности санитарных комиссий, переустройство «заразных» бараков под помещения для размещения беженцев и военнопленных свели на нет все «благие порывы» по благоустройству городов в части наведения санитарного порядка. Это привело к развитию эпидемий холеры, сыпного и возвратного тифов, натуральной оспы, дизентерии и других инфекций, очагами которых становились в первую очередь крупные транзитные города Западной Сибири.

Источники и принятые сокращения

1. *Врачебно-санитарная* хроника г. Томска. — 1916. — Январь-февраль.

2. *Высочайше* утвержденное 11-го июля 1892 года Городовое положение. — Санкт-Петербург : Тип. МВД, 1892. — 80 с.

3. ГАТО — *Государственный* архив Томской области. Ф. 3 (Томское губернское управление, 1822—1917). Оп. 2. Д. 2304. Л. 4—4 об.

4. *Известия* Томского городского общественного управления — 1911. — Январь ; 12—25 октября.

5. *Новое* городовое положение, выс. утв. 16-го июня 1870 г., с приведением из Свода законов статей, на которые сделаны указания. — Москва : Тип. Бахметева, 1871. — 216 с.

6. *Обзор* Томской губернии за 1882 г. — Томск : Губ. тип., 1883. — 68 с.

7. *Обязательные* постановления Тобольской городской управы для местных жителей г. Тобольска. — Тобольск : Тип. Тобольского губ. прав., 1890. — 12 с.

8. *Отчет* Медицинского департамента МВД за … [1889—1892 гг.]. — Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутр. дел, 1891—1896.

9. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД, 1797—1917). Оп. 40. Д. 1223. Л. 22 об. ; Д. 1223. Л. 21—62.

10. *Сибирская* врачебная газета. — 1910. — 14 февраля ; 17 октября.

11. *Тобольские* губернские ведомости. — 1893. — 10 марта.

12. *Устав* врачебный // Свод законов Российской империи. — Санкт-Петербург : Тип. Второго Отделения Е. И. В. Канцелярии, 1857. — Т. 13. — Тетр. 3. — 996 с.

Литература

1. *Бейлихис Г. А.* Из истории борьбы за санитарную охрану труда в царской России / Г. А. Бейлихис. — Москва : Медгиз, 1957. — 194 с.

2. *Вайдрах Г. М.* Подвиги русских врачей : Из истории борьбы с заразными болезнями / Г. М. Вайдрах. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 167 с.

3. *Васильев И. Г.* История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии / И. Г. Васильев. — Москва : Медицина, 2001. — 254 с. — ISBN 5-225-04452-2.

4. *Гамалея Н. Ф.* Холера и борьба с нею / Н. Ф. Гамалея. — Одесса : Типография Южно-русского общества печатного дела, 1905. — 124 с.

5. *Гезер Г.* История повальных болезней / Г. Гезер. — Санкт-Петербург : Медицинский департамент Министерства внутренних дел, 1867. — 430 с.

6. *Глушков С. Е.* Преобразование системы здравоохранения и снижение смертности населения в Западной Сибири конца XIX — начала XX вв. / С. Е. Глушков // Мир науки, культуры, образования. — 2011. — № 6 (31). — С. 336—349.

7. *Грацианов А. А.* Рождаемость и смертность в г. Томске с 1896—1902 г. / А. А. Грацианов // Сибирский вестник. — 1903. — № 189.

8. *Гречищев К. М.* Общественное здоровье / К. М. Гречищев // Город Томск. — Томск : Издание Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. — 348 с.

9. *Еремин И. А.* Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири / И. А. Еремин // Известия Томского политехнического университета. — 2007. — Т. 3—10. — № 1. — С. 259—263.

10. *Еремина Л. А.* Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков / Л. А. Еремина. — Бийск : Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2005. — 184 с.

11. *Зверев В. А.* Смертность сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России (конец XIX — начало XX в.) / В. А. Зверев // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории : сборник трудов. — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 1998. — С. 53—57.

12. *Самойлов В. О.* История российской медицины / В. О. Самойлов. — Москва : Эпидавр, 1997. — 197 с. — ISBN 5-7939-0001-2.

13. *Соловьев З. П.* Строительство советского здравоохранения / З. П. Соловьев. — Москва : Медгиз, 1932. — 333 с.

14. *Сорокина Т. С.* История медицины / Т. С. Сорокина. — Москва : ПАИМС, 1994. — 381 с. — ISBN 5-87664-033-6.

15. *Судаков А. И.* Холерная эпидемия в Томске летом 1892 года / А. И. Судаков. — Томск : Типо-лит. П. И. Макушина, 1894. — 135 с.

16. *Сысин А. Н.* Эпидемии в России в 1914—1922 гг. / А. Н. Сысин // Врачебная газета. — 1922. — № 1—11. — С. 263—266.

17. *Федотов Н. П.* Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири / Н. П. Федотов, Г. И. Мендрина. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1975. — 262 с.

18. *Храмцов А. Б.* Особенности становления и деятельности городского самоуправления в Новониколаевске (1895—1917) / А. Б. Храмцов // Былые годы. — 2019. — Т. 3. — № 53. — С. 1292—1300.

19. *Чудаков О. В.* Медико-санитарная деятельность органов городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны / О. В. Чудаков // Омский научный вестник. — 2012. — № 2 (106). — С. 17—20.

20. *Шумилова Э. Е.* Первая мировая война и уровень медицинского обслуживания населения в крупных городах Западной Сибири (1914—1917 гг.) / Э. Е. Шумилова // Вестник ТГУ. История. — 2016. — № 2 (40). — С. 24—30.

21. *Эрисман Ф. Ф.* Холера. Эпидемиология и профилактика с общественно-санитарной точки зрения / Ф. Ф. Эрисман. — Москва : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1893. — 201 с.

Material resources

GATO — *State Archive of the Tomsk region. F. 3 (Tomsk provincial administration, 1822—1917). Op. 2. D. 2304. L. 4—4 vol.* (In Russ.).

News of the Tomsk city public administration, January; 12—25 October. (1911). (In Russ.).

The new City Regulations, issued on June 16, 1870, with the citation of the articles referred to in the Code of Laws. (1871). Moscow: Tip. Bakhmeteva. 216 p. (In Russ.).

Mandatory resolutions of the Tobolsk City Council for local residents of Tobolsk. (1890). Tobolsk: Type. Tobolsk gubernia. Rights. 12 p. (In Russ.).
Medical and sanitary chronicle of Tomsk, January-February. (1916.). (In Russ.).
Medical regulations. (1857). *Code of Laws of the Russian Empire in 13 vol., (3).* Saint Petersburg: Type. The Second Department of the E. I. V. Chancellery. 996 p. (In Russ.).
Report of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs for ... [1889—1892]. (1891—1896). Saint Petersburg: Type. M-va internal affairs. (In Russ.).
RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 1287 (Economic Department of the Ministry of Internal Affairs, 1797—1917). Op. 40. D. 1223. L. 22 vol.; D. 1223. L. 21—62.* (In Russ.).
Review of the Tomsk province for 1882. (1883). Tomsk: Guberniya tip. 68 p. (In Russ.).
Siberian Medical newspaper, February 14; October 17. (1910). (In Russ.).
The City Regulations, which were approved by the Highest authority on 11 July. (1892). Saint Petersburg: Type. MVD. 80 p. (In Russ.).
Tobolsk provincial statement, 10 March. (1893). (In Russ.).

References

Beilikhis, G. A. (1957). *From the history of the struggle for sanitary labor protection in Tsarist Russia.* Moscow: Medgiz. 194 p. (In Russ.).
Chudakov, O. V. (2012). Medico-sanitary activity of municipal self-government bodies in Siberia during the First World War. *Omsk Scientific Bulletin, 2 (106):* 17—20. (In Russ.).
Eremin, I. A. (2007). Prisoners of war of the First World War in Western Siberia. *Proceedings of the Tomsk Polytechnic University, 3—10 (1):* 259—263. (In Russ.).
Eremina, L. A. (2005). *Urban self-government of Western Siberia at the end of the XIX — beginning of the XX centuries*. Biysk: Publishing house of Alt. state Technical University. un-ta. 184 p. (In Russ.).
Erisman, F. F. (1893). *Cholera. Epidemiology and prevention from the public-sanitary point of view.* Moscow: Tipo-lit. T-va I. N. Kushnerev and Co. 201 p. (In Russ.).
Fedotov, N. P., Mendrina, G. I. (1975). *Essays on the history of medicine and health care in Siberia.* Tomsk: Tomsk Publishing House. un-ta. 262 p. (In Russ.).
Gamaleya, N. F. (1905). *Cholera and the fight against it*. Odessa: Printing house of the South Russian Society of Printing 124 p. (In Russ.).
Gezer, G. (1867). *History of general diseases.* Saint Petersburg: Medical Department of the Ministry of Internal Affairs. 430 p. (In Russ.).
Glushkov, S. E. (2011). Transformation of the health care system and reduction of population mortality in Western Siberia of the late XIX — early XX centuries. *The world of science, culture, and education, 6 (31):* 336—349. (In Russ.).
Grazianov, A. A. (1903). Birth rate and mortality in Tomsk since 1896—1902. *Siberian Bulletin, 189.* (In Russ.).
Grechishchev, K. M. (1912). *Public health. City of Tomsk.* Tomsk: Publication of the Siberian Association of Printing Business in Tomsk. 348 p. (In Russ.).
Khramtsov, A. B. (2019). Features of the formation and activity of urban self-government in Novonikolaevsk (1895—1917). *Bylyye gody, 3 (53):* 1292—1300. (In Russ.).
Samoilov, V. O. (1997). *History of Russian Medicine.* Moscow: Epidaurus. 197 p. ISBN 5-7939-0001-2. (In Russ.).

Shumilova, E. E. (2016). The First World War and the level of medical care of the population in large cities of Western Siberia (1914—1917). *Bulletin of TSU. History, 2 (40):* 24—30. (In Russ.).

Solovev, Z. P. (1932). *Construction of Soviet healthcare.* Moscow: Medgiz. 333 p. (In Russ.).

Sorokina, T. S. (1994). *History of medicine.* Moscow: PAIMS. 381 p. ISBN 5-87664-033-6. (In Russ.).

Sudakov, A. I. (1894). *Cholera epidemic in Tomsk in the summer of 1892.* Tomsk: Typo-lit. P. I. Makushina. 135 p. (In Russ.).

Sysin, A. N. (1922). Epidemics in Russia in 1914—1922. *Medical Newspaper, 1—11:* 263—266. (In Russ.).

Vaidrach, G. M. (1959). *The exploits of Russian doctors: From the history of the fight against infectious diseases.* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 167 p. (In Russ.).

Vasiliev, I. G. (2001). *The history of epidemics and the fight against them in Russia in the XX century.* Moscow: Meditsina. 254 p. ISBN 5-225-04452-2. (In Russ.).

Zverev, V. A. (1998). Mortality of the Siberian population at the initial stage of the demographic transition in Russia (late XIX — early XX century). In: *Regional processes in Siberia in the context of Russian and world history: a collection of works.* Novosibirsk: Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 53—57. (In Russ.).

CC BY

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
Индексируется в Google Академия
Индексируется в Index Copernicus ICV 2018 = 100.00
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Импакт-фактор РИНЦ (пятилетний) 2018 = 0,362
Десятилетний индекс Хирша 2018 = 18
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книж-ную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издается с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© Иванова Анна Ивановна (2021), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос… Уделяется внимание… Представлены результаты сопоставительного анализа… Поднимается вопрос о… Особое внимание уделяется… Новизна исследования видится в том, что… Актуальность исследования обусловлена… Приводятся определения… Автор останавливается на… Доказано, что… Предлагается классификация… Выполнен обзор… Представлена авторская разработка… Описан опыт многолетней работы автора … и под.).*

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысло-

CC BY

вые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать изда-

CC BY

тельство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.

2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).

3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.

4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.

5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.

6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.

2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40— 45.

3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.

4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации … кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.

5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.

6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.

7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация …. кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.

8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.

9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.
10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : http:// www.anpi.it/militari/rodi.html.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала **http://www.nauka-dialog.ru/.** Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984.**

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Contents

Linguistics

Avdeenko, I. A. Content Analysis of Rock Poetry Texts when Describing the Semantics of the WAY and ROAD Symbols 9

Biyumena, A. A. Constructing Solidarity in Belarusian Press during the Soviet Period 26

Borodina, N. A. Figurative Means of Representing the Milky Way in Russian Fiction of XIX — Early XXI Centuries 42

Zaripov, R. I., Budaev, E. V. Metaphorical Image of Future of Russia in Context of Constitutional Reform of 2020 (French Media). 57

Kondratyeva, O. N., Ignatova, Yu. S. Strategies for the Mediatization of Legal Concepts in Russian Mass Media of XXI Century (Concept LEGITIMACY). 69

Nesterova O. B. AMERICA Concept as a Fragment of the Concept Sphere of Barack Obama's Linguistic Personality 86

Stepykin N. I. Experience in Modeling Associative Fields (Project "Multilingual Associative Thesaurus of Politeness"). 106

Timko, N. V. Modern Thesis Research of Linguoculturological Factors in the Theory and Practice of Translation: Approaches, Gaps, Prospects 121

Shchetinina, A. V. Lexicography of New Words with the Semantics of Unity and Enmity 139

Literary Studies. Journalism. Folklore

Volkova, I. I., Proskurnova, E. L., Tran Thi Thuy Dung. Prospects of News Television: Materials of In-Depth Interviews 157

Demchenko, P. N., Maltsev, I. V. Mediatization as a Factor in Increasing Interest in Modern Popular Science Media ("Science and Life" and "Popular Mechanics") 171

Dyakina, A. A. Publitsistika in Creative Work of I. A. Bunin 190

Kihney, L. G., Tulusheva, E. S. Onomastic Code in the Works of Dina Rubina "Napoleon Convoy" and "The White Dove of Cordoba". 206

Lvova S. D., Gerasimova, L. N. Experience of Developing a database of storytellers of the Yakut Epos 231

Pinkovsky, V. I. Lyrical Works of Elise Mercer: Toward a Typology of Poets of French Romanticism 244

Seibel, N. E., Shastina, E. M. Narrative Structure of Memories in Texts of F. Werfel and A. Okopenko 259

Filippovsky, G. Yu. A. S. Pushkin — N. A. Nekrasov: aspects of dialogical poetics 276

Khudenko, E. A., Glazinskaya, E. T. Otherworldly Space in Novel by Lyudmila Ulitskaya "Kukotsky Enigma". 291

CC BY

Historical sciences

Belousov, M. S, Belousov, A. S., Kuru, A. I. Creation of the Kingdom of Poland in Russian Press 309

Bessilin, N. A., Sanzharova, G. F. R. A. Maslov on Franco-Burgundian Relations in Second Half of the 15th Century 328

Valov, T. V. Impact of 1998 Economic Crisis on the Dynamics of Market Reforms and the Privatization Process in Russia (on the Example of St. Petersburg) 347

Dashieva N. B. Genealogical Myth of the Buryats of the Hori Tribe: Calendar and Ritual 363

Dvornichenko, A. Yu. "Lithuania" and "Russia" in the Reflection of Travelogues: from Karpini to Herberstein 380

Safin, F. G., Abramova, S. R., Ishemgulov, M. N. Ethnodemography of Bashkirs in Regions of Russia (1970—2010) 397

Stoletova, A. S. Soviet Trade in the 1960s — 1980s: Basic Principles and Their Distortion 416

Tao Jinghon, Kuzmin, V. A. Development of Chinese — Turkish Relations under "One Belt, One Road" Initiative 438

Tatarnikova, A. I. Anti-epidemic Measures of Municipal Authorities in Western Siberia in Late XIX — Early XX Centuries 452

TO AUTHORS 469

ПОДПИСКА

на журнал «Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 23.03.2021. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 27,76. Тираж 500 экз. Заказ 23/03-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2021

Свободная цена